АСТРОНАВТЫ В ЛОХМОТЬЯХ
ДЕРЕВЯННЫЕ КОСМОЛЕТЫ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

Астронавты в лохмотьях. Деревянные космолеты

Боб Шоу

Аннотация
Боб Шоу. Астронавты в лохмотьях
  Часть I. ПОЛУДЕННАЯ ТЕНЬ
    Глава 1
    Глава 2
    Глава 3
    Глава 4
    Глава 5
  Часть II. ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ ПОЛЕТ
    Глава 6
    Глава 7
    Глава 8
    Глава 9
    Глава 10
    Глава 11
    Глава 12
    Глава 13
    Глава 14
    Глава 15
  Часть III. ОБЛАСТЬ НЕВЕДОМОГО
    Глава 16

Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Боб Шоу. Деревянные космолеты
Часть I. ТЕНИ СГУЩАЮТСЯ
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Часть II. СТУДЕНАЯ АРЕНА
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Часть III. БЕСШУМНЫЕ ВТОРЖЕНИЯ
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17

Глава 18
Глава 19

Аннотация

Перед вами — один из оригинальнейших миров за всю историю существования жанра научной фантастики.

Здесь вокруг друг друга вращаются две планеты, соединенные общей атмосферой…

Здесь межпланетные путешествия совершаются НА ВОЗДУШНЫХ ШАРАХ, а главным оружием в межпланетной войне являются ЛУК и СТРЕЛЫ.

Здесь привычные нам вещи используются весьма НЕПРИВЫЧНЫМИ способами — и используются УДАЧНО!

Здесь происходит действие бесконечно увлекательной фантастической трилогии Боба Шоу!

Боб Шоу
Астронавты в лохмотьях

Часть I
ПОЛУДЕННАЯ ТЕНЬ
Глава 1

Толлер Маракайн, да и любой на берегу, видел, что воздушный корабль движется навстречу собственной гибели, но капитан его ничего не замечает.

— О чем там думает этот болван? — вырвалось у Толлера, хотя рядом никого не было.

Он прикрыл глаза ладонью от солнца. Перед ним открывался обычный для этих широт Мира вид: безупречно синее море, голубое небо в белых перышках облаков, а за ними — таинственная громада Верхнего Мира, планета-сестра. Она, как всегда, висела близ зенита, и диск ее обвивали, наслаиваясь, бинты облаков. На светлом небе утреннего дня горели звезды — множество звезд, а не только девять самых ярких из созвездия Дерева.

Дирижабль держал курс прямо к берегу, и его сине-серый баллон напоминал миниатюрную копию Верхнего Мира. Он плыл, подгоняемый бризом, экономя энергетические кристаллы.

Но при этом его капитан упустил из виду, что попутный ветер — совсем мелкий, глубиной не более трехсот футов, а выше, с Плато Хаффангер, навстречу кораблю надвигается холодный западный ветер. Толлеру эти противоположные потоки были видны как на ладони: столбы пара, поднимавшиеся по всему берегу над чанами, в которых восстанавливался пикон, лишь сначала отклонялись в сторону материка, а выше их сносило к морю. Полосы искусственного тумана перемежались со зловещими лентами облаков, плывущих с плато, и в них притаилась смерть.

Толлер достал из кармана коротенькую подзорную трубу, которую с детства таскал с собой, и посмотрел на облачные слои. Так и есть! Он сразу же заметил среди белых клубов несколько красно-фиолетовых пятнышек. Случайный наблюдатель мог бы не обратить на них внимания или принять за оптический обман, но для Толлера они только подтверждали его самые худшие опасения. Если уж ему сразу попалось на глаза несколько штук, значит, облако буквально кишит птертой, и сотни этих тварей подкрадываются сейчас к воздушному кораблю.

— Эй, кто-нибудь! — заорал он во всю глотку. — Тащите мигалку! Передайте этому идиоту, пусть

поворачивает или меняет высоту, пока… — От волнения потеряв дар речи, Толлер огляделся. Среди прямоугольных чанов и топливных баков суетились лишь полуголые кочегары да подметальщики, а все надсмотрщики и чиновники, судя по всему, попрятались от наступающей дневной жары под широкие крыши станции.

Он перевел взгляд на низкие, типичные для колкорронской архитектуры здания: благодаря стенам из оранжево-желтого кирпича с замысловатым ромбическим узором, облицованным по краям плитками красного известняка, корпуса станции немного смахивали на дремлющих на солнцепеке змей.

Но в узких вертикальных окнах Толлер не увидел ни одного служащего. Придерживая рукой меч, он побежал к конторе. Для представителя касты ученых он был необычайно высок и мускулист, и рабочие у пиконовых чанов поспешно убирались с дороги.

Толлер уже почти достиг цели, когда из дверей одноэтажного корпуса выскочил младший писарь Комдак Гурра с мигалкой в руках. Увидев вблизи Толлера, Гурра вздрогнул и попытался всучить аппарат ему, но тот отмахнулся.

— Передавай сам, — нетерпеливо бросил Тол-

лер, — раз он уже у тебя. Ну, чего ты ждешь? — На самом деле он был не в ладах с письмом и набирал бы сообщение битый час.

— Извини, Толлер. — Гурра навел солнечный зайчик на приближающийся дирижабль, и вскоре стеклянные пластинки мигалки застучали: писарь заработал клавишей.

От нетерпения Толлер приплясывал на месте, ожидая какой-нибудь реакции на посланное предупреждение, однако корабль, не подавая признаков жизни, упорно шел прежним курсом. Маракайн вновь взял подзорную трубу и с некоторым удивлением заметил на синей гондоле символы: перо и меч. Значит, корабль несет королевское послание, но с чего это король заинтересовался чуть ли не самой дальней из опытных станций магистра?

Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем Толлер разглядел наконец на передней палубе какую-то суету, и через несколько секунд из левого борта гондолы выскочили облачка серого дыма: залп боковых движительных труб. Внезапно по баллону воздушного корабля пробежала рябь, и, забирая вправо, все сооружение заметно накренилось. Но корабль стал быстро терять высоту, он уже зацепил облако и время от вре-

мени пропадал из виду в клочьях тумана. Вопль ужаса, приглушенный расстоянием и ветром, достиг притихших зрителей, и кое-кто на берегу непроизвольно поежился.

Толлеру тоже стало не по себе: похоже, на борту дирижабля кто-то достался птерте. Много раз в кошмарных снах Толлер видел, как это случается с ним; и самым страшным была даже не смерть, а сознание своей полной обреченности и беспомощности, охватывающее человека, стоит ему угодить в радиус поражения птерты. При встрече с разбойником или диким зверем ты еще можешь оказать сопротивление, пусть и безнадежное, но если к тебе приблизились алчно подрагивающие лиловые шары, сделать уже нельзя ничего.

— Что здесь происходит? — У входа в контору возник Ворндал Сисст, начальник станции — средних лет мужичок с круглой лысеющей головой и горделивой осанкой человека, чей рост ниже среднего. На его загорелом лице с правильными чертами отражалось раздражение с примесью тревоги.

Толлер ткнул пальцем в снижающийся дирижабль.

— Какой-то идиот забрался в наше захолустье, чтобы совершить самоубийство.

— Мы послали предупреждение?

— Да, но, похоже, слишком поздно, — ответил Толлер. — Минуту назад он угодил в самую птерту.

— Кошмар! — дрогнувшим голосом произнес Сисст и прижал ко лбу тыльную сторону кисти. — Я прикажу, чтобы поднимали экраны.

— Это лишнее — облака высоко, а через открытое пространство среди бела дня шары не нападут.

— Я не собираюсь рисковать. Кто знает… — Тут Сисст сообразил, что Толлер слишком много на себя берет, и набросился на него, вымещая на подчиненном свой гнев и страх. — С каких это пор ты здесь командуешь? Ведь это как будто моя станция. Или, — ядовито предположил он, — магистр Гло тебя тайно повысил?

— Рядом с вами никого не требуется повышать, — огрызнулся Толлер, не сводя глаз с воздушного корабля, который уже опускался на берег.

У Сисста отвисла челюсть и сузились глаза: он раздумывал, к чему относилась эта характеристика — к его умственным способностям или физическим данным.

— Это дерзость, — наконец решил он. — Дер-

зость и нарушение субординации, и я позабочусь, чтобы кое-кто об этом узнал.

— Да не скули ты, — бросил Толлер через плечо и побежал вниз по пологому склону, туда, где собралась, чтобы помочь посадке, группа рабочих. Многочисленные якоря дирижабля пропахали полосу прибоя и вгрызлись в песок, оставляя на белой поверхности темные борозды. Люди ухватились за веревки и повисли на них, удерживая корабль при шальных порывах ветра, словно норовистое животное.

Наконец Толлер увидел капитана: перегнувшись через перила, тот руководил операцией. На корабле происходила какая-то возня, несколько членов команды боролись между собой. Похоже, какой-нибудь бедолага, оказавшийся слишком близко от птерты, свихнулся, как это иногда случалось, и теперь товарищи пытались его утихомирить.

Ухватив свисающую веревку, Толлер присоединился к буксировке воздушного корабля к ближайшей привязной стойке. Наконец киль гондолы коснулся песка, и матросы в желтых рубашках стали прыгать через борт, чтобы выполнить швартовку.

Чувствовалось, что они не в себе после встречи

со смертью. Яростно ругаясь, они с неоправданной грубостью растолкали пиконщиков и начали привязывать корабль.

Понимая их состояние, Толлер снисходительно улыбнулся и протянул свою веревку летчику — человеку с покатыми плечами и землистым лицом.

— Чего ты скалишься, пожиратель навоза? — прорычал тот, попытался отобрать веревку, но Толлер отвел ее и, свернув петлей, набросил на большой палец грубияна.

— Извинись!

— Какого!.. — Летчик хотел оттолкнуть Толлера свободной рукой, но тут же передумал, обнаружив, что перед ним не совсем обычный техник-ученый. Он открыл рот, чтобы кликнуть на помощь своих, но Толлер помешал ему, затянув веревку немного туже.

— Это касается только нас с тобой, — сказал он негромко, продолжая затягивать петлю. — Ну, что ты выбираешь: извиниться или носить палец на шее?

— Ты пожалеешь, что… — Тут сустав отчетливо хрустнул, и летчик побледнел. — Я извиняюсь. Отпусти! Извиняюсь же!

— Так-то лучше, — нравоучительно произнес

Толлер, освобождая пленника. — Теперь можно и помириться.

Он дружелюбно улыбнулся, ничем не выдавая своей тревоги. Опять он не удержался! Ведь можно было промолчать или ругнуться в ответ, но вспышка ярости мгновенно подчинила Толлера себе, низведя его до уровня примитивного существа, руководимого рефлексами. Он вовсе не хотел ввязываться в ссору и все же непременно изувечил бы летчика, если бы тот не извинился. Хуже того, Толлер чувствовал, что готов зайти и дальше и что этот ничтожный инцидент еще может вырасти во что-то очень опасное.

— Помириться?! — выдохнул летчик, прижимая к животу пострадавшую руку и кривясь от боли и ненависти. — Как только я смогу снова держать меч, я…

Он не закончил угрозу, так как к ним широкими шагами приближался бородач в роскошном халате воздушного капитана. Ему было около сорока, он шумно дышал, и на шафрановой ткани его халата под мышками расползлись влажные бурые пятна.

— Что тут у вас, Каприн? — спросил он, бросив сердитый взгляд на летчика. Каприн злобно сверкнул глазами на Толлера и почтительно

склонил голову.

— Рука попала в петлю, сэр. Вывихнул палец, сэр.

— Значит, будешь работать вдвое больше другой рукой. — Капитан небрежным жестом отмел возможные возражения и повернулся к Толлеру. — Я — воздушный капитан Хлонверт. Ты не Сисст. Где Сисст?

— Вон он. — Толлер показал на начальника станции, который боязливо спускался по склону, подобрав полы серого халата, чтобы те не попали в лужи между камней.

— Вот псих, который во всем виноват!

— Виноват в чем? — хмуро спросил Толлер.

— В том, что вконец запутал меня дымом из своих идиотских кастрюль. — Разгневанный Хлонверт презрительно мотнул головой в сторону пиконовых чанов и столбов пара, уходящих в небеса. — Мне говорили, тут пытаются делать энергетические кристаллы. Это правда или только розыгрыш?

Толлер едва избежал одного конфликта, но тон Хлонверта его задел. Больше всего в жизни он жалел, что родился в семье ученых, а не военных, и потому постоянно поносил свое сословие, однако ему не нравилось, когда то же самое делают

посторонние. Несколько секунд он холодно взирал на капитана и не отвечал до тех пор, пока это не стало граничить с открытым оскорблением, а потом заговорил таким тоном, будто обращался к ребенку.

— Кристаллы не делают, — сказал он. — Их можно только выращивать — если раствор достаточно чистый.

— Тогда чем же вы тут занимаетесь?

— Этот район богат пиконом. Мы добываем его из почвы и пытаемся очистить до такого состояния, чтобы можно было использовать в реакции.

— Пустое дело, — уверенно и небрежно заключил Хлонверт и, оставив эту тему, повернулся к подошедшему Ворндалу Сиссту.

— Добрый утренний день, капитан, — сказал Сисст. — Весьма рад, что вы благополучно приземлились. Я отдал приказ немедленно развернуть наши противоптертовые экраны.

Хлонверт покачал головой.

— В них нет необходимости. И потом, вы уже и так натворили бед.

— Я… — Голубые глаза Сисста беспокойно забегали. — Я не понимаю вас, капитан.

— Вы замарали все небо своим вонючим дымом, и я не заметил настоящего облака. У меня

в экипаже ожидаются потери — и ты за них ответишь.

— Но… — Сисст бросил возмущенный взгляд на уходящий вдаль скалистый берег, где на много миль струйка за струйкой поднимались облака пара, действительно создавая слегка изогнутую к морю завесу. — Но здесь это обычное явление, и я не могу понять, как вы можете винить меня в том, что…

— Молчать! — Хлонверт резко опустил руку на меч, шагнул вперед и ладонью другой руки врезал Сиссту по подбородку, от чего начальник станции полетел вверх тормашками. — Ты что, сомневаешься в моей компетенции? Обвиняешь меня в халатности?

— Никак нет. — Сисст неуклюже поднялся и стряхнул песок с халата. — Прошу прощения, капитан. Теперь, когда вы объяснили мне что к чему, я и сам вижу, что пар от наших чанов в определенных обстоятельствах может ввести в заблуждение летчиков.

— Вы обязаны были выставить оградительные буйки.

— Я прослежу, чтобы это сделали немедленно, — залебезил Сисст. — Нам давно уже следовало самим об этом подумать.

У наблюдавшего за этой сценой Толлера запылали щеки. Капитан Хлонверт был мужчина крупный, как все военные, но, с другой стороны, такой толстый и рыхлый, что даже маленький Сисст мог бы одолеть его за счет проворства и силы, рожденной ненавистью. Вдобавок Хлонверт действительно проявил преступную халатность в командовании воздушным кораблем, что, собственно, и пытался скрыть за своими буйными речами, и стало быть, неповиновение ему оправдает любой трибунал.

Но для Сисста все это не имело значения. В полном соответствии со своей натурой начальник станции готов был лизать руку, которая его ударила. Правда, потом он станет подшучивать над собственной трусостью и постарается сорвать досаду на своих подчиненных. И хотя Толлеру не терпелось узнать, зачем прилетел Хлонверт, он счел за лучшее удалиться и не видеть жалкого поведения Сисста.

Маракайн уже повернулся, чтобы уйти, и чуть не столкнулся с коротко стриженным летчиком с белым значком лейтенанта.

— Команда для вашего осмотра построена, сэр, — деловито отрапортовал офицер, салютуя Хлонверту. Хлонверт кивнул и перевел взгляд на

шеренгу людей в желтых рубашках, застывших у корабля.

— Сколько человек вдохнуло пыль?

— Только двое, сэр. Нам повезло.

— Повезло?

— Я хотел сказать, сэр, что лишь благодаря вашему превосходному командованию наши потери не оказались гораздо большими.

Хлонверт снова кивнул.

— Кого мы теряем?

— Пауксейла и Лейга, сэр, — ответил лейтенант, — но Лейг не признается.

— А свидетели были?

— Я видел своими глазами, сэр. Птерта лопнула в двух шагах от него. Он вдохнул пыль.

— Так чего же тогда он не ведет себя как мужчина? — раздраженно спросил Хлонверт. — Один такой трус может совратить всю команду. — Он с недовольной миной посмотрел на строй и снова повернулся к Сиссту. — Я привез тебе сообщение от магистра Гло, но сначала я должен выполнить кое-какие формальности. Ты останешься здесь.

Начальник станции смертельно побледнел.

— Капитан, в моих апартаментах было бы гораздо удобнее. И потом, я должен безотлагательно…

— Ты останешься здесь, — прервал его Хлон-

верт, ткнув коротышку в подбородок пальцем с такой силой, что тот пошатнулся. — Увидишь, что натворил твой чертов пар.

Как ни раздражал Толлера пресмыкающийся Сисст, ему захотелось как-нибудь вмешаться и положить конец унижениям бедолаги. Однако в соответствии с принятым в колкорронском обществе этикетом считалось, что вступиться за человека во время ссоры без приглашения означает самому оскорбить его, выставив трусом.

Учитывая это, Толлер позволил себе лишь красноречиво преградить дорогу капитану, когда тот повернулся, чтобы идти к кораблю, однако вызов остался незамеченным. Глядя на небо, где солнце уже приближалось к Верхнему Миру, Хлонверт спокойно обогнул Толлера и пошагал дальше.

— Покончим с этим делом до малой ночи, — по пути говорил он лейтенанту. — Мы и так уже потеряли уйму времени.

— Есть, сэр. — Лейтенант промаршировал к шеренге, выстроенной под укрытием беспокойно покачивающегося дирижабля, и громко приказал: — Выйти из строя всем, кто имеет основание полагать, что скоро не сможет исполнять свои обязанности.

После секундного колебания два шага вперед

сделал темноволосый молодой человек. Его треугольное лицо было очень бледно, почти светилось, но держался он прямо и, безусловно, полностью владел собой.

Капитан Хлонверт подошел и положил руки ему на плечи.

— Летчик Пауксейл, — негромко произнес он, — ты вдохнул пыль?

— Так точно, сэр. — Голос Пауксейла звучал безжизненно и покорно.

— Ты служил родине смело и доблестно, о тебе доложат королю. Теперь ответь, какой дорогой хочешь ты отправиться — Яркой или Тусклой?

— Яркой Дорогой, сэр.

— Молодец. Твое жалованье сохранят до конца экспедиции и перешлют ближайшим родственникам. Можешь идти.

— Благодарю вас, сэр.

Пауксейл отсалютовал и, повернувшись кругом, скрылся за дирижаблем, но Толлер, Сисст и многие рабочие-пиконщики, стоявшие вдоль берега, увидели, как палач двинулся ему навстречу.

Заплечных дел мастер уже держал наготове широкий тяжелый меч, с лезвием из древесины бракки, абсолютно черный, без всякой эмале-

вой инкрустации, которой обычно украшалось колкорронское оружие. Пауксейл смиренно опустился на колени, но не успели они коснуться песка, как палач, действуя с милосердным проворством, отправил его по Яркой Дороге.

Толлер не мог оторвать глаз от ярко-красной точки на желто-коричневом с голубыми разводами песке.

При звуке смертельного удара по шеренге летчиков пробежал ропот. Некоторые подняли глаза и, обратив их к Верхнему Миру, беззвучно зашевелили губами: молились о благополучном путешествии души своего мертвого товарища на планету-сестру. Большинство, однако, мрачно глядели под ноги.

Их рекрутировали в перенаселенных городах империи, где весьма скептически относились к учению церкви о бессмертии человеческих душ, бесконечно курсирующих между Миром и Верхним Миром. Для них смерть означала только смерть — а не приятную прогулку по мистическому Горнему Пути, соединяющему два света.

Слева от Толлера послышался слабый придушенный стон, и, повернувшись, он увидел Сисста, обеими руками зажавшего себе рот. Начальник станции дрожал как осиновый лист и, судя по

всему, в любую секунду готов был потерять сознание.

— Если вы свалитесь, скажут, что мы бабы, — прошипел Толлер. — Да что с вами?

— Варварство, — неразборчиво пробормотал Сисст. — Ужасное варварство… На что мы еще можем надеяться?

— Летчику предоставили выбор, и он повел себя правильно.

— Ты тоже хорош… — Сисст замолчал, заметив возле корабля какой-то беспорядок. Двое летчиков схватили третьего за руки и, хотя тот вырывался и брыкался, поставили его перед Хлонвертом. Пленник был долговяз и тщедушен, но с неуместно круглым животиком.

— …не мог меня видеть, сэр, — кричал он. — И я был выше по ветру от птерты, так что пыль никак не могла задеть меня. Клянусь вам, сэр, я ничего не вдыхал.

Хлонверт упер руки в свои широкие бока и некоторое время, демонстрируя полное недоверие, разглядывал небо, а затем сказал:

— Летчик Лейг, по уставу я обязан принять твое заявление. Но позволь мне разъяснить ситуацию. Дважды Яркую Дорогу тебе не предложат, и при первых же признаках лихорадки или паралича

ты тут же отправишься за борт. Живым. Твое жалованье за всю экспедицию удержат, а имя вычеркнут из королевского архива. Ну как, ты все понял?

— Так точно, сэр. Благодарю вас, сэр. — Лейг попытался припасть к ногам капитана, но двое мужчин удержали его в вертикальном положении. — Не о чем беспокоиться, сэр, я не вдохнул пыль.

Лейтенант отдал приказ, и Лейга отпустили; он медленно вернулся в строй. Шеренга расступилась, освобождая для него место, но несколько больше необходимого, создав таким образом вокруг Лейга некий неосязаемый барьер.

Толлер подумал, что летчика ожидает мало приятного в ближайшие два дня, по прошествии которых начнется действие яда птерты.

Капитан Хлонверт отсалютовал лейтенанту и, передав ему командование, вернулся обратно, к Сиссту и Толлеру. Над колечками его бороды горел яркий румянец, а пятна пота под мышками стали еще больше. Он бросил взгляд на высокий купол неба, где восточный край Верхнего Мира уже начал светлеть, подсвеченный солнцем, и сделал нетерпеливый жест, словно приказывал солнцу убраться побыстрее.

— Слишком жарко для неприятных разговоров, — проворчал капитан. — Предстоит дальний путь, а от команды не будет проку, пока этот трус не отправится за борт. Я чувствую, придется изменить устав, если в ближайшее время не прекратятся эти дурацкие слухи.

— Э… — Сисст выпрямился, изо всех сил пытаясь взять себя в руки. — Какие слухи?

— Болтают, что некоторые пехотинцы в Сорке умерли после общения с пострадавшими от птерты.

— Но ведь птертоз не заразен.

— Знаю, — ответил Хлонверт. — Только слюнтяи и кретины могут поверить такой чепухе, но как раз из них-то и состоят в наше время воздушные экипажи. Пауксейл был одним из немногих здравомыслящих людей — и я потерял его из-за вашего проклятого тумана.

Толлера, наблюдающего, как похоронная команда подбирает останки Пауксейла, все больше раздражала самоуверенность капитана и раболепное поведение своего начальника.

— Не стоит во всем винить туман, капитан, — сказал он, бросив на Сисста многозначительный взгляд. — Власть предержащие не станут оспаривать факты.

Хлонверт круто развернулся.

— Что ты хочешь этим сказать?

Толлер изобразил на лице спокойную приветливую улыбку.

— Только то, что мы все видели, что произошло.

— Как твое имя, солдат?

— Толлер Маракайн — и я не солдат.

— Ты не… — Гнев на лице Хлонверта сменился удивлением. — Что такое? Что это за тип?

Толлер невозмутимо ждал, пока капитан отметит необычные черты его внешности — длинные волосы и серый халат ученого в сочетании с высоким ростом и рельефной мускулатурой воина. Да и меч на боку отличал Толлера от его коллег. Лишь по отсутствию шрамов и ветеранских татуировок можно было догадаться, что он — не бывалый вояка.

На лице Хлонверта ясно отразился ход его мыслей, и неприязнь Толлера к капитану достигла предела. Хлонверт не сумел скрыть тревоги по поводу возможного обвинения в халатности, а теперь испытывал явное облегчение, обнаружив, что опасаться нечего. В колкорронской иерархии большое значение придавалось кастовой принадлежности, и капитан рассчитывал, что несколько

грубых намеков насчет происхождения обидчика послужат ему достаточным оправданием. Губы Хлонверта шевелились: он копался в большом запасе известных ему колкостей.

«Ну же, — думал Толлер, всем своим существом желая подтолкнуть капитана. — Произнеси слова, которые тебя прикончат».

Но Хлонверт медлил, видимо, почуяв неладное, и вновь работа мысли ясно отразилась на его лице. Ему хотелось унизить этого выскочку с сомнительными предками, оскорбить наглеца, который осмелился ему перечить, но только без лишнего риска. А позвать на помощь означало раздуть мелкий инцидент и привлечь внимание как раз к тому делу, которое он хотел замять. Выбрав наконец тактику, капитан издал вымученный смешок.

— А ежели не солдат, так поосторожней с этим мечом, — развязно бросил он. — А то еще сядешь на него и отрежешь себе чего не надо.

Толлер не стал продолжать в том же тоне:

— Кому-кому, а мне нечего опасаться этого оружия.

— Я запомню твое имя, Маракайн, — негромко заметил Хлонверт. В этот момент станционный хранитель времени протрубил в горн малую

ночь — прозвучала переливчатая двойная нота, означавшая, что активность птерты высока, — и пиконовые рабочие поспешно двинулись под защиту зданий.

Хлонверт отвернулся от Толлера и, обняв одной рукой Сисста за плечи, увлек его к воздушному кораблю.

— Пойдем выпьем в моей каюте, — сказал он. — Там, за задраенным люком, мило и уютно, и ты в уединении сможешь ознакомиться с приказами магистра Гло.

Глядя вслед этой парочке, Толлер пожал плечами и покачал головой. Чрезмерная фамильярность капитана сама по себе уже была нарушением этикета, а вопиющее лицемерие, с которым тот обнял человека, недавно сбитого им же с ног, граничило с прямым оскорблением. Словно Сисст — всего лишь собака, которую можно побить или погладить по прихоти хозяина! Но, верный своим принципам, начальник станции предпочел не возражать.

Хлонверт внезапно громко захохотал: похоже, Сисст уже пустил в ход свои шуточки, подготавливая почву для новой версии происшествия, в которую потом должны будут поверить и его сотрудники. «Капитан, — размышлял Толлер, —

любит строить из себя этакое чудовище, но если познакомиться с ним поближе, как я...» И тут Толлер вновь задумался о странном характере миссии Хлонверта.

Что же это за приказы, если магистр Гло счел нужным послать их со специальным курьером, не дожидаясь обычного транспорта? Неужели назрело что-то, способное нарушить монотонную жизнь удаленной станции? Или на такое везение нечего надеяться?

С запада набежала тень, и взглянув на небо, Толлер увидел, как ослепительный краешек солнца исчезает за громадой Верхнего Мира. Сразу стемнело, свободные от облаков участки неба усеяли звезды, кометы и светлые вихри туманностей. Начиналась малая ночь, и вскоре под ее покровом шары птерты покинут облака и бесшумно опустятся на землю в поисках естественной добычи.

Оглянувшись, Толлер обнаружил, что остался один под открытым небом. Весь персонал попрятался в помещениях, а команда воздушного корабля укрылась на нижней палубе. Рискуя навлечь на себя обвинение в лихачестве, Толлер тем не менее часто задерживался снаружи. Заигрывая с опасностью, он скрашивал свое тусклое

существование, демонстрируя таким образом, что в корне отличается от типичного представителя касты ученых.

На этот раз, когда он поднимался по некрутому склону к зданию надсмотрщиков, его походка была еще медлительнее и небрежнее, чем обычно. Возможно, за ним наблюдали, и самолюбие говорило ему, что чем выше риск нарваться на птерту, тем меньше страха следует выказывать. Подойдя к двери, он остановился и, несмотря на пробежавшие по спине мурашки, выждал пару секунд, прежде чем поднять задвижку и войти. За его спиной, доминируя на южном небе, опускались к горизонту девять сверкающих звезд созвездия Дерева.

Глава 2

Принц Леддравор Нелдивер предавался единственному занятию, которое позволяло ему вновь почувствовать себя молодым.

Как старший сын короля и глава вооруженных сил Колкоррона он в принципе должен был посвящать себя вопросам политики и общей стратегии военных дел, находясь при этом в глубоком тылу, на хорошо защищенном командном пункте, и от-

туда в безопасности руководить операциями. Но он не видел радости в том, чтобы отсиживаться в тылу, уступая удовольствие от настоящей солдатской работы своим заместителям, в способности которых он все равно никогда не верил.

Чуть ли не каждый младший офицер или солдат-пехотинец за кружкой пива мог рассказать историю о том, как внезапно в гуще боя рядом с ним появился принц и помог проложить дорогу к спасению, и Леддравор всячески поощрял распространение таких легенд для поднятия дисциплины и морального духа.

Вот и сейчас он как раз возглавил вторжение Третьей Армии на полуостров Лунгл, что на восточном берегу Колкорронской империи, когда неожиданно поступило сообщение о сильном сопротивлении в одном из горных районов. Узнав же вдобавок, что в этой местности много деревьев бракки, Леддравор немедленно сменил парадную белую кирасу на обычную, из вареной кожи, и, взяв на себя командование частью экспедиционных сил, отправился на линию фронта.

Вскоре после восхода в сопровождении бывалого сержанта по имени Риф принц уже выполз на брюхе из подлеска на краю большой поляны. Здесь, на востоке, утренний день был намного

длиннее вечернего, и поэтому времени для атаки и последующей тщательной подчистки хватало. Леддравор живо представил себе, как враги Колкоррона будут падать, окровавленные, под его мечом. Он осторожно раздвинул густую листву и стал изучать открывшуюся перед ним картину.

На круглой поляне диаметром ярдов четыреста были вырублены все деревья, за исключением группы бракки в самом центре. Около сотни мужчин и женщин из племени Геф собрались вокруг деревьев, сосредоточив все свое внимание на верхушке одного из тонких прямых стволов. Сосчитав сохранившиеся бракки, Леддравор обнаружил, что их ровно девять — магическое и религиозное число, связанное с небесным созвездием Дерева.

Взяв полевой бинокль он, как и предполагалось, увидел голую женщину, привязанную за руки и ноги к верхушке, да так, что она перегнулась пополам, а конец ствола упирался ей прямо в живот.

— Опять дикари затеяли свое идиотское жертвоприношение, — прошептал Леддравор, передавая бинокль Рифу.

Сержант долго разглядывал поляну и, возвращая бинокль, сплюнул.

— Мои ребята использовали бы эту бабу лучше, — сказал он, — но зато по крайней мере мы застанем их врасплох.

Он показал на тонкую стеклянную трубку на запястье. Вставленный в нее кусочек тростника, размеченный на равные промежутки черным красителем, равномерно пожирал часовой жук, который двигался с неизменной скоростью, одинаковой для всех представителей его вида.

— Прошел пятое деление, — сказал Риф. — Остальные отряды уже должны быть на своих позициях. Сейчас бы и ударить, пока дикарям не до нас.

— Рано. — Леддравор снова поднес к глазам бинокль. — Я вижу двух часовых, которые пока еще следят за лесом. В последнее время дикари стали куда осторожнее, и не забывай, что они где-то сперли идею пушек. Если не взять их тепленькими, они успеют пальнуть. Не знаю, как тебе, а мне не хочется получить на завтрак булыжник. По-моему, он не очень съедобен.

Риф с готовностью ухмыльнулся.

— Понятно: будем ждать, пока дерево выстрелит.

— Долго ждать не придется. Вон верхняя пара уже складывается. — Леддравор с интересом

наблюдал, как верхняя пара огромных листьев бракки выходит из обычного горизонтального положения и складывается вдоль ствола. В природных условиях это явление происходило около двух раз в год в период зрелости дерева, но принц, урожденный колкорронец, видел его редко, ибо самопроизвольный залп бракки с потерей энергетических кристаллов был для страны недопустимым расточительством.

Верхние листья сомкнулись вокруг ствола, и после короткой паузы вздрогнула и стала подниматься вторая пара. Леддравор знал, что глубоко под землей начала растворяться перегородка в камере сгорания. Скоро зеленые кристаллы пикона, извлеченного из почвы верхней частью корневой системы, смешаются с пурпурным халвеллом, собранным нижними корнями, выделится тепло и газ, и после небольшой задержки, со взрывом, слышным на много миль, дерево выстрелит свою пыльцу.

Лежа на животе на мягком травяном ковре, Леддравор почувствовал в паху пульсирующее тепло и понял, что начинает сексуально возбуждаться. Он навел бинокль на женщину, привязанную к верхушке, и попытался разглядеть ее грудь или задницу. До сих пор она вела себя весьма пас-

сивно, словно была без сознания — например, от наркотика, — но, видимо, уловив движение громадных листьев и осознав, что жизнь ее близится к концу, начала крутить головой, и длинные черные волосы, скрывавшие ее лицо, разметались.

— Идиотка, — прошептал Леддравор. Племя Геф интересовало его только с военной точки зрения, а их религия представлялась ему бездарной мешаниной всех суеверий, какие только можно встретить в самых отсталых странах Мира. Наверно, женщина добровольно вызвалась сыграть центральную роль в обряде плодородия, веря, что эта жертва гарантирует ей перевоплощение в принцессу на Верхнем Мире. Щедрые порции вина и сушенных грибов, вероятно, придали этой идее убедительности, но нет лучшего средства для прочистки мозгов, чем близость смерти.

— Какой бы она ни была идиоткой, я предпочел бы, чтобы она сейчас лежала подо мной, — проворчал Риф. — Не знаю, кто выстрелит первым — дерево или я.

— Я подарю эту бабу тебе, когда мы закончим дело, — улыбаясь, сказал Леддравор. — Какая ее часть тебе больше нравится?

Риф сделал вид, что его тошнит, восхищаясь способностью принца соперничать с подчинен-

ными в любой солдатской доблести, включая непристойность.

Леддравор перевел бинокль на гефских часовых. Как он и думал, они все чаще поглядывали на жертвенное дерево, где поднималась уже третья пара листьев. Он знал, что этот феномен имеет сугубо ботаническое объяснение — горизонтально расположенные листья оторвало бы при сотрясении от опылительного залпа, — но зрелище получалось в высшей степени возбуждающим. Леддравор не сомневался, что, когда наступит кульминация, все гефское племя будет увлечено только им. Он убрал бинокль и крепко сжал рукоятку меча. Листья уже охватили ствол бракки, и в то же мгновение зашевелилась четвертая пара. Женщина еще неистовее замотала головой, и ее крики, смешанные с речитативом одинокого мужского голоса где-то в толпе, стали слышны на краю поляны.

— Десять монет тому, кто заткнет священника, — сказал Леддравор, подтверждая свою неприязнь ко всем сеятелям суеверий и особенно к тем из них, кто малодушно боялся сам выполнять работу мясника.

Принц поднял руку и снял со шлема капюшон, скрывавший алый гребень — сигнал к наступле-

нию. Юные лейтенанты, командиры остальных трех отрядов, только и ждали, когда на опушке леса мелькнет яркое пятно. Леддравор застыл перед рывком. Четвертая пара листьев уже сомкнулась вокруг ствола — нежно, как руки влюбленных, — и женщина, привязанная к макушке дерева, вдруг затихла: то ли потеряла сознание, то ли просто обмерла от ужаса. Напряженная, пульсирующая тишина воцарилась на поляне. Леддравор знал, что перегородка в камере сгорания уже исчезла, зеленые и пурпурные кристаллы перемешались, и освобожденная энергия вот-вот вырвется наружу.

Выстрел, хоть и направленный вверх, прозвучал оглушительно. Ствол бракки, содрогнувшись, хлестнул воздух, и опылительный залп умчался в небо — столб газа, окруженный кольцами дыма, на мгновение окрасился кровью.

Земля под ним дрогнула, когда ударная волна прокатилась по лесу, а в следующее мгновение принц уже вскочил на ноги и побежал. Оглушенный чудовищным взрывом, он не мог как следует оценить внезапность нападения. Справа и слева мелькали оранжевые гребни лейтенантов, а позади из-за деревьев высыпали дюжины солдат. Гефы зачарованно пялились на дерево,

листья которого уже начали разворачиваться, но в любую секунду могли обнаружить опасность. Леддравор преодолел уже половину расстояния до ближайшего часового, и если тот не обернется, то умрет, даже не узнав, кто его ударил.

Однако геф обернулся. Лицо его исказилось, рот скривился в тревожном крике. Он ожесточенно пнул что-то, скрытое в траве, и Леддравор сразу догадался, что именно: гефский вариант пушки, полый ствол бракки, установленный под наклоном и предназначенный исключительно для уничтожения живой силы противника. Ударом ноги страж разбил стеклянную или керамическую капсулу в казеннике, но ему еще предстояло смешать энергетические кристаллы, что неизбежно задерживало выстрел (именно из-за этого колкорронцы не жаловали такой вид оружия), и краткая заминка позволила Леддравору сманеврировать. Криком предупредив своих солдат, он метнулся вправо и подлетел к гефу как раз в тот момент, когда пушка с оглушительным треском послала сквозь густую траву веерообразный град камней. Все еще под впечатлением от жертвоприношения, геф был морально не готов к схватке, но все же умудрился вытащить свой меч. Не останавливаясь, Леддравор срубил его

одним ударом в шею и ринулся дальше, в самую гущу сражения.

Время словно прекратило свое обычное течение. Прорываясь к центру поляны, принц смутно слышал сквозь вопли и стоны новые залпы пушек. Он уже зарубил по меньшей мере двух молодых женщин, что наверняка вызовет недовольство у солдат, но Леддравору слишком часто случалось видеть, как неплохие в общем-то бойцы гибли ни за грош, пытаясь в пылу сражения отличить мужчин от женщин. Последних только оглушали, но для этого требуется время, а вражескому клинку достаточно мгновения, чтобы найти свою цель.

Некоторые из гефов пытались бежать, но колкорронцы, окружив поляну, отгоняли их назад или сбивали с ног. Другие силились оказать сопротивление, но их увлеченность церемонией давала о себе знать, и теперь они сполна расплачивались за роковую потерю бдительности. Группа жрецов с косичками и диковинной татуировкой забралась под священную сень девяти бракк, пытаясь использовать их стволы в качестве естественного укрытия. Они серьезно ранили двоих из нападающих, но продержались недолго. Слишком тесное пространство — и ко-

пьеносцы из второго ряда колкорронцев сломили их сопротивление.

Внезапно сражение оборвалось.

Кровавый угар и безумие схватки сменилось у Леддравора обычным спокойствием и ясностью мысли. Оглядевшись, он первым делом убедился в том, что в живых не осталось никого, кроме его собственных людей и кучки пленных женщин, а потом посмотрел вверх. Лес защищал воинов принца от птерты, но на поляне они оказались под открытым небом и, следовательно, подвергались серьезному риску.

Небесная полусфера этих мест для уроженца Колкоррона выглядела странно. Леддравор вырос под огромным туманным шаром Верхнего Мира, висевшим прямо над головой, тогда как здесь, на полуострове Лунгл, планета-сестра была смещена далеко на запад. Над собой принц видел чистое голубое небо, отчего чувствовал себя неуютно, как будто планировал сражение и оставил незащищенным важный фланг. Однако среди узора дневных звезд не двигалось ни одного лилового пятнышка, и, успокоившись, он вернулся к реальным заботам.

Его окружала обстановка, заполненная разными знакомыми звуками. Одни солдаты, хрипло

выкрикивая шутки и расхаживая по поляне, приканчивали раненых гефов и собирали трофеи. У племени оказалось мало ценных вещей, но трехконечные противоптертовые бумеранги смотрелись любопытной диковинкой, которую можно будет демонстрировать в тавернах Ро-Атабри. Другие вояки ржали и улюлюкали, раздевая дюжину гефских пленниц. Это было вполне законно — хорошо сражавшимся мужчинам полагалась военная добыча, — и Леддравор лишь удостоверился, что его люди не собираются завалиться с ними в траву. На своей территории враг мог очень быстро организовать контратаку, а солдат, обнимающий бабу, представляет собой самое бесполезное существо во вселенной.

К принцу подошли Рейло, Нофналп и Хравелл — лейтенанты, руководившие тремя другими отрядами. Несмотря на пробитую кожу круглого щита и окровавленную повязку на левой руке, Рейло был в отличной форме и бодром расположении духа. Нофналп и Хравелл чистили мечи тряпками, стирая следы крови с эмалевых инкрустаций на черных лезвиях.

— Успешная операция, если не ошибаюсь, — подмигнул Рейло, приветствуя Леддравора неофициальным полевым салютом.

Тот кивнул.

— Какие потери?

— Трое убитых и одиннадцать раненых. Двоих задело пушкой. До малой ночи не доживут.

— Выберут ли они Яркую Дорогу?

Рейло как будто обиделся.

— Разумеется.

— Я поговорю с ними напоследок, — сказал Леддравор. Как всякий прагматик, лишенный религиозных убеждений, он подозревал, что его напутствие не слишком утешит умирающих, но зато этот жест оценят их товарищи. Наряду с разрешением даже самым низшим чинам обращаться к принцу без официального титула это был один из его способов поддерживать у солдат обожание и преданность. Однако свои сугубо практичные мотивы Леддравор предпочитал держать в тайне.

— Не напасть ли нам сейчас же на гефскую деревню? — Хравелл, самый молодой из лейтенантов, вложил меч в ножны. — До нее чуть больше мили к северо-востоку, а гефы, вероятно, слышали пушечную стрельбу.

Леддравор на минуту задумался.

— Сколько взрослых осталось в деревне?

— По донесениям разведчиков — практически

никого. Все явились поглазеть на представление. — Хравелл бросил быстрый взгляд на лишенные человеческого подобия лохмотья плоти и костей, свисавшие с верхушки жертвенного дерева.

— В таком случае деревня больше не представляет военной угрозы и становится ценным приобретением. Дай-ка карту. — Леддравор взял протянутый ему лист бумаги и, опустившись на одно колено, расстелил карту на земле. Ее незадолго до сражения нарисовали люди из воздушной разведки, отметив важные для военной стратегии размеры и расположение гефских поселений, топографию, реки и — самое главное — распределение бракки среди лесных массивов. Леддравор внимательно изучил карту и принял решение.

Примерно в двадцати милях за деревней находилось другое, значительно большее поселение, которое обозначалось на карте как Г-31 и могло выставить около трехсот бойцов. Но дорога до него была, мягко говоря, нелегкая. Густой лес и крутые хребты, расселины и бурные ручьи — как будто кто-то нарочно хотел досадить колкорронским солдатам, имевшим пристрастие к равнинным театрам военных действий.

— Пусть дикари сами идут к нам, — объявил Леддравор. — Такая прогулка утомит кого угодно, так что чем скорее они прибегут, тем лучше. Насколько я понимаю, это их священное место?

— Святая святых, — подтвердил Рейло. — Очень редко встречаются девять бракк такой тесной группой.

— Отлично! Прежде всего повалим их. Скажите часовым, чтобы позволили нескольким дикарям подойти поближе, увидеть, что здесь делается, и снова смыться. А перед малой ночью пошлите отдельный отряд сжечь деревню, чтобы послание отправилось по назначению. Если нам повезет, дикари так измучаются, пробираясь сюда, что им еле хватит сил напороться на наши мечи.

Леддравор умышленно упростил ситуацию и, перебросив карту обратно Хравеллу, засмеялся. Он знал, что горцы из Г-31, даже спровоцированные на поспешную атаку, куда более опасные противники, чем жители равнин. Предстоящее сражение будет для юных офицеров великолепной школой, а ему позволит лишний раз доказать, что и в свои сорок с небольшим он остается лучшим солдатом среди тех, кто почти вдвое моложе. Принц встал и глубоко и счастливо вздохнул, предвкушая хорошее окончание столь

удачно начавшегося дня.

Несмотря на благодушное настроение, по укоренившейся привычке Леддравор снова осмотрел небо. Птерты не было видно, но какое-то движение в западной части неба заставило его насторожиться. Принц вынул бинокль, навел его на просвет между деревьями и мгновение спустя различил мелькнувший за листвой низко летящий воздушный корабль.

Дирижабль, надо полагать, направлялся в районный штаб командования, находящийся пятью милями западнее, на краю полуострова. Несмотря на расстояние, Леддравору показалось, что он заметил на борту гондолы символ — перо и меч. Принц нахмурился, пытаясь сообразить, какая нелегкая занесла гонца его папаши в столь отдаленную местность.

— Люди проголодались, — доложил Нофналп, снимая шлем с оранжевым гребнем и вытирая потную шею. — На такой жаре пара лишних ломтей солонины не помешала бы.

Леддравор кивнул.

— Полагаю, они это заслужили.

— Им бы также хотелось взяться за женщин.

— Нет — мы пока не обезопасили район. Выставьте патрули и немедленно вызовите жел-

чевщиков. Я хочу, чтобы эти деревья поскорее оказались на земле. — Леддравор отвернулся и отправился осматривать поляну.

Гефские пленницы неутомимо выкрикивали оскорбления на своем варварском языке, но уже начали потрескивать костры поваров, и принц услышал, как Рейло отдает приказы командирам взводов, уходящим в патрули.

Возле одной из бракк стоял низкий деревянный помост, густо размалеванный зеленым и желтым — излюбленными цветами гефов. Поперек помоста лежало голое тело белобородого мужчины с несколькими колотыми ранами на торсе. Похоже, мертвец и был тем самым священником, что руководил обрядом. Предположение Леддравора подтвердилось, когда он заметил около примитивной постройки старшего сержанта Рифа, который спорил с каким-то рядовым. Голосов не было слышно, но говорили они с характерной горячностью, возникающей обычно при решении денежных вопросов. Догадавшись, о какой сделке идет речь, принц расстегнул кирасу и присел на пенек, собираясь выяснить, обладает ли Риф хотя бы минимальными дипломатическими способностями. Мгновение спустя сержант обнял солдатика за плечи и подтолкнул к Леддравору.

— Это Су Эггецо, — сказал Риф. — Славный солдат. Именно он заткнул священнику пасть.

— Отличная работа, Эггецо. — Принц бросил непроницаемый взгляд на юного героя, у которого буквально отнялся язык от благоговения. Последовала неловкая пауза.

— Сэр, вы обещали щедрую награду тому, кто убьет священника, — хрипло произнес Риф и участливо добавил: — Эггецо содержит мать и отца в Ро-Атабри. Для них эти деньги очень много значат.

— Конечно. — Леддравор открыл кошелек и, вынув купюру в десять монет, протянул ее Эггецо. Но едва пальцы солдата коснулись голубого квадратика из стеклоткани, принц быстро вернул его в кошелек. Эггецо с беспокойством оглянулся на сержанта.

— Поразмыслив, — сказал Леддравор, — я решил, что так будет удобнее. — Он заменил одну купюру на две, достоинством в пять монет, и, выслушав благодарности, казалось, потерял к этим двоим всякий интерес. Отойдя шагов на двадцать, они снова остановились пошептаться, а когда расставались, сержант засовывал что-то себе в карман. Улыбнувшись, Леддравор решил на всякий случай запомнить имя Рифа,

ибо сержант принадлежал к тому сорту людей, которых очень удобно использовать — жадных, тупых и полностью предсказуемых. Впрочем, через несколько секунд он уже забыл о Рифе, ибо дружный поток беззлобной ругани, извергшийся из множества солдатских глоток, возвестил о прибытии желчевщиков.

При появлении из леса четверки полуобнаженных мужчин, несущих подбитые подушками коромысла, лопаты и прочий инвентарь, Леддравор поспешно поднялся, не более других желая оказаться от желчевщиков с подветренной стороны. Все их инструменты были стеклянными, каменными или керамическими, ибо желчь в мгновение ока сожрала бы любой другой материал, а в особенности — бракку. Даже штаны работяг были сшиты из мягкой стеклоткани.

— С дороги, пожиратели навоза! — кричал пузатый предводитель, устремляясь через поляну к группе деревьев, а трое его приятелей реагировали на ответные оскорбления солдат непристойными жестами. Леддравор отошел в сторону — отчасти для того, чтобы избежать исходящего от этой компании зловония, но главное — чтобы ни одна из летучих спор желчи не уселась на его особу, ибо избавиться от нее

можно было лишь путем интенсивного и весьма болезненного выскабливания кожи.

Достигнув ближайшей бракки, желчевщики сняли с себя оборудование и незамедлительно приступили к работе, выкопав для начала верхнюю корневую систему, собирающую пикон. При этом они не забывали поносить на чем свет окружающих солдат, считая это своим правом, поскольку полагали себя краеугольным камнем колкорронской экономики, своего рода отверженной элитой, обладающей уникальными привилегиями. Кроме того, им хорошо платили, и после десяти лет труда желчевщик имел полное право удалиться на покой — конечно, если переживет мучительную процедуру дезинфекции.

Леддравор с интересом наблюдал за дальнейшими действиями рабочих. Один из них, откупорив стеклянную бутыль, тщательно обмазал главные корни гноевидной клейкой массой. Желчь добывали из жидкости, вырабатываемой самой браккой для растворения перегородки в камере сгорания. Жидкость эта удушающе воняла, испуская тошнотворную смесь запаха рвоты со сладковатым ароматом белого папоротника. Корни, против которых было бессильно даже самое острое лезвие, на глазах разбухали при такой

атаке на их клеточную структуру. Двое других желчевщиков с демонстративной энергией прорубились сквозь корни сланцевыми лопатами и вгрызлись еще глубже, обнажая нижние корни и камеру сгорания — клубнеобразный нарост у основания ствола. Отсюда предстояло с величайшей осторожностью извлечь драгоценные энергетические кристаллы, следя, чтобы пикон не смешался с халвеллом, и лишь после этого уже валить само дерево.

— Не подходите, пожиратели навоза! — орал старший желчевщик. — Не подходите, а то… — Тут он поднял глаза и замолчал, заметив принца. Он поклонился с неуклюжей грацией, коей отнюдь не способствовал голый, заляпанный грязью живот, и произнес: — Я не могу извиниться перед вами, принц, потому что мои… э… замечания, конечно же, были обращены не к вам.

— Хорошо сказано, — заметил Леддравор, отдавая должное неожиданному для такого пугала проявлению находчивости и ума. — Рад узнать, что ты не страдаешь склонностью к самоубийству. Как тебя зовут?

— Оупоп, принц.

— Продолжай свою работу, Оупоп. Мне никогда не надоедает смотреть, как добывается богатство

нашей родины.

— С радостью, принц, но мы слегка рискуем взорваться, проломив стенку камеры.

— Работайте как обычно — спокойно и аккуратно. — Леддравор скрестил руки на груди. Своим острым слухом он уловил восхищенный шепот, пробежавший по рядам подчиненных, и справедливо заключил, что его репутация «своего парня» выросла еще больше. Новость распространится быстро: принц так любит свой народ, что не брезгует даже разговором с желчевщиком. Леддравор сознательно создавал этот образ, хотя и вправду не считал зазорным перекинуться парой слов с человеком вроде Оупопа, чья работа действительно крайне важна для Колкоррона. Вот бесполезные паразиты вроде священников и ученых — те заслужили его ненависть и презрение и первыми прекратят свое существование, когда он наконец станет королем.

Принц смотрел, как Оупоп накладывает эллиптический рисунок желчи на искривленное основание ствола, когда вновь заметил на фоне голубой полоски, отделявшей Верхний Мир от зазубренной стены деревьев, возвращающийся с попутным ветром воздушный корабль. Очевидно, дирижабль даже не приземлялся в Г-1,

районном командном центре, а связавшись с ними по мигалке, прямиком направился на передовую. Следовательно, он наверняка нес срочное послание Леддравору от короля.

Озадаченный принц прикрыл рукой глаза от солнца, наблюдая, как воздушный корабль тормозит и готовится к посадке на лесную поляну.

Глава 3

Квадратный Дом, резиденция Лейна Маракайна, располагалась на Зеленой Горе — круглом холме в северном районе колкорронской столицы Ро-Атабри.

Из окна кабинета открывалась панорама разнообразных районов города: жилых, торговых, промышленных, административных, рассыпанных вдоль реки Боранн, а на дальнем берегу, вокруг пяти дворцов, расстилались парки. Землю для жилых и хозяйственных построек на столь престижном участке пожаловал магистру и семьям всего ученого сословия король Битран IV много веков назад, когда научная работа еще очень ценилась.

Сам магистр жил в ветхом строении, известном под названием Зеленогорская Башня, и, как сви-

детельство былого уважения, все окружающие дома располагались на одной линии с Великим Дворцом, что облегчало связь по солнечному телеграфу. Однако же ныне эти признаки престижа лишь усиливали зависть и ненависть других сословий. Лейн Маракайн узнал, что верховный глава промышленности, принц Чаккел, особенно жаждал добавить Зеленую Гору в качестве украшения к собственному двору и делал все, чтобы ученых выдворили и переселили в более скромное место.

Начинался вечерний день, тень Верхнего Мира отступила, и после двухчасового сна город был прекрасен. Деревья желтых, оранжевых и красных расцветок, сбрасывавшие листья, сочетались с бледно— и темно-зелеными тонами других циклов — едва проклюнувшимися почками или полностью одевшимися в листву ветвями. Там и сям виднелись пастельные круги и эллипсы ярко освещенных баллонов воздушных кораблей, а на реке белели паруса океанских судов, везущих всякие ценности из удаленных районов Мира.

Но Лейн, сидевший у окна за письменным столом, ничего этого не замечал. Весь день он ощущал нервное возбуждение, вызванное любопытством и подсознательным ожиданием

чего-то. И хотя причин для этого не было, предчувствие говорило ему, что должно произойти нечто важное.

Лейна уже давно интриговала глубинная связь задач, направляемых его ведомству из различных источников. В основном это были скучные и рутинные дела. К примеру, виноторговец желал знать самую экономичную форму сосуда для фиксированного количества вина. Или фермеру следовало подсказать оптимальный способ размещения посевов в определенном районе в разное время года.

Эти вопросы были очень далеки от тех, что решали в старые времена его предки. Например, определение границ мироздания. И все же Лейн подозревал, что его рутинная коммерческая работа таит в себе концепцию, способную вскрыть основы вселенной даже глубже, чем загадки астрономии. Каждый раз одно количество управлялось изменениями другого, и требовалось найти оптимальный баланс. Традиционные методы решения предполагали математические вычисления и построение графиков с максимумом, но тихий голосок, от которого Лейна пробирала ледяная дрожь, нашептывал, что существует краткое и точное алгебраическое

решение в несколько росчерков пера, связанное с понятием пределов и той идеей, что…

— Помоги мне составить список гостей, — прервала ход его мысли Джесалла. Она буквально вплыла в кабинет, волоча юбку по полу. — Я не могу ничего планировать, пока не знаю, сколько у нас будет народу.

Мерцающий огонек нарождающейся концепции погас, но возникшее было ощущение потери быстро прошло, едва Лейн взглянул на свою черноволосую постоянную жену. Она болезненно переносила первую беременность: ее лицо побледнело и осунулось, но темные глаза по-прежнему подчеркивали интеллект и силу характера. Лейну казалось, что Джесалла еще никогда не была столь прекрасна, но втайне он все-таки жалел о ее решении иметь ребенка: это изящное узкобедрое тело не создано для материнства, и он опасался неудачного исхода.

— Ох, извини, Лейн, — виновато произнесла Джесалла. — Я помешала тебе, да?

Он улыбнулся и покачал головой, в очередной раз удивляясь ее таланту угадывать чужие мысли.

— А не рано еще планировать Конец Года?

— Нет. — Жена спокойно выдержала взгляд

Лейна: давний способ бросать ему вызов и проверять, не ослабла ли ее власть. — Так вот, насчет твоих гостей…

— К концу дня обещаю составить список. Думаю, он будет в общем-то прежним, хотя я не уверен насчет Толлера.

— Ну и не надо, — сказала Джесалла, сморщив нос. — Мне он не нужен. Куда приятнее провести вечер без споров и потасовок.

— Все же он мой брат, — миролюбиво возразил Лейн.

— Только по матери.

Добродушие Лейна как рукой сняло.

— Хорошо, что моя мать не дожила до того, чтобы услышать это замечание.

Джесалла, поняв свою ошибку, подошла и, сев к нему на колени, поцеловала в губы, как тесто лепя руками его щеки, — трюк старый, но испытанный. Снова почувствовав себя счастливчиком после двух лет брака, Лейн просунул ладонь под голубую блузку и погладил маленькую грудь. Джесалла выпрямилась и серьезно посмотрела на него.

— Я не хотела обижать твою мать, — сказала она. — Просто Толлер больше похож на солдата, чем на члена семьи ученых.

— Иногда случаются генетические неудачи.

— И потом, он даже не умеет читать.

— Мы это уже обсуждали, — терпеливо сказал Лейн. — Когда ты поближе узнаешь брата, увидишь, что он не глупее остальных. Просто ему трудно читать бегло, потому что он не в ладах с печатным текстом. В конце концов, многие военные тоже грамотные, так что ты непоследовательна в своей теории.

— Ну… — недовольно протянула Джесалла. — Но почему он непременно везде устраивать бучу?

— Такая привычка есть у многих людей, включая и ту, чей левый сосок в данный момент щекочет мою ладонь.

— Не заговаривай мне зубы — особенно в это время дня.

— Ладно, но почему тебя так раздражает именно Толлер? Ведь у нас на Зеленой Горе и без него хватает индивидуалистов-оригиналов.

— А тебе больше нравятся безликие особи женского пола, не имеющие личного мнения? — Джесалла легко и упруго спрыгнула на пол и, взглянув в окно на садик у фасада, нахмурилась. — Ты ждал магистра Гло?

— Нет.

— Увы. Он приехал. — Джесалла поспешила к двери. — Я исчезаю, пока он не вошел. Не могу полдня выслушивать его бесконечное эканье и меканье, не говоря уже об оскорбительных непристойностях. — И подобрав длинную, до лодыжек, юбку, она бесшумно взбежала по задней лестнице.

Сняв очки для чтения, Лейн посмотрел ей вслед, досадуя, что она никак не успокоится насчет происхождения брата. Эйфа Маракайн, его мать, умерла, рожая Толлера, так что если она и согрешила, то расплатилась сполна. Почему бы Джесалле не оставить эту тему? Лейна привлекала интеллектуальная независимость жены не меньше, чем ее красота и грация, но он не соглашался обменять их на разрыв с братом. Оставалось лишь надеяться, что все это не выльется в затяжную домашнюю войну.

Звук захлопнувшейся дверцы кареты в палисаднике вернул Лейна к реальности. Магистр Гло как раз вышел из потрепанного, но роскошного фаэтона, на котором всегда разъезжал по городу. Возница, удерживая двух синерогов под уздцы, кивал и ерзал, получая от хозяина длинную серию указаний. Лейн, считавший, что Гло говорит сто слов там, где хватило бы десятка, потихоньку

молился, чтобы этот визит не превратился в бесконечный и суровый тест на выживание. Открыв буфет, он разлил по двум бокалам черное вино и встал у двери, ожидая появления магистра.

— Ты очень любезен. — Войдя, Гло сразу взял бокал и направился прямиком к ближайшему креслу. Хотя магистру шел только пятый десяток, он выглядел много старше благодаря своей пухлой фигуре и выглядывающим из-за нижней губы нескольким бурым пенькам вместо зубов. Гло шумно дышал после восхождения по лестнице, и его живот ходил ходуном под серым с белой отделкой неофициальным халатом.

— Всегда рад видеть вас, магистр, — приветствовал его Лейн, размышляя, пришел ли тот с особой целью, и понимая, что не стоит и пытаться первому начинать расспросы.

Гло одним глотком наполовину осушил бокал.

— Взаимно, мой мальчик. О! У меня есть… гм… по крайней мере я думаю, что у меня есть кое-что для тебя. Тебе понравится.

Он отставил бокал и, порывшись в складках одежды, в конце концов извлек квадратный листок бумаги и вручил его Лейну. Листок был немного липкий и буроватый, а в центре его красовалось пестрое круглое пятно.

— Дальний Мир. — Лейн узнал в кружке световой портрет единственной, не считая пары Мир — Верхний Мир, крупной планеты местной системы. — Изображения улучшаются.

— Да, но нам все еще не удается сделать их стойкими. Этот экземпляр заметно выцвел с прошлой… гм… ночи. Полярные шапки едва видны, а вчера они были совершенно отчетливы. Жалко. Жалко. — Гло забрал фотографию и внимательно ее разглядел, кивая и обсасывая гнилые зубы. — Полярные шапки было видно как днем. Уверяю тебя. Юный Энтет получил очень хорошее подтверждение угла… э… наклона. Лейн, ты когда-нибудь пытался представить себе, на что похожа жизнь на планете с наклонной осью вращения? Там, наверно, жаркий период года с длинными днями и короткими ночами и холодный… гм… период с длинными днями… я хочу сказать, с короткими днями… и длинными ночами… в зависимости от того, в каком месте орбиты находится планета. Изменение цвета поверхности доказывает, что вся растительность Дальнего Мира включена в единый вынужденный… гм… цикл.

Гло с увлечением развивал одну из своих излюбленных тем, а Лейн скрывал нетерпение

и скуку. Была какая-то жестокая несправедливость в том, что магистр преждевременно впадал в старческое слабоумие, и Лейн — искренне беспокоясь о старике — считал своим долгом максимально поддерживать его и лично, и по работе. Он исправно наполнял бокал и вставлял соответствующие реплики, пока Гло совершал головокружительные эскапады от элементарной астрономии к ботанике и различиям между экологией на планете с наклонной осью и на Мире.

Кстати, на Мире, где не было смены времен года, фермеры давно уже научились разделять природные растения на синхронные группы, созревающие одновременно, и в большинстве районов планеты снимали по шесть урожаев в год. После создания синхронных групп оставалось лишь сажать и убирать шесть смежных полос, чтобы поддерживать поставки зерна без проблем, связанных с длительным хранением. Ныне передовые страны сочли более эффективным отводить целые фермы под одноцикловые посевы и работать с комбинациями шести ферм или кратного шестерке числа таковых, но принцип остался прежним.

Мальчиком Лейн Маракайн мечтал о жизни на далеких планетах, предполагая, что они

существуют в иных частях вселенной и населены разумными существами, но, повзрослев, обнаружил, что математика предоставляет куда больший простор для интеллектуальных приключений. Теперь он желал лишь, чтобы магистр Гло либо ушел и позволил ему продолжить работу, либо объяснил наконец цель своего визита. Он снова начал слушать магистра и обнаружил, что Гло уже переключился на обсуждение фотографий и трудностей изготовления эмульсий из светочувствительных растительных клеток, которые удерживали бы изображение дольше нескольких дней.

— Почему это так важно для вас? — вставил Лейн. — Любой сотрудник обсерватории может от руки нарисовать все что угодно.

— Астрономия лишь крохотная частица дела, мой мальчик. Необходимо научиться получать точные… гм… портреты зданий, местности, людей.

— Да, но для этого и существуют чертежники, художники…

Гло покачал головой, улыбнулся, демонстрируя остатки зубов, и заговорил с необычной живостью:

— Художники рисуют лишь то, что они или их

патроны считают важным, а мы многое теряем. Время утекает у нас меж пальцев. Я хочу, чтобы каждый человек стал сам себе художником — тогда мы откроем свою историю.

— Вы считаете, это возможно?

— Несомненно. Я предвижу день, когда каждый будет носить при себе светочувствительный материал и сможет в мгновение ока запечатлеть все, что захочет.

— Вы все еще витаете в облаках, — сказал Лейн, на мгновение увидев Гло таким, каким тот был в молодости. — И, паря высоко, вы видите дальше нас.

Магистр польщенно улыбнулся.

— Это пустяки — лучше налей мне… гм… вина. — Внимательно следя, как наполняется бокал, он откинулся на спинку кресла. — Ты ни за что не угадаешь, что случилось.

— От вас забеременела какая-нибудь невинная юная особа.

— Попробуй еще раз.

— Вы забеременели от какой-нибудь невинной юной особы.

— Это серьезно, Лейн. — Гло сделал урезонивающий жест, показывая, что легкомыслие здесь неуместно. — Король и принц Чаккел наконец-то

проснулись и обнаружили, что у нас кончается бракка.

Лейн застыл, держа бокал у губ.

— Как вы и предсказывали. Прямо не верится! Сколько же отчетов и исследований мы послали им за последние десять лет?

— Я сбился со счета, но кажется, наши труды увенчались наконец некоторым успехом. Король созывает заседание высшего… гм… Совета.

— Никогда бы не подумал, что он сделает это, — сказал Лейн. — Вы что, прямо из дворца?

— Э… нет. Про заседание мне известно уже несколько дней, но я не мог передать тебе эту новость, потому что король отослал меня, представь себе, в Сорку по другому… гм… делу. Я вернулся сегодня утренним днем.

— На вашем месте я устроил бы себе там лишний выходной.

— Мне было не до отдыха, мой мальчик. — Гло покачал большой головой и помрачнел. — Я был с Тансфо — наблюдал за вскрытием трупа какого-то солдата — и теперь с готовностью признаю, что совершенно не переношу ничего такого.

— Прошу вас! Не надо подробностей, — прервал его Лейн, почувствовав легкую тошноту при упоминании о ножах, пронзающих мертвенно-

бледную кожу и вторгающихся во внутренности. — Зачем король послал вас туда?

Гло постучал себя по груди.

— Все же я как-никак магистр. Мое слово еще имеет вес для короля. По-видимому, наши солдаты и летчики подвержены… гм… деморализации из-за слухов об опасности заражения птертозом.

— Заражения? В каком смысле?

— В прямом. Говорят, что несколько рядовых заразились птертозом, работая рядом с жертвами.

— Но это же чушь, — сказал Лейн, делая наконец глоток вина. — А что обнаружил Тансфо?

— Птертоз чистейшей воды. Никаких сомнений. Селезенка размером с футбольный мяч. Мы дали официальное заключение, что солдат наткнулся на шар глубокой ночью и вдохнул пыль, не зная этого, — или что он рассказывал… гм… неправду. Такое случается, как тебе известно. Некоторые люди ломаются. Они даже умудряются убедить самих себя, что все хорошо.

— Я их понимаю. — Лейн втянул голову в плечи, словно от холода. — Такое искушение, безусловно, имеет место. В конце концов, жить или умереть решают легчайшие дуновения воздуха.

— Ладно. Вернемся к нашим заботам. — Гло встал и начал ходить по комнате. — Предстоящее

заседание очень важно для нас, мой мальчик. Это шанс для сословия ученых завоевать заслуженное уважение и восстановить былой статус. Так вот, я хочу, чтобы ты лично подготовил графики — большие, разноцветные и… гм… наглядные, — показывающие, сколько пикона и халвелла произведет, как ожидается, Колкоррон в течение следующих пятидесяти лет. Наверно, можно взять интервал в пять лет, но это я оставляю на твое усмотрение. Нужно также выявить, каким образом наши ресурсы искусственно посаженных бракк будут расти по мере того, как потребность в натуральных кристаллах будет уменьшаться, до тех пор пока мы…

— Погодите, магистр, — запротестовал Лейн, увидев, что пророческая риторика увлекает Гло далеко от реальности. — Не хочу выглядеть пессимистом, но ведь нет гарантии, что в ближайшее время мы произведем хоть какое-то количество пригодных для использования кристаллов. Наш лучший пикон на сегодня имеет чистоту всего лишь на одну треть. И халвелл немногим лучше.

Гло возбужденно рассмеялся.

— Это лишь оттого, что король нас недостаточно поддерживал. При соответствующих ресурсах мы быстро решим эту проблему. Я уверен! Слу-

шай, король даже позволил мне отправить посыльных за Сисстом и Датхуном. Они представят отчеты о последних достижениях. Твердые факты — вот что произведет впечатление на короля. Практические данные. Заявляю тебе, мой мальчик, времена меняются. — Вдруг Гло побледнел. — Мне дурно. — Он грузно упал в кресло, так что закачалась декоративная керамика на ближайшей стенке.

Вместо того чтобы подойти и предложить помощь, Лейн непроизвольно попятился. Магистр выглядел так, будто его сейчас вырвет, и одна мысль о том, что он окажется рядом в этот момент, вызвала у Лейна отвращение. Хуже того, вены, бешено пульсирующие на висках Гло, казалось, вот-вот лопнут. А вдруг из них действительно брызнет красное? Лейн попытался представить, как он совладает с собой, если на него попадет хотя бы капля крови другого человека, и его желудок предупреждающе сжался.

— Вам чего-нибудь принести? — беспокойно спросил он. — Воды?

— Еще вина, — просипел Гло, поднимая бокал.

— Вы уверены?

— Не будь таким занудой, мой мальчик, — это лучшее тонизирующее средство на свете. Если бы

ты чуть больше пил, у тебя, возможно, наросло бы побольше мяса на… гм… костях… в нужных местах. — Гло проследил, чтобы бокал наполнился до краев, и потихоньку стал приходить в себя. — Так о чем я говорил?

— Может быть, о близком возрождении цивилизации?

— Ты что, издеваешься?

— Простите, магистр, — сказал Лейн, — просто сохранение бракки всегда было моей страстью — это тема, из-за которой я часто становлюсь несносен.

— Я помню. — Гло оглядел комнату, отмечая те предметы из керамики и стекла, которые в любом другом доме были бы вырезаны из черного дерева. — Ты не думаешь, что ты… гм… немного перебарщиваешь?

— Мне так больше нравится. — Подняв левую руку, Лейн показал кольцо из бракки, которое носил на шестом пальце. — Я и кольцо-то ношу только потому, что это свадебный подарок Джесаллы.

— Ах да, Джесалла. — Гло обнажил торчащие в разные стороны зубы, изображая развратную улыбку. — В одну из ближайших ночей, клянусь, в твоей постели побывают гости.

— Моя постель — твоя постель, — с легким сердцем произнес Лейн. Он знал, что магистр никогда не пользовался правом вельможи брать любую женщину из той социальной группы, в которой является династическим главой. Эта старинная традиция Колкоррона еще соблюдалась в высших семействах, но если Гло время от времени отпускал шутки на эту тему, то просто чтобы подчеркнуть таким образом культурное превосходство ученого сословия, которое подобную практику давно оставило.

— Я помню о твоих крайних взглядах, — продолжал магистр, возвращаясь к первоначальной теме, — но не мог бы ты более лояльно отнестись к совещанию? Разве ты не рад ему?

— Да, рад. Это шаг в правильном направлении. Но мы опоздали. Бракка достигает зрелости и вступает в фазу опыления за пятьдесят — шестьдесят лет, и даже если бы мы уже умели выращивать чистые кристаллы, временной зазор все равно останется. А он пугающе велик.

— Тем больше причин планировать будущее, мой мальчик.

— Верно. Но чем план нужнее, тем меньше вероятность, что его примут.

— Это очень глубокая мысль, — сказал Гло. — А

теперь скажи мне, что она… гм… означает.

— Еще лет пятьдесят назад Колкоррон, наверно, мог уравновесить производство и потребление, введя несколько элементарных предохранительных мер, но и тогда принцы ничего не желали слушать. В теперешней ситуации требуются действительно радикальные меры. Вы представляете себе, как отреагирует Леддравор на предложение прекратить производство вооружений на двадцать — тридцать лет?

— Лучше об этом и не думать, — согласился Гло. — Но ты не преувеличиваешь трудности?

— Посмотрите на графики. — Лейн подошел к шкафу с плоскими ящиками и, вынув большой лист, разложил его на столе так, чтобы видел Гло. Он объяснял цветные диаграммы, избегая, насколько возможно, трудной математики, анализировал, каким образом растущие потребности страны в энергетических кристаллах и в бракке связаны с возрастающей нехваткой и другими факторами — например, с транспортными задержками. Несколько раз во время этой речи ему приходило в голову, что здесь опять попадаются те самые общие задачи, о которых он размышлял накануне. Он с горечью осознал, что стоял на пороге нового направления в математике, но опять

был побежден материальными и человеческими проблемами.

И одна из них, кстати, та, что магистр Гло, главный представитель ученых, утратил способность воспринимать сложные аргументы и вдобавок к этому пристрастился к ежедневным попойкам. Магистр энергично кивал и сосал свои зубы, стараясь изобразить заинтересованность, но мешки его век опускались все чаще.

— Это очень серьезно, магистр, — с особым жаром сказал Лейн, чтобы привлечь внимание Гло. — Хотели бы вы рассмотреть работы моего отдела о мерах, необходимых для выхода из кризиса?

— Стабильность, да, стабильность — вот главное. — Гло резко поднял голову и на секунду, казалось, совершенно растерялся; его бледно-голубые глаза уставились на Лейна, словно Гло видел его впервые. — На чем мы остановились?

Лейн уже просто испугался.

— Возможно, будет лучше, если я пришлю письменный реферат вам в Башню, где вы сможете просмотреть его на досуге. Когда состоится заседание Совета?

— Утром двухсотого. Да, определенно, король сказал, что двухсотого. А какой день сегодня?

— Один-девять-четыре.

— Да, времени маловато, — с грустью сказал Гло. — Я обещал королю, что внесу существенный… гм… вклад.

— Так и будет.

— Это не то, что я… — Гло поднялся, слегка покачиваясь и улыбнулся Лейну странной дрожащей улыбкой. — Ты это серьезно?

Лейн моргнул, не понимая, к чему, собственно, относится вопрос.

— Магистр?

— Насчет того, что я… парю выше… вижу дальше?

— Конечно, — ответил Лейн с досадой. — Искреннее не бывает.

— Это хорошо. Это значит, что… — Гло выпрямился и выпятил пухлую грудь, неожиданно обретая обычное благодушие. — Мы им покажем. Мы им всем покажем. — Он прошел к двери, но остановился, положив ладонь на фарфоровую ручку. — Пришли мне реферат как можно… гм… скорее. Да, кстати, я дал указание Сиссту привезти с собой твоего брата.

— Это очень любезно с вашей стороны, магистр, — произнес Лейн, хотя радость от предстоящей встречи с Толлером омрачалась мыслью о

реакции Джесаллы на эту новость.

— А, пустяки. Мне кажется, мы слишком сурово с ним обошлись. Я хочу сказать, заслали на целый год в такую дыру, как Хаффангер, лишь за то, что он щелкнул по подбородку Онгмата.

— От этого щелчка его челюсть оказалась сломана в двух местах.

— Ну, это был такой сильный щелчок. — Гло издал хриплый смешок. — Кроме того, приятно, что Онгмат хоть на время замолчал. — Все еще хихикая, он вышел из кабинета, и некоторое время слышалось шарканье его сандалий по мозаичному полу коридора.

Лейн отнес почти нетронутый бокал на стол, сел и начал крутить его, любуясь игрой света в черном водоворотике. Похвалить грубость Толлера было вполне типично для Гло — таким способом он напоминал членам ученого сословия, что у магистра королевское происхождение и, следовательно, в жилах его течет кровь завоевателей. Раз он шутит — значит почувствовал себя лучше, восстановил самообладание, и все же Лейн серьезно беспокоился о телесном и умственном здравии старика.

Всего лишь за несколько последних лет Гло превратился в самодовольное, рассеянное и бес-

помощное существо. Большинство глав отделов терпели его некомпетентность, ценя дополнительную свободу, которую им это давало, но все без исключения ощущали деморализацию и потерю престижа ученого сословия. Стареющий король Прад пока еще сохранял всепрощающую любовь к Гло, и злые языки говорили: раз уж к науке относятся как к анекдоту, то вполне логично, что ее представляет придворный шут. Однако заседание высшего Совета — дело нешуточное, сказал себе Лейн. Человек, представляющий тех, кто рекомендует строгие меры по сохранению бракки, должен выступить красноречиво и убедительно, выстроить сложные доводы и подкрепить их неопровержимой статистикой. Позиция Лейна вызовет всеобщее неодобрение, а в особенности — амбициозного Чаккела и дикаря Леддравора.

Если Гло не возьмет себя в руки за то короткое время, что осталось до совещания, от его имени, несомненно, должен будет выступить заместитель — то есть он, Лейн. От перспективы бросить вызов, пусть даже словесный, Чаккелу и Леддравору Лейна сначала прошиб холодный пот, а потом покрыла испарина. Его мочевой пузырь начал подавать угрожающие сигналы. Вино в

бокале отражало теперь рисунок из дрожащих концентрических кругов.

Отставив его, Лейн сделал глубокий и равномерный вдох, ожидая, пока перестанут дрожать руки.

Глава 4

Толлер Маракайн проснулся с приятным и одновременно тревожным ощущением, что он в постели не один.

Слева он чувствовал тепло женского тела, чья-то рука легла ему на живот, а нога — поперек бедер. Ощущения тем более приятные, что непривычные. Он лежал совершенно неподвижно, смотрел в потолок и пытался вспомнить, при каких обстоятельствах в его аскетических апартаментах в Квадратном Доме появилась гостья.

Свое возвращение в столицу Толлер отметил тем, что обошел все оживленные таверны в районе Самлю. Он начал заниматься этим накануне утром и планировал завершить свой обход до окончания малой ночи, однако под воздействием винных паров каждый встречный в конце концов стал казаться ему лучшим другом, поэтому Толлер продолжал пить весь вечерний день и

значительную часть ночи. Празднуя свое освобождение от пиконовых чанов, он вскоре начал подмечать, что в людской толчее рядом с ним раз за разом оказывается одна и та же женщина — намного чаще, чем можно приписать случаю.

Она была высокая, с медовыми волосами, полной грудью и широкими плечами и бедрами — как раз такая, о какой Толлер мечтал во время ссылки в Хаффангере. Кроме того, она с независимым видом грызла веточку приворожника. Ее круглое, открытое и простое лицо с румяными от вина щечками украшала белозубая улыбка, которую чуть портил лишь крошечный треугольничек — на одном из передних резцов отломился кусочек; а когда Толлер обнаружил, что с ней приятно говорить и легко смеяться, то и самым естественным показалось провести ночь вместе.

— Я голодна, — вдруг сказала она и села на постели, — я хочу позавтракать.

Толлер с восхищением оглядел ее прекрасный обнаженный бюст и улыбнулся.

— А если я сначала хочу чего-то другого?

На мгновение она надула губки, но потом улыбнулась и, наклонившись, коснулась сосками его груди.

— Будь осторожен, иначе я заезжу тебя до

смерти.

— Попробуй, попробуй, — благодарно рассмеялся Толлер. Он привлек ее к себе, они поцеловались, и приятное тепло разлилось по его телу. Однако через мгновение Маракайн ощутил легкое беспокойство и, открыв глаза, тотчас понял, в чем дело: в спальне было совсем светло, а значит, после восхода прошло уже много времени. Это было утро двухсотого дня, а ведь он обещал брату встать пораньше и помочь перевезти плакаты и стенды в Большой Дворец. В общем-то работа для слуг, с которой мог справиться кто угодно, но Лейн просил, чтобы это сделал именно Толлер. Возможно, он не хотел оставлять его наедине с Джесаллой на время долгого заседания Совета.

Джесалла!

Толлер едва не застонал вслух, вспомнив, что даже не видел Джесаллу накануне. Он прибыл из Хаффангера рано утром и после короткого разговора с братом — причем Лейна в основном занимали плакаты — отправился кутить. Джесалла, как постоянная жена Лейна, являлась хозяйкой дома и была вправе рассчитывать на некоторое почтение со стороны Толлера во время вечерней трапезы. Кто другой, может, и не обратил бы внимания на такую бестактность, но требовательная

и самолюбивая Джесалла наверняка пришла в ярость. Во время полета в Ро-Атабри Толлер поклялся себе, что не станет создавать брату проблем и постарается поладить с Джесаллой — а начал с того, что провинился перед ней в первый же день. Прикосновение влажного языка неожиданно напомнило Толлеру, что его прегрешения против домашнего этикета даже больше, чем подозревает Джесалла.

— Извини, — сказал он, высвобождаясь из объятий, — но ты должна немедленно отправиться домой.

У женщины отвисла челюсть.

— Что?

— Давай, давай, быстрее. — Толлер встал, сгреб ее одежду в легкий комок и сунул ей в руки, а потом открыл шкаф и начал выбирать чистую одежду для себя.

— А как насчет завтрака?

— Некогда — ты должна уйти.

— Вот это здорово, — с горечью сказала она, начиная рыться в тесемках и кусочках полупрозрачной ткани, из которых только и состояло ее облачение.

— Я же сказал «извини», — произнес Толлер, с трудом натягивая тесные брюки, которые, каза-

лось, решительно настроились сопротивляться вторжению.

— Большое утешение… — Она остановилась, стараясь прикрыть грудь узкой повязкой, и оглядела комнату от пола до потолка. — А ты правда здесь живешь?

Вместо того чтобы рассердиться, Толлер развеселился.

— А ты думаешь, я выбрал первый попавшийся дом и пробрался туда, чтобы воспользоваться постелью?

— Мне вчера ночью показалось немного странным… всю дорогу мы ехали в экипаже… держались очень тихо… Ведь это Зеленая Гора, правда? — Ее откровенно подозрительный взгляд прошелся по мускулистым рукам и плечам Толлера. Он догадывался, о чем она думает, но лицо ее не выразило осуждения, так что он не чувствовал себя задетым.

— Сегодня прекрасное утро для прогулок, — сказал он, поднимая девушку на ноги и подталкивая ее — с еще не совсем застегнутым платьем — к единственному выходу из комнаты. Толлер открыл дверь именно в тот момент, когда Джесалла Маракайн проходила по коридору. Похудевшая Джесалла была бледна и выглядела неважно, но

взгляд ее серых глаз ничуть не утратил твердости и был явно сердитым.

— Доброе утро, — с ледяной корректностью сказала она. — Мне говорили, что ты вернулся.

— Приношу извинения за вчерашний вечер, — сказал Толлер. — Я… я задержался.

— Я вижу. — Джесалла оглядела его спутницу с нескрываемым презрением. — Итак?

— Что итак?

— Ты не собираешься представить свою… подругу?

Толлер мысленно выругался, понимая всю безвыходность ситуации. Даже принимая во внимание вчерашние обильные возлияния, как мог он совершить такой промах, забыв спросить у дамы сердца ее имя? Джесалла была последним человеком на свете, которому он рискнул бы объяснить атмосферу предыдущего вечера, а значит, нечего и думать о том, чтобы умиротворить драгоценную хозяйку. «Извини, милый брат, — пронеслось в голове у Толлера, — мне жаль, что так вышло».

— Эта ледяная особа — моя невестка, Джесалла Маракайн, — сказал он, приобняв гостью за плечи и демонстративно запечатлев поцелуй у нее на челе. — Ей не терпится узнать твое имя, а

учитывая наши ночные похождения, я тоже был бы не прочь выяснить его.

— Фера, — представилась девушка, внося последние штрихи в свой гардероб. — Фера Риву.

— Вот и славно. — Толлер широко улыбнулся Джесалле. — Теперь нас троих водой не разлить.

— Будь добр, проследи, чтобы ее вывели через черный ход, — надменно произнесла Джесалла. Она повернулась и, высоко подняв голову, устремилась прочь, ступая удивительно ровно.

Толлер покачал головой.

— Как думаешь, что это с ней?

— Некоторых женщин легко вывести из себя. — Фера выпрямилась и оттолкнула Толлера. — Так где здесь выход?

— Мне казалось, ты хотела позавтракать.

— А мне казалось, ты из кожи лезешь, чтобы выпроводить меня.

— Ты все неверно поняла, — решился Толлер. — По мне, так оставайся здесь сколько угодно. Или у тебя есть неотложные дела?

— О, я, знаешь ли, занимаю очень высокий пост на рынке в Самлю — потрошу рыбу. — Фера протянула ладони, испещренные мелкими красными следами от порезов. — Откуда, думаешь, у меня это?

— Забудь о рынке. — Толлер накрыл ее ладони своими. — Возвращайся в постель и жди меня. Я пришлю тебе завтрак. Можешь есть, пить и спать весь день, а вечером прокатимся на прогулочном катере.

Фера улыбнулась, потрогав кончиком языка треугольную щелочку между зубами.

— Твоя невестка…

— Всего лишь моя невестка. Я родился и вырос в этом доме, я имею право приглашать гостей. Ну как, останешься?

— А будет свинина со специями?

— Уверяю тебя, что в этом доме ежедневно превращают в свинину со специями целые свинарники, — сказал Толлер, уводя Феру обратно в комнату. — Итак, оставайся здесь, пока я не вернусь, и мы продолжим с того места, на котором остановились.

— Хорошо. — Она легла на кровать, устроилась поудобнее на подушках и вытянула ноги. — Только прежде чем уйти…

— Да?

Она улыбнулась ему ясной белозубой улыбкой.

— Может, и ты мне скажешь, как тебя зовут?

Выйдя на лестницу в конце коридора и спускаясь в центральную часть здания, откуда

доносилось множество голосов, Толлер все еще посмеивался. Общество Феры освежало, но слишком долгое ее присутствие в доме может стать вызовом для Джесаллы. Пожалуй, хватит двух-трех дней — чтобы показать Джесалле, что она не имеет права оскорблять деверя или его гостей, а ее попытки помыкать им так же, как братом, обречены на провал.

Спустившись на нижний пролет парадной лестницы, Толлер обнаружил в холле кучу народу. Тут столпились ассистенты-вычислители, домашние слуги и грумы, которые, надо полагать, собрались поглазеть, как хозяин отправится в Большой Дворец. Лейн Маракайн облачился в древнее официальное одеяние старшего ученого — длинный, до пола, халат серого цвета, отороченный снизу и у обшлагов черными треугольниками. Шелковая ткань подчеркивала хрупкое телосложение Лейна, но держался он прямо и величественно. Лицо его было очень бледно. Пересекая холл, Толлер почувствовал приступ любви и жалости: заседание Совета — важное событие для брата, и было заметно, как он нервничает.

— Ты опоздал, — сказал Лейн, окинув его критическим взглядом. — И должен был надеть серый халат.

— Я не успел привести его в порядок. У меня была бурная ночь.

— Джесалла мне только что рассказала, какая у тебя была ночь. — На лице Лейна веселье боролось с отчаянием. — А правда, что ты даже не знал ее имени?

Толлер пожал плечами, чтобы скрыть смущение.

— Какое значение имеют имена?

— Если ты не понимаешь, вряд ли стоит объяснять.

— Мне не нравится, что ты… — Толлер глубоко вздохнул, решив не спорить с братом. — Где стенды, которые я должен нести?

Официальная резиденция короля Прада Нелдивера выделялась скорее размерами, нежели архитектурными достоинствами. Каждый очередной правитель пристраивал новые крылья, башни и купола, руководствуясь личными прихотями и стилем своего времени, в результате чего здание стало напоминать коралл или одну из тех постепенно разрастающихся построек, которые возводят некоторые виды насекомых. Какой-то древний садовник — видимо, специалист по ландшафтам, — попытался внести определенную степень порядка, сажая синхронные кудрявцы

и стропильные деревья, но за последующие столетия все заросло другими видами, и теперь пеструю разнородную кладку окружала растительность столь же неоднородной расцветки. Отсутствие всякой гармонии резало глаз.

Толлера Маракайна, однако, это ничуть не беспокоило, когда он спускался с Зеленой Горы в арьергарде скромного кортежа. Перед рассветом прошел дождь, и утренний воздух, пропитанный солнечным духом свежих начинаний, был прозрачным и бодрящим. Огромный диск Верхнего Мира сиял над головой, и множество звезд украшало голубизну неба. Сам дворец являл собой невероятно сложное скопление разноцветных пятен, протянувшихся до синевато-серой ленты реки Боранн, а на ней, как снежные ромбы, сверкали паруса.

Радость Толлера от того, что он вырвался из захолустного Хаффангера и снова в Ро-Атабри, подавила его обычную неудовлетворенность жизнью малозначительного члена ученого сословия. После неудачного начала дня настроение его снова поднялось, и он даже начал строить планы на будущее: хорошо бы улучшить навыки чтения и найти какую-нибудь интересную работу, отдав ей все свои силы, чтобы Лейн им гордился.

Подумав, Толлер рассудил, что у Джесаллы были основания сердиться на него. Он должен будет удалить Феру из своих апартаментов, как только вернется домой.

Здоровенный синерог, вернее — синерожка, которую дал Толлеру старший конюх, была спокойным животным и, похоже, знала дорогу до дворца. Предоставив ее самой себе, Толлер, пока она тащилась по все более оживленным улицам, постарался достроить картину своего ближайшего будущего — такого, которое понравилось бы Лейну. Он слышал, что одна исследовательская группа пытается создать смесь из керамики со стеклом, достаточно прочную, чтобы заменить бракку при изготовлении мечей и брони. Совершенно очевидно, что это им никогда не удастся, но такая тема нравилась Толлеру больше, чем измерение дождевых осадков, да и Лейну будет приятно узнать, что он поддерживает движение за сохранение бракки. Однако прежде всего нужно изобрести способ заслужить одобрение Джесаллы…

Когда делегация ученых миновала центр города и пересекла Битранский Мост, дворец и его окрестности заняли весь горизонт. Отряд преодолел четыре концентрических крепостных рва,

которые пестрели цветами, скрывающими их боевое назначение, и остановился у главных ворот. Ленивой походкой приблизились стражники, похожие в тяжелом вооружении на огромных черных жуков. Пока их командир усердно сверял со списком имена гостей, один копьеносец подошел к Толлеру и, не говоря ни слова, начал грубо рыться среди скатанных в трубку плакатов в его корзинах. Закончив, он остановился, сплюнул на землю и обратил свое внимание на стенд, привязанный поперек крупа и сползший на задние ноги синерога. Он дернул отполированную деревянную стойку с такой силой, что синерог боком толкнул его.

— А ты куда смотришь? — прорычал стражник, бросив на Толлера злобный взгляд. — Не можешь управиться со своим рассадником блох?

«Я новый человек, — твердил себе Толлер, — и не дам втянуть себя в свару». Он улыбнулся и сказал:

— Ей просто хочется приласкаться к тебе.

Губы копьеносца беззвучно шевельнулись, и он угрожающе двинулся на Толлера, но в этот момент начальник стражи подал группе сигнал проходить. Толлер послал скакуна вперед и вернулся на свое место позади экипажа Лейна.

Мелкая стычка со стражником слегка его возбудила, но не испортила настроения: все-таки приятно осознавать, что ты вел себя достойно. Посчитав этот инцидент ценным упражнением в искусстве избегать лишних неприятностей, в котором Толлер намеревался совершенствоваться всю оставшуюся жизнь, он поудобнее устроился в седле и, целиком отдавшись мерной поступи синерога, обратился мыслями к предстоящему делу.

Толлер всего лишь один раз, еще маленьким ребенком, бывал в Большом Дворце и смутно помнил Радужный Зал, где должно было состояться заседание Совета. Он не рассчитывал, что зал окажется таким же огромным и повергающим в трепет, как ему запомнилось, но это было главное деловое помещение во дворце, и то, что именно там решили провести сегодняшнее заседание, говорило о многом. Очевидно, король Прад считал заседание важным, и Толлера это несколько озадачивало. Всю жизнь он слышал мрачные предупреждения сторонников сохранения, подобных брату, об исчезающих ресурсах бракки, но на повседневной жизни Колкоррона это никак не сказывалось. Правда, в последние годы случались периоды дефицита энергетических кристаллов

и черной древесины, и цена на них непрерывно росла, но всегда находились новые запасы. При всем желании Толлер не мог представить себе, чтобы естественная кладовая целой планеты не смогла удовлетворить потребности людей.

Делегация ученых въехала на возвышенность, где располагался дворец, и Толлер увидел на главном переднем дворе множество экипажей, а среди них — и кричаще-яркий фаэтон магистра Гло. Трое мужчин в серой одежде стояли около фаэтона и, заметив кортеж Лейна, выступили ему навстречу. Вначале Толлер узнал низенького тщедушного Ворндала Сисста, затем Датхуна, руководителя секции халвелла, и, наконец, угловатого Боррита Харгета, начальника разработки вооружений. Все трое выглядели нервными и подавленными, и едва Лейн сошел на землю, бросились к нему.

— Беда, Лейн, — сказал Харгет, кивая на фаэтон Гло. — Посмотри на нашего уважаемого руководителя.

Лейн нахмурился.

— Ему нехорошо?

— Да нет — скорее я сказал бы, что он никогда в жизни не чувствовал себя лучше.

— Ты что, хочешь сказать, что… — Лейн подо-

шел к фаэтону и рывком открыл дверцу. Магистр Гло, который сидел мешком, опустив голову на грудь, встрепенулся и растерянно оглядел присутствующих. Наконец взгляд его бледно-голубых глаз остановился на Лейне, и он улыбнулся, продемонстрировав обломки нижних зубов.

— Рад видеть тебя, мой мальчик, — сказал он. — Уверяю тебя, это будет наш… гм… день. Мы добьемся своего.

Толлер спрыгнул со своего скакуна и долго привязывал его, повернувшись спиной к остальным, чтобы скрыть веселое настроение. Он несколько раз видел Гло и куда более пьяным, но никогда еще столь очевидно, столь комично беспомощным. Контраст между румяным, беззаботно счастливым Гло и его шокированными мертвенно-бледными помощниками делал ситуацию еще забавнее. Все их планы устроить грандиозный демарш на совещании теперь быстро и болезненно пересматривались. Толлер ничего не мог с собой поделать и откровенно наслаждался тем, что другой человек вызвал порицание, которое так часто доставалось ему, а особенно тем, что в нарушителях оказался сам магистр.

— Магистр, совещание вот-вот начнется, — сказал Лейн. — Но если вы не расположены, мы

могли бы, возможно…

— Не расположен? Это еще что за выражение! — Наклонив голову, Гло вылез из экипажа и встал неестественно прямо. — Чего мы ждем? Идемте занимать места.

— Хорошо, магистр. — С загнанным видом Лейн подошел к Толлеру. — Квейт и Локранан возьмут схемы и стенд. А тебя я хочу оставить здесь у кортежа, чтобы посторожить… Чему ты так радуешься?

— Ничему, — быстро сказал Толлер. — Абсолютно ничему.

— Ты что, не понимаешь, как много зависит от сегодняшнего дня?

— Для меня сохранение бракки тоже важно, — как можно искреннее ответил Толлер. — Я только…

— Толлер Маракайн! — Магистр Гло, расставив руки и вытаращив глаза от радостного возбуждения, направлялся к Толлеру. — Я и не знал, что ты здесь! Как поживаешь, мой мальчик?

Толлер слегка удивился, что магистр Гло вообще его узнал, не говоря уже о столь радостном приветствии.

— Я в добром здравии, магистр.

— Да, выглядишь ты что надо! — Гло наконец

дошел до него, обнял за плечи и развернул лицом к остальным. — Посмотрите, какой славный парень. Он напоминает мне меня самого, когда я был… гм… юн.

— Мы должны немедленно занять места, — забеспокоился Лейн. — Мне не хотелось бы вас торопить, но…

— Ты совершенно прав — не нужно откладывать момент нашей… гм… славы. — Гло нежно стиснул Толлера, обдав его винным перегаром. — Идем, мой мальчик. Расскажешь мне, чем ты занимался в Хаффангере.

Лейн нетерпеливо шагнул вперед.

— Мой брат не входит в состав делегации, магистр. Ему полагается остаться здесь.

— Чепуха! Мы все вместе.

— Но он не в сером.

— Это не имеет значения, если он в моей личной свите, — сказал Гло с подчеркнутой кротостью, показывая, что не потерпит никаких возражений. — Идемте.

Толлер переглянулся с Лейном, пожал плечами, снимая с себя ответственность, и вся группа двинулась к главному входу. Толлер был рад неожиданному развлечению, но тем не менее попрежнему решительно намеревался установить

хорошие отношения с братом. Он собирался как можно сдержаннее вести себя во время заседания и сохранять спокойствие, какое бы представление ни устроил магистр Гло. Не обращая внимания на любопытные взгляды встречных, Толлер прошел во дворец вместе с Гло, стискивающим его руку, и изо всех сил старался поддерживать светскую беседу, отвечая на расспросы старика, хотя все его внимание поглотила окружающая обстановка.

Дворец по совместительству являлся резиденцией колкорронской администрации, из-за чего напоминал город в городе. Коридоры и парадные дворцовые покои заполняли люди с серьезными лицами, всем своим видом показывающие, что их заботы — не заботы простых граждан. Толлер не мог даже предположить, в чем заключаются их обязанности и о чем они вполголоса разговаривают. Он буквально утопал в роскоши мягких ковров и драпировок, картин и скульптур, вычурных сводчатых потолков. Даже самые неброские двери были вырезаны из единых кусков стеклянного дерева, и над каждой из них мастер, наверно, трудился целый год.

Магистр Гло, конечно, привык к атмосфере дворца, но Лейн и остальные были заметно подавлены и держались группкой, как солдаты на

вражеской территории. Наконец они подошли к огромной двустворчатой двери, охраняемой парой привратников в черных доспехах. Гло первым вступил в огромное эллипсовидное помещение за ней, а Толлер отстал, чтобы пропустить вперед брата. Впервые, будучи взрослым, он взглянул на знаменитый Радужный Зал, и у него перехватило дыхание. Купол зала был целиком изготовлен из квадратных стеклянных панелей, поддерживаемых сложной решеткой из бракки. Большая часть их была голубой и белой, цвета неба и облаков, но семь панелей, расположенных одной изогнутой полосой, повторяли цвета радуги, и от этого свода струилось необычное переливчатое сияние, в котором все вокруг сверкало цветными огоньками.

В дальнем фокусе эллипса на верхнем ярусе возвышения стоял большой трон без украшений, чуть ниже — три трона поменьше для принцев, которые должны были присутствовать. В древние времена все принцы являлись сыновьями правителя, но с расширением пределов страны и с общим ее развитием вошло в практику допускать на некоторые правительственные посты потомков по боковой линии. Благодаря придворной распущенности таких отпрысков было

достаточно, и обычно среди них удавалось найти подходящих людей. В нынешнем царствовании только Леддравор и бесцветный Пауч, распорядитель общественных фондов, действительно являлись сыновьями короля.

Перед тронами радиальными секторами располагались места для представителей сословий, чьи занятия охватывали весь диапазон от искусств и медицины до религии и образования неимущих. Делегация ученых заняла средний сектор в соответствии с традицией, существовавшей со времен Битрана IV, полагавшего, что научное знание — это тот фундамент, на котором Колкоррон построит будущую всемирную империю. За последующие века стало очевидным, что наука уже изучила все, что заслуживало изучения относительно устройства и функционирования вселенной, и влияние битранской идеологии сошло на нет, но ученое сословие пока еще сохраняло свой статус, несмотря на оппозицию более прагматичных умов.

Толлера восхитило, как магистр Гло, этот низенький и пухлый человечек, откинув большую голову и выпятив живот, прошел по залу и уселся перед тронами. Остальные участники делегации ученых тихо устроились сзади, обмениваясь роб-

кими взглядами с сидящими в соседних секторах. Народу оказалось больше, чем ожидал Толлер, в общей сложности человек сто, и в остальных делегациях присутствовали секретари и советники. Толлер, испытывавший теперь глубокую благодарность за свой сверхштатный статус, уселся позади ассистентов-вычислителей Лейна и ждал начала мероприятия.

Какое-то время слышались лишь кашель и отдельные нервные смешки, но вот наконец прозвучал церемониальный горн, и через отдельные двери за подиумом в зал вошли король Прад и три принца.

В свои шестьдесят с лишним лет правитель был высок и строен и выглядел прекрасно, несмотря на молочно-белый глаз, который он отказывался прикрывать. Но хотя Прад, в одеянии кровавого цвета поднимающийся на высокий трон, представлял собой весьма импозантное и царственное зрелище, внимание Толлера привлекли могучие, медленно переливающиеся мышцы принца Леддравора. На нем была белая кираса из сложенного во много слоев проклеенного льняного полотна, которой придали форму идеального мужского торса; но судя по видимым частям рук и ног принца, кираса не приукрашивала то, что

скрывала. У Леддравора было гладкое породистое лицо с темными бровями, и всем своим видом он показывал, что не имеет ни малейшего желания присутствовать на заседании Совета. Толлер знал, что принц — лихой вояка, побывавший в сотнях кровопролитных сражений, и испытал острый укол зависти, заметив явное презрение, с которым Леддравор оглядел собрание перед тем, как опуститься на центральный трон второго яруса. Сам Толлер мог только мечтать о подобной роли, роли военного принца, которого против воли отозвали с опасной передовой для разбора всяких штатских пустяков.

Троекратно стукнув об пол жезлом, церемониймейстер дал сигнал к началу заседания. Прад, знаменитый своим пренебрежением к придворному этикету, немедленно заговорил.

— Благодарю вас, что пришли сюда сегодня, — сказал он, используя принятый в колкорроне высокий стиль. — Как вы знаете, предмет сегодняшнего обсуждения — возрастающая нехватка бракки и энергетических кристаллов. Но прежде чем выслушать ваши доклады, я желаю рассмотреть другой вопрос, даже если окажется, что значение его для безопасности империи минимально.

Я не имею в виду сообщения из различных источников о том, что птерта якобы резко увеличила свою численность за этот год. Я думаю, это мнимое увеличение, и объясняется оно тем, что наши армии впервые действуют в тех районах Мира, где вследствие естественных условий птерта всегда водилась в больших количествах. Я приказываю магистру Гло предпринять тщательное расследование, которое обеспечит нас более надежной статистикой, но в любом случае для тревоги нет повода. Принц Леддравор уверяет, что существующих средств и противоптертового оружия более чем достаточно, чтобы справиться с любым осложнением. Гораздо большим поводом для нашего беспокойства являются слухи о гибели солдат в результате контакта с пострадавшими от птерты. Эти слухи, кажется, идут из подразделений Второй Армии соркского фронта, и они быстро распространились — как это случается с подобными вредоносными выдумками — на востоке до самого лунглского и на западе до ялрофакского театров военных действий.

Прад сделал паузу и наклонился вперед, сияя своим бельмом.

— Подобное паникерство вредит нашим национальным интересам куда больше, чем двукратное

или даже троекратное увеличение численности птерты. Все сидящие в этом зале знают, что птертоз не передается ни при физическом контакте, ни каким-либо другим путем. Долгом каждого присутствующего здесь является быстрое и решительное подавление вредоносных россказней, утверждающих обратное. Мы должны сделать все, что в нашей власти, чтобы укрепить здоровый скептицизм в умах неимущих — и в этом отношении я особо обращаюсь к учителю, поэту и священнику.

Толлер огляделся и увидел, как предводители нескольких делегаций кивают и записывают. Он удивился, что король лично занимается таким незначительным делом, и на какой-то момент даже подумал, что в этих диких слухах есть зерно истины. Рядовые солдаты, моряки и летчики, как правило, народ флегматичный, однако, с другой стороны, они в большинстве своем невежественны и легковерны, да и вряд ли по сравнению с предшествовавшей эпохой появились новые основания бояться птерты.

— …основному предмету обсуждения, — говорил король Прад. — Записи Управления Портов показывают, что в 2625 году наш импорт браки из шести провинций составил всего 118 426

тонн. Общий объем падает уже двенадцатый год подряд. Производство пикона и халвелла тоже соответственно снижается. О местных урожаях нет данных, но предварительные оценки не такие обнадеживающие, как обычно. Между тем военное и промышленное потребление, особенно кристаллов, продолжает расти. Очевидно, мы вступаем в критический период, угрожающий благополучию страны, и следует разработать меры для решения этой проблемы.

Принц Леддравор, который начал беспокоиться еще при заключительных словах, тотчас вскочил.

— Ваше Величество, не хочу показаться невежливым, но признаюсь, я теряю терпение от всей этой болтовни о нехватке и исчезающих ресурсах. Истина в том, что бракки сколько угодно — нам ее хватит еще на века. Есть огромные нетронутые леса бракки. Реальная проблема в нас самих. Нам не хватает решимости обратить взгляд на Страну Долгих Дней — выступить в поход и подчинить себе то, что принадлежит нам по праву.

Собрание охватило возбуждение, которое король Прад прекратил поднятием руки. Толлер выпрямился, внезапно встревожившись.

— Я не стану поощрять разговоры о выступле-

нии против Хамтефа, — сказал Прад, повысив голос.

Леддравор повернулся к нему лицом.

— Рано или поздно этому суждено случиться — так почему бы не сейчас?

— Повторяю, разговора о большой войне не будет.

— В таком случае, Ваше Величество, я прошу разрешения удалиться, — заявил Леддравор почти дерзким тоном. — Я не могу внести никакого вклада в обсуждение, которое лишено элементарной логики.

Прад только по-птичьи тряхнул головой.

— Изволь сесть на место и обуздать свое нетерпение — твое вновь обретенное уважение к логике еще может пригодиться. — Он улыбнулся присутствующим, как бы говоря: даже у короля есть проблемы с непослушным потомством, — и предложил принцу Чаккелу высказать соображения по уменьшению промышленного потребления энергетических кристаллов.

Пока Чаккел говорил, Толлер расслабился, но не сводил глаз с Леддравора, который развалился на троне, всей своей позой преувеличенно изображая скуку. Толлера весьма заинтересовала мысль о войне с Хамтефом, которую принц

считал желательной и даже неизбежной. Об этой экзотической стране было известно немногое: она находилась на дальней стороне Мира, и тень Верхнего Мира не падала на нее, следовательно, дни там не прерывались малой ночью.

Старые и сомнительной точности карты показывали, что Хамтеф по размерам ничуть не меньше Колкорронской империи и столь же плотно населен. Немногим удавалось проникнуть туда и благополучно вернуться, но все путешественники в один голос описывали обширные леса бракки. Резервы там вообще не истощаются, говорили они, потому что хамтефцы считают смертным грехом прерывать жизненный цикл дерева. Они извлекают ограниченное количество кристаллов, просверливая небольшие отверстия в камерах сгорания, а черную древесину получают исключительно из деревьев, умерших естественной смертью.

Эта баснословная сокровищница и в прошлом привлекала колкорронских правителей, но они никогда не пытались завоевать Хамтеф. Он находился слишком далеко, а хамтефцы имели репутацию свирепых, стойких и весьма одаренных воинов. Считалось, что их армия была единственным потребителем запасов кристал-

лов в стране, и было точно известно, что она великолепно оснащена пушками — то есть в совершенстве овладела одним из самых экстравагантных способов, когда-либо придуманных для расходования кристаллов. Они жили очень обособленно и отвергали любые коммерческие или культурные контакты с другими нациями.

По общему мнению, цена, которую так или иначе придется заплатить при попытке завоевать Хамтеф, окажется слишком высокой, и Толлер считал само собой разумеющимся, что такая ситуация — часть неизменного естественного порядка вещей. Но услышанное только что глубоко и лично его заинтересовало.

Социальные перегородки в Колкорроне не позволяли в нормальных обстоятельствах члену какой-либо профессиональной семьи пересекать барьеры. Толлер, неудовлетворенный тем, что родился в сословии ученых, предпринимал много неудачных попыток поступить на военную службу. Его не принимали, и это унижало юношу, так как он знал — никаких препятствий вступлению в армию не возникло бы, если бы он происходил из массы неимущих. Он был готов служить рядовым солдатом на самом опасном форпосте империи, но человек его обществен-

ного положения не мог получить статус ниже офицерского — каковую честь ревниво охраняла военная каста.

Все это, как понял теперь Толлер, характерно для страны, следующей привычным многовековым курсом. Война с Хамтефом вызвала бы глубокие перемены в Колкорроне, однако и король Прад не мог вечно занимать свой трон. В не слишком отдаленном будущем его, вполне вероятно, мог наследовать Леддравор — а когда это случится, старый порядок будет сметен. Толлеру казалось, что Леддравор может непосредственно повлиять на его судьбу, и эта перспектива вызывала у него прилив неясного возбуждения. Он ожидал, что заседание Совета будет скучным и рутинным, а оно оказывалось важнейшим событием в его жизни.

Тем временем смуглый, лысеющий и пузатенький принц Чаккел завершил свое вступительное слово заявлением, что ему нужно вдвое больше пикона и халвелла для продолжения жизненно важных строительных проектов.

— Похоже, ты не понял цели настоящего собрания, — слегка раздраженно прокомментировал Прад. — Могу я напомнить, что ожидал услышать твои соображения о том, как уменьшить

поставки?

— Мне очень жаль, Ваше Величество, — ответил Чаккел упрямым тоном, противоречившим его словам. Сын простого дворянина, он выдвинулся благодаря сочетанию энергии, хитрости и честолюбия, и в верхних эшелонах колкорронского общества ни для кого не было секретом, что он лелеял надежду дожить до таких перемен в правилах наследования трона, какие позволили бы одному из его детей взойти на престол. Эти надежды и то, что он был главным соперником Леддравора за обладание производными бракки, поддерживало между ними постоянно тлеющую вражду, но в данную минуту они объединились. Чаккел сел и скрестил руки, показывая, что никакие его соображения по поводу сохранения бракки не придутся по вкусу королю.

— Кажется, не все понимают чрезвычайную серьезность проблемы, — строго сказал Прад. — Я должен подчеркнуть, что страну в ближайшем будущем ожидает острая нехватка жизненно важного продукта, и я требую более конструктивного отношения к вопросу от моих соправителей и советников. Вероятно, серьезность положения дойдет до вас, если я дам слово магистру Гло; он расскажет о достигнутом на сегодняшний день

прогрессе в области искусственного производства пикона и халвелла. Хоть мы и рассчитываем здесь на многое, остается, как вы услышите, пройти еще немалый путь, и это требует от нас соответствующего планирования. Слушаем тебя, магистр Гло.

Последовала долгая пауза, а затем Боррит Харгет — во втором ряду сектора ученых — на глазах у всех протянул руку и хлопнул магистра Гло по плечу. Гло испуганно вскочил, и кто-то справа от Толлера тихо прыснул.

— Простите, Ваше Величество, я собирался с мыслями, — неестественно громко сказал Гло. — В чем заключался ваш… гм… вопрос?

Принц Леддравор досадливо прикрыл лицо рукой, и тот же человек справа от Толлера, осмелев, хихикнул громче. Толлер, грозно нахмурясь, повернулся к нему, и веселость этого типа — чиновника в медицинской делегации Тансфо — сразу иссякла.

Терпеливо вздохнув, король пояснил:

— Мой вопрос, если ты почтишь нас своим вниманием, имел целью узнать, как обстоят дела с пиконом и халвеллом. На какой мы стадии?

— А! Да, Ваше Величество, ситуация действительно такая, как я… гм… докладывал вам во

время нашей последней встречи. Мы сделали ряд больших шагов… небывалых шагов… в извлечении и очистке как зелененьких, так и пурпурных. Нам есть чем гордиться. Все, что нам осталось на нынешнем… гм… этапе, так это усовершенствовать способ удаления примесей, которые замедляют взаимодействие кристаллов. Это, как сейчас выясняется, будет делом… гм… трудным.

— Ты противоречишь сам себе, Гло. Достигли вы прогресса в очистке или нет?

— Небывалого прогресса, Ваше Величество. То есть в какой-то степени. Осталось подобрать растворители, температуры и… м-м… сложные химические реакции. Нас задерживает отсутствие надлежащего растворителя.

— Не иначе как старый дурак сам его вылакал, — сказал Леддравор Чаккелу, нисколько не стараясь приглушить голос.

Присутствующие рассмеялись, но как-то обеспокоенно — большинство членов Совета никогда не сталкивались со столь явным оскорблением человека, занимающего высокое положение магистра.

— Довольно! — Молочно-белый глаз Прада несколько раз сузился и расширился: тревожный знак. — Магистр Гло, когда мы беседовали

несколько дней назад, ты дал мне понять, что сможешь начать производство чистых кристаллов в ближайшие два-три года. Теперь ты что же, говоришь другое?

— Он сам не понимает, что говорит, — с ухмылкой вставил Леддравор, презрительно оглядев сектор ученых.

Толлер резко выпрямился и расправил плечи, стараясь поймать взгляд Леддравора, хотя внутренний голос умолял его не забывать о новых намерениях шевелить мозгами и не лезть на рожон.

— Ваше Величество, этот вопрос очень… гм… сложный, — сказал Гло, игнорируя Леддравора. — Мы не можем рассматривать проблему энергетических кристаллов в отрыве от всего остального. Даже если бы уже сегодня мы имели неограниченные запасы кристаллов… Остается еще, как бы это сказать, древесина бракки. Наши плантации. На созревание посадок уходит шесть столетий, и…

— Ты хочешь сказать, шесть десятилетий?

— По-моему, Ваше Величество, я и сказал шесть десятилетий, но у меня есть другое предложение, которое я прошу позволения предложить вашему вниманию. — Гло слегка шатался, а голос его виб-

рировал. — Я имею честь представить на ваше рассмотрение замысел, устремленный в будущее, который обеспечит небывалые перспективы для нашей великой нации. Через тысячу лет наши потомки будут вспоминать ваше правление, дивясь и благоговея при мысли о том, что…

— Магистр Гло! — Голос Прада прозвучал недоверчиво и сердито. — Ты болен или пьян?

— Ни то, ни другое, Ваше Величество.

— Тогда хватит болтать о будущем и ответь на мой вопрос о кристаллах.

Некоторое время Гло ловил ртом воздух, а его грудная клетка вздулась, натянув свободный серый халат.

— Боюсь, я все-таки слегка нездоров. — Он схватился рукой за бок и с шумом упал в свое кресло. — Мой старший математик, Лейн Маракайн, представит вам факты за… гм… меня.

Толлер с растущей тревогой смотрел, как брат встал, поклонился в сторону возвышения и дал сигнал ассистентам, Квейту и Локранану, вынести вперед наглядные материалы. Они лихорадочно суетились, устанавливая стенд и развешивая плакаты, которые упорно скручивались, и пришлось их разглаживать, чтобы удержать на плоскости. Пауза затянулась, и даже

вялый принц Пауч начал ерзать. Толлер с беспокойством увидел, что Лейн дрожит от волнения.

— Что ты хочешь нам сказать, Маракайн? — дружелюбно спросил король. — Не предстоит ли мне в мои годы вновь очутиться в школьном классе?

— Графики помогут нам, Ваше Величество, — сказал Лейн. — Они иллюстрируют факторы, определяющие… — Пока он демонстрировал основные особенности ярких диаграмм, конец его реплики стал почти не слышен.

— Тебя не слышно, — раздраженно бросил Чаккел. — Громче!

— Где твои манеры? — съязвил Леддравор, поворачиваясь к нему. — Разве так обращаются к молоденькой застенчивой девушке?

Многие в публике, подыгрывая, громко заржали.

«Ох зря я это делаю», — подумал Толлер, вскакивая. Кровь ударила ему в голову. Колкорронский этикет диктовал, что вмешаться и ответить на вызов — а оскорбление всегда считалось вызовом, — брошенный третьей стороне, значит усугубить первоначальный позор; это показывало, что оскорбленный слишком труслив, чтобы защитить свою честь. Лейн часто говорил, что

долг ученого — оставаться выше подобных неразумных обычаев, и старый этикет более подобает драчливым животным, чем мыслящим людям. Зная, что брат не сможет и не захочет отвечать на вызов Леддравора, а также и то, что ему нельзя открыто вмешаться, Толлер пошел по единственному остававшемуся пути. Он выпрямился, выделившись среди безучастно сидящих вокруг, и подождал, пока принц заметит и поймет его угрожающую позу.

— Довольно, Леддравор. — Король ударил по подлокотникам трона. — Я хочу услышать, что скажет этот крикун. Продолжай, Маракайн.

— Ваше Величество, я… — Лейн так отчаянно дрожал, что трепыхался халат.

— Постарайся успокоиться, Маракайн. Я не хочу длинного изложения — достаточно, если ты скажешь мне, через сколько лет, по твоей экспертной оценке, мы сможем выпускать пикон и халвелл.

Лейн сделал глубокий вдох, стараясь взять себя в руки.

— В подобных вопросах делать предсказания невозможно.

— Скажи мне, как считаешь лично ты. Пяти лет хватит?

— Нет, Ваше Величество. — Лейн украдкой бросил взгляд на магистра Гло и умудрился придать своему голосу некое подобие решительности. — Если мы вдесятеро увеличим расходы на исследования… и нам повезет… мы, возможно, сумеем произвести пригодные для употребления кристаллы лет через двадцать. Но нет никакой гарантии, что мы вообще когда-либо этого добьемся. Есть лишь один разумный и логичный курс для страны в целом, и он заключается в том, чтобы полностью запретить вырубку бракки на следующие двадцать — тридцать лет. В этом случае…

— Я отказываюсь слушать подобную чушь! — Леддравор вскочил и стал спускаться с возвышения. — Я сказал «девушка»? Я ошибся — это старуха! Подбери юбки и удирай отсюда, старуха, и забери с собой свои палочки и бумажки.

Леддравор шагнул к стенду и, толкнув его ладонью, опрокинул на пол.

Посреди поднявшегося гвалта Толлер покинул свое место и на негнущихся ногах прошел вперед, чтобы встать ближе к брату. Король с возвышения скомандовал Леддравору сесть на место, но голос его утонул в гневных восклицаниях Чаккела и общем волнении зала. Церемониймейстер

постучал по полу жезлом, однако в результате шум только возрос. Леддравор посмотрел прямо на Толлера светлыми горящими глазами и, словно не заметив его, обернулся к отцу.

— Я действую в ваших интересах, Ваше Величество, — прокричал он голосом, от которого в зале установилась мертвая тишина. — Ваших ушей более не должны касаться такого рода разглагольствования наших так называемых мыслителей.

— Я вполне в состоянии самостоятельно принимать решения, — строго возразил Прад. — И напоминаю тебе, что здесь заседание высшего Совета, а не ринг для твоей замызганной солдатни.

Леддравор упрямо стоял, презрительно глядя на Лейна.

— Последнего рядового Колкоррона я уважаю больше, чем эту позеленевшую старуху. — Его открытое неповиновение королю усилило тишину под стеклянным куполом, и в этой напряженной тишине Толлер услышал собственный голос, бросающий вызов. Со стороны человека его положения по собственной инициативе бросить прямой вызов члену семьи монарха было сродни государственной измене, караемой смертью, но он мог завуалировать его, чтобы спровоцировать нужную реакцию.

— Похоже, «старуха» является любимым эпитетом принца Леддравора, — сказал он Ворндалу Сиссту, сидевшему рядом. — Он что, всегда так осторожен в выборе противника?

Сисст побледнел, отодвинулся и съежился, отчаянно пытаясь не иметь ничего общего с Толлером к тому моменту, когда Леддравор обернется, чтобы посмотреть, кто это сказал. Впервые увидев Леддравора вблизи, Толлер заметил, что его физиономия с крепкой челюстью абсолютно лишена морщин и напоминает лицо статуи, как будто лицевые мышцы не имеют нервов и не могут двигаться. На этом нечеловеческом лице не отражалось никаких эмоций, и лишь по глазам можно было догадаться, что происходит за широким лбом. В данный момент они скорее недоверчиво, чем сердито оглядывали молодого человека, отмечая все детали его сложения и одежды.

— Кто ты? — наконец произнес Леддравор. — Или правильнее спросить — что ты за фрукт?

— Меня зовут Толлер Маракайн, принц, и я горжусь тем, что я ученый.

Леддравор бросил взгляд на своего отца и улыбнулся, желая показать, что ради сыновнего долга он готов стерпеть самую гнусную провокацию.

Толлеру не понравилась эта улыбка, возникшая в одно мгновение, словно отдернулась драпировка и не затронула остального лица.

— Что ж, Толлер Маракайн, — сказал Леддравор, — это счастье, что в доме моего отца не носят личного оружия.

Остановись, внушал себе Толлер. Ты настоял на своем, и — против всех ожиданий — это сходит тебе с рук.

— Счастье? — переспросил он самым любезным тоном. — Для кого же?

Улыбка Леддравора не дрогнула, но глаза его потеряли прозрачность и стали похожи на отполированные бурые гальки. Он шагнул вперед, и Толлер приготовился принять удар, но в этот момент их неожиданно прервали.

— Ваше Величество, — воскликнул магистр Гло и встал, накренясь. Он был страшно бледен, но говорил с неожиданной живостью и звучным голосом. — Я умоляю вас — ради блага нашего любимого Колкоррона — выслушать предложение, о котором я говорил ранее. Не дайте временной слабости помешать мне изложить план, последствия которого выйдут далеко за пределы настоящего или близкого будущего и от выполнения которого зависит само существование нашей

великой нации.

— Тише, Гло. — Король Прад тоже поднялся и уставил на Леддравора указательные пальцы обеих рук, как бы сосредоточив в них всю силу своей власти. — Леддравор, сейчас же вернись на свое место.

С бесстрастным лицом Леддравор несколько секунд выдерживал взгляд короля, а потом отвернулся от Толлера и медленно направился к возвышению. Толлер вздрогнул, когда брат сжал ему руку.

— Чего ты добиваешься? — прошептал Лейн, испуганно вглядываясь в лицо Толлера. — Леддравор убивал людей и за меньшее.

Юноша тряхнул рукой, освобождаясь.

— Я покуда жив.

— И ты не имеешь права встревать вот так.

— Прими мои извинения, — сказал Толлер. — Мне показалось, одним оскорблением больше — одним меньше…

— Ты знаешь, что я думаю о твоем ребяческом… — Лейн замолчал на полуслове, потому что к нему подошел магистр Гло.

— Мальчик не виноват — я сам был горяч в его годы, — тяжело дыша, сказал Гло. Ослепительный свет, бивший сверху, освещал его взмокший

лоб. От старика разило винным перегаром.

— Магистр, вам лучше сесть и успокоиться, — негромко заметил Лейн. — Нет необходимости подвергаться дальнейшим…

— Нет! Это вы сядьте! — Гло показал на два ближайших кресла и подождал, пока Лейн и Толлер не плюхнутся в них. — Ты хороший человек, Лейн, но я совершенно напрасно взвалил на тебя задачу, для которой ты… гм… не совсем подходишь. Настало время быть дерзким. Время дерзких прозрений. Это то, что завоевало нам уважение древних королей.

Толлер, ставший болезненно чувствительным к каждому движению Леддравора, заметил, что принц продолжает перешептываться со своим отцом. Потом оба уселись, и Леддравор тут же обратил задумчивый взгляд на Толлера. По едва заметному кивку короля церемониймейстер стукнул об пол жезлом, чтобы утихомирить присутствующих.

— Магистр Гло! — Голос Прада звучал теперь угрожающе спокойно. — Я приношу извинения за неучтивость, проявленную к членам твоей делегации, но я также требую, чтобы время Совета не тратилось на легкомысленные предложения. Итак, если я разрешу тебе изложить нам

существенные моменты твоего великого плана, сделаешь ли ты это быстро и сжато, не добавляя новых огорчений к этому и без того не слишком удачному дню?

— Охотно!

— В таком случае начинай.

— Я как раз собираюсь сделать это, Ваше Величество. — Гло вполоборота повернулся к Лейну, подмигнул ему, надолго закрыв глаз, и зашептал: — Помнишь, ты говорил, что я парю выше и вижу дальше? У тебя появится причина поразмыслить о своих словах, мой мальчик. Твои графики рассказали мне то, чего ты сам не понимал, но я…

— Магистр, Гло, — сказал Прад, — мы ждем.

Гло важно поклонился и заговорил высоким стилем, церемонно жестикулируя.

— Ваше Величество, у ученого есть много обязанностей, и ответственность его тоже велика. Его разум должен не только объять прошлое и настоящее, но и осветить дороги будущего. Чем темнее оказывается эта… гм… дорога, тем выше…

— Дальше, Гло, дальше!

— Хорошо, Ваше Величество. Мой анализ ситуации, в которой сегодня находится Колкоррон, показывает, что трудности с получением бракки

и энергетических кристаллов не преодолеть, пока лишь самые мощные и далекоидущие… гм… меры не отвратят национальную катастрофу. — Голос Гло страстно задрожал. — Я твердо убежден в том, что проблемы, осаждающие нас, будут расти и множиться, поэтому мы должны соответствующим образом расширять свое могущество. Если мы собираемся сохранить статус первой нации Мира, мы должны обратить свой взор не на всякую мелочь у наших границ с их скудными ресурсами, а к небу! Над нами висит целая планета — Верхний Мир, которая ждет, подобно спелому плоду, чтобы его сорвали. В наших силах разработать средства полета туда и… — Конец предложения утонул во взрыве смеха. Толлер, чей взгляд был прикован ко взгляду Леддравора, повернул голову, услышав сердитые выкрики справа, и увидел, что за медицинской делегацией Тансфо встал прелат Балаунтар и с перекошенным от гнева ртом обвиняющим жестом указывает на Гло.

Боррит Харгет перегнулся через Толлера и схватил Лейна за плечо.

— Заставь старого дурака сесть, — злобно прошипел он. — Ты знал, что он задумал?

— Конечно, нет! — Узкое лицо Лейна страдаль-

чески сморщилось. — И как мне его остановить?

— Сделай что-нибудь, а то мы все окажемся идиотами.

— …давно, что Мир и Верхний Мир имеют общую атмосферу, — разглагольствовал Гло, демонстративно не замечая беспорядок, вызванный его словами. — Архивы Зеленой Горы содержат подробные чертежи воздушных шаров, способных подняться…

— Именем Церкви повелеваю тебе прекратить кощунственные речи! — прокричал прелат. Он покинул свое место и наступал на Гло, набычившись и качая головой, как болотная птица. Толлер, лишенный религиозного чувства, инстинктивно понял, что церковник — ревностный сторонник учения о переселении душ в отличие от многих старших клириков, служивших Церкви на словах и в основном из корыстных соображений.

Балаунтар действительно верил, что после смерти душа путешествует в Верхний Мир, воплощается в новорожденного ребенка и в конце концов возвращается в Мир тем же путем в рамках бесконечного цикла существований.

Гло отмахнулся от Балаунтара, как от мухи.

— Основная трудность лежит в области ней-

трального… гм… тяготения в середине полета, где, конечно, разность между холодным и теплым воздухом не будет иметь никакого действия. Эту проблему можно решить, снабдив каждый корабль реактивными трубками, которые…

Гло вдруг замолчал, потому что Балаунтар внезапным рывком преодолел оставшееся до магистра расстояние и, взметнув колышащееся черное одеяние, зажал ему рукой рот. Толлер, не ожидавший, что клирик применит силу, вскочил с кресла и, схватив Балаунтара за костлявые запястья, прижал ему руки к бокам. Гло с хриплым стоном схватился за горло, а Балаунтар попытался вырваться, но Толлер легко, как соломенное чучело, поднял его и опустил в нескольких шагах от магистра, заметив при этом, что король снова встал. Смех в зале стих, вновь воцарилась напряженная тишина.

— Ты! — Балаунтар смотрел на Толлера, и губы его нервно подергивались. — Ты прикоснулся ко мне!

— Я защищал своего хозяина, — ответил Толлер, понимая, что грубейшим образом нарушил этикет. Он услышал приглушенный звук и, обернувшись, увидел, что Гло блюет в подставленные ко рту ладони. Черное вино просачивалось сквозь

пальцы, пачкало халат и капало на пол.

Король заговорил громко и ясно, каждое его слово было подобно взмаху лезвия:

— Магистр Гло, не знаю, что я нахожу более отвратительным — содержимое твоего желудка или содержание твоей речи. Ты и твоя компания немедленно избавят меня от своего присутствия, и я предупреждаю тебя здесь и сейчас, что — как только справлюсь с более важными вопросами — я серьезно и не спеша обдумаю твое будущее.

Гло отнял руки ото рта и попытался говорить, двигая вверх-вниз бурыми осколками зубов, но сумел лишь прохрипеть что-то бессвязное.

— Уберите его с моих глаз, — сказал Прад, переводя тяжелый взгляд на прелата. — А ты, Балаунтар, получаешь выговор за физическое нападение на одного из моих министров, несмотря на то что тебя спровоцировали. По этой причине тебе не в чем упрекнуть молодого человека, который тебя сдержал, хотя он действительно производит впечатление невежи. Вернись на свое место и сиди там молча, пока магистр ученых и его свита фигляров не покинут зал.

Король сел и уставился прямо перед собой, а Лейн и Боррит Харгет подошли к Гло и повели его к главному выходу. Толлер обошел Ворндала

Сисста, который, стоя на коленях, вытирал пол собственным халатом, и помог двум ассистентам Лейна поднять упавший стенд и собрать схемы. Когда он выпрямился со стендом под мышкой, он осознал, что принц Леддравор, должно быть, получил необыкновенно сильный нагоняй, поскольку все это время молчал. Он взглянул в сторону возвышения и увидел, что Леддравор, развалившись на своем троне, смотрит на него внимательным, сосредоточенным взглядом. Толлер, подавленный коллективным стыдом, тут же отвел взгляд, но все же успел заметить, как губы Леддравора тронула улыбка.

— Чего ты ждешь? — дернул его Сисст. — Убирай графики, пока король не решил содрать с нас шкуру.

Обратный путь по коридорам и приемным дворца показался вдвое длиннее, чем раньше. Хорошо хоть Гло настолько оправился, что вскоре смог идти самостоятельно. Новость о том, что ученые попали в немилость, похоже, волшебным образом опережала их и обсуждалась вполголоса во всех группах, мимо которых они проходили. С самого начала Толлер чувствовал, что магистр Гло не в силах исполнять свои обязанности на заседании, но он не предвидел, что будет втянут

в такую катастрофу.

Король Прад славился терпимостью и неформальным подходом к ведению дел, но Гло умудрился до такой степени перейти границы, что будущее всего сословия оказалось под угрозой. И более того, план Толлера поступить когда-нибудь в армию рухнул в зачаточном состоянии от того, что юноша повздорил с Леддравором. Принц имел репутацию человека, который ничего не забывает и не прощает обид.

Дойдя до главного переднего двора, Гло выпятил живот и самодовольно прошествовал к своему фаэтону. Там он остановился и обернулся к остальным членам группы.

— Что ж, вышло не так уж плохо, верно? По-моему, я могу сказать, не покривив душой, что заронил зерно в душу… гм… короля. Что скажете?

Лейн, Харгет и Датхун обменялись изумленными взглядами, но Сисст ответил без промедления:

— Вы совершенно правы, магистр.

Гло кивнул ему в знак одобрения.

— Ведь это единственный способ выдвинуть радикально новую идею. Заронить зерно. Дать ему… гм… прорасти.

Толлер отвернулся, вновь готовый рассмеяться, несмотря на все, что произошло, и понес стенд к своему синерогу.

Он укрепил ремнями деревянную раму поперек крупа скакуна, забрал свернутые плакаты у Квейта и Локранана и приготовился к отъезду. Солнце прошло немногим более половины пути до восточной кромки Верхнего Мира — унизительное испытание оказалось милосердно коротким, и он еще мог потребовать поздний завтрак как первый шаг к спасению остатка дня. Толлер уже поставил одну ногу в стремя, когда рядом появился брат.

— Какая муха тебя укусила? — сказал Лейн. — Твое поведение во дворце было из ряда вон даже для тебя.

Толлер почувствовал досаду.

— Именно мое?

— Да! За считанные минуты ты сделался врагом двух самых опасных людей в империи. Как тебе это удается?

— Очень просто, — ледяным тоном ответил Толлер, — я веду себя как мужчина.

Лейн безнадежно вздохнул.

— Мы еще поговорим, когда вернемся на Зеленую Гору.

— Не сомневаюсь. — Толлер вскарабкался на

синерога и отправился вперед, не дожидаясь кортежа. По дороге в Квадратный Дом его раздражение постепенно улеглось, когда он подумал о незавидном положении брата. По вине магистра Гло будущее сословия было под вопросом, но его самого назначал король и сместить мог только король. Любая попытка копнуть под магистра воспринималась бы как подстрекательство к бунту. Да и в любом случае Лейн питал слишком глубокую личную привязанность к Гло, чтобы критиковать его даже за глаза. Когда станет известно, что Гло предложил послать корабли на Верхний Мир, все, кто связан с магистром, сделаются объектами насмешек, а Лейн еще больше замкнется, уйдет в свои книги и графики. Между тем положение ученых, владеющих Зеленой Горой, будет ухудшаться день ото дня.

К тому времени, когда синерог дотрусил до многофронтонного дома, Толлер утомился от отвлеченных размышлений, тем более что ему очень хотелось есть. Он не только пропустил завтрак, но практически не ел и накануне, и теперь в желудке у него было отчаянно пусто. Юноша привязал синерога у загородки и, не дав себе труда снять с него поклажу, быстро прошел в дом, намереваясь отправиться прямо на кухню.

Второй раз за утро он внезапно столкнулся с Джесаллой: она пересекала холл в направлении западной гостиной. Прищурившись от солнца, бьющего из-под арки, она улыбнулась, и хотя улыбка длилась одно мгновение, которое понадобилось ей, чтобы разглядеть Толлера, но произвела на юношу удивительное воздействие. Он словно впервые увидел Джесаллу — фигурка богини, глаза яркие, как солнце, — и на миг у него мелькнуло необъяснимо острое ощущение, что он упускает даже не какие-то возможности, а самый смысл своей жизни. Ощущение это пропало так же быстро, как появилось, но оставило Толлера в странно возвышенном и печальном состоянии.

— А, это ты, — холодно сказала Джесалла. — Я приняла тебя за Лейна.

Толлер улыбнулся и решил, не откладывая, попробовать наладить конструктивные отношения с Джесаллой:

— Обманчивое освещение.

— А почему ты так рано?

— Э… совещание прошло не так, как планировалось. Были неприятности. Лейн тебе все расскажет — он уже едет.

Джесалла наклонила голову и отодвинулась,

чтобы свет ее не слепил.

— А почему ты не рассказываешь? Уж не из-за тебя ли это случилось?

— Из-за меня?

— Да. Я советовала Лейну и близко не подпускать тебя к Дворцу.

— Ну, возможно, ему не меньше, чем мне, надоели твои бесконечные советы. — Толлер попытался остановиться, но, увы, не смог. — Возможно, он жалеет, что женился на сухой деревяшке вместо настоящей женщины.

— Благодарю. Я дословно передам Лейну твое замечание. — Губы Джесаллы ехидно изогнулись, показывая, что она вовсе не уязвлена, а даже рада, что такая реакция может привести к отлучению Толлера от Квадратного Дома. — Вероятно, твое представление о настоящей женщине воплощено в шлюхе, которая ожидает тебя в настоящий момент в твоей постели?

— Возможно, — проворчал Толлер, пытаясь скрыть, что напрочь забыл о своей вчерашней знакомой. — Следи за языком! Фелиса не шлюха.

В глазах Джесаллы мелькнули искорки.

— Ее зовут Фера.

— Фелиса или Фера, но она не проститутка.

— Не стану спорить о терминах, — сказала

Джесалла, и тон ее стал легким, спокойным, выводящим из себя. — По словам повара, ты разрешил своей… гостье заказывать себе все, что пожелает. И если количество еды, которое она поглотила за утренний день, о чем-то говорит, я считаю, тебе повезло, что не придется содержать ее в браке.

— Отчего же? Придется. — Увидев возможность рассчитаться, Толлер сделал это рефлекторно и довольно опрометчиво, даже не подумав о последствиях. — Утром я как раз хотел тебе сказать, что дал Фере статус жены-стажерки. Я уверен, скоро ты научишься радоваться ее присутствию в доме, и мы все станем друзьями. А теперь, извини, я должен… — Он улыбнулся, наслаждаясь выражением недоверия на лице Джесаллы, а затем повернулся и развязной походкой направился к главной лестнице, стараясь скрыть свое немое изумление по поводу того, как круто могут изменить жизнь всего лишь несколько секунд гнева.

Меньше всего на свете ему была нужна ответственность за жену, даже четвертой степени, и оставалось лишь надеяться, что Фера отвергнет предложение, которое он обязался сделать.

Глава 5

Проснувшись на рассвете, генерал Рисдел Далакотт немедленно встал с постели — за все шестьдесят восемь лет жизни он редко нарушал это правило. Генерал несколько раз прошелся по комнате. Боль и онемение в ноге постепенно проходили, и шаг становился все тверже. Тридцать лет назад, во время первой кампании в Сорке, тяжелое меррилское метательное копье раздробило ему бедренную кость прямо над коленом. С тех пор рана не переставала беспокоить его, и периоды, когда боль проходила, случались нечасто и становились все короче.

Достаточно размяв ногу, генерал прошел в примыкающую к спальне маленькую туалетную комнатку, повернул бракковый рычаг на стене, и из дырчатого потолка полилась вода. Горячая — и это напомнило Рисделу о том, что он не в своих спартанских апартаментах в Тромфе. Далакотт постарался прогнать неизвестно откуда взявшееся чувство вины и целиком отдался наслаждению теплом, которое проникало в тело и успокаивало мышцы.

Вытершись, он встал перед стенным зеркалом

— оно состояло из двух слоев чистого стекла с разными показателями преломления — и критически осмотрел свое отражение. Возраст, конечно, сказался на некогда могучем теле, но благодаря строгой дисциплине Далакотт ничуть не ожирел; и хотя суровые черты его длинного лица заострились, седина в светлых подстриженных волосах была едва заметна, и в целом он выглядел здоровым и работоспособным.

«Еще могу служить, — подумал он. — Но выдержу, пожалуй, только год, армия уже выжала меня».

Облачаясь в неофициальное синее одеяние, он думал о предстоящем дне. Сегодня его внуку Хэлли исполняется двенадцать, и чтобы доказать, что он готов поступить в военную академию, мальчик должен выполнить ритуал — в одиночку расправиться с птертой. Это было важное событие, и Далакотт вспомнил, с какой гордостью смотрел, как проходил испытание его сын Одеран.

Военная карьера Одерана оборвалась, когда тому было тридцать три, — он погиб в воздушной катастрофе в Ялрофаке. С тех пор по торжественным дням Далакотт выполнял мучительный отцовский долг, заменяя сына.

Рисдел оделся, вышел из спальни и спустился в столовую. Там, несмотря на ранний час, уже сидела за круглым столом Конна Далакотт. Она была высокая, с приветливым лицом, но фигура ее уже начала приобретать солидность, свойственную женщинам средних лет.

— Доброе утро, Конна, — поздоровался Далакотт, отметив, что она одна. — Неужели Хэлли еще спит?

— В свое двенадцатилетие? — Конна кивнула в сторону высокого — от пола до потолка — окна, в котором была видна часть обнесенного стеной сада. — Он где-то там. Тренируется. На завтрак даже не взглянул.

— Для него сегодня великий день. Да и для всех нас тоже.

— Да. — Что-то в голосе Конны сказало Далакотту, что она еле сдерживается. — Чудесный день.

— Я знаю, ты огорчена, — мягко сказал он, — но Одеран хотел бы, чтобы мы провели этот день как можно лучше. Ради Хэлли.

Не ответив, Конна спокойно улыбнулась.

— Ты по-прежнему ешь на завтрак только кашу? — спросила она. — Может быть, соблазнишься и съешь немного белой рыбы? А еще есть сосиски, пирог с фаршем…

— Я слишком долго прожил на рационе рядового, — запротестовал он, согласившись ограничиться светской беседой.

Все десять лет после смерти Одерана Конна вела хозяйство и твердо строила свою жизнь без помощи генерала Далакотта, и с его стороны было бы нетактично давать ей советы в такой день.

— Ладно, — сказала она и, открыв одно из блюд, стала накладывать ему в тарелку. — Но на обеде малой ночью никакого солдатского рациона тебе не будет.

— Принято.

Пока Далакотт обменивался любезностями с невесткой и ел слегка подсоленную кашу, в его голове вихрем проносились воспоминания, и как часто случалось в последнее время, мысли о сыне, которого он потерял, вызвали мысли о другом сыне, которого он так и не признал.

Оглядываясь на свою жизнь, генерал вновь раздумывал, каким образом получалось, что он считал незначительными события, которые потом оказывались главными поворотными пунктами в его судьбе.

Если бы давным-давно его не застали врасплох в небольшой схватке в Ялрофаке, он не получил бы серьезного ранения в ногу. А в результате его

направили на отдых в тихую провинцию Редант, и там во время прогулки вдоль реки Бес-Ундар он случайно нашел очень странный предмет — генерал никогда не видел ничего похожего. Он подобрал его и с тех пор повсюду носил с собой.

Рисдел владел этим предметом уже около года, когда в одно из редких посещений столицы внезапно решился и понес его в поселок ученых на Зеленую Гору, чтобы выяснить, нельзя ли объяснить странные свойства вещицы. О предмете он не узнал ничего, зато многое узнал о себе.

Как человек, посвятивший себя военной карьере, он взял постоянную жену чуть ли не из долга перед государством, чтобы она обслуживала его между кампаниями. Отношения у них с Ториэйн сложились ровные, теплые, даже дружеские, и он считал, что иначе и не бывает. До того дня, когда он въехал в сад перед Квадратным Домом и увидел Эйфу Маракайн. Встреча с молодой и стройной хозяйкой была подобна смешению зеленых и пурпурных энергетических кристаллов и завершилась она взрывом бурной страсти и восторга, а затем обернулась немыслимой болью. Он бы ни за что не поверил, что можно так страдать, пока сам не испытал этого…

— Дедушка! Экипаж приехал! — В высокое окно

постучал Хэлли. — Можем ехать на гору.

— Иду, иду. — Далакотт помахал светловолосому мальчику, который так и подпрыгивал от возбуждения. Крепкий паренек, хорошего роста, и вполне способен управиться с полноразмерными птертобойками, висящими у него на поясе.

— Ты не доел кашу, — сказала Конна, когда Далакотт встал из-за стола. Она старалась говорить спокойно, но это не вполне ей удалось.

— Ты же знаешь, беспокоиться абсолютно не о чем, — сказал он. — Птерта, дрейфующая в открытом пространстве среди бела дня, никого не напугает. Справиться с ней легче легкого, и потом я все время буду рядом с Хэлли.

— Спасибо. — Конна осталась сидеть за столом, уставясь на свою нетронутую тарелку.

Далакотт вышел в сад, который, как принято в сельской местности, окружали высокие стены, увенчанные экранами, защищающими от птерты. На ночь и в туман экраны смыкались над участком.

Хэлли подбежал к деду и взял его за руку, совсем как Одеран когда-то. Они пошли к экипажу, в котором уже сидели трое мужчин. Обряд возмужания требовал свидетелей, и Далакотт накануне вечером возобновил знакомство с соседями. Он

поздоровался с мужчинами, и они с Хэлли уселись на обитые кожей скамейки. Возница щелкнул кнутом, и четверка синерогов тронулась с места.

— Ого! Да ты у нас просто ветеран! — сказал Джихейт, торговец, ушедший на покой, и, наклонившись к мальчику, постучал по трехконечной птертобойке, висевшей среди вооружения Хэлли рядом с обычными крестовинами.

— Баллинская, — гордо ответил Хэлли и погладил отполированное и богато украшенное дерево оружия, подаренного Далакоттом год назад. — Она летает дальше остальных, бьет на тридцать ярдов. У гефов такие же. У гефов и циссорцев.

Мужчины оценили познания Хэлли снисходительными улыбками.

Для защиты от птерты с древнейших времен все нации Мира применяли метательные снаряды разной формы, но время отобрало самые эффективные.

Загадочные шары подбирались к человеку и лопались легко, как мыльные пузыри. Но до этого они демонстрировали поразительную эластичность. Снаряд, стрела и даже копье проходили сквозь птерту, не причинив ей вреда. Шар только вздрагивал, и отверстие в прозрачной оболочке мгновенно затягивалось.

Лишь динамичный вращающийся снаряд мог разорвать птерту и рассеять в воздухе ее ядовитую пыль.

Очень хорошо убивали птерту боло, но они слишком много весили, и метать их было трудно, а деревянный бумеранг с несколькими лезвиями был плоским, легким, портативным. Далакотт всегда удивлялся, как даже самые неразвитые племена усвоили, что если сделать у каждого лезвия один край острый, а другой закругленный, то получится оружие, которое держится в воздухе точно птица и летит намного дальше обычного метательного снаряда.

Наверно, это свойство казалось баллинцам волшебством. Во всяком случае, они мастерили свои птертобойки очень старательно и даже покрывали их резьбой. Прагматичные колкорронцы делали массовое оружие одноразового применения. Оно состояло из двух прямых деталей, склеенных посередине крест-накрест.

Зеленые поля и сады Клинтердена постепенно остались позади; экипаж подъезжал к подножию горы Фарот. Наконец дорога кончилась, и они въехали на покрытую травой площадку. Дальше начинался крутой подъем, уходящий в облака тумана, который еще не рассеялся под лучами

солнца. Карета со скрипом остановилась.

— Ну, вот мы и приехали, — добродушно сказал мальчику Джихейт. — Мне не терпится посмотреть, как себя покажет твоя красивая птертобойка. Тридцать ярдов, говоришь?

Тесаро, цветущего вида банкир, нахмурился и покачал головой.

— Не заводи мальчика. Слишком рано метать не следует.

— Думаю, вы убедитесь, что он и сам знает, как надо, — сказал Далакотт. Они с Хэлли вышли из экипажа и огляделись. Купол неба сверкал перламутром, который над головой переходил в бледно-голубой. Звезд не было видно совсем, и даже видимая часть огромного диска Верхнего Мира казалась бледной и призрачной. Семья сына жила в провинции Кейл, а в этих широтах Верхний Мир заметно смещен к северу. Климат здесь был более умеренный, чем в экваториальном Колкорроне, поэтому, да еще из-за более короткой малой ночи, эта провинция считалась одним из лучших в империи аграрных районов.

— Птерты полно, — заметил Джихейт и показал вверх. Там, высоко в воздушных потоках, скатывающихся с горы, виднелись дрейфующие пурпурные кружочки.

— В последнее время ее всегда полно, — прокомментировал третий свидетель Ондобиртр. — Клянусь, птерты становится все больше, что бы там ни говорили. Я слышал, недавно несколько штук проникли даже в центр Ро-Бакканта.

Джихейт энергично помотал головой.

— Они не залетают в города.

— Я только повторяю, что слышал.

— Ты, друг, слишком доверчив и слушаешь слишком много всякого вздора.

— Хватит пререкаться, — вставил Тесаро. — У нас есть дела поважнее. — Он открыл холщовый мешок и отсчитал по шесть птертобоек — Далакотту и остальным мужчинам.

— Они тебе не понадобятся, дедушка, — обиженно сказал Хэлли. — Я не промахнусь.

— Знаю, Хэлли, но так полагается. Кроме того, кое-кому из нас, возможно, тоже не мешает попрактиковаться. — Далакотт обнял мальчика за плечи и пошел с ним к началу тропинки, вьющейся между двумя высокими сетками.

Сетки эти служили для отделения небольшого числа птерт. Они образовывали коридор, который пересекал площадку, взбирался на склон и исчезал наверху в тумане. У шаров оставалась возможность улететь в любой момент, но всегда

находилось несколько штук, которые следовали по коридору до конца, словно были живыми существами, не лишенными любопытства.

Вот такие причуды птерты и приводили многих людей к мысли, что шары отчасти разумны, хотя Далакотт никогда этому не верил: ведь у птерты внутри не было никакой структуры.

— Я готов, дедушка, можешь оставить меня, — сказал Хэлли.

— Хорошо, молодой человек. — Далакотт отошел на дюжину шагов и встал в одну шеренгу с мужчинами. Он вдруг осознал, что его внук уже не тот маленький мальчик, который сегодня утром играл в саду. Хэлли шел на испытание с достоинством и мужеством взрослого. До Далакотта дошло, что он не понял Конну, когда за завтраком пытался ее ободрить. Она была права — ребенок больше не вернется к ней. Это открытие Далакотт решил ночью записать в дневник. У солдатских жен свои испытания, и враг им — само время.

— Я так и знал, что долго ждать не придется, — прошептал Ондобиртр.

Далакотт отвел взгляд от внука и посмотрел вверх на стену тумана в дальнем конце сетчатого коридора. И как ни был он уверен в Хэлли, сердце его тревожно сжалось при виде двух птерт сразу.

Рыская, низко над землей двигались багровые шары диаметром не меньше двух ярдов каждый. Они спустились по склону, и на фоне травы их стало хуже видно.

Хэлли, сжимая крестовину, слегка изменил позу и приготовился к броску.

«Подожди!» — мысленно скомандовал Далакотт, боясь, что присутствие второй птерты усилит искушение попытаться хоть одну уничтожить на максимальном расстоянии.

Пыль из лопнувшей птерты почти мгновенно теряет ядовитые свойства на воздухе, так что минимальная безопасная дистанция может быть вообще всего шесть шагов, если не мешает ветер. На таком расстоянии промахнуться практически невозможно, и хладнокровному человеку птерта в общем-то не противник. Но Далакотту случалось видеть, как новички теряли присутствие духа и координацию движений. А некоторые впадали в оцепенение, завороженные движением подрагивающих шаров, когда, приближаясь к добыче, они прекращали случайный дрейф и со зловещей целеустремленностью надвигались на человека.

Пара подплывала к Хэлли и уже находилась в тридцати шагах. Шары скользили чуть выше тра-

вы и рыскали между сетками. Хэлли отвел назад правую руку и покачивал оружием, но пока воздерживался от броска. Далакотт со смесью любви, гордости, грусти и примитивного страха смотрел на одинокую фигуру, замершую в ожидании.

Он тоже взял в руку одну из своих птертобоек и приготовился рвануться вперед. Хэлли шагнул к левой сетке, все еще воздерживаясь от броска.

— Ты понимаешь, что этот чертенок задумал? — выдохнул Джихейт. — Он, по-моему, и впрямь…

В этот момент бесцельное рыскание птерт вывело их на одну линию, и Хэлли метнул оружие. Крестовина, вращаясь, полетела прямо, ровно и точно, и через мгновение пурпурных шаров не стало.

На минутку Хэлли опять превратился в мальчика и восторженно подпрыгнул, а затем вновь принял сторожевую стойку, потому что из тумана выплыла третья птерта. Хэлли отстегнул с пояса еще одну птертобойку, и Далакотт увидел, что это трехконечное баллинское оружие. Джихейт подтолкнул Далакотта локтем.

— Первый бросок был для тебя, а этот, по-моему, адресован мне — научит меня помалкивать.

Хэлли дал шару подлететь не ближе, чем на тридцать шагов, и метнул птертобойку. Как

яркая пестрая птица, она пронеслась вдоль тропинки, почти не снижаясь, и, начав уже терять устойчивость, в последний момент рассекла и уничтожила птерту. Просияв, Хэлли обернулся к мужчинам и отвесил им церемонный поклон. Он одержал три обязательные победы и теперь официально вступал во взрослую жизнь.

— На этот раз мальчику повезло, но он это заслужил. — Джихейт говорил добродушно. — Видел бы это Одеран…

— Да. — Одолеваемый горько-сладкими чувствами, Далакотт ограничился односложным ответом и вздохнул с облегчением, когда мужчины разошлись — Джихейт и Тесаро пошли поздравлять Хэлли, а Ондобиртр отправился к экипажу за традиционной флягой водки.

Все шестеро, включая наемного кучера, собрались у кареты, и Ондобиртр раздал сферические рюмочки с неровными краями, изображающие побежденную птерту. Далакотт посмотрел, как внук впервые в жизни глотает обжигающий напиток, и его позабавила гримаса, которую состроил парень, только что одолевший смертельного врага.

— Полагаю, — сказал Ондобиртр, наливая взрослым по второй, — что все заметили, как

необычен наш сегодняшний пикник?

Джихейт хмыкнул:

— Еще бы! Ты не атаковал водку до того, как подошли остальные.

— Нет, я серьезно. — Ондобиртр не поддался на провокацию. — Все считают меня идиотом, но вы можете вспомнить, чтобы за все годы, что мы сюда ездим, целых три шара вылетели еще до того, как синероги перестали пердеть после подъема? Говорю вам, близорукие вы мои: численность птерты растет. И если это не кажется мне с пьяных глаз, к нам пожаловала еще парочка.

Все дружно обернулись и увидели, как из облачного пространства, тычась между сетчатыми барьерами, спускаются еще две птерты.

— Чур, мои! — закричал Джихейт и бросился вперед. Он остановился, принял устойчивую позу и быстро, одну за другой, бросил две крестовины.

На мгновение в воздухе расплылось пятно пыли уничтоженных шаров.

— Видали! — крикнул Джихейт. — Чтобы защитить себя, не обязательно быть воином-атлетом. Я еще научу тебя приемчику-другому, юный Хэлли!

Хэлли передал рюмку Ондобиртру и, горя желанием посоревноваться, побежал к Джихейту.

Тесаро и Далакотт после второй рюмки тоже подошли к тропинке. Получилось спортивное состязание по уничтожению шаров; оно прекратилось только после того, как туман поднялся, верхняя часть тропинки очистилась и птерта ретировалась на большие высоты. Далакотта удивило, что за какой-то час вдоль тропинки спустилось чуть не сорок шаров. Пока остальные, готовясь к отъезду, собирали свои птертобойки, он сказал об этом Ондобиртру.

— Я вам это и твержу всю дорогу, — сказал Ондобиртр. Он продолжал пить, бледнел и мрачнел. — Но все считают меня идиотом.

Экипаж вернулся в Клинтерден. Солнце тем временем уже приблизилось к восточному краю Верхнего Мира, и можно было начинать празднование в честь Хэлли.

Дворик перед особняком был битком набит животными и каретами, а в огороженном саду носились играющие дети. Хэлли первым выпрыгнул из экипажа и помчался в дом искать мать. Далакотт последовал за ним степенной походкой, потому что от долгого сидения в экипаже разболелась нога. Он не радовался предстоящему празднику и не ждал от остатка дня ничего хорошего, но уехать было бы неучтиво. Гене-

рал договорился, что дирижабль подберет его и доставит к штабу Пятой Армии в Тромфе на следующий день.

Когда он вошел в дом, Конна тепло обняла его.

— Спасибо, что присмотрел за Хэлли, — сказала она. — Он действительно совершил все подвиги, о которых рассказывает?

— Он был просто великолепен! — Далакотт с удовольствием отметил, что Конна хорошо владела собой и была веселой. — Да что говорить, он заставил Джихейта уважать его!

— Прекрасно. А теперь вспомни, что обещал мне за завтраком. Я хочу, чтобы ты ел, а не ковырялся в тарелках.

— От свежего воздуха и физических упражнений я голоден как волк, — солгал Далакотт и, оставив Конну приветствовать визитеров, прошел в центральную часть дома. Там, разбившись на небольшие группы и оживленно беседуя, толпились гости. Довольный тем, что никто не заметил его появления, Далакотт молча взял с накрытого для детей стола бокал фруктового сока и встал у окна.

Со своего наблюдательного пункта он видел просторы возделанных земель, которые переходили в низкую гряду сине-зеленых холмов.

Полоски полей были окрашены последовательно в шесть цветов: от бледно-зеленых, недавно засеянных, до темно-желтых — созревших и готовых к уборке.

Солнце приближалось к Верхнему Миру, и скоро на глазах у Далакотта холмы и дальние поля полыхнули всеми цветами радуги и резко потускнели. Сумеречная полоса мчалась по ландшафту с орбитальной скоростью; за ней следовала чернота полной тени. Не прошло и минуты, как стена темноты долетела до дома и накрыла его — началась малая ночь.

Далакотту никогда не надоедало наблюдать это явление. Когда глаза привыкли к темноте, небо буквально расцвело звездами, спиральными туманностями и кометами. Он вспомнил, что там могут быть — как утверждают некоторые — другие обитаемые планеты, обращающиеся вокруг далеких солнц.

В прошлом Рисдел о таких материях не задумывался — все его душевные силы поглощала армия, но в последнее время он стал находить утешение в размышлениях о бесчисленных мирах, на одном из которых, быть может, существует другой Колкоррон, тождественный Колкоррону во всех отношениях, кроме одного. Возможен ли другой

Мир, на котором погибшие любимые еще живы?

Зажгли свечи и масляные фонари; их запах пробуждал воспоминания, и мысли Далакотта вернулись к прошлому, к тем немногим драгоценным ночам, которые провел он с Эйфой Маракайн. В часы ослепительной страсти Далакотт не сомневался, что они преодолеют все трудности, сметут все препятствия и поженятся. Эйфа имела статус постоянной жены, и ей предстоял двойной позор — развод с больным мужем и новое замужество наперекор социальному барьеру, который отделял военных от других сословий.

Перед ним стояли аналогичные препятствия. Кроме того, разведясь с Ториэйн, дочерью военного губернатора, он попадал под суд и должен был оставить военную карьеру. Но все это ничего не значило для Далакотта, он был как в лихорадке.

Тут началась падалская кампания, она обещала быть короткой, но разлучила его с Эйфой почти на год, а потом пришло известие, что она умерла, родив мальчика. Сначала Далакотт хотел признать мальчика своим и таким образом сохранить верность любимой, но затем решил, что этого делать не стоит.

Чего бы он добился, опозорив посмертно имя

Эйфы и одновременно разрушив свою карьеру и семью? Мальчику, Толлеру, которому лучше расти в уютной обстановке среди родных и друзей матери, это тоже не принесло бы ничего хорошего.

В конце концов Далакотт решил вести себя разумно и даже не пытался увидеть сына. Пролетели годы, и благодаря своим способностям Рисдел дослужился до генеральского звания. Теперь, на закате жизни, эта история казалась почти сном и больше не причиняла боли, если не считать того, что ночью, в часы одиночества, его начали беспокоить иные вопросы и сомнения. Несмотря на пылкий внутренний протест, он то и дело спрашивал себя, действительно ли собирался жениться на Эйфе? Разве глубоко в подсознании не испытал он облегчение, когда смерть Эйфы избавила его от необходимости принимать решение? Короче, правда ли, что он, генерал Рисдел Далакотт, тот человек, которым считал себя всю жизнь? Или он?..

— А, вот ты где! — С бокалом пшеничного вина к нему подошла Конна. Она решительно сунула ему в свободную руку этот бокал и одновременно отобрала фруктовый сок. — Тебе надо быть с гостями, ты же понимаешь. А то еще подумают, что

ты считаешь себя слишком знаменитым и важным и не хочешь общаться с моими друзьями.

— Прости, — невесело улыбнулся Далакотт. — Чем больше я старею, тем чаще думаю о прошлом.

— Ты думал об Одеране?

— Я думал о многом. — Далакотт пригубил бокал и отправился вслед за невесткой вести светские беседы с малознакомыми мужчинами и женщинами.

Он заметил, что среди них практически нет представителей военной касты, и это, возможно, указывало на то, какие чувства на самом деле питала Конна к тем, кто отнял у нее мужа, а теперь собирался забрать единственного ребенка. Далакотт с трудом поддерживал разговор с чужими, по существу, людьми и с облегчением услышал приглашение к столу.

Теперь он был обязан произнести короткую официальную речь о совершеннолетии внука, а потом, если получится, можно будет раствориться в толпе гостей.

Он обошел вокруг стола и подошел к единственному стулу с высокой спинкой, в честь Хэлли украшенному голубыми стрелоцветами, и тут до него дошло, что он уже давно не видит

мальчика.

— Где же наш герой? — крикнул кто-то из гостей. — Предъявите героя!

— Он, наверно, у себя в комнате, — сказала Конна. — Сейчас я его приведу.

Виновато улыбнувшись, она выскользнула из гостиной, а через минуту вновь появилась в дверях со странным застывшим лицом, кивнула Далакотту и, не сказав ни слова, снова исчезла. Внутри у Рисдела все похолодело, и уговаривая себя, что нет оснований для беспокойства, он прошел по коридору в спальню Хэлли.

Мальчик лежал на спине на узкой койке. Его лицо раскраснелось и блестело от пота, а руки и ноги беспорядочно подергивались.

Не может быть, подумал Далакотт, и сердце его замерло. Он подошел к койке, посмотрел на Хэлли и, увидев ужас в его глазах, сразу понял, что мальчик изо всех сил пытается сесть или встать, но не может. «Паралич и лихорадка! Этого не может быть! — мысленно прокричал Далакотт, падая на колени. — Это не по правилам!»

Он положил ладонь мальчику на живот и обнаружил еще один симптом — вздутую селезенку; с губ его сорвался горестный стон.

— Ты обещал присмотреть за ним, — безжиз-

ненным голосом прошептала Конна, — ведь он совсем ребенок!

Далакотт встал и взял ее за плечи.

— Есть тут доктор?

— Что толку?

— Я вижу, на что это похоже, Конна, но Хэлли ни разу не подошел к птерте ближе тридцати шагов, а ветра не было. — Он слышал свой голос как будто издалека, словно бы он сам себя пытался убедить. — И потом, на развитие птертоза уходит два дня. Так быстро это не бывает. Ну что, есть доктор?

— Визиган, — прошептала Конна; ее расширенные глаза шарили по его лицу в поисках надежды. — Я приведу его. — Она повернулась и выбежала из комнаты.

— Ты поправишься, Хэлли. — Далакотт снова опустился на колени у койки. Он вытер краем маленького одеяла мокрое лицо мальчика и с ужасом отметил, какой жар излучает покрытая капельками пота кожа.

Хэлли смотрел на него с немой мольбой, его губы дрогнули в попытке улыбнуться. Рядом на койке Далакотт заметил баллинскую птертобойку. Он взял ее, вложил в руку мальчику и, согнув нечувствительные пальцы на полированном

дереве, поцеловал Хэлли в лоб. Его поцелуй был долгим, словно он пытался вобрать в себя пожиравший мальчика жар, и Рисдел не сразу заметил, что Конна слишком долго не возвращается с доктором, а где-то в доме кричит женщина.

— Я вернусь через секунду, солдат. — Он встал, в полуобморочном состоянии вернулся в гостиную и увидел, что на полу лежит человек, а гости собрались вокруг него.

Это был Джихейт. Он метался в лихорадке, его руки беспомощно скребли пол, и весь его вид свидетельствовал о запущенном птертозе.

Ожидая, пока отвяжут дирижабль, Далакотт сунул руку в карман и нащупал странный безымянный предмет, который нашел несколько десятилетий назад на берегу Бес-Ундара. Большой палец генерала описывал круги по зеркальной, отполированной многолетними поглаживаниями поверхности. Далакотт пытался свыкнуться с чудовищными событиями последних девяти дней, и никакая статистика не могла передать его душевную боль.

Хэлли умер до исхода малой ночи своего совершеннолетия. Джихейт и Ондобиртр пали жертвами новой страшной формы птертоза к концу того же дня, а на следующее утро Далакотт

нашел Конну в ее комнате; она тоже умерла от птертоза. Так он впервые столкнулся с заразной формой птертоза, а когда узнал о судьбе гостей празднества, у него помутилось в голове. В ту же ночь смерть настигла тридцать два человека из сорока, включая детей. И на этом ее наступление не остановилось. Население деревушки Клинтерден и ее окрестностей в три дня сократилось с трехсот до пятидесяти человек. После этого яд невидимого убийцы, по-видимому, утратил силу, и начались похороны.

Воздушный корабль освободили от пут, гондола слегка накренилась и качнулась. Далакотт пододвинулся ближе к бортовому иллюминатору и в последний раз посмотрел вниз на знакомую картину: домики с красными крышами, сады и полоски полей. За безмятежным фасадом крылись необратимые перемены. Неизменная солдатская выправка генерала полагала скрыть то, что за девять дней он сам стал стариком. Мрачная апатия, потеря оптимизма — то, чему Рисдел никогда в жизни не поддавался, овладели им, и генерал впервые понял, что значит завидовать мертвым.

Часть II
ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ ПОЛЕТ
Глава 6

Опытный оружейный завод располагался на юго-западной окраине Ро-Атабри в старом фабричном районе Мардаванских Набережных.

Район находился в низине, и его даже пытались осушить, проведя канал, который за чертой города вливался в Боранн. Столетия промышленного использования сделали почву Мардаванских Набережных местами совершенно бесплодной, хотя кое-где на пустырях торчали высокие сорняки неприятного цвета, которые питались тем, что сочилось из древних сточных колодцев и скотомогильников.

Глубоко просевшие колеи связывали многочисленные фабрики и склады, а за ними укрывались ветхие жилища, в окнах которых редко светились огни.

В этом окружении вполне уместно смотрелась опытная станция с кучей мастерских, сараев и запущенных одноэтажных контор. Даже на стенах конторы начальника традиционный колкоррон-

ский ромбический узор едва проглядывал из-под многолетнего слоя грязи.

Толлера Маракайна эта обстановка удручала. Когда он просил назначения сюда, то плохо представлял себе работу отдела Разработки вооружений. Он ожидал увидеть что-то вроде открытой всем ветрам лужайки, а на ней меченосцев, от зари до зари испытывающих новые типы клинков, или лучников, придирчиво оценивающих многослойные луки и наконечники стрел из новых материалов.

Нескольких часов на Набережных оказалось достаточно, чтобы Толлер узнал: под руководством Боррита Харгета новое оружие почти не разрабатывается, а большая часть фондов расходуется на попытки создать материалы, способные заменить бракку в зубчатых передачах и других деталях машин. Толлеру в основном приходилось смешивать различные волокна и порошки со всякими смолами и отливать из этих композитов опытные образцы разных форм.

Ему не нравился удушливый запах смолы, не нравилась монотонность работы, тем более что в глубине души он считал весь проект пустой затеей. Ни один из созданных на станции композитов не выдерживал сравнения с браккой — самым

твердым и стойким материалом на планете. И если природа так любезно предложила идеальный материал, какой смысл искать другой?

Однако, не считая того, что Толлер иногда ворчал на Харгета, работал он усердно и старательно, так как твердо решил доказать Лейну, что он тоже ответственный член семьи. Женитьба на Фере — с единственной целью досадить жене брата — неожиданно помогла ему, придав солидности.

Сначала Толлер предложил Фере четвертую ступень — временную, непостоянную, когда муж может разорвать брак в любой момент, но у той хватило терпения продержаться до статуса третьей ступени. Теперь они были связаны на шесть лет.

Это произошло уже пятьдесят дней назад. Толлер надеялся, что Джесалла изменит отношение к нему и к Фере. Но если какие-то изменения и произошли, то только в худшую сторону. Замечательный аппетит Феры и ее склонность побездельничать раздражали и оскорбляли вспыльчивую властную Джесаллу, а Толлер никак не мог заставить Феру изменить привычки. Она заявляла, что имеет право быть такой, какая есть, и не обязана потакать чьим-то прихотям. А Толлер считал, что имеет право жить в фа-

мильном доме Маракайнов; и хотя Джесалле был нужен только предлог, чтобы выселить их из Квадратного Дома, Толлер из чистого упрямства удерживался от поисков другого пристанища.

Однажды утренним днем Толлер размышлял о своих семейных делах, гадая, долго ли еще удастся поддерживать неустойчивое равновесие, когда в сарай, где он отвешивал нарезанное стекловолокно, вошел Харгет.

Харгет был тощий суетливый человек сорока с небольшим лет, и все у него — нос, подбородок, уши, локти, плечи, — казалось, состояло из острых углов. Сейчас он суетился сильнее, чем обычно.

— Пошли, Толлер, — позвал он, — нужны твои крепкие мускулы.

Толлер отложил совок.

— И что я должен делать?

— Ты вечно жалуешься, что тебе не дают работать с военными машинами, так вот тебе случай.

Харгет подвел его к небольшому передвижному крану, который установили на площадке между двумя мастерскими. Обычная конструкция из бревен стропильника, только зубчатые колеса, которые, как правило, делают из бракки, у этого

крана были отлиты из созданного на опытной станции сероватого композита.

— Скоро должен прибыть магистр Гло, — сказал Харгет. — Он собирается продемонстрировать эту зубчатую передачу финансовому инспектору принца Пауча. Мы сейчас проведем пробное испытание. Проверь тросы, получше смажь шестерни и нагрузи короб камнями.

— Ты сказал, военная машина, — заметил Толлер, — а это просто кран.

— Армейским инженерам приходится строить фортификации и поднимать тяжелое оборудование, так что это — военная машина. А бухгалтеры принца должны остаться довольными, иначе мы лишимся финансирования. Иди работай. Гло приедет через час.

Толлер кивнул и начал готовить кран. Солнце прошло еще только половину пути до Верхнего Мира, но ветра не было, и температура воздуха неуклонно поднималась. Близлежащая дубильня добавляла свои ароматы в и без того удушливую атмосферу станции. Толлер поймал себя на том, что мечтает о кружке холодного пива. В районе Набережных имелась лишь одна таверна, да и та настолько мерзкая, что у него не возникало ни малейшего желания послать туда помощника за

образцами их товара.

С тоской он подумал: как ничтожна награда за добродетельную жизнь! В Хаффангере по крайней мере было чем дышать.

Не успел Толлер нагрузить короб камнями, как послышались крики возницы и стук копыт. В ворота станции вкатился щегольской красно-оранжевый фаэтон магистра Гло. Среди замызганных домишек фаэтон выглядел нелепо. Он остановился у конторы Харгета, и из него вылез Гло, который сначала поругался с возницей и лишь потом поздоровался с Харгетом, робко топтавшимся рядом. С минуту они о чем-то тихо переговаривались, затем пошли к крану.

Гло зажимал нос платком, а красное лицо и некоторая нетвердость походки свидетельствовали о том, что он уже приложился к бутылке. Толлер, улыбаясь, покачал головой; при всем почтении к магистру его изумляла та целеустремленность, с которой старик продолжал превращать себя в человека, непригодного для высокого поста. Заметив, что несколько проходивших мимо рабочих прикрыли лица ладонями и зашептались, Толлер перестал улыбаться. Ну почему Гло не дорожит своим достоинством?

— Вот ты где, мой мальчик! — воскликнул ма-

гистр, увидев Маракайна. — А знаешь, ты еще больше стал напоминать мне меня в… гм… молодости. — Он пихнул Харгета локтем. — Видишь, какой атлет, Боррит? Вот каким я был.

— Да, магистр, — ответил Харгет, даже не пытаясь изобразить восхищение. — Здесь шестерни из старой смеси номер 18, но мы испробовали на них низкотемпературную выдержку и получили весьма обнадеживающие результаты. Конечно, этот кран в общем-то только макет в натуральную величину, но я уверен, что мы двигаемся в правильном направлении.

— Я тебе верю, но позволь мне посмотреть его в… гм… работе.

— Разумеется. — Харгет кивнул Толлеру, и тот приступил к испытанию.

Кран спроектировали для двух работающих, но Толлер легко справлялся и в одиночку. Несколько минут он под командованием Харгета поворачивал стрелу и демонстрировал, с какой точностью машина кладет груз. Он старался действовать очень плавно, избегая ударов в зубчатых передачах, и после демонстрации движущиеся части крана остались в отличном состоянии. Ассистенты и рабочие, которые собрались посмотреть, начали расходиться, и Толлер уже опускал груз

на место, когда вдруг собачка храпового механизма, управляющего спуском, дробно застучала и срезала несколько зубьев на главной шестерне. Короб с грузом начал падать, затем барабан заклинило, трос перестал разматываться, и кран, которым Толлер продолжал управлять, опасно накренился. Несколько рабочих бросились к нему и, навалившись на поднявшуюся опору, прижали ее к земле. Кран был спасен.

— Поздравляю, — злобно сказал Харгет, когда Толлер отошел от поскрипывающей конструкции. — Как тебе это удалось?

— Если бы вы сумели сделать материал прочнее остывшей каши, ничего бы… — Внезапно Толлер увидел, что за спиной у Харгета упал магистр Гло. Он лежал, прижавшись щекой к засохшей глине, и не шевелился. Испугавшись, что в Гло угодил отлетевший зуб шестерни, Толлер подбежал к магистру и опустился на колени. Бледно-голубые глаза повернулись к нему, но пухлое тело даже не пошевелилось.

— Я не пьян, — промямлил Гло уголком рта. — Унеси меня отсюда, мой мальчик. Я, кажется, наполовину мертв.

* * *

Фера Риву неплохо освоилась с новым образом жизни на Зеленой Горе, но никакими уговорами Толлер не мог заставить ее сесть верхом на синерога или хотя бы на животное поменьше — белорога, которого женщины часто предпочитали. Поэтому, когда Толлер хотел вместе с женой выбраться с Горы глотнуть свежего воздуха или просто сменить обстановку, приходилось отправляться на своих двоих. Он не любил ходить пешком, но Фера считала это единственным способом передвижения, если в ее распоряжении не имелось экипажа.

— Я проголодалась, — объявила Фера, когда они дошли до Площади Мореплавателей в центральном районе Ро-Атабри.

— Конечно, — сказал Толлер, — еще бы. Ведь после второго завтрака уже почти час прошел.

Она пихнула его локтем в ребро и игриво улыбнулась.

— Ты ведь не прочь подкрепить мои силы, а?

— Тебе не приходило в голову, что в жизни есть не только секс и еда?

— Еще вино. — Заслонив глаза от солнца утреннего дня, она внимательно изучала лотки со

сладостями, занимавшие весь периметр площади. — Пожалуй, я съем медовую коврижку и, может быть, запью ее кейльским белым.

Продолжая протестовать, Толлер купил желаемое, и они уселись на скамейку лицом к статуям знаменитых имперских мореходов прошлого.

Площадь окружали коммерческие и общественные здания; их каменные стены различных оттенков украшали традиционные колкорронские узоры из переплетенных ромбов. Деревья на различных стадиях созревания и яркие наряды прохожих вносили свою лепту в цветовые контрасты. Веял приятный западный ветерок.

— Должен признать, — сказал Толлер, потягивая холодное легкое белое вино, — что прохлаждаться здесь куда приятнее, чем ишачить на Харгета. Никак не могу понять, почему научно-исследовательская работа непременно связана со зловонием.

— Бедненький! — Фера стряхнула с подбородка крошку. — Если хочешь узнать, что такое настоящая вонь, поработай на рыбном рынке.

— Нет уж, спасибо, мне и здесь неплохо, — ответил он. Шел двадцатый день с тех пор, как у магистра Гло случился удар, и Толлер по-прежнему был подмастерьем, но теперь условия его

работы изменились. У Гло парализовало левую половину тела, и ему понадобился личный служитель, желательно с крепкими мускулами. Эту должность предложили Толлеру, и он, сразу же согласившись, переехал с Ферой в просторное жилище Гло на западном склоне Зеленой Горы.

По сравнению с Мардаванскими Набережными новая работа казалась просто раем, и кроме того, она разрешала трудную ситуацию в доме Маракайнов. Что ж, Толлер старался чувствовать себя довольным. Однако временами, когда он сравнивал свое лакейское существование с жизнью, которую выбрал бы себе сам, его охватывали тоска и беспокойство, но он никому об этом не говорил. С другой стороны, Гло оказался тактичным хозяином и с тех пор, как частично восстановил подвижность, старался реже пользоваться услугами Толлера.

— Магистр Гло нынче утром вроде занят, — заметила Фера. — Куда бы я ни пошла, везде в доме слышала, как стучит и щелкает его мигалка.

Толлер кивнул.

— В последнее время он много разговаривал с Тансфо. По-моему, его тревожат доклады из провинций.

— Но ведь не чума же на нас надвигается? Ведь

нет, Толлер? — Фера передернула плечиками от отвращения. — Терпеть не могу больных!

— Не волнуйся! Судя по тому, что я слышал, эти больные не долго будут тебе надоедать. Часа два в среднем.

— Толлер! — Фера смотрела с упреком, рот ее приоткрылся, а кончик языка был измазан начинкой от медовой коврижки.

— Тебе не о чем беспокоиться, — ободряюще сказал Толлер, хотя — как он узнал от Гло — в восьми далеко отстоящих друг от друга местах началось действительно что-то вроде чумы. Первыми о вспышках сообщили дворцовые войска провинций Кейл и Миддак, затем более удаленных и не таких значительных районов: Сорка, Меррил, Падал, Баллин, Ялрофак и Лунгл. После этого на несколько дней наступило затишье, и Толлер знал: власти наперекор всему надеются, что болезнь сошла на нет и метрополия Колкоррон со столицей не пострадают. Он понимал их чувства, но оснований для оптимизма не видел. Если птерта умудрилась так резко увеличить силу и радиус поражения, о чем свидетельствовали донесения, то, по мнению Толлера, она себя еще покажет.

Передышка, которой наслаждались люди,

могла означать, что птерта ведет себя подобно разумному и безжалостному врагу: она успешно испытала новое оружие, затем отступила, чтобы перегруппироваться и подготовиться к главному удару.

— Пора возвращаться в Башню. — Толлер осушил фарфоровый стаканчик и поставил его под скамейку, чтобы продавец потом забрал. — Гло желает принять ванну до малой ночи.

— Хорошо, что я не должна помогать.

— А знаешь, он мужественный человек. Я, наверно, не смог бы жить калекой, а от него не услышишь ни единой жалобы.

— Зачем ты все время говоришь о болезнях! Ведь помнишь, что я этого не люблю. — Фера встала и разгладила тонкую ткань своего платья. — У нас еще есть время пройтись до Белых Фонтанов?

— Несколько минут.

Взявшись за руки, они пересекли Площадь Мореплавателей и пошли по оживленному проспекту к городскому саду. Фонтаны, украшенные скульптурами из белоснежного падалского мрамора, рассеивали в воздухе освежающую прохладу. Меж островками яркой листвы прогуливались группы людей, многие с детьми. То и

дело, дополняя идиллию, над этой безмятежной сценой звучал их смех.

— Пожалуй, все это очень похоже на цивилизованную жизнь, — сказал Толлер. — Одно плохо, хотя это только моя личная точка зрения, — все это слишком… — Он не договорил: с ближайшей крыши пронзительно затрубил горн, и эти звуки тут же подхватили другие горны в разных частях города.

— Птерта! — Толлер вскинул взгляд к небу. Фера прижалась к нему.

— Это какая-то ошибка, да, Толлер? Они ведь не залетают в города?

— Все равно с улицы лучше уйти. — Толлер повел ее к зданиям в северной стороне сада. Все вокруг смотрели на небо, но такова была сила привычки, что мало кто спешил в укрытие. В жестокой войне с птертой давным-давно установился паритет, и вся цивилизация строилась на основе постоянной и предсказуемой схемы поведения противника.

Дикой казалась сама мысль, что коварные шары могут вдруг коренным образом изменить свои привычки. Толлер разделял это мнение, но вести из провинций заронили глубоко в его сознание зерна беспокойства. Если птерта могла

измениться в чем-то одном, то кто знает?..

Где-то слева вскрикнула женщина, и этот короткий нечленораздельный звук вернул Толлера к реальности. Он посмотрел в ту сторону, откуда донесся крик, и увидел, как в конусе солнечного сияния опускается сине-пурпурный шар прямо в центре сада на многолюдную площадь. К сигналам горнов присоединились вопли толпы. Фера окаменела от ужаса, заметив, что птерта лопнула.

— Скорее! — Толлер схватил ее за руку и помчался к колоннаде, окружающей здание с севера. Они неслись скачками по открытому месту, и Толлеру некогда было высматривать другие птерты, но этого уже и не требовалось. Шары дрейфовали на виду между крышами, куполами и трубами в спокойном солнечном свете.

Любому в Колкорронской империи когда-нибудь снился такой кошмар: человек среди полчищ птерты на открытом месте. На протяжении следующего часа Толлер пережил этот кошмар наяву. Более того, ему пришлось увидеть и не такие ужасы. По всему городу с небывалой дерзостью на улицы, поблескивая, спускались птерты. Они наводняли сады, дворики, неспешно пересекали городские площади, прятались

под арками и в колоннадах. Разъяренная толпа спешно их уничтожала, но действительность была страшнее любого ночного кошмара. Толлер не сомневался, что десант состоит из птерты нового вида.

Это явились сеятели чумы.

На всем протяжении долгой истории дебатов о природе птерты сторонники теории некоторой ее разумности всегда указывали на тот факт, что она избегает больших городов. Ведь нападi птерта на город хоть целой тучей, в условиях хорошей видимости среди городской застройки ее быстро уничтожат. Утверждалось, что птерта заботится не о самосохранении, а о том, чтобы не потерять множество шаров даром в бесполезных атаках. Теория выглядела убедительно — пока радиус поражения птерты ограничивался несколькими шагами.

Но Толлер сразу интуитивно почувствовал, что багровые шары, плывущие по Ро-Атабри, разносят чуму. Можно их всех уничтожить, но много людей погибнет от нового вида ядовитой пыли, убивающей на большом расстоянии. И ужас на этом не кончится, ибо по новым суровым законам борьбы каждая жертва за короткие оставшиеся ей часы заразит и уведет за собой в могилу дюжи-

ну, а то и несколько дюжин других.

Прошел час, пока переменившийся ветер не положил конец первой атаке на Ро-Атабри, но теперь каждый — мужчина, женщина или ребенок — внезапно стал возможным смертельным врагом, и кошмар, казалось, не кончится никогда…

* * *

Ночью прошел редкий дождь, и сейчас, в первые тихие минуты после восхода солнца, с Зеленой Горы город выглядел незнакомым. Гирлянды клочковатого тумана укрывали Ро-Атабри лучше, чем одеяло противоптертовых экранов, которое висело над городом со времен первой атаки, почти два года назад. Из золотистой дымки на востоке вырастали треугольные очертания горы Опелмер, и ее вершина окрасилась первыми лучами красноватого солнца.

Толлер проснулся рано. С недавних пор сон его стал беспокойным. Он решил встать и в одиночестве прогуляться по территории Башни.

Сначала он обошел сетки внутреннего защитного экрана и проверил надежность их крепления. До нашествия чумы экраны устанавливали только в сельской местности, и в те времена достаточно было простых сеток. Теперь

же и в городе, и в деревнях пришлось возводить более сложные экраны. Вокруг охраняемых мест надо было создавать тридцатиярдовые буферные зоны. Яд птерты разносился в горизонтальном направлении, поэтому для крыш большинства зданий годился один слой сетки. Но по периметру оказалось совершенно необходимо ставить двойную экранировку с широким зазором и крепкими подпорками.

Потакая Толлеру, магистр Гло возложил на него — в дополнение к обычным обязанностям — ответственную, а в чем-то и опасную задачу руководить сооружением экранов для Башни и нескольких других домов ученых. От ощущения, что наконец-то он занят важным и полезным делом, Толлер стал спокойнее; ну и риск при работе на открытой местности тоже давал удовлетворение.

Боррит Харгет внес свой вклад — новое противоптертовое оружие. Он разработал странный с виду метательный снаряд в форме уголка, который летел быстрее и дальше, чем стандартная колкорронская крестовина, и в руках сильного мужчины мог поражать шары на расстоянии более чем в сорок ярдов.

Пока Толлер руководил постройкой защитных

экранов, он в совершенстве овладел искусством обращения с новым оружием и гордился тем, что из-за птерты не потерял ни одного рабочего.

Но строительство закончилось, и новый этап в жизни Толлера — тоже. Его угнетало чувство, будто он попался как рыба в сеть, причем расставленную своими же руками.

Он должен был радоваться, что остался жив и здоров, имеет пищу, кров и страстную женщину, в то время как новая заразная форма птертоза истребила более двух третей населения империи. Но ему по-прежнему казалось, что жизнь проходит зря. Инстинктивно отрицая учение Церкви о бесконечной последовательности воплощений то на Мире, то на Верхнем Мире, он знал, что ему дарована лишь одна жизнь, и перспектива впустую растратить ее остаток была невыносима.

Несмотря на бодрящую свежесть утреннего воздуха, грудь Толлера тяжело вздымалась. Он будто задыхался, и его охватило состояние, близкое к иррациональной панике. Отчаянно желая избавиться от него, Толлер сделал то, чего не делал со времен ссылки на Хаффангер.

Он открыл ворота во внутреннем экране Башни, пересек буферную зону и вышел за внешний экран — постоять на незащищенном склоне Зе-

леной Горы.

Перед ним на целую милю простирались пастбища, с давних пор принадлежавшие сословию ученых, а нижний их край скрывался за деревьями и полосой тумана.

Воздух был неподвижен, и опасность нарваться на шальную птерту не грозила, но символический акт непослушания снял накопившееся внутреннее напряжение.

Толлер отцепил от пояса птертобойку и собрался спуститься вниз по склону, но тут неожиданно его внимание привлекло какое-то движение у нижнего края пастбища. На просеке лесочка, отделявшего территорию ученых от городского района Силарби, появился одинокий всадник.

Толлер вытащил любимую подзорную трубу, посмотрел в нее и увидел, что всадник— королевский посланник: на груди у него красовался синий с белым символ курьера — перо и меч.

Заинтересовавшись, Толлер присел на выступ вроде скамейки и стал наблюдать за гостем. Ему вспомнился предыдущий случай, когда прибытие королевского посланника освободило его от прозябания на опытной станции в Хаффангере. Сейчас обстоятельства были совершенно иными. После скандала в Радужном Зале Большого

Дворца магистра Гло перестали замечать. В прежние времена гонцы часто привозили секретные королевские послания, которые нельзя было доверить солнечному телеграфу, но теперь просто не верилось, что король Прад желает связаться с магистром Гло по какому бы то ни было поводу.

Всадник приближался неторопливо и беззаботно. Если бы он выбрал чуть более длинный маршрут, то мог бы проехать до резиденции Гло под удушающей сеткой городских противоптертовых экранов. Но гонец, как видно, наслаждался открытым небом, игнорируя некоторый риск угодить под птерту. Толлеру пришло в голову, что посыльный похож на него: его тоже раздражают обязательные противо-птертовые предосторожности, символы осадного положения, навязанного уцелевшим.

Великая перепись 2622-го, прошедшая всего четыре года назад, установила, что в империи проживает почти два миллиона граждан с полным колкорронским гражданством и около четырех миллионов с подчиненным статусом. К концу первых двух лет чумы все население составляло менее двух миллионов.

Часть выживших уцелела благодаря необъяснимому иммунитету ко вторичной инфекции, но

подавляющее большинство находилось в постоянном страхе и в борьбе за жизнь уподобилось ничтожным полевым вредителям, забившимся в тесные норы.

Дома, лишенные экранов, снабдили воздухонепроницаемыми уплотнениями, которые во время птертовой тревоги закреплялись поверх окон, дверей и дымоходов, а сельские жители покинули свои фермы и переселились в рощи и леса — естественные, неприступные для птерты крепости.

В результате сельскохозяйственное производство упало и не могло прокормить даже сократившееся население. Толлер, впрочем, с неосознанным эгоцентризмом молодости не задумывался о статистике, которая подтверждала катастрофу национального масштаба. Для него все это было нечто вроде театра теней, смутным мерцающим фоном, а центральной драмой являлись личные дела. И вот как раз в надежде узнать что-нибудь хорошее для себя он поднялся навстречу подъезжавшему королевскому посланнику.

— Добрый утренний день, — поздоровался Толлер. — Что привело тебя в Зеленогорскую Башню?

Мрачный худощавый курьер имел вид человека, уставшего от светской жизни, однако он остановил синерога и довольно любезно кивнул.

— Послание — но оно предназначено исключительно магистру Гло.

— Магистр Гло еще спит. Я Толлер Маракайн, личный помощник магистра Гло и наследственный член сословия ученых. У меня нет желания совать нос в чужие дела, но мой хозяин нездоров и рассердится, если я сейчас разбужу его, разве что дело очень срочное. Позволь мне узнать суть послания, чтобы я мог решить, как поступить.

— Свиток опечатан. — Курьер лицемерно вздохнул. — И мне не полагается знать содержание.

Толлер пожал плечами, принимая условия знакомой игры.

— Какая жалость! А я надеялся, что мы с тобой сможем слегка скрасить себе жизнь.

— А приятное у вас пастбище. — Курьер повернулся в седле, воздавая должное выгону, по которому только что проехал. — Надеюсь, хозяйство его светлости не пострадало от нехваток продовольствия…

— Ты, вероятно, проголодался, пока ехал в такую даль, — заметил Толлер. — Я с радостью угощу тебя завтраком, достойным героя, но не

знаю, есть ли у нас время. Может быть, мне следует сейчас же идти будить магистра Гло?

— Наверно, разумнее все-таки позволить его светлости отдохнуть. — Курьер спешился и доверительно наклонился к Толлеру. — Король вызывает его в Большой Дворец на особое совещание, но до назначенного срока еще четыре дня. Вряд ли вопрос столь уж неотложный.

— Возможно. — Толлер нахмурился, пытаясь переварить поразительную новость. — Возможно, и не столь.

Глава 7

— …И я вовсе не уверен, что поступаю правильно, — сказал магистр Гло, когда Толлер Маракайн закрепил на нем раму для ходьбы. — Я думаю, благоразумнее, не говоря уж о том, что честнее по отношению к тебе, взять в Большой Дворец одного из слуг и оставить тебя… гм… здесь. Дома хватает работы, к тому же у тебя не будет неприятностей.

— Прошло два года, — ответил Толлер упрямо, — и у Леддравора было достаточно забот, чтобы напрочь забыть обо мне.

— Не стоит на это рассчитывать, мой мальчик.

У принца определенная репутация в таких вопросах. Кроме того, насколько я знаю тебя, ты вполне способен напомнить ему о себе.

— С какой стати я буду столь неосмотрителен?

— Я наблюдал за тобой последнее время. Ты как дерево бракки с просроченным зарядом.

— Я больше не делаю ничего такого, — автоматически сказал Толлер и тут же подумал, что он и в самом деле здорово изменился после первой стычки с военным принцем.

Доказательством служило то, как он справлялся с частыми периодами беспокойства и неудовлетворенности. Толлер более не доводил себя до состояния, в котором малейшее недовольство могло вызвать опасную вспышку, и научился, как все, отводить или сублимировать эмоциональную энергию. Он научился радоваться маленьким удовольствиям и мечтать о великом свершении, осуществить которое суждено немногим.

— Ладно уж, молодой человек, — поправляя пряжку, сказал Гло. — Я поверю тебе, но не забывай, пожалуйста, что совещание крайне важное, и веди себя соответственно. Я ловлю тебя на слове. Ты, конечно, понимаешь, почему король счел уместным… гм… вызвать меня?

— Может быть, возвращаются времена, когда

с нами советовались по поводу великих загадок жизни? Не хочет ли король узнать, почему мужчины имеют соски, но не могут кормить грудью?

Гло хмыкнул:

— У тебя та же склонность к грубым шуткам, что и у брата.

— Я сожалею.

— Ты вовсе не сожалеешь, но я все же просвещу тебя. Идея, которую я два года назад посеял в уме короля, наконец дала плоды. Помнишь, ты говорил, что я парю выше и вижу?.. Нет, это сказал Лейн. Но вот о чем тебе нужно… гм… подумать, Толлер. Я старею, мне немного осталось, однако я готов поспорить на тысячу монет, что ступлю на Верхний Мир до того, как умру.

— Не стану спорить с вами, — дипломатично ответил Толлер, удивляясь способности старика к самообману. Любой, кроме, пожалуй, Ворндала Сисста, вспоминал о заседании Совета со стыдом. Ученые угодили в такую опалу, что их наверняка выселили бы с Зеленой Горы, если бы монарха не отвлекла эпидемия и ее последствия. И все-таки Гло убежден, что король высоко его ценит и воспринимает всерьез фантазии насчет колонизации Верхнего Мира.

С самого начала болезни Гло не пил и в ре-

зультате выглядел лучше, но дряхлость мешала восприятию реальности. Про себя Толлер думал, что Гло вызвали во дворец, чтобы отчитать его за провал попыток создать эффективное противоптертовое оружие дальнего действия, которое было жизненно необходимо для нормального ведения сельского хозяйства.

— Нам надо спешить, — сказал Гло. — Нельзя опаздывать в день триумфа.

С помощью Толлера он облачился в официальный серый халат и застегнул его поверх плетеной рамы, которая позволяла самостоятельно стоять. Некогда полное тело магистра усохло, кожа висела, но он не сменил одеяний и приспособил их скрывать раму, которая, в свою очередь, маскировала его беспомощность. Этими наивными уловками Гло был симпатичен Толлеру.

— Мы доставим вас заранее, — ободряюще сказал Толлер, подумывая, не попытаться ли подготовить Гло к неизбежному разочарованию.

К Большому Дворцу они ехали молча: магистр размышлял, то и дело кивая самому себе, — репетировал предполагаемую вступительную речь.

Утро было сырое, серое, а противоптертовые экраны над головой сгущали сумрак. На тех улицах, где смогли соорудить сетчатую или

решетчатую крышу на бревнах, перекинутых горизонтально с карниза на карниз, освещение уменьшилось не намного, но там, где соседствовали крыши и парапеты разной высоты, пришлось возвести сложные и тяжелые конструкции. Многие из них покрыли лакированной тканью, чтобы не допустить воздушных потоков, способных переносить птертовую пыль через бесчисленные проемы в зданиях, спроектированных для экваториального климата. Когда-то светлые проспекты в сердце Ро-Атабри были похожи теперь на сумрачные пещеры, а городскую архитектуру исказили и заслонили вызывающие клаустрофобию защитные покровы.

Битранский Мост, главный путь через реку на юг, полностью обшили досками, что придавало ему вид какого-то склада, а дальше крытый путь, подобный туннелю, пересекал крепостные рвы и вел к Большому Дворцу, ныне укрытому навесом.

И тут Толлер стал подмечать признаки, указывающие, что предстоящее заседание будет не таким, как два года назад. Во-первых, на главном дворе оказалось мало экипажей. Не считая официальных выездов, у входа маячила только легкая двухместная карета Лейна; брат приобрел

ее после запрета на большие экипажи с кучером. Лейн стоял у кареты один с тонким свертком бумаги под мышкой. Его узкое лицо под волной черных волос было бледным и усталым. Толлер спрыгнул и помог Гло выйти из фаэтона, почтительно поддерживая магистра, пока тот не встал устойчиво.

— Вы не предупредили меня, что это частная аудиенция, — сказал Толлер.

Гло бросил на него лукавый взгляд, напомнив на мгновение прежнего магистра.

— Не ожидайте, что я все буду рассказывать, молодой человек. Магистру пристало иногда быть немногословным и… гм… загадочным.

Тяжело опираясь на руку Толлера, Гло заковылял к резной арке входа, где к ним присоединился Лейн.

Они обменялись приветствиями. Толлер не видел брата дней сорок, и его обеспокоил нездоровый вид Лейна.

— Лейн, я надеюсь, ты не очень перерабатываешь? — осведомился он.

Тот иронически улыбнулся.

— И перерабатываю, и недосыпаю. Джесалла опять беременна, чувствует себя хуже, чем в прошлый раз.

— Сочувствую. — Толлер удивился, что после выкидыша почти два года назад Джесалла все же решила завести ребенка: столь упорное желание стать матерью никак не вязалось в его представлении с характером Джесаллы. Если не считать единственного забавного недоразумения, когда Толлер вернулся с того катастрофического заседания, она всегда виделась ему женщиной сухой, дисциплинированной и слишком ценящей собственную независимость, чтобы посвятить себя воспитанию детей.

— Кстати, она передает тебе привет.

Толлер недоверчиво улыбнулся, и все трое прошли во дворец.

По малолюдным по сравнению с прошлым посещением коридорам Гло провел их к двери из стеклянного дерева вдали от административной части дворца.

Стражники в черных доспехах перед дверью свидетельствовали о том, что король уже на месте. Толлер почувствовал, как напрягся Гло, стараясь предстать перед монархом в хорошей форме, и в свою очередь, когда они вошли в приемный зал, сделал вид, будто помогает магистру лишь самую малость.

Зал, совсем маленькое шестиугольное по-

мещение, освещало единственное окно, а вся обстановка состояла из шестиугольного стола и шести стульев. Напротив окна уже сидел король Прад, а по бокам — принцы Леддравор и Чаккел; все они облачились в неофициальные свободные шелковые одеяния. В качестве единственного знака отличия на шее у Прада на стеклянной цепочке висел большой синий камень.

Переживая за брата и магистра Гло, Толлер горячо желал, чтобы все прошло гладко, и, стараясь не смотреть в сторону Леддравора, стоял, потупив взор, пока король не подал Гло и Лейну сигнал садиться, а тогда все внимание уделил устройству магистра в кресле, озабоченный тем, чтобы не скрипнуть рамой.

— Приношу извинения за задержку, Ваше Величество, — наконец сказал Гло. — Желаете ли вы, чтобы мой помощник удалился?

Прад покачал головой.

— Ради твоего удобства, магистр Гло, он может остаться. Я недооценивал серьезность твоей болезни.

— Некоторая скованность… гм… в движениях, только и всего, — стоически отозвался Гло.

— Тем не менее я благодарю тебя за то, что ты пришел. Как видишь, я обхожусь без фор-

мальностей, и мы можем спокойно обменяться мнениями. Во время нашей последней встречи обстановка не слишком благоприятствовала свободной дискуссии.

Толлер, который стоял за спинкой стула Гло, подивился любезному и рассудительному тону короля. Похоже, он был не прав, и новое унижение магистру не грозило. Толлер впервые посмотрел прямо через стол и увидел, что лицо Прада и впрямь приветливо, насколько это возможно, имея такой нечеловеческий мраморно-белый глаз. Затем невольно повернулся к Леддравору и вздрогнул: оказывается, все это время принц сверлил его неприкрыто злобным и презрительным взглядом.

«Я теперь другой человек, — напомнил себе Толлер, подавляя желание вызывающе выпрямиться. — Гло и Лейн не должны пострадать из-за меня».

Он опустил голову, но успел заметить змеиную улыбку Леддравора. Толлер не знал, как ему быть. Кажется, слухи подтверждались: у принца отменная память на лица, а особенно — на оскорбления. Но не стоять же Толлеру весь утренний день с опущенной головой, чтобы не раздражать Леддравора. Может быть, найти предлог и выйти?..

— Я хочу поговорить о полете на Верхний Мир, — объявил король, и его слова подобно взрыву бомбы выбросили все прочее из сознания Толлера. — Утверждаешь ли ты, как глава ученых, что такой полет осуществим?

— Да, Ваше Величество. — Гло посмотрел на Леддравора и смуглого толстощекого Чаккела, как бы предлагая им возразить. — Мы в силах лететь на Верхний Мир.

— Каким образом?

— На очень больших аэростатах, Ваше Величество.

— Продолжай.

— Их подъемную силу придется увеличить газовыми реактивными двигателями, так как в области, где воздушный шар практически не работает, реактивный двигатель наиболее эффективен. — Гло говорил твердо и без колебаний, как это случалось с ним в минуты вдохновения. — Кроме того, реактивный двигатель перевернет воздушный шар в средней точке полета, чтобы затем он опускался нормальным образом. Повторяю, Ваше Величество, мы в силах лететь на Верхний Мир.

После слов Гло наступила звенящая тишина, и Толлер, ошеломленный, взглянул на брата — про-

верить, потрясла ли его речь о полете на Верхний Мир. Как и в прошлый раз, Лейн выглядел нервным и неуверенным, но вовсе не удивленным. Должно быть, они с Гло сговорились заранее, а если Лейн полагает, что полет возможен, — значит действительно возможен!

Холодок пробежал по спине, и вихрь совершенно новых мыслей и чувств охватил Толлера. «У меня есть будущее, — подумал он. — Так вот зачем я здесь…»

— Расскажи нам подробнее, магистр Гло, — произнес король. — Аэростат, о котором ты говоришь, уже когда-нибудь проектировали?

— Не только проектировали, Ваше Величество. Архивы свидетельствуют, что в 2187 году его даже построили. И в том же году его несколько раз пилотировал известный ученый по имени Юсейдер. Считается, хотя документы… гм… невнятны в данном пункте, что в 2188-м он предпринял попытку полета на Верхний Мир.

— Что с ним случилось?

— О нем больше не слышали.

— Звучит не слишком обнадеживающе, — вставил Чаккел. Он впервые заговорил. — Не похоже на летопись достижений.

— Это как еще посмотреть, — не сдавался Гло. —

Если бы Юсейдер вернулся через несколько дней, можно было бы считать, что полет провалился. Как раз то обстоятельство, что он не вернулся, возможно, доказывает успех полета.

Чаккел хмыкнул:

— Скорее — гибель ученого.

— Я не утверждаю, что такой подъем будет легким и не сопряжен с… гм… опасностями. Однако наука шагнула вперед, и это, мне кажется, снижает степень риска. При достаточной решимости и надлежащих финансовых и материальных ресурсах мы можем построить корабли, способные лететь на Верхний Мир.

Принц Леддравор громко вздохнул и заерзал на стуле, но воздержался от высказываний. Похоже, король перед совещанием запретил ему вступать в дискуссию, предположил Толлер.

— Ты изображаешь полет как увеселительную прогулку вечерним днем, — возразил король Прад. — Но разве не факт, что Мир и Верхний Мир находятся почти в пяти тысячах миль друг от друга?

— По последним расчетам получается 4650 миль, Ваше Величество. Это от поверхности до поверхности.

— Сколько времени придется лететь, чтобы

пройти такое расстояние?

— К сожалению, сейчас я не могу ответить на этот вопрос.

— Но ведь это очень важно!

— Несомненно! Большое значение имеет скорость подъема воздушного шара, Ваше Величество. Однако тут много переменных величин, которые приходится… гм… учитывать. — Гло дал сигнал Лейну развернуть свиток. — Мой старший ученый, лучший, чем я, математик, сделал предварительные вычисления и с вашего позволения даст необходимые пояснения.

Трясущимися руками Лейн расправил плакат, и Толлер с облегчением увидел, что брат предусмотрительно использовал бумагу с основой из мягкой ткани — он распрямился сразу. Основную часть занимала масштабная диаграмма. На ней изображались планеты-сестры и их пространственные отношения; остальной чертеж представлял подробные эскизы грушевидных воздушных шаров и сложных гондол.

Лейн пару раз с трудом глотнул, и Толлер напрягся в страхе, что брат не сможет заговорить.

— Этот круг изображает нашу планету… диаметром 4100 миль, — наконец выговорил Лейн. — Другой, меньший, круг изображает Верхний Мир.

Его диаметр обычно считают равным 3220 миль в неподвижной точке над нашим экватором на нулевом меридиане, проходящем через Ро-Атабри.

— Полагаю, в этих пределах все мы в детстве изучали астрономию, — заметил Прад. — Скажи прямо, сколько займет путешествие с одной планеты на другую?

Лейн снова глотнул.

— Ваше Величество, на скорость свободного подъема влияет размер воздушного шара и вес груза, который он будет нести. Еще один фактор — разность температур между газом внутри шара и окружающей атмосферой. Но самое важное — это количество энергетических кристаллов для питания реактивных двигателей. Мы достигнем большей экономии топлива, если позволим шару подниматься самому, с постепенным уменьшением скорости, без использования реактивного двигателя, пока не ослабеет гравитационное притяжение Мира. Это, конечно, увеличит время в пути и, следовательно, возрастет расход продовольствия и воды, что в свою очередь…

— Хватит, хватит! У меня уже голова кружится! — Король вытянул руки, расставив и слегка согнув пальцы, словно укачивал невидимый воздушный шар. — Возьми корабль, скажем, на

двадцать человек. Представь себе, что кристаллов достаточно, в разумных пределах. Так вот, сколько времени такой корабль будет лететь до Верхнего Мира? Я не жду от тебя точности. Просто назови приблизительную цифру.

Лейн побледнел еще сильнее, но с возросшей уверенностью пробежал пальцем по нескольким колонкам цифр на краю чертежа.

— Двенадцать дней, Ваше Величество.

— Наконец-то! — Прад со значением посмотрел на Леддравора и Чаккела. — Теперь скажи, сколько потребуется кристаллов для того же корабля?

Лейн поднял голову и устремил на короля тревожный взгляд. Тот же в ожидании ответа смотрел на Лейна спокойно и внимательно. Толлер почувствовал, что они понимают друг друга без слов и на его глазах происходит нечто непостижимое.

Поборов нервозность и нерешительность, брат, видимо, обрел некую странную власть, которая, по крайней мере на эти мгновения, поставила его вровень с правителем. Толлер ощутил прилив семейной гордости, когда увидел, что король признал новый статус Лейна и терпеливо ждет, пока тот сформулирует ответ.

— Могу я предположить, Ваше Величество, —

чуть погодя спросил Лейн, — что речь идет о полете в одну сторону?

— Можешь.

— В таком случае, Ваше Величество, кораблю потребуется по тридцать фунтов пикона и халвелла.

— Спасибо. Но, может быть, при непрерывном горении более высокая доля халвелла даст лучший результат?

Лейн покачал головой.

— С учетом обстоятельств — нет.

— Ты ценный человек, Лейн Маракайн.

— Ваше Величество, я не понимаю, — изумленно запротестовал Гло. — Нет никакой мыслимой причины снабжать корабль горючим на полет лишь в одну сторону.

— Один корабль — нет, — ответил король. — Малый флот — нет. Но если мы говорим о… — Он вновь переключил внимание на Лейна. — Сколько кораблей назвал бы ты?

— Тысяча — хорошее круглое число, Ваше Величество.

— Тысяча!!! — Гло безуспешно попытался встать, рама заскрипела, и когда магистр наконец заговорил, в его голосе звучала обида. — Неужели один я останусь в неведении относительно пред-

мета разговора?

Король умиротворяющим жестом опустил руку.

— Здесь нет никакого заговора, магистр Гло. Просто твой старший ученый, похоже, умеет читать мысли. Вот ведь любопытно — как он догадался, что у меня на уме?

Лейн уставился на свои руки и заговорил почти рассеянно, как будто размышлял вслух.

— Более двухсот дней я не могу получить никаких статистических данных по сельскохозяйственному производству и по заболеванию птертозом. Официально это объясняют тем, что администраторы слишком утомлены, чтобы готовить отчеты. Я пытался убедить себя, что это правда, но все признаки были налицо, Ваше Величество. Для меня даже в некотором роде облегчение узнать, что подтверждаются худшие опасения. Единственный путь борьбы с кризисом — посмотреть наконец правде в глаза.

— Я согласен с тобой, — произнес Прад, — но меня заботило предотвращение паники, отсюда и секретность. И я должен был знать наверняка.

— Наверняка? — Большая голова Гло поворачивалась туда-сюда. — Наверняка! Наверняка?

— Да, магистр Гло, — серьезно ответил ко-

роль, — я должен был знать наверняка, что наша планета умирает.

От этого спокойного заявления Толлер внутренне содрогнулся. Но в то же мгновение весь страх исчез, сменившись любопытством и всепоглощающим эгоистичным и злорадным чувством, что теперь бывшее под запретом — разрешено. Самые радикальные повороты истории совершались лично для Толлера. Впервые в жизни он любил будущее…

— …как будто птерту вдохновляют события последних двух лет, она подобна воителю, который видит, что враг слабеет, — говорил король. — Ее численность растет, и кто поручится, что ее мерзкие выбросы не станут еще смертоноснее? То, что случилось однажды, может случиться снова. Нам в Ро-Атабри пока относительно везет, но по всей империи народ умирает от коварной формы птертоза, несмотря на неимоверные усилия защититься от шаров. И новорожденные, от которых зависит наше будущее, наиболее уязвимы. Нам пришлось бы признать перспективу медленного вырождения в жалкую горстку стерильных стариков и старух — если бы перед нами не маячил призрак голода. Сельскохозяйственные районы больше не способны производить продоволь-

ствие в объемах, необходимых для содержания городов, даже с учетом сильного сокращения городского населения.

Король остановился и печально улыбнулся слушателям.

— Кое-кто среди нас утверждает, будто есть еще место надежде и судьба еще может смилостивиться над нами. Но Колкоррон стал великим не потому, что пассивно доверялся случаю. Когда нас теснили в бою, мы отступали в безопасную цитадель и собирали силы и решимость вновь подняться и одолеть врага. И у нас еще есть последняя цитадель, которая поможет нам в этом смертном бою. Имя ей — Верхний Мир. Мой королевский вердикт таков: мы готовимся отступить на Верхний Мир не для того, чтобы бежать от врага, но чтобы вновь нарастить силы, выиграть время и изобрести средства навсегда уничтожить птерту и в конце концов вернуться на родную планету Мир славной и непобедимой армией, которая торжественно предъявит права на все, что принадлежит нам по природе и справедливости.

Королевское красноречие, усиленное официальностью высокого колкорронского стиля, увлекло Толлера, развернув перед его мысленным взором радужные перспективы, и он с

некоторым недоумением увидел, что ни брат, ни Гло не проявляют никакого энтузиазма. Магистр сидел так неподвижно, что казался мертвым, а Лейн продолжал смотреть вниз, себе на руки, вертя кольцо из бракки на шестом пальце. Толлер решил, что брат думает о Джесалле и о ребенке, который родится в бурное время.

Прад прервал молчание и, удивив Толлера, обратился… опять к Лейну.

— Что же, спорщик, готов ли ты еще раз продемонстрировать нам чтение мыслей?

Лейн поднял голову и твердо встретил взгляд короля.

— Ваше Величество, даже во времена большего могущества нашей армии мы избегали войны с Хамтефом.

— Меня возмущает это несвоевременное замечание! — рявкнул принц Леддравор. — Я требую, чтобы…

— Леддравор, ты обещал! — Король в гневе повернулся к сыну. — Я напоминаю тебе, ты дал мне обещание. Потерпи! Твое время придет.

Подняв руки в знак покорности, Леддравор откинулся на спинку стула, и его задумчивый взгляд остановился на Лейне.

Тревога за брата утонула в приступе злобы,

когда Толлер увидел реакцию Лейна на упоминание о Хамтефе. Как можно не понимать, что для строительства межпланетного переселенческого флота, если его вообще можно построить, потребуется такое количество кристаллов, какое можно добыть только из одного источника!

Если ошеломляющие планы короля включают поход против загадочных скрытных хамтефцев, тогда ближайшее будущее станет еще более бурным, чем Толлер себе представил.

Хамтеф — страна столь обширная, что расстояние до его границ одинаково, идти ли на восток, или на запад в Страну Долгих Дней; это то полушарие Мира, по которому не пробегает тень Верхнего Мира, где нет малой ночи, прерывающей бег солнца по небу. В далеком прошлом несколько честолюбивых правителей попытались захватить Хамтеф и потерпели столь сокрушительное поражение, что пришлось надолго забыть о новых завоевательных планах. Хамтеф существовал, но — как и Верхний Мир — его существование не имело отношения к обычным делам империи.

Отныне, думал Толлер, с напряжением пытаясь восстановить картину вселенной, отныне Хамтеф и Верхний Мир — звенья одной цепи…

они взаимосвязаны… покорить один — значит покорить другой…

— Война с Хамтефом стала неизбежной, — сказал король. — Некоторые считают, что она была неизбежна всегда. Что скажешь, магистр Гло?

— Ваше Величество, я… — Магистр откашлялся и выпрямился на стуле. — Ваше Величество, я всегда считал себя творчески мыслящим человеком, но готов признать, что от величия ваших планов захватывает… гм… дух. Когда я первоначально предлагал полет на Верхний Мир, я имел в виду основать лишь небольшую колонию. Я не мечтал о переселении, про которое вы говорите, но могу вас заверить, что готов принять ответственность… Проектирование пригодного корабля и планирование всех необходимых… — Он остановился, увидев, что Прад качает головой.

— Мой дорогой магистр Гло, ты недостаточно здоров, — сказал король, — и я поступлю нечестно по отношению к тебе, если позволю тратить остатки твоих сил на решение подобной задачи.

— Но, Ваше Величество…

Лицо короля стало жестким.

— Не перебивай! Серьезность ситуации требует крайних мер. Все ресурсы Колкоррона необходимо реорганизовать и мобилизовать. Поэтому я

распускаю все старые династические фамильные структуры. Вместо них с этого момента будет единственная пирамида власти. Ее исполнительной главой является мой сын принц Леддравор. Он контролирует все аспекты — военные и гражданские — наших национальных дел. Ему помогает принц Чаккел, который отвечает перед ним за строительство миграционного флота.

Король сделал паузу, а когда заговорил вновь, в его голосе не было ничего человеческого.

— Пусть все поймут, что власть принца Леддравора неограниченна и что препятствовать ему в любом отношении есть преступление, равносильное государственной измене.

Толлер прикрыл глаза. Он знал, что, когда откроет их, мир детства и юности отойдет в прошлое, а вместо него воцарится новый порядок, при котором его, Толлера, жизнь будет висеть на волоске.

Глава 8

Заседание утомило Леддравора, и он надеялся расслабиться за обедом, но отец, взбудораженный, как это бывает у стариков, говорил без умолку. Он начинал рассуждать о военной стратегии,

потом перескакивал на схемы рационирования, затем принимался за технические подробности межпланетного полета, демонстрировал любовь к детям и пытался совместить взаимоисключающие возможности.

Леддравор, вовсе не склонный к абстрактным концепциям, вздохнул с облегчением, когда трапеза закончилась и отец перед возвращением в личные апартаменты вышел на балкон выпить последнюю чашу вина.

— Проклятое стекло, — проворчал Прад и постучал по прозрачному куполу, накрывавшему балкон. — Я всегда по ночам наслаждался свежим воздухом, а теперь здесь нечем дышать.

— А без стекла ты уже вообще бы не дышал. — Леддравор поднял большой палец и показал на группу из трех птерт, что проплывали вверху на фоне светящегося лика Верхнего Мира.

Солнце опустилось, и планета-сестра во второй четверти заливала мягким светом южные окраины города, бухту Арл и темно-синие просторы залива Троном. При таком свете можно было читать, и по мере того как Верхний Мир, вращаясь вместе с Миром, перемещался к точке своего противостояния солнцу, становилось еще светлее.

Небо не то чтобы почернело, но сделалось

темно-синим, и звезды, из которых днем горели только самые яркие, теперь покрыли его плотным узором от края Верхнего Мира до горизонта.

— Проклятая птерта, — заговорил Прад. — Знаешь, сынок, одна из величайших трагедий истории — что мы так и не узнали, откуда берутся эти шары. Но где бы они ни гнездились, когда-нибудь люди накроют их и уничтожат в зародыше.

— А как же твое триумфальное возвращение с Верхнего Мира? Разве мы не нападем на птерту сверху?

— Я просто хотел сказать, что для меня уже поздно. Я войду в историю лишь благодаря экспедиции в одном направлении.

— Ах да, история, — протянул Леддравор, в который раз удивляясь пристрастию отца к этим бледным подделкам бессмертия — книгам и монументам. Жизнь коротка, ее невозможно продлить за естественные пределы; а тратя время на болтовню о бессмертии, теряешь драгоценные мгновения настоящей жизни.

Для Леддравора единственный способ обмануть смерть или по крайней мере примириться с ней заключался в том, чтобы достичь поставленных целей, утолить все желания — и когда придет время расставаться с жизнью, это будет

все равно что отбросить пустую бутыль. А главным желанием Леддравора было расширить свое будущее королевство, охватив все уголки Мира, включая Хамтеф.

Но теперь судьба-обманщица лишала его этого. Взамен впереди возникла перспектива опасного и, главное, противоестественного полета в небо, а потом — жизнь на неизвестной планете в диких условиях. Леддравора сжигала ярость, и кому-то придется заплатить за это!

Прад меланхолично отхлебнул вина.

— Ты подготовил все депеши?

— Да. Посыльные отправятся с рассветом. — После совещания Леддравор потратил уйму времени на то, чтобы собственноручно написать приказы пяти генералам, которые понадобятся ему для ведения боевых действий. — Я дал указание идти на постоянной тяге, так что очень скоро у нас соберется славная компания.

— Полагаю, ты выбрал Далакотта.

— Он по-прежнему наш лучший тактик.

— Не боишься, что его меч затупился? — спросил Прад. — Ему, должно быть, уже семьдесят. И когда он был в Кейле, там как раз началась птертовая чума. Это вряд ли пошло ему на пользу. Он, кажется, в первый же день потерял невестку

и внука?

— Ерунда, — ответил Леддравор. — Главное, сам он здоров. Пригодится.

— У него, наверно, иммунитет. — Прад оживился и перешел к еще одному пункту разговора. — Знаешь, в начале года Гло прислал мне кое-какую интересную статистику. Ее собрал Маракайн. Получается, что смертность от чумы среди военного персонала, которая должна быть высокой из-за их пребывания на местности, фактически несколько ниже, чем среди гражданских. И заметь, старослужащие и летчики имеют больше шансов выжить. Маракайн предполагает, что годы, проведенные рядом с жертвами птертоза, и поглощение остаточной пыли, возможно, закаляет тело и повышает сопротивление птертозу. Это интересная мысль.

— Отец, это абсолютно бесполезная мысль.

— Я бы так не сказал. Если потомство иммунных мужчин и женщин окажется тоже иммунным от рождения, можно создать новую расу, для которой шары не страшны.

— И что в этом хорошего для нас с тобой? — спросил Леддравор, завершая спор к собственному удовольствию. — Ничего. Если хочешь знать мое мнение, то и Гло, и Маракайн, и все людишки та-

кого сорта — украшение, без которого мы можем обойтись. Я жду не дождусь, когда…

— Довольно! — Отец внезапно превратился в короля Прада Нелдивера, правителя империи Колкоррон, высокого, с неподвижным страшным слепым глазом и с не менее страшным всевидящим оком, знающим все, что Леддравор желал скрыть. — Наша династия не отвернется от науки! Ты дашь мне слово, что не причинишь зла Гло и Маракайну.

Леддравор пожал плечами.

— Даю слово.

— Слишком легко ты его дал. — Отец недовольно оглядел Леддравора и добавил: — А также не тронешь брата Маракайна, того, который теперь помогает Гло.

— Этого болвана! У меня есть дела поважнее.

— Знаю. Я наделил тебя безграничной властью, поскольку ты обладаешь качествами, необходимыми для успешного завершения великого дела, и этой властью нельзя злоупотреблять.

— Избавь меня от нравоучений, отец, — запротестовал Леддравор, посмеиваясь, чтобы скрыть, как он уязвлен, что его отчитывают, точно маленького. — Я буду обращаться к ученым со всем почтением, какого они заслуживают. Завтра я на

два-три дня отправляюсь на Зеленую Гору, чтобы узнать все необходимое об их небесных кораблях. И если ты захочешь провести расследование, то узнаешь, что я был сама любезность.

— Не перегни палку. — Прад осушил чашу, решительно, как бы ставя точку, опустил ее на широкие каменные перила и собрался уходить. — Доброй ночи, сын. И помни — ты в ответе перед будущим!

Едва король удалился, Леддравор налил себе стакан огненной падалской водки и вернулся на балкон. Он сел на кожаную кушетку и угрюмо уставился в звездное южное небо, которое украшали своими султанами три большие кометы.

Будущее! Отец все еще надеется войти в историю вторым Битраном и не желает видеть, что скоро вообще не останется никаких историков и некому будет записать его победы. История Колкоррона свернула к нелепому и жалкому концу как раз в тот момент, когда должна была вступить в свою самую славную эру.

«И я-то как раз теряю больше всех, — думал Леддравор, — я так и не стану королем».

Он все пил и пил, ночь становилась все светлее, и принц все яснее осознавал, что не разделяет позиции отца. Оптимизм — прерогатива молодости,

и все же король смотрит в будущее с уверенностью. Пессимизм — характерная черта старости, но именно Леддравора одолевают мрачные предчувствия. В чем же дело?

Может быть, отца настолько захватил энтузиазм высокоученых фокусников, что он даже в мыслях не может допустить провала?

Леддравор прислушался к себе и отверг эту теорию. Совещание продолжалось весь день, и в какую-то минуту он и сам поверил цепочкам чисел, графикам и чертежам и теперь уже не считал, что небесный корабль не способен долететь до планеты-сестры. Тогда почему у него так гнусно на душе? В конце концов, будущее не беспросветно — можно хотя бы выиграть последнюю войну, войну с Хамтефом.

Он запрокинул голову, допивая остатки водки, скользнул взглядом к зениту и… внезапно понял.

Большой диск Верхнего Мира осветился почти полностью, и по его лику как раз начала свой бег радужная полоса, за которой следовала тень Мира. Приближалась глубокая ночь, во время которой планета погрузится в полную темноту, и в мозгу Леддравора происходило нечто подобное.

Леддравор был солдат — человек с иммунитетом против страха, выработанным годами

профессиональной деятельности. Вот почему он так долго не признавался себе и даже не догадывался, что за чувство почти весь день владело его подсознанием.

Он боялся лететь на Верхний Мир!

Он не просто опасался неоспоримого неизбежного риска, нет, это был первобытный, недостойный мужчины ужас от одной только мысли, что придется подняться на тысячи миль в безжалостную синеву неба. Он трусил так сильно, что в момент отлета мог потерять над собой контроль. Леддравор живо представил себе, как его, съежившегося, словно перепуганный ребенок, на виду у тысяч людей втаскивают в небесный корабль…

Принц вскочил и со всей силы швырнул стакан, разбив его о стеклянный купол.

Впервые в жизни узнать, что такое страх, — и не на поле брани, а в тиши маленькой комнатки, испугавшись планов слабогрудых заик, начертанных куриными каракулями! Что за отвратительная ирония судьбы!

Дыша ровно и глубоко, чтобы успокоиться, Леддравор смотрел в черноту объявшей планету глубокой ночи, и когда наконец он удалился в спальню, лицо его было бесстрастным, как

обычно.

Глава 9

— Уже поздно, — сказал Толлер. — Леддравор, наверно, не приедет.

— Поживем — увидим. — Лейн улыбнулся брату и снова занялся своими бумагами и стоявшими на столе математическими приборами.

— Да. — Толлер поднял глаза к потолку. — Не ахти какой разговор у нас получается.

— А разве мы разговариваем? — удивился Лейн. — Что касается меня, то я пытаюсь работать, а ты мне все время мешаешь.

— Извини. — Толлер понимал, что надо уйти, но ему не хотелось. Он давно не заглядывал в родной дом, а ведь самые яркие детские воспоминания его были о том, как он входит в эту комнату, обшитую деревянными панелями, украшенную сияющей керамикой, и видит Лейна, который сидит за этим самым столом и занимается своей непостижимой математикой.

Толлер чувствовал, что скоро их жизнь круто изменится, и ему очень хотелось, чтобы они хоть часок, пока еще возможно, побыли вместе. Это неясное желание его смущало, он не мог

выразить его словами, а Лейн раздражался, недоумевая, чего ради Толлер не уходит.

Толлер решил молчать. Он подошел к одному из стеллажей, где лежали старинные рукописи из архивов Зеленой Горы, вытащил фолиант в кожаном переплете и взглянул на название. Как всегда, слова показались ему цепочками букв; смысл их ускользал. Тогда он применил способ, который для него изобрел Лейн: закрыл название ладонью и стал медленно сдвигать руку вправо, чтобы буквы открывались одна за другой. На этот раз печатные закорючки прочитались:

ПОЛЕТЫ НА АЭРОСТАТАХ НА ДАЛЬНИЙ СЕВЕР

Мьюэл Уэбри, 2136

Обычно тяга Толлера к книгам на этом испарялась, но после вчерашнего знаменательного совещания он заинтересовался полетами воздушных шаров, и любопытство пробудилось тем сильнее, что книге было пятьсот лет. Каково лететь через всю планету во времена, предшествовавшие подъему Колкоррона, объединившего несколько враждующих наций?

Надеясь произвести впечатление на Лейна, Толлер наугад открыл книгу и начал читать.

Из-за незнакомого написания некоторых слов и старинных грамматических конструкций текст казался несколько невнятным, но он упорно читал, водя рукой по абзацам. К его разочарованию, там писали больше о политике, чем о полетах. Ему уже начало надоедать это занятие, когда на глаза попалось упоминание о птерте: «…И далеко по левую руку от нас поднимались розовые шары птерты».

Толлер нахмурился и несколько раз провел пальцем по прилагательному.

— Лейн, тут сказано, что птерты розовые. Лейн не поднял глаз.

— Ты, наверно, неправильно прочел, там должно быть «пурпурные».

— Нет, написано — розовые.

— В субъективных описаниях допустимы вольности. И потом, за такое долгое время мог измениться смысл слов.

— Да, но… — Толлер почувствовал разочарование. — Значит, ты не считаешь, что раньше птерта была дру…

— Толлер! — Лейн отбросил ручку. — Не подумай, что я тебе не рад, но скажи, почему ты обосновался в моем кабинете?

— Мы совсем не разговариваем, — смущенно

сказал Толлер.

— Вот как? О чем же ты хочешь поговорить?

— Все равно о чем. Может быть, осталось мало… времени. — Толлера осенило. — Ты мог бы рассказать мне о своей работе.

— Толку от этого не будет, ты не поймешь.

— Но все-таки мы бы поговорили. — Толлер встал и положил фолиант на место. Он уже шел к двери, когда Лейн заговорил.

— Прости меня, Толлер, ты совершенно прав. — Он виновато улыбнулся. — Понимаешь, я начал эти исследования больше года назад и хочу закончить их до того, как меня отвлекут другие дела. Но, возможно, это не так уж и важно.

— Наверно, важно, раз ты все время с этим возишься. Я не буду тебе мешать.

— Подожди, не уходи, — быстро сказал Лейн. — Хочешь увидеть одно удивительное явление? Вот, следи! — Он взял маленький деревянный диск, положил его плашмя на лист бумаги и обвел чернилами. Потом сдвинул диск и обвел его так, что новая окружность касалась первой; затем повторил эту процедуру еще раз. В итоге получился ряд из трех соприкасающихся окружностей. Опустив на дальние края ряда по пальцу, он сказал:

— Здесь ровно три диаметра, так?

— Да, — с беспокойством сказал Толлер, не зная, все ли он понял.

— Теперь переходим к удивительному. — Лейн пометил обод диска чернильной черточкой и поставил его на стол вертикально, тщательно совместив черточку с краем чертежа. Бросив взгляд на Толлера, он убедился, что тот внимательно следит за ним, и медленно покатил диск через нарисованные окружности. Черточка на ободе поднялась по плавной кривой и опустилась на дальний край чертежа.

— Демонстрация окончена, — объявил Лейн. — Это часть того, о чем я пишу.

Толлер недоуменно моргнул.

— О том, что окружность колеса равна трем диаметрам?

— О том, что она в точности равна трем диаметрам. Это весьма грубый опыт, но если мы измерим с большей тщательностью, отношение все равно окажется равно трем. Разве этот удивительный факт не поражает тебя?

— С какой стати? — все более недоумевая, сказал Толлер. — Если уж оно так — значит так.

— Да, но почему оно равно точно трем? Из-за этого, а еще из-за того, что у нас двенадцать пальцев, целые области вычислений делаются

до смешного простыми. Это какой-то подарок природы!

— Но… ведь так было всегда. Разве может быть иначе?

— Теперь ты приближаешься к теме моего исследования. А что, если существует некое другое… место… где это отношение равно трем с четвертью или, допустим, всего двум с половиной? Собственно, оно может выражаться и вообще иррациональным числом, от которого у математиков разболелись бы головы.

— Некое другое место, — повторил Толлер. — Ты имеешь в виду другую планету? Вроде Дальнего Мира?

— Нет. — Лейн взглянул на Толлера прямо и вместе с тем загадочно. — Я имею в виду иную вселенную, в которой физические законы и постоянные величины отличаются от известных нам.

Толлер вперился взглядом в брата, пытаясь преодолеть выросший между ними барьер.

— Это все очень интересно, — ответил он. — Понятно, почему исследование занимает у тебя так много времени.

Лейн громко рассмеялся и, выйдя из-за стола, обнял Толлера.

— Я люблю тебя, братишка.

— И я тебя люблю.

— Хорошо. Слушай, я хочу, чтобы, когда приедет Леддравор, ты помнил следующее. Я убежденный пацифист, Толлер, и я старательно избегаю насилия. То, что я не могу тягаться с Леддравором, не имеет значения. Я вел бы себя точно так же, если бы поменялся с ним статусом и физической силой. Леддравор и ему подобные — люди прошлого, а мы представляем будущее. Поэтому обещай, что не станешь вмешиваться, как бы Леддравор ни оскорблял меня, и позволишь мне самому вести свои дела.

— Я стал другим человеком, — сказал Толлер, отступив на шаг. — И потом, Леддравор может оказаться в хорошем настроении.

— Дай мне слово, Толлер.

— Даю. И в моих интересах не ссориться с принцем. Я хочу стать пилотом небесного корабля. — Толлер сам был шокирован своими словами. — Лейн, почему мы так спокойно это принимаем? Нам только что сказали, что Миру конец… и что некоторым из нас предстоит лететь на другую планету… а мы занимаемся обычными делами, как будто так и надо. Чепуха какая-то.

— Это более естественная реакция, чем ты себе представляешь. И потом, миграция — пока всего

лишь вероятность, она может и не состояться.

— Зато война с Хамтефом состоится.

— За это отвечает король, — неожиданно резко возразил Лейн. — Ко мне это не относится. А теперь я вернусь к работе.

— А я пойду посмотрю, как там мой хозяин.

Толлер шел по коридору к центральной лестнице и думал, почему Леддравор решил приехать в Квадратный Дом, а не к Гло, в гораздо более удобную Зеленогорскую Башню. В переданном из дворца по солнечному телеграфу послании сообщалось лишь, что принцы Леддравор и Чаккел прибудут в дом до малой ночи для предварительного технического совещания. Немощный Гло получил указание также приехать на встречу с ними. Вечерний день близился к середине; вероятно, Гло уже начал уставать, причем попытки скрыть свою немощность еще больше подрывали его силы.

Толлер спустился в холл и свернул в гостиную; он оставил там магистра под присмотром Феры. Фера и Гло отлично ладили друг с другом, и — как подозревал Толлер — не вопреки, а благодаря низкому происхождению и неотесанности его женушки. С помощью таких фокусов Гло любил продемонстрировать окружающим, что его не

следует считать заурядным затворником-ученым.

Он сидел за столом и читал маленькую книжку, а Фера стояла у окна и разглядывала сетчатую мозаику неба. Она надела простое платье из одного куска бледно-зеленого батиста, которое подчеркивало ее статную фигуру.

Услышав, как вошел Толлер, она повернулась и сказала:

— Скучно. Я хочу домой.

— А мне казалось, что ты хочешь увидеть вблизи настоящего живого принца.

— Я расхотела.

— Они скоро должны приехать, — сказал Толлер. — Почему бы тебе пока не почитать, как мой хозяин?

Фера беззвучно зашевелила губами, вспоминая отборные ругательства, чтобы у Толлера не осталось сомнений насчет того, что она думает о его предложении.

— Если бы здесь нашлась хоть какая-нибудь еда!

— Ты же ела меньше часа назад! — Толлер сделал вид, что критически оглядывает фигуру своей стажерки-жены. — Неудивительно, что ты толстеешь.

— Неправда! — Фера шлепнула себя по животу и втянула его, выпятив грудь. Толлер с любовным восторгом наблюдал это представление. Его удивляло, что Фера, несмотря на прекрасный аппетит и привычку целыми днями валяться в постели, выглядит так же, как два года назад. Единственное, что в ней изменилось, — начал сереть обломанный зуб, и она подолгу натирала его белой пудрой, якобы из размолотого жемчуга, которую доставала на рынке в Самлю.

Магистр Гло оторвался от книги, и его утомленное лицо оживилось.

— Отведи женщину наверх, — посоветовал он. — Будь я лет на пять моложе, я бы так и сделал.

Фера верно оценила настроение Гло и выдала ожидаемую реплику:

— Хотела бы я, чтобы вы были на пять лет моложе, господин; мой муж сдохнет от одного подъема по лестнице.

Гло издал тихое одобрительное ржание.

— Тогда займемся этим прямо здесь, — сказал Толлер. Он набросился на Феру, схватил ее и прижал к себе, шутливо изображая страсть, а Гло проявил к разыгравшейся сцене бесспорный интерес. Продолжая поддразнивать Феру в при-

сутствии третьего лица, Толлер после нескольких секунд тесных объятий вдруг почувствовал, что жена начинает воспринимать все это всерьез.

— Ты еще распоряжаешься своей детской? — прошептала она ему в самое ухо. — Я была бы не прочь... — Не размыкая объятий, она вдруг умолкла, и Толлер понял, что кто-то вошел.

Он обернулся и увидел, что на него с холодным презрением, припасаемым, видимо, специально для Толлера, смотрит Джесалла Маракайн. Темная, словно тонкая дымчатая пленка, одежда подчеркивала ее худобу. Они встретились впервые за два года, и его поразило, что она, как и Фера, совершенно не изменилась. Джесалла не вышла к трапезе во время малой ночи, так как плохо себя чувствовала, но бледность и худоба не портили ее, а, наоборот, наделяли каким-то сверхъестественным величием. У Толлера вновь возникло щемящее чувство, что все важное в жизни проходит мимо.

— Добрый вечерний день, Джесалла, — поздоровался он. — Я вижу, ты по-прежнему появляешься в самый неподходящий момент.

Фера выскользнула из его объятий. Толлер улыбнулся и посмотрел на Гло, но тот предательски уставился в книгу и сделал вид, что всецело

захвачен чтением и не заметил, чем занималась эта парочка.

Серые глаза хозяйки дома скользнули по Толлеру. Затем, решив, что он не заслуживает ответа, Джесалла обратилась к магистру Гло:

— Магистр, у подъезда конюший принца Чаккела. Он сообщает, что принцы Чаккел и Леддравор поднимаются по холму.

— Спасибо, дорогая. — Гло закрыл книгу, подождал, пока Джесалла вышла из гостиной, и только после этого усмехнулся, продемонстрировав Толлеру обломки нижних резцов. — Не думал, что ты… гм… боишься этой особы.

Толлер рассердился.

— Боюсь? С какой стати я должен бояться? Ха!

Фера вернулась к окну.

— И что тут такого? — спросила она.

— Это ты о чем?

— Ты сказал, что она пришла в неподходящий момент. Чем же он неподходящий?

Толлер посмотрел на нее с раздражением, но тут Гло дернул его за рукав — сигнал, что хочет подняться. В холле послышались шаги, раздался мужской голос. Толлер помог Гло встать и запер вертикальные подпорки в плетеной раме. Они вместе прошли в холл, причем Толлер незаметно

поддерживал магистра.

К Лейну и Джесалле обращался придворный, мужчина лет сорока, с жирной кожей и темно-красными выпяченными губами. Его щегольской хитон и тесные брюки были расшиты крошечными хрустальными бусинками, и он носил шпагу для дуэлей.

— Я, Канрелл Зотьерн, представляю принца Чаккела, — объявил он так величественно, словно сам был принцем. — Здесь, лицом к двери, должны стоять в ряд и ждать прибытия принца магистр Гло, члены семьи Маракайнов и никто больше.

Толлер, шокированный высокомерием Зотьерна, подвел Гло к указанному месту рядом с Лейном и Джесаллой, ожидая, что тот разразится возмущенной тирадой, но старик устал от ходьбы и ничего не заметил.

Из-за двери в кухню молча глазели несколько домашних слуг. Поток света, лившийся в холл, один за другим пересекли верховые солдаты личной охраны принца Чаккела — они занимали позиции за аркой главного входа. Внезапно Толлер осознал, что придворный смотрит на него.

— Ты! Телохранитель! — крикнул Зотьерн. — Оглох? Убирайся!

— Мой личный служитель — один из Маракайнов, и он останется со мной, — спокойно сказал Гло. До Толлера эта пикировка доходила как бы издалека. От ярости у него звенело в ушах, и он испытывал смятение: его решимость сдерживаться на поверку оказалась иллюзорной. «Я стал другим человеком, — твердил он себе, покрываясь холодным потом. — Я теперь совсем другой человек…»

— И заметь, — встав против Зотьерна, высоким колкорронским стилем продолжал Гло, вспомнивший о своей былой властности, — что неограниченными полномочиями король наделил Леддравора и Чаккела, а не их лакеев. От тебя я не потерплю нарушений этикета.

— Тысяча извинений, господин, — неискренне и ничуть не смутившись произнес Зотьерн и, достав из кармана список, сверился с ним. — Ах да… Толлер Маракайн… и супруга по имени Фера. — Он брезгливо приблизился к Толлеру. — Где же твоя супруга? Разве ты не знаешь, что по этикету должны присутствовать все женщины дома?

— Моя жена неподалеку, — холодно ответил Толлер. — Я могу… — Он замолчал, потому что Фера, которая наверняка все слышала, вышла из гостиной. Двигаясь с напускной скромностью и

робостью, она направилась к Толлеру.

— А, понятно, почему ты хотел припрятать этот экземпляр, — сказал Зотьерн. — От лица принца я должен произвести тщательный осмотр. — И когда Фера проходила мимо, он остановил ее, ловко ухватив за волосы.

Звон в ушах Толлера превратился в барабанный бой. Он выбросил вперед левую руку и ударом в плечо сшиб Зотьерна с ног. Тот отлетел в сторону, приземлился на четвереньки, но тут же вскочил, и его правая рука потянулась к шпаге. Толлер знал, что, как только Зотьерн встанет в позицию, он вытащит лезвие из ножен, и, движимый инстинктом, гневом и тревогой, бросился на противника и правой рукой изо всех сил рубанул его по шее. Крутясь, как птертобойка, и молотя воздух руками и ногами, Зотьерн шмякнулся об пол, проехал несколько ярдов по гладкой поверхности и замер, лежа на спине с головой, свернутой набок. Высоким чистым голосом вскрикнула Джесалла.

— Что здесь происходит? — В парадную дверь вошел принц Чаккел, а следом — четверо охранников. Принц подошел к Зотьерну и наклонился над ним. Почти лысая голова Чаккела блестела. Он выпрямился и поднял глаза на Толлера, за-

стывшего в угрожающей позе.

— Ты! Опять! — Смуглое лицо принца стало еще темнее. — Что это значит?

— Он оскорбил магистра Гло, — глядя прямо в глаза принцу, сказал Толлер. — Потом он оскорбил меня и напал на мою жену.

— Это так, — подтвердил Гло. — Поведение вашего слуги было совершенно непрости…

— Молчать! Довольно с меня дурацких выходок. — Чаккел выбросил руку, давая сигнал страже взять Толлера. — Убейте его!

Солдаты вышли вперед и вынули черные мечи. Думая о своем мече, который остался дома, Толлер отступал, пока не коснулся стены. Солдаты выстроились полукругом, они надвигались, из-под шлемов из браккки на Толлера пристально глядели прищуренные глаза. За спинами солдат он увидел, как Джесалла спряталась в объятиях Лейна, Гло в своем сером халате прирос к месту, в отчаянии воздев руки, а Фера закрыла лицо ладонями. Охранники остановились перед Толлером на одной линии, но потом тот, что справа, проявил инициативу и, вращая мечом, приготовился к первому выпаду.

Толлер вжался в стену, чтобы рвануться вперед, как только солдат атакует. Он твердо решил

подороже продать свою жизнь. Меч перестал вращаться и застыл. Толлер понял, что все кончено.

В этот момент он обостренно воспринимал все окружающее и заметил, как в холл вошел еще один человек. И даже в столь отчаянном положении Толлер вздрогнул, сообразив, что это прибыл принц Леддравор — как раз вовремя, чтобы насладиться его смертью.

— Отставить! — скомандовал Леддравор. Не очень громко, но четверо охранников мгновенно отступили.

— Что за!.. — Чаккел повернулся к Леддравору. — Это мои охранники, и они исполняют только мои приказы.

— Неужели? — спокойно сказал Леддравор. Он направил на солдат палец и повел им в дальний угол холла. Солдаты переместились, оставаясь на одной прямой с пальцем, как будто ими управлял невидимый жезл, и заняли новые позиции.

— Ты не понимаешь! — кипятился Чаккел. — Эта маракайнская вошь убила Зотьерна.

— Странно. Вооруженный Зотьерн против безоружной маракайнской вши. Ты, мой дорогой Чаккел, сам виноват, что окружаешь себя самодовольными неумейками. — Леддравор подошел к Зотьерну, посмотрел на него и хмыкнул. —

Кстати, он жив. Искалечен, правда, но, заметь, не совсем мертв. Верно, Зотьерн? — Леддравор повысил голос и пошевелил лежащего носком.

Из горла Зотьерна вырвалось слабое бульканье, и Толлер увидел его глаза, зрячие и безумные, но тело оставалось неподвижным.

Леддравор улыбнулся Чаккелу.

— Поскольку ты столь высокого мнения о Зотьерне, окажем ему честь, отправим по Яркой Дороге. Возможно, если бы он мог говорить, он сам бы ее выбрал. — Леддравор посмотрел на четверых солдат, ловивших каждое его слово. — Вынесите его и сделайте, что надо.

С явным облегчением солдаты торопливо отдали честь, подхватили Зотьерна и понесли к подъезду. Чаккел рванулся было за ними, но передумал. Леддравор насмешливо похлопал его по плечу, опустил руку на рукоять своего меча, не спеша пересек холл и остановился перед Толлером.

— Ты как одержимый стремишься сложить голову, — произнес он. — Зачем ты это сделал?

— Принц, он оскорбил магистра Гло, оскорбил меня и напал на мою жену.

— Твою жену? — Леддравор оглянулся на Феру. — Ах, эту. А каким образом ты одолел Зо-

тьерна?

Толлера удивил тон Леддравора.

— Я ударил его кулаком.

— Один раз?

— Больше не понадобилось.

— Понятно. — Нечеловечески гладкое лицо Леддравора оставалось загадочным. — Правда ли, что ты несколько раз пытался поступить на военную службу?

— Да, принц.

— В таком случае я тебя обрадую, Маракайн, — сказал Леддравор, — ты уже в армии. Обещаю, что в Хамтефе тебе представится много возможностей удовлетворить свой беспокойный воинственный нрав. На рассвете доложишь о себе в Митхолдских Казармах.

Не дожидаясь ответа, Леддравор отвернулся и заговорил с Чаккелом. Толлер стоял, все еще прижавшись спиной к стене, и пытался успокоиться. При всей своей строптивости и необузданности он всего лишь раз посягнул на человеческую жизнь — когда на темной улице во флайлинском районе Ро-Атабри на него напали воры, двоих он убил. Он даже не видел их лиц, и смерть их не затронула его душу.

Сейчас же у него в ушах до сих пор стоял от-

вратительный хруст позвоночника, а перед мысленным взором застыл ужас в глазах Зотьерна. То, что он не убил его сразу, еще больше мучило Толлера. Теперь Зотьерн, беспомощный, как раздавленное насекомое, застыл перед вечностью, заполненной ожиданием удара меча.

И пока Толлер барахтался в волнах смятения, Леддравор взорвал очередную словесную бомбу, превратив привычный мир в хаос.

— Мы с принцем Чаккелом возьмем с собой Лейна Маракайна и уединимся в отдельной комнате, — объявил Леддравор. — Нас не следует беспокоить.

Гло дал Толлеру сигнал подойти.

— У нас все готово, принц. Могу я предложить вам?..

— Не предлагай ничего, калека-магистр. На этой стадии твое присутствие не требуется. — Ничего не выражающее лицо Леддравора смотрело на Гло так, будто тот не заслуживал даже презрения. — Ты останешься здесь на всякий случай, хотя, признаюсь, мне трудно представить себе, что ты можешь понадобиться. — Леддравор перевел холодный взгляд на Лейна. — Куда?

— Сюда, принц. — Лейн говорил очень тихо и заметно дрожал, направляясь к лестнице. Чаккел

и Леддравор двинулись за ним. Как только они скрылись наверху, Джесалла выбежала из холла, и Толлер остался с Ферой и Гло. Всего несколько минут — и вот они дышат другим воздухом и живут в ином мире.

Толлер знал, что всю силу удара, который обрушился на него, почувствует позже.

— Помоги мне вернуться в… гм… кресло, мой мальчик, — попросил Гло. Он молчал все время, пока не устроился в том же кресле в гостиной, затем со стыдливой улыбкой взглянул на Толлера. — Жизнь не перестает приносить сюрпризы, верно?

— Я сожалею, мой господин. — Толлер пытался найти подходящие слова. — Я ничего не мог поделать.

— Не беспокойся. Ты выбрался из этого вполне достойно. Хотя, боюсь, Леддравор не из милости предложил тебе воинскую службу.

— Я ничего не понимаю. Когда он шел ко мне, я думал, что он собирается убить меня сам.

— Мне жаль тебя терять.

— А как же я? — спросила Фера. — Кто-нибудь подумал обо мне?

Толлер ощутил привычное раздражение.

— Ты, может быть, не заметила, но у нас у всех

было, о чем подумать.

— Тебе не о чем волноваться, — сказал ей Гло. — Можешь оставаться в Башне сколько… гм… пожелаешь.

— Спасибо, господин. Я хочу поехать туда прямо сейчас.

— Как и я, моя дорогая. Но, боюсь, об этом не может быть и речи. Никто из нас не волен уйти, пока не отошлет принц. Таков обычай.

— Обычай! — Недовольный взгляд Феры остановился на Толлере. — Неподходящий момент?

Он отвернулся и отошел к окну, ему не хотелось соперничать в логике с загадочным женским умом.

«Человеку, которого я убил, — сказал себе Толлер, — было суждено умереть, поэтому не стоит долго о нем размышлять». Он задумался о непонятном поведении Леддравора. Гло совершенно прав, Леддравор вовсе не по доброте душевной сделал его солдатом. Он не сомневался — принц надеется, что Толлера убьют на войне, но почему же он упустил возможность отомстить сразу? Он запросто мог поддержать Чаккела, который потерял лакея. Как же это Леддравор упустил такой случай? Впрочем, при этом он бы оказал слишком много чести ничтожному представите-

лю семейства ученых.

Подумав об ученом сословии, Толлер с изумлением вспомнил, что сам он уже воин, и сейчас его изумление было столь же сильным, или даже сильнее, чем когда Леддравор сказал об этом в первый раз.

В том, что мечта всей его жизни осуществилась именно тогда, когда он уже начал забывать о ней, да еще таким странным манером, заключалась ирония судьбы. Что случится с ним, когда он утром доложит о себе в Митхолдских Казармах? В замешательстве Толлер обнаружил, что не представляет своего будущего. После нынешней ночи четкая картина раздробилась на мелкие кусочки, беспорядочные отражения… Леддравор… армия… Хамтеф… миграция… Верхний Мир… неизвестность… водоворот, увлекающий в неведомое…

За спиной Толлера послышался деликатный храп: магистр Гло уснул. Толлер предоставил Фере убедиться, что хозяину удобно, и продолжал смотреть в окно. Противоптертовые экраны мешали наблюдать Верхний Мир, но Толлер все же видел, как по большому диску движется терминатор. Когда его линия разделит диск пополам, на полушария одинакового размера, но разной яркости, солнце появится над горизонтом…

Незадолго до этого момента, после продолжительного совещания, принц Чаккел отбыл в свою резиденцию — Таннофернский Дворец, расположенный к востоку от Большого Дворца. Главные улицы Ро-Атабри теперь фактически превратились в туннели, так что Чаккел мог бы задержаться и подольше, но привязанность принца к жене и детям была общеизвестна. Принц и свита отбыли, у подъезда стало тихо, и Толлер вспомнил, что Леддравор явился на совещание без сопровождающих. Военный принц вообще славился тем, что повсюду ездил один. Как говорили, отчасти из-за того, что терпеть не мог свиту, но в основном потому, что презирал использование охранников. Он твердо знал, что репутация и боевой меч послужат ему охраной в любом городе империи.

Толлер надеялся, что Леддравор уедет вскоре после Чаккела, но проходил час за часом, а совещание продолжалось. Леддравор, по-видимому, решил в самые сжатые сроки получить как можно больше знаний по аэронавтике.

Настенные часы из стеклянного дерева, приводимые в движение грузом, показывали десять часов. Зашел слуга, принес тарелки со скромным ужином — в основном рыбные котлеты и хлеб.

Доставили записку от Джесаллы, она сообщала, что нездорова и не может исполнять обязанности хозяйки.

Фера ожидала грандиозного пиршества и очень удивилась. Гло объяснил, что без Леддравора официальной трапезы не будет. Тогда Фера одна съела больше половины, затем рухнула в кресло в углу и притворилась, что спит.

Гло то пытался читать при слабом свете канделябра, то мрачно смотрел в даль. Толлер подумал, что магистр никак не может оправиться от унижения, которому мимоходом подверг его Леддравор.

Около одиннадцати в гостиную вошел Лейн.

— Мой господин, — сказал он, — прошу вас вновь пройти в холл.

Гло вздрогнул и поднял голову.

— Принц наконец уезжает?

— Нет. — Лейн казался растерянным. — Мне кажется, принц решил оказать мне честь и остаться ночевать в моем доме. А сейчас мы должны предстать перед ним. Вы с Ферой тоже, Толлер.

Поднимая Гло и выводя его в холл, Толлер безуспешно пытался понять, что задумал Леддравор. Вообще-то, если член королевской семьи остается ночевать в Квадратном Доме, это действительно

великая честь, тем более что до дворца нетрудно добраться, но вряд ли Леддравор столь милостив.

У нижней ступеньки лестницы уже стояла Джесалла. Несмотря на очевидную слабость, она держалась прямо. Остальные встали в одну шеренгу с ней — Гло в середине, Лейн и Толлер у него по бокам — и ждали Леддравора.

Военный принц появился на лестнице через несколько минут. Не обращая внимания на присутствующих, он молча продолжал обгрызать ногу зажаренного лесного индюка, пока не содрал с нее все мясо. Толлера одолевали мрачные предчувствия. Леддравор бросил кость на пол, вытер рот рукой и медленно сошел по ступенькам. Меча он не снял — еще одна грубость, — а на его гладком лице не было никаких признаков усталости.

— Так. Магистр Гло, оказывается, я зря продержал тебя весь день. — Своим тоном Леддравор ясно давал понять, что это не извинение. — Я узнал почти все, что хотел, а остаток усвою завтра. Множество других дел требует моего внимания, так что для экономии времени я не поеду во дворец и переночую сегодня здесь. Будь готов к шести часам. Я думаю, ты в состоянии пробудиться к этому времени?

— В шесть часов я буду здесь, принц, — ответил Гло.

— Приятно слышать, — с веселой издевкой произнес Леддравор. Он прошелся вдоль шеренги и, остановившись рядом с Толлером и Ферой, ехидно улыбнулся. Толлер стоял перед принцем, стараясь сохранить бесстрастное выражение лица, и его предчувствие, что день, который плохо начался, кончится тоже плохо, переросло в уверенность. Перестав улыбаться, Леддравор вернулся к лестнице.

Толлер уже засомневался, не обмануло ли его предчувствие, но тут на третьей ступеньке принц остановился.

— Что это со мной? — вслух рассуждал он. — Мой мозг устал, но тело по-прежнему жаждет деятельности. Взять, что ли, женщину… или не брать?

Толлер уже понял, что ответит Леддравор на свой риторический вопрос, и наклонился к уху Феры.

— Это я виноват, — прошептал он, — Леддравор умеет ненавидеть больше, чем я думал. Он хочет использовать тебя, чтобы отомстить мне. И мы не можем ничего поделать. Тебе придется пойти с ним.

— Посмотрим, — невозмутимо ответила Фера.

Леддравор тянул время, барабаня пальцами по перилам, потом повернулся лицом к холлу.

— Ты, — сказал он и показал на Джесаллу, — иди со мной.

— Но!.. — Толлер, нарушая строй, шагнул вперед. Кровь яростно пульсировала в висках. В бессильном гневе он смотрел, как Джесалла коснулась руки Лейна и пошла к лестнице. Она как будто плыла в трансе и не осознавала, что происходит в действительности. Ее прекрасное бледное лицо почти светилось.

Через несколько секунд они с Леддравором скрылись в полумраке второго этажа. Толлер повернулся к брату:

— Это твоя жена, и она беременна!

— Благодарю за информацию, — бесплотным голосом сказал Лейн, глядя на Толлера мертвыми глазами.

— Но это неправильно!

— Зато по-колкорронски. — Вопреки всему, Лейну удалось выдавить из себя улыбку. — Это одна из причин, по которым нас презирают все остальные нации планеты.

— При чем тут остальные?.. — Толлер заметил, что Фера, уперев руки в бока, смотрит на него в

бешенстве. — Что с тобой?

— Меня бы ты, наверно, сам раздел и швырнул принцу, — придушенным голосом произнесла Фера.

— О чем это ты?

— Ты дождаться не мог, когда принц меня уведет.

— Ты не понимаешь, — возразил Толлер. — Я думал, что Леддравор хочет унизить меня.

— Именно это он... — Фера осеклась, взглянула на Лейна и снова повернулась к мужу. — Ты дурак, Толлер Маракайн. Лучше бы мне никогда тебя не встречать! — Крутанувшись на каблуках, она неожиданно величественной походкой прошла в гостиную и захлопнула за собой дверь.

Толлер тупо посмотрел ей вслед, метнулся было. к двери, но снова вернулся к Лейну и Гло. Магистр выглядел слабым, измученным и, как ребенок, держался за руку Лейна.

— Что я, по-твоему, должен сделать, мой мальчик? — мягко спросил он Лейна. — Если ты хочешь уединения, я могу вернуться в Башню.

Лейн покачал головой:

— Нет, мой господин. Время позднее. Если вы окажете мне честь и останетесь, я устрою вас на ночлег.

— Хорошо.

Лейн пошел отдавать указания слугам, а Гло повернул свою большую голову к Толлеру.

— Метаясь, как зверь в клетке, ты не поможешь брату.

— Я не понимаю его, — пробормотал Толлер. — Должен же кто-то что-то сделать.

— Что ты… гм… предлагаешь?

— Не знаю. Что-нибудь.

— Легче ли станет Джесалле, если Лейн даст себя убить?

— Возможно. — Толлер отказывался принимать его логику. — Тогда она по крайней мере сможет им гордиться.

Гло вздохнул.

— Проводи меня к креслу и принеси чего-нибудь согревающего. Кейльского черного.

— Вина? — Несмотря на душевное смятение, Толлер удивился. — Вы хотите вина?

— Ты сказал, что кто-то что-то должен сделать. Я собираюсь выпить вина, — пояснил Гло ровным голосом. — Тебе придется подчиниться.

Толлер проводил магистра к креслу с высокой спинкой в углу холла и отправился за вином. Голова его раскалывалась, он не мог примириться с невыносимым. Ему никогда не приходилось

оказываться в подобной ситуации, но наконец он нашел, чем себя утешить. Леддравор только играет с нами, решил он, хватаясь за ниточку надежды. Джесалла не может понравиться тому, кто привык к опытным куртизанкам. Принц просто подержит ее в своей комнате и посмеется над нами. Этим он еще больше подчеркнет, что презирает наших женщин и даже не хочет притрагиваться к ним.

За следующий час Гло выпил четыре больших бокала вина, лицо его раскраснелось, и он был совершенно пьян. Лейн уединился в кабинете, по-прежнему никак не проявляя своих чувств, а Гло, к разочарованию Толлера, объявил, что хочет лечь спать. Толлер же знал, что не уснет, и не хотел оставаться наедине со своими мыслями. Он дотащил Гло до приготовленной комнаты, уложил его, а затем выглянул в длинный поперечный коридор, куда выходили двери основных спален. Слева послышался звук, тихий, как шепот.

Толлер осмотрелся и увидел Джесаллу. Она шла ему навстречу, направляясь в свои комнаты.

Длинное колеблющееся черное платье придавало ей призрачный вид, но осанка оставалась прямой и величественной. Шла та самая Дже-

салла Маракайн, какую он знал всегда, хладнокровная, скрытная, неукротимая, и при виде нее Толлер испытал смешанное чувство острой боли, беспокойства и облегчения.

— Джесалла, — сказал он, направляясь к ней, — ты не?..

— Не подходи! — Ее глаза сверкнули бешеной злобой, и она прошла мимо, не замедлив шага.

Огорченный ее откровенной ненавистью, Толлер смотрел ей вслед, пока она не скрылась, а потом опустил глаза на светлый мозаичный пол. Цепочка кровавых следов, тянувшаяся за Джесаллой, объяснила ему все.

«Леддравор, Леддравор, о Леддравор! — мысленно воззвал он. — Теперь мы связаны с тобой навсегда, и разлучит нас только смерть».

Глава 10

Решение напасть на Хамтеф с запада приняли по географическим соображениям. У западных пределов Колкорронской империи, немного к северу от экватора, располагалась цепочка вулканических островов, последний из которых, Олдок, длиной около восьми миль, был необитаем. Он имел несколько важных стратегических

особенностей, и одна из них заключалась в том, что остров находился недалеко от Хамтефа и мог служить промежуточной базой для морских сил вторжения. Другая — в том, что он густо порос стропильником и каланчами. Эти два дерева вырастали до большой высоты и хорошо защищали от птерты.

К тому же Олдок и вся гряда Ферондов лежали в зоне преобладающих западных воздушных течений, и это тоже благоприятствовало пяти армиям Колкоррона. Конечно, это мешало движению морских транспортов, а воздушным кораблям приходилось включать реактивные двигатели, но зато устойчивый ветер над открытым морем не давал птерте добраться до людей.

В подзорные трубы было видно, что противоположный поток на большой высоте кишит багровыми шарами, однако, когда они пытались спуститься в нижние слои атмосферы, их уносило на восток.

Высшее колкорронское командование при планировании вторжения допускало потери от птерты в одну шестую личного состава. Фактические же потери оказались незначительными.

Армии продвигались на запад, и структура дня и ночи постепенно изменялась. Утренний день

становился короче, а вечерний — длиннее, так как Верхний Мир смещался к восточному краю горизонта. Наконец от утреннего дня остался лишь короткий промежуток преломленного света, пока солнце пересекало зазор между горизонтом и диском Верхнего Мира, а вскоре после этого планета-сестра уселась на восточный край Мира. Малая ночь присоединилась к ночи основной, и участники вторжения с волнением осознали, что вступили в Страну Долгих Дней.

На очереди был следующий этап операции — создание плацдарма на самом Хамтефе. Здесь ожидались существенные потери, и колкоррон-ские командиры просто поверить не могли своей удаче, когда оказалось, что на укрытой деревьями береговой полосе нет ни часовых, ни обороны.

Три широко расставленные армии вторжения, направленные к одной точке, сомкнулись, не встретив сопротивления, без единого раненого, если не считать несчастных случаев, неизбежных при вступлении на чужую территорию больших масс людей и материальной части. Почти сразу же среди различных видов деревьев обнаружились заросли бракки, и с первого дня в тылу продвигающихся армий заработали отряды полуобнаженных желчевщиков.

Выпотрошенные из бракк зеленые и пурпурные кристаллы мешками грузили на морские транспорты — отдельно пикон, отдельно халвелл, так как вместе их никогда не транспортировали, — и в кратчайший срок были сделаны первые шаги к созданию цепи снабжения до самого Ро-Атабри.

На первое время воздушную разведку запретили, поскольку летательные корабли слишком бросались в глаза; но захватчики постепенно продвигались на запад по указаниям древних карт. Кое-где приходилось идти по болотистой местности, которая кишела ядовитыми змеями, однако солдаты были хорошо обучены, их моральное и физическое состояние держалось на высоком уровне, и ландшафт не представлял для них серьезного препятствия.

На двенадцатый день патруль разведчиков заметил впереди воздушный корабль незнакомой конструкции. К этому времени авангард Третьей Армии вышел из заболоченного приморского района и подходил к возвышенности; с севера на юг протянулась гряда холмов. Деревья и кусты на этой территории росли не так густо. По такой местности армия могла продвигаться очень быстро, но именно тут залегли первые защитники Хамтефа.

Они оказались смуглыми чернобородыми людьми, высокими и мускулистыми, одетыми в гибкую броню из маленьких кусочков брак-ки, сшитых вместе наподобие рыбьей чешуи. И эти люди бросились на захватчиков с яростью, с какой никогда не сталкивались даже самые бывалые из колкорронцев. Некоторые хамтефцы казались просто самоубийцами; они устраивали беспорядок и причиняли максимальный ущерб, принимая удар на себя, что позволяло другим проводить контратаки при поддержке разно-образной дальнобойной артиллерии: пушек, мортир и механических катапульт, которые швыряли пиконо-халвелловые бомбы.

Сражение длилось почти весь день и на разных участках — то затихая, то вспыхивая с новой силой. Прославленные войска, ветераны многих пограничных кампаний, так и косили хамтеф-цев. В результате колкорронцев погибло меньше сотни, в то время как противник потерял вдвое больше, и поскольку следующий день прошел почти без столкновений, боевой дух нападавших значительно окреп.

Начиная с этой стадии, секретность стала не нужна, и пехота шла под воздушным прикры-тием бомбардировщиков; людей ободрял вид

дирижаблей, плывущих над головой. Командиры, однако, не были так спокойны; они знали, что столкнулись пока только с местными оборонительными отрядами, но весть о вторжении уже достигла сердца Хамтефа, и силы огромного государства стягиваются, чтобы дать решительный отпор захватчикам.

Глава 11

Генерал Рисдел Далакотт откупорил пузырек с ядом и принюхался к содержимому. Прозрачная жидкость пахла странно: в запахе чувствовались одновременно сладость меда и едкость перца. Яд представлял собой концентрированную вытяжку из приворожника — растения, которое регулярно жуют женщины, если хотят избежать нежелательной беременности. Концентрат был очень сильным и обеспечивал легкий, безболезненный и абсолютно надежный уход из жизни.

Колкорронские аристократы высоко ценили этот яд, предпочитая его почетным, но слишком кровавым традиционным способам самоубийства.

Далакотт вылил жидкость из пузырька в чашу с вином, чуть помедлил и сделал пробный глоток.

Яд еле чувствовался и даже, казалось, смягчил грубое вино, придав ему привкус пряной сладости. Далакотт отхлебнул еще и отставил чашу в сторону — он не желал умереть слишком быстро. Оставалась еще одна обязанность, которую он на себя возложил.

Он оглядел палатку: узкая койка, дорожный сундучок, переносной столик и несколько складных стульев на соломенной подстилке. Другие штабные офицеры, чтобы облегчить суровые условия кампании, любили окружать себя роскошью, но Далакотт такого не допускал. Он всегда был солдатом и жил как солдат, однако умереть решил не от меча, а от яда, потому что более не считал себя достойным солдатской смерти.

Палатка освещалась единственным военно-полевым фонариком самозаправляющегося типа: на его свет «топливо» — масляные жуки — прилетает само. Далакотт зажег еще один фонарик и поставил его на стол; генерал пока не привык к тому, что ночью нельзя читать без дополнительного освещения. Войска прошли по Хамтефу далеко на запад, за Оранжевую реку; в этих краях Верхний Мир скрывался за горизонтом, и суточный цикл состоял из двенадцати часов непрерывного дневного света, за которыми

следовали двенадцать часов полной темноты. Если бы Колкоррон размещался в этом полушарии, его ученые, наверно, давно разработали бы эффективную систему освещения.

Далакотт приподнял крышку столика и достал последний том своего дневника за 2629 год. В тетради, переплетенной в мягкую зеленую кожу, имелись странички для каждого дня года. Далакотт раскрыл дневник и принялся медленно перелистывать его, просматривая описание хамтефской кампании и выхватывая ключевые события, которые постепенно привели его к решению уйти из жизни…

ДЕНЬ 84. Сегодня на штабном совещании принц Леддравор вел себя странно. Я видел, что, несмотря на сообщения о тяжелых потерях на южном фронте, он возбужден и полон надежд. Он снова и снова повторял, что в этой части Мира оказалось совсем мало птерты. Делиться своими мыслями Леддравор не склонен, но его разрозненные и косвенные замечания свидетельствуют о том, что он мечтает уговорить короля отказаться от миграции на Верхний Мир. Он считает столь отчаянные меры излишними, если удастся установить, что по каким-то непостижимым причинам Страна Долгих Дней неблагоприятна для птерты. Тогда

Колкоррону надо только покорить Хамтеф, перенести на этот континент столицу и перевезти оставшееся население: затея неоспоримо более простая и естественная, чем попытка долететь до другой планеты.

ДЕНЬ 93. Кампания идет плохо. Хамтефцы настроены решительно, они отважные и искусные воины. Мне тяжело думать о возможности нашего поражения, но, по правде говоря, даже если бы мы пошли на Хамтеф во времена, когда могли выставить почти миллион полностью обученных бойцов, то и тогда бы нас ждали суровые испытания. Сегодня у нас лишь треть от этого количества, и, к сожалению, почти все — новобранцы; чтобы вести войну успешно, нам, кроме военного искусства и отваги, нужна удача.

Нам еще повезло, что эта страна так богата природным сырьем, особенно браккой и съедобными злаками. Мои люди все время по ошибке принимают за вражескую канонаду или бомбардировку пыльцевые залпы бракки. У нас изобилие энергетических кристаллов для тяжелого вооружения, и солдаты сыты, хотя хамтефцы и стараются сжигать посевы, которые им приходится оставлять.

Этим занимаются хамтефские женщины и даже дети, если за ними не следить. Нас мало, и мы не

можем использовать войска для охраны посевов. По этой причине принц Леддравор приказал не брать пленных и уничтожать всех, независимо от возраста и пола. Это законно с военной точки зрения, но я не мясник и не хочу быть даже свидетелем творящихся зверств. Вконец огрубевшие солдафоны, и те идут на это с застывшими серыми лицами, а по ночам пытаются найти забвение в пьянстве.

Это мятежная мысль, и я не стану формулировать ее нигде, кроме страниц личного дневника, но одно дело — распространять блага империи на непросвещенные и нецивилизованные племена, и совсем другое — уничтожать великую нацию, единственным преступлением которой является рачительное и экономное обращение с природными запасами бракки.

У меня никогда не было времени на религию, но теперь, впервые в жизни, я начинаю постигать смысл слова «грех»…

Далакотт оторвался от дневника и поднял эмалированную чашу с вином. Он уставился в пузырящуюся глубину, сопротивляясь желанию сделать большой глоток, и отхлебнул совсем немного. Ему казалось, что множество людей зовут его из-за барьера, отделяющего живущих от

умерших, — жена Ториэйн, Эйфа Маракайн, сын Одеран, Конна Далакотт и маленький Хэлли…

Почему именно ему выпало выжить благодаря какому-то дурацкому иммунитету, когда их, более достойных, Уже нет?

Совершенно бессознательно Далакотт опустил правую Руку в карман и нащупал странный предмет, который нашел на берегу Бес-Ундара много-много лет назад. Круговым движением большого пальца он погладил зеркальную поверхность и вернулся к дневнику.

* * *

ДЕНЬ 102. Поистине неисповедимы пути судьбы! Много дней я откладывал, но сегодня утром начал подписывать пачку наградных листов, скопившихся у меня на столе, и обнаружил, что в одном из формирований, непосредственно под моим командованием, рядовым солдатом служит мой сын, Толлер Маракайн! Оказалось, его уже три раза представляли к медали за доблесть, несмотря на маленький срок службы и недостаток воинской подготовки.

Он, вероятно, новобранец, и, вообще говоря, не должен проводить на передовой столько времени. Но, возможно, семейство Маракайнов

использовало личные связи, чтобы помочь ему сделать запоздалую карьеру. Если только удастся выкроить время, я должен выяснить что к чему. Поистине времена изменились, если военная каста не только допускает в свои ряды посторонних, но и швыряет их в самое пекло, откуда прямой путь к славе!

Я сделаю все, что смогу, чтобы повидать сына, если удастся это устроить, не вызвав подозрений у него и не дав повода для сплетен. Встреча с Толлером будет единственным светлым пятном в беспросветном мраке этой преступной войны.

ДЕНЬ 103. Сегодня в секторе С11 враг неожиданно атаковал и разгромил роту восьмого батальона. Из мясорубки спаслась лишь горстка людей, многие из них оказались так тяжело ранены, что у них не оставалось выбора, кроме Яркой Дороги. Но такие катастрофы становятся почти привычными, и куда больше тревоги вызывают сегодняшние утренние рапорты, из которых следует, что передышке от птерты скоро придет конец.

Несколько дней назад наблюдениями в подзорные трубы с воздушных кораблей обнаружено большое количество птерты, дрейфующей на юг через экватор. У нас сейчас совсем мало ко-

раблей в Фиаллонском океане, поэтому рапорты отрывочны. Кажется, по мнению ученых, птерта двинулась на юг, чтобы воспользоваться «ветровой ячейкой», которая перенесет ее далеко на запад, а затем вновь на север, в Хамтеф.

Я никогда не верил в теорию разумности шаров, но если они и впрямь способны использовать планетную структуру ветров, значит, действительно обладают злой волей. Вероятно, их род имеет некий коллективный разум подобно муравьям и некоторым другим примитивным существам, хотя отдельные особи совершенно не способны к мышлению.

ДЕНЬ 106. Мечте Леддравора о Колкорроне, свободном от бича птерты, конец. Обслуживающий персонал флота Первой Армии заметил шары. Они приближаются к южному берегу Адрианского района. Было еще странное сообщение с моего театра военных действий. Двое рядовых с передовой утверждают, что видели птерту бледно-розового цвета. Они рассказывают, что шар подлетел к их позиции шагов на сорок, но не проявил ни малейшего желания подплыть ближе, а поднялся и улетел на запад. Что можно понять из такого странного рапорта? Может быть, просто эти двое сговорились, чтобы отдохнуть несколь-

ко дней во время дознания на базе?

ДЕНЬ 107. Сегодня — хотя я нахожу в этом мало чести — я оправдал уверенность принца Леддравора в моих тактических способностях.

Сего блестящего успеха и, вероятно, вершины моей военной карьеры я достиг благодаря ошибке, которой избежал бы любой зеленый лейтенант — выпускник академии.

Было восемь часов. Я разозлился на капитана Кадала из-за промедления в занятии полосы открытой местности в секторе Д14. Кадал полагал, что надо оставаться в лесу, так как на его карте, впопыхах подготовленной с воздуха, местность пересекали несколько ручьев. Он считал их глубокими оврагами, где способны укрыться значительные вражеские силы. Кадал — знающий офицер, и я должен был позволить ему разведать территорию по своему усмотрению. Но я боялся, что из-за многочисленных неудач он стал робким, и решил преподать ему урок воинской доблести.

Взяв сержанта и дюжину верховых, я лично поехал с ними вперед. Местность была ровной, и мы быстро продвигались. Слишком быстро!

Где-то на расстоянии около мили от наших позиций сержант явно забеспокоился, но я был уверен в успехе и не обратил на это внимания.

Как и указывала карта, мы пересекли два ручья, слишком мелкие для того, чтобы служить серьезным укрытием. Мне уже рисовались картины, как я захватываю весь район и, в виде одолжения, преподношу его Кадалу.

Не успел я опомниться, мы отъехали уже на две мили, и даже во мне, несмотря на манию величия, заговорил глас здравого смысла. Он ворчал, что, пожалуй, хватит, особенно когда мы перевалили через отроги хребта и наши позиции скрылись из виду.

Тут и появились хамтефцы. Они выросли как из-под земли, точно по волшебству, с двух сторон, хотя, конечно, чуда здесь не было: они прятались в тех самых оврагах, существование которых я беспечно взялся опровергнуть. Хамтефцев, в броне из бракки похожих на черных ящеров, насчитывалось не менее двухсот человек. Если бы это была только пехота, мы бы удрали, но добрую четверть у них составляли верховые, и они уже отрезали нам путь к отступлению.

Мои люди смотрели на меня выжидательно, и это еще больше ухудшало мое положение. По своей самонадеянности, гордости и тупости я не подумал о них, а они в этот ужасный момент спрашивали меня лишь о том, где и как им сле-

дует умереть!

Я огляделся и примерно в миле впереди увидел поросший деревьями холм. Эта позиция давала нам некоторые шансы: возможно, забравшись на одно из деревьев, мы смо жем связаться по солнечному телеграфу с Кадалом и позвать на помощь. Я отдал приказ, и мы быстро поскакали к холму, сбив с толку хамтефцев, которые ожидали, что мы отступим в противоположном направлении. Опередив преследователей, мы доскакали до деревьев — правда, хамтефцы не особенно спешили. Время работало на них, и я понимал, что, даже если удастся связаться с Кадалом, нам это не поможет.

Один из моих людей с мигалкой на поясе полез на дерево, а я попытался в полевой бинокль отыскать хамтефского командира, чтобы попробовать разгадать его намерения. Если бы он узнал мое звание, то мог бы постараться захватить меня живым, и уж чего-чего, а этого я допустить не мог. Но тут, обозревая в сильный бинокль ряды хамтефских солдат, я увидел такое, что даже в этот опаснейший момент сердце мое сжалось от ужаса.

Птерта!

С юга приближались четыре пурпурных шара.

В легком ветре они скользили над травой. Противник видел шары, несколько человек указали на них, но, к моему удивлению, никто и не думал обороняться. Шары все ближе подплывали к хамтефцам, и — такова сила рефлекса — я с трудом подавил желание предупредить их об опасности. Передний шар долетел до шеренги солдат, резко остановился и лопнул. Они по-прежнему не пытались обороняться или уклоняться от птерты. Я видел даже, как один солдат небрежно полоснул ее мечом. За считанные секунды четыре шара лопнули, рассеяв смертоносную пыль среди противника, который отнесся к этому совершенно беззаботно. Все это уже было удивительно, но еще удивительнее оказалось последующее.

Хамтефцы перестраивались, они рассыпались, образовав кольцо вокруг нашей никудышной маленькой крепости, и тут я заметил первые признаки замешательства в их рядах. В бинокль я увидел, как упали несколько солдат в черной броне. Уже! Их товарищи опустились рядом, чтобы помочь, и через промежуток времени, равный нескольким вздохам, сами начали кататься по земле!

Ко мне подошел сержант и сказал:

— Сэр, капрал говорит, что видит наши пози-

ции. Какое сообщение вы желаете передать?

— Подожди! — Я чуть приподнял бинокль, чтобы захватить среднюю зону дальности, и через мгновение обнаружил еще одну птерту; она, качаясь, плыла над лугом. — Скажи, пусть сообщит Кадалу, что мы наткнулись на большой отряд противника, но ему надлежит оставаться на месте. Я приказываю не двигаться вплоть до моих дальнейших распоряжений.

Дисциплинированный сержант не рискнул возразить, но я видел, в каком недоумении он пошел передавать мои указания. Я стал наблюдать дальше. Хамтефцы поняли, что происходит нечто ужасное и непонятное, солдаты бегали туда-сюда в панике и растерянности, а те, что начали наступать на наши позиции, повернули. Они не знали, что единственная для них надежда на спасение — это бегство, и воссоединились с остальным войском.

С ощущением вязкого холода в животе я смотрел, как они тоже начали шататься и падать. Я услышал за спиной хриплое дыхание, когда мои люди, глядевшие невооруженным глазом, поняли, что некая жуткая и невидимая сила уничтожила хамтефцев. За пугающе короткий отрезок времени противник пал до последнего

человека, и на равнине остались лишь синероги, безучастно пасущиеся среди тел хозяев.

(И почему это все представители царства животных, кроме некоторых видов обезьян, иммунны к яду птерты?)

Насмотревшись на леденящую сцену, я обернулся и чуть не расхохотался, увидев, что мои люди смотрят на меня с облегчением, уважением и обожанием. Они-то уже думали, что обречены, а теперь — таковы особенности психики обычного солдата — вся их благодарность сосредоточилась на мне, будто это я спас их каким-то искусным маневром. Похоже, других выводов они не сделали.

Три года назад зловещая перемена в природе нашего исконного врага, птерты, поставила Колкоррон на колени. А теперь оказывалось, что произошло еще одно увеличение силы шаров. Новая форма птертоза — а ничто иное не могло уничтожить хамтефцев, — убивающая человека даже не за часы, а за секунды, предвещала мрачные дни.

Я передал сообщение Кадалу, предупредил, чтобы он оставался в лесу и был готов к появлению птерты, а затем вернулся к наблюдению. В бинокль я увидел, как еще несколько птерт группами по две-три дрейфуют на южном ветре.

Мы находились в безопасности, под защитой деревьев. Я подождал, пока небо очистилось, и лишь после этого отдал приказ собрать синерогов и с максимальной скоростью вернуться на свои позиции.

ДЕНЬ 109. Обнаружилось, что я был абсолютно не прав по поводу новой возросшей угрозы от птерты.

Леддравор выяснил истину весьма характерным для него методом. Он привязал к столбам на открытой местности несколько хамтефских мужчин и женщин, а рядом — тех наших раненых, у которых было мало шансов на выздоровление. В конце концов дрейфующая птерта отыскала их, и наблюдатели с подзорными трубами проследили, что из этого вышло. Колкорронцы, несмотря на тяжелые ранения, сопротивлялись птертозу целых два часа, а злополучные хамтефцы умерли почти мгновенно.

Чем объясняется эта странная аномалия?

Одна из теорий, которую я услышал, гласит, что хамтефская раса имеет некую наследственную слабость, из-за чего более уязвима для птертоза. Но я полагаю, что настоящее объяснение намного сложнее; его выдвинули наши медицинские советники. Они считают, что имеются две раз-

новидности птерты. Иссиня-пурпурная, которая исстари знакома колкорронцам, высокотоксична, а розовая, обитающая в Хамтефе, безобидна, по крайней мере относительно. (Оказалось, что розовые шары наблюдали и в других местах.)

Далее эта теория гласит, что за столетия боевых действий против птерты уничтожены миллионы шаров, и все население Колкоррона подверглось воздействию микроскопических количеств пыли. Это придало нам некоторую стойкость к яду и увеличило сопротивляемость организма благодаря тому же механизму, из-за которого невозможно заболеть более одного раза одной и той же болезнью. Хамтефцы, напротив, совершенно не имеют сопротивляемости, и для них столкновение с ядовитой птертой оборачивается большей катастрофой, чем для нас.

Можно будет проверить эту теорию, подвергнув группы колкорронцев и хамтефцев воздействию розовой птерты. Если мы вступим в район, где много розовых шаров, Леддравор, несомненно, устроит такой эксперимент.

Далакотт оторвался от чтения и взглянул на запястье, где на ремешке находилась часовая трубка из упрочненного стекла: обычная полевая модель, если нет компактного и надежного

хронометра. Часовой жук внутри трубки уже приблизился к восьмому делению. Время последней назначенной встречи подходило.

Далакотт еще немного отхлебнул из чаши и открыл последнюю страницу дневника. Он заполнил ее много дней назад и после этого отказался от привычки всей своей жизни — записывать дела и мысли каждого дня.

Этот поступок был как бы символическим самоубийством и подготовил его к нынешнему, настоящему.

ДЕНЬ 114. Война окончена. Птертовая чума сделала за нас всю работу.

Всего за шесть дней после появления пурпурной птерты в Хамтефе чума пронеслась вдоль и поперек континента, сметая на своем пути миллионы людей. Моментальный геноцид!

Нам больше не приходится наступать пешком, пробиваясь ярд за ярдом через позиции упорного врага. Мы теперь спешим на воздушных кораблях, подгоняемые реактивными двигателями. При этом, конечно, расходуется много энергетических кристаллов и в камерах реактивных двигателей, и в противоптертовых пушках, но это сейчас несущественно. Мы — гордые властелины целого континента бракки и целых залежей зе-

леных и пурпурных кристаллов. Мы ни с кем не делимся богатствами. Леддравор не отменил приказ не брать пленных, и, когда нам попадаются небольшие группки ошалевших и деморализованных хамтефцев, мы предаем их мечу.

Мне довелось пролетать над городами, поселками, деревушками, фермами, где не осталось ничего живого, кроме неприкаянной домашней скотины. Хамтефская архитектура впечатляет— чистая, величественная, с хорошими пропорциями, — но восхищаться ею приходится издалека. Зловонием от разлагающихся трупов пропитаны даже небеса.

Мы больше не солдаты.

Мы разносчики чумы.

Мы и сами чума.

Мне больше нечего сказать.

Глава 12

В ночном небе над Хамтефом нет Верхнего Мира, и потому оно менее яркое, чем над Колкорроном. Но зато через весь небосвод здесь протянулась огромная спираль туманного света, искрящаяся бесчисленными белыми, голубыми и желтыми алмазами звезд. По сторонам от нее

находятся две большие эллиптические спирали, а по остальной части небесного купола щедро рассыпаны маленькие сияющие спиральки, жгутики и полоски да еще пылающие перья комет. Созвездия Дерева здесь не видно, но повсюду сияют ослепительные крупные звезды, такие яркие, что на фоне остальных они создают иллюзию глубокой перспективы.

Толлера завораживала эта картина. Он привык, что, когда небо темное, Верхний Мир находится на дальней от солнца стороне своей траектории вокруг Мира и его большой диск превосходит и затмевает звезды своим сиянием. Только в середине малой ночи он чернеет — но и тогда заслоняет значительный и, как кажется, ближайший кусок звездного неба прямо над головой.

Толлер неподвижно стоял и глядел, как дрожат отражения звезд на тихой воде широкой Оранжевой реки. В просветах между деревьями леса мерцали огоньки штаба Третьей Армии. Из-за птертовой чумы времена лагерей на открытом воздухе миновали. В голове у Толлера засел один вопрос: зачем генералу Далакотту понадобилось говорить с ним наедине?

Несколько дней Толлер провел в праздности в транзитном лагере в двадцати милях к западу

— теперь этой части армии стало нечего делать — и пытался привыкнуть к новому образу жизни. Но тут командир батальона приказал Толлеру явиться с рапортом в штаб. По прибытии его наскоро допросили несколько офицеров, одним из которых, как он думал, был генерал-адъюнкт Ворикт, и сообщили, что генерал Далакотт хочет лично вручить Толлеру медали за доблесть. Эти офицеры явно недоумевали по поводу столь необычного приглашения и осторожно вытягивали из Толлера информацию, но вскоре убедились, что он тоже ничего не знает.

Из-за ограды появился юный капитан. В усеянных звездами сумерках он подошел к Толлеру и сказал:

— Лейтенант Маракайн, генерал ждет вас.

Толлер отдал честь и прошел с офицером к палатке, которая, против его ожиданий, оказалась совсем маленькой и лишенной всяких украшений. Капитан ввел Толлера в палатку и быстро удалился. Толлер встал по стойке «смирно» перед худощавым суровым мужчиной, сидевшим за походным столиком в слабом свете двух полевых фонарей. Коротко остриженные волосы генерала были то ли светлыми, то ли седыми, и выглядел он удивительно молодо для человека с пятьюде-

сятью годами службы за спиной. Лишь глаза его казались старыми, много повидавшими — глаза человека, лишенного иллюзий.

— Садись, сынок, — сказал генерал. — У нас совершенно неофициальный разговор.

— Благодарю вас, сэр. — Все более теряясь в догадках, Толлер занял указанный стул.

— По твоему личному делу я вижу, что ты совсем недавно поступил в армию рядовым солдатом. Конечно, времена изменились, но разве это не странно для человека твоего общественного положения?

— Меня направил сюда принц Леддравор.

— А что, Леддравор твой друг?

Решительный, но дружеский тон генерала воодушевил Толлера, он отважился на слабую усмешку.

— Не могу приписать себе подобную честь, сэр.

— Хорошо. — Далакотт улыбнулся в ответ. — Итак, менее чем за год ты собственными усилиями дослужился до лейтенанта.

— Все дело в полевом назначении. Боюсь, я не во всех отношениях соответствую этому званию.

— Не думаю. — Далакотт отхлебнул из эмалированной чаши. — Прости, что не предлагаю и тебе. Это экзотический отвар, он вряд ли придется тебе

по вкусу.

— Я не хочу пить, сэр.

— Возможно, тебе понравится вот это. — Далакотт открыл отделение в столе и достал три медали за доблесть. Они представляли собой круглые кусочки бракки, инкрустированные белым и красным стеклом. Генерал вручил их Толлеру и откинулся на спинку стула, наблюдая за реакцией лейтенанта,

— Благодарю вас. — Толлер пощупал диски и убрал их в карман. — Это большая честь для меня.

— Ты весьма умело это скрываешь. Толлер смутился:

— Сэр, я никоим образом не намеревался…

— Ничего, сынок, — ответил Далакотт. — Скажи мне, армейская жизнь не обманула твоих ожиданий?

— Стать военным я мечтал с детства, но…

— Ты готов был обагрить свой меч кровью противника, но не знал, что он будет измазан и его обедом?

Толлер посмотрел прямо в глаза генералу.

— Сэр, я не понимаю, зачем вы меня вызвали.

— Пожалуй, для того, чтобы подарить тебе вот это. — Разжав правый кулак, Далакотт бросил

Толлеру в ладонь небольшой предмет.

Предмет оказался неожиданно тяжелым. Толлер поднес его ближе к свету и поразился странному цвету и блеску полированной поверхности — белой, но не просто белой, а похожей на море, когда на рассвете волны отражают лучи низкого солнца. Предмет был обкатанный, как галька, но не круглый. Он напоминал миниатюрный череп, детали которого стерлись со временем.

— Что это? — спросил Толлер. Далакотт покачал головой:

— Не знаю. Никто не знает. Много лет назад я нашел его в провинции Редант на берегу Бес-Ундара, и никто так и не смог объяснить мне, что это такое.

Толлер обхватил теплую вещицу, и его большой палец вдруг сам. собой стал скользить кругами по гладкой поверхности.

— За одним вопросом следует другой, сэр. Почему вы дарите его мне?

— Потому что, — Далакотт улыбнулся Толлеру странной улыбкой, — это он свел меня с твоей матерью.

— Понятно, — механически сказал Толлер. В сущности, он сказал правду. Слова генерала были подобны волне, окатившей воспоминания

Маракайна. В одно мгновение очертания берега изменились, но новая картина была все же не абсолютно незнакомой. Догадкам Толлера был необходим лишь толчок, чтобы превратиться в уверенность.

Последовало долгое молчание, изредка нарушаемое щелчком, когда масляный жук налетал на трубку с огоньком лампы и соскальзывал в резервуар.

Толлер серьезно смотрел на своего отца, пытаясь почувствовать хоть что-нибудь, но внутри у него все словно омертвело.

— Не знаю, что сказать вам, — признался он наконец. — Это случилось так… поздно.

— Ты еще не знаешь, как поздно. — Лицо Далакотта вновь стало непроницаемым, и он поднес чашу к губам. — У меня было много причин — и не все сугубо эгоистичные, — чтобы не признавать тебя, Толлер. Ты не обнимешь меня… один раз… как обнимают отца?

— Отец. — Толлер встал и сжал в объятиях прямое, как меч, тело старика. В этот короткий миг он уловил в дыхании отца чуть заметный запах специй. Он взглянул на чашу, и страшная догадка мелькнула в мозгу. Когда мужчины отошли друг от друга и сели, у Толлера защипало глаза.

Далакотт невозмутимо продолжил разговор:

— Скажи теперь, сынок, что с тобой будет дальше? Колкоррон с новым союзником, птертой, одержал славную победу. Солдатская работа практически закончена, что же ты планируешь на будущее?

— Кажется, я не думал, что для меня возможно будущее. Было время, когда Леддравор собирался лично прикончить меня, но что-то произошло, не знаю, что именно. Он отправил меня в армию, видимо, понадеявшись, что меня убьют хамтефцы.

— У него, знаешь ли, много забот, — сказал генерал. — Надо было ограбить целый континент в порядке подготовки к строительству миграционного флота короля Прада. Возможно, Леддравор просто забыл о тебе.

— Зато я не забыл о нем!

— Это что, до смерти?

— Я так думал. — Толлер вспомнил кровавые следы на светлой мозаике, но это видение заслонили картины резни. — Теперь я сомневаюсь, что меч отвечает на все вопросы.

— Рад слышать это от тебя. Хотя душа у Леддравора и не лежит к плану переселения, он, возможно, лучше всех способен успешно довести его до конца. Может быть, все будущее нашей

расы лежит на плечах Леддравора.

— Я знаю, отец.

— И, конечно же, можешь решить свои проблемы без моего совета. — Губы генерала чуть дернулись. — Пожалуй, мне было бы приятно держать тебя рядом. Ну, так что ты ответишь на мой первый вопрос? Неужели ты ни о чем не мечтаешь?

— Я хотел бы повести корабль на Верхний Мир, — сказал Толлер. — Но, по-моему, это пустая мечта.

— Почему же? У тебя влиятельная семья.

— Мой брат — главный советник по строительству небесных кораблей, но принц Леддравор ненавидит его почти так же, как меня.

— Ты действительно хочешь пилотировать небесный корабль? Подняться в небеса на тысячи миль? Полагаясь только на шар с газом, несколько веревок и кусочки дерева?

Толлера удивил вопрос.

— Почему же нет?

— Поистине новое время выдвигает новых людей, — тихо сказал Далакотт самому себе и добавил более оживленно: — Тебе пора, а я должен написать письма. У меня есть некоторое влияние на Леддравора и очень большое — на Карраналда,

главу Воздушных Сил. Если у тебя имеются нужные способности, ты станешь пилотом небесного корабля.

— Не знаю, что и сказать, отец… — Толлер встал, но не уходил. Так много произошло за несколько минут, и собственное равнодушие наполняло его чувством непонятной вины и беспомощности. Однако какой удар — повстречаться и проститься с отцом на одном дыхании!

— Не нужно ничего говорить, сынок. Только поверь, что я любил твою мать и… — Далакотт замолчал и удивленно оглядел палатку, словно почувствовал присутствие постороннего.

Толлер встревожился.

— Тебе плохо?

— Пустяки. В этой части планеты ночь слишком длинная и темная.

— Может быть, если ты ляжешь… — сказал Толлер, порываясь подойти.

Генерал Далакотт остановил его взглядом.

— Ступайте, лейтенант.

Толлер аккуратно отдал честь и вышел из палатки. У порога он обернулся и увидел, как отец взял ручку и начал писать. Толлер отпустил входной клапан, и нереализованные возможности, непрожитые жизни и нерассказанные истории

мелькнули и исчезли в тускло освещенном треугольнике.

Шагая в сумерках под звездным ковром, он дал волю чувствам и разрыдался. И слезы его были горше и обильней от того, что безнадежно запоздали.

Глава 13

Ночь, как всегда, принадлежала птерте. Марн Ибблер служил в армии с пятнадцати лет и, подобно многим опытным солдатам, развил в себе сверхчувствительность: если приближались шары, он испытывал тревогу.

Бессознательно он всегда был начеку, даже пьяный или усталый следил за обстановкой и инстинктивно чувствовал, когда в окрестности заплывала птерта.

Благодаря этому он стал первым, кто узнал об очередном изменении в поведении старинного врага колкорронцев.

Он нес ночной дозор в большом базовом лагере Третьей Армии в Тромфе, в южном Миддаке. Дежурство было легким. Когда Колкоррон вторгся в Хамтеф, в тылу империи оставили лишь несколько вспомогательных подразделений, а

ходить ночью по открытой сельской местности дураков нет.

Ибблер стоял в компании двух молодых часовых; они долго и горько жаловались на питание и низкую плату. В глубине души он был с ними согласен: никогда еще армейские пайки не были такими скудными и тяжелыми для желудка. Но, как и положено старому солдату, Марн упорно отказывался признать это, ссылаясь на лишения в различных кампаниях прошлого. Солдаты стояли около внутреннего экрана, за которым находились тридцатиярдовая буферная зона и внешний экран. Через сетки виднелись плодородные поля Миддака, простирающиеся к западному горизонту, а над ними висел наполовину освещенный Верхний Мир. Под его сиянием все было неподвижно, кроме падающих звезд, и потому, когда обостренные чувства Ибблера уловили легкое перемещение теней, он мгновенно понял, что это птерта. Поскольку он и солдаты стояли в безопасном месте за двойным экраном, Ибблер как ни в чем не бывало продолжал разговор, но с этой минуты его внимание целиком сосредоточилось на птерте.

Через мгновение он заметил вторую птерту, за ней третью; за минуту он насчитал восемь шаров,

которые держались одной группой. Они плыли с легким северо-западным ветром и скрылись из виду справа, там, где параллакс слил вертикальное сплетение ячеек сетки в плотную ткань. Ибблер наблюдал внимательно, но спокойно. Он ждал, когда птерта снова появится в поле зрения. Повинуясь воздушному течению, шары, следуя к югу вдоль периметра лагеря, должны были наткнуться на внешний экран и в конце концов, не найдя добычи, бросить свои попытки и уплыть к юго-западному побережью и дальше в Отоланское море.

Однако они повели себя непредсказуемо.

Проходили минуты, а шары так и не показались. Молодые товарищи Ибблера заметили, что он их не слушает, а когда ветеран объяснил, в чем дело, они рассмеялись. Солдаты предположили, что птерта — если только это была птерта, а не плод воображения, — должно быть, попала в восходящий воздушный поток и поднялась над забранными сеткой крышами лагеря. Меньше всего Ибблер хотел, чтобы его назвали нервной старухой, и потому не стал возражать, хотя птерта вблизи людей обычно не летает высоко.

На следующее утро нашли пятерых землекопов; они загнулись от птертоза в своей хижине.

Солдат, который на них наткнулся, тоже умер. Умерли и еще двое, к которым он в панике прибежал; после этого ввели в действие правила изоляции, и всех, кого подозревали в том, что они заражены, лучники отправили по Яркой Дороге.

Именно Ибблер отметил, что хижина землекопов находилась в том самом месте, куда должна была долететь вдоль периметра лагеря группа птерты. Он добился аудиенции у командира и выдвинул теорию, что птерта, прикоснувшись к наружному экрану, лопнула группой, создала очень густое облако ядовитой пыли, которое проникло сквозь стандартную тридцатиярдовую зону безопасности. К этой теории отнеслись скептически, но в ближайшие несколько дней такое же явление наблюдалось еще в нескольких местах.

В том же Тромфе эпидемия птертовой чумы унесла сотни жизней, прежде чем власти поняли, что война между Колкорроном и птертой вступила в новую фазу.

Все население империи почувствовало перемены. Буферные зоны удвоили, но и это не гарантировало безопасности. Самой опасной погодой стал легкий устойчивый ветер, который мог переносить невидимые облака яда далеко

в глубь поселения, до того, как концентрация падала ниже смертельного уровня. Но даже порывистый и переменчивый ветер уже не мог спасти от большого скопления птерты, и смерть поселилась почти в каждом доме: украдкой она гладила спящего ребенка, а к утру оказывалось, что заражена вся семья.

Кроме того, едва ли не опаснее птерты было резкое падение сельскохозяйственного производства. В регионах, где продуктов питания не хватало, начался настоящий голод. Традиционная система непрерывной уборки урожая теперь работала против колкорронцев. Ведь у них не было опыта в долговременном хранении зерна и другого продовольствия. Ограниченные запасы в наспех сколоченных хранилищах гнили или уничтожались вредителями. Появились новые болезни, напрямую не связанные с птертой.

Перевозка из Хамтефа в Ро-Атабри огромных количеств энергетических кристаллов продолжалась, но на фоне ужесточающегося кризиса пострадали и военные организации.

Пять армий не просто застряли в Хамтефе, им отказали в возвращении в Колкоррон и в родные провинции и приказали устроиться на постоянное жительство в Стране Долгих Дней.

А птерта, будто почуяв их уязвимость, хлынула туда во все возрастающих количествах. Только подразделения, связанные с потрошением бракки и погрузкой энергетических кристаллов на корабли, обеспечивались всем необходимым и находились под защитой принца Леддравора.

Изменился и сам принц Леддравор.

Сначала он принял ответственность за переселение на Верхний Мир из лояльности к отцу и заглушал свой страх перед этой безумной затеей, целиком отдавшись тотальной войне в Хамтефе. Готовясь к постройке небесного флота, Леддравор в глубине души был убежден, что эта авантюра не состоится и проблемы Колкоррона найдут другое, более привычное человеческой истории решение.

Однако прежде всего принц был реалистом, проводившим четкую грань между желаемым и возможным. Предвидев исход войны с птертой, он уступил.

Отныне миграция на Верхний Мир стала его личным будущим, и окружающие, почувствовав эту перемену, поняли, что он устранит любые препятствия на своем пути.

Глава 14

— И надо же, чтобы именно сегодня! — простонал полковник Картканг. — Надеюсь, ты не забыл, что твой полет запланирован на десять часов?

Для представителя военной касты полковник был слишком худощав, лицо имел круглое и такой широкий рот, что между зубами виднелись зазоры.

Его назначили главой Экспериментальной Эскадрильи Небесных Кораблей благодаря административному таланту и умению подмечать любую мелочь. Он никак не хотел отпускать с базы пилота-испытателя перед важнейшим испытательным полетом.

— Я вернусь задолго до десяти, сэр, — убеждал Толлер. — Вы же знаете, в таком деле я не стану рисковать.

— Да, но… Тебе ведь известно, что принц Леддравор будет лично наблюдать за подъемом.

— Тем более я вернусь заблаговременно, сэр. Я же не хочу, чтобы меня обвинили в государственной измене.

Картканг нервно подровнял квадратную стоп-

ку бумаг на столе.

— А что, магистр Гло много значил для тебя?

— Ради него я готов был рисковать жизнью, сэр!

— Значит, оказать последние почести ты обязан. Но не забудь насчет принца.

— Благодарю вас, сэр. — Толлер отдал честь и вышел из кабинета; душу его раздирали противоречивые чувства. Ему казалось, что судьба жестоко насмеялась над магистром, чьи похороны должны были состояться в тот самый день, когда первый небесный корабль собирался долететь до Верхнего Мира. Ведь именно Гло был отцом проекта и из-за него сначала прослыл чудаком и впал в немилость, а потом получил унизительную отставку. И теперь, в момент своего триумфа, он, неотступно терзаемый болезнью, скончался.

На территории Большого Дворца не появится статуя с объемистым брюшком, и сомнительно, что народ вообще запомнит имя Гло, который помог ему поселиться на новой планете. Все получалось шиворот-навыворот!

Видение миграционного флота, который спускается на Верхний Мир, постоянно преследовало Толлера. Он работал с такой напряженностью,

стремясь пройти отбор и попасть в первое межпланетное путешествие, что перестал замечать фантастичность происходящего. Ему казалось, что время течет невыносимо медленно и он никогда не достигнет цели, что она всегда будет как мираж маячить впереди. И вот, когда внезапно настоящее столкнулось с будущим, Толлер испытал шок.

Время великой экспедиции подошло; многое предстояло узнать, причем не только о технических деталях космического полета.

Толлер вышел из административного корпуса ЭЭНК и поднялся по деревянной лестнице на равнину, которая простиралась к северу от Ро-Атабри до самых подножий Сласкитанских Гор. Получив синерога у начальника конюшни, он отправился в двухмильную поездку до Зеленой Горы.

Крытый пропитанным лаком полотном путь сиял желтоватым рассеянным светом, воздух был душным и спертым от запаха навоза. Большая часть транспорта двигалась из города: специальные повозки везли секции гондол и реактивные цилиндры из бракки. Довольно быстро Толлер добрался до восточной развилки, въехал в тунель, ведущий к Зеленой Горе, и вскоре был уже в пригороде Ро-Атабри, защищенного старыми

экранами из сеток. Он проехал через развалины заброшенных жилищ на открытом склоне горы и наконец добрался до маленького частного кладбища, которое примыкало к колоннаде западного крыла Зеленогорской Башни.

Прочие участники церемонии уже собрались. Среди них он заметил брата и стройную, облаченную в серое Джесаллу Маракайн. Толлер увидел Джесаллу впервые после той ночи, когда принц Леддравор надругался над ней, и с беспокойством осознал, что не представляет себе, как с ней держаться.

Толлер спешился, расправил синюю вышитую форменную куртку капитана небесного корабля и, все еще робея и смущаясь, подошел к брату с женой. При виде Толлера Лейн сдержанно улыбнулся, одновременно гордясь братом и не доверяя ему, — так он всегда улыбался в последнее время, когда они встречались на технических летучках.

Толлеру нравилось удивлять старшего брата своей целеустремленностью в борьбе с любыми препятствиями на пути к заветной цели — стать пилотом небесного корабля. Кстати, трудности с чтением тоже были преодолены.

— Сегодня печальный день, — сказал он Лейну. Джесалла, которая не видела, как он подошел,

резко обернулась и прижала руку к горлу. Толлер учтиво кивнул ей, но промолчал, решив предоставить инициативу в разговоре. Джесалла молча кивнула в ответ, однако ничем не выказала неприязни, и младший Маракайн слегка приободрился. Он помнил Джесаллу с осунувшимся из-за болезненной беременности лицом, а сейчас ее щеки округлились и порозовели; и выглядела она моложе, чем прежде. Толлер смотрел на нее, не видя больше ничего вокруг. Наконец он почувствовал пристальный взгляд Лейна и сказал:

— И почему Гло не протянул подольше!

Лейн пожал плечами — на удивление небрежно, учитывая, как он был близок к магистру, — и спросил:

— Ну что, подъем состоится?

— Да. В десять.

— Я знаю. Я хотел спросить, ты все-таки летишь?

— Конечно. — Толлер взглянул на загороженное сеткой небо и на перламутровый серп Верхнего Мира. — Я просто рвусь покорить невидимые горы магистра Гло.

Джесаллу, похоже, заинтриговал этот разговор.

— Какие горы? — спросила она.

— Нам известно, что между Миром и Верхним Миром атмосфера убывает, — ответил Толлер. — Скорость убывания измерили приблизительно — послали вверх шары с газом и в калиброванные телескопы наблюдали, как они расширяются. При испытательном полете мы, конечно, это еще проверим, но считается, что даже в средней точке достаточно воздуха для жизни.

— Послушай новоиспеченного эксперта, — заметил Лейн.

— Меня учили лучшие специалисты. — Толлер обиделся и начал обращаться только к Джесалле: — Магистр Гло сравнивал этот полет с восхождением на вершину одной невидимой горы и спуском с другой.

— Не подозревала, что Гло был поэтом, — сказала Джесалла.

— Он обладал многими талантами, о которых людям не суждено узнать.

— Да, он, например, приютил твою стажерку-жену, когда ты уехал играть в солдатики, — вставил Лейн. — Кстати, что с ней сталось?

Враждебность в голосе Лейна озадачила Толлера. Лейн уже задавал ему этот вопрос, а сейчас, похоже, заговорил о Фере только потому, что эта тема всегда задевала Джесаллу. Неужели

он ревнует из-за того, что «маленький братик» принимает участие в величайшем научном эксперименте века?

— Фере надоело жить в Башне, и она переселилась обратно в город. Я думаю, то есть надеюсь, что у нее все хорошо, но я не выяснял. А почему ты спрашиваешь?

— Гм… Просто из любопытства.

— Если твое любопытство простирается и на мою службу в армии, то могу тебя заверить, что выражение «играть в солдатики» здесь совершенно неуместно. Я…

— Тише, — сказала Джесалла и положила руки на локти обоих братьев, — церемония начинается!

Толлер умолк, а в это время от дома двинулась к ним похоронная процессия.

В завещании магистр Гло объявил, что предпочитает самую короткую и простую процедуру, возможную для колкорронского аристократа.

Кортеж состоял лишь из прелата Балаунтара в сопровождении четырех священников в темных одеждах. Они несли белый гипсовый цилиндр, в который уже заключили тело Гло. Балаунтар, с вытянутой шеей и в черном облачении похожий на ворона, прошествовал к круглой яме, которую

пробурили в скальном основании кладбища.

Он нараспев прочитал короткую молитву, вверяя бренную оболочку Гло земле, чтобы та поглотила ее, и призывая, чтобы духу Гло была дарована безопасная дорога до Верхнего Мира, после чего произойдет возрождение, долгая жизнь и процветание на планете-сестре.

Толлер смотрел, как цилиндр опустили в яму и зацементировали вытекавшим из украшенной урны цементом, и чувствовал себя виноватым. Он-то ожидал, что при расставании с Гло его станут терзать горе и печаль, но мысли его более занимала Джесалла, доверчиво положившая руку ему на локоть. Означало ли это, что Джесалла изменила отношение к Толлеру, или повлияла случайная размолвка с Лейном, который, в свою очередь, вел себя странно? Но больше всего Толлер думал о том, что скоро он поднимется в небо — так высоко, что уйдет за пределы видимости самых мощных телескопов.

Поэтому он с облегчением встретил окончание короткой церемонии. Скорбящие, по преимуществу кровные родственники, начали расходиться.

— Я должен возвращаться на базу, — сказал Толлер. — Нужно еще много… — Он не договорил,

так как увидел, что прелат отделился от своего окружения и направляется к ним. Решив, что у Балаунтара дело к Лейну, Толлер вежливо отошел на шаг и удивился, когда тот приблизился к нему и несильно ударил в грудь растопыренными пальцами. Близко посаженные глаза первосвященника смотрели гневно.

— Я помню тебя, Маракайн, — сказал он. — Это ты схватил меня в Радужном Зале перед королем. — Он снова ударил Толлера, явно желая оскорбить его этим жестом.

— Вот вы и сровняли счет, — непринужденно сказал Толлер. — Чем могу быть вам полезен, господин?

— Выбрось эту форму, она оскорбляет всю церковь и меня в частности!

— Чем же?

— Всем! Ее цвет символизирует небо и афиширует твое намерение осквернить Горний Путь! Эти синие тряпки оскорбляют любого возвышенно мыслящего гражданина страны, даже если твои нечестивые амбиции останутся лишь намерениями.

— Форму я ношу на службе Колкоррона, господин. Адресуйте свои возражения непосредственно королю или принцу Леддравору.

— Эх! — Лицо Балаунтара дышало ненавистью, гневом и отчаянием. — Знай, это не сойдет тебе с рук! Ты, твой брат и вам подобные надменно отвернулись от Церкви, но ты испытаешь на себе, что терпение народа имеет предел. Увидишь! Великое кощунство, великое злодеяние не останутся безнаказанными. — Он повернулся и зашагал к воротам кладбища, где его ожидали священники.

Толлер посмотрел ему вслед и обернулся к брату с женой.

— Прелат чем-то недоволен, — сказал он, подняв брови.

— В свое время ты раздробил бы ему кисть за такое. — Лейн изобразил жест Балаунтара, мягко толкнув Толлера в грудь. — Ты больше не впадаешь в ярость так легко?

— Вероятно, я видел слишком много крови.

— Ах да. Как я мог забыть? — В тоне Лейна слышалась явная издевка. — У тебя же новая роль, да? Человек, который слишком много испытал на своем веку.

— Лейн, я совершенно не понимаю, чем я тебя рассердил. Это меня огорчает, но сейчас мне некогда. — Толлер кивнул брату и поклонился Джесалле, а ее обеспокоенный взгляд перебегал с

одного на другого.

Толлер уже хотел идти, но Лейн с глазами, полными слез, широко распахнул руки и обнял брата и жену вместе.

— Береги себя, братик, — прошептал Лейн. — Твой семейный долг — вернуться невредимым, чтобы потом мы полетели на Верхний Мир вместе. Я доверю Джесаллу только самому лучшему пилоту. Понимаешь?

Толлер кивнул, не пытаясь заговорить. В грациозном теле Джесаллы не ощущалась неподобающая случаю сексуальность. Брат замкнул психологическую цепь, и сделал это как нельзя вовремя. Толлер чувствовал, что его утешили и исцелили, а его жизненные силы не только не растрачиваются, но даже возрастают.

Высвободившись из объятий, он осознал, что силен, легок и полностью готов к полету.

Глава 15

— Пятьдесят миль с наветренной стороны у нас охвачено телеграфными донесениями, — говорил главный инженер ЭЭНК Вато Армдюран. — Птерта не проявляет большой активности, так что тут у вас порядок. Но ветер сильный, и это мне

не нравится.

— Если ждать идеальных условий, то мы никогда не отправимся. — Толлер прикрыл глаза от солнца и стал осматривать бело-голубой купол неба. Поверх самых ярких звезд, не заслоняя их, лежали высокие облака, а широкий серп света на диске Верхнего Мира указывал время — разгар утреннего дня.

— Все так, но вам грозит ложный подъем, как только баллон высунется на ветер из ангара. Будь осторожен.

Толлер улыбнулся.

— Не поздновато ли для уроков по аэродинамике?

— Тебе-то что. Ты убьешься, а отвечать придется мне, — сухо возразил Армдюран. Волосы у него были колючими, а приплюснутый нос и шрам от меча на подбородке придавали ему вид бывалого вояки. Свою должность он занимал благодаря выдающимся способностям инженера-практика, и назначил его лично принц Чаккел.

— Ради вас постараюсь не убиться. — Толлеру пришлось повысить голос, чтобы перекричать шум в ангаре. Бригада накачки деловито крутила большой вентилятор. Его шестерни и деревянные лопасти непрерывно стучали, загоняя ненагре-

тый воздух в баллон небесного корабля, который был отодвинут от гондолы в направлении ветра. Делалось это для того, чтобы туда можно было ввести горячий газ маглайн от горелки на энергетических кристаллах, так чтобы газ при этом не ударил в тонкую ткань. Этот метод помогал не прожечь оболочку, особенно нижнюю часть стенок вокруг горловины. Надсмотрщики отдавали приказы рабочим, которые удерживали просмоленными канатами постепенно надувающийся баллон.

Квадратная гондола с комнату величиной, уже укомплектованная для полета, лежала на боку. Кроме горючего, еды и питья, загрузили мешки с песком, равные весу шестнадцати человек, чтобы вместе с командой испытателей получить максимальную рабочую нагрузку. Около гондолы стояли трое, которые летели с Толлером; они готовы были по команде запрыгнуть на борт. Толлер знал, что с минуты на минуту начнется подъем, и сумятица чувств из-за Джесаллы, Лейна и похорон Гло постепенно отодвигалась на задворки сознания. Мысли Толлера уже путешествовали в ледяной неведомой голубизне, и его заботы уже не были похожи на обычные заботы прикованного к Миру смертного.

Послышался стук копыт. Толлер обернулся. В ангар въезжал принц Леддравор, а за ним — открытый экипаж с принцем Чаккелом, его женой Дасиной и тремя детьми. Леддравор оделся в белую кирасу, как на парад, на боку у него висел неизменный боевой меч, а к левому предплечью был прикреплен метательный нож в ножнах. Он спешился с рослого синерога и не торопясь пошел к Толлеру и Армдюрану, изучая по дороге каждую деталь подготовки к полету.

За время службы в армии Толлер не видел Леддравора, а по возвращении в Ро-Атабри — только издали. Он заметил, что лоснящиеся черные волосы принца тронула у висков седина; Леддравор отяжелел, но вес равномерно распределялся по телу, лишь слегка размывая рельеф мускулов и делая еще глаже каменное лицо. Принц подошел, Толлер и Армдюран отдали честь. Леддравор кивнул в ответ.

— Что ж, Маракайн, со времени нашей последней встречи ты стал важным человеком. Надеюсь, это сделало тебя чуть более уживчивым.

— Я не отношу себя к важным персонам, принц. — Толлер тщательно старался говорить бесстрастно, пытаясь в то же время оценить настроение Леддравора.

— Ну как же! Первый человек, который поведет корабль на Верхний Мир. Это большая честь, Маракайн, и ты упорно работал, чтобы добиться ее. Знаешь, некоторые говорили, что для такой миссии ты слишком молод и неопытен, мол, надо ее доверить офицеру с большим стажем в Воздушных Силах, но я пресек эти возражения. На учебных курсах ты добился лучших результатов и к тому же не обременен приемами и привычками воздушных капитанов. И ты, несомненно, храбрец, поэтому я решил, что в испытательном полете капитаном будешь ты. Что ты на это скажешь?

— Я благодарен вам, принц, — сказал Толлер.

— От тебя не требуется благодарности. — На лице Леддравора промелькнула и исчезла прежняя, далеко не дружелюбная улыбка. — Ты просто пожинаешь плоды своих трудов.

И Толлер сразу понял, что ничего не изменилось, что Леддравор по-прежнему смертельный враг, он ничего не забыл и не простил. Весь последний год принц по каким-то неизвестным причинам притворялся снисходительным, но он, несомненно, все еще жаждет крови Толлера.

«Он надеется, что полет будет неудачным, рассчитывает, что посылает меня на смерть!»

Во внезапном озарении Маракайн прочитал мысли Леддравора. Что касается самого Толлера, то теперь он испытывал к принцу лишь холодное презрение и в какой-то степени — жалость, брезгливую жалость к существу, не знающему ничего, кроме злобы, и захлебывающемуся в собственном яде.

— Тем не менее я благодарен, — сказал Толлер, тайно наслаждаясь двусмысленностью своего ответа. Он ждал этой встречи лицом к лицу с Леддравором, но оказалось, что он решительно и бесповоротно перерос себя прежнего. Отныне и навеки его душа воспарит над Леддравором и ему подобными так же высоко, как небесный корабль воспарит над океанами и континентами Мира, — достойная причина для радости.

Леддравор пристально и испытующе вглядывался в лицо Толлера, потом перенес внимание на небесный корабль. Баллон уже поднялся на четырех стартовых стойках. Этой деталью небесный корабль принципиально отличался от транспорта, спроектированного для обычных полетов в атмосфере.

Наполненный на три четверти баллон свисал между стойками, как карикатурное морское чудовище, выуженное из воды. Шкура из льняного

полотна, пропитанного лаком, слабо колыхалась на легком сквознячке.

— Если не ошибаюсь, — произнес Леддравор, — тебе пора на корабль, Маракайн.

Толлер отдал честь принцу, дружески хлопнул по плечу Армдюрана и побежал к дирижаблю. Он подал сигнал, и в гондолу через борт перемахнул Завотл — второй пилот и протоколист, за ним взобрались механик Рилломайнер и щуплый маленький техник по такелажу Фленн. Толлер последовал за ними и занял место около системы управления горелкой. Гондола все еще лежала на боку, и ему пришлось опереться спиной на плетеную перегородку.

Основной деталью горелки служил ствол молодого дерева бракки. Слева от утолщенного основания помещалась небольшая загрузочная воронка с пиконом, снабженная пневматическим клапаном, через который кристаллы пикона поступали в камеру сгорания. Справа аналогичное устройство контролировало подачу халвелла; обоими клапанами управлял один рычаг. Проход в правом клапане был чуть шире, в результате чего халвелла автоматически подавалось немного больше: это, как было установлено, обеспечивало более равномерную тягу.

Толлер на пробу сжал рукой пневматический резервуар, затем подал знак бригадиру накачки, что готов включить горелку. В ангаре сразу стало тише; поддувальщики перестали крутить свою громоздкую машину и оттащили ее в сторону. Толлер примерно на секунду сдвинул вперед рычаг управления клапанами. Раздался свистящий рев — энергетические кристаллы соединились и выстрелили залпом горячего газа маглайн в разверстую пасть баллона. Горелка работала хорошо, Толлер произвел несколько залпов, коротких, чтобы не повредить горячим газом оболочку, и огромный баллон начал надуваться, поднимаясь и отрываясь от земли. По мере того как оболочка постепенно принимала вертикальное положение, команда, державшая верхние канаты баллона, окружила гондолу и прикрепила их к ее несущей раме; еще несколько человек в это время поворачивали гондолу, пока не поставили ее дном на землю. Теперь только центральный якорь удерживал готовый к полету корабль, но Толлер помнил предупреждение Армдюрана о ложном подъеме и продолжал поддерживать горение. Горячий газ вытеснял все большие массы непрогретого воздуха через горловину баллона, и сооружение начало рваться вверх.

Работа настолько захватила Толлера, что он даже не ощутил величия момента, когда отцепил соединительное звено якорной цепи и небесный корабль стартовал.

Начало подъема было плавным, но как только выпуклая макушка шара поднялась над стенами ангара, давление ветра усилилось, и корабль так стремительно рванулся вверх, что Рилломайнер громко охнул.

Однако этот рывок не обманул Толлера, который тут же выпустил из горелки длинный залп. За считанные секунды воздушный шар вошел в поток воздуха целиком. После этого давление ветра на низ шара сравнялось с давлением на макушку, подъемная сила, которую создавала разность давлений в неподвижном воздухе и в потоке, исчезла, и небесный корабль понесло по ветру.

В то же время воздушная волна от первого столкновения шара с ветром смяла баллон и выдавила часть маглайна через горловину. Подъем прекратился, корабль даже начал терять высоту; ветер сносил его к востоку со скоростью около десяти миль в час. Скорость небольшая, если сравнивать с другими видами транспорта, но небесный корабль спроектировали только для

вертикального движения, и если бы он на старте чиркнул по земле, это скорее всего кончилось бы катастрофой. Долгую томительную минуту Толлер боролся с нежелательным спуском, сжигая горючее; гондола летела прямо к цепочке деревьев на восточном краю летного поля, как будто шла по невидимому рельсу. Наконец подъемная сила шара стала восстанавливаться, земля плавно ушла вниз, и Толлер смог дать горелке передышку. Он оглянулся назад, на ряды ангаров, частью еще недостроенных, и, разглядев среди сотен зрителей сияние белой кирасы Леддравора, подумал, что значение принца уменьшается с набором высоты.

— Ты записываешь? — обратился Толлер к Илвену Завотлу. — Отметь, что скорость ветра в данном районе при взлете корабля с полным грузом должна быть не больше десяти миль в час. Кроме того, эти деревья необходимо срубить.

Завотл бросил короткий взгляд от своего поста за плетеным столиком.

— Уже записываю, капитан.

Илвен, молодой еще человек, имел вытянутый череп и плотно прижатые к нему уши, он постоянно хмурился и был дотошным и привередливым, как дряхлый старик. Завотл побывал

в нескольких тренировочных полетах и уже мог называться ветераном.

Толлер оглядел гондолу, проверяя, все ли в порядке. Вечно страдающий и бледный механик Рилломайнер сгорбился на мешках с песком в пассажирском отсеке. Техник по такелажу Рил Фленн сидел высоко на перилах гондолы, как лесной зверек на ветке, и деловито укорачивал привязь на одной из свободно висящих стартовых стоек. У Толлера похолодело в животе, когда он увидел, что Фленн не закрепил на перилах личный трос.

— Ты что, спятил, Фленн! — воскликнул он. — Сейчас же прикрепи трос.

— Без него удобнее, капитан. — Лицо техника с бусинками глаз и носом-пуговкой озарилось улыбкой. — Я не боюсь высоты.

— Хочешь, чтобы тебе было чего бояться? — Толлер сказал это учтиво, почти мягко, но улыбка Фленна сразу увяла, и он защелкнул карабин, прикрепив свой трос к перилам из бракки. Толлер отвернулся, пряча улыбку. Спекулируя на своем карликовом росте и забавной внешности, Фленн привык нарушать дисциплину; проступок, за который обычный человек получил бы взыскание, Фленну сходил с рук. Но специалист он был

классный, и Толлер с радостью принял его в свою команду. Кроме того, Толлер, с высоты своего жизненного опыта, сочувствовал бунтовщикам и неудачникам.

Корабль продолжал уверенно подниматься над западными пригородами Ро-Атабри. Противоптертовые экраны нарушили знакомые очертания столицы, опутав город своими сетями. Но Залив и бухта Арл не изменились с тех пор, как Толлер видел их в детстве на воздушных экскурсиях. Их родная синь скрывалась у горизонта в багровой дымке, а над горизонтом, бледные в дневном свете, горели девять звезд Дерева.

Толлер разглядел внизу Большой Дворец и подумал: наверно, король Прад стоит сейчас у окна и смотрит вверх, на это шаткое сооружение из ткани и дерева, о котором когда-нибудь будут вспоминать грядущие поколения.

Король стал, по существу, затворником с тех пор, как наделил сына абсолютной властью. Некоторые утверждали, что Прад болен, другие — что он не хочет прокрадываться подобно затравленному зверю по закупоренным улицам собственной столицы.

Глядя на уплывающий вниз Мир, Толлер удивлялся, что почти ничего не чувствует. Похоже, с

первым шагом по дороге высотой в пять тысяч миль к Верхнему Миру он оборвал путы прошлого. Сможет ли он достичь планеты-сестры и начать там новую жизнь — это дело будущего, а в настоящем его мир должен ограничиться небесным кораблем. Двадцать дней всей его вселенной будет микрокосм гондолы шириной в четыре больших шага, и все другие заботы для него исчезнут.

Размышления Толлера внезапно оборвались, когда он заметил, что на фоне белых облачных перьев к северо-западу от корабля плывет красная точка.

— Рилломайнер, поднимайся, — скомандовал он. — Пора тебе начать отрабатывать жалованье за полет.

Механик встал и вышел из пассажирского отсека.

— Простите, капитан, этот взлет повлиял на мой желудок.

— Если не хочешь, чтобы тебе действительно стало плохо, становись к пушке. К нам, кажется, скоро пожалует посетитель.

Рилломайнер выругался и начал пробираться к ближайшей пушке. Завотла и Фленна понукать не пришлось — они уже стояли на местах. На

каждом углу гондолы были установлены по два противоптертовых орудия. Стволы их сделали из тонких полос бракки, свернутых в трубки и скрепленных стеклянными шнурами и смолой. Под каждой пушкой имелись стеклянные энергокапсулы и магазины с запасом снарядов новейшего типа: пучок деревянных лезвий на шарнирах, который в полете разворачивался. Снаряды требовали большей точности стрельбы, чем прежние метательные орудия, но это компенсировалось увеличением дальности.

Толлер остался у рычага и регулярно посылал в баллон залпы, поддерживая скорость подъема. Одинокая птерта не так уж встревожила его, скорее он хотел расшевелить Рилломайнера. Насколько известно, вдали от жертвы шары плыли с потоками воздуха и начинали двигаться горизонтально по своей воле только около человека. Оставалось загадкой, что давало им толчок на последних ярдах. По одной из теорий, птерта на этой стадии уже начинала разрушаться — в точке, наиболее удаленной от жертвы, появлялось отверстие, и выброс внутренних газов подталкивал птерту до дистанции поражения, а потом она лопалась, выпуская заряд ядовитой пыли. Но все это оставалось предположением, ибо изучить

птерту с близкого расстояния было невозможно.

Сейчас шар плыл в четырехстах ярдах от корабля и скорее всего на этом расстоянии должен был остаться, так как и корабль, и птерту нес один и тот же воздушный поток. Однако Толлер знал, что в вертикальном направлении птерты умеют управлять своим движением. Наблюдения в калиброванные телескопы показывали, что птерта поднимается и опускается, увеличиваясь или уменьшаясь, то есть меняя плотность.

Толлера заинтересовал этот эксперимент, он мог пригодиться для переселенческого флота.

— Следи за ней, — сказал он Завотлу, — кажется, она держится на одном уровне с нами. Значит, ощущает нас даже на таком расстоянии. Я хочу выяснить, на какую высоту она способна подняться.

— Хорошо, капитан. — Завотл взял бинокль и стал наблюдать за птертой.

Толлер оглядел свои небольшие владения и попытался представить себе, насколько тесными они покажутся при полном комплекте — двадцать человек на борту. Для пассажиров отвели два узких отсека, расположенных, для равновесия, на противоположных сторонах гондолы. Их ограничивали перегородки высотой по грудь. В

каждый отсек засунут по девять человек, они не смогут ни полежать толком, ни прогуляться и к концу путешествия, надо думать, будут порядком измучены.

В одном из углов гондолы разместился камбуз, а в противоположном по диагонали углу — примитивный туалет; по сути, просто дыра в полу плюс небольшие санитарные удобства.

В центре вокруг отсека с горелкой и обращенным вниз реактивным двигателем располагались четыре места для членов экипажа.

Все оставшееся пространство заполняли емкости с пиконом и халвеллом, тоже размещенные на противоположных сторонах гондолы, а между ними — запасы воды, еды и рундуки с инструментами.

Толлер представил себе, в какой скудости, нищете и убожестве будут происходить межпланетные путешествия, как и многие другие славные исторические подвиги. Они превратятся в испытание физической и душевной стойкости, которое выдержат отнюдь не все.

В отличие от тесной гондолы верхняя часть небесного корабля была огромной и почти бесплотной. Оболочка состояла из полотняных секций, окрашенных в темно-коричневый цвет,

чтобы поглощать солнечное тепло и тем самым приобретать дополнительную подъемную силу. Но когда Толлер смотрел в открытую горловину, он видел сквозь ткань пылающий свет. Горизонтальные и вертикальные черные ленты оплетки и швы выглядели как сетка на глобусе и подчеркивали округлость огромного баллона. Самый верх венчал легкий купол; трудно было представить себе, что его сработали ткачи и строчильные машины.

Устойчивость и ровный подъем корабля удовлетворили Толлера, и он приказал втащить четыре стартовые стойки и закрепить их нижние концы в углах гондолы. Фленн выполнил задачу в пять минут, придав системе «баллон — гондола» некоторую конструктивную жесткость, которая понадобится, чтобы выдержать небольшие нагрузки при работе тягового или боковых реактивных двигателей.

Возле места пилота за крюк был зацеплен красный канат, который через весь баллон тянулся к макушке. Этим канатом полагалось оторвать легко отделяющуюся верхнюю секцию оболочки. Такая необходимость могла возникнуть во время посадки при сильном ветре. Кроме того, он служил примитивным указателем скорости

подъема. Сильный встречный поток воздуха сплющивал баллон, и натяжение отрывного каната ослабевало. Толлер пощупал веревку и оценил скорость подъема в двенадцать миль в час. Подъему помогало еще то, что маглайн, даже холодный, легче воздуха. Позже, когда корабль войдет в зону разреженного воздуха и низкой гравитации, Толлер собирался удвоить скорость с помощью реактивного двигателя.

После тридцати минут полета корабль прекратил дрейф на восток и поднялся выше пика горы Опелмер. На юге до горизонта простиралась провинция Кейл; сады и поля фермеров блестели как мозаика из разноцветных кубиков и полос шести оттенков от желтого до зеленого. На западе лежало море Отолан, а на востоке — океан Мирлгивер, на их изогнутых голубых просторах белели паруса кораблей. Светло-коричневые скалы Горного Колкоррона громоздились на севере; перспектива сжала хребты и долины. Далеко внизу, как крошечные овальные жемчужины, сверкали несколько дирижаблей, ползущих по торговым трассам.

Лицо Мира с высоты шести миль казалось безмятежным и прекрасным до слез. Но панорама, залитая ласковым солнечным светом, на

самом деле представляла собой поле боя, страну, где человечество проиграло в смертельном поединке. Об этом говорило лишь относительно малое количество парусных судов и воздушных кораблей.

В задумчивости Толлер нащупал странный тяжелый предмет, подарок отца, и по привычке погладил большим пальцем блестящую поверхность. Он подумал: сколько еще веков понадобилось бы людям при нормальном ходе истории, чтобы решиться полететь на Верхний Мир? И решились бы они вообще, если бы не надо было бежать от птерты? При мысли о давнем беспощадном враге Толлер обернулся и посмотрел, где находится шар, который он обнаружил. Шар держался все на том же расстоянии, но, что важнее, он и поднимался с той же скоростью, что и корабль. Не доказывало ли это, что птерта обладает целеустремленностью и разумом? И почему, если так, всю свою враждебность птерта направила против человека? Почему остальные обитатели Мира, кроме гиббонов Сорки, иммунны к птертозу?

Завотл, словно почувствовал, что капитан опять заинтересовался шаром, опустил бинокль и сообщил:

— Она, похоже, увеличилась.

Толлер поднес бинокль к глазам и всмотрелся в багрово-черную кляксу, но она оказалась настолько прозрачной, что определить ее контуры не удавалось.

— Трудно сказать.

— Скоро малая ночь, — заметил Завотл. — Мне не хочется, чтобы эта тварь ошивалась рядом с нами в темноте.

— Она не сможет подплыть. Корабль почти такой же круглый, как она, и поперечный ветер действует на нас одинаково.

— Надеюсь, вы правы, — мрачно ответил Завотл.

Рилломайнер оглянулся с поста у пушки и сказал:

— Капитан, мы с рассвета не ели. — Этот бледный, низенький и толстый молодой человек славился своим аппетитом. Он поглощал даже самую грубую пищу, и говорили что с начала нехватки продовольствия он поправился, поскольку подбирал всю некачественную еду, от которой отказывались сослуживцы.

Держался он робко, но был хорошим механиком и гордился своим мастерством.

— Рад слышать, что твой желудок пришел

в норму, — сказал Толлер. — Мне не хочется думать, что я навредил ему своим неумелым пилотажем.

— Я не собирался критиковать ваш взлет, капитан, просто желудок у меня слабый.

С преувеличенным сочувствием Толлер пощелкал языком и посмотрел на Фленна.

— Этого мужчину надо накормить, пока он не зачах.

— Мигом, капитан! — Фленн вскочил, рубашка разошлась у него на груди, и из-за пазухи выглянула голова карбла в зеленую полоску. Фленн поспешно закрыл пушистое существо ладонью и затолкал обратно в тайное убежище.

— Это еще что? — прогремел Толлер.

— Ее зовут Тинни, капитан. — Фленн вытащил карбла из-за пазухи и взял на руки. — Мне не с кем было ее оставить.

Толлер безнадежно вздохнул:

— У нас научная экспедиция, а не… Ты понимаешь, что любой командир выбросил бы твою зверушку за борт?

— Клянусь, она не доставит нам хлопот, капитан!

— Надеюсь. А теперь приготовь поесть.

Фленн просиял. Он ловко, как обезьянка, про-

брался в камбуз и принялся готовить первую трапезу.

Он был так мал ростом, что плетеная перегородка, которая остальным доставала до груди, скрыла его полностью.

Между тем Толлер решил увеличить скорость подъема. Он удлинил время залпов с трех секунд до четырех и дождался, пока баллон над головой на это отреагирует. Прошло несколько минут, и дополнительная подъемная сила преодолела инерцию многих тонн газа в оболочке. Натяжение отрывного каната заметно ослабло.

Удовлетворившись новым темпом подъема — восемнадцать миль в час, — Толлер постарался привыкнуть к ритму работы горелки: четыре секунды действия и двадцать секунд перерыва. Теперь он должен жить в этом ритме и чувствовать его малейшее нарушение даже во сне, когда Завотл сменит его у рычага.

Фленн подал еду: приготовленная из ограниченных запасов свежих продуктов, она все же оказалась вкуснее, чем думал Толлер. Это были ломтики достаточно постного мяса в соусе, бобы и жареные блинчики с горячим зеленым чаем. На время еды Толлер выключил горелку, и корабль в тишине плыл вверх по инерции. Тепло от черной

камеры сгорания смешивалось с приятными запахами из камбуза, и гондола превратилась в уютный домашний очаг в лазурной пустоте.

Посреди трапезы с востока накатила малая ночь. Друг за другом пробежали все цвета радуги, а за ними наступила полная темнота, и когда глаза привыкли, небеса вокруг ожили и засверкали.

В необычных условиях пышно расцвел дух товарищества. Летчики интуитивно поняли, что отныне они друзья на всю жизнь, и сейчас каждый анекдот был интересным, любая похвальба — правдоподобной, любая шутка — остроумной. И даже когда они наконец наговорились и замолчали, дух дружбы витал над ними, и они понимали друг друга без слов.

Толлер из-за своего положения командира держался несколько обособленно, но и он был сердечен. Сидя так, что край борта находился на уровне глаз, он видел лишь таинственное свечение развернутых вееров комет, а еще звезды, звезды и звезды. Единственным звуком было поскрипывание веревок, а единственным движением — метеоры, чертившие на черной доске ночи свои быстро тающие письмена.

Толлер с легкостью представил себе, что плывет к путеводной звезде в глубины вселенной, и

внезапно затосковал по женщине, по женскому теплу, которое придало бы особый смысл путешествию. Хорошо бы в этот момент рядом оказалась Фера. Впрочем, она вряд ли поняла бы его. Сюда бы такую женщину, которая почувствует и углубит мистический настрой. Кого-нибудь вроде…

В воображении Толлер протянул руку к желанной и на секунду с потрясающей реальностью ощутил прикосновение к худенькому телу Джесаллы Маракайн. Смущенный и взволнованный, он вскочил, и гондола качнулась. Еле видный Завотл спросил из темноты:

— Что случилось, капитан?

— Ничего. Просто свело ногу. Садись теперь ты к горелке. Держи четыре на двадцать.

Толлер подошел к борту и облокотился о перила.

«Что это со мной? — думал он. — Лейн сказал, что я играю роль, но как он узнал? Новый, хладнокровный и невозмутимый Толлер Маракайн, который слишком много испытал на своем веку… который свысока смотрит на принцев… которого не страшит пропасть между планетами… и который только оттого, что жена брата однажды коснулась его руки, мечтает о ней, как подросток! Выходит, проницательный Лейн разглядел, что я

предал его? Потому и накинулся на меня?»

Внизу под кораблем лежала кромешная тьма, как будто все человечество уже покинуло Мир, но пока Толлер вглядывался во тьму, на западе у горизонта появились полосы красного, зеленого и фиолетового огня. Сияя все ослепительнее, они расширились, и вдруг со скоростью, от которой замирало сердце, всю планету пересекла полоса чистого света, осветив океаны и сушу до мельчайших деталей. Когда терминатор домчался до корабля и, окунув его в резкий солнечный свет, устремился на восток, Толлер чуть не отшатнулся в ожидании удара. Столб тени Верхнего Мира завершил ежедневный проход по Колкоррону, и Толлер очнулся от своих грез.

«Не беспокойся, дорогой брат, — подумал он. — Я даже в мыслях ни за что не предам тебя. Никогда!»

Возле горелки встал Илвен Завотл и посмотрел на северо-запад.

— Что скажете о нашей птерте, капитан? Она распухла или приблизилась? Или и то, и другое?

— Может, немного приблизилась, — ответил Толлер, радуясь, что есть повод переключиться на внешний объект. Он сфокусировал бинокль на птерте. — Ты чувствуешь, что корабль припля-

сывает? Наверно, после малой ночи перемешиваются теплые и холодные потоки. Может, от этого птерта и подплыла поближе.

— Она держится на одном уровне с нами, хотя мы изменили скорость подъема.

— Да. Мне кажется, мы нужны ей.

— Я знаю, что нужно мне! — объявил Фленн. Он проскользнул мимо Толлера к туалету. — Я намерен стать первым испытателем сверхканализации. Надеюсь, все приземлится на старика Пьюхилтера.

Пьюхилтером звали начальника, которого летные техники ЭЭНК не любили за мелочное тиранство. Рилломайнер одобрительно хмыкнул.

— В кои-то веки у него будет реальный повод поворчать.

— А вот когда пойдешь ты, им придется эвакуировать весь Ро-Атабри.

— Смотри не провались в дыру, — предупредил Рилломайнер, уклоняясь от обсуждения особенностей его диеты. — Она не рассчитана на лилипутов.

Толлер ничего не сказал по поводу их пикировки. Он знал, что они испытывают его, хотят проверить, какой стиль командования он изберет. Если придерживаться полетных инструкций,

следовало ликвидировать малейшее подтрунивание в команде, не говоря уж о грубости, но Толлер заботился лишь о добросовестной работе, стойкости и преданности экипажа. Часа через два корабль окажется на высоте, которой достигал только полумифический Юсейдер пять веков назад, и вступит в неизведанную область. Толлер понимал, что группе отважных путешественников понадобится вся взаимопомощь, какую только люди могут оказать друг другу. И потом, с тех пор как все узнали об утилитарной конструкции небесного корабля, на эту же тему и среди офицеров давно уже ходило множество непристойных шуток. Он и сам посмеивался над тем, как часто наземный персонал напоминал, чтобы они не пользовались туалетом, пока преобладающие западные ветры не отнесут корабль подальше от базы…

Птерта лопнула неожиданно. Только что Толлер смотрел на разбухший шар, и вот он уже внезапно исчез, и даже пятен пыли, по которым можно определить место, где летела птерта, не было видно, так как отсутствовал контрастный фон. Хотя Толлер знал, что смог бы отразить угрозу, он удовлетворенно кивнул. В первую ночь на небесах и так предстоял весьма неспокойный сон,

а надо было еще думать о воздушных потоках, которые могли занести опасного врага в пределы зоны поражения.

— Отметь, что птерта без видимых причин лопнула, — продиктовал он Завотлу и, развеселившись, добавил: — Запиши, что это случилось примерно через четыре часа после подъема, как раз, когда Фленн воспользовался туалетом… хотя, возможно, эти события и не связаны между собой.

Толлер проснулся вскоре после рассвета от оживленного спора в центре гондолы. Он встал на колени на мешках с песком и потер руки, не понимая, холодно ли вообще, или он мерзнет со сна. Пульсирующий рев горелки так досаждал, что ему удалось только чуть подремать, и теперь он чувствовал, что почти не отдохнул, как будто всю ночь дежурил[1].

Он прополз на четвереньках к проему пассажирского отсека и оглядел свой экипаж.

— Вы только посмотрите, капитан, — поднимая свою вытянутую голову, воскликнул Завотл, —

---

[1] Примечания: 1

Нетрудно рассчитать, что путешественники уже достигли высоты в 350 миль и продолжительность ночи упала с 12 часов до 8. Таким образом, рассвет наступил для Толлера на 2 часа раньше обычного — оттого он и не выспался. — Примеч. пер.

измеритель высоты действительно работает!

Толлер спустил ноги на узкий участок пола и пробрался к месту пилота, где возле Завотла стояли Фленн и Рилломайнер. Там находился миниатюрный столик с измерителем высоты. Прибор представлял собой вертикальную шкалу, к верхней части которой на тонкой, как волос, пружинке из стружки бракки подвесили грузик. Прошлым утром в начале полета грузик находился напротив нижнего деления шкалы, а теперь поднялся на несколько делений. Толлер внимательно осмотрел прибор.

— Никто с ним не забавлялся?

— К нему никто не прикасался, — заверил Завотл. — Выходит, все, что нам говорили, правда. Все становится легче с подъемом! Мы становимся легче!

— Как и ожидалось, — сказал Толлер. Он не хотел признаваться, что в глубине души не верил этой теории даже после подробных объяснений Лейна, который устраивал брату частные консультации.

— Да ведь тогда дня через три-четыре мы вообще ничего не будем весить и сможем плавать по воздуху как… как… птерта! Капитан, все правда!

— Какую высоту он показывает?

— Триста пятьдесят миль, и это вполне соответствует нашим расчетам.

— Я не чувствую никаких изменений, — сказал Рилломайнер. — По-моему, просто пружинка подтянулась.

Фленн кивнул.

— Я тоже[2].

Толлер пожалел, что некогда приводить в порядок свои мысли. Он подошел к борту, и при виде Мира у него закружилась голова. Такой планету еще никто не видел — огромная, круглая, выпуклая, наполовину темная, наполовину покрытая искрящимся голубым океаном и окрашенными в нежные тона континентами и островами.

«Если бы вы поднимались из центра Хамтефа, вы летели бы в открытый космос, и все было бы по-другому, — повторял голос Лейна у Толлера в голове. — Но при путешествии между двумя планетами вы вскоре достигнете средней зоны — вообще-то она немного ближе к Верхнему Миру, чем к Миру, — и там гравитационные притяжения двух планет взаимно уничтожаются. В нормальных условиях гондола тяжелее баллона, и корабль обладает устойчивостью маятника.

---

[2] Примечания: 2

Уменьшение веса на данной высоте составило 30 %, но в качающейся гондоле скептик может этого и не заметить. — Примеч. пер.

Но когда ни баллон, ни гондола не имеют веса, корабль станет неустойчивым, и, чтобы управлять его положением, вам надо будет запустить боковые реактивные двигатели».

Толлер понял, что мысленно Лейн уже совершил этот полет, и все, что он предсказал, случится. Правда, они вступали в неизведанную область, но интеллект Лейна Маракайна и ему подобных уже определил дорогу, и им следовало доверять…

— Будь внимателен, а то собьешься с ритма горелки, — бросил Толлер Завотлу. — И не забывай четыре раза в день проверять показания измерителя высоты по видимому диаметру Мира.

Затем Толлер обратил взор на Рилломайнера и Фленна.

— И зачем только эскадрилья дала себе труд посылать вас на специальные курсы? Жесткость пружинки не изменилась. По мере подъема мы теряем вес. А станете спорить, я здесь живо наведу дисциплину. Ясно?

— Да, капитан.

Они ответили хором, но в глазах Рилломайнера Толлер подметил тревогу и подумал, не расклеится ли механик от надвигающейся невесомости.

«Для того и предназначен испытательный по-

лет, — напомнил он себе. — Мы испытываем не только корабль, но и людей».

К ночи грузик на измерителе высоты поднялся почти до середины шкалы. Эффекты уменьшения гравитации стали очевидными, и споры на эту тему прекратились.

Когда роняли небольшой предмет, он падал на пол гондолы очень медленно; и все члены экипажа сообщили о странном ощущении в животе — точно при падении. Два раза Рилломайнер просыпался в панике, с криком, и потом объяснял: мол, был уверен, что падает.

Толлер тоже заметил, что двигаться стало легко, как во сне, и ему пришло в голову, что надо посоветовать экипажу не отстегивать тросов. Его мутило от мысли, что одно резкое движение, и человек может вылететь из гондолы.

Он заметил также, что, несмотря на уменьшение веса, корабль поднимается медленнее. Этот эффект тоже был предсказан — как результат уменьшения разности веса горячего газа в баллоне и атмосферы снаружи. Чтобы не снижать скорость подъема, он перешел на рабочий ритм четыре-шестнадцать. Пиконовые и халвелловые загрузочные воронки на горелке все чаще приходилось пополнять, и хотя топлива запасли

достаточно, Толлер начал задумываться о том, что произойдет на высоте тринадцати сотен миль. В этой точке вес корабля, убывая пропорционально квадрату расстояния, составит всего четверть нормального, и экономичнее будет перейти на реактивную тягу, пока они не пройдут зону нулевой гравитации.

Необходимость объяснять каждое действие и событие сухим языком математики, науки и техники противоречила натуре Толлера: он предпочитал подолгу стоять, облокотившись о перила гондолы, и, замерев, благоговейно взирать на окружающее. Прямо над ним находился Верхний Мир, но его закрывала громада баллона, а родная планета далеко внизу постепенно скрывалась в дымке, знакомые очертания расплывались в тысячемильном слое воздуха.

На третий день полета небо наверху и внизу еще сохраняло нормальный цвет, но по бокам гондолы во всех направлениях стало темно-синим, сверкая все большим числом звезд.

Когда Толлер впадал в транс во время ночных дежурств, разговоры членов экипажа и даже гул горелки исчезали из его сознания, он оставался один во вселенной, один владел всеми ее сверкающими сокровищами. Однажды ночью, стоя на

месте пилота, он увидел, как по небу ниже корабля чиркнул метеор. Небесное тело прочертило огненную прямую из бесконечности в бесконечность, а через несколько минут послышался одиночный низкий раскат— глухой и траурный; корабль качнулся вверх-вниз, и кто-то из спящих издал недовольное бормотание. Однако наутро Толлер, побуждаемый некой духовной жадностью, скрыл от товарищей это событие.

Подъем продолжался, Завотл вел подробные записи, в которых отмечал многие физиологические эффекты.

На вершине высочайшей горы Мира не обнаружилось ощутимого падения атмосферного давления, но во время предварительных вылазок на воздушных шарах некоторые участники сообщали, что чувствовали разреженность воздуха, и у них возникала одышка. Эффект признали слабым, и по самым тщательным научным оценкам выходило, что атмосфера простирается достаточно далеко, чтобы поддержать жизнь между Миром и Верхним Миром, но это предположение следовало проверить.

И вот на третий день Толлер почти с облегчением ощутил, что дышать стало труднее — еще одно подтверждение тому, что проблемы полета

предсказаны точно. Но другой неожиданный феномен его совсем не радовал: Толлер мерз уже некоторое время, но как-то не обращал на это внимания. Теперь, однако, вся команда в гондоле стала почти непрерывно жаловаться на холод, и напрашивался вывод: по мере набора высоты окружающий воздух становился заметно холоднее.

Ученые ЭЭНК, включая Лейна, считали, что в разреженном воздухе солнечные лучи будут меньше рассеиваться, и температура повысится, однако они ошиблись. Толлер, уроженец Колкоррона, никогда не сталкивался с настоящим суровым холодом и, не задумываясь, отправился в межпланетный вояж в рубашке, бриджах и жилете-безрукавке. Теперь он все больше и больше страдал от холода, и его обескураживала мысль, что, может быть, полет придется прервать из-за отсутствия тюка шерсти.

Он разрешил команде надеть под форму всю запасную одежду, а Фленну— заваривать чай по первому требованию. Последнее, вместо того чтобы облегчить ситуацию, привело к серьезным конфликтам. Рилломайнер упорно утверждал, что Фленн, то ли назло, то ли от неумения, заваривает чай до того, как вода по-настоящему

закипит, или же дает чаю остыть, а потом уж разливает. И только после того, как Завотл, тоже недовольный, проследил за процессом заваривания, правда выплыла наружу — вода закипала, не достигнув нужной температуры. Она была горячей, но не «как кипяток».

— Это открытие меня беспокоит, капитан, — сказал Завотл, описав событие в журнале. — Единственное объяснение, которое приходит мне в голову, — вода закипает при более низкой температуре оттого, что становится легче. И если так, что станет с нами, когда все потеряет вес? У нас что, слюна во рту закипит? Мы начнем писать паром?

— Нам придется повернуть назад до того, как ты испытаешь подобные унижения, — сказал Толлер, своим тоном выражая недовольство плохим настроением Завотла, — но я не думаю, что до этого дойдет. Должна быть другая причина. Возможно, это связано с воздухом.

Завотл продолжал сомневаться.

— Не понимаю, как воздух может влиять на воду.

— И я не понимаю, поэтому не трачу время на бесполезные гипотезы, — отрезал Толлер. — Если тебе нечем занять мозги, следи внимательнее за

измерителем высоты. Он показывает, что мы уже на одиннадцати сотнях миль, а если это так, то мы весь день серьезно недооценивали скорость подъема.

Завотл оглядел прибор, пощупал отрывной канат и заглянул в баллон, внутри которого с приближением сумерек становилось туманно и темно.

— Это как раз может иметь связь с воздухом, — сказал он. — По-моему, вы открыли, что разреженный воздух меньше давит на верхушку шара при движении, и от этого кажется, что мы идем медленнее, чем на самом деле. Толлер обдумал это предположение и улыбнулся.

— Это придумал ты, а не я, так что в записях припиши заслугу себе. Думаю, в следующем полете ты будешь старшим пилотом.

— Спасибо, капитан, — сказал Завотл с довольным видом.

— Ты этого заслуживаешь. — Толлер коснулся плеча Завотла, выразив молчаливым жестом поддержку второму пилоту. — На теперешней скорости мы пройдем отметку тринадцати сотен миль к рассвету. Тогда дадим отдых горелке и посмотрим, как корабль управляется реактивными двигателями.

Позже, укладываясь поспать на мешках с песком, Толлер вспомнил этот разговор и осознал причину скверного настроения, которое он сорвал на Завотле. Непредвиденные явления накапливались. Холод, странное поведение воды, обманные показания скорости. Он все больше убеждался, что слишком доверился предсказаниям ученых. В частности, Лейн вышел не прав уже в трех случаях, а если даже неукротимый интеллект брата оказался побежденным так скоро, то что же еще ждет их на пороге неизведанного?

Наивно было полагать, что испытательный полет пройдет гладко, и Толлер, организовав на Верхнем Мире колонию, заживет счастливой и полной жизнью со своими близкими. Теперь, трезво размышляя, он осознал, что судьба приготовила им много неприятных сюрпризов, и некие события произойдут независимо от того, может он или нет сейчас себе их представить.

Как-то внезапно мрачные тучи неопределенности заволокли грядущее.

«И в новой жизни, — подумал Толлер, проваливаясь в сон, — нужно научиться объяснять новые явления в повседневных мелочах… степень провисания веревки… пузыри в кастрюле с водой… скупые знаки… предупреждения шепотом, еле

слышные...»

К утру измеритель высоты показал четырнадцать сотен миль, а его вторая шкала указывала, что гравитация уже составляет лишь четверть нормальной.

Ощущение легкости удивило Толлера, и для проверки он подпрыгнул, но тут же зарекся не повторять этот опыт. Он взлетел гораздо выше, чем ожидал, и на мгновение ему показалось, что он повис в воздухе и вот-вот расстанется с кораблем навсегда. Открытая гондола с бортами высотой по грудь была непрочным сооружением, а спаренные стойки и плетеные стенки между отсеками совершенно не внушали доверия. И Толлер, пока висел, очень живо представил себе, что случилось, если бы, опустившись, он проломил пол гондолы и погрузился в разреженный голубой воздух в четырнадцати сотнях миль над поверхностью Мира.

Он, наверно, долго падал бы, очень долго, и ему нечем было бы заняться, только наблюдать, как внизу жадно разворачивается планета. Тут и самый смелый человек закричит от ужаса...

— Капитан, похоже, что за ночь мы потеряли изрядную долю скорости, — сказал Завотл с места пилота. — Отрывной канат сильно натянут, хотя,

конечно, на него больше нельзя полагаться.

— Все равно пора переключаться на реактивный двигатель, — ответил Толлер. — Отныне до самого переворота горелку будем зажигать только для того, чтобы держать надутым баллон. Где Рилломайнер?

— Здесь, капитан. — Механик появился из другого пассажирского отсека. Толстячок согнулся пополам, цеплялся за перегородки и не отрывал глаз от пола.

— Что с тобой, Рилломайнер? Тебе плохо?

— Я здоров, капитан. Я только… просто… не хочу выглядывать из гондолы.

— Почему?

— Не могу, капитан. Я чувствую, меня так и тянет за борт. Мне кажется, я уплыву.

— Ты понимаешь, что это ерунда? — Потом Толлер вспомнил мгновение своего детского страха и сменил тон. — Твое состояние не отразится на работе?

— Нет, капитан. Работа лечит.

— Хорошо! Тщательно осмотри главный и боковые реактивные двигатели и убедись, что взаимодействие кристаллов происходит гладко. Мы сейчас не можем позволить себе качку.

Рилломайнер отсалютовал полу и побрел ис-

кать свои инструменты. Пока он проверял органы управления — некоторые были общими у горелки и обращенного вниз тягового двигателя, — Толлер получил передышку от изматывающего ритма горения.

Фленн приготовил на завтрак кашу-размазню, перемешанную с маленькими кубиками соленой свинины. Он все время жаловался на холод и на то, что в камбузе трудно поддерживать огонь, но немного воспрял духом, узнав, что Рилломайнер есть не собирается, и для разнообразия вместо сортирного юмора обстрелял механика шутками по поводу опасности зачахнуть с голоду.

Фленн продолжал гордиться тем, что не боится высоты, на него, казалось, не производило впечатления иссушающее душу пространство, которое мерцало сквозь щели в опалубке. В конце завтрака, чтобы подразнить несчастного Рилломайнера, он уселся на борт гондолы, небрежно держась рукой за стартовую стойку. Хотя Фленн и привязался, от зрелища сидящего на краю на фоне неба техника у Толлера похолодело в животе. Он выдержал лишь несколько минут и приказал Фленну слезть.

Рилломайнер закончил работу и уполз на мешки с песком, а Толлер занял место пилота. Он

опробовал реактивную тягу, включая двигатель на две секунды и изучая затем, как это повлияло на баллон. При каждом толчке оснастка и оборудование поскрипывали, но оболочка реагировала гораздо слабее, чем при испытательных залпах на малой высоте. Это вдохновило Толлера, и он стал варьировать промежутки времени. В конце концов он остановился на ритме два на четыре. Этот ритм обеспечивал почти постоянную, но не особенно высокую скорость. Короткий залп горелки один раз в две-три минуты поддерживал давление в баллоне, при том что корабль не слишком энергично буравил атмосферу своей верхушкой.

— Корабль хорошо слушается, — сказал Толлер Завотлу, который усердно строчил в журнале. — Похоже, у нас с тобой будет небольшая передышка до наступления нестабильности.

Завотл кивнул:

— Уши тоже отдохнут.

Толлер согласился. Залп реактивного двигателя продолжался дольше, чем залп горелки, при этом газ не направлялся в гулкую камеру баллона и издавал звук на полтона ниже и не такой назойливый, быстро поглощаемый окружающим безмолвием. Корабль вел себя послушно, все шло

согласно плану, и Толлер мало-помалу решил, что ночные тревоги были только признаком растущей усталости. Он уже мог сосредоточиться на невероятной мысли, что, если все пойдет хорошо, другую планету удастся увидеть вблизи через каких-то семь-восемь дней. Небесный корабль не мог опуститься на Верхний Мир; для этого надо было оторвать панель на верхушке баллона, а средств для того, чтобы восстановить ее и вновь надуть баллон, не было, так что корабль не смог бы вернуться. Но они должны пролететь в нескольких ярдах от планеты-сестры и выяснить как можно больше относительно тамошних условий.

Тысячи миль воздуха, разделявшие планеты, мешали астрономам, и они не много могли сообщить — разве только то, что на видимом полушарии растянулся экваториальный континент.

Всегда считалось, отчасти по религиозным соображениям, что Верхний Мир похож на Мир; но все-таки оставалась вероятность, что он непригоден для жизни из-за каких-нибудь особенностей, которые нельзя разглядеть в телескоп.

Имелось еще одно опасение, символ веры для церкви и тема дискуссий для философов: что

Верхний Мир уже населен.

Интересно, какими должны оказаться его обитатели? Строят ли они города? И что они сделают, увидев спускающийся с неба флот чужих кораблей?

Размышления Толлера прервал холод, который за считанные минуты резко усилился. К Толлеру подошел Фленн со своим карблом за пазухой. Коротышка дрожал, лицо его посинело.

— Убийственный мороз, капитан, — сказал техник, пытаясь выдавить улыбку, — он внезапно усилился.

— Ты прав, — ответил Толлер. Его поразила тревожная мысль, что они пересекли невидимую линию опасности в атмосфере, но тут его осенило. — Мы ведь выключили горелку, а нас согревал обратный поток маглайна!

— Да. И воздух, обтекавший горячую оболочку, тоже, — добавил Завотл.

— Проклятие! — Толлер прищурился на геометрический узор баллона. — Значит, нам придется накачать туда побольше тепла. Пурпурных и зеленых у нас много, с этим порядок, но позже возникнет проблема.

— При спуске. — Завотл мрачно кивнул.

Толлер кусал губы: он снова столкнулся с труд-

ностями, не предусмотренными учеными ЭЭНК. Снизиться воздушный шар мог только, сбросив тепло, а оно неожиданно оказалось жизненно важным для экипажа. Кроме того, при спуске воздух, который сейчас обтекал шар, будет сначала обдувать гондолу и унесет остатки тепла. Перед ними стояла перспектива долгих холодных дней и реальная угроза замерзнуть насмерть.

Предстояло решать дилемму.

От испытательного полета зависело очень много, но следовало ли отсюда, что нужно продолжать полет, невзирая на риск перейти неощутимую грань, за которой нет возврата. Или высший долг, наоборот, состоит в том, чтобы проявить благоразумие и повернуть назад, сохранив клад так трудно доставшихся знаний.

Толлер обратился к Рилломайнеру, который в своей обычной позе лежал в пассажирском отсеке:

— Пришло твое время! Ты хотел занять мозги, так вот тебе задача. Найди способ отвести часть тепла от выхлопа двигателя в гондолу.

Механик заинтересовался и сел.

— Как же это сделать, капитан?

— Не знаю. Придумывать такие вещи — твое дело. Возьми лопату, ковш или что там у тебя

есть и начинай немедленно. Мне надоело, что ты разлегся как супоросая свинья.

Фленн просиял:

— Разве можно так разговаривать с нашим пассажиром, капитан?

— Ты тоже слишком много времени просиживаешь на заднице, — сказал Толлер. — У тебя в мешке есть иголки и нитки?

— Так точно, капитан. Иглы большие и маленькие, а ниток и шпагата столько, что можно оснастить парусное судно.

— Тогда начинай высыпать песок из мешков, и сшей из мешковины какие-нибудь балахоны. Еще нам нужны перчатки.

— Положитесь на меня, капитан. Я всех одену как королей. — Очень довольный тем, что может сделать что-то нужное, Фленн запихал карбла поглубже под одежду, подошел к своему рундуку и, насвистывая, начал рыться в его отделениях.

Толлер немного понаблюдал за ним, потом повернулся к Завотлу, который дул себе на руки, чтобы не замерзли.

— Ты все еще беспокоишься, как будешь облегчаться в условиях невесомости?

Взгляд Завотла сделался подозрительным.

— А в чем дело, капитан?

— У тебя, похоже, есть все шансы проверить, будет это пар или снег.

На пятый день полета незадолго до малой ночи прибор отметил 2600 миль и нулевую гравитацию.

Четверо путешественников сидели как прикованные на плетеных стульчиках вокруг энергоблока, протянув ноги к теплому основанию реактивной камеры. Тяжело дыша в морозном разреженном воздухе, они кутались в грубые одеяния из бурых лохмотьев мешковины, под которыми скрылись и их человеческий облик, и трепетание грудных клеток. Единственное, что двигалось в гондоле, это облачка пара от дыхания, из которых тут же выпадали хлопья снега, а снаружи, в темно-синей бесконечности, мгновенно и беспорядочно соединяя звезды, мелькали метеоры.

— Вот мы и приехали, — нарушив долгое молчание, сказал Толлер. — Самое трудное позади, мы справились со всеми неприятными сюрпризами, которые нам подбросило небо, и остались в добром здравии. Я считаю, что по этому поводу будет уместно выпить.

После долгой паузы, когда казалось, что даже мысли летчиков окоченели, Завотл произнес:

— И все-таки я беспокоюсь о спуске, капитан, даже с обогревателем.

— Раз мы еще живы, можем продолжать полет. — Толлер посмотрел на обогреватель. Это устройство спроектировал и, при некоторой помощи Завотла, установил Рилломайнер. Оно состояло из S-образной сборки бракковых трубок, скрепленных стеклянным шнуром и огнеупорной глиной. Его верхний конец, загибаясь, входил в устье камеры сгорания, а нижний прикрепили к палубе позади места пилота. Небольшая доля каждого выброса из камеры отводилась по трубке, и волна горячего маглайна проходила через гондолу. Хотя во время спуска горелку предстояло использовать реже, Толлер полагал, что в два самых суровых дня у них будет достаточно тепла, чтобы выжить.

— Пора составить медицинский отчет, — сказал он Завотлу. — Кто как себя чувствует?

— Я по-прежнему все время ощущаю, что мы как будто падаем, капитан. — Рилломайнер держался за стул. — От этого меня тошнит.

— Упасть мы не можем, раз ничего не весим, — резонно заметил Толлер, игнорируя дрожь в собственном животе. — Привыкай. А ты, Фленн?

— Я в порядке, капитан. Высота на меня не

действует. — Фленн погладил карбла в зеленую полоску, который сидел у него за пазухой, и только мордочка его выглядывала из разреза в хламиде. — Тинни тоже в порядке. Мы греем друг друга.

— Учитывая обстоятельства, мне, пожалуй, не так уж плохо. — Завотл, неуклюже двигая рукой в перчатке, записал все в журнал. — А про вас, капитан, я должен записать, что вы в приподнятом настроении? И в наилучшем здравии?

— Да, и никакие шпильки не заставят меня изменить решение — сразу после малой ночи я переворачиваю корабль.

Толлер знал, что второй пилот все еще цепляется за свою теорию, будто после прохождения точки нулевой гравитации с переворотом лучше подождать еще день, а то и больше. Он доказывал, что тогда они пройдут наиболее морозную область быстрее, и тепло, уходящее от баллона, тоже будет защищать от холода.

Толлеру эта идея нравилась, но он не имел права нарушать инструкции.

Лейн внушал ему: «Как только вы минуете среднюю точку, вас начнет притягивать Верхний Мир. Притяжение, сначала слабое, начнет быстро расти. Если вы еще увеличите это притяжение

тягой реактивного двигателя, конструктивная прочность корабля будет быстро превышена. Допускать этого ни в коем случае нельзя».

Завотл возражал, что ученые ЭЭНК не предвидели холод, угрожающий жизни, и еще не учитывали, что разреженный воздух на среднем отрезке пути создает меньшую нагрузку на оболочку, и, следовательно, максимальная безопасная скорость должна увеличиться. Но Толлер оставался непреклонным. Как капитан корабля он обладал большой властью и свободой в принятии решений, но не мог нарушить прямую директиву ЭЭНК.

Он не признавался, что на его решение повлияло и нежелание пилотировать корабль вверх ногами. Хотя во время подготовки к полету Толлер в душе не очень-то верил в невесомость, но понимал, что, как только корабль минует среднюю точку, он перейдет в гравитационные владения Верхнего Мира, и в определенном смысле путешествие завершится, поскольку — если не вмешается человек — на судьбу корабля родная планета больше влиять не будет. С точки зрения небесной физики они станут инопланетянами.

Толлер решил, что может позволить себе отложить переворот только до конца малой ночи.

За время подъема Верхний Мир, хотя баллон и закрывал его, постепенно увеличивал свой видимый размер, и, соответственно, увеличивалась малая ночь. Наступавшая малая ночь должна была продлиться три часа, и к ее исходу корабль начнет падать на планету-сестру.

Толлер заметил, что неуклонное изменение соотношения дня и ночи постоянно напоминает ему о фантастичности этого путешествия. Ничего неожиданного для интеллекта взрослого человека здесь не было, но ребенок в нем изумлялся и благоговел перед происходящим. Малая ночь удлинялась, а основная укорачивалась, и вскоре они должны будут поменяться местами. Ночь Мира съежится, чтобы обратиться в малую ночь Верхнего Мира…

До наступления темноты экипаж и капитан исследовали явление невесомости. Они увлеченно развешивали в воздухе мелкие предметы и смотрели, как те наперекор всему жизненному опыту остаются висеть на месте, пока очередной выброс реактивного двигателя не заставит их медленно опуститься.

Завотл записал в журнале: «Как будто реактивный двигатель каким-то образом восстанавливает часть их веса, хотя это, конечно, неверно. На

самом деле предметы просто как бы привязаны к данному месту, а толчок реактивного двигателя позволяет кораблю обогнать их».

Внезапнее, чем всегда, наступила малая ночь, и гондола погрузилась во тьму, испещренную пламенеющими самоцветами. Четыре человека разговаривали приглушенными голосами. Они вернулись к ощущению единства, испытанному в начале полета при свете звезд. Со сплетен о жизни на базе ЭЭНК беседа перешла на рассуждения о том, какие диковины откроют люди на Верхнем Мире; обсудили даже, какие возникнут трудности, если попытаться полететь на Дальний Мир, который висел на западе, точно зеленый фонарь.

По наблюдению Толлера, никому не хотелось сосредоточиваться на мысли, что они висят в хрупкой коробке без крыши, а вокруг нее — тысячи миль пустоты. Он заметил также, что экипаж на это время перестал обращаться к нему как к капитану, но его это не тревожило. Толлер знал, что авторитет его остается в силе, просто обычные люди забрались в необычное место, в неизведанную область и подсознательно ощущали, что благодаря незаменимости каждого сделались равными…

— Вы не шутили насчет водки, капитан? —

спросил Рилломайнер. — Мне как раз пришло в голову, что внутреннее тепло может укрепить мой проклятый нежный желудок. Водку рекомендует и медицина.

— Выпьем на ближайшей трапезе. — Толлер подмигнул и огляделся. — Но сначала перевернем корабль.

Еще прежде он с радостью обнаружил, что неустойчивость корабля, которую предсказывали в зоне невесомости, легко преодолевается при помощи боковых реактивных двигателей. Отдельных залпов в полсекунды оказалось достаточно, чтобы удерживать край гондолы в нужном положении относительно определенных ярких звезд. Теперь, однако, следовало перевернуть корабль — или вселенную — вверх ногами. Перед тем как подать на полных три секунды кристаллы в реактивный двигатель, обращенный на восток, Толлер до отказа накачал пневматический резервуар. Бесконечность поглотила звук залпа из микроскопического сопла.

На мгновение показалось, что ничтожный залп не подействует на массу корабля, затем — впервые с начала подъема — из-за выпуклости баллона выскользнул огромный диск Верхнего Мира. Серп огня вдоль одного края, почти

касавшегося солнца, заливал его. Мир в то же время поднялся над краем гондолы на противоположной стороне. Когда сопротивление воздуха преодолело импульс от реактивного двигателя, корабль повис в положении, из которого экипажу открывался вид на обе планеты.

Толлер мог повернуть голову в одну сторону и смотреть на Верхний Мир, в основном черный из-за близости к солнцу. Мог повернуть голову в другую сторону и увидеть умопомрачительную выпуклость родной планеты, безмятежной и вечной, омытой солнечным светом; только искривленный участок на востоке еще лежал во тьме малой ночи. Завороженный Толлер следил, как тень Верхнего Мира съезжала с Мира, и чувствовал себя в центре вращения, у рычага непостижимого механизма, управляющего движением планет.

— Ради всего святого, капитан! — раздался хриплый вопль Рилломайнера. — Поставьте корабль нормально!

— Перестань трястись! — Толлер дал еще залп в реактивный двигатель, и Мир величественно поплыл вверх, за баллон, а Верхний Мир переместился вниз, за борт гондолы.

Толлер дал залп в противоположный боковик,

чтобы уравновесить корабль в новом положении. Оснастка несколько раз скрипнула, и Толлер позволил себе победно улыбнуться — он стал первым в мире человеком, который перевернул небесный корабль. Маневр прошел быстро, без неожиданностей, а дальше начнут работать силы природы.

— Запиши, — сказал он Завотлу, — мы успешно преодолели среднюю точку. Теперь, я думаю, мы спустимся к Верхнему Миру без препятствий.

Завотл вытащил карандаш из закрепляющего зажима.

— Мы все еще рискуем замерзнуть, капитан.

— Это не такое уж большое препятствие. Если понадобится, сожжем немного зеленых и пурпурных прямо здесь, на палубе. — Внезапно оживившись, Толлер повернулся к Фленну. — Как себя чувствуешь? Ты хорошо переносишь высоту — сможешь справиться с нынешними обстоятельствами?

— Если вы хотите перекусить, капитан, то я целиком «за». Клянусь, дыра у меня в заднице затянулась паутиной!

— Тогда посмотрим, чем ты можешь нас накормить. — Толлер знал, что этого приказа все ждут, потому что больше суток никто не ел и не

пил, чтобы избежать унижения, неудобства и просто отвращения при пользовании туалетом в условиях невесомости. Он благожелательно наблюдал, как Фленн запихал карбла поглубже в теплое убежище за пазухой и отвязался от кресла. Заметно задыхаясь и покачиваясь, коротышка пробирался в камбуз, но в его черных глазах светилось хорошее настроение. Вернувшись, он вручил Толлеру небольшую фляжку с водкой, включенную в запас провизии, а затем послышался стук кухонной утвари, сопровождающийся покачиванием гондолы и руганью.

Толлер отхлебнул водки и передал фляжку Завотлу, и тут до него дошло, что Фленн пытается приготовить горячее.

— Ничего не грей! — крикнул он. — Хватит хлеба с вяленым мясом.

— Все в порядке, капитан, — донесся сиплый ответ Фленна, — угольки еще светятся… нужно только… подуть посильнее… Я устрою вам пир… Человеку надо хорошо… Вот зараза!!!

Одновременно с последним возгласом раздался грохот. Толлер обернулся к камбузу как раз вовремя, чтобы увидеть, как из-за перегородки вертикально в воздух поднимается полено. Объятое бледно-желтым пламенем, оно, лениво

поворачиваясь, поплыло вверх и слегка задело наклонный низ оболочки. Когда казалось, что оно уже отклонилось в синеву, не причинив вреда, его захватил воздушный поток и направил в сужающийся зазор между стартовой стойкой и оболочкой. Оно легло в месте их соединения и все еще горело.

— Я достану! — крикнул Фленн. — Я сейчас! — Он встал на угол борта гондолы, отстегнул страховочный трос и вскарабкался по стойке, цепляясь только руками, — почти взлетел в невесомости.

Толлер обмер, увидев, что от лакированной ткани баллона заструился бурый дымок. Фленн добрался до горящего полена и рукой в перчатке схватил его. Он отшвырнул полено боковым взмахом, и вдруг сам тоже отделился от корабля, кувыркаясь в разреженном воздухе. Напрасно загребая руками в направлении стойки, техник поплыл в сторону.

Страх общей гибели приковывал взгляд Толлера к дымящейся полоске ткани, пока он не увидел, что пламя погасло само. В то же время его сознание истошно вопило, что яркая пустота между баллоном и Фленном расширяется.

Первоначальный толчок, отбросивший Фленна, был невелик. Техник отплыл ярдов на трид-

цать, когда сопротивление воздуха остановило его. Он повис в голубой пустоте, сверкая на солнце, которое от гондолы закрывал баллон, и в своих лохмотьях из мешковины мало походил на человека. Толлер подошел к борту и, сложив руки рупором, крикнул:

— Фленн! Ты жив?

— Не беспокойтесь за меня, капитан! — Фленн помахал рукой, и, как ни странно, голос его звучал почти весело. — Я отсюда хорошо вижу баллон. Вокруг крепления стойки есть подпаленная область, но дыры в ткани нет.

— Мы тебя вытянем! — Толлер повернулся к Завотлу и Рилломайнеру. — Он жив. Надо бросить ему веревку.

Рилломайнер на стуле согнулся пополам.

— Я не могу, капитан, — пробормотал он. — Я не могу туда смотреть.

— Будешь смотреть и будешь делать, что потребуется, — мрачно заверил его Толлер.

— Я помогу, — вставая со стула, сказал Завотл. Он открыл рундук техника по такелажу и достал несколько мотков веревки. Толлер, торопясь прийти на помощь товарищу, схватил веревку, закрепил с одной стороны и метнул Фленну. При этом ступни Толлера оторвались от пола,

и вместо мощного броска вышло нечто вялое и бесцельное. Веревка развернулась не до конца и бесполезно замерла, сохранив все изгибы. Толлер втянул ее обратно, и, пока сворачивал, Завотл бросил другую, с тем же успехом.

Рилломайнер с тихими стонами при каждом выдохе бросил более тонкий моток стеклянного шнура. Шнур развернулся полностью и в нужном направлении, но не долетел.

— Неумеха! — съязвил Фленн. Его явно не пугали тысячи миль пустоты внизу. — Твоя бабушка бросила бы лучше, Рилло.

Толлер снял перчатки и сделал новую попытку. Хотя на этот раз он прижался к перегородке, веревка, схваченная морозом, опять не развернулась на всю длину. Собирая ее, он подметил одно тревожное обстоятельство.

Раньше Фленн висел над гондолой, на уровне верхнего конца стартовой стойки, а теперь он находился уже чуть выше перил гондолы.

Толлер понял, что Фленн падает. Корабль тоже падал, но пока в баллоне оставался горячий газ, корабль сохранял какую-то подъемную силу и спускался медленнее, чем плотный предмет. В зоне, близкой к средней точке, скорость падения была очень небольшой. Тем не менее Фленн

угодил в объятия гравитации Верхнего Мира и начал долгий полет к его поверхности.

— Ты заметил, что происходит? — вполголоса сказал Толлер Завотлу. — У нас осталось мало времени.

Завотл оценил ситуацию.

— Может, включить боковики?

— Мы просто начнем вращаться на месте.

— Положение серьезное, — резюмировал Завотл. — Сначала Фленн повредил, баллон, а потом еще и устроил все так, что не может его починить.

— Вряд ли он нарочно, — ответил Толлер и оглянулся на Рилломайнера. — Пушка! Найди груз, который войдет в пушку. Может быть, нам удастся выстрелить шнуром.

В этот момент ранее хладнокровный Фленн заметил свое постепенное смещение и сделал соответствующие выводы. Он попытался бороться, начал извиваться и делать плавательные движения. В других обстоятельствах его копошение выглядело бы комично. Фленн обнаружил, что ничего хорошего из этого не выходит, и снова затих, только непроизвольно протянул руки, когда до него не долетела веревка, которую второй раз бросил Завотл.

— Мне становится страшно, капитан! — Хотя Фленн кричал, его голос казался слабым, потому что растворялся в окружающем просторе. — Вы должны меня вытащить!

— Мы тебя вытащим! У нас еще… — Толлер не закончил фразу. Он собирался заверить Фленна, что времени еще полно, но побоялся, что его голосу не хватит убедительности. Уже было видно, что Фленн не просто падает мимо гондолы, но, в соответствии с непреложными физическими законами, набирает скорость. Ускорение, сперва ничтожное, накапливалось и становилось смертельным…

Рилломайнер тронул Толлера за плечо.

— В пушку ничего не войдет, капитан, но я связал два стеклянных шнура и привязал к ним вот это. — Он показал большой молоток из бракки. — Я думаю, до него долетит.

— Молодец. — Толлер оценил, что в экстренной ситуации механик все же преодолел боязнь высоты, и отодвинулся, чтобы позволить ему бросить самому. Рилломайнер привязал конец шнура к перилам, примерился и швырнул молоток в пространство.

Толлер сразу заметил ошибку Рилломайнера. Тот прицелился слишком высоко, по привычке

ожидая, что брошенный предмет будет лететь, снижаясь под действием своего веса. Но в условиях почти нулевой гравитации вышло иначе. Молоток потащил за собой стеклянный шнур и застыл в нескольких мучительных ярдах над Фленном. Фленн ожил, замахал как мельница руками, но тщетно, дотянуться он не мог. Рилломайнер покачал шнур, пытаясь сместить молоток вниз, но только подтянул его к кораблю.

— Так не годится, — рявкнул Толлер. — Быстро втяни и кидай снова, прямо в него. — Он старался подавить растущую панику и отчаяние. Фленн теперь опустился заметно ниже гондолы, добросить молоток становилось все труднее, да и угол делался менее удобным для точного броска. Фленну отчаянно требовалось подобраться ближе к кораблю, но это было невозможно, если только… если только…

Знакомый голос зазвучал в голове у Толлера: «Действие и противодействие, — говорил Лейн, — это универсальный принцип…»

— Фленн, у тебя есть шанс приблизиться! — прокричал Толлер. — Швырни карбла от корабля, тогда ты поплывешь к нам. Швырни его как можно сильнее!

— Я не могу, капитан!

— Это приказ! — заорал Толлер. — Немедленно бросай карбла! Время на исходе!

Фленн медлил, экипаж стоял в тягостном ожидании. Наконец Фленн стал возиться с одеждой на груди. Солнце освещало его снизу, пока он медленно вытаскивал пушистого зверька в зеленую полоску.

— Шевелись! Ну же, быстрее! Ты можешь погибнуть! — в отчаянии вопил Толлер.

— Я уже погиб, капитан, — покорно произнес Фленн. — Но отвезите домой Тинни. — Неожиданно он широко размахнулся, и карбл поплыл к кораблю, а техник, кувыркаясь, полетел прочь. Но карбл летел слишком низко. Застыв, Толлер смотрел, как испуганное животное, мяукая и царапая воздух, скрылось под гондолой, его желтые глазки как будто сверлили Толлера. Фленн отплыл немного, потом, разведя руки и ноги, застыл в позе утопленника. Он дрейфовал вниз лицом в невидимом океане и смотрел на раскинувшийся в тысячах миль под ним Верхний Мир, который принял Фленна в свои гравитационные объятия.

— Глупый лилипут. — Рилломайнер, всхлипнув, снова швырнул молоток. Он не долетел. Застывший Фленн продолжал опускаться все быстрее.

— Возможно, он будет падать целый день, — прошептал Завотл. — Только подумать… целый день… падая… Не знаю, будет ли он еще жив, когда ударится о землю.

— У меня есть о чем подумать и кроме этого, — отрезал Толлер. Не в силах смотреть, как Фленн исчезает из виду, он отвернулся от борта гондолы.

По инструкции в случае гибели члена экипажа или повреждения корабля требовалось прервать полет.

Никто не мог предвидеть, что из-за, казалось бы, пустякового случая в камбузе возникнут такие осложнения. Но Толлер все равно чувствовал себя ответственным, и неизвестно еще, что решат администраторы ЭЭНК.

— Врубай реактивную тягу, — сказал он Рилломайнеру. — Мы возвращаемся.

Часть III
ОБЛАСТЬ НЕВЕДОМОГО
Глава 16

Пещера находилась в склоне скалистой горы, и многочисленные выступы, расщелины и колючие кусты затрудняли дорогу животному и человеку.

Лейн Маракайн позволил синерогу самому выбирать путь и лишь иногда пришпоривал его по направлению к оранжевому флагу, отмечавшему вход в пещеру. Чуть поотстав, ехали четверо верховых солдат личной охраны, обязательной для каждого офицера ЭЭНК; их голоса сливались с прерывистым жужжанием насекомых. Недавно прошла малая ночь, и высокое солнце припекало землю, окутывая горизонт дрожащим пурпурным покрывалом горячего воздуха.

Лейн ощущал необычное душевное спокойствие. Он радовался случаю забраться подальше от базы небесных кораблей и не думать о планетном кризисе и межпланетных путешествиях. Десять дней назад из испытательного полета преждевременно возвратился Толлер, и Лейна

вовлекли в тягостный круговорот совещаний, консультаций и долгой переработки полученных данных. Одна из фракций в администрации ЭЭНК настаивала на втором испытательном полете с посадкой на Верхний Мир и полным картографированием центрального континента. В нормальных условиях Лейн согласился бы, но ситуация на Колкорроне стремительно ухудшалась, и это подавляло все прочие соображения…

«Производственную задачу» — постройку тысячи небесных кораблей — выполнили даже с некоторым запасом благодаря целеустремленной жестокости принцев Леддравора и Чаккела.

Для королевского семейства и аристократов Колкоррона выделили пятьдесят кораблей; эти люди полетят малыми группами в относительной роскоши, хотя все равно далеко не все благородные решили стать мигрантами.

Еще двести кораблей предназначили для перевозки грузов: птицы, скота, семян, оружия, основных машин и материалов; еще сотню — для военного персонала.

Остальные шестьсот пятьдесят кораблей с сокращенным до двух человек экипажем могли перевезти на Верхний Мир почти двенадцать тысяч простолюдинов.

На ранней стадии великого предприятия король Прад издал декрет о том, что люди переселяются на чисто добровольной основе, что количество мужчин и женщин должно быть равным и что определенная часть мест резервируется за мужчинами, владеющими ключевыми специальностями.

Довольно долго практичные колкорронцы отказывались принимать всерьез это предложение и рассматривали его как забавную королевскую прихоть, над которой следует подшучивать в тавернах. Тех немногих, кто подал заявки, презирали; казалось, что людей придется загонять в небесные корабли силой.

Прад заранее знал, что вся армия будет в деле и больших сил он собрать не сможет, поэтому предпочел выжидать. Птертовая чума, голод, быстрое разрушение общественного порядка выдвинули свои аргументы, и — несмотря на проклятие церкви — реестр добровольных эмигрантов начал разбухать. Но все-таки колкорронцы считали такой выход слишком радикальным, и консервативное население было убеждено, что любые лишения и опасности на Мире лучше, чем неизбежная гибель в чуждой голубой бесконечности неба.

Затем пришло сообщение, что небесный корабль ЭЭНК прошел более половины пути до Верхнего Мира и вернулся невредимым. После этого все оставшиеся места в эмиграционном флоте были распределены очень быстро. Обладателей ордеров по-прежнему ругали, но теперь из зависти. Общественное мнение изменилось, и многие из тех, кто отвергал саму идею полета на планету-сестру, начали считать себя жертвами дискриминации. Даже большинство обывателей, слишком апатичных, чтобы переживать по поводу общеисторических вопросов, роптали при рассказах о фургонах, загруженных дефицитными припасами, исчезающих во вратах базы небесных кораблей…

В этой обстановке Лейн доказывал, что испытательный полет достиг цели, поскольку он удачно выполнил переворот и прошел среднюю точку. Спуск на Верхний Мир должен оказаться делом спокойным и предсказуемым; а Завотл представил вполне хорошие рисунки центрального континента, который наблюдал в бинокль. Из них следовало, что на континенте мало гор и других особенностей рельефа, могущих помешать безопасной посадке.

Даже члена команды потеряли при обстоятель-

ствах, послуживших ценным уроком: в условиях невесомости нельзя стряпать.

Лейн заключил, что командира корабля следует поздравить — он хорошо справился со своей уникально сложной миссией, а само переселение надо начинать в ближайшее время.

Мнение Лейна приняли.

Первая эскадрилья, в основном со строительными рабочими и солдатами, должна была отправиться 80-го числа 2630 года.

До него оставалось всего шесть дней, и, пока синерог Лейна выбирал путь к пещере вверх по склону, ученый думал, что удивительно вяло реагирует на перспективу полета. Если все пойдет по плану, они с Джесаллой полетят на корабле десятой эскадрильи, которая — с учетом плохой погоды и действий птерты — должна покинуть планету через каких-то двадцать дней. Почему же его так мало трогает близость предстоящего путешествия, величайшего события в жизни, потрясающих перспектив, открывающихся перед нацией, самого дерзкого предприятия в истории человечества?

Может, он настолько робок, что боится даже думать о нем? Или все увеличивающаяся трещина в отношениях с Джесаллой — не признанная, но

постоянно присутствующая, — лишает его эмоциональной и духовной опоры? Или это у него, всегда гордившегося своим интеллектом, просто не хватает воображения?

Синерог обошел уступ, и Лейн увидел пещеру. Поток вопросов и сомнений отодвинулся в сторону. Довольный передышкой ученый спешился и подождал солдат. Капельки пота покрывали лица охранников, скрытые кожаными шлемами. Солдаты беспокойно озирали дикое место.

— Подождете меня здесь, — сказал Лейн дородному сержанту. — Где вы разместите наблюдателей?

Лучи солнца падали почти отвесно, обводя пылающим ободком диск Верхнего Мира; сержант заслонил глаза.

— На вершине холма, сэр. Отсюда им будет видно пять-шесть других наблюдательных постов.

— Хорошо. Я иду в пещеру и не хочу, чтобы меня беспокоили. Зовите меня только при птертовой тревоге.

— Да, сэр.

Пока сержант спешивался и размещал людей, Лейн открыл навьюченные на синерога корзины и достал четыре масляных фонаря. Он зажег фитили линзой, поднял фонари за стеклянные

шнуры и внес в пещеру. Вход был низким и узким — не шире одностворчатой двери. На мгновение воздух показался даже теплее, чем снаружи, затем Лейн шагнул в прохладный сумрак, а стены расступились и образовали просторное помещение. Лейн установил фонари на грязном полу и стал дожидаться, когда глаза привыкнут к скупому освещению.

Пещеру недавно, в этом году, открыл геодезист. Он обходил гору в поисках мест для наблюдательных постов.

То ли из чистого энтузиазма, то ли желая испробовать прославленное радушие магистра Гло, геодезист отправился на Зеленую Гору и представил описание поразительного содержимого пещеры. Вскоре это сообщение дошло до Лейна, и он решил осмотреть пещеру, как только выкроит время. Сейчас, окруженный образами прошлого, он понял, что неспроста пришел в это темное место. Он обращался к прошлому Мира и отворачивался от будущего на Верхнем Мире, признавая, что ничто в переселенческом полете и в жизни после него его не привлекает…

Наконец глаза привыкли, и ученый смог рассмотреть картины на стенах. Они в беспорядке изображали разные сцены. Похоже, что сначала

рисовали на самых больших и гладких поверхностях, а следующие поколения художников заполнили промежутки фрагментарными рисунками, искусно включая в орнамент естественные пустоты и трещины.

В результате получился настоящий лабиринт, где взгляд блуждал, не в силах остановиться, по изображениям полуобнаженных охотников, семейных групп, стилизованных деревьев бракки, демонов, кухонных горшков, цветов, человеческих скелетов, младенцев, сосущих молоко, геометрических фигур, рыб, змей, всяких артефактов и загадочных символов. В некоторых случаях основные линии выдолбили в скале и заполнили смолой, так что изображения навязчиво выпирали из стены; кое-где, наоборот, существовала некая пространственная неопределенность, где форму человека или зверя обозначали только оттенки цвета. Красители по большей части сохранили яркость там, где требовалось, и сдержанность, где художник желал быть нежным, но кое-где время усложнило и без того запутанную картину пятнами сырости и порослью грибов.

Лейна, как никогда, захватило ощущение неразрывности веков.

Базовый тезис колкорронской религии гласил,

что Мир и Верхний Мир существуют вечно и почти не меняются со временем, служа двумя полюсами непрерывного изменения человеческой души. Четыре века назад церковь воевала с Битианской ересью, гласившей, что в награду за добродетельную жизнь на одной планете личность после реинкарнации на другой получит более высокое положение. Основное недовольство церкви вызывала идея прогресса, то есть изменения, которая противоречила утверждению, что нынешний порядок существует вечно и неизменно. Оказывается, Лейн с легкостью верил, что вселенная всегда была такой, как сейчас, но даже на малом отрезке человеческой истории появились признаки перемен, и вот прошлое преподносит наглядные доказательства!

Он не знал, как оценить возраст пещерной живописи, но интуитивно чувствовал — тысячелетия, а не столетия. Рисунки доказывали, что когда-то люди жили в других условиях, чем сейчас, думали иначе и делили планету с животными, которых больше нет. Лейн ощутил внезапный прилив возбуждения и подумал, что здесь, в этих рисунках, и заключается тот единственный материал, над которым можно работать всю жизнь. Он мог бы дополнить и

расширить свои познания о мире, изучая прошлое, — образ жизни гораздо более естественный для ученого и более достойный, чем бегство на другую планету.

А может, еще не поздно? — эта мысль, хотя и не вполне серьезная, будто усилила холод пещеры. Ученый вздрогнул и втянул голову в плечи. Как уже не раз в последнее время Лейн попытался проанализировать, так уж ли он обязан лететь на Верхний Мир.

Логичное ли это действие — хладнокровный продуманный поступок ученого, или он следует долгу перед Джесаллой и детьми, которых она твердо решила завести, долгу подарить им другое будущее? Пока он не начал анализировать собственные мотивы, все казалось предельно ясным — либо лететь на Верхний Мир в объятия будущего, либо остаться на Мире и умереть вместе с прошлым.

Но большинству людей решать не приходилось. Они поступят вполне по-человечески — откажутся, пока живы безропотно подчиняться или просто отвергнут саму мысль что над человечеством одержала верх слепая и безмозглая птерта.

Собственно, перелет и не мог состояться без тех, кто оставался, чтобы обеспечить подъем

небесных кораблей, охранять базу и поддерживать порядок после того, как отбудут король со свитой, — поддувателей, персонала птертовых наблюдательных постов, военных.

Лейн знал, что жизнь на Мире не прекратится за одну ночь, возможно, пройдут годы и даже десятилетия, в течение которых население будет постепенно сокращаться, и, возможно, этот процесс приведет к тому, что сформируется стойкое неуязвимое малочисленное ядро, которое останется жить под землей в условиях невообразимых лишений. Лейн не желал участвовать в таком сценарии, но все-таки он понимал, что, если бы захотел, мог бы найти в его рамках свою нишу. Главное, он прожил бы свой век на родной планете, где его существование имело бы смысл.

Но как же Джесалла? Она слишком верная жена и ни за что не полетит без него. Хотя с каждым днем они все больше отдалялись друг от друга, Джесалла строго соблюдала обеты, которые дала при бракосочетании. Лейн даже думал, что она до сих пор не призналась себе в том… Взгляд его быстро пробежал по древней панораме и остановился на изображении играющего ребенка. Мальчик сосредоточенно смотрел на игрушку, по-видимому, куклу, которую держал в одной

руке. Другую руку он протянул в сторону, словно поглаживая домашнего любимца, но прямо у него под ладонью находился гладкий круг. Круг был бесцветный, он мог изображать большой мяч, воздушный шар или даже Верхний Мир — но Лейну почему-то показалось, что это птерта…

Он поднял фонарь и подошел ближе. При более ярком освещении Лейн убедился, что круг бесцветен, в то время как другие объекты древние художники скрупулезно и тонко раскрасили. Отсюда следовало, что он ошибся, тем более раз дитя было спокойно и не боялось твари, которая всегда воспринималась как нечто ужасное.

Кто-то вошел в пещеру и прервал размышления Лейна. Он нахмурился, в раздражении поднял фонарь и тут же непроизвольно отступил на шаг, увидев Леддравора. Принц проскреб мечом по стене в узком проходе, прошел в основной зал и с улыбкой скользнул взглядом по рисункам.

— Добрый вечерний день, принц, — сказал Лейн, досадуя на непроизвольную дрожь в голосе. За время работы для ЭЭНК он много раз встречался с Леддравором и научился сохранять присутствие духа. Но там, в шумной атмосфере кабинетов, всегда находились и другие, а здесь, в пещере, Леддравор казался огромным, страшным,

нечеловечески могучим и настолько чуждым Лейну, что вполне мог сойти с какой-нибудь сцены на этой тысячелетней стене.

Перед тем как заговорить, Леддравор бегло осмотрел всю экспозицию.

— Мне сказали, Маракайн, что здесь есть что-то примечательное. Меня что, ввели в заблуждение?

— Я так не думаю, принц. — Лейн попытался овладеть своим голосом.

— Не думаешь? Тогда ответь, что именно твой утонченный ум способен оценить, а мой нет?

Лейн напряженно искал ответ, который бы сгладил неловкость и не задел принца.

— У меня не было времени изучить рисунки, принц, но меня заинтересовало то, что они, очевидно, очень старые.

— Насколько старые?

— Возможно, три-четыре тысячи лет. Леддравор удивленно фыркнул.

— Чушь! Ты что, хочешь сказать, что эти каракули намного старше самого Ро-Атабри?

— Это всего лишь мое мнение, принц.

— Ты ошибаешься. Краски слишком свежи. Эта пещера — подземное убежище. Во время одной из гражданских войн здесь прятались какие-нибудь

инсургенты и… — Сделав паузу, Леддравор присмотрелся к рисунку, на котором двое мужчин изогнулись в сексуальной позиции. — И видишь, как они тут коротали время? Именно это тебя заинтриговало, Маракайн?

— Нет, принц.

— Ты когда-нибудь выходишь из себя?

— Стараюсь этого не делать, принц.

Леддравор снова фыркнул, глухо протопал по пещере и вернулся к Лейну.

— Хорошо. Не трясись, Маракайн, я не собираюсь трогать тебя. Может быть, тебе интересно узнать, что я пришел сюда по просьбе отца. Он пронюхал об этой паучьей норе и хочет, чтобы рисунки тщательно скопировали. Сколько времени на это уйдет?

Лейн оглядел стены.

— Четверо хороших рисовальщиков управятся за день, принц.

— Организуй это. — Леддравор уставился на Лейна с непроницаемым видом. — С какой стати кому-то надо знать, как выглядит эта чертова дыра? Отец стар и немощен, ему предстоит вынести полет на Верхний Мир, большую часть населения уничтожила чума, а оставшиеся готовы взбунтоваться. Даже в армии некоторые подразделения

становятся неуправляемыми — они голодают, и до них наконец дошло, что скоро я улечу и некому будет о них позаботиться. А мой отец озабочен лишь тем, чтобы своими глазами увидеть эти несчастные каракули! Почему, Маракайн, ну почему?

Лейн растерялся.

— Наверно, у короля Прада есть задатки ученого, принц.

— Хочешь сказать, он похож на тебя?

— Я не имел намерения возносить себя до…

— Не важно. Могу ли я считать, что ты ответил на мой вопрос? Он хочет знать всякую всячину просто потому, что хочет знать?

— Это и означает «быть ученым», принц.

— Но… — Леддравор оборвал себя на полуслове, услышав лязг амуниции у входа в пещеру. Появился сержант из охраны Лейна. Он отдал честь Леддравору и, несмотря на возбуждение, подождал, пока ему позволят говорить.

— Выкладывай, — предложил Леддравор.

— На западе поднимается ветер, принц. Мы опасаемся птерты.

Леддравор жестом отослал сержанта.

— Хорошо, мы скоро уйдем.

— Ветер быстро усиливается, принц, — осме-

лился повторить сержант. Он, очевидно, очень не хотел задерживаться.

— И такой хитрый старый вояка, как ты, не видит смысла в излишнем риске. — Леддравор шутливо потряс сержанта за плечо с интимностью, которой не даровал бы самому величественному аристократу. — Ладно, забирай и уводи своих людей, сержант.

Глаза сержанта блеснули восхищением и благодарностью, он поспешно вышел. Леддравор посмотрел ему вслед, потом обернулся к Лейну:

— Ты объяснял страсть к бесполезному знанию. Продолжай.

— Я… — Лейн пытался собраться с мыслями. — В моей профессии любое знание считается полезным.

— Почему?

— Это часть целого… единой конструкции… и когда постройка завершится, человек станет совершенен и сможет властвовать над своей судьбой.

— Мило! — Недовольный взгляд Леддравора остановился на участке стены рядом с Лейном. — Ты действительно веришь, что будущее нашего рода зависит от нарисованного мальчишки, играющего с мячом?

— Я этого не говорил, принц.

— «Я этого не говорил, принц», — передразнил Леддравор. — Ты вообще ничего не говорил, ученый.

— Сожалею, что вы ничего не услышали, принц, — тихо произнес Лейн.

Леддравор усмехнулся.

— Ты намеревался оскорбить меня? Должно быть, любовь к знаниям в самом деле пламенная страсть, если даже ты забываешься, Маракайн. Мы продолжим дискуссию по дороге. Пошли! — Леддравор устремился к выходу и боком протиснулся через узкую расщелину. Лейн задул четыре фонаря и, оставив их в пещере, последовал за Леддравором.

С запада через неровный контур горы перевалливал крепчающий ветер.

Леддравор уже оседлал своего синерога и насмешливо наблюдал, как Лейн, подобрав полы халата, неуклюже карабкается на круп животного. Окинув небо испытующим взглядом, Леддравор первым поехал вниз по склону, держась прямо и управляя скакуном с небрежностью прирожденного наездника.

Инстинктивно Лейн послал своего синерога по неровной параллельной тропе, решив не

отставать от принца, и уже на середине спуска обнаружил, что вот-вот на полном скаку вылетит на полосу рыхлого сланца. Он попытался взять правее, но добился только того, что синерог утратил равновесие, тревожно заржал, потерял подкову и повалился на бок. Услышав, как хрустнула нога животного, Лейн выпал из седла и покатился в заросли желтой травы, смягчившей удар. Он шмякнулся оземь, перевернулся и вскочил невредимый, но удрученный предсмертным стоном синерога, который бился в агонии среди острых камней.

Леддравор одним движением спешился, подошел к упавшему животному с черным мечом и быстро погрузил лезвие в брюхо синерога под углом вперед, целясь в сердце. Синерог испустил судорожный вздох и, хрипло всхлипнув, умер.

Лейн зажал рот рукой, борясь с мучительными спазмами в желудке.

— Вот тебе еще порция полезного знания, — сказал Леддравор. — Когда убиваешь синерога, ни в коем случае не цельсяпрямо в сердце, не то будешь весь в крови. А так сердце лопается в полости тела, и крови почти нет. Видишь? — Принц вытащил меч, вытер его о шкуру мертвого синерога и развел руки, показывая незапятнан-

ную одежду. — Правда, в этом весьма много… учености?

— Он упал из-за меня, — пробормотал Лейн.

— Это был всего лишь синерог. — Леддравор вложил меч в ножны, вернулся к своему скакуну и вскочил в седло. — Скорее, Маракайн, чего ты ждешь?

Принц протягивал руку, собираясь помочь Лейну забраться на синерога.

Лейн же смотрел на Леддравора и чувствовал, что ему отвратительно прикасаться к спутнику.

— Благодарю вас, принц, но человеку моего положения не подобает ехать рядом с вами.

Леддравор расхохотался:

— О чем ты говоришь, дурила! Мы на открытом месте, вокруг реальная жизнь — солдатская жизнь, — и птерта идет в наступление.

Мысль о птерте пронзила Лейна подобно ледяному кинжалу. Он нерешительно шагнул вперед.

— Не будь таким застенчивым. — В голосе Леддравора звучала издевка, и он бросил на Лейна насмешливый взгляд. — В конце концов, нам с тобой не впервой делиться кобылкой.

Холодный пот выступил на лбу у Лейна, он остановился и услышал свой голос:

— Поразмыслив, я решил добраться до базы пешком.

— Я теряю терпение, Маракайн. — Заслонив глаза от солнца, Леддравор осмотрел западную часть неба. — Я не собираюсь умолять тебя сохранить свою жизнь.

— За свою жизнь я сам отвечаю, принц.

— Упрямство у Маракайнов в крови, — сказал Леддравор, адресуясь к воображаемому третьему собеседнику, и пожал плечами.

Он повернул синерога на восток и пустил его легким галопом. Через несколько секунд Леддравор скрылся за скальным выступом, и Лейн остался один.

Неровная местность вокруг вдруг показалась ему чужой и беспощадной, как далекая планета. Он осознал, что загнал себя в безвыходное положение, и усмехнулся удивленно и неуверенно.

«Почему именно сейчас? — спросил он себя. — Почему я ждал до сих пор?»

Он услышал поблизости тихий шорох, обернулся в испуге и увидел, как, шевеля мелкие камешки, из своих пещерок выползают бледные многоножки, торопясь наброситься на мертвого синерога. Лейн отшатнулся от этого зрелища. Он прикинул, не вернуться ли в пещеру, но признал,

что она защитит его лишь в дневное время суток. А когда наступит ночь, гора скорее всего будет кишеть терпеливо вынюхивающими и рыщущими повсюду шарами. Лучше всего поспешить к базе небесных кораблей и постараться успеть до того, как ветром нанесет птерту.

Приняв решение, Лейн пустился бегом по гудящей жаре. Недалеко от подножия горы он выбрался на свободный склон, откуда открывался вид на восток. Далекое облачко пыли указывало путь Леддравора, а намного впереди него, почти уже возле тускло-коричневых границ базы, большое облако отмечало местонахождение четверых солдат. Лейн понял, что недооценил разницу в скоростях пешехода и всадника на синероге, скачущем галопом. Добравшись до равнины, он сможет продвигаться быстрее, но даже и тогда пройдет добрый час, прежде чем он добежит до базы.

Целый час!

«А есть ли у меня хоть какой-то шанс уцелеть за это время?»

Лейн попробовал отвлечься от душевных страданий и подойти к вопросу с профессиональной точки зрения.

Объективно говоря, статистика даже обнаде-

живала.

При дневном свете и на ровной местности птерта не слишком опасна. Она не способна самостоятельно передвигаться в горизонтальной плоскости; с места на место ее переносит ветер. Значит, активный человек на открытой территории может не впадать в панику. Предполагая, что птерта не заблокировала район — а в дневное время это случается редко, — ему надо только внимательно следить за шарами и помнить направление ветра. При виде птерты следует подождать, пока она приблизится почти на радиус поражения, а потом ненамного отбежать поперек ветра, предоставив шару проплыть мимо.

В ущелье Лейн споткнулся и встал. У него перехватило дыхание, и он прислонился к скале, стараясь отдышаться. Для спасения жизни требовалось сохранить запасы сил, чтобы проворно бежать, когда окажешься на равнине.

Смятение в груди Лейна постепенно утихало, он представил себе следующую встречу с Леддравором и, как ни странно, улыбнулся.

Ирония судьбы! В то время как прославленный военный принц бежал, спасаясь от птерты, робкий ученый дошел до города пешком, вооруженный единственно разумом. Это продемон-

стрирует, что он не трус, докажет всем, да так, что даже Джесалле придется…

«Я сошел с ума! — с презрением к себе Лейн громко застонал от этой мысли. — Я в самом деле совсем ничего не соображаю. Позволил спровоцировать себя дикарю, исполненному грубости и злобы, гордящемуся своей тупостью, прославляющему невежество. Я долго позволял ему унижать себя, пока наконец в приступе ненависти и гордыни не швырнул ему под ноги собственную жизнь! Ничего не скажешь — похвально! А теперь я по-детски размечтался о мести и настолько возомнил о себе, что даже нарушил основное правило безопасности — не убедился, что поблизости нет птерты!»

Лейн выпрямился и, холодея от предчувствия, обернулся и посмотрел вдоль ущелья.

В пределах радиуса поражения, в каких-то десяти шагах, висела птерта, и ветер, дующий вдоль ущелья, стремительно подносил ее ближе. Она разрослась, заняла все поле зрения, блестящая, прозрачная, черно-пурпурная, и где-то в глубине души Лейн испытал облегчение от того, что вопрос решился сам собой — быстро и бесповоротно. Бесполезно бежать, бесполезно бороться. Он увидел птерту, как не видел до этого никто,

разглядел вихри ядовитой пыли у нее внутри. Действительно ли у нее нет внутренней структуры? Существует ли некий злобный проторазум, который сознательно жертвует собой, чтобы убить Лейна?

Вселенную Лейна заполнила птерта.

Она была повсюду — и через мгновение ее не стало нигде.

Лейн глубоко вздохнул и оглянулся с грустным спокойствием человека, которому осталось принять лишь одно решение.

«Не здесь, — подумал он, — тут темно и тесно, тут не годится».

Он вспомнил, что повыше на склоне есть место с хорошим видом на восток, и вернулся к руслу высохшего потока. Теперь он шагал медленно и время от времени вздыхал. Он дошел до склона, сел на землю, удобно прислонившись спиной к скале, и расправил складки халата вокруг вытянутых ног.

Перед Лейном простиралась планета его последнего дня. Низко в небе плавала треугольная вершина горы Опелмер, как бы отделившаяся от горизонтальных полос и лент Ро-Атабри и заброшенных пригородов на берегах бухты Арл. Ближе в низине лежал поселок базы небесных

кораблей, и дюжины оболочек воздушных кораблей напоминали башни иллюзорного города. На южном небе сияло Дерево, его девять звезд бросали вызов блеску солнца, а в зените широкий серп мягкого света неощутимо расширялся по диску Верхнего Мира.

«Вся моя жизнь и работа видна на этой сцене, — подумалось Лейну. — Принадлежности для письма у меня с собой, я должен подвести итог, хотя последние мысли человека в виде абсурдных строк завещания перед смертью вряд ли станут для кого-то интересными или ценными… самое большее, что я могу записать, уже известно. Что птертоз — это неплохая смерть… по сравнению с другими смертями, конечно… природа иногда милосердна… подобно тому, как самый жуткий укус акулы часто не сопровождается болью, так иногда вдыхание пыли птерты может вызвать странное умиротворение, такой химический фатализм… по крайней мере в этом отношении мне вроде бы повезло… если не считать, что у меня нет чувств, которые принадлежат мне по древнему праву…»

Ниже грудной клетки возникло жжение и стало распространяться по всему телу; показалось, что в окружающем мире вдруг стало холоднее,

как будто солнце остыло. Лейн полез в карман, вытащил желтый полотняный капюшон и расстелил у себя на коленях.

Оставалось исполнить последний долг, но пока еще время не настало.

«…Мне хотелось бы, чтобы со мной сейчас была Джесалла… Джесалла и Толлер… я бы отдал их друг другу… попросил принять друг друга… Опять сплошная ирония: Толлер всегда хотел стать другим человеком, стать похожим на меня… а когда он стал новым Толлером, в прежнего Толлера превратился я… настолько, что даже пожертвовал жизнью ради чести… Этот жест я должен был сделать до того, как Леддравор надругался над моей красавицей женой… Толлер был прав на этот счет, а я — со своей так называемой мудростью — твердил ему, что он ошибается… Джесалла умом понимала, что Толлер ошибается, а сердцем чувствовала, что он прав…»

Боль кольнула грудь, и начался приступ дрожи. Панорама впереди стала неестественно плоской. Появились новые птерты. Они парами и тройками плыли вниз к равнине, не обращая на него никакого внимания. Обрывочные, сонные мысли потекли напоследок в его голове.

«…Бедный Толлер… он многого достиг, а чем я

его вознаградил?.. Обидой и завистью… я обидел его в день погребения Гло, и это удалось мне только потому, что он меня любит… а он ответил на мой мелочный выпад с любовью и достоинством… бракка и птерта идут рука об руку… я люблю „братика“… не знаю, поняла ли Джесалла, что тоже его любит… иногда так трудно в этом разобраться… конечно, бракка и птерта идут рука об руку — они партнеры по симбиозу… только теперь я понял, почему мне не хотелось лететь на Верхний Мир… там будущее, а будущее принадлежит Джесалле и Толлеру… не из-за того ли я подсознательно решил не ехать с Леддравором, выбрал свою Яркую Дорогу?.. А может быть, я просто освободил дорогу Толлеру?.. Исключил себя, как лишний множитель в уравнении?.. Я всю жизнь занимался решением уравнений…»

Огонь в груди жег Лейна все сильнее, он начал задыхаться и обильно потел, хотя кожей ощущал смертельный холод. Планета казалась картиной, нарисованной на измятой ткани. Настало время для желтого капюшона. Непослушными пальцами Лейн поднял его и надел на голову: предупреждение каждому прохожему, что человек умер от птертоза и к телу не следует приближаться по меньшей мере пять дней. Прорези для

глаз оказались не на месте, но Лейн уронил руки по бокам и не стал выравнивать капюшон. Его вполне устраивал личный мирок бесформенной и неясной желтизны, в котором сошлись пространство и время.

«…Да, насчет наскальной живописи я был прав… круг изображает птерту… бесцветную птерту… она еще не выработала специальных ядов… Кто это меня спрашивал про розовую птерту?.. И что я ответил?., что голый ребенок не боится этого шара, потому что знает — шар не причинит вреда?.. Конечно, я все время разочаровывал Толлера недостатком мужества… пренебрежением к чести… теперь он может гордиться мной… Хотел бы я увидеть его лицо в тот момент, когда он узнает, что я предпочел умереть, лишь бы не ехать с… Не странно ли, что ответ на загадку птерты всегда был на небе?.. Круг Верхнего Мира и Дерево — символы птерты и бракки, сосуществующих в гармонии… опылительные залпы бракки кормят птерту… Чем кормят?.. Пыльцой, маглайном, зеленым и пурпурным… а птерта за это выискивает и уничтожает врагов бракки… Надо бы защитить Толлера от Леддравора… он думает, что не уступит принцу, но я боюсь… Я боюсь, что никому не сказал про бракку

и птерту! Сколько времени я это знал?.. Я сплю?.. Где моя любимая Джесалла?.. Я могу еще шевелить руками?.. Я могу еще?..»

Глава 17

Принц Леддравор посмотрел на свое отражение в зеркале и нахмурился.

Даже во время жизни в Большом Дворце он предпочитал обходиться без прислуги при утреннем туалете, на который тратил порядочно времени. Он сам полировал бритву из бракки, доводя лезвие до совершенства, а щетину смачивал горячей водой. В результате, к своей досаде, он соскоблил слишком много кожи под подбородком. Он не то чтобы порезался, но у горла выступили капельки крови, и сколько он их ни стирал, тут же появлялись новые.

Вот что случается, когда живешь как изнеженная девица, — мысленно посетовал он, прижимая к горлу влажное полотенце в ожидании, пока прекратится кровотечение.

Зеркало — сложенные вместе два стекла разных сортов — отражало свет почти полностью, но, поворачиваясь к окну, Леддравор мог разглядеть сквозь стеклянный сандвич его яркие

прямоугольники на том месте, где, казалось бы, стоит он сам.

«Как это уместно, — подумал он. — Перед восхождением на Верхний Мир я становлюсь этаким бесплотным призраком. Реальная жизнь, единственная, которая вообще имеет значение, закончится для меня, когда…»

Его мысли прервал топот, донесшийся из соседнего помещения. Обернувшись, Леддравор увидел в дверях ванной комнаты майора Яхималта, человека с квадратным торсом, служившего адъютантом по связи между дворцом и базой небесных кораблей. Заметив, что Леддравор не одет, Яхималт попятился.

— Простите, принц, — сказал он, — я не знал…

— Ты что, парень? — рявкнул Леддравор. — Если у тебя есть сообщение, давай выкладывай.

— Донесение от полковника Хипперна, принц. Он передает, что у главных ворот базы собирается толпа.

— Но ведь в его распоряжении целый полк. Почему я должен беспокоиться из-за какой-то толпы?

— Согласно донесению, их возглавляет первосвященник, принц, — ответил Яхималт. — Полковник Хипперн просит, чтобы вы санкциониро-

вали арест прелата.

— Балаунтар! Этот мешок костей! — Отшвырнув зеркало, Леддравор прошел к вешалке, где висела одежда. — Передай полковнику Хипперну: пусть удерживает позиции, но ничего не предпринимает до моего прибытия. Я лично разберусь с нашим первопугалом.

Яхималт отдал честь и исчез. Леддравор поймал себя на том, что улыбается, торопливо застегивая ремешки белой кирасы. До отправления первой эскадрильи на Верхний Мир оставалось всего пять дней, подготовка фактически закончилась, и принц тяготился вынужденным бездействием. Если он не займется каким-нибудь делом, его вновь начнут терзать сомнения и противоестественный ужас. Он чувствовал, что почти благодарен велеречивому прелату за возможность отвлечься и еще раз заняться настоящим делом.

Леддравор пристегнул к поясу меч, к левому предплечью — нож и поспешил на главный передний двор, выбрав нижнюю дорогу, чтобы не наткнуться на отца. У короля имелась превосходная разведывательная сеть, и почти наверняка он слышал о вчерашней самоубийственной выходке Лейна Маракайна.

Меньше всего Леддравор хотел, чтобы его сейчас начали расспрашивать об этом нелепом происшествии. Он послал команду рисовальщиков в пещеру скопировать рисунки и хотел при встрече с отцом представить ему эти копии. Инстинкт подсказывал Леддравору, что король очень рассердится, если выяснится, что Маракайн погиб, в чем не приходилось сомневаться. Но рисунки, возможно, смягчат этот гнев.

Во дворе Леддравор приказал слуге привести пестрого синерога, на котором обычно ездил, и через считанные секунды уже скакал к базе небесных кораблей.

Он выехал из двойного кокона сетей, обволакивавшего дворец, и поскакал по одной из закрытых, похожих на трубы, дорог, пересекавших четыре декорированных крепостных рва. Кожух из лакированного льняного полотна защищал от птертовой пыли и обеспечивал безопасность до самого Ро-Атабри, но ощущение замкнутого пространства раздражало Леддравора. Он обрадовался, когда оказался в городе, где сквозь сетку было хотя бы видно небо, и помчался на запад по мощеной набережной Боранна.

Горожан на улицах было немного, и эти немногие направлялись в сторону базы, словно ведомые

неким особым чувством, подсказывающим, что там, впереди, происходят важные события. Утро стояло безветренное и жаркое, птерта не угрожала. Леддравор доскакал до западной границы города и, проигнорировав крытый путь, поехал южнее, по открытой местности, туда, где у главных ворот собралась толпа.

Возмущенные люди разобрали боковые стенки непрочного коридора и растеклись перед внешними воротами. У дальней стороны ворот в небо уставились пики. Леддравор одобрительно кивнул: пика прекрасно демонстрирует гражданам всю ошибочность их поведения.

Приблизившись к людской массе, Леддравор перевел синерога на шаг. Принца наконец заметили; люди почтительно расступились перед ним, и он с удивлением отметил, как много среди них оборванцев. Очевидно, состояние рядового населения Ро-Атабри было хуже, чем он себе представлял. Народ возбужденно перешептывался. Между толпой и оградой оставался свободный полукруг, в центре которого стоял в своем черном облачении Балаунтар.

Прелат, который страстно убеждал в чем-то офицера, находящегося по ту сторону ворот, обернулся к Леддравору. При виде военного принца

он заметно вздрогнул, но скованные гневом черты его лица не изменились. Леддравор лениво подъехал к Балаунтару, с нарочитой медлительностью спешился и дал сигнал открыть ворота. Двое солдат отвели тяжелые створки, и Леддравор с Балаунтаром оказались в центре публичной арены.

— Ну что, священник, — спокойно спросил Леддравор, — зачем ты пожаловал сюда?

— Думаю, ты знаешь, почему я здесь… — Балаунтар тянул целых три секунды перед тем, как добавить королевский титул: — Принц.

Леддравор улыбнулся:

— Если ты пришел просить миграционный ордер, то ты опоздал, их уже все раздали.

— Я ничего не прошу. — Балаунтар повысил голос и обратился не к Леддравору, а к толпе. — Я пришел, чтобы предъявить требования. И их должны удовлетворить!

— Требования! — Никто никогда не смел произнести это слово при Леддраворе, и когда он повторил его, с ним случилось нечто странное. Он как будто раздвоился: одно тело Леддравора, тяжелое, твердо стояло на земле, а другое, невесомое, эфирное, которое мог бы унести малейший ветерок, сделало шаг назад и отделилось. Леддра-

вору показалось, что он не касается поверхности, а, подобно птерте, парит над кончиками травинок и наблюдает происходящее всевидящим и отстраненным взглядом.

С этой выгодной позиции он меланхолично наблюдал, как его плотная оболочка разыгрывает дикий спектакль…

— Не смей говорить мне о требованиях! — крикнул телесный Леддравор. — Или ты забыл, что король наделил меня абсолютной властью?

— Я говорю от имени высшей власти. — Балаунтар произносил слова уверенно, чувствуя твердую почву под ногами. — Я говорю от имени Церкви, от имени Великой Непрерывности, и я приказываю тебе — уничтожь корабли, которыми ты собрался осквернить Горний Путь. Далее — все продовольствие, кристаллы и другие предметы первой необходимости ты украл у народа и должен незамедлительно это вернуть. Вот мое последнее слово.

— Ты и не подозреваешь, как это верно, — прошипел Леддравор и вытащил боевой меч, но остатки уважения к закону удержали принца. Черное лезвие не пронзило тело прелата. Вместо этого Леддравор повернулся к офицерам. Они стояли неподвижно; лицо полковника Хипперна

застыло. — Арестуй изменника! — резко сказал ему Леддравор.

Хипперн негромко скомандовал, и вперед выбежали два солдата с мечами наголо.

Солдаты подхватили Балаунтара под руки; он упирался, но они увели его внутрь периметра базы. Толпа глухо заворчала. Хипперн вопросительно посмотрел на Леддравора.

— Чего ты ждешь? — Леддравор ткнул вниз указательным пальцем. — Известно, как наказывают за измену. Выполнять!

Лицо Хипперна под цветастым шлемом не дрогнуло, он снова сказал несколько слов ближайшим офицерам, и через секунду к двум солдатам, которые держали Балаунтара, подбежал дородный старший сержант. Первосвященник вырывался изо всех сил, его тело, закутанное в черное, нечеловечески извивалось, когда солдаты прижали его к земле. Он поднял лицо к палачу и широко открыл рот, чтобы произнести проклятие или молитву, но только создал удобную мишень для сержанта — тот, не раздумывая, ткнул туда мечом. Конец лезвия вышел у основания черепа и, разрубив позвоночник, в мгновение ока прервал жизнь первосвященника. Солдаты опустили тело на землю и отступили назад. По толпе прока-

тился стон ужаса. Большой камень просвистел в воздухе и упал у ног Леддравора.

Какое-то мгновение казалось, что сейчас принц в одиночку бросится на толпу; потом он обратился к старшему сержанту:

— Отрубить голову священнику. Поднять ее на пику. Пусть полюбуются на своего учителя.

Сержант кивнул и невозмутимо приступил к работе. Он действовал с ловкостью профессионального раздельщика свинины, и через минуту голову Балаунтара подняли на древке копья, которое привязали к стойке ворот; по древку побежали ручейки крови.

Наступила тишина, от которой заложило уши; казалось, ситуация зашла в тупик. Затем свободный полукруг у ворот медленно сжался. Передние ряды даже как будто и не двигались, но тем не менее их дюйм за дюймом выдавливал неумолимый напор сзади. Стойка ворот заскрипела и стала валиться внутрь, наглядно демонстрируя силу этого напора.

— Закрыть ворота! — крикнул полковник Хипперн.

— Отставить! — Леддравор обернулся к полковнику. — Армия не бежит от гражданского сброда. Прикажи своим людям очистить территорию.

Хипперн в волнении глотнул, но взгляд Леддравора встретил твердо.

— Ситуация сложная, принц. Это местный полк, большую часть солдат набрали в Ро-Атабри, они не смогут воевать со своими.

— Верно ли я расслышал, полковник? — Леддравор перехватил рукоять меча, и взор его яростно засверкал. — С каких это пор дела Колкоррона решают рядовые солдаты?

Хипперн вновь глотнул, но мужество не изменило ему.

— С тех пор, — ответил он, — как они стали голодать, принц. Так обычно и бывает.

Неожиданно Леддравор улыбнулся.

— Это твое профессиональное суждение, полковник? А теперь внимательно следи за мной. Я научу тебя командовать.

Он повернулся, подошел к тройному ряду солдат и поднял меч.

— Рассеять толпу! — рявкнул он и махнул мечом вниз и в сторону напиравшей толпы, указывая направление удара.

Солдаты рванули из строя и бросились вперед. Тишина взорвалась дикими воплями. Толпа отхлынула, но не побежала, а, немного отступив, вновь сомкнулась, и тут открылось важное об-

стоятельство: команде Леддравора подчинилась лишь треть солдат. Остальные не двинулись с места и теперь с несчастным видом смотрели на ближайших младших офицеров.

Да и те солдаты, которые пытались разогнать толпу, мало чего добились. Они позволили легко одолеть себя, и их мечи быстро стали достоянием противника. С радостными возгласами люди повалили на землю большую секцию крытой дороги и разломали ее каркас, чтобы использовать его в качестве оружия.

Второй Леддравор — холодный, эфирный и безучастный — снисходительно смотрел, как его телесный двойник подбежал к молоденькому офицеру и приказал ему вести против толпы своих людей. Лейтенант, споря, помотал головой и через секунду был мертв, так как Леддравор одним ударом почти отрубил ему голову. Принц словно обезумел, утратив все человеческое. Вытягивая шею и волоча ноги, он носился среди солдат и офицеров, сея разрушение, как ужасный демон, и его черный меч разбрасывал алые брызги крови.

«Сколько это может продолжаться? — отстраненно размышлял второй Леддравор. — Неужели нет предела людскому терпению?»

Внезапно новое явление отвлекло его внимание. Небо на востоке заволокло столбами дыма, поднимавшимися сразу из нескольких точек. Горели противоптертовые экраны, и это означало, что горожане пересекли последнюю черту, взбунтовавшись против существующего порядка.

Смысл протеста был ясен: погибать должны все вместе — и король, и бедняки.

Вспомнив о короле, одиноком и уязвимом в Большом Дворце, эфирный Леддравор утратил свое спокойствие. Нужно было принимать срочные меры; ответственность, которая лежала на нем, была важнее конфликта нескольких сотен солдат и горожан.

Он вновь слился со своим двойником, и все поплыло у него перед глазами. Время и пространство распались…

Принц Леддравор открыл глаза навстречу потоку резкого солнечного света. Рукоять меча была мокрой, и его окружали звуки, цвета и смятение кровавой бойни.

Он немного постоял, обозревая эту сцену, затем сориентировался, вложил меч в ножны и побежал к своему синерогу.

Глава 18

Толлер, не двигаясь, смотрел на тело в желтом капюшоне; прошло, наверно, минут десять, а он все стоял, не зная, как преодолеть боль утраты.

«Его убил Леддравор, — подумал Толлер. — Вот как я расплачиваюсь за то, что оставил в живых это чудовище. Он скормил моего брата птерте!»

Утреннее солнце находилось еще низко на востоке, но воздух был неподвижен, и от скалистого склона уже исходил жар.

Толлер разрывался между приступом горя и благоразумием, между желанием подбежать к телу брата и необходимостью держаться на безопасном расстоянии. Затуманенным взором он разглядел что-то белое на впалой груди Лейна, прижатое поясом и тонкой рукой.

Бумага? Сердце Толлера забилось от надежды. Может быть, Лейн оставил обвинительный акт против Леддравора?

Толлер достал короткую подзорную трубу, которую с детства носил с собой, и направил ее на белый прямоугольник. Слезы и режущая яркость изображения мешали читать, но в конце концов он разобрал корявые слова последнего послания

Лейна:

ПТЕРТЫ ДРУЗЬЯ БРАК. УБИВАЮТ НАС ПОТОМУ

МЫ УБИВАЕМ БРАК. БРАК КОРМИТ ПТЕРТ.

ЗА ЭТО П ЗАЩИЩАЕТ Б. ПРОЗРАЧ РОЗОВАЯ

ПУРПУР П. ВЫРАБ ТОКСИНЫ. МЫ ДОЛЖ ЖИТЬ

В ГАРМОНИИ С Б. ПОСМОТРИ НА НЕБО.

Толлер опустил подзорную трубу. Где-то за бурей смятения и горя появилось понимание того, что послание Лейна гораздо важнее всех нынешних обстоятельств. Но сейчас Толлер был не в состоянии все это связать — лишь озадачен и разочарован. Почему Лейн не использовал остаток сил, чтобы обвинить своего убийцу, не вымостил прямую дорогу для возмездия? После минутного размышления ответ пришел Толлеру, и он почти улыбнулся от нежности и уважения.

Даже умирая, Лейн остался истинным пацифистом, далеким от мыслей о мести. Он удалился из этого мира без злобы и ненависти — так же, как жил, а Леддравор все еще существует…

Толлер повернулся и пошел по склону туда, где его ждал сержант с двумя синерогами. Он овла-

дел собой, и слезы больше не застилали взор, но теперь его мысли занял новый вопрос, который пульсировал в мозгу с силой и постоянством морских волн, бьющихся о скалистый берег.

«Как мне жить без брата? — Жар, отражавшийся от каменных плит, давил на глаза, лез в рот. — День будет долгий, жаркий, и как я проживу его без брата?»

— Я скорблю вместе с вами, капитан, — сказал сержант Энглюх. — Ваш брат был хорошим человеком.

— Да. — Толлер взглянул на сержанта, стараясь подавить неприязнь. Этот человек официально отвечал за жизнь Лейна, но Лейн погиб, а он жив. На такой местности сержант ничего не смог бы сделать против птерты, и, по его словам, их отослал Леддравор, но все равно — то, что сержант уцелел, оскорбляло примитивные чувства Толлера.

— Может быть, поедем, капитан? — По Энглюху не было заметно, что он боится результатов осмотра, который затеял Толлер. Сержант был с виду суровым ветераном и, несомненно, овладел искусством спасать свою шкуру; но судить о его честности Толлер не мог.

— Нет, — ответил Толлер, — я хочу найти его

синерога.

— Хорошо, капитан. — В глазах сержанта промелькнуло понимание того, что Толлер не поверил полностью краткому отчету Леддравора о вчерашних событиях. — Я покажу, какой дорогой мы ехали.

Толлер сел на своего синерога и вслед за Энглюхом начал взбираться по склону. На полпути к вершине они вошли в зону сланцев и у ее нижней границы обнаружили кучку костей.

Останки синерога лежали на рыхлом сланце; многоножки и другие питающиеся падалью животные уже обглодали его скелет. Они раскромсали и местами обгрызли даже седло и упряжь. По спине Толлера пробежал холодок— если бы тело Лейна не пропиталось ядом птерты, брата постигла бы такая же участь.

Синерог нервничал и крутил головой, но Толлер направил его поближе к свету, увидел сломанную большую берцовую кость и нахмурился.

Когда это случилось, брат был еще жив, а сейчас он мертв. Боль снова охватила Толлера, и он закрыл глаза, пытаясь осмыслить немыслимое.

Согласно докладным, сержант Энглюх с тремя солдатами, после того, как Леддравор отослал их, подъехали к западным воротам базы небесных

кораблей. Там они ждали Лейна и очень удивились, когда увидели, что Леддравор возвращается один.

Принц был в непонятном настроении — сердит и оживлен одновременно, и, по рассказам очевидцев, увидев Энглюха, сказал ему: «Приготовься к долгому ожиданию, сержант, твой хозяин загубил своего скакуна и теперь играет в прятки с птертой». Энглюх решил, что должен что-то делать, и вызвался скакать обратно к горе с запасным синеро-гом, но Леддравор запретил, сказав: «Он сам захотел рискнуть жизнью, а для хорошего солдата это неподходящий спорт».

Толлер заставил сержанта несколько раз повторить отчет, но никак иначе понять слова Леддравора было нельзя — он предложил довезти Лейна до безопасного места, однако тот по своей воле избрал игру со смертью. Хотя принц стоял выше лжи и не стал бы ничего скрывать, Толлер все-таки не мог принять то, о чем ему рассказали. Всем известно, что Лейн Маракайн терял сознание от одного только вида крови. Такой человек ни за что не вышел бы против шаров, а пожелай он покончить с собой, то нашел бы способ получше. Однако в любом случае у него не было причины для самоубийства. Наоборот, у

него имелись веские причины, чтобы жить.

Нет, в том, что произошло вчера на пустынном склоне, крылась какая-то тайна, и Толлер знал только одного человека, способного ее прояснить. Леддравор не солгал, но он сказал не все…

— Капитан! — дрожащим голосом прошептал Энглюх. — Глядите туда!

Толлер посмотрел на восток, куда указывал Энглюх, и увидел огромный темно-коричневый воздушный шар, который ни с чем нельзя было спутать. Шар поднимался в небо над Ро-Атабри. Через несколько секунд рядом в тесном строю поднялись еще три шара. Похоже, массовый перелет на Верхний Мир начинался на несколько дней раньше графика.

Опять что-то не так, подумал Толлер с досадой. Мало того что погиб Лейн и Толлер терялся в сомнениях и подозрениях, так теперь еще и небесные корабли стартуют с базы в нарушение жесткого плана миграции. Вселенная как нарочно обрушивала на его бедную голову все новые и новые проблемы.

— Я должен вернуться. — Толлер пришпорил синерога, и они двинулись вниз. Обогнув выступ, поросший вереском, они поехали по открытому склону, на котором лежало тело Лейна. Отсюда

открывался широкий обзор на восток, и стало видно, что над линией ангаров взмывают все новые воздушные шары, но внимание Толлера приковал пестрый город, расположившийся за базой. Над центральными районами поднимались столбы дыма.

— Похоже на войну, капитан, — в изумлении приподнявшись на стременах, сказал Энглюх.

— Возможно, это и есть война. — Толлер бросил взгляд на неподвижную безмолвную массу, которая когда-то была его братом.

«Ты будешь жить во мне, Лейн», — подумал он и, пришпорив скакуна, направил его к городу.

Толлер знал, что среди населения Ро-Атабри растет недовольство, но считал, что волнение гражданских вряд ли повлияет на распорядок базы. Леддравор серпом выстроил армейские части между небесными кораблями и окраиной города и поставил командовать ими офицеров, которым мог доверять даже в сложных условиях переселения. Эти люди не собирались лететь на Верхний Мир и были стойкими сторонниками идеи сохранить Ро-Атабри во что бы то ни стало. Толлер полагал, что база в безопасности даже в случае полномасштабного бунта, но небесные корабли почему-то отправлялись до срока…

Спустившись на равнину, Толлер пустил синерога галопом и всю дорогу вглядывался в постепенно приближающуюся базу. Западным входом пользовались редко, так как он открывался на сельскую местность, но, подъехав ближе, Толлер увидел большие группы солдат, всадников и пехоты, а за двойными экранами, закруглявшимися к северу и югу, двигались фургоны с припасами. В утреннее небо взмывали очередные корабли, и громовые раскаты их горелок сливались с хлопаньем вентиляторов и криками поддувальщиков.

Внешние ворота распахнули для Толлера и сержанта и, как только те въехали в буферную зону, немедленно захлопнули. К Толлеру, держа под мышкой шлем с оранжевым гребнем, направился армейский капитан. Маракайн натянул вожжи и остановил синерога.

— Вы небесный капитан Толлер Маракайн? — спросил он, утирая платком блестящий лоб.

— Я. Что случилось?

— Принц Леддравор приказывает вам немедленно явиться в ангар 12.

Толлер кивнул в знак согласия и повторил:

— Что случилось?

— А разве похоже, что что-то случилось? — желчно сказал капитан и, повернувшись, пошел

прочь по дороге, сердито отдавая приказы солдатам, которые бросали на него вызывающие строптивые взгляды.

Толлер раздумывал, не отправиться ли за ним, чтобы все-таки выяснить, в чем дело, но тут увидел человека в синем мундире, который подавал ему знаки из внутренних ворот. Это оказался Илвен Завотл, ему недавно присвоили звание пилота-лейтенанта. Толлер подъехал к нему и спешился. Молодой человек имел вид бледный и встревоженный.

— Я рад, что вы вернулись, Толлер, — взволнованно сказал Завотл. — Я слышал, вы ездили на поиски брата, и пришел предупредить вас насчет принца Леддравора.

— Леддравора? — Толлер взглянул на небо, когда очередной корабль на мгновение заслонил солнце. — Что насчет Леддравора?

— Он обезумел, — сказал Завотл и оглянулся — убедиться, что никто его не подслушивает. — Он сейчас в ангарах… понукает грузчиков и поддувальщиков… с мечом в руке… я видел, как он зарубил человека только за то, что тот остановился попить.

— Он!.. — Гнев и ожесточение Толлера возросли. — Из-за чего все это?

Завотл удивился.

— Вы не знаете? Наверно, вы уехали с базы до того, как… Толлер, за эти два часа все изменилось.

— Да что случилось! Говори, Илвен, или я тоже возьмусь за меч.

— Прелат Балаунтар привел горожан к базе. Он потребовал уничтожить корабли и раздать припасы народу. Леддравор арестовал его и здесь же обезглавил.

Толлер прищурился, представляя себе эту сцену.

— Это была ошибка.

— И жестокая, — согласился Завотл. — Но это только начало. Балаунтар взвинтил толпу своим фанатизмом и обещаниями пищи и кристаллов. Когда люди увидели голову Балаунтара на столбе, они начали ломать наши экраны. Леддравор послал на них армию, но… я понимаю, что это звучит странно, Толлер… большинство солдат отказались сражаться.

— Открытое неповиновение Леддравору? Не может быть!

— Они из местных. Большинство набрали в самом Ро-Атабри, а им приказали резать своих. — Завотл замолчал, потому что над головой

раздался рев горелки очередного небесного корабля. — Кроме того, солдаты голодают, и все чувствуют, что Леддравор бросает армию на произвол судьбы.

— Все равно… — Толлер не мог себе представить, чтобы обычные солдаты бунтовали против военного принца.

— И вот тут-то Леддравор стал как одержимый. Говорят, он убил больше дюжины офицеров и солдат. Они не слушались его приказов… но они и не защищались… и он их зарезал… — Завотл запнулся. — Как свиней, Толлер, как свиней!

Несмотря на чудовищность событий, о которых рассказывал Завотл, Толлер чувствовал — есть еще одна, и притом более важная, причина для волнения.

— И чем это кончилось?

— Пожаром в городе. Когда Леддравор увидел дым… понял, что горят противоптертовые экраны… он пришел в себя. Он увел всех оставшихся верными ему людей обратно за ограду и теперь надеется поднять весь флот небесных кораблей до того, как бунтовщики организуются и захватят базу. — Завотл хмуро оглядел стоящих неподалеку солдат. — Предполагается, что этот сброд будет защищать западные ворота, но если хотите

знать мое мнение, они сами не знают, на чьей они стороне. Синие мундиры здесь больше не популярны. Нам лучше поскорее вернуться в ангары, пока…

Но Толлер уже не слушал, внезапно осознав источник своей неясной тревоги.

Пожары в городе… горят противоптертовые экраны… дождя не было несколько дней… без экранов город станет беззащитным… переселение должно начаться немедленно… и это значит…

— Джесалла! — С ужасом и раскаянием выкрикнул Толлер. Как он мог так долго не вспоминать о ней! Она ждет в Квадратном Доме… У нее до сих пор нет подтверждения о смерти Лейна… а перелет на Верхний Мир уже начался…

— Вы слушаете? — спросил Завотл. — Нам нужно…

— Это не важно, — перебил его Толлер. — Что сделано для уведомления и доставки сюда переселенцев?

— Король и принц Чаккел уже в ангарах. Остальные члены королевской фамилии и аристократы должны прибыть сюда под защитой собственной охраны. Толлер, это хаос! Рядовые переселенцы вынуждены добираться сами, а

обстановка там такая, что, я боюсь, они…

— Я у тебя в долгу за то, что ты встретил меня здесь, Илвен, — сказал Толлер, поворачиваясь к своему синерогу. — Я помню, ты говорил, когда мы сидели, замерзнув до полусмерти в небесах, и у нас не было другого дела, как только считать падающие звезды, что семьи у тебя нет. Это так?

— Да.

— Тогда возвращайся в ангары и садись в первый попавшийся корабль. А у меня еще есть дела.

Толлер вскочил в седло, но Завотл преградил ему путь.

— Леддравор хочет, чтобы мы с вами были королевскими пилотами, Толлер. Особенно вы, потому что больше никто не переворачивал корабль.

— Забудь, что ты меня видел, — ответил Толлер. — Я вернусь — как только смогу.

Он поехал через базу, стараясь держаться подальше от ангаров. Противоптертовые экраны над головой отбрасывали сетчатую тень на сцену беспорядочной, исступленной деятельности. Планировалось, что миграционный флот отбудет по расписанию в течение десяти — двадцати дней, в зависимости от погоды. Теперь же пы-

тались отправить как можно больше кораблей, пока базу не захватили бунтовщики. Положение усугублялось тем, что нападению подверглись уязвимые противоптертовые экраны. Счастье, что нет ветра, это помогает экипажам небесных кораблей и сводит до минимума активность птерты; но с приходом ночи поднимется ветер и принесет багровые шары.

Рабочие торопились погрузить припасы и разламывали деревянные склады голыми руками. Солдаты вновь сформированного полка — в их лояльности не сомневались, так как они летели с Леддравором, — слонялись по базе и громко призывали персонал трудиться активнее, а иногда и сами включались в работу. Среди хаоса маячили небольшие группы мужчин, женщин и детей, получивших миграционные ордера в провинции и заблаговременно прибывшие на базу. Надо всем этим плыли вызывающий озноб грохот вентиляторов, рев горелок и болотный запах газа маглайн.

Толлеру удалось, не привлекая особого внимания, проехать через секции складов и мастерских, но, доскакав до крытой дороги, ведущей на восток к городу, он обнаружил, что въезд на нее охраняется большим отрядом. Здесь же офицеры

допрашивали всех встречных. Толлер отъехал в сторону и стал осматривать в подзорную трубу дальний выход дороги. Сжатая перспектива искажала картину, но он сумел различить множество пеших солдат, несколько групп всадников, а за ними — толпы, забившие крутые улицы там, где начинался собственно город.

Движения не было заметно, но, по-видимому, противостояние продолжалось, и нормальным путем в город не проникнуть.

Пока Толлер мучительно искал решение, он разглядел, что по местности, заросшей кустарником и тянувшейся на юго-восток в сторону Зеленогорского пригорода, перемещаются цветные пятнышки. В подзорную трубу он увидел, что это горожане, спешащие в сторону базы. Среди них было много женщин и детей, и Толлер понял, что это эмигранты, прорвавшие ограждение далеко от главного входа. Он отвернулся от туннеля крытой дороги, отыскал запасной выход через двойные противоптертовые сети и выехал наружу, навстречу приближающимся горожанам. Когда он подъехал к передним рядам, они подняли синие с белым миграционные ордера.

— Ступайте к ангарам! — крикнул им Толлер. — Мы вас вывезем!

Взволнованные люди прокричали слова благодарности и поспешили дальше. Некоторые несли или волокли за руку детей. Обернувшись, Толлер увидел, что беженцев заметили — к ним направлялись несколько всадников. Небо над базой представляло собой уникальное зрелище. В воздухе находилось около пятидесяти кораблей; внизу опасно скученные, они беспорядочно рассыпались при подъеме к зениту.

Толлер не стал останавливаться, чтобы посмотреть, как встретят эмигрантов, и направил синерога к Зеленой Горе. Далеко справа, в самом Ро-Атабри, пожары все ширились. Город строили из камня, но леса и веревки, при помощи которых его укутали от птерты, легко воспламенялись. Толлер понимал, что достаточно легкого дуновения ветерка, и пламя в считанные минуты охватит весь город.

Он послал синерога галопом, выбирая направление по встречным группам переселенцев, и наконец заметил место, где заграждение повалили на землю. Не обращая внимания на людей, которые карабкались по доскам, он въехал в пролом и поскакал прямо вверх по склону холма к Квадратному Дому. Улицы, где он бегал мальчишкой, были завалены мусором и пустынны,

как часть заброшенной территории прошлого.

Доскакав до Зеленогорского района, Толлер свернул за угол и столкнулся с отрядом из пяти гражданских, вооруженных дубинками. Хотя эти люди явно не собирались переселяться, спешили они именно к базе. Толлер сразу догадался, что они намереваются помешать переселению, а может, и ограбить какие-нибудь из эмигрантских семей, которые он встретил по пути.

Они перегородили узкую улицу, и предводитель, увалень в плаще с ремнями из змеиной кожи, изумленно разинул рот.

— Чего это ты здесь делаешь, синий мундир? — сказал он. Толлер легко мог задавить этого типа, но натянул поводья и остановился.

— Раз ты спросил столь учтиво, я дам себе труд ответить. Я решаю, следует ли мне тебя убить?

— Меня? Убить? — Бандит царственно стукнул о землю дубинкой. Надо думать, он считал, что небесные пилоты ходят безоружными.

Толлер выхватил меч и горизонтальным взмахом рассек дубинку чуть выше руки предводителя.

— Это могла быть твоя рука или шея, — мягко сказал он. — Не хочешь ли ты или кто-либо из твоих людей обсудить этот вопрос?

Остальные четверо переглянулись и попятились.

— Мы с вами не ссорились, сир, — сказал предводитель, потирая руку, ушибленную резким ударом по дубинке. — Мы мирно пойдем своей дорогой.

— Нет. — Толлер указал кончиком меча на переулок, ведущий прочь от базы. — Прячьтесь по своим берлогам. Через несколько минут я поеду обратно, и если встречу кого-нибудь из вас, переговоры поведет мой меч. Марш!

Бандиты скрылись из виду, Толлер вложил меч в ножны и поскакал дальше вверх по склону. Вряд ли его предупреждение удержит их надолго, но это все, что он мог сделать для эмигрантов, которых и без того ждало много испытаний.

Сужающийся серп света на диске Верхнего Мира подсказал Толлеру, что до малой ночи осталось не так много времени. А он должен успеть вывезти Джесаллу!

Толлер добрался до вершины Зеленой Горы, проскакал по пустынным проспектам к Квадратному Дому и спешился в обнесенном стенами дворе.

В холле его встретили толстая повариха Сани и незнакомый лысеющий слуга.

— Мастер Толлер! — воскликнула Сани. — Узнали вы что-нибудь о брате?

Толлер вновь ощутил тяжесть потери. Последние события несколько притупили боль, но теперь она нахлынула с новой силой.

— Брат погиб, — сказал он. — Где хозяйка?

— У себя в спальне. — Сани прижала руки к горлу. — Это для всех нас ужасный день.

Толлер побежал к главной лестнице, но на первом пролете остановился.

— Сани, я сейчас поеду обратно и настоятельно советую тебе и… — Он вопросительно взглянул на слугу.

— Харрибенд, сир.

— Тебе, Харрибенду и всем домашним, кто тут есть, отправиться со мной. Переселение началось раньше времени и в великом беспорядке, и если даже у вас нет ордеров, я думаю, сумею пристроить вас на какой-нибудь корабль.

Слуги попятились.

— Я не могу подняться в небо до своего часа, — сказала Сани. — Это неестественно. Это неправильно.

— В городе бунты и горят противоптертовые экраны.

— Будь что будет, мастер Толлер, мы попытаем

счастья здесь, в родных краях.

— Подумай как следует, — сказал Толлер и, поднявшись по лестнице, прошел по знакомому коридору на южную сторону дома. Ему не верилось, что он в последний раз видит блеск керамических статуэток в нишах и свое туманное отражение, шагающее, подобно призраку, вдоль панелей из полированного стеклянного дерева. Дверь в спальню была открыта.

Джесалла застыла у окна, глядя на город, над которым стояли казавшиеся неподвижными столбы серого и белого дыма; они рассекали синь и зелень бухты Арл и залива Троном. Толлер никогда не видел Джесаллу в таком костюме. Она надела куртку и бриджи из серой плащевой ткани, светло-серую рубашку, и в целом этот костюм напоминал его собственную небесную форму. Неожиданная робость помешала ему заговорить или постучаться. Как полагается сообщать новость, которую он принес?

Джесалла обернулась и посмотрела на него мудрым печальным взором.

— Спасибо, что пришел, Толлер.

— Насчет Лейна, — произнес Толлер, входя в комнату. — Боюсь, у меня плохие вести.

— Я знала, что он погиб, с тех пор, как не по-

ступило известий до ночи. — Она говорила спокойно, почти деловито. — Требовалось только подтверждение.

Такого хладнокровия Толлер не ожидал.

— Джесалла, я не знаю, как тебе сказать… в такое время… но ты видишь, в городе пожары. У нас нет другого выхода, кроме…

— Я готова лететь. — Она подняла с кресла туго стянутый узел. — Это все мои личные вещи. Надеюсь, не слишком много?

Мгновение он смотрел на безмятежное прекрасное лицо, борясь с непонятной обидой.

— Ты что, не понимаешь, куда мы направляемся?

— Разве не на Верхний Мир? Небесные корабли улетают. Я кое-что расшифровала в солнечных телеграммах из Большого Дворца. В Ро-Атабри бунт, и король уже бежал. Ты же не считаешь меня дурой, Толлер?

— Дурой? Нет, что ты. Ты умна, ты так логично рассуждаешь.

— А ты ждал, что я закачу истерику? Буду кричать, что боюсь лететь в небо, куда летал только героический Толлер Маракайн, и тебе придется выносить меня на руках? Или, рыдая, буду умолять, чтобы мне дали время осыпать цветочками

тело мужа?

— Нет, — сказал Толлер и сам испугался своих дальнейших слов. — Я не жду, что ты станешь выдавливать из себя слезы.

Джесалла влепила ему пощечину столь стремительно, что он не успел отклониться.

— Не смей говорить мне такое! Не смей думать обо мне такое! Ну что, мы едем или будем болтать весь день?

— Нужно ехать, и как можно скорее, — холодно ответил Толлер, сопротивляясь желанию потрогать горящую щеку. — Я возьму твои вещи.

Джесалла выхватила у него узел и перекинула через плечо.

— Я справлюсь сама, у тебя и без того хватит дел. — Она проскользнула мимо него в коридор, двигаясь легко и, на первый взгляд, не очень быстро, но он догнал ее только у главной лестницы.

— А как же Сани и остальные слуги? — спросил он. — Мне не хочется бросать их просто так.

Джесалла помотала головой.

— Мы с Лейном пытались уговорить их получить ордера, но они наотрез отказались.

— Наверно, ты права. — У выхода Толлер прощальным взглядом окинул холл и ступил во двор,

где ждал его синерог.

— Где ваш экипаж?

— Не знаю. Лейн вчера его забрал.

— Значит, едем верхом вместе? Джесалла вздохнула.

— Не бежать же мне рядом всю дорогу?

— Хорошо. — Охваченный странным смущением, Толлер вскочил в седло и протянул руку Джесалле. Он удивился, как легко она взобралась на синерога, и еще больше удивился, когда Джесалла обвила руками его талию и прильнула к спине. Без этого было не обойтись, но ему показалось, будто она…

Толлер прервал свою мысль, ругая себя за неуместную склонность к фантазиям, и послал синерога крупной рысью.

Они выехали со двора, повернули на запад и увидели в небе над базой множество кораблей; их пятнышки уменьшались, растворяясь в голубой глубине верхних слоев атмосферы. Было заметно, как они слегка дрейфуют к востоку. Это означало, что скоро появится птерта и внесет панику в и без того хаотичный отлет. Слева над городом поднимались столбы дыма, кажущиеся срезанными и размазанными там, где достигали верхних слоев. То и дело рассыпались взрывами

искр горящие деревья.

Толлер поскакал вниз по склону так быстро, как только мог. Улицы оставались пустынными, но все яснее спереди доносился шум мятежа. Он выехал из-за последнего укрытия покинутых домов и обнаружил, что картина у границ базы изменилась.

Пролом в заграждении расширился, и там собралось около сотни человек, которым преграждали путь ряды пехоты. Из толпы летели камни и деревяшки, но солдаты, хотя и были вооружены дротиками, не отвечали тем же. Ими руководили несколько верховых офицеров, и по ручным мечам и зеленым эмблемам Толлер узнал части полка из Сорки, состоящие из людей, преданных Леддравору и не имевших контактов с Ро-Атабри. В любой момент могла начаться резня, а если еще и прибудут восставшие солдаты, это перерастет в настоящую бойню.

— Держись крепче и пригнись! — крикнул Толлер Джесалле и вытащил меч. — Нам придется нелегко.

Он пришпорил синерога, и они понеслись галопом. Могучий зверь в несколько стремительных секунд преодолел оставшееся расстояние. Толлер надеялся застать бунтовщиков врасплох и

прорваться, пока те не успеют отреагировать. Но люди, которые обернулись, чтобы набрать камней, услышали топот копыт по твердой глине.

— Эй, смотри, синяя куртка! — закричали они. — Хватай поганую синюю куртку!

Увидев массивного тяжеловоза и боевой меч, все убрались с дороги, однако избежать залпа разнокалиберных снарядов не удалось.

Толлера сильно ударило в плечо и в бедро, а кусок шифера скользнул по левой руке и ободрал костяшки пальцев. Он уверенно правил синерогом, перемахивая через поваленные доски, и уже почти достиг шеренги солдат, когда услышал глухой звук и ощутил удар сзади. Джесалла охнула, на мгновение ослабила хватку, но тут же вновь собралась с силами. Шеренга солдат расступилась, пропуская их, и Толлер остановил синерога.

— Очень худо? — спросил он Джесаллу. Из-за того, что она держалась за него, он не мог ни повернуться, ни спешиться.

— Ничего серьезного, — еле слышно ответила она. — Едем дальше.

К ним подбежал бородатый лейтенант, отдал честь и взял синерога за уздечку.

— Вы небесный капитан Толлер Маракайн? —

Да.

— Вам следует немедленно явиться в ангар 12 к принцу Леддравору.

— Именно это я пытаюсь сделать, лейтенант, — сказал Толлер. — И мне будет легче, если вы освободите дорогу.

— Сэр, в приказе принца женщина не упоминается.

— Ну и что?

— Я… ничего, сэр. — Лейтенант отпустил уздечку и попятился.

Толлер послал синерога вперед к рядам ангаров. Еще в экспериментальной эскадрилье выяснилось, что дырчатые стены защищают воздушные шары от завихрений воздуха лучше, чем сплошные, хотя данное явление никто не объяснил. Сквозь квадратные проемы в стенах сияло открытое западное небо, и ангары казались высокими башнями, у подножия которых суетились тысячи рабочих, члены экипажей и эмигранты со своим скарбом.

По-видимому, организаторские способности Леддравора, Чаккела и их помощников были на высоте, раз система функционировала даже в таких крайних обстоятельствах. Корабли по-прежнему стартовали группами по два-три, и

Толлер подумал: просто чудо, что обходится без серьезных аварий.

В тот же момент, словно откликаясь на его мысль, гондола корабля, который поднимался слишком быстро, ударилась о край ангара. Продолжая взлет, корабль стал раскачиваться, а на высоте двухсот футов обогнал другое судно, вылетевшее несколькими секундами раньше.

Качаясь, гондола задела баллон обгоняемого корабля. Оболочка разорвалась, перекосилась и сморщилась, как раненое глубоководное существо, и корабль со свободно болтающимися стартовыми стойками стал падать на землю. Он приземлился прямо на группу фургонов с продовольствием. От удара, должно быть, отсоединились питающие трубы горелки, потому что сразу появились языки пламени и струи черного дыма; к общему смятению добавился лай перепуганных или раненых синерогов.

Толлер постарался не думать о судьбе людей, которые находились на борту. Отвратительный взлет второго корабля выдавал работу новичка; вероятно, многие из тысячи квалифицированных пилотов, приписанных к миграционному флоту, не попали на базу — скорее всего оказались в ловушке в охваченном беспорядками городе. К

прочим смертельным опасностям для межпланетных путешественников добавились новые и весьма серьезные.

Приближаясь к ангару, Толлер почувствовал, что голова Джесаллы привалилась к его спине. Что, если хрупкая Джесалла тяжело ранена?

Двенадцатый и три примыкающих к нему с севера ангара оказались плотно окружены пехотой и кавалерией. В охраняемой зоне царило относительное спокойствие. В ангарах было развернуто четыре воздушных шара, рядом суетились команды накачки. У сложенных в груды богатых чемоданов стояли группы хорошо одетых людей. Некоторые потягивали напитки и приподнимались на цыпочках, чтобы увидеть корабль, который потерпел крушение, а у их ног, будто на семейном пикнике, играли и носились дети.

Наконец Толлер увидел группу, в центре которой вокруг короля Прада стояли принцы Леддравор, Чаккел и Пауч. Король развалился в обычном кресле, уставился в землю и явно не обращал внимания на происходящее. Он выглядел старым, удрученным и был совсем не похож на того бодрого правителя, каким помнил его Толлер.

Маракайн натянул поводья и остановил сине-

рога; навстречу вышел моложавый армейский капитан. Он удивился, увидев Джесаллу, но с готовностью и без комментариев помог ей спуститься. Толлер спешился и заметил, как она бледна. По ее нетвердой поступи и далекому отрешенному взгляду он понял, что она испытывает сильную боль.

— Может, понести тебя? — спросил он, когда по сигналу капитана шеренга солдат расступилась.

— Я пойду… я могу идти, — прошептала Джесалла. — Убери руки, Толлер, это животное не должно видеть мою слабость.

Восхищаясь ее мужеством, Толлер кивнул и пошел вперед к королевской свите. Леддравор повернулся к нему, и в первый раз его губы не сложились в змеиную улыбку. Глаза горели на его мраморно-гладкой физиономии, белая кираса была по диагонали забрызгана кровью, и она толстым слоем запеклась на ножнах, однако лицо принца выражало сдержанный гнев, а не безумную ярость, о которой говорил Завотл.

— Маракайн, я послал за тобой не один час назад, — холодно сказал он: — Где ты был?

— Осматривал останки моего брата, — ответил Толлер, нарочно опуская титул. — В его смерти есть кое-что в высшей степени подозрительное.

— Ты соображаешь, что говоришь? — Да.

— Я вижу, ты опять за старое. — Леддравор подошел ближе и понизил голос. — Когда-то отец заставил меня поклясться, что я не причиню тебе вреда, но как только мы прилетим на Верхний Мир, я буду считать себя свободным от этого обязательства. Тогда, обещаю, я дам тебе то, чего ты так давно ищешь, а сейчас я занят более важными вопросами.

Леддравор отошел и дал надсмотрщикам сигнал к запуску. Поддувальщики сразу взялись за дело, застучав своими вентиляторами. Король Прад вздрогнул, поднял голову и встревоженно огляделся единственным глазом. Шум вентиляторов заставил аристократов живо почувствовать, что вот-вот начнется беспрецедентный полет в неизвестное, и напускное веселье тут же покинуло их. Семейства сплотились теснее, дети притихли, а слуги приготовились нести пожитки хозяев к кораблям, которые должны были следовать за королевскими.

Позади шеренги солдат кипела деятельность, на первый взгляд — хаотическая. Отлет продолжался. Бегали люди, фургоны с припасами сновали среди грохочущих повозок с гондолами, перевозивших небесные корабли к ангарам. За

ними, пользуясь безветренной погодой, прямо на открытом участке без ангаров-ветроломов надували баллоны пилоты грузовых кораблей. Небо теперь было буквально забито кораблями, они поднимались к огненному серпу Верхнего Мира, точно облако летучих спор.

Толлер благоговейно взирал на драматическое зрелище — оно доказывало, что его племя, доведенное до крайности, имело мужество и способности подобно богам перешагнуть с одной планеты на другую. Но его поразило заявление Леддравора.

Клятва, о которой сказал принц, кое-что объясняла, но почему, например, от него эту клятву потребовали? Что побудило короля выделить одного из своих подданных и защитить его? Заинтригованный новой загадкой Толлер задумчиво взглянул на сидящего в кресле короля и был потрясен, увидев, что тот смотрит прямо на него. Через мгновение король, установив молчаливую связь с Толлером через толпу присутствующих, направил на него палец и поманил к себе.

Толлер, не обращая внимания на взгляды королевской свиты, приблизился и поклонился.

— Ты хорошо служил мне, Толлер Маракайн, — усталым, но твердым голосом сказал король. — А

теперь я думаю возложить на тебя еще одну обязанность.

— Вам нужно лишь назвать ее, Ваше Величество, — ответил он, и ощущение нереальности происходящего усилилось, ибо Прад знаком велел ему подойти еще ближе и наклониться, чтобы услышать приватное сообщение.

— Проследи, — прошептал король, — чтобы мое имя не забыли на Верхнем Мире.

— Ваше Величество… — Толлер, ошеломленный, выпрямился в замешательстве. — Ваше Величество, я не понимаю…

— Потом поймешь… а теперь ступай на свой пост.

Он снова поклонился, попятился и не успел обдумать этот краткий разговор, как его позвал полковник Картканг, бывший главный администратор ЭЭНК.

Когда экспериментальную эскадрилью распустили, на полковника возложили обязанность координировать отправление королевского рейса, однако он вряд ли мог предвидеть, что задачу придется выполнять в таких неблагоприятных условиях. Что-то бормоча про себя, он направил Толлера к трем пилотам, уже беседующим с Леддравором.

Одним из них был Завотл, другим — Голлав Амбер, опытный человек, входивший в окончательный список для испытательного полета, а третьего, толстого рыжебородого мужчину в форме небесного командира, Толлер узнал не сразу. Им оказался бывший воздушный капитан, королевский посланник, Халсен Кедалс.

— …Решено, что мы полетим на разных кораблях, — говорил Леддравор, и глаза его вспыхнули при виде Толлера. — Маракайн, единственный офицер с опытом перелета через среднюю точку, удостаивается ответственности вести корабль моего отца. Я полечу с Завотлом, принц Чаккел — с Кедалсом, а принц Пауч — с Амбером. Теперь отправляйтесь к своим кораблям и готовьтесь к отлету, пока нас не застала малая ночь.

Четверо пилотов, отдав честь, уже хотели идти, но Леддравор, подняв руку, остановил их. Казалось, он размышлял целую вечность и наконец снова заговорил:

— С другой стороны, Кедалс давно служит воздушным капитаном и много раз возил моего отца. Он поведет небесный корабль короля, а с Маракайном отправится принц Чаккел. Это все.

Толлер еще раз отдал честь и повернулся, недоумевая, почему Леддравор передумал. Принц

сразу понял, на что намекал Толлер, когда говорил о своих подозрениях насчет гибели брата. Лейн мертв!.. Может быть, это доказательство вины? Может, некий абсурдный поворот мыслей внушил Леддравору, что нельзя доверить жизнь отца человеку, чьего брата он убил или по крайней мере довел до смерти?

Где-то вдали грянул залп тяжелого орудия — этот звук невозможно ни с чем спутать, — и Толлер вспомнил, что рассуждать некогда.

Он оглянулся, ища глазами Джесаллу. Она держалась в стороне от остальных, и ее поза говорила о том, что она все еще испытывает сильную боль. Толлер кинулся к гондоле, возле которой стояли принц Чаккел, его жена, дочь и двое маленьких сыновей. Принцесса Дасина в шапочке, расшитой жемчугом, и дети смотрели на Толлера снизу вверх, устало и недоверчиво. Даже Чаккел держался как-то неуверенно.

Они боятся, понял Толлер, теперь их судьба полностью зависит от человека, в чьи руки случай отдает их жизни.

— Ну, Маракайн, — сказал принц Чаккел, — мы летим? Толлер кивнул.

— Мы можем выбраться отсюда через несколько минут, принц, но есть одна сложность.

— Сложность? Какая?

— Вчера погиб мой брат. — Он помолчал, пользуясь тем, что в глазах Чаккела снова промелькнул испуг. — Мой долг перед его вдовой будет исполнен лишь в том случае, если я возьму ее с собой в этот полет.

— Сожалею, Маракайн, но об этом не может быть и речи. Этот корабль только для меня.

— Я знаю, принц, но вы — человек, который уважает семейные узы и способен понять, что бросить вдову брата невозможно. Если ей нельзя лететь на этом корабле, я вынужден отклонить честь быть вашим пилотом.

— Ты говоришь об измене, — резко оборвал его Чаккел и вытер пот со своей коричневой лысины. — Я… Леддравор казнил бы тебя на месте, если бы ты посмел не повиноваться его приказу.

— Я понимаю, принц, и это было бы очень печально для всех нас. — Толлер невесело улыбнулся и указал на внимательно слушающих детей. — Без меня вас и вашу семью поведет в неведомую область неопытный пилот. А я, видите ли, уже знаком со всеми трудностями и опасностями среднего участка пути и могу вас к ним подготовить.

Двое мальчиков продолжали глазеть на него,

а девочка спрятала лицо в юбке матери. Чаккел бросил на них страдальческий взгляд и в бессилии топнул ногой: ему впервые в жизни приходилось подчиняться воле простого человека.

Толлер улыбнулся с притворным сочувствием и подумал: «Если это и есть власть, то пусть она мне больше никогда не понадобится».

— Вдова твоего брата допускается на мой корабль, — наконец процедил Чаккел. — И я этого не забуду, Маракайн.

— Я тоже всегда буду вспоминать о вас с благодарностью, — ответил Толлер.

Взбираясь на место пилота, он старался забыть о том, что нажил еще одного врага. Впрочем, на этот раз он не чувствовал ни вины, ни стыда. В отличие от прежнего Толлера Маракайна он поступил логично и расчетливо, стремясь к ясной цели, и утешался тем, что действовал в духе обстановки.

Лейн (его больше нет!..) как-то сказал, что Леддравор и ему подобные принадлежат прошлому, и Чаккел только подтвердил это.

Невзирая на катастрофические перемены, люди типа Леддравора и Чаккела вели себя так, словно надеялись воссоздать на Верхнем Мире

прежний Колкоррон, и лишь король Прад, видимо, чувствовал, что все будет иначе.

Лежа спиной на перегородке, Толлер подал сигнал поддувальщикам, что готов включить горелку. Они остановили вентилятор, откатили его в сторону, и Толлер мог теперь видеть изнутри весь баллон. Оболочка, частично заполненная ненагретым воздухом, провисала и морщилась между поднятыми стартовыми стойками. Заглушив звук других горелок, Толлер всадил в баллон несколько залпов, и тот начал раздуваться и отрываться от земли. Когда он поднялся вертикально, люди, державшие верхние канаты, сошлись и прицепили их к несущей раме гондолы. Другие в это время повернули легкую конструкцию и поставили ее горизонтально. Теперь огромная система «баллон — гондола» стала легче воздуха, она стремилась оторваться от центрального якоря, как будто Верхний Мир звал ее.

Толлер спрыгнул с гондолы и кивком показал Чаккелу и ожидавшим слугам, что можно поднимать на борт пассажиров и их пожитки. Затем он подошел к Джесалле, и она позволила ему снять узел со своего плеча.

— Можем лететь, — сказал Толлер. — На борту ты ляжешь и отдохнешь.

Но Джесалла неожиданно заупрямилась.

— Это же королевский корабль, — возразила она. — Мне полагается найти место на каком-нибудь другом.

— Джесалла, пожалуйста, забудь о предписаниях. Многие корабли вообще не смогут улететь. За места на борту прольется кровь. Надо немедленно идти.

— А принц Чаккел разрешил?

— Я с ним провел беседу, и теперь он даже слышать не хочет, чтобы лететь без тебя. — Толлер под руку повел Джесаллу к гондоле. Поднявшись на борт, он обнаружил, что Чаккел, Дасина и дети уже заняли один пассажирский отсек, молчаливо предоставив другой ему и Джесалле. Толлер помог ей перелезть через борт. Она скривилась от боли и, как только он проводил ее в свободный отсек, легла на сложенные там стеганые одеяла, набитые шерстью.

Сняв с пояса меч, он положил его рядом с ней и вернулся на место пилота.

Когда он включал горелку, вдали опять грохнула тяжелая пушка. Королевский корабль был загружен гораздо меньше испытательного, поэтому уже через минуту Толлер вытащил звено якорной цепи.

Гондола слегка накренилась, и мимо заскользили стены ангара. Даже когда баллон целиком вышел на открытый воздух, подъем благополучно продолжался, и через несколько секунд внизу раскинулась вся база небесных кораблей.

Три других корабля королевского рейса — их отличали белые полосы на боку гондол — уже вылетели из ангаров и находились немного выше. Остальные старты притормозили на время взлета королевской эскадры, но Толлера все равно не покидало неприятное чувство тесноты в воздухе, и он пристально следил за соседними кораблями, пока не начался легкий ветерок, который несколько разбросал их.

При массовом полете поднимающиеся или опускающиеся с разными скоростями дирижабли всегда рисковали столкнуться. И поскольку из-за баллона пилот ничего не мог видеть прямо над собой, по инструкции за безопасностью обязан был следить капитан верхнего корабля. Это правило до сих пор выполнялось, но у Толлера на его счет имелись сомнения. Ведь единственным выходом для верхнего корабля было увеличить скорость подъема, а при этом возрастал риск догнать третий дирижабль. Если бы флот отбывал согласно плану, риск был бы минимальным, но сейчас

Толлер с беспокойством ощущал себя одной из конкурирующих частиц вертикального роя.

Корабль набирал высоту, и картина под ними открывалась во всей своей поразительной сложности.

Там и тут, среди дорожек и колей фургонов бросались в глаза лежащие на траве и надутые баллоны, а платформы, телеги с припасами, тысячи животных и людей казались муравьями, которые стараются спасти жирных маток от грозящей катастрофы.

У южных ворот базы пестрела масса людей, но издали невозможно было разобрать, началось сражение между расколовшимися военными подразделениями или нет.

Со всех сторон базы к летному полю сходились отдельные группы людей — предположительно полные решимости эмигранты. А в самом Ро-Атабри полыхали пожары; им теперь помогал ветер, который все усиливался и уже начал срывать противоптертовые заграждения.

По контрасту с бурлением и суматохой среди людей и вещей бухта Арл и залив Троном образовывали безмятежный голубой задник сцены. В туманной дали спокойно плавала невозмутимая плоская гора Опелмер.

Глядя по сторонам и одновременно управляя рычагом интенсивности горелки, Толлер старался прочувствовать, что навсегда покидает эти места, но ощущал в себе лишь пустоту и почти подсознательное возбуждение — свидетельство подавленных эмоций.

Слишком много всего случилось этим утром (мой брат умер!..) — боль и раскаяние затаились в глубине, чтобы выйти, как только придет спокойный час.

Чаккел тоже смотрел за борт, обняв Дасину и дочь. Девочке на вид было лет двенадцать. Толлер всегда считал, что Чаккелом движет лишь честолюбие, но теперь подумал, что, возможно, это мнение ошибочно. Толлеру на удивление легко удалось навязать Чаккелу пассажирку, и это указывало, что забота о семье для принца выше честолюбия.

У перил двух других королевских кораблей тоже виднелись зрители. На одном король Прад и его сопровождающие, на другом — замкнутый принц Пауч со слугами. Только Леддравора, который, по-видимому, летел один, не было видно. У приборов управления одиноко стоял Завотл. Он помахал Толлеру рукой и начал закреплять стартовые стойки. Так как его корабль был за-

гружен меньше всех, он мог на довольно долгие периоды оставлять горелку, не рискуя отстать от остальных.

У Толлера, который остановился на ритме два на двадцать, такой свободы не было. После изучения результатов испытательного полета было решено, что пилоты вполне могут управлять кораблями миграционного флота без помощников, и при этом удастся разместить на борту больше пассажиров и груза. Во время отдыха пилоту надлежало доверить горелку или реактивный двигатель одному из пассажиров, но при этом все время следить за ритмом.

— Вот-вот настанет малая ночь, принц. — Толлер говорил вежливо, стараясь загладить предыдущее нарушение субординации. — Я хотел бы закрепить стойки до того. Поэтому прошу вас сменить меня у горелки.

— Хорошо. — Чаккел как будто даже обрадовался, что для него нашлось полезное дело. Толлер передал ему рукоятку интенсивности, а темноволосые сыновья подошли поближе и, все еще робко поглядывая на капитана, внимательно слушали объяснение работы механизма.

Пока Толлер втаскивал стойки и привязывал их к углам гондолы, Чаккел научил мальчиков

отсчитывать ритм горелки, превратив это в своеобразную игру. Увидев, что они целиком поглощены своей забавой, Толлер прошел в отсек, где лежала Джесалла. Выражение ее лица уже не было таким напряженным, а глаза смотрели живее. Она протянула ему скатанный бинт, который, наверно, достала из своего узла. Взяв бинт, Толлер опустился на подстилку из мягких стеганых одеял, ругая себя за неуместное волнение.

— Как ты? — тихо спросил он.

— Я думаю, ребра все-таки целы, но если я должна выполнять свою долю работы, мне надо перевязать их. Помоги мне подняться. — Опираясь на Толлера, она осторожно встала на колени и, повернувшись к нему спиной, задрала серую рубашку и открыла кровоподтек сбоку на нижних ребрах. — Как ты считаешь?

— Да, надо забинтовать, — сказал он, не двигаясь с места.

— Так чего же ты ждешь?

— Ничего. — Он начал обматывать ее бинтом, стараясь делать это плотно, но ему мешали складки куртки и рубашки. Несмотря на всю осторожность, его пальцы слегка задевали ее грудь, и это прикосновение волновало Толлера, увеличивая его неповоротливость. Джесалла

громко вздохнула.

— Какой ты бестолковый, Толлер. Подожди! — Она одним движением стянула с себя рубашку вместе с курткой, и ее стройное тело оказалась обнаженным выше пояса. — Попробуй теперь.

Толлер заставил себя вспомнить тело Лейна в желтом капюшоне и тут же превратился в бесчувственную машину. Он быстро и ловко, как полевой хирург, забинтовал Джесаллу и опустил руки. Несколько секунд Джесалла тепло и грустно смотрела на него, затем подняла и надела рубашку.

— Спасибо, — сказала она, легонько дотронувшись рукой до его губ.

Сверкнуло пламя радужных цветов, и корабль резко погрузился во тьму. Во втором пассажирском отсеке Дасина с дочерью тревожно простонали. Толлер встал и посмотрел через борт. Край искривленной тени Верхнего Мира мчался на восток к горизонту, а почти точно под кораблем переплетением оранжевых пылающих прядей, погруженных в расширяющееся смоляное озеро, светился Ро-Атабри.

Когда вернулся дневной свет, четыре корабля королевского рейса достигли примерно двадцати миль высоты, и их сопровождал рыхлый рой

птерты.

Толлер осмотрелся и увидел зловещий шар всего в тридцати ярдах к северу. Он быстро подошел к одной из двух корабельных пушек, навел ее на цель и вытащил штырек — затвор стеклянного контейнера с двумя отделениями. Последовала короткая пауза, пока смешивались пикон и халвелл, а затем смесь взорвалась, и снаряд смутным пятном прочертил свою траекторию, раскрывая в полете радиальные лезвия. За ним, ярко блестя, потянулись стеклянные осколки. Описав пологую дугу, снаряд прошел сквозь птерту и уничтожил ее. Клякса пурпурной пыли расплылась и быстро исчезла.

— Хороший выстрел, — сказал Чаккел за спиной Толлера. — Как вы думаете, на этом расстоянии яд до нас не дошел?

Толлер кивнул:

— Корабль летит по ветру, когда ветер есть, и пыль тоже. Поэтому она не может нас догнать. И вообще птерта для нас не так уж опасна. Эту я уничтожил, потому что у границ малой ночи бывают воздушные завихрения, и мне не хотелось, чтобы шар воспользовался случайным порывом ветра и налетел на нас.

С озабоченным выражением на смуглом лице

Чаккел смотрел на остальные шары.

— Как это они подобрались так близко?

— Должно быть, случайно. Если они распределены по всей площади неба, а рядом поднимается корабль, они начинают двигаться в том же темпе. То же самое случается при… — Толлер замолчал, услышав откуда-то снизу два пушечных выстрела, а затем слабые крики.

Он наклонился через борт гондолы и посмотрел прямо вниз. На сложном зелено-голубом фоне выпуклой громады Мира виднелась нескончаемая масса баллонов. Ближайший находился всего в нескольких сотнях ярдов и казался очень большим. Под ним нестройной цепью и случайными скоплениями располагалось множество других баллонов, уменьшавшихся с расстоянием до минимальных размеров.

Птерта перемешалась с ближайшими кораблями, и Толлер смотрел, как еще одна пушка выстрелила и попала в шар. Снаряд быстро потерял скорость и в головокружительном стремительном падении затерялся в облачных узорах далеко внизу. Крики были слышны еще некоторое время, потом стихли.

Толлер отодвинулся от перил. Он не знал, была ли это беспочвенная паника или кто-то и впрямь

увидел висящий рядом с гондолой слепой, злобный и совершенно непобедимый шар, который вот-вот лопнет, чтобы рассеять смертоносную пыль.

Он облегченно вздохнул, одновременно чувствуя себя виноватым от того, что ему не грозит подобная участь, и тут ему в голову пришла новая мысль. Ведь птерте, чтобы приблизиться, не нужен дневной свет, и нет гарантии, что во время темноты один или несколько шаров не подплывали к кораблю. Если это так, то ни он, ни Джесалла, ни кто-либо из пассажиров не ступят ногой на Верхний Мир.

Толлер попытался примириться с этой мыслью, а рука его сама собой нащупала в кармане странный памятный подарок отца, и большой палец начал описывать круги по гладкой поверхности.

Глава 19

К десятому дню полета корабль находился уже всего в тысяче миль над Верхним Миром, и привычные картины дня и ночи перевернулись. Период, который Толлер привык считать малой ночью — когда солнце уходило за Верхний

Мир, — вырос до семи часов[3], а ночь, то есть время, когда они находились в тени родной планеты, сократилась до трех часов.

Перед рассветом он в одиночестве сидел на месте пилота и пытался представить себе будущую жизнь на новой планете. Ему подумалось, что даже колкорронцев, привыкших к жизни под сферой Верхнего Мира, будет угнетать зрелище слишком большой планеты, висящей над головой и лишающей их значительной части дня[4]. Если Верхний Мир необитаем, мигранты, возможно, захотят поселиться на дальней стороне планеты, в широтах, соответствующих широтам Хамтефа на Мире. И однажды настанет время, когда исчезнет всякое воспоминание об их происхождении, и…

У входа в пассажирский отсек появился се-

---

[3] Примечания: 3

Несложный подсчет дает для данной высоты другую продолжительность «малой» ночи — пять часов. Впрочем, это все равно больше, чем длительность ночи. — Примеч. пер.

[4] Примечания: 4

Нетрудно заметить, что видимый диаметр Мира для наблюдателя на Верхнем Мире всего на 20 % превышает привычный для колкорронцев видимый диаметр Верхнего Мира. Соответственно, и продолжительность отнятого у светлого времени суток промежутка составляет 2,4 часа против 2 часов прежней малой ночи. Другое дело, что Толлер не силен в математике, никогда еще не был на Верхнем Мире и судит по картине, представшей перед ним за 1000 миль до места назначения. — Примеч. пер.

милетний сын Чаккела Сетван, прервав мысли Толлера. Мальчик подошел и положил голову ему на плечо.

— Дядя Толлер, я не могу уснуть, — прошептал он. — Можно я побуду с тобой?

Он посадил мальчика на колено и мысленно усмехнулся, представив себе, как реагировала бы Дасина, услышав, что один из ее детей называет Толлера дядей.

Из семи людей, обреченных на заточение в микрокосме гондолы, лишь Дасина не позволила себе никаких послаблений. С Толлером и Джесаллой она не разговаривала, продолжала носить жемчужную шапочку, а из пассажирского отсека выбиралась только по необходимости. Когда они проходили среднюю точку, она трое суток не пила и не ела, чтобы не пользоваться туалетом в это время. Ее лицо побледнело, утратило плавную округлость, на нем отчетливо проступили скулы, и хотя корабль уже спустился до более теплого уровня атмосферы Верхнего Мира, принцесса продолжала кутаться в стеганые одеяния, наспех скроенные для миграционного полета. Если же кто-то из семьи заговаривал с ней, она отвечала односложно.

Толлер слегка сочувствовал Дасине, зная, что

ей пришлось тяжелее, чем остальным. Дети — Корба, Олдо и Сетван — не так много лет провели в привилегированной сказочной стране Пяти Дворцов, чтобы привыкнуть к роскоши, а сейчас им помогали природное любопытство и тяга к приключениям. Чаккел благодаря своим обязанностям и амбициям всегда находился в гуще повседневной жизни Колкоррона. Кроме того, принц был умен, полон сил и надеялся сыграть ключевую роль в основании новой нации на Верхнем Мире.

На Толлера произвело большое впечатление то, как быстро принц приспособился и стал работать на корабле, не увиливая от выполнения любых поручений. Особенно добросовестно Чаккел возился с боковыми реактивными микродвигателями, которые позволяли регулировать позицию корабля.

С самого начала ученые предсказали, что после путешествия в пять тысяч миль воздушные потоки разбросают все корабли по весьма приличной территории Верхнего Мира; однако Леддравор заявил, что королевский рейс обязан приземлиться тесной группой.

Предложенные способы связать корабли отвергли как непрактичные, и в конце концов

королевские суда оборудовали миниатюрными горизонтальными реактивными двигателями, которые при долгой непрерывной работе добавляли весьма малую боковую компоненту к движению корабля, не заставляя его вращаться. Эта кропотливая работа удержала на протяжении полета четыре корабля королевского рейса в тесном строю.

Одно из самых памятных зрелищ в жизни Толлера представилось, когда группа миновала среднюю точку и наступило время переворачивать корабли. Он уже переживал это раньше, но вид того, как планеты-сестры величественно плывут по небу в разных направлениях — Верхний Мир выскальзывает из-за баллона, а Мир на другом конце невидимого диаметра восходит из-за гондолы, — этот вид казался ему несказанно прекрасным и внушал благоговение. К тому же на середине переворота к зрелищу добавилось еще одно чудо: от одной планеты до другой простиралась в обе стороны исчезающая вдали вереница кораблей, которые выглядели как кружки разных размеров, постепенно уменьшающиеся до светящихся точек.

Несколько дирижаблей отложили переворот, и можно было разглядеть все устройства и сопла

реактивных двигателей под их гондолами.

И — будто этого мало, чтобы пресытить глаза и разум — были видны еще и три корабля-попутчика, которые тоже совершали переворот на фоне сияющих жгутов небесных тел и точек звезд. Конструкции, такие хрупкие, что их легко мог смять бурный ветер, волшебным образом выдержали и не перекосились, переворачивая вселенную вниз головой, словно подчеркивая, что тут и впрямь неизведанная область. Пилоты у горелок застыли неподвижно и, конечно, не могли быть ничем иным, как только инопланетянами, сверхлюдьми, обладавшими знаниями и мастерством, недоступными обычному человеку.

Не все сцены, которые наблюдал Толлер, были величественными, но запомнились они по иным причинам.

Джесалла — ее лицо, выражение глаз, сомневающееся или торжествующее, когда она справилась с непокорным огнем в камбузе… углубленное в себя в часы «падения» через область малой и нулевой гравитации… Почти одновременный взрыв всех птерт на второй день полета… Удивление и восторг детей, когда в окружающем холодном воздухе стало видно их дыхание… Игры малышей в то недолгое время,

когда можно было подвешивать в воздухе бусы и безделушки, создавая из них карикатурные лица и объемные картины…

А снаружи разворачивались другие сцены, причастные к царству жуткого кошмара. Они рассказывали о далеких трагедиях и причудливой гибели людей. Королевский рейс эвакуировался с базы одним из первых, и Толлер знал, что уже через день после переворота над ними миль на сто растянулось разреженное облако из кораблей. Они скрывались за огромным степенным баллоном, да их и без того было бы плохо видно на таком расстоянии, но печальные свидетельства их присутствия Толлер получал. Это был редкий, случайный и жуткий дождь — дождь из твердых «капель» различных размеров и форм, от целых небесных кораблей до человеческих тел.

Три раза Толлер видел разрушенные корабли. Их гондолы скользили мимо, обернутые медленно колышущимися ошметками баллонов, и были обречены целый день падать на Верхний Мир. Наверно, в последние часы бегства в Ро-Атабри царил полный хаос, и в этом хаосе командование некоторыми кораблями поручили неопытным летчикам, а быть может, по принуждению бунтовщиков, ими управляли люди, и вовсе не

имевшие знаний в авиации. Похоже, многие из них прошли среднюю точку и не перевернулись вовремя. Притяжение Верхнего Мира увеличило их скорость, в хрупкой оболочке возникли сильные напряжения и разорвали ее.

Однажды мимо стремительно пронеслась гондола без баллона. За ней вверх тянулись канаты и стартовые стойки, удерживающие ее в правильном положении, а у перил дюжина солдат безмолвно обозревала процессию еще способных лететь кораблей — последнее, что связывало обреченных с человечеством и жизнью.

Но чаще всего падала всякая мелочь: кухонная утварь, шкатулки, мешки с провизией, отдельные люди и животные — свидетельства катастроф в десятках миль вверху, среди колеблющейся массы кораблей.

Вскоре после средней точки, когда скорость падения была еще низкой, мимо королевского рейса пролетел юноша — так близко, что Толлер разглядел его лицо. Возможно, из-за бравады или отчаянного желания пообщаться с кем-нибудь напоследок он весело окликнул Толлера и помахал рукой. Толлер не ответил, отказываясь принимать участие в жуткой пародии на героизм. Застыв у перил, он долго не мог оторвать

глаз от несчастного, пока тот не скрылся из виду.

Через много часов в темноте, пытаясь уснуть, Толлер думал о падающем человеке, который к этому времени летел уже в тысяче миль впереди миграционного флота, и гадал, что чувствует тот в последние минуты…

Толлер сидел с уютно дремлющим на колене Сетваном и автоматически управлял горелкой, отмеряя частоту залпов ударами собственного сердца, когда резко вернулся дневной свет. Он осмотрелся, поморгал и понял: что-то случилось — рядом летели не три, а два корабля.

Не хватало того, на котором летел король. Ничего особенного вроде бы не произошло, Кедалс — сверхосторожный пилот — любил на ночь замедлять спуск, предпочитая, чтобы остальные дирижабли находились ниже, на виду, но сейчас в небе вообще не было видно королевского корабля. Толлер легко поднял Сетвана, отнес его к семье в пассажирский отсек и тут услышал неистовые крики Завотла и Амбера. Обернувшись в ту сторону, он увидел, что они показывают на что-то над его кораблем. В тот же миг из горловины баллона хлынул поток горячего маглайна, отчего кто-то из детей испуганно взвизгнул.

Толлер взглянул вверх, сквозь сияющий купол

баллона, и сердце его затрепетало. Он увидел, что к баллону, искажая паутинную геометрию лент оплетки, прижался квадратный силуэт гондолы.

Королевский корабль находился прямо над ними и интенсивно давил на их баллон. Толлер видел круглый отпечаток сопла реактивного двигателя, которое зарывалось в макушку оболочки, угрожая разорвать верхнюю секцию. Такелаж и стартовые стойки скрипели, и давление выталкивало в гондолу Толлера все больше удушливого газа.

— Кедалс! — заорал он, не зная, услышат ли его в верхней гондоле. — Подними корабль! Подними корабль!

К его голосу присоединились отдаленные крики Завотла и Амбера, в одной из гондол заработал солнечный телеграф, но сверху никто не отвечал. Корабль короля продолжал давить на их баллон, угрожая разорвать или сплющить его.

Толлер бросил беспомощный взгляд на Джесаллу и Чаккела, которые вскочили и смотрели в ужасе, раскрыв рты. Самым правдоподобным объяснением, которое пришло ему в голову, было что Кедалс заболел, потерял сознание или умер за рычагами управления. Но если так, кто-то другой может включить горелку и расцепить корабли, и

лучше бы он сделал это побыстрее! А вдруг — и от этой мысли у Толлера пересохло во рту — горелка каким-то образом сломалась и не включается.

Он лихорадочно обдумывал ситуацию, а ткань баллона в это время щелкала, как хлыст, и палуба качалась под ногами. Сцепившаяся пара кораблей начала быстро терять высоту, о чем говорил тот факт, что два других корабля королевского рейса поплыли вверх.

Впервые с момента взлета у перил своей гондолы показался Леддравор, а за его спиной Завотл все еще посылал бесполезные вспышки солнечного телеграфа.

Отцепиться от королевского корабля, увеличив скорость спуска, Толлер не мог. Его баллон и так выпустил уже много газа, поэтому существовала опасность, что при слишком большой скорости наружное давление воздуха раздавит его. После этого началось бы падение на Верхний Мир с тысячемильной высоты.

Необходимо было срочно вкачать в баллон много горячего газа, хотя и возникал риск порвать оболочку. Взгляд Толлера встретился со взглядом Джесаллы, и он сказал себе: «Я должен выжить!»

Толлер вернулся на место пилота и запустил в горелку долгий грохочущий залп; голодный

баллон жадно впитал тепло, и через несколько секунд Толлер толкнул рычаг бокового двигателя. Выхлопа не было слышно за ревом горелки, но от этого его действие не стало меньше.

Два других корабля королевского рейса поплыли вниз и скрылись из виду, а корабль Толлера начал вращаться вокруг своей оси. Последовали низкие нечеловеческие стоны, и гондола короля, соскользнув по боку баллона Толлера, оказалась на виду. Одна из стартовых стоек королевского дирижабля отвязалась и, словно меч дуэлянта, кружилась в воздухе.

Пока Толлер, застыв, наблюдал это, движение кораблей, обычно плавное и величественное, как движение небесных тел, резко ускорилось. Вторая гондола поравнялась с ним, и острый конец ее стойки слепо въехал им в камбуз. Вселенная опасно накренилась. От сотрясения стойка поехала обратно, распоров своим верхним концом оболочку королевского баллона. Содрогаясь, как в агонии, он сплющился, и дирижабль короля начал беспрепятственно падать, таща за собой зацепившейся стойкой корабль Толлера. Их гондола повернулась набок, и перед ними засверкал Верхний Мир, жадный, готовый поглотить пришельцев. Вскрикнув, Джесалла упала на пере-

городку, из рук ее выпало зеркало и закружилось в голубой пустоте. Толлер бросился в камбуз. Рискуя вывалиться за борт, он схватил зацепившийся конец, собрал всю свою физическую мощь воина и отбросил стойку.

Гондола выровнялась, а Толлер, ухватившись за перила, смотрел, как корабль короля начинает свой смертельный спуск. На высоте тысячи миль сила гравитации была меньше половины[5], и дальнейшее происходило словно во сне. Толлер увидел, как король Прад подплыл к борту падающей гондолы, его белый глаз сверкнул, точно звезда, когда он поднял руку и указал на Толлера. Через секунду разорванный баллон, кружась, скрыл монарха из виду. Падая, корабль короля набирал скорость и становился все меньше, пока не превратился в еле видное мерцающее пятнышко, затерявшееся среди мозаичных картин Верхнего Мира.

Почувствовав неожиданное беспокойство, Толлер поднял голову и оглядел два оставшихся дирижабля. С ближайшего на него смотрел Леддравор, и когда их взгляды встретились, он протянул к Толлеру руки, словно звал в объятия

---

[5] Примечания: 5
На самом деле даже меньше трети — 28 %. — Примеч. пер.

любимую. Так он стоял в безмолвном призыве, и, даже вернувшись к горелке, Толлер ощущал, что ненависть принца пронзает его душу подобно невидимому лезвию.

Из входа в пассажирский отсек, где тихо плакали Дасина и Корба, на Толлера смотрел Чаккел с посеревшим лицом.

— Сегодня плохой день, — заплетающимся языком произнес принц. — Умер король.

Нет пока, подумал Толлер. Ему еще лететь и лететь много часов. Вслух же он сказал:

— Вы видели все своими глазами. Просто чудо, что мы уцелели. У меня не было выбора.

— Леддравор с этим не согласится.

— Да, — печально подтвердил Толлер, — Леддравор не согласится.

Ночью, когда Толлер напрасно старался уснуть, к нему пришла Джесалла. В этот одинокий час ему показалось естественным обнять ее одной рукой. Она опустила голову ему на плечо и прошептала в самое ухо:

— О чем ты думаешь, Толлер?

Он хотел сначала солгать, но потом решил, что не стоит.

— Я думаю о Леддраворе. Наш спор должен разрешиться.

— Может быть, он проанализирует случившееся, и, когда мы окажемся на Верхнем Мире, переменит мнение. Я хочу сказать, что, даже если бы ты пожертвовал нами, короля бы это все равно не спасло. Леддравор должен признать, что ты ничего не мог поделать.

— Так можно считать мне, а Леддравор скажет, что я слишком проворно вывернулся из-под корабля его отца. Наверно, будь я на его месте, а он на моем, я бы и сам так сказал. Если бы я подождал еще, Кедалс или кто-нибудь, возможно, запустил бы горелку.

— Успокойся, — ласково сказала Джесалла. — Ты сделал то, что следовало.

— Леддравор тоже сделает то, что следует.

— Но ведь ты можешь с ним справиться?

— Вероятно. Но, боюсь, он уже отдал распоряжение казнить меня. Не могу же я сражаться с целым полком.

— Понимаю. — Джесалла облокотилась на одну руку и смотрела на него сверху. В сумраке ее лицо было невыразимо прекрасно. — Толлер, ты любишь меня?

Он почувствовал, что достиг конца путешествия, длившегося всю жизнь. — Да.

— Я рада. — Она села и начала раздеваться. —

Потому что хочу от тебя ребенка.

Толлер поймал ее за запястье и ошеломленно улыбнулся, не веря своим ушам.

— Что ты делаешь! Прямо за этой перегородкой у горелки сидит Чаккел.

— Ему нас не видно.

— Но нельзя же так…

— Меня это не волнует. — Джесалла прижалась грудью к руке Толлера, сжимавшей ее запястье. — Я выбрала тебя в отцы моего ребенка, и у нас, может быть, совсем мало времени.

— Ничего не выйдет. — Толлер откинулся назад на одеяло. — Я просто не в состоянии заниматься любовью в таких условиях.

— Ты думаешь? — Джесалла села на него верхом, прижалась ртом к его губам и стала мять руками его щеки, терпеливо стараясь разбудить в нем ответную страсть.

Глава 20

С высоты двух миль экваториальный континент Верхнего Мира выглядел совершенно доисторическим. Толлер некоторое время отрешенно пялился на простершийся внизу ландшафт, пока наконец не понял, почему ему пришло в голову

именно это определение. Дело было не столько в полном отсутствии городов и дорог — первое доказательство необитаемости континента, — сколько в однородном цвете равнин.

Все, что он до сих пор видел сверху, так или иначе отражало принятую на Мире шестипольную систему. Все культуры и злаки размещались параллельными полосами, цвета которых менялись от бурого до зрелого желтого через несколько оттенков зеленого. Здесь же поля были просто… зелеными, и перед Толлером блестели залитые солнцем одноцветные просторы.

«Нашим фермерам придется заново начинать отбор семян, — подумал он. — А всем горам, морям и рекам надо будет давать названия. Это и в самом деле начало жизни на новой планете. А меня, наверно, при этом не будет…»

Вспомнив о насущных проблемах, Толлер перенес свое внимание на рукотворные объекты. Два других корабля королевского рейса находились намного ниже; корабль Пау-ча — чуть в стороне, и у его перил толпились пассажиры, мысленно путешествующие по неизведанной планете.

На корабле Леддравора одинокий Илвен Завотл устало сгорбился у рычагов управления. Сам принц, должно быть, возлежал в пассажирском

отсеке, как и во все время вояжа за исключением трагического эпизода два дня назад. Толлер подметил такое поведение принца и гадал, не страдает ли тот фобией к неограниченной пустоте, раскинувшейся вокруг миграционного флота. Если так, для Толлера было бы лучше, чтобы дуэль состоялась прямо на борту гондолы.

Ниже, в двух милях воздушного пространства, спускалась еще дюжина кораблей, их баллоны образовали неравномерную цепочку, которая все более вытягивалась к западу. Это означало, что в нижних слоях атмосферы дует умеренный ветер. Там, куда их несло, уже громоздились спущенные баллоны, из которых позже построят временный палаточный город. В бинокль Толлер, как и ожидал, разглядел на большей части приземлившихся кораблей военные знаки. Даже в суматохе бегства из Ро-Атабри Леддравор позаботился о мощной поддержке, намереваясь с первых же шагов по Верхнему Миру взять инициативу в свои руки.

Анализируя ситуацию, Толлер понял, что если он посадит корабль рядом с кораблем Леддравора, то останется в живых не дольше нескольких минут. Даже в случае его победы в поединке Толлера — по обвинению в гибели короля — схватят

армейские. Единственный шанс выжить, хотя бы в первые несколько дней, Толлер получит, если задержит посадку и вновь взлетит, когда корабль Леддравора начнет приземляться. Милях в двадцати к западу виднелись лесистые холмы; если долететь до них, то, возможно, удастся скрыться там на некоторое время, пока Леддравор не организует его поиски.

Толлер понимал, что в его плане имелось слабое место: он во многом зависел от поведения пилота корабля Леддравора, которое невозможно было контролировать. Толлер не сомневался, что Завотл все поймет, когда увидит, что он мешкает с приземлением, но вот поддержит ли? И если даже захочет помочь, рискнет ли сделать то, чего от него ожидает Толлер? Завотлу придется спешно дернуть за отрывной канат и спустить баллон как раз в тот момент, когда Леддравор увидит, что враг ускользает, а что сделает принц во гневе, предсказать невозможно. Он убивал людей и за меньшие проступки.

Через ярко освещенное пространство Толлер посмотрел на одинокого Завотла, зная, что их взгляды встретятся, затем прислонился спиной к стенке гондолы и стал рассматривать Чаккела, который управлял горелкой в темпе спуска

— один на двадцать.

— Принц, у земли сильный ветер, и я боюсь, что он потащит корабль, — сказал Толлер. — Вы, принцесса и дети должны приготовиться выпрыгнуть за борт до того, как мы коснемся поверхности. Это только кажется опасным. Вокруг гондолы снаружи имеется надежный выступ, на котором можно стоять, пока наша скорость не станет такой же, как у пешехода. Лучше спрыгнуть до посадки, чем оказаться в гондоле, когда она перевернется.

— Я тронут твоей заботливостью. — Чаккел исподлобья бросил на Толлера подозрительный взгляд.

Гадая, правильно ли он поступил, Толлер подошел к месту пилота.

— Мы скоро приземлимся, принц. Вам надо приготовиться.

Чаккел кивнул, освободил сиденье и неожиданно сказал:

— Я до сих пор помню, как увидел тебя впервые среди сопровождающих Гло. Никогда бы не подумал, что дойдет до такого!

— Магистр Гло был прозорлив, — ответил Толлер. — Судьбе следовало бы позволить именно ему привести нас сюда.

— Да, наверно. — Чаккел бросил на Толлера еще один проницательный взгляд и пошел туда, где Дасина с детьми готовилась к приземлению.

Толлер сел и, взяв управление горелкой, отметил, что грузик-указатель на измерителе высоты вернулся к нижней отметке. По размерам Верхний Мир меньше Мира, поэтому он думал, что гравитация там окажется слабее. Но Лейн считал иначе: «У Верхнего Мира плотность выше, поэтому все будет весить там столько же, сколько на Мире».

Толлер покачал головой и грустно улыбнулся, отдавая брату запоздалую дань уважения. Откуда Лейн так твердо знал, чего следовало ожидать? Главным в жизни брата была математика, и Лейн навечно останется для него закрытой книгой, как, похоже, и…

Он взглянул на Джесаллу; она уже час неподвижно стояла у внешней стенки их отсека, полностью поглощенная расстилавшимися внизу просторами новой планеты. Все это время узел с пожитками висел у нее на плече, поэтому казалось, что ей не терпится ступить на Верхний Мир и начать строить будущее для себя — и ребенка, которого они с ней, возможно, зачали.

Глядя на нее, стройную, прямую и решитель-

ную, Толлер испытывал весьма сложные и противоречивые чувства.

В ту ночь, когда она пришла к нему, он практически не сомневался, что не сможет быть мужчиной. На него давили усталость и чувство вины, нервировало присутствие Чаккела, управлявшего горелкой всего лишь в нескольких футах от них. Но Джесалле было виднее. Она действовала со страстью, искусством и воображением, покоряя его своим изящным телом и чувственными поцелуями, пока для Толлера не исчезло все, кроме желания любить эту женщину. Вплоть до кульминационного момента она оставалась сверху, затем умудрилась незаметно перевернуться и, приподняв лоно, обхватила Толлера ногами, сохраняя такое положение несколько минут.

Только потом, когда они разговаривали, он понял, что она сделала все, чтобы увеличить возможность зачатия.

Сейчас Толлер не просто любил ее, но отчасти и ненавидел за некоторые планы, о которых она рассказала ему в ту ночь, в сумраке, прорезаемом вспышками метеоров. Дже-салла не утверждала прямо, но весьма прозрачно намекнула, что ей претят правила этикета и она собирается бросить вызов условностям ради будущего ребенка.

В обстановке старого Колкоррона ей казалось, что для ее отпрыска будут наиболее благоприятны качества, которыми обладал Лейн Маракайн, поэтому она вышла за него. Она любила Лейна, но Толлера оскорбляло, что она любила его не бескорыстно.

А теперь, когда жизнь поставила Джесаллу в совершенно иные условия Верхнего Мира, она трезво рассудила, что отцом ее ребенка должен стать Толлер Маракайн, и поэтому отдалась ему.

В замешательстве и мучительных раздумьях Толлер не мог определить истоки своего недовольства. Возможно, он презирает себя за то, что вдова брата так легко его соблазнила? Быть может, его гордость уязвлена тем, что она использовала возвышенные переживания для своих евгенических упражнений? Или он просто злится, потому что Джесалла оказалась совсем не такой, как ему хотелось? Как может женщина быть одновременно распутной и скромной, корыстной и щедрой, твердой и мягкой, доступной и далекой, твоей и не твоей?

Толлер понимал, что вопросы эти бесконечны, и думать о них сейчас бесполезно и опасно. Пока надо размышлять лишь о том, как уцелеть.

Он насадил на рычаг горелки удлиняющую

трубку, чтобы обеспечить себе при спуске максимальный обзор. Горизонт начал подниматься, потом очутился на одном уровне с гондолой, и Толлер плавно увеличил рабочее отношение, пропуская корабль Завотла вперед. Следовало и по вертикали оторваться как можно дальше, не вызывая подозрении у Чаккела или Леддравора. Один за другим опустились несколько кораблей, летевших впереди королевского рейса; каждый стукался о землю, от удара баллон изгибался, затем в его макушке появлялась дыра, оболочка никла и обрушивалась.

Все вокруг было усеяно кораблями, приземлившимися раньше, и в царившей суете уже начал вырисовываться некий порядок. Припасы складывали в одном месте, а к каждому вновь прибывшему кораблю устремлялись на помощь целые команды.

Толлер ожидал, что, увидев это, почувствует трепет и благоговение, но напряженность ситуации заслонила все прочие чувства. Он направил бинокль на уже готовый к посадке корабль Завотла и в тот же момент рискнул дать долгий залп, запустив в баллон маглайн. И немедленно словно по команде у перил своей гондолы появился Леддравор. Он мрачно уставился на корабль Толлера,

и даже на таком расстоянии можно было разглядеть, как яростно вспыхнули его глаза, когда он увидел, что происходит.

Леддравор повернулся к пилоту, но Завотл, не дожидаясь удара о грунт, уже потянул разрывную веревку. Баллон над ним подбросило в смертельных конвульсиях, а гондола скользнула в траву и скрылась под темно-коричневым саваном оболочки, которая, трепыхаясь, опустилась сверху. Группа солдат во главе с офицером на синероге бросилась к этому кораблю и к кораблю Пауча, совершившему более спокойную посадку в двухстах ярдах.

Толлер опустил бинокль и обратился к Чаккелу:

— Принц, по причинам вам, по всей видимости, понятным, я сейчас не намерен приземляться. Я не имею ни малейшего желания увозить вас или кого-нибудь другого, — он сделал паузу и посмотрел на Джесаллу, — с собой в инопланетную дикую местность. Поэтому я опушусь до уровня травы. С этой высоты вам и вашей семье будет легко покинуть корабль, но вы должны действовать быстро и решительно. Ясно?

— Нет! — Чаккел вышел из пассажирского отсека и шагнул к Толлеру. — Ты посадишь корабль в

соответствии с инструкцией. Я тебе приказываю, Маракайн! Я не намерен подвергать себя и семью излишнему риску!

— Риску! — Толлер растянул губы в улыбке. — Принц, речь идет о прыжке с высоты нескольких дюймов. Сравните это с тысячемильным падением, которое мы едва не начали два дня назад.

— Твой замысел мне понятен. — Чаккел замялся и взглянул на пассажирский отсек. — Но все равно я настаиваю на приземлении.

— А я настаиваю на обратном, — более жестко сказал Толлер.

До грунта оставалось еще тридцать футов, и с каждым мгновением ветер уносил корабль от площадки, где опустился Леддравор, но этому скоро придет конец. Пока Толлер гадал, сколько еще времени ему дано, Леддравор уже выбрался из-под смятого баллона. Джесалла быстро перемахнула через стенку гондолы и встала на внешний выступ, готовясь спрыгнуть. Ее глаза на мгновение встретились с глазами Толлера, но взгляд их был нем.

— Принц, решайтесь, — повторил Толлер. — Если вы не покинете корабль, мы поднимемся все вместе.

— Не обязательно. — Чаккел наклонился к

месту пилота и схватил красную веревку, соединенную с отрывной панелью баллона. — По-моему, это восстановит мою власть, — сказал он и выставил указательный палец, заметив, что рука Толлера сжалась на рычаге интенсивности. — Если ты попытаешься взлететь, я вскрою баллон.

— На такой высоте это опасно!

— Не опасно, если я только слегка надорву, — ответил Чаккел, демонстрируя знания, которые он получил, пока руководил производством миграционного флота. — Я вполне могу посадить корабль мягко.

Толлер оглянулся: Леддравор как раз реквизировал синерога у подъехавшего офицера.

— Любое приземление покажется мягким, — сказал Толлер, — по сравнению с тем, которое ожидало детей после падения с тысячи миль.

Чаккел покачал головой:

— Не повторяйся, Маракайн. Ты ведь тоже спасал свою шкуру. Леддравор теперь король, и служить ему — мой главный долг.

Снизу послышался шорох: это сопло реактивного двигателя задело кончики высокой травы. В полумиле к востоку Леддравор на синероге галопом скакал к кораблю, за ним бежали пешие солдаты.

— А мой главный долг — это дети! — неожиданно объявила принцесса Дасина, и над переборкой пассажирского отсека показалась ее голова. — Хватит с меня этой чепухи — да и тебя тоже, Чаккел!

Удивительно проворно, пренебрегая достоинством, она перелезла через стенку гондолы, увлекая за собой Корбу.

Без лишних слов Джесалла обошла корпус снаружи и помогла мальчикам устроиться на выступе.

На Дасине по-прежнему, как генеральские знаки различия, красовалась жемчужная шапочка. Принцесса пригвоздила мужа к полу властным взглядом и гневно произнесла:

— Ты обязан этому человеку моей жизнью и если отказываешься признать свой долг, это означает лишь одно.

— Но… — Чаккел в замешательстве потер лоб и указал на Леддравора, который быстро догонял корабль, вяло плывущий по ветру. — Что я скажу ему?

Толлер достал меч из своего отсека.

— Скажите ему, что я угрожал вам этим!

— Ты действительно угрожаешь мне?

Днище уже скользило у самой земли, и гондола

слегка подпрыгнула, когда сопло задело о кочку. В каких-нибудь двухстах ярдах Леддравор нахлестывал синерога, заставляя его скакать все более неистовым галопом.

— Ради вашей же пользы немедленно оставьте корабль! — закричал Толлер.

— У меня будет еще один повод запомнить тебя, — проворчал Чаккел и отпустил отрывную веревку. Он подошел к борту, перекатился на выступ и сразу же упал на грунт. Дасина и дети попрыгали следом, причем один из мальчиков восторженно взвизгнул.

Теперь только Джесалла стояла на выступе, держась за перила.

— До свидания, — сказал ей Толлер.

— До свидания. — Она не двигалась и продолжала как-то странно смотреть на него. Леддравор был уже в сотне ярдов, и цокот копыт его синерога с каждой секундой раздавался все громче.

— Чего ты ждешь? — Толлер услышал свой хриплый от нетерпения голос. — Прыгай!

— Нет. Я лечу с тобой. — С этими словами Джесалла перелезла через перила и повалилась на пол гондолы.

— Что ты делаешь! — Все существо Толлера требовало поджечь горелку и поднять корабль,

но тело не повиновалось ему. — Ты с ума сошла!

— Наверно, — растерянно произнесла Джесалла. — Это глупо, но я лечу с тобой.

— Ты уже мой, Маракайн! — странно, нараспев, прокричал Леддравор, вытаскивая меч. — Иди ко мне!

Словно зачарованный Толлер все еще сжимал свой меч, когда Джесалла бросилась мимо него и всем весом навалилась на рычаг. Горелка взревела, вдувая газ в оживающий баллон, но Толлер заглушил ее и отпихнул Джесаллу к перегородке.

— Благодарю, но это бесполезно, — сказал он. — Рано или поздно мне придется столкнуться с Леддравором, и, кажется, время настало.

Легко поцеловав Джесаллу в лоб, он повернулся к перилам и встретился взглядом с принцем, который оказался на одном уровне с ним всего в дюжине ярдов. Леддравор, поняв, что намерения противника изменились, заулыбался. А Толлера уже охватывало постыдное возбуждение, желание раз и навсегда решить спор с Леддравором, чем бы это ни кончилось, узнать наверняка, правда ли, что…

Но тут он заметил, что принц больше не смотрит на него и явно встревожился. Оглянувшись,

Толлер увидел Джесаллу, сжимавшую в руках приклад одной из корабельных противоптертовых пушек. Она уже вытащила зажигательный штырь и нацелила орудие на Леддравора. Не успел Толлер опомниться, как пушка выстрелила, и в облаке стеклянных осколков, двигаясь неясным пятном, снаряд развел свои смертельные лезвия.

Рванув поводья, Леддравор увернулся, но осколки все же попали ему в лицо, потекла кровь. Принц охнул от неожиданности, но тут же уверенно вернул синерога на прежний курс, спеша восстановить утраченные позиции.

Не отрывая взгляда от Леддравора и понимая, что правила поединка изменились, Толлер снова зажег горелку. Поскольку Чаккел с семейством покинул корабль, он стал легче и уже давно стремился вверх, но из-за инерции многих тонн газа баллон реагировал невыносимо медленно. Однако Толлер поддерживал горение, и под оглушающий рев гондола начала отрываться от травы. Леддравор уже скакал рядом, приподнявшись в стременах, и глаза его безумно сверкали с окровавленной маски.

«Неужели он настолько вышел из себя, что попытается прыгнуть в гондолу? — подумал

Толлер. — Неужели он хочет напороться на мой меч?»

В следующую секунду Толлер осознал, что Джесалла прокралась у него за спиной ко второй пушке. Леддравор тоже увидел это, отвел руку и метнул меч.

Толлер крикнул, чтобы предупредить Джесаллу, но Леддравор целился не в нее. Меч описал высокую дугу и по самую рукоятку вонзился в нижнюю секцию баллона. Ткань разошлась, а меч, кувыркаясь, полетел в траву. Осадив синерога, Леддравор спрыгнул, подобрал черное лезвие, а затем снова вскочил в седло и пришпорил скакуна. Но теперь он не спешил догнать корабль, видимо, решив пасти добычу на расстоянии. Джесалла выстрелила из второй пушки; снаряд, не долетев до Леддравора, зарылся в траву. Принц в ответ учтиво помахал рукой.

Продолжая жечь горелку, Толлер посмотрел наверх. Он увидел, что разрыв в лакированной льняной ткани пробежал по всей длине панели, а края его вывернулись, извергая невидимый газ; но корабль все-таки получил толчок, направленный вверх, и по инерции продолжал подниматься.

Толлер вздрогнул: совсем рядом раздались

резкие крики. Он обернулся и понял, что, пока отвлекался, гондолу несло прямо на беспорядочную группу солдат. Она проплыла всего в нескольких футах над их головами, и вояки припустились за ней, подпрыгивая и стараясь ухватиться за выступ.

Лица солдат выражали не враждебность, а тревогу, поэтому Толлер решил, что они весьма смутно представляют себе происходящее. Он молился, чтобы не пришлось драться с ними, и продолжал вдувать газ в баллон; корабль медленно и мучительно набирал высоту.

— Корабль может лететь? — Джесалла подошла близко и кричала, чтобы Толлер услышал ее за ревом горелки. — Это безопасно?

— Может… кое-как. — На второй вопрос Толлер отвечать не стал. — Зачем ты это сделала, Джесалла?

— Ты знаешь. — Нет.

— Ко мне вернулась любовь. — Она одарила его ласковой улыбкой. — И я не могла иначе.

Вместо радости такое признание внушило Толлеру леденящий страх.

— Но ты же стреляла в Леддравора! А он не щадит никого. Даже женщин.

— Незачем мне напоминать. — Джесалла огля-

нулась на неторопливо скачущего за кораблем принца. Презрение и ненависть на мгновение исказили ее лицо. — Ты всегда был прав, Толлер. Мы не должны сдаваться палачу. Однажды он уничтожил во мне зарождающуюся жизнь, и мы с Лейном примирились с этим преступлением, но разлюбили друг друга и перестали уважать самих себя. Это слишком дорого нам обошлось.

— Да, но… — Толлер глубоко вздохнул, стараясь признать за Джесаллой те же права, которых всегда требовал для себя.

— Что «но»?

— Нам необходимо разгрузить корабль, — сказал он и передал ей рычаг горелки.

Пройдя в отсек Чаккела, Толлер принялся вышвыривать за борт чемоданы и ящики. Солдаты, которые бежали за гондолой, радостно завопили, но тут их догнал Леддравор и, судя по жестам, приказал доставить грузы на основную посадочную площадку. Через считанные минуты солдаты с вещами отправились назад, а Леддравор снова последовал за кораблем в одиночестве. Скорость ветра составляла примерно шесть миль в час, и синерог мог скакать ленивой рысцой. Леддравор держался немного дальше зоны эффективного поражения пушки и ссутулился в седле, экономя

энергию и выжидая, когда обстоятельства переменятся в его пользу.

Толлер проверил запас пикона и халвелла. Оказалось, что его хватит на сутки непрерывного горения — корабли королевского рейса обеспечили лучше остальных; но главное, что беспокоило, — дирижабль плохо слушался управления. Разрыв в баллоне дошел до нижнего и верхнего швов и не переходил на другие секции, однако газа утекало достаточно, чтобы лишить корабль подъемной силы.

Горелка работала непрерывно, но и при этом корабль набрал всего двадцать футов высоты. Толлер знал, что малейшее неблагоприятное изменение условий заставит его опуститься. Например, неожиданный порыв ветра может смять одну сторону баллона и выдавить драгоценный газ, отдав их с Джесаллой прямо в руки терпеливо выслеживающего врага. Будь Толлер один, он бы только порадовался поединку с Леддравором, но теперь от исхода сражения зависела жизнь Джесаллы.

Он подошел к перилам и, схватившись за них обеими руками, посмотрел назад, на Леддравора, страстно желая иметь оружие, способное сразить принца на расстоянии.

Прибытие на Верхний Мир оказалось совсем не таким, как ожидал Толлер. Вот он попал на планету-сестру — на Верхний Мир! — но пагубное присутствие Леддравора, воплотившего в себе все зло Колкоррона, лишало Толлера радости, превратив новую планету в подобие старой. Как и птерта, которая все увеличивала смертоносную силу, Леддравор увеличил свой радиус поражения, расширив его до Верхнего Мира.

Зрелище чистого неба, разделенного пополам неровной линией хрупких кораблей, протянувшейся с зенита, где дирижабли по мере снижения появлялись из ниоткуда, словно семена, летящие по ветру в поисках плодородной почвы, — это зрелище должно было захватить Толлера, но присутствие Леддравора…

Куда ни денься — всюду Леддравор!

— Ты беспокоишься из-за гор? — спросила Джесалла. Она встала на колени, чтобы скрыться с глаз принца, и для управления горелкой ей пришлось держать одну руку поднятой.

— Мы можем привязать рычаг, — сказал Толлер, — и тебе больше не придется о нем заботиться.

— Толлер, ты беспокоишься из-за гор?

— Да. — Он достал из рундука отрезок веревки

и привязал рычаг. — Если мы перелетим через горы, у нас появится шанс вымотать его синерога, но не знаю, удастся ли нам набрать такую высоту.

— Знаешь, я не боюсь. — Джесалла коснулась его руки. — Если хочешь, можешь спуститься и встретиться с ним сейчас.

— Нет. Продержимся в небе сколько сможем. У нас есть еда и питье, и мы будем экономить силы, а Леддравор их теряет. — Толлер улыбнулся Джесалле по возможности ободряюще. — И потом, скоро наступит малая ночь, а в холодном воздухе баллон лучше работает. Может быть, нам удастся основать на Верхнем Мире свою маленькую колонию.

Малая ночь на Верхнем Мире тянется дольше, чем на Мире, и когда она миновала, гондола летела на высоте чуть больше двухсот футов — выше, чем ожидал Толлер. Под кораблем проплывали нижние отроги холмов, и ни одна из гор видневшегося впереди хребта не казалась высокой настолько, чтобы помешать их движению.

Толлер сверился с картой, которую нарисовал во время полета.

— За горами, примерно в десяти милях, есть озеро, — сказал он. — Если мы переберемся через

него…

— Толлер! По-моему, там птерта. — Джесалла схватила его за руку и показала на юг. — Смотри!

Толлер бросил карту, взял бинокль и осмотрел указанный участок неба. Он уже собирался усомниться в словах Джесаллы, но тут заметил нечто прозрачное, еле уловимый отблеск солнечного света на чем-то круглом.

— Кажется, ты права. И она совершено бесцветна. Как раз об этом говорил Лейн. Она бесцветна, потому что… — Он передал Джесалле бинокль. — Ты можешь найти хоть одну бракку?

— Я и не знала, что в бинокль так много видно! — В голосе Джесаллы, изучавшей склон, звучал детский восторг, как будто она находилась на увеселительной воздушной прогулке. — Большая часть деревьев мне незнакома, но бракки среди них, кажется, есть. Да, точно, бракка! Как это может быть, Толлер?

Подозревая, что она нарочно хочет отвлечь его от того, что им предстоит, он тем не менее спокойно ответил:

— Лейн написал, что бракка и птерта — спутники. Возможно, у залпов бракки достаточно мощности, чтобы выстреливать семена вверх до… Хотя нет, это, кажется, только пыльца. Может

быть, бракка растет всюду — и на Дальнем Мире, и на всех других планетах.

Позволив Джесалле разглядывать в бинокль окрестности, Толлер обернулся к своему безжалостному и упорному преследователю.

Леддравору случалось часами дремать в седле в позе, показывающей, что он спит, но теперь, боясь, что добыча ускользнет, он сидел прямо. Шлема на нем не было, и он защищал глаза руками, погоняя синерога напрямик через деревья и кусты, покрывающие склоны. Далеко на востоке в голубом мареве пропали линия спускающихся кораблей и посадочная площадка. Казалось, Джесалла, Толлер и Леддравор остались одни на всей планете, и Верхний Мир превратился в обширную, залитую солнцем арену, которая ждала с начала времен…

Неожиданно баллон захлопал, из горловины хлынули потоки горячего газа, и Толлер понял, что корабль натолкнулся на завихрение воздуха, а давление в баллоне снова упало.

Гондола стала прыгать и раскачиваться. Толлер посмотрел на главный хребет; прямо по курсу всего в двухстах ярдах торчала вершина. Он знал, что, если удастся перелететь через нее, у него будет время снова накачать баллон и вернуть

высоту. Но глядя на скалистый барьер, Толлер осознал, что ситуация безнадежна. Корабль летел неохотно, он уже покидал воздушную стихию и решительно направлялся к склону.

— Держись крепче! — крикнул Толлер. — Мы падаем!

Он оторвал веревку от удлинителя рычага и вырубил горелку. Через несколько секунд гондола, со свистом рассекая воздух, полетела меж верхушками деревьев. Свист становился все громче, гондола резко ударялась о толстые ветви и стволы. Отставший баллон, запутавшись в деревьях, разорвался с глухим треском и ворчанием, и затормозил падение.

Освободившись от нагрузочных канатов, гондола упала вертикально вниз. Затем у нее оторвались два угла, и она перевернулась набок, едва не выбросив пассажиров вместе с одеялами и мелкими предметами.

Как ни странно, после тряски и опасного падения с дерева Толлер обнаружил, что может легко сойти на мшистый грунт. Он огляделся, поднял Джесаллу, уцепившуюся за стойку, и опустил ее рядом.

— Тебе надо скрыться, — поспешно сказал он. — Беги на другую сторону холма и жди.

Джесалла обняла его.

— Я останусь с тобой. Вдруг я чем-нибудь помогу?

— Поверь, ты ничем не поможешь. И если ты носишь нашего ребенка, ты должна спасти его. Может, Леддравор не станет тебя искать после того, как убьет меня, особенно если сам будет ранен.

— Но… — Глаза Джесаллы расширились, поскольку по-близости послышался храп синерога. — Как я узнаю, что случится?

— При удачном исходе я выстрелю из пушки. — Он развернул Джесаллу и подтолкнул ее сзади так сильно, что ей пришлось пуститься бегом, чтобы не упасть. — Возвращайся, только если услышишь залп!

Толлер стоял неподвижно и смотрел, как Джесалла, несколько раз оглянувшись, исчезла среди деревьев. Тогда он вытащил меч и стал озираться в поисках подходящего для сражения места, пока не сообразил, что укоренившаяся привычка заставляет его воспринимать схватку с Леддравором как официальный поединок.

«Разве можно думать о таких пустяках, когда на карту поставлены другие жизни? — сказал он себе, досадуя на собственную наивность. — Какое

отношение к простой задаче уничтожения раковой опухоли имеет честь?»

Он взглянул на медленно раскачивающуюся гондолу, прикинул, с какой стороны должен появиться Леддравор, и отступил под прикрытие трех деревьев, растущих очень тесно, возможно, из общего корня. Постепенно Толлером начало овладевать давно знакомое, позорное и необъяснимо чувственное возбуждение.

Он затаил дыхание, удивляясь, почему Леддравора до сих пор нет — минуту назад он был так близко.

Предчувствуя недоброе, Толлер резко обернулся. Принц стоял примерно в десяти шагах и уже метнул нож. Не имея возможности увернуться, Толлер выбросил вперед левую руку, принимая нож в середину ладони. Черное лезвие вонзилось между костями с такой силой, что руку отбросило назад, а кончик ножа, пройдя насквозь, оцарапал лицо и застыл почти у самого левого глаза.

Заставив себя не обращать внимания на раненую руку, Толлер со свистом поднял меч для защиты. И как раз вовремя, чтобы остановить бросившегося в атаку принца.

— Кое-чему ты научился, Маракайн, — усмехнулся Леддравор и тоже принял оборонительную

позицию. — Большинство людей к этому моменту уже дважды умерли бы.

— Это несложный урок, — ответил Толлер, — просто надо быть готовым к тому, что змея поведет себя по-змеиному.

— Тебе не удастся вывести меня из себя, так что оставь свои оскорбления.

— Я никого не оскорблял, разве что пресмыкающееся. Губы Леддравора изогнулись в улыбке, ослепительно белой на покрытом запекшейся кровью лице. Волосы его спутались, а кираса, запятнанная кровью еще до начала перелета, теперь испачкалась в грязи и еще в чем-то, напоминающем полупереваренную пищу.

Толлер отступил к трем деревьям, обдумывая тактику боя.

Неужели Леддравор, бесстрашный во всех отношениях человек, боится высоты и поэтому не показывался во время полета? Если так, он вряд ли сейчас в состоянии ввязаться в продолжительное сражение.

Колкорронский боевой меч — это обоюдоострое оружие, слишком тяжелое для официальных поединков. Им можно было наносить только режущие и колющие удары, которые, по правде говоря, легко заблокировать человеку с быстрой

реакцией и хорошим глазомером. При прочих равных условиях побеждал тот, у кого больше физической силы и выносливости. Толлер имел преимущество — он был на десять с лишним лет моложе Леддравора, — но теперь его левая рука вышла из строя, и, следовательно, Леддравор мог считать, что равновесие восстановлено. И все же принц, крайне опытный в таких делах, вел себя слишком уж заносчиво.

— О чем задумался, Маракайн? — Леддравор перемещался вместе с Толлером, выбирая положение, удобное для атаки. — Уж не дух ли моего отца тревожит тебя?

Толлер помотал головой.

— Дух моего брата. Мы так и не уладили этот вопрос. Он с удивлением увидел, что его слова нарушили хладнокровие принца.

— Почему ты мне этим досаждаешь?

— Полагаю, в гибели моего брата виновен ты. Леддравор сердито рубанул мечом, и два лезвия впервые соприкоснулись.

— Зачем мне лгать, тогда или теперь? Его синерог сломал ногу, а сесть на моего он отказался.

— Лейн не мог так поступить!

— Нет! Говорю тебе, он мог быть здесь сейчас, в эту минуту, о чем я очень сожалею, ибо тогда с

удовольствием раскроил бы оба ваших черепа.

Пока Леддравор говорил, Толлер воспользовался случаем и взглянул на раненую руку. Он пока не чувствовал сильной боли, но кровь непрерывно стекала по ручке ножа и капала на землю. Толлер тряхнул рукой, однако лезвие, по рукоятку вошедшее в ладонь, осталось на месте. Рана, хоть и легкая, в конце концов повлияет на его боеспособность. Значит, надо как можно скорее начать поединок. Однако Толлера мучил вопрос, как это человек после двенадцати дней расстройства и болезни может быть столь самонадеян и уверен в победе. Неужели Толлер чего-то не учел?

Он внимательно рассматривал возбужденного противника — секунды тянулись как минуты, — но подметил лишь, что Леддравор надел рукав на свой меч.

В некоторый частях Колкорронской империи, в основном в Сорке и Миддаке, солдаты закрывали кожей основание меча, чтобы при случае можно было переставлять одну руку впереди рукоятки и использовать меч, как двуручный.

В этом Толлер никогда не видел преимущества, но решил быть начеку.

Предварительные действия закончились внезапно. Каждый нашел позицию, которая вроде

бы не лучше любой другой, но по некоторым необъяснимым причинам казалась выигрышной. Толлер атаковал первым, удивляясь, что ему позволено это психологическое преимущество. Он начал с серии нисходящих ударов наотмашь, попеременно слева и справа. Результаты его потрясли. Как и положено, Леддравор легко парировал каждый удар, но сотрясения лезвия оказались не так сильны, как ожидал Толлер. Рука Леддравора с мечом слегка подавалась, что указывало на довольно серьезный упадок сил.

«Несколько минут, и все решится! — возликовал Толлер, позволив последовательности ударов закончиться естественным образом. Но тут внутренний голос напомнил ему, что расслабляться нельзя! — Неужели Леддравор преследовал меня в одиночку, заранее зная, что бой будет неравным?»

Он переместился, держа раненую руку на отлете. Между тем Леддравор со страшной скоростью вступил в ближний бой, атаковав снизу, чем едва не заставил Толлера защищать вместо головы и тела бесполезную руку. Свой бросок Леддравор закончил мощным косым ударом наотмашь, и холодный ветер коснулся подбородка Толлера. Он быстро отпрыгнул назад, поняв, что и в болез-

ненном состоянии принц не уступит солдату в хорошей форме.

Не этот ли прилив энергии и есть ловушка, которую готовил Леддравор? Тогда жизненно необходимо не давать ему передышки и времени для восстановления сил. Толлер тут же возобновил атаку. Удары следовали один за другим, и в каждый он вкладывал всю свою силу, стараясь, однако, умерить гнев и не дать врагу ни морального, ни физического отдыха.

Дыхание Леддравора участилось, он был вынужден сдать позицию. Увидев, что принц пятится в группу низких колючих кустов, Толлер пробился поближе, выжидая момент, когда Леддравор отвлечется, потеряет равновесие и не сможет двигаться дальше. Но принц проявил свой военный талант и, даже не повернув головы, учуял преграду. Отразив клинок Толлера круговой защитой, достойной мастера, он вынудил противника развернуться вдоль новой линии. На миг они прижались друг к другу, сцепившись эфесами в вершине треугольника, образованного напряженными правыми руками.

Толлер ощутил дыхание Леддравора, и в ноздри ему ударила вонь блевотины. Затем он надавил рукой с мечом вниз, превратив ее в рычаг, и вы-

шел из соприкосновения.

Леддравор помог ему, отпрыгнув назад и в сторону так, что колючие кусты оказались между ними. Грудь принца часто вздымалась — видимо, усталость его возросла, но, как ни странно, он явно был на подъеме и ничуть не расстроен тем, что с таким трудом избежал угрозы.

Принц слегка наклонился в выжидательной позе, на фоне засохшей крови глаза его смотрели живо и насмешливо,

«Что-то произошло, — подумал Толлер, ощущая мурашки на коже от дурного предчувствия. — Леддравор что-то задумал!»

— Кстати, Маракайн, — почти добродушно сказал Леддравор, — я слышал, что ты сказал своей женщине.

— Да? — Несмотря на тревогу, Толлер старался понять, почему он все еще так остро чувствует отталкивающий запах, который почуял при соприкосновении с Леддравором? Действительно ли это отрыжка или что-то еще? Что-то странно знакомое и до смерти важное?

Леддравор улыбался.

— Отличная идея. Я имею в виду выстрел из пушки. Это избавит меня от многих хлопот, когда я разделаюсь с тобой.

«Не трать силы на ответ, — приказал себе Толлер. — Леддравор явно переигрывает. Он не заманивает тебя в ловушку, она уже захлопнулась!»

— Вообще-то не думаю, что эта штука мне понадобится, — продолжал Леддравор. Он стянул с основания своего меча кожаный рукав и бросил на землю. Взгляд принца, веселый и загадочный, не отрывался от Толлера.

Толлер пристально вгляделся в рукав и заметил, что он из двух слоев кожи, причем внешняя тонкая кожа разорвана. У краев разрыва блестели следы желтой слизи. Он посмотрел на свой меч, увидел ту же желтизну на самой широкой части лезвия, недалеко от рукоятки, и с опозданием узнал запах — запах папоротника. Черное дерево пузырилось и испарялось под натиском бракковой желчи, перенесенной с меча Леддравора, когда их клинки скрестились у рукояток.

«Я примирюсь со смертью, — подумал Толлер, когда Леддравор вновь яростно бросился на него, — но только при условии, что он отправится со мной».

Подняв голову, Толлер ткнул противника мечом в грудь, но тот блокировал удар. При этом клинок Толлера с треском отломился у основания

и отлетел в сторону, а принц, продолжая движение, устремил свой меч вперед.

Толлер бросился навстречу и принял удар, потому что знал: если он хочет достичь последней цели в жизни, то должен так поступить. Он задержал дыхание, позволяя клинку двигаться все дальше сквозь тело, пока не оказался рядом с Леддравором. Тогда он схватил за ручку торчавший в левой ладони метательный нож и, не выдергивая из руки, направил снизу вверх в живот принца, вращая кончиком клинка, и сразу вслед за этим ощутил, как на тыльную сторону ладони полилось что-то теплое.

Леддравор взревел и оттолкнул Толлера с силой отчаяния, одновременно выдергивая меч. Открыв рот, принц несколько секунд глядел на Толлера, потом уронил меч, опустился на колени, наклонил голову и смотрел, как под его телом собирается лужа крови.

Преодолевая боль, Толлер вырвал нож из ладони и зажал бок, в котором мокро пульсировала глубокая рана. Все поплыло у него перед глазами, залитый солнцем склон то устремлялся к нему, то отступал. Отбросив нож, он, шатаясь, подошел к Леддравору и подобрал его меч. Затем собрал все оставшиеся силы и высоко поднял клинок

правой рукой.

Леддравор не смотрел вверх, но слегка покачал головой, показывая, что заметил действия Толлера.

— А ведь правда я убил тебя, Маракайн? — Он говорил задыхаясь и захлебываясь кровью. — Дай мне это последнее утешение!

— Сожалею, но ты меня лишь слегка оцарапал, — произнес Толлер и обрушил вниз черный клинок. — А это за моего брата… принц!

Он отвернулся от трупа Леддравора и с трудом сосредоточил взгляд на черном силуэте гондолы. Качалась ли она от ветра, или находилась в неподвижной точке раскачивающейся, растворяющейся вселенной?

Толлер отправился в путь— к гондоле, дивясь тому, как далеко теперь она оказалась… на расстоянии намного большем, чем от Мира до Верхнего Мира.

Глава 21

У дальней стены пещеры валялась груда валунов и каменных обломков, попавших туда через естественные щели.

Толлер любил смотреть на эту груду, потому

что внутри нее живут верхнемирцы. Он их, собственно, не видел и не знал, похожи ли они на миниатюрных человечков или зверей, но был уверен, что они там есть, так как они зажигали фонарики.

Свет фонариков проникал сквозь щели меж камней в любое время дня и ночи, и Толлеру нравилось думать о том, как верхнемирцы занимаются своими делами за стенами этой полуразрушенной крепости, нимало не тревожась, что может происходить в большой вселенной.

Как ни странно, но даже когда его сознание прояснялось, один крошечный фонарик упрямо продолжал вспыхивать в глубине завала, и, приходя в себя, Толлер не радовался этому наблюдению. Он боялся сойти с ума и смотрел, смотрел на светящуюся точку, желая чтобы она исчезла, поскольку для нее не было места в рациональной вселенной. Иногда она скоро гасла, но чаще медленно-медленно тускнела и лишь потом исчезала вовсе, и тогда его сознание цеплялось за Джесаллу, как за якорь спасения, ибо лишь она одна связывала Толлера с нормальным, привычным миром.

— А я не считаю, что ты достаточно окреп для путешествия, — твердо сказала Джесалла. — И

незачем продолжать дискуссию.

— Но я почти совсем выздоровел, — запротестовал Толлер и в доказательство замахал руками.

— Единственно, что у тебя выздоровело, так это язык, да и его ты слишком перегружаешь. Помолчи немного, дай мне поработать.

Она повернулась к нему спиной и стала помешивать прутиком в кастрюле, где кипятились повязки.

Прошло семь дней, и раны на лице и на руке почти зарубцевались, но бок по-прежнему кровоточил. Джесалла чистила сквозную рану, каждые несколько часов меняя повязки. При таком режиме скудный запас тампонов и бинтов, изготовленных ею, приходилось использовать повторно.

Толлер не сомневался: если бы не Джесалла, он бы давно умер, но к благодарности примешивалась и тревога. Он подозревал, что в зоне приземления флота царит суматоха, подобная сумятице при отлете, и все же ему казалось чудом, что их с Джесаллой до сих пор оставляют в покое.

По мере того как лихорадка отпускала Толлера, он с каждым днем все больше тревожился.

«Завтра утром уходим отсюда, любимая, — по-

думал он, — даже если ты не согласна...»

Стараясь успокоиться, Толлер опустился на постель из сложенных стеганых одеял и окинул взглядом панораму, которая открывалась из пещеры. К западу на протяжении мили спускались к большому озеру травянистые склоны, там и сям утыканные незнакомыми деревьями; воду цвета чистого индиго усеивали бриллиантовые солнечные блики. Северный и южный берега окаймляли сужающиеся полоски леса, состоящие, как и на Мире, из миллиона крапинок от бледно-зеленого до темно-красного — лиственные деревья на разных стадиях цикла.

Озеро простиралось на запад до самого горизонта, упираясь в эфирные зубцы далеких гор, над которыми вздымалось чистое небо и диск Старого Мира.

Толлер находил эту сцену несказанно прекрасной, но в первые дни она смешивалась с бредовыми видениями, и воспоминания о них были обрывочными. Он не сразу понял, что так и не сумел выстрелить из пушки, и Джесалла отважилась вернуться за ним сама. Она попыталась замять обсуждение этого вопроса и заявила, что если бы Леддравор победил, то вскоре и так нашел бы ее. Толлер, однако, думал иначе.

Лежа в тишине и покое раннего утра, он наблюдал, как Джесалла занимается хозяйством, терпеливо выполняя возложенные на себя обязанности, и восхищался ее мужеством и находчивостью.

Толлер не мог представить, как ей удалось поднять его в седло синерога Леддравора, перегрузить припасы из гондолы и вести животное много миль, пока не нашлась пещера. Даже для мужчины это было бы трудно, а для хрупкой женщины на незнакомой планете с неведомыми опасностями да еще в одиночку — поистине настоящий подвиг!

«Джесалла— исключительная женщина, — думал Толлер, — и когда же она поймет, что я не собираюсь вести ее в необитаемые края?»

С тех пор как к Толлеру начала возвращаться обычная рассудительность, он осознал отчаянную непрактичность первоначального плана. Двум взрослым, может быть, и удалось бы влачить жалкую жизнь изгнанников в лесах Верхнего Мира, но если Джесалла еще не беременна, она так или иначе это устроит.

Он не сразу сообразил, что в самой сердцевине проблемы и содержалось ее решение. Поскольку Леддравор убит, королем должен стать принц

Пауч, а его Толлер знал как сухого и бесстрастного человека, который, конечно, следовал традиционной колкорронской терпимости к беременным женщинам, тем более что никто, кроме Леддравора, не мог дать показаний о том, что Джесалла стреляла в него из пушки.

Изо всех сил стараясь не замечать сияния фонарика верхнемирца в груде валунов, Толлер пытался сосредоточиться на главном: необходимо сохранить жизнь Джесаллы до тех пор, пока не станет очевидно, что она в положении. Он прикинул, что сотни дней будет достаточно, но принятие этого решения почему-то только усугубило тревогу. Как определить благоприятный момент теперь? Не уйти слишком рано, пока он не способен двигаться быстро, но и не засидеться до тех пор, когда их не спасет и стремительность лани.

— О чем ты задумался? — спросила Джесалла, снимая с огня кипящую кастрюлю.

— О тебе и о том, что надо уезжать завтра утром.

— Я уже сказала тебе, что ты не готов. — Стоя возле него на коленях, она начала осматривать бинты, и ее прикосновение отозвалось сладостным содроганием, пробежавшим до паха.

— Кажется, у меня начинает выздоравливать еще одна часть, — сказал он.

— Для этого ты тоже еще не готов. — Она улыбнулась и промокнула ему лоб влажной тряпкой. — Лучше поешь рагу.

— Прекрасный заменитель, — проворчал он и в тот момент, когда она ускользала от него, попытался коснуться ее груди. От резкого, хоть и слабого движения руки бок пронзила острая боль, и Толлер понял, что действительно вряд ли сможет поутру взобраться на синерога.

В глубине души это немало тревожило его, но он постарался успокоиться и стал смотреть, как Джесалла готовит скромный завтрак. Она нашла довольно плоский камень с вогнутой серединой и устроила из него плиту. Смешивая в углублении крошечные щепотки пикона и халвелла из корабельных запасов, она получала бездымное тепло, которое не выдавало преследователям местонахождение пещеры.

Джесалла подогрела густую тушеную смесь каши, бобов и ломтиков солонины, передала тарелку Толлеру и позволила есть самостоятельно. Он удивился, заметив, что среди «предметов первой необходимости» она захватила из гондолы даже тарелки и другую посуду.

То, что они едят на обычной домашней посуде среди сплошной неизвестности девственной планеты, придавало трапезе остроту и романтичность, которые на время заслонили угрожавшую опасность.

Голода Толлер не ощущал, но упорно ел, потому что решил как можно скорее восстановить свои силы. В царившей вокруг тишине лишь изредка всхрапывал привязанный синерог да то и дело до пещеры долетали раскаты опылительных залпов бракки. Их частота показывала, что бракки здесь полно. Это напомнило Толлеру о вопросе, который недавно задала Джесалла: почему остальные растительные виды Верхнего Мира на Мире неизвестны, тогда как бракка — вид общий для обеих планет?

Набрав всяких трав, листьев, цветов и ягод, Джесалла внимательно их изучила; и все они, за исключением, может быть, тех, о которых сумел бы судить лишь ботаник, были ей незнакомы.

Толлер предположил было, что бракка — вид универсальный для всех планет, но, хотя он и не привык к подобным размышлениям, все же понял, что в его гипотезе отсутствует доказательство. Жаль, что он не может попросить совета у Лейна.

— Вон еще птерта! — воскликнула Джесалла. — Смотри! Я вижу семь или восемь шаров. Они летят к воде.

Толлер посмотрел, куда она указывала, и ему пришлось напрячь зрение, чтобы наконец разглядеть отражения солнечного света в бесцветных, почти невидимых пузырях. Они медленно плыли вниз по склону в воздушном потоке, который возник после ночного остывания почвы.

— Ты наблюдательнее меня, — сокрушенно произнес он. — Тот вчерашний шар я заметил, когда он чуть не уселся мне на колени.

Вчера, вскоре после малой ночи, на них выплыла птерта, подлетела к постели Толлера на десять шагов, и, несмотря на то, о чем писал Лейн, Толлер от этой близости испытал почти такой же ужас, какой испытал бы на Мире. Если бы мог двигаться, он, возможно, не удержался бы и швырнул в нее меч. Шар несколько секунд повисел рядом, потом сделал пару медленных скачков и уплыл вниз по склону.

— Ну и рожа у тебя была! — Джесалла перестала есть и изобразила его испуг.

— Мне тут как раз кое-что пришло в голову, — сказал Толлер. — У нас есть на чем писать?

— Нет. А зачем?

— На Верхнем Мире только мы с тобой знаем то, что Лейн написал о птерте. Жаль, что я ничего не сказал Чаккелу. Столько часов были вместе на корабле, а я даже не упомянул об этом!

— Откуда ты знал, что здесь окажутся деревья бракки и птерта? Мы все считали, что они остались в прошлом.

Но Толлер был уже полностью захвачен новой и весьма насущной задачей, которая, впрочем, не имела отношения к его личным чаяниям.

— Послушай, Джесалла, это самое важное, что мы можем сделать. Ты должна убедиться, что Пауч и Чаккел услышали и поняли идею Лейна. Если мы оставим бракку в покое, позволим ей жить свой срок и умирать естественно, здешняя птерта никогда не станет нашим врагом. В Хамтефе отбирали скромное количество кристаллов, но даже это, наверно, было чересчур, потому что тамошняя птерта порозовела, а это значит… — Он умолк, увидев, что Джесалла смотрит на него со странным выражением жалости и укора. — Что случилось?

— Ты говоришь, что именно я должна добиться, чтобы Пауч и… — Джесалла поставила тарелку и опустилась на колени рядом с ним. — Что должно с нами случиться, Толлер?

Он заставил себя рассмеяться, а затем преувеличенно долго корчился от боли, чтобы выиграть время и прикрыть свой промах.

— Создадим собственную династию, вот что должно с нами случиться. Неужели ты думаешь, что я дам тебя в обиду?

— Знаю, поэтому ты и напугал меня.

— Джесалла, я только хотел сказать, что мы должны оставить здесь послание… или в другом месте, чтобы его передали королю. Я не в состоянии действовать лично, поэтому вынужден поручить это тебе. Я покажу тебе, как сделать уголь, потом мы найдем что-нибудь, чтобы…

Джесалла медленно покачала головой, и глаза ее наполнились слезами; Толлер впервые видел, как она плачет.

— Это все нереально, да? Это лишь мечта.

— Полет на Верхний Мир сначала тоже был мечтой. Но вот мы здесь и, несмотря ни на что, все еще живы. — Он притянул ее к себе и заставил лечь рядом, положив ее голову себе на плечо. — Я не знаю, что должно с нами случиться, Джесалла. Я только обещаю, что… как ты говорила? Мы не собираемся сдаваться палачам. Пока для нас этого достаточно. А теперь для разнообразия отдохни, а я посторожу тебя.

— Хорошо, Толлер. — Она устроилась поудобнее, осторожно, чтобы не потревожить рану, прижалась к нему и удивительно быстро уснула.

Ее переход от тревожного бодрствования к безмятежному сну сопровождался легким похрапыванием, и Толлер, улыбнувшись, подумал, что у него теперь есть повод для шуток.

Единственный дом, который им суждено построить на Верхнем Мире, скорее всего будет состоять из таких вот нематериальных бревен.

Толлер старался не заснуть и охранять Джесаллу, но он очень устал, а в куче камней снова горел фонарь верхнемирца, и единственным способом избавиться от него было закрыть глаза…

Над ним стоял солдат с мечом в руке. Несмотря на слабость и лежащую на плече Джесаллу, Толлер сначала порывался как-то защититься, но тут увидел в руке солдата меч Леддравора и, даже еще не очнувшись от сна, сумел верно оценить обстановку.

Поздно действовать, предпринимать что бы то ни было — их маленькое владение уже окружили и захватили.

И действительно, в колеблющемся свете у входа в пещеру ходили солдаты, слышался гомон, какой обычно создают люди, понявшие, что боль-

ше не нужно соблюдать тишину; где-то близко захрапел, скользя вниз по склону, синерог.

Толлер потряс Джесаллу за плечо, и хотя отклика не последовало, он ощутил, как она вся сжалась в тревоге.

Солдат с мечом отошел, а над Толлером наклонился майор с глазами-щелочками, чья голова темным силуэтом выделялась на фоне неба.

— Можешь встать?

— Нет, он очень болен, — сказала Джесалла, поднимаясь на колени.

— Я могу встать. — Толлер поймал Джесаллу за руку. — Помоги мне, Джесалла. Сейчас я должен стоять на своих ногах. — С ее помощью он поднялся и посмотрел на майора. Толлер удивился, что сейчас, когда следовало подавленно ожидать смерти, его чрезвычайно смущала собственная нагота.

— Итак, майор, — сказал он, — чего вы от меня хотите? Лицо майора сохраняло профессионально бесстрастное выражение.

— Сейчас с тобой будет говорить король, — объявил он и отошел в сторону, а Толлер увидел пузатый силуэт Чаккела. На нем была мягкая и простая одежда для поездок по сельской местности, но на шее висел огромный синий камень,

который Толлер видел лишь однажды, но тогда он был у Прада.

Чаккел забрал у солдата меч Леддравора и нес его, прислонив лезвием к правому плечу: это нейтральное положение весьма удобно для мгновенной атаки. От жары полное смуглое лицо и коричневый череп Чаккела блестели. Он остановился в двух шагах и оглядел Толлера с головы до ног.

— Видишь, Маракайн, я ведь обещал, что не забуду тебя.

— Осмелюсь заявить, Ваше Величество, что я дал вам и вашим родным хороший повод вспоминать меня. — Толлер заметил, что Джесалла придвинулась к нему ближе, и ради нее, чтобы его слова не прозвучали двусмысленно, добавил: — Падение с тысячи миль…

— Только не начинай снова надоедать мне этим, — перебил его Чаккел, — и ложись, пока сам не упал!

Чаккел кивнул Джесалле, приказывая ей опустить Толлера на одеяла, и жестом отослал майора с остальной свитой. Когда те удалились за пределы слышимости, Чаккел присел на корточки и неожиданно отбросил черный меч через Толлера в сумрак пещеры.

— Сейчас мы немного побеседуем, — сказал он, — и ни одного слова из нашей беседы не должно быть повторено. Ясно?

Не зная, смеет ли он хоть на что-нибудь надеяться, Толлер неуверенно кивнул.

— Среди благородных семейств и среди военных имеется некоторое недоброжелательство к тебе, — любезно сообщил Чаккел. — В конце концов, немногие дважды в течение трех суток убивали королей. Однако дело можно уладить. В нашем новом мини-государстве царит дух практицизма, и колонисты понимают, что лояльность к одному живому королю полезнее для здоровья, чем лояльность к двум мертвецам. Тебе любопытно услышать про Пауча?

— Он жив?

— Он жив, но быстро понял, что его утонченные манеры не соответствуют нынешней ситуации, и был более чем рад отказаться от притязаний на трон — если кресло из обломков гондолы можно считать троном.

Толлеру пришло в голову, что он впервые видит Чаккела таким словоохотливым, накоротке с окружающими. Может быть, принц упивался своей ведущей ролью во вновь зарождающемся обществе, тогда как в старом Колкорроне ему

изначально были предопределены вторые роли? Или же уникальные обстоятельства великого переселения высвободили его авантюрный дух и выявили скрытые возможности?

Пристально глядя на Чаккела, Толлер инстинктивно почувствовал себя бодрее, испытал внезапный прилив облегчения и чистейшей радости.

«У нас с Джесаллой будут дети, — думал он. — И не важно, что мы с ней когда-нибудь умрем, ведь у наших детей тоже будут дети. Будущее простирается перед нами… все дальше и дальше… дальше и дальше… если только…»

Все вокруг вдруг исчезло, и Толлер снова увидел себя на скалистом отроге к западу от Ро-Атабри. Он смотрел в подзорную трубу на распростертое тело брата и читал его последнее сообщение, совершенно не связанное с местью или личными сожалениями. Оно, как и подобало посланию Лейна, чей разум был устремлен в будущее, имело целью благополучие еще не родившихся миллионов.

— Принц… Ваше Величество… — Толлер приподнялся на локте, чтобы удобнее было обрушить на Чаккела истину, которую вверил ему Лейн, но резкая боль пронзила его тело, и он умолк, упав

обратно на ложе.

— А ведь Леддравор чуть не убил тебя, верно? — Тон Чаккела утратил легкость.

— Это не важно, — ответил Толлер. Джесалла склонилась над раной в боку, которая вновь открылась, и Толлер, перебирая ее волосы, продолжил: — Вы ведь помните моего брата?

— Да.

— Хорошо. Не думайте обо мне. Сейчас во мне живет брат, и это он говорит с вами моими устами… — Пробиваясь через волны тошноты и слабости, Толлер описывал мучительный вселенский треугольник, связь между человечеством, деревьями бракки и птертой, и там, где не хватало реального знания, он прибегал к воображению.

Как и всегда при истинном симбиозе, выгоду извлекали обе стороны. Птерта кормилась в верхних слоях атмосферы, по всей вероятности, следовыми количествами пикона и халвелла, или газом маглайном, или пыльцой бракки, или какой-то производной всего этого. Взамен птерта уничтожала организмы, угрожавшие благополучию бракки. Используя слепые силы случайной изменчивости, птерта изменяла свой внутренний состав до тех пор, пока не наткнулась на эффективный яд. И после этого ее путь

определился: она оттачивала, концентрировала и нацеливала свое оружие, чтобы оно стало способным начисто стереть с лица земли все, что не заслуживало жизни.

На Верхнем Мире перед человечеством лежит дорога, требующая уважительного обращения с браккой. Можно использовать лишь мертвые деревья, только у них брать сверхтвердые материалы и энергетические кристаллы. А если запас окажется недостаточным, значит, надо разработать заменители или соответственно преобразовать человеческую жизнь. Если не удастся сделать это, история человечества на Верхнем Мире повторит историю человечества на Мире…

— Признаю, ты произвел на меня впечатление, — произнес Чаккел, когда Толлер наконец закончил свою речь. — Доказательств твоим словам нет, но они заслуживают серьезного внимания. К счастью, нашему поколению довелось многое пережить, и поспешные решения здесь не уместны. Да пока у нас хватает и других забот.

— Вам не следует так думать, — настаивал Толлер. — Вы правитель… у вас есть уникальная возможность… и уникальная ответственность… — Он вздохнул и замолчал, уступив усталости, перед которой, казалось, померкло

само небо.

— Сохрани силы на будущее, — мягко сказал Чаккел. — Надо дать тебе отдохнуть, но прежде, чем уеду, я хотел бы узнать еще одно. Скажи, у вас с Леддравором была честная борьба?

— Почти… честная, пока он не уничтожил мой меч, измазав его бракковой желчью.

— Но ты все равно победил.

— Я должен был победить. — От боли и крайнего утомления Толлером овладело какое-то мистическое чувство. — Я был рожден для того, чтобы победить Леддравора.

— Возможно, он знал это.

Толлер заставил свой взгляд сосредоточиться на лице Чаккела.

— Не понимаю, что вы…

— Может быть, у Леддравора не лежало сердце к нашему новому началу, — объяснил Чаккел. — Может быть, он в одиночку преследовал тебя, поскольку догадывался, что ты и есть его Яркая Дорога?

— Такая мысль не радует меня, — прошептал Толлер.

— Тебе надо отдохнуть. — Чаккел поднялся и обратился к Джесалле: — Ухаживай за ним ради себя и ради меня. У меня есть для него дело. Я

думаю, еще несколько дней его не стоит перевозить, у вас тут вполне удобно. Нужны ли вам какие-нибудь припасы?

— Не помешало бы побольше свежей воды, Ваше Величество, — ответила Джесалла, — а помимо этого, у нас все есть.

— Так. — Некоторое время Чаккел рассматривал ее лицо. — Я забираю вашего синерога, поскольку у нас самих их всего семь, а разведение должно начаться как можно скорее. Однако я выставлю поблизости охрану. Когда сочтете, что готовы к отъезду, позовете их. Вас это устраивает?

— Да, Ваше Величество. Мы вам обязаны.

— Полагаю, твой пациент не забудет этого, когда поправится.

Чаккел повернулся и зашагал к ожидавшим его солдатам. Двигался он энергично и уверенно, как человек, который управляет своей судьбой и судьбами других.

Позже, когда на склоны вернулась тишина, Толлер проснулся и увидел, что Джесалла перебирает и сортирует коллекцию листьев и цветов. Она разложила их перед собой на земле и беззвучно шевелила губами, размещая образцы в порядке, который сама придумала. За ее спиной, прибывая

на глазах, сиял яркий чистый полукруг Мира.

Толлер осторожно сел. Он взглянул на груду скальных обломков в глубине пещеры и тут же отвернулся, не желая видеть, как оттуда ему подмигнет маленький фонарик. Лишь когда это наваждение прекратится, Толлер узнает наверняка, что избавился от болезни. А до этого он не желал, чтобы ему напоминали, как близок он был к смерти и к утрате всего, что значила для него Джесалла.

Она подняла взгляд от создаваемых узоров.

— Ты там что-то увидел?

— Там ничего нет, — ответил он, стараясь улыбнуться, — абсолютно ничего.

— Но я заметила, ты и раньше глазел на эти камни. Ну-ка, что у тебя за тайна? — Немного кокетничая, Джесалла подошла к Толлеру и присела рядом, чтобы понять, куда он смотрит. Внезапно ее глаза удивленно раскрылись.

— Толлер! — От изумления она лепетала по-детски тихо. — Там что-то светится!

Она проворно вскочила на ноги, перешагнула через Толлера и побежала в глубь пещеры.

Толлер пытался выкрикнуть предостережение, но от страха у него пересохло в горле, и он лишился дара речи. А Джесалла уже разбрасывала

верхние камни. Он молча смотрел, как она засовывает руки в кучу, поднимает что-то тяжелое и несет это поближе ко входу, на свет. Джесалла опустилась рядом с Толлером и положила находку себе на колени. Это оказался крупный плоский темно-серый обломок скалы, но он не был похож ни на какую скалу, виденную до этого. Поперек обломка насквозь проходила составляющая с ним одно целое, но сильно отличающаяся от серой массы полоса белого вещества. И не просто белого, а отражающего солнце, как вода далекого озера на рассвете.

— Это… это прекрасно, — выдохнула Джесалла. — Но что же это?

— Я не… — Сморщившись от боли, Толлер потянулся к своей одежде, нащупал карман и вытащил странный памятный подарок отца. Он поднес его к блестящему слою в камне, и то, что он уже знал, стало очевидным — они совпадали по своей структуре.

Джесалла взяла у него вещицу и погладила пальцем полированную поверхность.

— Где ты это взял?

— Мой отец… мой настоящий отец… подарил мне его в Хамтефе перед самой смертью… Он рассказал, что нашел это давным-давно. До моего

рождения. В провинции Редант.

— У меня странное чувство. — Джесалла взглянула на туманный, загадочный, выжидающий диск Старой Планеты и вздрогнула. — Что, если наше переселение не первое, Толлер? Что, если все это уже происходило?

— Пожалуй. Возможно, не один раз. Но нам важно, чтобы никогда… — Толлер устал и не закончил фразу.

Он положил ладонь, тыльной стороной на блестящую полосу в камне, захваченный ее холодом и загадочностью. И неясным ощущением того, что каким-то образом ему удастся заставить будущее отличаться от прошлого.

Боб Шоу
Деревянные космолеты

Часть I
ТЕНИ СГУЩАЮТСЯ
Глава 1

Лорд Толлер Маракайн достал из подарочного футляра блестящий меч и повернул так, чтобы по всему клинку заиграло солнце. Ослепительная красота меча пленяла, стоило лишь взять его в руки. В отличие от черного — традиционного оружия соотечественников Толлера — этот меч как будто обладал потусторонним, сверхъестественным свойством, роднившим его с солнечным лучом, пронзающим тонкое марево. Но лорд знал наверняка: в его силе нет ничего запредельного. Испокон веков меч — даже самый примитивный — был лучшим оружием человеческой расы, и Толлер весьма преуспел в его усовершенствовании.

Нажав на кнопку, скрытую в узоре рукояти, он заставил изогнутую накладку пружинисто встать торчком над полостью, где хранился тонкостенный стеклянный сосуд с желтоватой жидкостью. Убедившись, что все в порядке, Толлер со щелчком вернул накладку на место. Убирать меч

в футляр не хотелось, и он еще несколько секунд наслаждался знакомым, почти родным ощущением рукояти в ладони и великолепной балансировкой оружия, а затем рубанул воздух и принял стойку фехтовальщика.

В этот миг его черноволосая постоянная жена очередной раз напомнила о своей сверхчеловеческой способности появляться в самый неподходящий момент — она отворила дверь и вошла в комнату.

— Прошу прощения, я думала, ты один. — Джесалла улыбнулась с наигранным весельем и окинула комнату удивленным взором. — Кстати, а где же твой противник? Искромсан на мелкие кусочки, да так, что без лупы и не разглядишь? Или он от рождения невидимка?

Толлер вздохнул и опустил меч.

— Ирония тебе не к лицу.

— А тебе не к лицу играть в солдатики. — Джесалла легко и бесшумно преодолела расстояние между ними и обняла мужа за шею. — Толлер, сколько тебе уже? Пятьдесят три. Когда же ты наконец избавишься от дурной привычки сражаться и убивать?

— Как только люди обретут святость, но едва ли это случится в ближайшую пару лет.

— Так кто из нас теперь иронизирует?

— Это, наверно, заразно. — Толлер с улыбкой глядел на Джесаллу сверху вниз, блаженствуя от одного ее вида; за долгий срок супружества это чувство почти нисколько не увяло. Двадцать три года, большинство из которых были полны испытаний, не сильно изменили ее облик и нисколько не обезобразили изящную фигуру. Разве что в глаза бросалась одинокая полоска серебра в волосах, но и ее, возможно, добавил к прическе искусный куафер. Джесалла по-прежнему любила длинные воздушные платья мягких тонов, хотя текстильная промышленность Верхнего Мира еще не научилась создавать прозрачные ткани, которые жена Толлера предпочитала на старой планете.

— В котором часу аудиенция? — Отступив на несколько шагов, она окинула мужа строгим взглядом. Супруги то и дело ссорились из-за того, что Толлер, вопреки обычаям своего сословия, ходил в одежде простолюдина, чаще всего в рубашке с открытым воротом и клетчатых штанах.

— В девятом, — ответил он. — Скоро отправляться.

— И ты собираешься предстать перед королем в этом… облачении?

— А почему бы и нет?

— Вряд ли оно годится для аудиенции. Король Чаккел может воспринять это как неуважение.

— Ну и пусть, если ему так хочется. — Толлер состроил гримасу, опуская меч в кожаный футляр и щелкая замком. — Порой мне кажется, что я уже сыт по горло августейшими особами и их чванством. — Он заметил мелькнувшую на лице жены тревогу и тут же пожалел о своих словах. Засунув футляр под мышку, он снова улыбнулся — мол, не беспокойся, я весел, любезен и в здравом рассудке, — и, взяв жену за руку, повел ее к парадной двери. Дом Маракайнов был одноэтажным, как и большинство зданий на Верхнем Мире, и почти лишен архитектурных излишеств. Лишь каменная кладка и широкие стены, вместившие десять просторных комнат, выдавали его принадлежность к имениям знати. После Великого Переселения прошло двадцать три года, но каменщиков и плотников по-прежнему не хватало, и многим верхнемирцам приходилось довольствоваться хлипкими лачугами.

Любимый меч Толлера покоился в ножнах, висящих на перевязи в коридоре. Лорд по привычке потянулся за ним, но тотчас спохватился — ведь рядом Джесалла, — резко опустил руку,

отвернулся и распахнул дверь. Солнце за нею сверкало так ослепительно, что казалось, стены и мостовая сами по себе излучают сияние.

— Что-то я нынче не видел Кассилла, — удивился Толлер, жмурясь под теплыми лучами. — Где он?

— Рано встал и сразу уехал на рудник.

Толлер одобрительно кивнул.

— Он удивительно трудолюбив.

— Это у него от матери, — сказала Джесалла. — К малой ночи успеешь вернуться?

— Конечно. Очень мне надо засиживаться у Чаккела!

Подойдя к своему синерогу, терпеливо ожидавшему возле декоративного куста, который садовые ножницы превратили в подобие копья, Толлер притянул ремнем кожаный футляр к широким ляжкам животного, забрался в седло и помахал Джесалле на прощание. Она ответила одним-единственным кивком; вопреки обыкновению, лицо ее было угрюмым.

— Послушай, — проговорил Толлер, — я ведь всего-навсего еду во дворец. Что на тебя нашло?

— Не знаю. Может быть, предчувствие. — Джесалла едва заметно улыбнулась. — Наверно, ты слишком долго был паинькой.

— Ну почему ты разговариваешь со мной, как с мальчишкой-переростком? — возмутился Толлер.

Джесалла открыла было рот, но в последний момент решила не отвечать и вернулась в дом.

Толлер, немного расстроенный, пустил синерога вперед. Возле деревянных ворот отменно выдрессированное животное боднуло носом изобретение Кассилла — пластину, отпирающую замок, — и через секунду-другую Толлер уже скакал вдоль изумрудного пастбища.

Дорога — гравийно-галечная полоса, окаймленная с обеих сторон шеренгами валунов, — вела точно на восток, пересекаясь вдалеке с трактом на Прад, крупнейшим из городов Верхнего Мира. На землях Толлера трудились фермеры-арендаторы, и оттого поместье имело сходство с лоскутным одеялом из всевозможных оттенков зеленого, но за его пределами холмы сохранили природную монотонность цвета; яркая зелень стелилась до самого горизонта. На небе не было ни облачка, лишь самые яркие звезды мерцали на этом куполе бездонной и вечной чистоты да случайный метеорит изредка вспыхивал на фоне вселенской прозрачности. Как раз над головой, прикованный к своему брату гравитационной

цепью, нависал гигантский диск Старого Мира — нависал, но не угрожал, а просто напоминал об очень важном эпизоде истории Колкоррона.

Такие дни обычно дарили Толлеру умиротворенность, ощущение гармонии с собою и со всей вселенной, но гнетущее чувство, порожденное мрачным настроением Джесаллы, никак не покидало его душу. А вдруг это действительно предвестие, намек на грядущий переворот в их жизни? Или, что вероятнее, Джесалла, зная его лучше, чем он сам, уловила в поведении мужа некие признаки, о которых лично он и не подозревал. Нельзя отрицать, что в последнее время его гложет непонятное беспокойство. Исполняя поручения короля, помогая изучать и осваивать единственный континент Верхнего Мира, Толлер Маракайн обрел богатство и славу. Он взял в жены единственную женщину, которой удалось пробудить любовь в его сердце; у них рос сын, каким в пору гордиться. И все же, как ни удивительно, жизнь казалась пресной. Мысли о приятном и невозмутимом существовании до самой старости, до смертного одра, вызывали удушье. Толлер сам в себе видел предателя и изо всех сил старался скрыть от Джесаллы свои терзания. Но обманывать жену подолгу ему ни

разу не удавалось…

Неожиданно Толлер заметил впереди небольшую группу солдат, направляющихся на север по Прадской дороге. Несколько минут он едва удостаивал их вниманием, пока не подумал, что для верховых они двигаются чересчур медленно. Радуясь любой возможности отвлечься от тоскливых раздумий, он достал из кармана короткую подзорную трубу и навел ее на далекий отряд. Тотчас стала ясна причина их медлительности: четверо мужчин верхом на синерогах сопровождали пешего — по всей вероятности, узника.

Сложив и убрав подзорную трубу, Толлер задумался: на Верхнем Мире почти нет преступности. Во-первых, у населения хватает других дел, во-вторых, лишь очень немногие владеют имуществом, достойным кражи, а в-третьих, нарушителям закона трудно затеряться на малонаселенной планете.

Разгоревшееся любопытство заставило его пришпорить синерога и домчаться до перекрестка, чуть опередив неторопливый отряд. Там Толлер остановил скакуна и внимательно рассмотрел приближающихся мужчин.

Эмблема в виде зеленой латной рукавицы на груди каждого всадника подсказала ему, что

перед ним — солдаты из наемного отряда барона Пэнвэрла. В центре ромба, образованного четырьмя синерогами, ковылял тщедушный человек лет тридцати в одежде простолюдина. Его руки были скованы спереди, а от черной шевелюры, свалявшейся колтуном, тянулись по лицу полосы засохшей крови. Судя по всему, с ним не церемонились.

Толлеру сразу не понравились эти вояки, еще до того, как он поймал взгляд узника, буквально одеревеневшего от неожиданности. Этот взгляд подхлестнул память Толлера. Плачевный вид крестьянина не сразу позволил лорду узнать его, но теперь Толлер вспомнил: это Оуслит Спеннель, садовод, чей надел лежит милях в четырех к югу от перекрестка. Время от времени Спеннель привозил ягоды в усадьбу Маракайна и имел репутацию мирного, добродушного трудяги.

Изначальная неприязнь Толлера к наемникам переросла в откровенную враждебность.

— Добрый утренний день, Оуслит, — обратился он к пешему, разворачивая синерога так, чтобы загородить путь отряду. — Странно видеть тебя в столь сомнительной компании.

Спеннель поднял руки в оковах.

— Милорд, меня арестовали по навету…

— Молчать, жук навозный! — Сержант, возглавлявший отряд, злобно замахнулся на Спеннеля, затем недобро взглянул на Толлера. Он был коренаст, с бочкообразной грудью и, пожалуй, староват для своего чина. Грубые черты его лица несли на себе печать многих жизненных передряг и испытаний, не давших сержанту никакой выгоды. Взор его зигзагами скользил по Толлеру, а тот хладнокровно ждал, понимая, что наемник пытается увязать скромность его наряда с богатством сбруи синерога.

— С дороги! — крикнул наконец сержант. Толлер отрицательно покачал головой.

— Я хочу знать, в чем обвиняют этого человека.

— Ты слишком многого хочешь… — сержант поглядел на своих спутников, и все трое заухмылялись, — для того, кто разъезжает по дорогам без оружия.

— В этих краях оно мне ни к чему. Я — лорд Толлер Маракайн. Вероятно, вам доводилось слышать это имя.

— Кто же не слышал про убийцу королей… — пробормотал сержант, подчеркнув неуважительность тона тем, что надолго оторвал от фразы должное обращение: — Милорд.

Толлер улыбнулся, запоминая его лицо.

— Так в чем же провинился этот несчастный?

— Эта свинья виновна в измене и сегодня же познакомится со столичным палачом.

Переваривая новость, Толлер неторопливо спешился и приблизился к Спеннелю.

— Ослит, что я слышу?

— Это клевета, мой господин, — зачастил Спеннель севшим от страха, блеклым голосом. — Клянусь вам, я ни в чем не виноват. Я вовсе не хотел оскорбить барона.

— Ты имеешь в виду Пэнвэрла? Он-то тут при чем?

Прежде чем ответить, Спеннель затравленно оглянулся на солдат.

— Милорд, мой сад примыкает к владениям барона. Воды ручья, что питает мои деревья, стекают на его землю, и… — Спеннель умолк и беспомощно покачал головой.

— Говори смелей. Я не смогу тебе помочь, если не узнаю, что случилось.

Спеннель звучно сглотнул.

— Вода заболачивает низину, где барон объезжает синерогов. Два дня назад он пришел ко мне и приказал завалить источник камнями и залить цементом. Я ответил, что без воды в хозяйстве

никак не обойтись, и предложил отвести ручей от его имения. Тогда он разгневался и потребовал, чтобы я немедленно засыпал ключ. Я пытался доказать ему, что едва ли от этого будет польза, ведь вода обязательно найдет другой путь к поверхности, но барон обвинил меня в оскорблении и уехал, поклявшись добиться у короля моего ареста и казни по обвинению в измене.

— И все это — из-за клочка болотистой земли? — Толлер озадаченно мял пальцами нижнюю губу. — Не иначе, у Пэнвэрла помутился рассудок.

На лице Спеннеля появилась убогая карикатура на улыбку.

— Едва ли, милорд. Да будет вам известно, все остальные фермеры уже лишились своей земли. Их права перешли к барону.

— Так вот оно что! — глухо, но весомо произнес Толлер. Очередная иллюзия рассыпалась в прах — эта вереница разочарований подчас превращала его в затворника. Было время — сразу после перелета на Верхний Мир, — когда он искренне верил, что судьба подарила человечеству шанс начать все заново. В ту горячую пору изучения и обживания зеленого континента, что опоясывал планету, Толлер воображал, будто люди смо-

гут наконец обрести равенство и отказаться от прежнего нелепого и расточительного образа существования. Он цеплялся за эти надежды, даже когда действительность колола глаза, но в конце концов был вынужден прямо спросить себя: а не зря ли совершен межпланетный перелет и стоит ли это горькое испытание хоть ломаного гроша?

— Не бойся, — ободрил он Спеннеля. — Ты не взойдешь на эшафот ради выгоды Пэнвэрла. Даю слово.

— Спасибо, милорд! Спасибо! Спасибо! — Крестьянин вновь посмотрел на солдат и перешел на шепот: — Но разве в вашей власти немедленно освободить меня из-под стражи?

Толлер был вынужден отрицательно покачать головой.

— У этих солдат — королевский ордер. Освободить тебя сейчас — значит усугубить положение. Кроме того, если вы и дальше будете так тащиться, я вас намного опережу и успею договориться с королем.

— Еще раз благодарю, милорд, благодарю от всего… — Бедняга стушевался, словно пристыженный торговец, понимающий, что товар, который он так горячо расхваливает, — та еще дрянь. — Милорд, если со мной все-таки что-

нибудь случится, не откажите в любезности, известите мою жену и дочь и позаботьтесь о них.

— Ничего с тобой не случится. — Толлер едва сдерживал раздражение. — Возьми себя в руки и позволь мне уладить это досадное недоразумение.

Он повернулся, ровным шагом приблизился к синерогу и забрался в седло, с горечью подумав, что, несмотря на все его уверения, Спеннелю все-таки грозит смерть. «Грядут новые времена, — усмехнулся лорд про себя, — я больше не в фаворе у короля, и об этом, похоже, известно всем». Вообще-то подобные пустяки его мало заботили, но сейчас… Да, стало быть, это не такой уж пустяк… если ты не в силах помочь бесправному крестьянину, попавшему в беду.

Он подъехал к сержанту и спросил:

— Ваше имя?

— А зачем оно вам, — вопросом на вопрос ответил наемник, — милорд?

Неожиданно, к своему удивлению, Толлер обнаружил, что глаза ему застилает багровый свет — тот самый, что в молодости всегда сопутствовал самым безумным вспышкам его ярости. Сверля наглеца взором, он подался вперед и

увидел, как с физиономии сержанта сползает дерзкая ухмылка.

— Я спрашиваю в последний раз, сержант, — рявкнул он. — Ваше имя?

Тот помедлил, но лишь мгновение.

— Гнэпперл.

Толлер широко улыбнулся.

— Прекрасно, Гнэпперл. Теперь мы знакомы и даже можем стать добрыми друзьями. Я еду в Прад, где Его Величество удостоит меня аудиенции. И первое, о чем я там позабочусь, — это чтобы с Оуслита Спеннеля были полностью сняты обвинения в измене, которой он не совершал. А пока я беру его под свою защиту, и как ни прискорбно мне говорить об этом — мы же теперь добрые друзья, — но если с ним что-то случится, то пеняй на себя. Надеюсь, ты все понял…

Сержант ответил ненавидящим взглядом. Его губы кривились — на волю рвалась грязная брань. С издевательской ухмылкой Толер кивнул ему и, развернувшись, пустил синерога легким галопом. Столица Колкоррона лежала почти в четырех милях, и если поспешить, можно на час опередить Гнэпперла и его отряд. Толлер поднял глаза на далекую планету-сестру, висящую в зените здоровенной румяной краюхой, — судя

по ширине этого залитого солнцем полумесяца, Толлер будет во дворце задолго до назначенного времени и, даже если задержится, чтобы похлопотать за Спеннеля, все равно успеет вернуться домой прежде, чем солнце скроется за Старым Миром. Конечно, если только король проявит здравомыслие…

«Для начала, — решил Толлер, — попробую-ка я сыграть на его недовольстве тем, что знать то и дело норовит расширить свои владения».

Когда возникло государство Колкоррон, первый в его истории ненаследственный монарх Чаккел постарался утвердить свое положение, жестко ограничив размеры дворянских угодий особым указом. Естественно, это не всем пришлось по вкусу, особенно возмущались члены прежнего августейшего семейства. Но Чаккел твердо настоял на своем, не побрезговав даже пустить кое-кому кровь. В ту пору Толлеру было не до дворцовых интриг, а ныне далекие годы рождения страны казались сном. Он даже почти забыл, как выглядит строй небесных кораблей — этакий стог высотою в сотни миль, медленно падающий из зенита, из зоны соприкосновения планетных атмосфер. Вскоре после приземления большинство кораблей были демонтированы, а

льняная оболочка баллонов почти вся пошла на шатры для переселенцев. По прихоти Чаккела несколько воздушных судов оставили в целости и сохранности, заложив тем самым основу музейной коллекции, — однако Толлер давно уже не видел ни одного из них: громоздкая и заплесневелая вещественность этих кораблей казалась ему несовместимой с вдохновенным динамизмом тех славных дней, высочайшего подъема в его жизни.

Одолев продолговатый холм, Толлер увидел перед собой Прад. По мнению Толлера, выглядел город довольно необычно, ибо совсем не напоминал Ро-Атабри, где прошли его зрелые годы. Строители явно руководствовались некоей абстрактно-стратегической идеей. В излучине реки посреди овражков и рощиц теснились здания административного центра, прочие же строения выглядели весьма убого. Кое-где уже виднелись контуры будущих проспектов и площадей, где-то сохранились клочки леса, но в основном в глаза бросались лишь побеленные известью валуны да сваи. Каменные административные здания напоминали одинокие аванпосты цивилизации, осажденные армией трав и кустарников; почти везде царила неподвижность, и только

шары птерты плавно скользили по открытым пустошам или ползали вдоль заборов, будто высматривая лазейки.

Толлер двинулся дальше по прямому тракту, в город, где он бывал довольно редко. Все чаще встречались пешеходы — мужчины, женщины и дети; мало-помалу он погружался в суетливое кипение жизни, точно такое же, как в торговых городах Старого Мира. Вдоль улицы стояли общественные здания в традиционном колкорронском стиле, с характерными геометрическими узорами каменно-кирпичной кладки — дань суровым условиям этой планеты. Каменщикам не мешало бы облицевать все углы и кромки багровым песчаником, но его залежей на Верхнем Мире еще не обнаружили, а потому в дело шел бурый гранит. Тем не менее львиная доля магазинов и гостиниц имела точно такой же вид, как на Старом Мире; порой Толлеру даже казалось, что он перенесся назад в Ро-Атабри.

И все же незавершенность, «недопеченность» многих домов подтверждали его мнение, что король Чаккел слишком широко размахнулся. На Верхний Мир благополучно переселились всего-навсего двадцать тысяч человек, и хотя население быстро росло, сейчас оно едва достигло пятидеся-

ти тысяч. Многие были еще слишком молоды, и решимость Чаккела создать мировое государство разбросала их крошечными общинами по всей планете. Даже Прад — так называемая столица — едва насчитывал восемь тысяч человек; по сути, это была деревня, изрядно тяготившаяся своей славой и столичной атрибутикой.

Когда Толлер добрался до северной оконечности города, впереди, между домами, замелькал фасад королевского дворца — прямоугольного сооружения, совсем еще недостроенного, томящегося в ожидании крыльев и башен; при всей своей нетерпеливости Чаккел был вынужден оставить их возведение потомкам. Сквозь ряды молодых деревьев ослепительно сиял белый и красный мрамор кладки. За несколько минут Толлер пересек реку по дивно разукрашенному одинокому мосту и приблизился к воротам из бракковых брусьев. Здесь его узнал начальник стражи и жестом позволил войти без проволочек.

Во дворе стояло десятка два фаэтонов и столько же оседланных синерогов — стало быть, у Его Величества деловой малый день. Толлеру пришло в голову, что аудиенция может быть и отложена, и в душе его зашевелилась тревога за Спеннеля. Как бы угроза, высказанная им сержанту, не утра-

тила силу в присутствии палача и влиятельных вельмож, наделенных правом выносить смертные приговоры.

Толлер спешился, отвязал футляр с мечом и поспешил к арке парадного входа. Его и там почти сразу узнала наружная охрана, но, как он и опасался, у резных створок путь ему преградили два стражника в черных доспехах.

— Прошу прощения, милорд, — сказал один из них. — Его Величество занят, вам придется подождать.

Толлер огляделся: людей в коридоре хватает, среди них парами и тройками стоят придворные с эмблемой «меч и перо» — королевские вестники.

— Но мне назначено в девять.

— Милорд, другие ждут уже с семи часов.

Тревога возросла. Толлер стал выписывать круги по мозаичному полу, набираясь решимости, затем напустил на себя смиренный вид и приблизился к охранникам. Завязалась беседа о пустяках; стражники казались благодарными за развлечение, но не настолько, чтобы утратить бдительность. Они не спускали глаз с двери приемной залы. Через несколько минут, исчерпав все темы для разговора, Толлер уже собрался отойти, но тут за дверью раздались шаги.

Каждый стражник распахнул по створке, и в коридор ступила небольшая группа мужчин, по виду — королевских советников. Они удовлетворенно кивали — очевидно, беседа с Чаккелом принесла желанные плоды. Из толпы ожидающих вышел светловолосый человек в костюме наместника — он явно надеялся на королевское приглашение.

— Прошу прощения, — шепнул Толлер и устремился мимо него.

Опешившие латники попытались его задержать, но Толлер, хоть и разменял шестой десяток, не утратил былого проворства и беспечной силы, коими славился в молодые солдатские годы. Он без труда растолкал обоих и секундой позже уже шагал по залу с высоким сводом к помосту, где восседал Чаккел. Король поднял голову, настороженный лязгом доспехов стражников, вбежавших в зал следом за Толлером, а затем тревога на его лице сменилась гневом.

— Маракайн! — рявкнул он, поднимаясь на ноги. — Это еще что за наглость?

— Ваше Величество! Вопрос жизни и смерти! — Толлер позволил стражникам схватить себя за руки, но не давал оттащить обратно к двери. — Под угрозой жизнь ни в чем не повин-

ного человека, и я умоляю вас без промедления рассмотреть этот вопрос. А еще я прошу, чтобы ваши привратники оставили меня в покое. От них будет мало проку, если я оторву им кисти.

Эти слова заставили стражников удвоить усилия, но Чаккел ткнул в их сторону пальцем, а затем медленно показал на дверь. Гвардейцы тут же отпустили Толлера и, кланяясь, попятились к выходу. Чаккел стоял, мрачно разглядывая Толлера, пока они не остались вдвоем. Тогда он тяжело опустился на трон и хлопнул себя по лбу.

— Маракайн, я отказываюсь верить своим глазам. Выходит, я напрасно надеялся, что ссылка в поместье Бернор научит тебя держать в узде свой проклятый норов. Значит, я рано радовался.

— Не вижу смысла… — Толлер запнулся, сообразив, что выбрал не тот тон, и внимательно посмотрел на короля, пытаясь определить, не слишком ли он успел навредить Спеннелю. Чаккелу уже стукнуло шестьдесят пять, почти все волосы разлетелись с его загорелой лысины, а тело заплыло жирком. Но при всем при том он ничуть не утратил живости ума. Он славился твердостью характера, упрямством и нетерпимостью и вряд ли желал излечиться от жестокости, которая ему так часто помогала и даже в свое

время подарила трон.

— Ну, давай договаривай. — Брови Чаккела сдвинулись, образовав сплошную полоску. — В чем ты не видишь смысла?

— Не важно, Ваше Величество. Самым искренним образом прошу извинить меня за бесцеремонное вторжение, но повторяю: речь идет о жизни невинного человека и на волокиту нет времени.

— Что еще за невинный?! Какого черта ты лезешь ко мне с пустяками?

Пока Толлер описывал недавнее событие, Чаккел играл с синим алмазом, что носил на груди, и недоверчиво ухмылялся. Дослушав до конца, он спросил:

— Откуда ты знаешь, что этот твой приятель из подлого сословия не оскорблял Пэнвэрла?

— Он поклялся.

Чаккел не расставался с улыбочкой.

— Что значит слово паршивого фермера против слова дворянина?

— Я лично знаю этого фермера, — упорствовал Толлер, — и ручаюсь за его честность.

— Но какой барону резон лгать из-за такой ерунды?

— Земля. — Толлер дал королю время поду-

мать. — Пэнвэрл выживает небогатых соседей и прибирает их участки к рукам. Его намерения совершенно ясны, и смею надеяться, вы их не одобрите.

С широкой ухмылкой Чаккел откинулся на спинку позолоченного трона.

— Дорогой мой Толлер, я верю тебе на слово, но если барону угодно хапать крестьянские клочки — на здоровье. Пройдет тысяча лет, прежде чем его потомки станут угрозой для монархии. Ты не обидишься, если я вернусь к более насущным проблемам?

— Но… — Толлер растерялся. Внезапное благодушие короля и обращение к подданному по имени не сулили ничего хорошего. Провал! Смертью невинного он, Толлер, будет наказан за прежние и нынешние проступки. Эта мысль превратила тревогу в ледяной ужас.

— Ваше Величество, — пробормотал он, — мне ничего не остается, как воззвать к чувству справедливости самодержца. Одному из ваших подданных, беззащитному труженику, грозят лишением имущества и смертью.

— Но ведь тут все по справедливости, — беспечно парировал Чаккел. — Ему не помешало бы подумать о возможных последствиях, прежде чем

оскорблять Пэнвэрла, а значит — косвенно, — и меня. Сдается мне, барон поступил правильно, и я бы не стал сердиться, пришиби он олуха на месте, вместо того чтобы просить суда над ним.

— Это лишь для того, чтобы придать своему злодейству видимость законности.

— Поосторожнее, Маракайн! — Со смуглого лица короля слетела маска благодушия. — Ты рискуешь слишком далеко зайти.

— Виноват, Ваше Величество! — Отчаявшись, Толлер решил выложить главный козырь. — Мое единственное намерение — спасти жизнь невиновному человеку, а посему я осмеливаюсь напомнить об известной услуге, за которую вы передо мной в долгу.

— Услуге? Услуге?

Толлер кивнул:

— Да, Ваше Величество. Я имею в виду тот случай, когда я спас жизнь не только вам, но и королеве Дасине, а также троим вашим отпрыскам. Прежде я ни разу не затрагивал этой темы, но времена…

— Довольно! — Возмущенный крик Чаккела эхом раскатился под сводами. — Я готов допустить, что ты, спасая собственную шкуру, ненароком выручил мою семью, но ведь это

было двадцать с лишним лет назад! Ни разу не затрагивал этой темы, ха! Как только у тебя язык поворачивается! Да ты всякий раз ее касался, когда что-нибудь у меня клянчил. Если хорошенько поразмыслить, то выйдет, что другой темы у тебя отродясь не бывало! Нет, Маракайн, впредь этот номер не пройдет.

— И все же, Ваше Величество, что значит жизнь простого крестьянина в сравнении с четырьмя августейшими…

— Молчать! Хватит! Все, не лезь ко мне с этой ерундой. И вообще за каким лешим ты сюда явился? — Чаккел схватил с этажерки возле трона стопку бумаг и торопливо перелистал. — Ах да! Ты заявил, что хочешь преподнести мне особый подарок. Ну и где же он?

Сообразив, что перегибать палку не стоит, Толлер открыл кожаный футляр и продемонстрировал его содержимое.

— Именно особый, Ваше Величество.

— Металлический меч! — Чаккел страдальчески вздохнул. — Маракайн, твои навязчивые идеи иногда ужасно надоедают. Ведь мы, кажется, раз и навсегда договорились: в оружейном деле железо бракке не замена.

— Этот клинок — из стали. — Толлер взял меч

и уже хотел протянуть его королю, когда ему в голову пришла идея. — Мы открыли, что руда из верхней части печи дает необыкновенно твердый металл. Если затем снизить в нем содержание углерода, можно изготовить идеальный клинок. — Опустив футляр на пол, Толлер принял первую позицию фехтовальщика.

Чаккел беспокойно заерзал на троне.

— А ты знаешь, Маракайн, что говорится в протоколе о ношении оружия во дворце? Уж не вызвать ли мне стражу…

Толлер ответил с улыбкой:

— Извольте, Ваше Величество. Вы дадите мне желанную возможность доказать ценность подарка. С этой вещицей в руке я одолею любого рубаку из вашей армии.

— Не смеши! Забирай свою блестящую игрушку, а мне позволь заняться более важными делами.

— Я слов на ветер не бросаю. — В голосе Толлера прозвучала жесткая нотка. — Готов сразиться с вашим лучшим фехтовальщиком.

Чаккел недобро прищурился.

— Похоже, годы подточили твой разум. Надеюсь, ты слыхал о Каркаранде. Ты хоть представляешь, во что он может превратить человека твоих лет?

— Пока у меня этот меч, у него ничего не выйдет. — Толлер опустил клинок. — Я настолько уверен в себе, что готов поставить на кон мое единственное поместье. Ваше Величество, всем известно, что вы азартны. — Решайте же. Все мое имение за жизнь одного простолюдина.

— Вот оно что! — Чаккел отрицательно покачал головой. — Я не расположен…

— Если вам угодно, мы можем драться насмерть.

Чаккел вскочил на ноги.

— Маракайн! Ты приставучий дуралей! Ну, на сей раз ты получишь то, чего так усердно добиваешься с первого дня нашего знакомства! С величайшим удовольствием посмотрю, как в твой толстый череп проникнет луч солнца!

— Спасибо, Ваше Величество, — сухо ответил Толлер. — Ну а пока… как насчет отсрочки казни?

— В этом нет необходимости. Сейчас же все и уладим. — Чаккел воздел руку, и сутулый секретарь, подглядывавший, должно быть, в шпионский глазок, через маленькую дверь вбежал в приемную залу.

— Ваше Величество? — Он так энергично кланялся, будто хотел дать Толлеру понять, что свою

осанку выработал за годы усердной службы.

— Во-первых, — сказал Чаккел, — сообщи тем, кто ждет в коридоре, что я отлучился по срочным делам, и пусть им послужит утешением, что мое отсутствие будет недолгим. Во-вторых, передай коменданту дворца, чтобы ровно через три минуты здесь был Каркаранд, при оружии и готовый к разделке.

— Слушаюсь, Ваше Величество. — Секретарь опять поклонился, после чего бросил на Толлера долгий изучающий взгляд и двинулся к двустворчатой двери нетерпеливой походкой человека, которому в конце скучного дня выпало запоминающееся приключение.

Толлер проводил его глазами, использовав паузу, чтобы подумать: а не переступил ли он в своем заступничестве границу здравого смысла?

— В чем дело, а, Маракайн? — К Чаккелу возвратилась веселость. — Никак на попятный?

Не ожидая ответа, он поманил Толлера пальцем и направился к занавешенному черному ходу. Ступая за монархом вдоль стен, облицованных деревом, Толлер вдруг вспомнил лицо Джесаллы в момент их расставания и ее глаза, исполненные глубокой тревоги. Он совсем растерялся. Неужто у нее было предчувствие, что во дворце

Толлера подстерегает беда? Конечно, встреча со Спеннелем и его конвоирами — чистейшей воды случайность. В обществе, где жил Толлер, насильственная смерть вовсе не считалась редкостью, и в былые годы известия о скором и неправедном суде не лишали его душевного равновесия. Может, все дело в том, что неудовлетворенность, точащая душу, давно ждала случая подвергнуть Толлера смертельной опасности, и такой случай подвернулся по пути в Прад?

Что ж, если Толлер подсознательно стремился к риску, то он здорово преуспел. Он никогда не приглядывался к Каркаранду, однако знал, что это редкая птица: боец на мечах, абсолютно не обремененный моралью или хотя бы почтением к человеческой жизни; по слухам, он обладал такой силищей, что одним ударом кулака валил синерога. Для человека преклонных лет, чем бы он ни вооружился, идти против этой смертоносной машины — безрассудство на грани самоубийства. А ставить на кон все состояние рода — это вообще вершина идиотизма.

«Прости меня, Джесалла. — Толлер съежился под воображаемым взглядом постоянной жены. — Если посчастливится пережить этот эпизод, до конца дней своих буду образцом бла-

горазумного мужа. Обещаю, я стану тем, кем ты хочешь меня видеть».

Король Чаккел дошел до наружной двери, в полном несоответствии с протоколом отворил ее сам и дал Толлеру знак пройти вперед, на плац. Из чувства приличия тот слегка помедлил, но в следующий миг, заметив улыбку Чаккела, разгадал значение его жеста: король счастлив на время поступиться субординацией ради возможности уложить своего старого советника в гроб.

— Что с тобой, Толлер? — Король веселился от души. — Любой на твоем месте пошел бы на попятный. Неужели ты наконец прислушался к внутреннему голосу? Неужели каешься?

— Напротив. — Толлер ответил королю улыбкой. — Я жду не дождусь легкой разминки. — Он опустил футляр на гравий и достал меч. Отменная балансировка клинка и твердая боевая стойка отчасти вернули ему уверенность в себе. Он посмотрел вверх, на громадный диск Старого Мира. Шел только девятый час, а значит, он еще успеет вернуться домой до наступления малой ночи.

— Это кровосток? — полюбопытствовал Чаккел, пристально разглядывая стальной меч. Он показал на желобок, что тянулся по всему лезвию. — Зачем доводить его до рукояти при таком

длинном клинке? Или я не прав?

— Новый материал, новая конструкция. — Толлер, не желая раньше срока открывать секрет, отвернулся и обвел взглядом ряды приземистых складов и казарм, обступавших плац. — Где же фехтовальщик, Ваше Величество? Надеюсь, в бою он расторопнее?

— Очень скоро ты в этом убедишься, — невозмутимо отозвался Чаккел.

В ту же секунду в дальней стене отворилась дверь, и на плацу появился человек в походном солдатском мундире. Следом за ним вышли другие солдаты и бесшумно образовали цепочку зрителей по периметру плаца. Толлер понял, что слух о дуэли разлетелся по дворцу моментально и привлек сюда всех, кто был не против, чтобы унылый тон казарменного дня украсился алым мазком.

Он вновь устремил взгляд на бойца, который вышел первым и теперь шагал к нему и королю.

Вопреки ожиданиям Толлера Каркаранд оказался не так уж высок, но зато обладал широченным торсом и колоннообразными ногами такой силы, что она без труда обеспечивала этой живой горе пружинистую поступь. Ручищи были настолько перегружены мускулами,

что не могли висеть вертикально и торчали вперед под тупыми углами к бокам, придавая и без того устрашающему облику солдата налет чудовищности. Лицо Каркаранда тоже поражало шириной, хотя заметно уступало могучей шее. Рыжеватая щетина слегка затушевывала черты его лица. Зрачки у него были такие бледные и ясные, что едва ли не фосфоресцировали в тени браккового шлема.

Толлер сразу понял, что погорячился с вызовом. Перед ним стояло не человеческое существо, а живая машина-убийца; разрушительная сила, которую природа заключила в эту уродливую фигуру, не нуждалась в оружии: даже голыми руками Каркаранд все равно мог довести поединок до победы. Повинуясь рефлексу, Толлер стиснул рукоять меча и, решив, что ждать бессмысленно, нажал кнопку. Он ощутил, как внутри разбился стеклянный пузырек и освободил порцию желтой жидкости.

Каркаранд отдал королю честь.

— Ваше Величество. — Его голос оказался на удивление благозвучным.

— Славный утренний денек, Каркаранд, — пропел Чаккел ему в тон: беспечно, даже буднично. — Наш лорд Толлер Маракайн, о котором ты,

несомненно, наслышан, кажется, слегка влюбился в смерть. Не в службу, а в дружбу — доставь ему удовольствие, соедини поскорее с возлюбленной.

— Есть, Ваше Величество. — Каркаранд вновь отдал честь и, грациозно продолжая это движение, выхватил меч. Вместо обычных королевских эмблем черноту браккового клинка оживляли мазки красной эмали, похожие на кровавые брызги, — знак того, что владелец меча — фаворит Его Величества.

Каркаранд не спеша повернулся к Толлеру; безмятежность на лице фехтовальщика соседствовала с легким любопытством. Он поднял меч. Чаккел отступил на несколько шагов. Толлер принял боевую позицию; сердце тревожно забилось в ожидании атаки. Он рассчитывал на внезапный натиск Каркаранда, но его противник избрал иную тактику. Медленно двинувшись вперед, Каркаранд поднял меч над головой и опустил — самый что ни на есть обыкновенный прямой удар наотмашь, так — понарошку — сражаются мальчишки. Сбитый с толку бесхитростностью противника, Толлер машинально парировал удар — и чуть не крякнул, когда невероятная тяжесть обрушилась на меч, едва не выбив его из

руки. Запястье заныло.

Первым же ударом Каркаранд чуть не обезоружил его!

Толлер крепче сдавил отбитыми пальцами все еще вибрирующую рукоять — как раз вовремя, чтобы отразить второй такой же удар. На сей раз он подготовился лучше, но зато и боль оказалась острее. Она волной хлынула в запястье.

Каркаранд уверенно шел вперед, с каждым шагом нанося немудреные удары, и Толлер разгадал его замысел: убить и опозорить. Каркаранд действительно был наслышан о лорде Толлере Маракайне и, надвигаясь на него, как стенобитная машина, решил поднять собственный престиж, демонстративно сокрушив соперника одной лишь голой силой. Особого искусства в этой дуэли не требуется — вот что должны уяснить очевидцы и рассказать остальным. Встретив настоящего бойца, великий лорд Толлер Маракайн превратился в жалкий кусок мяса.

За миг до того, как очередное соприкосновение с карающим черным клинком должно было завершиться поражением Толлера, он отскочил назад — перевести дух. Он уже заметил, что оружие Каркаранда массивнее обычного боевого меча и скорее годится для показательной

казни, чем для долгого поединка. Только сверхчеловеческая сила Каркаранда позволяла ловко орудовать им в бою. Проблема, однако, заключалась в другом: в устаревшем стиле фехтования. Металлический клинок Толлера обладал преимуществами, но Каркаранд, сам о том не подозревая, выбрал против него наилучшее средство — череду неослабевающих ударов в вертикальной плоскости. Чтобы выйти из поединка живым и убедить короля в своей правоте, Толлеру требовалось радикально изменить тактику боя.

Наконец, решившись, он дождался, когда меч Каркаранда опять взлетит над его шлемом, и кинулся вперед, блокируя удар снизу. Клинки сомкнулись у рукоятей. Ничего подобного Каркаранд не ожидал — такой прием годился только для бойца, превосходящего его силой, а это был совершенно не тот случай. Каркаранд моргнул, затем самодовольно хмыкнул и надавил вниз огромной правой ручищей, вынуждая Толлера к бесславному отступлению, которое едва не закончилось падением. Зрители отреагировали на это смешками и аплодисментами; в их голосах Толлер уловил предвкушение. Решив сыграть на этом, он поклонился Чаккелу, но тот лишь нетерпеливо махнул рукой, веля продолжать

дуэль. Толлер быстро повернулся к противнику. Теперь он успокоился и даже приободрился, зная, что мечи соприкасались достаточно долго, чтобы клинок Каркаранда хорошенько пропитался желтой жидкостью.

— Хватит шутки шутить, убийца королей. — Здоровяк снова двинулся вперед, и снова засвистел воздух, рассекаемый вертикальными взмахами черного меча.

Вместо того чтобы отражать его контрударами справа налево, Толлер прибег к технике работы с коротким мечом. Стальное лезвие пронеслось над бракковым, описало круг и обрушилось на него сбоку. Черный клинок сломался над самой рукоятью и поскакал прочь по гравию, следом нелепо запрыгал Каркаранд. На плац внезапно опустилась тишина; тем отчетливее прозвучал одинокий крик изумления и гнева.

— Маракайн, что ты наделал? — взревел через секунду король, семеня ему навстречу. Его живот колыхался в такт шагам. — Что еще за фокусы?

— Никаких фокусов. Смотрите сами, Ваше Величество. — Толлер говорил во весь голос, но не глядел на короля, а лишь косился. Если бы здесь действовал дуэльный кодекс, поединок можно было бы считать законченным или приоста-

новленным, но все знали, что для Каркаранда правила чести — пустой звук, он всегда готов на любую подлость, лишь бы разделаться с противником.

Еще секунду Толлер поглядывал на короля, а затем резко повернулся на каблуках. Его меч описал сверкающий горизонтальный полукруг, и Каркаранд, который уже подбегал, воздев над головой кулак — этакую дубину из плоти и крови, — замер, налетев животом на острие. По грубой серой ткани камзола быстро побежала алая струйка, но он удержался на ногах и даже, сопя, напирал, хотя сталь все глубже погружалась в его солнечное сплетение.

— Выбирай, болван, — ласково произнес Толлер. — Жизнь или смерть.

Не напирая больше, но и не пятясь, Каркаранд безмолвно глядел на. него, и глаза его превратились в бледные щелочки, затянутые кровавыми паутинками. Физиономию Каркаранда пересекли вертикальные складки, и Толлер поймал себя на мысли, что готов к поступку, противоречащему его натуре.

— Каркаранд, пошевели мозгами, — изрек Чаккел, приближаясь к дуэлянтам. — Какой мне прок от фехтовальщика с разрубленным хребтом?

Ступай, займись своими обязанностями, а это дельце мы уладим в другой раз.

— Есть, Ваше Величество. — Каркаранд отдал честь и отступил, ни на миг не сводя глаз с лица Толлера. Наконец он повернулся кругом и строевым шагом направился к казарме. Кольцо зрителей поспешно разомкнулось перед ним. Чаккел, склонный прощать своих помощников (исключая Толлера), дал толпе знак разойтись, и она мигом исполнила королевскую волю. Через несколько секунд Толлер и монарх остались вдвоем на залитой солнцем арене.

— Ну, Маракайн! — Чаккел протянул руку. — Показывай.

— Конечно, Ваше Величество. — Толлер открыл полость в рукояти и продемонстрировал расколотый пузырек, выпачканный в желтой жиже. В теплом воздухе растекся резкий запах, напоминающий зловоние белого папоротника. Держа меч за основание клинка, Толлер протянул его Чаккелу. Тот брезгливо сморщил нос.

— Бракковая слизь?

— Да, только очищенная — так она легче снимается с кожи.

— Не важно. — Чаккел опустил глаза и пнул рукоять Каркарандова меча. На черном обломке

клинка в тех местах, где дерево подвергалось разрушительному воздействию жидкости, виднелась пена. — Все-таки я повторяю: это хитрый фокус.

— А я утверждаю, что тут нет никакого фокуса, — возразил Толлер. — Когда солдату предлагают новое, совершенное оружие, только дурак будет упрямо держаться за прежнее — таково непреложное требование военной логики. С этого дня оружие из бракки можно считать устаревшим. — Он сделал паузу и многозначительно посмотрел на грандиозную выпуклость Старого Мира. — Оно принадлежит прошлому.

Чаккел вернул ему стальной меч и широкими шагами описал по плацу круг, прежде чем пронзил Толлера суровым взглядом.

— Не пойму я тебя, Маракайн. Ну почему ты вечно ищешь неприятностей?

— Необходимо прекратить вырубку бракки. И чем раньше, тем лучше.

— Ага, снова за свое! А если я всем расскажу про твои плутни?

— Слишком поздно. — Толлер быстро обвел большим пальцем ряды казарм. — Многие солдаты видели, как мой стальной меч выдержал самые сильные удары Каркаранда, видели, что

произошло с его клинком. Им рот не заткнешь, Ваше Величество. Отныне они будут волноваться и очень неохотно пойдут в бой, зная, что их оружие — не самое лучшее. А потом вспыхнет мятеж… Понимаю, эта мысль кажется вам возмутительной, но изменник, возглавивший его, не постесняется посулить гвардейцам новые стальные мечи. Этого хватит, чтобы с сотней подручных он взбаламутил тыс…

— Довольно! — Чаккел с хлопком прижал к вискам ладони и простоял так, шумно дыша, несколько секунд. — Отдай дюжину своих проклятых мечей Гагрону из Военного Совета. Я его предупрежу.

— Премного благодарен, Ваше Величество! — Толлер постарался заглушить в своем голосе нотку торжества. — А как насчет помилования фермера?

Что-то шевельнулось в коричневых недрах царственных глаз.

— Ты слишком многого требуешь, Маракайн. Ты одолел Каркаранда хитростью, так что твоя ставка прогорела. Скажи спасибо, что я не требую положенной платы.

— Но ведь я четко сформулировал условия. — Толлера обозлила новая уловка короля. — Я

сказал, что смогу одолеть любого вашего фехтовальщика, пока в моей руке — этот меч.

— Ну вот, теперь ты юлишь, как дешевый кейлианский стряпчий. — На лице Чаккела потихоньку вырисовывалась ухмылка. — Или забыл, что считаешься человеком чести?

— Здесь только один человек, в чьей чести можно усомниться.

Эта реплика — смертный приговор самому себе — быстро растаяла в окружающем безмолвии, однако Толлеру казалось, что ее эхо все еще блуждает по галереям его разума. «Наверно, я и впрямь решил покончить с собой, — подумал он. — Ну почему тело опережает разум? Почему оно спешит навстречу смерти? Может быть, знает, что ум робок, и на него нельзя положиться? Неужели каждому самоубийце свойственно колебаться над склянкой яда?»

Охваченный тягостными раздумьями, он заставил себя заткнуться и окаменеть лицом, ибо единственное, что он мог сделать в эти минуты перед королем, — выказать хоть тень раскаяния. Поздно было просить прощения; содеянного не исправишь. В государстве Колкоррон оскорбление правителя неизбежно каралось смертью, и Толлеру оставалось только одно — мысленно

проститься с Джесаллой, которая скоро узнает, что ее муж сам себе возвел эшафот.

— Мне всегда это чем-то напоминало игру, — произнес Чаккел скорее укоризненно, нежели гневно. — Раз за разом я прощал тебе выходки, за которые с любого другого заживо содрал бы шкуру, и даже сегодня, если б ты дрался с Каркарандом как полагается, я бы охотнее остановил его меч под конец, чем увидел твою смерть. По моей личной прихоти, Толлер. По правилам нашей тайной игры. Ты хоть понимаешь?

Толлер отрицательно качнул головой.

— Ваши намеки слишком туманны, чтобы хотелось их разгадывать.

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. И еще ты знаешь, что минуту назад игра закончилась, ибо ты нарушил все правила и не оставил мне другого выбора, кроме…

Слова вдруг перестали проникать в сознание Толлера, поскольку через плечо короля он увидел гвардейского офицера, бегущего к ним от дверного проема в северной стене дворца. «Наверно, Чаккел подал тайный знак», — решил он, и сердце его екнуло, а рука сильнее сдавила рукоять меча. На мгновение родился соблазн взять короля в заложники и выторговать себе беспрепятственный

выход из города, купить свободу — но упрямая половина его характера взяла верх. К тому же идея бежать от людей, как зачумленное животное, выглядела малопривлекательно. Да и семье злодея, поднявшего руку на короля, пришлось бы несладко. Лучше всего смириться с мыслью, что настал его последний час, и распрощаться с жизнью, сохранив достоинство и честь.

Протягивая меч, Толлер шагнул к Чаккелу и тут только сообразил, что офицер с оранжевым гребнем на шлеме ведет себя не как стражник, производящий арест. Он был один, выглядел взволнованным и вместо обнаженного меча держал в руке бинокль. Вдалеке на краю плаца появились другие военные и чиновники; запрокинув головы, они смотрели в небо на юг.

— …Если не окажешь сопротивления, — продолжал Чаккел. — Иначе мне останется только… — Звук приближающихся шагов встревожил его, он оборвал фразу и резко повернулся к офицеру.

— Ваше Величество, — обратился капитан, — по солнечному телеграфу пришла депеша от небесного маршала Еапарда. Чрезвычайно срочная! — Капитан остановился, отдал честь и замер в ожидании.

— Докладывай, — буркнул Чаккел.

— Ваше Величество, к югу от города замечен небесный корабль.

— Небесный корабль? Небесный корабль? — Чаккел осклабился, глядя на капитана. — Не иначе, Еапард рехнулся!

— Ваше Величество, иными сведениями я не располагаю. — Капитан нервным движением протянул бинокль в кожаном футляре. — Маршал сказал, что вы, наверно, захотите взглянуть.

Чаккел схватил бинокль и направил в небо, а Толлер положил меч на землю и полез в карман за подзорной трубой. Вскоре его прищуренный глаз нашел сияющее пятнышко на полпути между южным горизонтом и диском планеты-сестры. Толлер быстро навел резкость и поймал пятнышко в центре ясного круга синевы. Увеличенное изображение всколыхнуло в нем бурю эмоций, да такую мощную, что она вытеснила все мысли о неминуемой смерти.

Даже с такого расстояния шар в форме жемчужины казался огромным. Под ним Толлер увидел прямоугольную гондолу с торчащей кверху горелкой и даже различил едва заметные линии ускорительных стоек, что соединяли гондолу с оболочкой. Именно вид этих стоек, характерных

для кораблей, сконструированных специально для Переселения более двадцати лет назад, и подтвердил его интуитивную догадку, отчего сумятица в душе разгулялась еще сильней.

— Ничего не вижу, — проворчал Чаккел, слишком быстро водя биноклем. — Откуда тут взяться небесному кораблю? Я же никому не позволял их восстанавливать.

— Похоже, как раз на это и намекает небесный маршал, — спокойно заметил Толлер. — К нам пожаловали гости со Старого Мира.

Глава 2

Караван секты Исконного Первородства — тридцать с лишним фургонов — продвигался со всей возможной скоростью. Но деревянные части повозок рассохлись и растрескались, краска почти полностью облупилась, а поломки так участились, что в день едва удавалось преодолеть какой-то жалкий десяток миль. Синероги — тягловая сила переселенцев — отощали и ослабли. Кормили их в пути сносно, но плохая вода и неотвязчивые паразиты брали свое.

Вожжи головного фургона держал Бартан Драмме, проводник. Когда обоз справился с подъ-

емом на невысокую гряду, впереди открылись диковинно расцвеченные топи с преобладанием тошнотворной белизны и чахоточной зелени в крапинах поникших, уродливо асимметричных деревьев и кривых шпилей черного камня — неприглядная картина даже для обычного путешественника, а уж для того, кто взялся довести обнадеженных фермеров до сельскохозяйственного рая, и вовсе гнетущая.

Сопоставив в уме противоречивые факты, Бартан застонал вслух. Потребуется по меньшей мере пять суток, чтобы добраться до противоположной кромки болотистой низины — вон она, на горизонте, подле цепочки приземистых сине-зеленых холмов. За последние дни Джоп Тринчил, задумавший и возглавивший это переселение, похоже, утратил все иллюзии, и новая неудача Бартана едва ли улучшит их взаимоотношения. Хорошо еще, если хоть кто-нибудь из прочих фермеров согласится впредь иметь с ним дело. Они давно не обращались к проводнику без крайней нужды, и Бартана тяготило предчувствие, что без успеха даже верности Сондевиры, его невесты, хватит ненадолго.

Решив, что прятать глаза от общественного гнева недостойно мужчины, он натянул вожжи,

поставил фургон на тормоз и спрыгнул на траву. Выглядел Бартан что надо — высокий черноволосый парень лет тридцати, хорошо сложенный, ловкий, с круглым мальчишеским лицом. Вот оно-то — гладкое, веселое, умное на вид лицо — и служило в основном поводом для трений с фермерами, не склонными (за редкими исключениями) доверять человеку, вылепленному не из их теста. Понимая, что ближайшие несколько минут ничего приятного ему не сулят, Бартан изо всех сил постарался выглядеть человеком-скалой, знатоком своего дела, и дал обозу сигнал остановиться.

Как он и думал, созывать митинг не понадобилось. Стоило фермерам увидеть впереди убогую равнину, как они со всей родней высыпали из фургонов и столпились вокруг него. Каждый орал что-то свое, внося посильный вклад в общую какофонию, но Бартан смутно догадывался, что их неудовольствие делится поровну между его способностями проводника и последним из череды бесплодных, не стоящих затраченного труда «географических открытий». Даже маленькие дети глядели на него с нескрываемым презрением.

— Ну, Драмме, какую байку ты придумал на сей раз? — Голос Джопа Тринчила не сулил ни-

чего хорошего. Патриарх стоял, сложив руки на мясистой подушке-груди. Он был сед и рыхл, но избыточный вес носил с легкостью; его руки смахивали на лопаты, и было похоже, что в кулачном бою он разделается с Бартаном, даже не запыхавшись.

— Байку? О чем это ты? — Бартан тянул время, напустив на себя оскорбленный вид. — Байки — не по моей части.

— Ну да? А кто мне вкручивал, что знает эти земли, как свои шесть пальцев?

— Я говорил, что несколько раз пролетал над этой местностью с отцом, но это было давным-давно, и вообще есть пределы тому, что способен увидеть и запомнить один человек.

Последние слова Бартан выпалил не подумав и тотчас обругал себя: опять дал старикашке повод блеснуть так называемым остроумием.

— Дивлюсь я, как ты вообще ухитрился запомнить, — изрек Тринчил, лукавым взглядом поощряя аудиторию на смешки, — что струю, когда мочишься, нужно направлять по ветру.

«А сам-то ты не забыл, как вообще мочиться?» — Бартан не без труда удержал при себе эту шпильку; все кругом, особенно дети, покатились со смеху.

Джоп Тринчил был законным опекуном Сондевиры, мог запретить ей брак с чужаком и, проигрывая в словесных дуэлях, имел обыкновение так выходить из себя, что невеста взяла с Бартана клятву никогда не заводить старика.

— Не вижу смысла ехать дальше на запад, — вмешался светловолосый молодой фермер по имени Рэйдран. — Я — за то, чтобы повернуть на север.

— Согласен, — кивнул другой. — Ежели синероги не подкачают, то мы приедем, куда с самого начала хотели, только с другой стороны.

Бартан отрицательно помотал головой.

— На севере только Новый Кейл, а там и без нас народу хватает. Нам придется рассеяться и занять самые плохие участки. А мне сдается, вы для того и снялись с места, чтобы застолбить хорошие земли и жить общиной.

— Так-то оно так, да вот только дали мы маху — взяли в проводники одного олуха, который ни шиша в этом деле не смыслит, — сказал Джоп Тринчил. — Тебя.

Правда, заключенная в этом обвинении, ужалила Бартана ощутимее, чем язвительный тон патриарха. Вскоре после того, как Бартан познакомился с Сондевирой и влюбился в нее,

он с великой досадой узнал, что она вместе с караваном переселенцев уехала из-под Ро-Амасса. В стремлении примкнуть к сподвижникам Тринчила Бартан несколько преувеличил свои познания в географии этой части континента и даже себя наполовину убедил в том, что сможет восстановить в памяти все детали обширнейшего ландшафта. Но чем дальше фургоны пробирались к западу, тем ярче проявлялось несоответствие действительности и тонкой кипы листов с кроками. Теперь Бартан пожинал плоды авантюры, в которую он втянул такую уйму народу, и в поведении Тринчила сквозил намек, что среди этих плодов может быть и физическая расправа.

Встревоженный Бартан, прикрыв глаза от солнца ладонью, вновь принялся изучать мерцающую топь, пытаясь выхватить на местности какую-нибудь деталь, способную стимулировать его память. Почти сразу на горизонтальной линии, отмечающей дальнюю границу болотистой равнины, он заметил излом — возможно, там участок топи узким клином вдавался в речное русло. Как бы это выглядело с высоты птичьего полета? Тонкий белый перст, указующий на запад? Неужели он опять обманывает себя, или подобная картинка все же притаилась где-то на

задворках его сознания? И не связан ли этот образ с еще более смутным видением — холмистые угодья, обильно поросшие сочной травой и испещренные чистыми водными потоками?

Решившись на последнюю авантюру, Бартан громко расхохотался, используя все свои вокальные способности, чтобы смех его звучал как можно естественней. Покрытая седой щетиной челюсть Тринчила отвисла, демонстрируя крайнюю степень изумления патриарха. Недовольное бормотание остальных членов секты разом прекратилось.

— Не вижу ничего смешного в нашем положении, — процедил Тринчил. — А в твоем — и подавно, — зловеще добавил он.

— Ну, извини, извини. — Бартан фыркнул и картинно зажал себе рот костяшками пальцев, будто человек, борющийся с приступом неподдельного веселья. — Переборщил я, но, знаешь, просто не могу удержаться от невинных шалостей. Да ты бы сам посмотрел на свое лицо, когда решил, что все предприятие пошло коту под хвост! Приношу свои искренние извинения.

— Ты что, совсем спятил? — Тринчил угрожающе подбоченился. — А ну-ка выкладывай!

— С превеликим удовольствием. — Бартан теат-

рально обвел рукой болотистую равнину. — Все вы будете весьма рады услышать, что вон та бадья заплесневелой каши и есть заветный ориентир, к которому я вел вас с самого начала. По другую ее сторону, сразу за теми холмами, вас ожидает вдоволь самой что ни на есть плодородной земли, раскинувшейся на многие мили во всех направлениях, куда ни кинь взгляд. Друзья мои, наше путешествие вот-вот подойдет к триумфальному завершению. Вскоре вашим тяготам и лишениям наступит конец, и вы сможете застолбить себе…

— Хватит трепаться! — прикрикнул Тринчил, взмахом руки обрывая раздавшиеся было среди зрителей восторженные возгласы. — Мы уже вдосталь наслушались твоих россказней в прошлом. С какой стати нам верить тебе на этот раз?

— Вот я и говорю, — выступил вперед Рэйдран, — давайте свернем на север. И чем раньше — тем лучше! Зачем нам транжирить время, кружа по топям, по прихоти какого-то шута горохового?

— Шут — мягко сказано, — вмешалась Фиренда, дородная жена-стажерка Рэйдрана. После секундной заминки она выдала более подходящее, по ее мнению, определение, вызвавшее одобрительный вздох у некоторых ее товарок и бурю

восторга у ребятни.

— Ну, знаете, сударыня, — обиделся Бартан. — Если б не то, что вы женщина… — В глубине души он сомневался, что продержится хотя бы несколько секунд в схватке с этой великаншей, и — вот ведь напасть! — она и впрямь принялась энергично мять в своих кулачищах внушительный узел на поясе.

— Значит, тебя останавливают лишь мои юбки? — проскрежетала Фиренда. — Тогда мы быстро…

— Предоставь-ка это мне, женщина! — Тринчил выпрямился во весь рост, наглядно демонстрируя, кто здесь хозяин. — Мы тут все благоразумные люди, и, стало быть, нужно решать наши споры разумным путем. Согласен со мной, господин Драмме, а?

— Целиком и полностью! — с облегчением воскликнул Бартан, подозревая, правда, что Тринчил вовсе неспроста сменил гнев на милость. Поверх голов собравшихся незадачливый проводник заметил, как златовласая Сондевира приоткрыла полог фургона и занесла ножку над бортом. Похоже, до сих пор она не решалась показаться на глаза, смекнув, что жених попал в новую переделку, и не желая усугублять его замешательство

своим присутствием. На ней была зеленая безрукавка и плотно облегающие штаны в темную клетку — вполне обычный наряд для молодой женщины в сельской общине, но Бартан мог поклясться, что Сондевира носит свою одежду с особым вкусом, отличавшим ее от всех остальных девушек секты. И пусть кто-нибудь скажет, что это не есть признак ее редких умственных способностей! Даже в нынешней весьма затруднительной ситуации Бартан не мог не испытать острого удовольствия, краем глаза наблюдая, как его невеста с томной грацией соскальзывает по борту фургона на твердую землю.

— Так вот, господин Драмме, в сложившихся обстоятельствах, — продолжал Тринчил, поворачиваясь лицом к фургону Бартана, — думаю, самое время растолкать твою задремавшую попутчицу и стребовать с нее положенную плату за проезд.

С первых дней экспедиции Бартан из кожи лез, чтобы отдалить сей момент.

— Но… это вызовет уйму хлопот.

— Не больше, чем если бы мы перевалили за те холмы и нашли там очередное болото или пустошь.

— Да, конечно, но…

— Что такое? — Тринчил дернул за грязный полог фургона. — У тебя там воздушный корабль, и ты умеешь им управлять, разве нет? Если окажется, что ты заморочил голову моей племяннице, то я очень рассержусь. Ты еще не знаешь, каким я бываю сердитым. Даже не представляешь.

Бартан взглянул на приближающуюся Сондевиру — и опешил: невеста смотрела на него с откровенным любопытством, если не сказать — сомнением.

— Да, конечно, у меня тут воздушный корабль, — произнес он скороговоркой. — Ну, корабль — слишком громко сказано, это, скорее, лодка, но могу тебя заверить, что в небе я как рыба в воде.

— Корабль, лодка, корыто — без разницы. Хватит с нас отговорок. — Тринчил принялся расстегивать полог, другие мужчины взялись ему помочь.

Бартан не решился возразить и следил за ними с нарастающим унынием. В свое время тяга к полетам настолько овладела его отцом, что даже погубила старшего Драмме, и в наследство сыну досталась одна-единственная ценная вещь — корабль. Воздухоплавательное искусство Бартана было в высшей степени сомнительным, но он

не стал об этом распространяться, когда предлагал Тринчилу свои услуги. Воздушная разведка — великое подспорье для каравана, напирал он, возьмите меня с собой, жалеть не придется, — и Тринчил скрепя сердце выделил для корабля место в фургоне. Как назло, в пути иногда возникали ситуации, когда воздушная разведка была бы не лишней, и всякий раз изобретательность Бартана испытывалась на предельные нагрузки; он ломал голову, выдумывая убедительные причины, чтобы остаться на земле. Но теперь, по всей видимости, его час пробил.

— Глянь, как им не терпится, — сказал он, приблизившись к Сондевире. — Для них это развлечение. Бьюсь об заклад, они не верят в мои пилотские способности.

— Скоро ты покажешь, на что способен. — В голосе девушки было меньше тепла, чем хотелось бы Бартану. — Надеюсь, пилот из тебя получше, чем проводник.

— Сонди!

— А что? — без тени раскаяния откликнулась она. — Ты не можешь отрицать: за что бы ты ни брался, получалась только распрекрасная свиная задница.

Бартан оторопело глянул на нее и залился

краской. Наверно, за всю свою жизнь он не видел девичьего лица прелестнее. Эти широко расставленные синие глаза, идеальный носик, изящно очерченные чувственные губки заставляли его сердце трепетать, и инстинкт подсказывал ему, что у Сондевиры есть и другие, скрытые достоинства — под стать внешним. Но то и дело с ее губ срывались словечки, приличествующие только этим грубиянам и неряхам, среди которых она выросла. А что, если она это делает не случайно? Может быть, таким образом Сондевира — на свой манер — предостерегает Бартана, что судьба селянина, которую он себе уготовил, — не для маминых сынков?

В следующее мгновение его мысли вернулись к более насущным проблемам.

— Осторожно! — закричал он, бросаясь к фургону. Один из фермеров вознамерился скинуть за борт зеленый ящик. — Там же кристаллы!

Фермер равнодушно пожал плечами и отдал ящик Бартану.

— Давай заодно и пурпурный. — С двумя ящиками под мышками он отошел в сторонку, к плоскому валуну. Зеленые кристаллы пикона и пурпурные — халвелла (и те, и другие извлекались из почвы корнями бракки) не были опасны,

если их не смешивать в замкнутом пространстве. Они стоили дорого и за пределами больших поселений встречались редко, поэтому Бартан пуще глаз берег отцовские припасы.

Понимая, что от полета, как и от связанных с ним опасностей, уже не отвертеться, Бартан взялся руководить распаковкой и сборкой воздушного корабля. Маленькая гондола, несмотря на ее исключительную легкость, тревоги не вызывала, а газовая горелка из древесины бракки практически не знала износа. Больше всего Бартан беспокоился из-за оболочки. Еще до отъезда каравана пропитанная лаком парусина выглядела неважно, и уж явно она не стала лучше, пока тряслась в задней части фургона. Когда оболочку расстелили на земле, Бартан проверил швы и крепежную тесьму и пришел к неутешительным выводам. На ощупь ткань казалась не прочнее бумаги, а тесьма была так истрепана, что напоминала бахрому.

«Это безумие, — подумал Бартан. — Я не дам себя угробить! Ни за что!»

Но как это сделать — вот вопрос. Выбор был небогат: либо пойти на попятный и тогда иметь дело с Тринчилом, либо тайком испортить шлюпку, продырявив оболочку.

И тут он заметил, что переселенцев будто подменили. Люди спрашивали о конструкции и предназначении разных деталей корабля и с интересом выслушивали его ответы. Присмирели даже самые непослушные дети. Постепенно до Бартана дошло, что переселенцы еще ни разу не прикасались к действующему летательному аппарату и у них возникло предвкушение чуда. Шлюпка с ее загадочными механизмами была прямо перед глазами, доказывая, что ее хозяин — на самом деле воздухоплаватель. В считанные минуты Бартан обрел авторитет, он был уже не фермером-новичком, всеобщей обузой, а хранителем тайного знания, редчайшего искусства, обладал божественным даром парить среди облаков. Их уважение было весьма отрадным, но, увы, недолговечным. В этом Бартан почти не сомневался.

— Сколько тебе нужно времени, чтобы добраться на этой хреновине до холмов? — спросил Тринчил без тени обычной снисходительности в голосе.

— Минут тридцать. Что-то около этого.

Тринчил присвистнул.

— Ничего себе! И не страшно?

— Ничуточки. — Бартан вздохнул, жалея, что

не может больше откладывать признание. — Видишь ли, в мои намерения совершенно не входит испытывать на прочность это…

— Бартан! — Рядом возникла Сондевира в ореоле золотых кос и обвила рукой его талию. — Молодчина! Я тобой горжусь!

Огромным усилием воли он заставил себя улыбнуться.

— Я должен кое-что…

— Хочу пошептаться. — Она пригнула вниз его голову и прижалась теплой грудью к его ребрам, а лобком — к бедру. — Прости, что я была такая грубая, — выдохнула она ему в ухо. — Испугалась за нас, очень уж дядя Джоп рассердился. Если бы свадьба сорвалась, я бы этого не пережила. Но теперь снова все в порядке. Бартан, покажи им всем, какой ты молодчина. Хотя бы ради меня.

— Я… — Голос Бартана поблек, когда он поймал на себе инквизиторский взгляд Тринчила.

— Ты хотел что-то сказать. — Казалось, застарелая злоба в глазах фермера вспыхнула с новой силой. — Насчет того, что не собираешься лететь.

— Не собираюсь лететь? — Бартан почувствовал, как рука Сондевиры скользнула по его спине и остановилась на ягодицах. — С чего ты взял? Я

имел в виду, что не боюсь, потому что не собираюсь испытывать корабль на прочность. Слетаю на разведку и вернусь, а рекордов скорости или воздушной акробатики от меня не жди. Сам знаешь, для меня воздухоплавание — всего лишь работа.

— Рад слышать, — ухмыльнулся Тринчил. — Провалиться мне на этом месте, если я начну давать советы такому доке. Но все-таки можно я тебе дам один-единственный пустяковый советик?

— Пожалуйста. — Бартан недоумевал, почему его совершенно не успокаивает стариковская улыбка.

Огромными ладонями Тринчил сдавил плечи Бартана и игриво встряхнул его.

— Если там, за холмами, вдруг не окажется хорошей земли, лети-ка прямиком дальше и позаботься, чтобы между мной и тобой было как можно больше лиг.

Шлюпка легко поддавалась управлению, и если бы Бартан не опасался разрыва оболочки, он, как в детстве, вознесся бы над планетой в той же мере духовно, что и телесно. Сконструированный и построенный его отцом корабль — сущая диковина для фермеров — имел всего лишь три основных

двигательных узла. Дроссель регулировал подачу пикона и халвелла в камеру сгорания, и производимый там раскаленный газ маглайн выпускался через кормовое сопло, что и делало навигацию возможной. Благодаря румпелю сопло могло поворачиваться в горизонтальной плоскости. А когда требовалось набрать высоту или хотя бы удержаться на прежней, в купол подавался газ. Даже остывший маглайн был легче воздуха, и это позволяло строить небольшие, удобные и надежные воздушные корабли.

Бартан поднял лодку на пятьдесят футов и описал над фургонами круг, чтобы порадовать Сондевиру, но прежде всего — чтобы испытать соединения и швы добавочными нагрузками поворота. Придя к утешительному открытию, что корабль вполне способен держаться «на плаву» — пока, во всяком случае, — он сдержанно помахал рукой зачарованным переселенцам и двинулся на запад. Был почти полдень, солнце стояло близко к зениту, так что защищенный от ярких лучей тенью шара Бартан с удивительной четкостью видел расстилавшееся внизу болото, похожее на снеговое поле с разводами пастели; с ним резко контрастировали далекие холмы, казавшиеся почти черными. На небосводе лю-

боваться было нечем за исключением редких вспышек ярких сверх обычного метеоров. Сияние солнца затмевало все, кроме самых горячих звезд, и даже Дерево — главное созвездие южного небосклона — едва виднелось слева по курсу.

Спустя несколько минут ровного полета страх начал понемногу таять. Звук сопла быстро угасал в вечном покое. От Бартана почти ничего не требовалось — знай держи курс да подкачивай воздух в резервуар, из которого подаются кристаллы в камеру сгорания. Он бы даже наслаждался полетом, если бы в ушах не звучали прощальные слова Джопа Тринчила. В который раз Бартан пожалел, что так и не убедил Сондевиру расстаться с сектой Исконного Первородства.

Когда случилось Великое Переселение, ему было всего два года — возраст, от которого почти не остается ярких воспоминаний. Но подробные отцовские рассказы восполнили пробелы в памяти и дали четкое представление об исторической подоплеке. Король Прад, чтобы спасти свой народ от птертовой чумы, был вынужден построить эвакуационный флот, способный перекочевать с Мира на Верхний Мир. Идея встретила серьезную оппозицию в лице Церкви. Основной догмат альтернистской религии гласил: душа умершего

перелетает на Верхний Мир, там реинкарнируется в младенце, живет до кончины физического тела и возвращается на Мир тем же путем — вечный и неизменный цикл. Идея государя — создать тысячу кораблей для путешествия на Верхний Мир физических тел — глубоко оскорбила тогдашнего лорда-прелата. Он возглавил мятеж и едва не сорвал королевскую затею, но все-таки Прад, надо отдать ему должное, добился своего.

Когда стало ясно, что на Верхнем Мире никаких людей нет, как нет и двойника цивилизации мирцев, колонисты постепенно расстались с религиозными предубеждениями, и если суеверия не искоренились полностью, то в этом, считал отец Бартана, виноват лишь неистребимый человеческий иррационализм.

«Ладно, мы ошибались, — выкладывали главный козырь последние адепты, — но только оттого, что наши умы слишком ничтожны и не в силах понять и принять всей грандиозности промысла Великого Постоянства. Мы знали: после смерти душа перелетает на другую планету. Но сколь жалки мы были в невежестве своем, полагая, что эта другая планета — Верхний Мир! Теперь мы понимаем, что душа, отделясь от тела, на самом деле переселяется на Дальний Мир.

Горний Путь, братие, — это гораздо выше, нежели нам представлялось».

Дальний Мир находился раза в два дальше от солнца, чем пара Мир — Верхний Мир. «Еще не одно столетие пройдет, пока небесные корабли Верхнего Мира смогут преодолеть такое расстояние, — говорил Влодерн Драмме, передавая сыну свой природный цинизм. — Так что первосвященники придумали неплохо. Теперь им долго не придется беспокоиться о куске хлеба...»

Как выяснилось, он заблуждался. Пестуя новорожденное общество Верхнего Мира, король Чаккел — давний враг Церкви — позаботился о том, чтобы свести государственную религию под корень. Уничтожив духовенство как профессию, он, довольный собой, занялся другими делами, не обращая внимания, что брешь, которую его указы пробили в идеологии, поспешили заполнить проповедники новой формации. Типичным их представителем был Джоп Тринчил. В религию он подался уже в матером возрасте — сорока лет. Он добровольно участвовал в межпланетном перелете, не особо сокрушаясь по поводу осквернения Горнего Пути. Его жизнь на Верхнем Мире большей частью свелась к упорному труду на крошечном участке в районе Ро-Амасса. К

шестидесяти годам Тринчил распростился с иллюзиями, свойственными каждому нормальному фермеру, живущему своим горбом, и возжелал стать мирским проповедником. Неграмотный, неряшливый в речах и манерах, склонный к насилию… При всех этих изъянах он обладал суровой внутренней силой — природным задатком лидера — и вскоре обзавелся маленьким приходом, чьи пожертвования оказались приятным довеском к плодам физического труда. В конце концов в голову ему втемяшилась идея увести своих сподвижников в неосвоенные дебри Верхнего Мира, где они смогут отправлять свои обряды без оглядки на посторонних, особенно на проклятых чиновных хлопотунов, с которых вполне станется накапать в префектуру Ро-Амасса о темных делишках Тринчила.

Он как раз собирал караван, когда повстречал Бартана Драмме, который вполне сносно, хоть и нерегулярно, зарабатывал на жизнь, торгуя дешевой бижутерией собственного изготовления. Обычно его коммерческие предпочтения увязывались со здравым смыслом, но в ту пору он ненадолго потерял голову, увлекшись красотой новооткрытых мягких металлов — золота и серебра, и в итоге остался с носом и кучей безделушек,

которые напрочь отказывались покупать на любом приличном рынке, где царило консервативное предпочтение традиционных материалов, таких, как стекло, керамика, мыльный камень и бракка. Упрямо не желая опускать руки, он стал путешествовать по сельским общинам Ро-Амасса в поисках менее разборчивых покупателей — и повстречал Сондевиру. Ее рыжие волосы околдовали его пуще золота, и в считанные минуты он безнадежно влюбился. Бартан мечтал взять ее в постоянные жены и увезти в город, и она благосклонно ответила на его ухаживания, явно обрадованная перспективой выйти замуж за парня, который внешностью и манерами заметно отличался от молодых фермеров. Тем не менее планы Бартана наткнулись на два существенных препятствия. Во-первых, девичью тягу к новизне вскоре пересилило нежелание менять образ жизни («Только на ферме, и больше нигде», — упрямо твердила Сондевира). А во-вторых, он и сам вдруг открыл в себе потаенную любовь к сельскому хозяйству и пришел к мысли, что обрабатывать собственный клочок земли — не так уж и плохо. «Быть посему», — решил он в конце концов, но очень скоро убедился, что сделаться фермером не так-то просто. Они с Джопом Тринчилом мгно-

венно прониклись обоюдной неприязнью. Не было нужды в столкновении интересов, даже в пустяковой перебранке, — взаимное отвращение родилось в первую же секунду знакомства и молниеносно пустило глубокие корни. Тринчил сразу записал Бартана в юродивые, — ну, какой из этого городского придурка муж и отец? А Бартан раскусил — сам, без всякой подсказки, — что святости в Тринчиле ни на грош, и религия для него — только способ набить мошну.

Однако племянницу Тринчил любил искренне, этого Бартан не мог не признать. И свадьбе старик не препятствовал, хоть и не упускал малейшего случая подчеркнуть Бартановы недостатки. Так было вплоть до сегодняшнего дня, и теперь Бартан осознавал, что его будущее висит на волоске. Не лучшим образом влияли на его настроение и мысли о том, как Сондевира вела себя на импровизированном собрании. Создавалось впечатление, что ее любовь дала трещину и она готова порвать с Бартаном, если его последнее обещание окажется пустой болтовней.

Малоприятные эти раздумья заставили Бартана прикипеть взглядом к излому на ровном краю болотистой низины. На сей раз, находясь гораздо ближе, он убедился, что там болото дей-

ствительно уходит в глубину хребта. А если так, то память, возможно, его все-таки не обманывает. Старательно убеждая себя в этом, он скормил шару несколько порций маглайна, и корабль стал медленно набирать высоту, чтобы перелететь через холмы. Черные зубцы скал внизу, торчащие из бледной поверхности болота, съежились, превращаясь в огарки черных свеч.

Вскоре лодка плавно понеслась над едва различимым краем болота. Бартан убедился, что узкий палец топи тянется прямо на запад мили на две. С растущей уверенностью и волнением он вел корабль вдоль старого речного русла. Когда под лодкой показались травянистые контуры, он заметил небольшие стада животных, похожих на оленей, — заслышав рев сопла, они разбегались в стороны, и вздрагивающие белые огузки выдавали их страх. С деревьев то и дело слетали потревоженные птицы, как сорванные ветром пучки цветочных лепестков.

Бартан не сводил глаз со склонов. Гряда вздымалась все выше и выше, словно задалась целью ни за что не пропустить его. Затем горизонт внезапно отскочил назад, и под кораблем раскинулось свободное пространство — сложная мозаика из лугов, покатых холмов, озер и редких

перелесков.

Бартан испустил восторженный крик, увидев эту роскошь, этот сон переселенца, ставший явью. Первым его порывом было развернуть корабль и поспешить с радостной вестью обратно, к Тринчилу и остальным. Но склон холма полого стелился вперед, словно предлагая лететь дальше, и Бартан решил: худа не будет, если он потратит еще несколько минут на изучение этих земель. Может, удастся найти реку — удобное место, чтобы стать лагерем на первое время. Фермерам это придется по вкусу, и они поймут, что Бартан — человек серьезный и бывалый.

Позволив шару остывать, а лодке — терять высоту, Бартан держал путь на запад. То и дело он заливался радостным смехом, то и дело вздыхал с облегчением — еще бы, ведь он был так близок к позорному изгнанию! Детали ландшафта громоздились друг на друга, прозрачность воздуха приближала горизонты, как в тщательно исполненном рисунке, позволяя за милю увидеть любую черточку скального образования или растения, что с земли, конечно, было невозможно. От белой крапинки на холме Бартана отделяли добрые пять миль, однако он сразу понял, что это такое.

Сельский дом!

Острая боль разочарования, казалось, затмила солнце и остудила воздух. С губ сорвался невольный стон. Бартан знал, что Чаккел, взойдя на престол, одним из первых указов закрепил за Колкорроном статус единственного государства в мире. Поэтому флот больших воздушных кораблей долгое время был занят исключительно тем, что развозил иммигрантов по всему Верхнему Миру. Ростки общин служили затем отправными точками для энергичной экспансии. Но эту часть континента Бартан считал почти не тронутой. Чтобы держать под контролем стремительный рост числа населенных пунктов, фермеры, что осваивали новые земли, имели право столбить большие участки, чем те, которыми наделялись жители относительно густонаселенных мест. Именно это и послужило одним из мотивов, которые заставили Тринчила сняться с места, и оно же, вероятно, теперь разрушит все его планы — а заодно и планы Бартана, если только он не обнаружит, что заселение этих краев началось совсем недавно и здесь хватит земли для вновь прибывших.

Короче говоря, необходимо добыть точные сведения, прежде чем вернуться к каравану.

Согреваемый искоркой надежды Бартан взял курс чуть севернее, прямо на прямоугольную белую микроскульптуру. Прошло совсем немного времени, и вот он уже в пределах мили от дома и способен различить неряшливую покраску хозяйственных строений. Он готов был сбросить высоту и приземлиться, когда заметил нечто странное во всем облике фермы: ни животных, ни повозок, да и землю, ныряющую под нос шлюпки, едва ли можно назвать обработанной. Робкая игра цветовых тонов говорила о том, что некогда здесь растили злаки в общепринятом шестипольном севообороте, но края полей были нечеткими, и вторжение туземных сорняков казалось наплывом всепоглощающего зеленого тумана.

Догадка, что ферма брошена, застигла Бартана врасплох. Неужели по этим краям прошлась какая-то эпидемия? Или владельцы были новичками — разочаровались и вернулись в город? Но в таком случае непременно бы нашлись охотники занять местечко, где уже проделана вся черная работа.

Любопытство разгоралось. Бартан погасил горелку, и шлюпка поплыла вниз, навстречу голой земле, которая окружала дом и пристройки. Легкий ветерок помог аккуратно посадить шлюпку в

считанных ярдах от запущенных лоз кровяники. Едва пилот выбрался из гондолы, корабль сделался легче воздуха и рванулся вверх, но Бартан удерживал его за один из полозьев, пока не накинул швартов на ближайшую лозу. Летательный аппарат плавно взмыл на всю длину каната и присмирел, чуть покачиваясь в слабых воздушных потоках.

Бартан направился к дому. Его недоумение возросло, когда он увидел плуг, лежащий на боку и покрытый слоем пыли. Тут и там он замечал другие мелкие сельскохозяйственные орудия — в основном из бракки, но встречались и железные, этот металл становился общедоступен. По налету ржавчины он определил, что инструменты как минимум год пролежали нетронутыми. Прикинув цену брошенного инвентаря, Бартан нахмурился. Похоже, хозяева просто взяли и ушли с фермы. По прихоти. Или по какой-то неизвестной причине.

Странные мысли посещали Бартана, пока он стоял под лучами солнца в разгаре вечернего дня. Тем более странные, что прежде он ничего, кроме презрения, не испытывал к легковерным, охочим до баек о сверхъестественном людям. Откуда взялось это болезненное осознание факта,

что его народ всего лишь двадцать четыре года живет на Верхнем Мире и успел изучить только малую часть планеты? Прежде Бартана всегда вдохновляла идея, что он — колонист на новой, почти неосвоенной планете, но сейчас те же мысли почему-то вызывали гнетущее чувство…

— Кончай дурака валять, — приказал он себе. — Ты же не ребенок. Чего тут бояться?

Он повернулся к дому — добротному строению из пиловочника, утепленному паклей и побеленному известью. На совесть сработано. Таким домом можно гордиться, особенно если сам его построил. Бартан снова нахмурился, заметив желтые шторы за стеклами, поблескивающими в тени широких карнизов. Сорвать занавески — минутное дело. И совершенно естественное для человека, покидающего любимый дом. Что за спешка, спрашивается? А может, никто и не уезжал? Может, вся семья осталась здесь, вымерла от какой-нибудь заразы? Или… перебита злодеями?

— До меня бы сюда наведались соседи, — вымолвил он вслух, чтобы поставить заслон косяку вопросов. — И не посмотрели бы, что ферма на отшибе. Явились бы как миленькие за инвентарем и унесли все подчистую. Фермеры — народ бережливый.

Успокоенный этим простым доводом, он подошел к одноэтажному дому, снял щеколду с зеленой входной двери и распахнул ее. Внутри царил полумрак, и глазам, привыкшим к яркому солнечному свету, понадобилось несколько секунд, чтобы разглядеть невиданного зверя, который подстерегал его за порогом.

Захлебываясь криком, Бартан отпрянул и споткнулся. Жуткая картина заполнила его сознание… Высокая — со взрослого человека — прямая и темная пирамида туловища медленно колыхалась, мешковатая физиономия с ранами на месте глаз расплывалась… Единственная конечность — скользкое щупальце — неторопливо тянулась вперед…

Бартан шлепнулся в пыль на спину и локти, кувыркнулся назад. Еще бы мгновение, и он, вскочив на ноги, ринулся бы сломя голову прочь от дома, но тут картина перед его глазами заколебалась и изменилась. Вместо кошмарного чудовища он увидел бесформенный ворох изношенной одежды на стенном крюке: темная накидка, рваный жакет, шляпа и грязный передник с одной лямкой — она взметнулась на сквозняке, когда Бартан распахнул дверь.

Он медленно встал и стряхнул пыль, неот-

рывно глядя в темный прямоугольник входа. В прихожей виднелось старое тряпье — виновник наваждения, — и Бартану стало стыдно; тем не менее входить в дом как-то не тянуло.

«А почему я раньше хотел войти? — поинтересовался он у себя. — Это же чужая собственность, с какой стати я должен…»

Бартан повернулся и сделал шаг к лодке, но тут его остановила новая мысль. Он убегает, вот что он делает. Драпает, потому что боится до полусмерти. А коли так, он не мужчина. Стало быть, Тринчил прав.

Бормоча под нос проклятия, Бартан повернулся на каблуках и твердым шагом вошел в дом.

Быстрый осмотр заплесневелых комнат убедил, что наихудшие из его опасений — беспочвенны. Людей на ферме не осталось, мебель в основном была вывезена. Но он нашел еще одно подтверждение тому, что жильцы съезжали в превеликой спешке. В двух комнатах лежали забытые циновки, а в кухне, в нише над каменным очагом, стоял керамический горшок, полный соли. В нормальных обстоятельствах фермеры таким добром не разбрасываются. Бартан не мог отделаться от подозрения, что в недалеком прошлом на этой уединенной ферме разыгралась

какая-то страшная драма.

Приободренный соображением, что больше нет причин задерживаться в этой тяжкой атмосфере, он вернулся в прихожую, проскочил мимо покачивающейся на сквозняке одежды и двинулся прямиком к воздушной шлюпке. За это время газ в оболочке успел остыть, корабль опустился и легко касался полозьями земли. Бартан отвязал швартов, расположился в гондоле и поднял шлюпку в воздух. Полдень миновал совсем недавно, и после недолгих раздумий он решил лететь дальше на запад, над линией дороги, слабо прочерченной в пышной зелени ландшафта. Когда-то в незапамятные времена по равнине прошелся ледник, основательно покрыв ее маленькими, горбатыми, овальными холмиками. Лежали они так аккуратно, что напоминали гигантские яйца в корзине. «Вот и название для этой плодородной долины, — подумал Бартан. — Корзина Яиц». Вскоре он увидел еще одну ферму, приютившуюся на склоне овального холма. Он сделал вираж и направился к ней и на этот раз — поскольку был настороже — сразу понял, что и это жилье безлюдно. Чтобы убедиться в этом, он описал над фермой круг на небольшой высоте, однако не заметил ни инструментов, ни иного

пригодного скарба. Ферма выглядела разграбленной подчистую. Значит, съезжали отсюда не так поспешно, собирались основательно. Но все-таки — почему?

Теряясь в догадках, Бартан вел корабль дальше, теперь уже зигзагами, что серьезно замедляло продвижение к западу. За час он обнаружил еще восемь ферм, все — на отменных, просто идеальных угодьях, и на всех — ни души. Наделы были слишком велики для одиноких семей; видимо, люди, застолбившие их, думали о процветании своего потомства. Со временем народу на Верхнем Мире поприбавится, и тогда пионеры смогут выгодно продать земельные излишки. С таким богатством нелегко расставаться, но что-то же вынудило твердолобых крестьян собрать пожитки и сняться с насиженного места?

Вдалеке показалось слабое мерцание. Присмотревшись, Бартан различил внушительной ширины реку и подумал: «Долечу до нее, и хватит на сегодня». Над северным концом одной из петель лениво покачивался столб дыма — первый признак человеческого присутствия, замеченный им за десять с лишним дней пути. Он еще больше заинтриговал и обнадежил Бартана — наверно, там можно кое-что разузнать об этих

пустующих землях. Он изменил курс, и шлюпка полетела с предельной скоростью, которую допускал ветхий бодрюш. Вскоре Бартан понял: впереди — не очередная ферма, а целый городок.

Возле него в реку впадал приток, отчего она напоминала двузубую вилку. Когда воздушная лодка поднесла Бартана поближе, он насчитал около полусотни домов; некоторые из них, довольно большие, видимо, служили складами. Белые квадраты и треугольники парусов наводили на мысль, что река отсюда и до южного океана судоходна. Очевидно, перед ним был торговый центр, имеющий шансы на богатство и процветание, отчего загадка покинутых ферм выглядела еще таинственнее.

Задолго до того, как шлюпка достигла окраины, рев сопла привлек внимание жителей. Навстречу галопом вылетели двое верхом на синерогах. Бартан направил лодку вниз, к ровной площадке возле моста через приток, и всадники, энергично размахивая руками, поскакали вдогон. Мигом из окружающих домов высыпали мужчины и женщины и образовали кольцо зрителей. Не дожидаясь просьбы Бартана, несколько юношей ухватили полозья и удерживали корабль на месте, пока пилот швартовал его к крепкому

молодому дереву.

К Бартану приблизился полноватый человек с красным лицом и рано поседевшими волосами; держался он уверенно — видимо, не впервой было выступать от лица общественности. Короткий меч на его боку вызвал у Бартана недоумение — насколько он знал, в таких поселениях было не принято носить оружие.

— Я — Мэджин Кэрродалл, мэр города Новый Миннетт, — дружелюбно сообщил краснолицый. — Не так уж часто в наши края залетают воздушные корабли.

— А я — разведчик каравана переселенцев, — ответил Бартан на немой вопрос. — Зовут меня Бартан Драмме, и я был бы очень признателен за глоток воды. Я нынче не собирался так далеко залетать, а эта работенка, надо сказать, сушит горло.

— Пожалуйста, выпивай хоть всю реку, но, может быть, ты не откажешься от доброго коричневого эля? Что скажешь?

— Скажу: лучше уж доброго коричневого эля. — Бартан заулыбался — он с первого дня пути не брал в рот хмельного. Раздался гул одобрения, толпа повалила к дому, похожему на сарай без фасада, по всей видимости, здешнему клубу и

таверне. Тут Бартана усадили за длинный стол, а вокруг него расположились Кэрродалл и еще десяток мужчин, в основном — хозяева складов и матросы-речники, как они сами представились. Оживленный гомон позволял предположить, что неурочные собрания вроде этого случаются здесь довольно редко и что прибытие воздушного гостя — хороший повод развеять скуку.

На стол перед Бартаном водрузили объемистый кувшин с двумя ручками; он отхлебнул и нашел, что эль прохладен, крепок и не чересчур сладок — не эль, а мечта. Неожиданное гостеприимство успокоило его; он утолял жажду и отвечал на вопросы о себе, о воздушном корабле и о целях сподвижников Тринчила.

— Что ж, парень, боюсь, ты вовсе не это хочешь от нас услышать, — сказал Кэрродалл, — но думаю, придется тебе повернуть на север. К западу отсюда — сплошь горы, и на юге, у океана, горы, и все хорошие земли в этих краях давно застолблены и зарегистрированы. На севере, в Новом Кейле, лакомые куски тоже расхватаны, но я слыхал, одна-две тихие долинки по ту сторону хребта Преграда еще не тронуты.

— Видел я те долины, — вмешался толстяк по имени Отлер. — Там, коли захочешь прямо сто-

ять, изволь отрастить одну ногу длиннее другой.

Грянул смех. Бартан подождал, пока он утихнет.

— Только что я пролетел над отменными пахотными землями к востоку от реки. Я, конечно, понимаю, что мы опоздали, но вот вопрос: почему там нет людей на фермах?

— Никогда не поздно занять это проклятое место, — пробормотал Отлер, уткнувшись взглядом в кувшин.

У Бартана мигом проснулось любопытство.

— Это ты к чему?..

— Не слушай его, — поторопился вмешаться Кэрродалл. — Это все пьяные бредни.

Отлер выпрямил спину, на круглой физиономии появилась оскорбленная мина.

— Пьяные бредни?! Ты что, думаешь, я пьян? Я не пьян…

— Он пьян, — уверил Кэрродалл гостя.

— И все-таки мне интересно, что он имеет в виду. — Бартан видел, что его настойчивость раздражает мэра, но загадочная фраза Отлера все еще звучала в ушах. — Мне очень важно это знать.

— Мэджин, да скажи ты ему, — попросил один из речников. — Он же все равно докопается.

Кэрродалл вздохнул и метнул в доброхота зловещий взгляд, а когда заговорил, в его голосе уже не было легкости.

— Землю, о которой ты толкуешь, у нас прозвали Логовищем. И с той поры, как ей дали это имя, все заявки на нее потеряли силу. Теперь ты знаешь об этом, но никакого проку в том нет. Твои люди никогда там не приживутся.

— Почему?

— А почему, по-твоему, мы зовем этот край Логовищем? Потому, дружище, что там обитает зло. И тот, кто туда сунется, попадет в беду.

— Из-за духов? Из-за привидений? — Бартан даже не пытался скрыть недоверие и насмешку. — Значит, если я правильно понял, только гоблины имеют право на эти земли?

Кэрродалл помрачнел, взгляд его стал колючим.

— Плохим бы я был советчиком, если бы предложил тебе там осесть.

— Спасибо за предупреждение. — Бартан осушил кувшин, поставил на стол и демонстративно поднялся. — И за гостеприимство спасибо, господа. Премного благодарен, и обещаю: я в долгу не останусь.

Он вышел из-за стола и, покинув таверну, уто-

нул в сиянии вечернего дня. Ему не терпелось подняться в небо и вернуться к каравану с хорошими новостями.

Глава 3

Легкий ветерок нес воздушный корабль на восток. Он плыл над оврагами и кустарниками, и преследователям нелегко было держаться с ним вровень.

Полковник Мандль Гартазьян, скакавший во главе кавалькады, не сводил глаз с корабля, доверив синерогу самому преодолевать препятствия. Вид огромного шара и гондолы величиной с хижину разбудил поблекшие воспоминания и вызвал душевную боль, которую он не испытывал с первых лет жизни на Верхнем Мире. И все-таки он не мог отвести взор от корабля…

Полковник был мощного телосложения — типичного для военного сословия Колкоррона, — и мало что в его облике указывало на то, что ему уже минуло пятьдесят. С тех пор, как он спешно покинул Ро-Атабри, только пепельный налет появился на коротко подстриженных черных волосах да несколько глубоких складок пролегло на квадратном лице, а в остальном он оставал-

ся тем же молодым романтиком, что в звании лейтенанта без рассуждений занял свой пост на одном из военных кораблей, которые первыми покидали обреченный город. С тех пор он тысячи раз проклял себя за наивную веру в командиров, навсегда разлучивших его с женой и маленьким сыном.

Рононде и мальчику достались места на гражданском транспорте, и Гартазьян расстался с ними, не сомневаясь, что армия вполне владеет ситуацией, что график переселения будет соблюдаться и разлука не затянется надолго. И лишь когда бинокль открыл ему хаос, растущий далеко внизу, он испытал первый приступ страха, но было уже слишком поздно.

— Сэр, поглядите! — раздался голос лейтенанта Киро, скакавшего рядом. — Кажется, они решили садиться.

Гартазьян кивнул.

— Похоже, ты прав. Напоминаю: когда корабль коснется земли, попридержи людей. Ближе, чем на двести шагов, не подходить, даже если возникнут затруднения с посадкой. Откуда нам знать, что у них на уме? Не исключено, что на корабле мощное вооружение.

— Понимаю, сэр, но все же с трудом верится…

Неужели они действительно могли пролететь весь путь от Мира?

Неуместные замечания и вопросы вредили дисциплине, но розовощекое лицо Киро светилось таким возбуждением, что полковник решил посмотреть на это сквозь пальцы. Будь ситуация попроще, Гартазьян не дал бы ему спуску.

— Они со Старого Мира, тут сомневаться не приходится, — сказал он. — Но зачем пожаловали — вот первый вопрос, который мы должны себе задать. Что им от нас понадобилось столько лет спустя? И кто они? Горстка бедолаг, которым посчастливилось выдержать все натиски птерты и в конце концов бежать? Или… — Гартазьян не договорил. Идея была притянута за уши. Да мыслимо ли, что птертовую чуму одолели, или она отступила сама, пощадив достаточное количество людей для восстановления цивилизованного общества? Нет, этого не стоит высказывать вслух. Ибо это абсурд, фантазия из тех, которые младшему офицеру слушать ни к чему, особенно если в ней таятся семена гораздо более дикого вымысла. Ронода и Гэлли… а вдруг они все-таки выжили? И тогда эти страшные годы, полные угрызений совести и горя, пропали зря? И напрасны все попытки самооправдания? Почему он — даль-

новидный, смелый и предприимчивый — за все это время не добился разведывательного полета на Мир?

Лавина вопросов, фейерверк страстных фантастических грез… Во всем этом Гартазьян не нуждался, если собирался и дальше руководить операцией. Мысленно он закатил себе оплеуху и усилием воли сосредоточился на реалиях сложившейся ситуации.

Прошло уже больше минуты, как он услышал гулкий, раскатистый рев горизонтальной дюзы: стало быть, экипаж выбрал подходящее место для осадки. Гондола плыла всего футах в двадцати над землей, у ее борта Гартазьян видел несколько человеческих силуэтов — похоже, матросы разворачивали пушку, установленную на планшире. Он встревожился: достаточно ли безопасна дистанция в двести шагов? — и тут пушка бабахнула. В землю вонзились четыре гарпунных якоря на канатах. Не теряя времени даром, матросы стали выбирать канаты, и гондола послушно двинулась вниз. Над ней тяжело раскачивался шар — он остался неспущенным.

— Теперь ясно одно, — сказал Гартазьян лейтенанту. — У наших гостей нет намерения задерживаться, иначе бы они открыли клапан.

В ответ лейтенант лишь поспешно отдал честь. В сопровождении сержанта Киро отъехал прочь, чтобы развернуть отряд в кольцо вокруг корабля. Гартазьян достал из седельной сумки бинокль, направил на гондолу и навел резкость. В поле зрения попали четверо членов экипажа — все они занимались швартовкой, — но его внимание привлекла иная деталь. Конструкция гондолы почти не изменилась со времен Переселения, однако на корабле не имелось противоптертовых орудий. При всей их тяжести они были крайне необходимы для прохождения нижнего слоя атмосферы Мира, поэтому Гартазьяна заинтриговало их отсутствие. Неужели нашлось подтверждение тому, что птерты — летучие шары, практически подчистую выморившие Колкоррон, — оставили человечество в покое? У Гартазьяна подпрыгнуло сердце, стоило ему вообразить цивилизацию двух планет: все те, кто разочаровался в Верхнем Мире, вольны вернуться на Мир… где их ждет чудесное воссоединение с любимыми, которые считались давно почившими…

— Дурак! — обругал он себя шепотом, опуская бинокль. — Опять бредовые мечты! Или ты такой выдающийся военачальник, что можешь безбоязненно тратить время на хмельные

грезы? — Прежде чем двинуться вперед, он напомнил себе о двух важных обстоятельствах. Его служебной карьере мешала амбивалентность, проистекавшая из чувства вины, и ныне судьба, приведя его к месту посадки инопланетного корабля, сулила прекрасное вознаграждение за все неприятности. Из Прада сообщили по солнечному телеграфу: «Король Чаккел скачет к вам во весь опор. Полковник Гартазьян наделяется полномочиями выяснить обстановку и принять любые меры, какие сочтет необходимыми». Выгодно показать себя в таком деле — значит получить в будущем неисчислимые блага.

— Оставайтесь здесь, — приказал он лейтенанту, только что вернувшемуся назад, и нарочно умерил шаг синерога, давая гостям понять, что намерения у него не враждебные. Полковник подъезжал к кораблю, терзаясь неприятной мыслью: кираса из вываренной кожи — слабоватая защита от огневого залпа. Но в седле он держался прямо, излучая уверенность в себе и готовность к любым неожиданностям.

Заметив его приближение, незваные гости бросили работу и столпились у борта гондолы. Гартазьян высматривал капитана, но весь экипаж казался на одно лицо: всем лет по двадцать,

на каждом — форменные коричневые рубашка и камзол. Правда, кружки на лацканах камзолов различались по цвету, но Гартазьяну это ровным счетом ничего не говорило.

К удивлению полковника, посланники Мира оказались настолько похожи друг на друга, то их можно было принять за братьев: одинаково узкие лбы, близко посаженные, выпуклые миндалинки глаз и острые, торчащие вперед подбородки. Въехав в тень шара, он с тревогой разглядел у всех четверых желтушную кожу со странным металлическим отливом, будто к ним совсем недавно прикасалась некая жестокая хворь. С этим никак не вязалось высокомерие новоприбывших; на Гартазьяна они взирали с выражением, которое показалось ему насмешливо-презрительным.

— Я — полковник Гартазьян, — представился он, остановив синерога в нескольких ярдах от гондолы. — От имени короля Чаккела, владетеля планеты, приветствую вас на Верхнем Мире. Мы были в высшей степени удивлены, увидев ваш корабль, и нас беспокоит масса вопросов.

— Приветствия и вопросы оставьте при себе, — с незнакомым Гартазьяну акцентом произнес самый высокий из четверки, стоявший с правого края. — Мое имя — Орракоульд, я командир ко-

рабля и прибыл на эту планету с посланием от короля Рассамардена.

Нескрываемая враждебность в голосе пришельца поразила Гартазьяна, но он решил держать себя в руках.

— От короля Рассамардена? Никогда не слышал о таком.

— Это неудивительно, учитывая все обстоятельства. — Орракоульд презрительно улыбнулся. — Вообще-то я предполагал, что к этому времени Прад умрет, но как удалось Чаккелу занять трон? А какова судьба принца Леддравора? И Пауча?

— Тоже мертвы. — Гартазьяну нелегко было пропускать мимо ушей вызывающий тон пришельца, но он старался — ради чести гвардейского офицера. — Чтобы еще лучше прояснить ситуацию, я намерен изменить форму нашего диалога. Теперь я буду спрашивать, а вы — отвечать.

— А что, если я решу иначе, а, старый вояка?

— Ваш корабль окружен моими людьми.

— Это не ускользнуло от моего внимания, — ухмыльнулся Орракоульд, — но так как ваши блохастые скакуны не способны воспарить, подобно орлам, нам на все наплевать. Мы можем взлететь в любое мгновение. — Он отвернулся

от борта, и секундой позже в подбрюшье шара ударила струя раскаленного газа, отчего корабль дернулся вверх.

Напуганный хлопком синерог полковника вскинулся на дыбы, и, к великому удовольствию зрителей, Гартазьяну понадобилось применить всю свою сноровку, чтобы удержаться в седле. Тут он понял, что «гости» и правда в гораздо более выгодном положении и выбранная им тактика оставляет желать лучшего. Если так пойдет и дальше, он станет посмешищем. Полковник обвел взором широкий круг всадников, показавшийся теперь таким далеким, и попробовал действовать по-другому.

— Никто из нас не видит смысла в ссоре, — спокойно произнес он. — Упомянутое вами послание королю могу передать я, или, если угодно, сами дождитесь прибытия Его Величества.

Орракоульд склонил голову набок.

— И сколько это займет времени?

— Король уже в пути и может появиться здесь с часу на час.

— Но уж не раньше, чем будут подтянуты дальнобойные пушки. — Орракоульд окинул взглядом заросшую кустами равнину, будто выискивал признаки передвижения войск.

— С какой стати мы должны подозревать вас в злом умысле? — запротестовал Гартазьян, раздраженный отсутствием логики у собеседника. Ну, какой из него посланник? И чего стоит правитель, возложивший на такого олуха столь важную миссию?

— Послушай, старик, не принимай меня за идиота. Послание короля Рассамардена я передам безотлагательно. — Орракоульд наклонился, скрылся на миг за бортом гондолы и появился вновь, доставая из кожаной тубы желтоватый свиток.

Пока длилась пауза, Гартазьян поймал себя на том, что мысль его ухватилась за сущую, казалось бы, мелочь. Орракоульд унижал его каждой фразой, но с особенной брезгливостью он произносил слово «старик», как будто в его запасе не было эпитета оскорбительнее. Впрочем, эта загадка по сравнению с прочими его странностями была пустяковой, и Гартазьян, хоть и не считал себя стариком, сознательно выбросил ее из головы, наблюдая, как Орракоульд разворачивает желтый бумажный квадрат.

— Я — орудие короля Рассамардена, и сейчас Он говорит моими устами, — торжественно произнес Орракоульд. — Я, король Рассамарден

— полноправный сюзерен всех людей мужеского и женского пола, уродившихся на планете Мир, и их потомков, где бы они ни обитали, а посему все наново освоенные земли на планете Верхний Мир считаются Моими владениями, и следовательно, Я — государь Мира и Верхнего Мира. Да будет вам известно, что Я намерен взыскать с вас всю дань, коя Мне принадлежит по праву.

Орракоульд опустил лист и бросил на Гартазьяна зловещий взгляд, ожидая его отклика.

Несколько секунд Гартазьян смотрел на него с открытым ртом, а потом расхохотался. Дикая нелепость послания вкупе с кичливостью герольда неожиданно превратила все в фарс. Напряжение разом отпустило Гартазьяна, сменившись весельем, и он не без труда восстановил дыхание.

— Старик, ты что, утратил рассудок? — Орракоульд согнулся над планширом, вытянул бронзовую шею, как змея, готовая плюнуть ядом. — Я не вижу ничего смешного!

— Только потому, что не видишь себя со стороны, — объяснил Гартазьян. — Не возьму в толк, кто из вас двоих глупее: Рассамарден, сочинивший это «послание», или ты, совершивший такой дальний и опасный перелет, чтобы его передать.

— За оскорбление Его Величества тебя ждет смертная казнь.

— Я трепещу.

Орракоульда передернуло.

— Гартазьян, я тебя не забуду. Но пока у меня есть дела поважнее. Скоро малая ночь. Как только стемнеет, я подниму корабль, дабы не соблазнять тебя возможностью совершить подлое нападение. Но на высоте тысячи футов я задержусь до полудня. К этому сроку Чаккел наверняка уже приедет, и ты по солнечному телеграфу передашь мне его ответ.

— Ответ?

— Да. Либо Чаккел добровольно преклонит колени перед королем Рассамарденом, либо его заставят это сделать.

— Воистину ты — безумец, пересказывающий бред другого безумца. — Один из матросов пустил в шар новую порцию газа, и Гартазьяну опять пришлось удерживать синерога на месте. — Ты что, намекаешь на войну двух планет?

— Совершенно недвусмысленно.

Борясь с растущим изумлением, Гартазьян спросил:

— И как же она будет выглядеть, эта война?

— Мы уже строим небесную флотилию.

— И большую?

Тонкие губы Оррокоульда сложились в улыбку.

— На вас хватит.

— Нет, не хватит, — спокойно возразил Гартазьян. — Каждому кораблю наши солдаты приготовят теплую встречу.

— Старый вояка, надеюсь, ты не рассчитываешь, что я на это куплюсь. — Улыбка заметно расползлась по лицу Орракоульда. — Я-то знаю, как распылено ваше население. Умело маневрируя, мы сможем приземлиться практически где угодно. Мы могли бы сажать наши корабли под покровом ночи, но вряд ли нам понадобится скрытность, ведь мы располагаем таким оружием, которого у вас нет даже в мыслях. И помимо всего прочего… — Орракоульд сделал паузу, чтобы окинуть взглядом своих спутников и дождаться трех подтверждающих кивков, — Новые Люди имеют еще одно несомненное преимущество.

— Люди — они и есть люди. — На Гартазьяна слова Орракоульда не произвели впечатления. — Откуда взяться новым?

— А вот об этом позаботились природа и птерта. Мы родились с надежным иммунитетом к

птертовой чуме.

— Так вот оно что! — Глаза Гартазьяна обежали четыре удлиненных лица — с этим неестественным металлическим отливом они вполне могли бы принадлежать статуям, вышедшим из одной изложницы. — Значит… значит, я не ошибся, птерта отступила.

— Птерта не отступила, но ее атаки тщетны.

— А как насчет таких, как я? Кто-нибудь выжил?

— Нет! — Орракоульд не скрывал самодовольного торжества. — Все старые — сметены!

Несколько секунд Гартазьян безмолвствовал, прощаясь в душе с женой и сыном, затем его мысли вернулись в настоящее, к необходимости выведать все, что можно, у инопланетных «гостей». В подтексте немногих уже высказанных Орракоульдом слов легко угадывалась жуткая картина: смертные судороги цивилизации Мира, летучие шары птерты, кишащие в небесах, тесня человечество к грани исчезновения…

«Желудок! Горит!»

Жжение было столь резким, что Гартазьян сложился чуть ли не пополам. За считанные мгновения жаркий ком под грудью распустил щупальца по всему торсу — а вместе с тем воздух

вокруг, казалось, слегка остыл. Не желая выдавать недомогания, Гартазьян выпрямился в седле и стал ждать, когда минует спазм. Но тот никак не хотел утихать, и полковник решил не обращать на него внимания, пока не соберет точных сведений.

— Сметены? Все? Это значит, ваше поколение родилось уже после Переселения?

— После Бегства — ибо никак иначе мы не можем называть этот акт малодушия и измены.

— Но как удалось выжить детям? Без родителей? Неужели такое…

— Наши родители обладали частичным иммунитетом, — резко перебил Орракоульд. — Многие из них прожили достаточно долго.

Гартазьян сокрушенно покачал головой, обдумывая эту новость и силясь не замечать пламени, разгорающегося во внутренностях.

— Но, должно быть, многие и погибли. Какова численность вашего населения?

— Нет, ты явно держишь меня за дурака. — Темная физиономия Орракоульда скорчилась в глумливую мину. — Я прилетел на эту планету, чтобы разузнать о ней побольше, а не за тем, чтобы разбрасываться секретами моей родины. В общем, все, что нужно, я увидел, и поскольку

малая ночь уже наступила…

— Нежелание отвечать на мой вопрос само по себе достаточно красноречиво. Вас очень мало, наверно, даже меньше, чем нас. — Гартазьян вздрогнул всем телом от контраста жара внутри и липкого холода снаружи. Он тронул скользкий от пота лоб, и тут в глубине его мозга родилась жуткая идея — родилась и зашевелилась, как червяк. С тех пор, как он юношей покинул Мир, Гартазьян ни разу не видел больного птертозом, но в память его поколения накрепко въелись симптомы… Сильный жар в желудке, обильное потовыделение, боль в груди и быстро растущее чувство подавленности…

— Я вижу, ты побледнел, старик, — сказал Орракоульд. — Что-нибудь болит?

Гартазьян заставил себя ответить спокойно:

— Ничего у меня не болит.

— Но ты вспотел и дрожишь… — Орракоульд перегнулся через борт, обшаривая взглядом лицо Гартазьяна, а у того расширились зрачки. На мгновение возникло нечто вроде телепатического контакта, а затем Орракоульд выпрямился и шепнул своим матросам краткий приказ. Один из них скрылся из виду, и корабельная горелка испустила протяжный рев; двое остальных тем

временем торопливо отвязывали швартовы от глядящей вниз пушки.

С холодной ясностью Гартазьян осознал прочитанное в глазах собеседника, и в этот миг — миг смирения со своим приговором — разум его простерся далеко за узкие пределы настоящего. Совсем недавно Орракоульд хвастался оружием, которого на Верхнем Мире никто даже вообразить не в силах, и при этом сам не отдавал себе отчета, сколько в его словах жуткой истины. Орракоульд и его экипаж — сами по себе оружие, разносчики столь заразной формы птертоза, что способны убить незащищенного человека, даже не дотронувшись до него.

Их королю— на взгляд Гартазьяна явному безумцу — все же достало расчетливости послать разведывательный корабль, чтобы оценить силы будущего противника, но когда он узнает, что его армия почти не встретит сопротивления, ибо защитников Верхнего Мира можно выморить птертозом, его алчность разгорится еще пуще.

«Нельзя отпускать корабль!»

Мысль эта пришпорила Гартазьяна. Его люди слишком далеко — не подоспеют. А корабль уже идет вверх, и вся ответственность ложится на его, Гартазьяна, плечи. Остается только одно: бросить

меч в огромный шар, проделать в нем дыру. Он обнажил клинок, замахиваясь, повернулся в седле и хрипло вскрикнул, когда в груди взорвалась боль и парализовала поднятую руку. Он опустил меч в позицию для броска снизу и увидел, что Орракоульд целится в него из диковинного на вид мушкета.

Рассчитывая на задержку, без которой не обходится ни один выстрел пиконо-халвеллового оружия, Гартазьян повел рукой вверх. Послышался непривычный сухой треск, и его развернуло ударом в левое плечо, а слабо брошенный меч пролетел далеко от цели. Полковник соскочил с перепуганного синерога и кинулся к своему оружию, но боль в плече и груди превратила быстрый бег в походку пьяного калеки. Когда меч вновь оказался в руке, гондола уже качалась в добрых тридцати футах над его головой, а несущий ее шар — и того выше.

Гартазьян стоял, провожая чужаков беспомощным взглядом; личная катастрофа выглядела для него пустяком по сравнению с чудовищной участью планеты. Небесный корабль быстро набирал высоту и, хоть и находился почти в центре мутно-голубой тарелки Мира, терялся из виду, так как дальше, почти на этой же прямой, висело

солнце, уже серебря восточную кромку планеты-сестры. Гартазьян оставил попытки проникнуть взором за головокружительно-слепящий хоровод лучей и иголок света и, опустив голову, уставился себе под ноги, размышляя о бездарном провале, что подвел черту и его карьере, и жизни. Только близкие шаги синерога отвлекли его от переживаний, напомнив про ответственность, которую никто с него не снимал.

— Стойте на месте! — крикнул он лейтенанту Киро. — Не приближайтесь ко мне!

— Сэр! — Киро натянул поводья, но все-таки не остановил синерога.

Гартазьян наставил на него меч.

— Лейтенант, это приказ! Не приближайтесь! Я заражен.

— Заражены?

— Птертоз. Думаю, вам знакомо это слово.

Верхняя половина лица Киро пряталась под козырьком шлема, но Гартазьян увидел, как рот юноши исказила гримаса ужаса. Чуть позже под призматическими лучами солнца замерцали холмы западного горизонта и потемнели, когда по безлюдным землям на орбитальной скорости заскользила тень Мира. Ее краешек затмил сцену трагедии, вызвав краткую — сумеречную — фазу

малой ночи, и стало видно, как на меркнущем небосводе раскручивается гигантская спираль размытого свечения; рукава ее искрились белыми, голубыми и желтыми звездами. Мысль, что он последний раз в жизни глядит на ночное небо, наполнила Гартазьяна желанием запомнить его со всеми подробностями, до мельчайшего смерчика звездной пыли, до последней кометы, — и унести это сияние туда, где света нет и в помине.

Очнувшись от раздумий, он крикнул лейтенанту, ожидавшему ярдах в двадцати:

— Киро, слушайте внимательно. До исхода малой ночи я умру, и вы должны…

Крик раздул в легких неистовое пламя, и Гартазьян расстался с намерением передать драгоценные сведения на словах.

— Я постараюсь написать рапорт королю. Вам же приказываю во что бы то ни стало сделать так, чтобы король его получил. Достаньте ваш журнал для приказов. Убедитесь, что карандаш не сломан, и оставьте его на земле вместе с книгой. Сразу после этого возвращайтесь к солдатам и ждите Его Величество. Расскажите ему о том, что со мной произошло, и напомните, что минимум пять дней никто не должен приближаться к моему телу.

Долгая и болезненная речь вытянула из Гартазьяна последние силы, но он держал спину по-военному прямо, пока Киро спешивался и клал журнал на землю.

Лейтенант выпрямился, вернулся в седло, но отъезжать не спешил.

— Сэр, мне так жаль…

— Ничего, — перебил Гартазьян, тронутый человечностью юноши. — Не горюйте обо мне. Езжайте и заберите моего синерога. Мне он больше ни к чему.

Киро неловко отдал честь, взял под уздцы осиротевшее животное и исчез в сумерках. Гартазьян двинулся к журналу. С каждым шагом ноги подкашивались все сильнее; возле журнала он мешком осел на землю, и пока вытаскивал карандаш из кожаного кармашка, последний отблеск солнца исчез за изгибом Мира. Но и в полутьме Гартазьян видел достаточно, чтобы писать, — выручали гало Мира и причудливые блестки, собранные кое-где в плотные круглые грозди.

Он попробовал опереться на левую руку и тут же рывком выпрямился — в раненом плече вспыхнула боль. Потрогав пальцами входное отверстие, полковник слегка утешился тем, что бракковый цилиндрик почти всю свою силу рас-

тратил на пробивание кожаного валика на краю кирасы: он засел в плоти, но кости не повредил. Гартазьян напомнил себе: надо записать, что оружие чужаков стреляет без обычной задержки. Он сел, положил журнал на колени и начал составлять подробный рапорт тем, кому вскоре предстояло столкновение с чудовищными пришельцами.

Работа дисциплинировала разум, помогая не думать о близком конце, но тело, сопротивляясь яду птерты, то и дело напоминало о проигранной схватке. Казалось, в желудок и легкие насыпали раскаленных угольев, грудь сжималась в мучительных спазмах, и судороги временами вынуждали руку сбиваться на едва разборчивые каракули. Смерть подступала так быстро, что, закончив рапорт, Гартазьян с тупым удивлением понял: от сознания и сил остались жалкие крохи.

«Если я уйду отсюда, — подумал он, — то журнал можно будет забрать без промедления и риска для жизни».

Он положил журнал, а на него — чтобы легче было найти — свой шлем с красным плюмажем. Встать на ноги оказалось гораздо труднее, чем он ожидал. Борясь с головокружением, полковник

обвел взглядом окрестности — в глазах рябило, и казалось, что они покрыты огромной скатертью, по которой бегут медлительные волны. Киро уже собрал людей, они разбили лагерь и разожгли большой костер — ориентир для Чаккела. Сумерки превратили солдат и животных в аморфную массу; все вокруг было неподвижно, кроме беспрестанно мерцающих метеоритов на фоне звезд и густых туманностей.

Гартазьян догадался, что большинство глаз в лагере смотрит на него. Он повернулся и побрел прочь, по-клоунски шатаясь. С пальцев левой руки на траву капала кровь. Шагов через двадцать ноги запутались в папоротниках, он рухнул ничком, да так и остался — лицом в щетинистых листьях.

Бессмысленно вставать. Бессмысленно цепляться за остатки сознания.

«Ронода и Хэлли, малыш, я возвращаюсь к вам, — подумал он, когда в его глазах начала угасать вселенная. — Скоро мы…»

Глава 4

Услышав скрежет отодвигаемого засова, Толлер Маракайн прежде всего испытал облегчение.

В камере ему разрешалось писать, и хотя он всю малую ночь просидел с блокнотом на коленях, пытаясь сочинить письмо Джесалле и как-то объяснить свой поступок, на бумаге осталась одна-единственная покаянная фраза:

«Мне очень жаль».

Три слова погребальным колоколом звучали в мозгу, словно мрачная эпитафия жизни, выброшенной на свалку, и он желал — искренне и глубоко, — чтобы поскорее истекли ее последние мучительные секунды.

Толлер встал и повернулся к отворяющейся двери, ничуть не сомневаясь, что сейчас перед ним возникнет палач в сопровождении наряда тюремной стражи. Но вместо этого в расширяющемся прямоугольнике дверного проема появилась упитанная фигура короля Чаккела, а по бокам его — гвардейцы с каменными физиономиями.

— Воистину, я должен гордиться собой, — сказал Толлер. — Сам король провожает меня к эшафоту.

Чаккел поднял журнал в кожаном переплете — армейский журнал для приказов.

— Маракайн, твое поразительное везение не оставило тебя и на этот раз. Пойдем, ты мне нужен. — Он вцепился в руку Толлера с силой,

которой позавидовал бы палач, и вытащил его в коридор, где зловонно чадили фитили в недавно расставленных плошках.

— Я вам нужен? Неужели это означает?..

Как ни парадоксально, в этот миг, когда к нему вернулась надежда, Толлер испытал страх такой сильный, что на лбу выступил холодный пот, а голос сел.

— Это означает, что я готов простить тебе дурацкую выходку в нынешний утренний день.

— О, Ваше Величество! Я вам так благодарен… От всей души! — сбивчиво отвечал Толлер, а про себя клялся Джесалле, что больше никогда в жизни не подведет ее.

— Ну еще бы! — Чаккел вывел его из тюремного корпуса, а после — за ворота, где охранники вытянулись перед ним в струнку; и вот Толлер снова на плацу — казалось, после поединка прошло целое тысячелетие.

— Наверно, все дело в том небесном корабле, — вслух предположил Толлер. — Он на самом деле с Мира?

— Поговорим об этом наедине.

Толлер и Чаккел с гвардейцами, не отстающими ни на шаг, вошли во дворец через заднюю дверь. Следуя за монархом по коридорам, Толлер

ощутил мыльный запах пота синерога, идущий от его одежды. Значит, король долго ехал верхом. Очень интересно. Наконец они добрались до потайного входа в кабинет, где из мебели был только круглый стол с шестью скромными стульями.

— Прочти. — Чаккел вручил Толлеру журнал для приказов, а сам уселся за стол и уставился на свои крепко сжатые кулаки. На его медной от загара лысине блестели капельки пота. Было заметно, что он очень взволнован.

Рассудив, что едва ли стоит задавать вопросы раньше времени, Толлер сел напротив короля и раскрыл журнал. В молодости чтение давалось ему нелегко, но с годами это прошло, и теперь он за считанные минуты пробежал глазами несколько страниц, исписанных карандашом, хотя буквы кое-где дико плясали. Дочитав до конца, он закрыл журнал, положил его на стол и только потом заметил кровавые пятна на обложке.

Король, не поднимая головы, глянул из-под бровей; глаза его превратились в желтые полумесяцы.

— Ну?

— Полковник Гартазьян умер?

— Разумеется. И если судить по этому рапорту,

мертвецов будет еще много. Вопрос в другом: что мы можем сделать, как защититься от этих заразных выскочек?

— Вы считаете, Рассамарден не шутит насчет вторжения? Очень уж нелепо это выглядит, ведь в его распоряжении — целая пустая планета.

Чаккел показал на книгу.

— Ты же сам читал. Мы имеем дело с ненормальными. Гартазьян уверен, что все они чокнутые, а больше всех — их правитель.

Толлер кивнул.

— Обычное дело.

— Ты говори, да не заговаривайся, — предостерег Чаккел. — По части небесных кораблей у тебя больше опыта, чем у любого другого, поэтому я хочу услышать твои соображения.

— Ну… — На несколько секунд Толлером овладело нечто вроде веселья, но оно тут же сменилось стыдом и раскаянием. Ну что он за человек?! Давно ли клятвенно обещал себе никогда ничего не ставить выше блаженного покоя, милого домашнего уюта, — и вот его сердце бьется чаще при мысли о приключении, о новой, необыкновенной войне. А может быть, это просто реакция на неожиданное спасение, на то, что жизнь продолжается? Или в душе у него — фатальный

изъян, как у давно усопшего принца Леддравора? Последнее допущение выглядело слишком серьезным — но сейчас не время рассуждать об этом.

— Я жду, — нетерпеливо произнес Чаккел. — Только не лги, что от страха лишился дара речи.

Толлер глубоко вздохнул и начал:

— Ваше Величество, если враг действительно замышляет нападение, надо принимать меры, которые диктует обстановка. По известной причине в открытом столкновении мы обречены, поэтому нельзя допустить, чтобы нога так называемого Нового Человека ступила на нашу планету. Следовательно, нам остается только один выход.

— Какой?

— Не подпускать! Выставить заслон! Подстеречь неприятельский флот в зоне невесомости, на полпути между планетами, и уничтожить. Это единственный способ.

Чаккел вгляделся в лицо собеседника и остался доволен его искренностью.

— Насколько мне помнится, там слишком холодно — долго не протянешь.

— Потребуются корабли принципиально иной конструкции. Гондолы — больших размеров и абсолютно герметичные. Возможно, удастся сгу-

щать воздух при помощи огненной соли. И еще много чего понадобится, чтобы подолгу жить в зоне невесомости.

— Мыслимое ли это дело? — спросил Чаккел. — Если я правильно понял, ты имеешь в виду надежные крепости, висящие в небе? А как же вес?

— Старый небесный корабль поднимает двадцать пассажиров плюс необходимые припасы, а если удлинить гондолу и поставить на нее два шара, это увеличит грузоподъемность.

— Неплохая мысль. — Чаккел встал и зашагал вокруг стола, время от времени бросая на Толлера хмурый взгляд. — Я намерен учредить новую должность — специально для тебя. Будешь отвечать за противовоздушную оборону Верхнего Мира. Отчитываться — только передо мной. Получать любые ресурсы, какие только понадобятся для успешного выполнения задачи, в том числе и людские.

Жизнь вновь обрела цель и смысл. Толлер приободрился и с удивлением поймал себя на том, что не очень хочет плыть по течению Чаккеловых идей. Когда тебя то обрекают на казнь, то через мгновение возносят на вершину власти — ты не кто иной, как пешка, кукла без чести и достоин-

ства, начисто лишенная индивидуальности.

— Если я решу принять ваше предложение, — сказал он, — то у меня будут некоторые…

— Если решишь принять?! Если?! — Чаккел вскочил на ноги, пинком отшвырнул стул, хлопнул ладонями по столу и наклонился через него. — Да что с тобой творится, Маракайн? Где твоя преданность королю?

— Не далее, как в нынешний утренний день мой король приговорил меня к смерти.

— Ну, ты же знаешь, что я бы не зашел так далеко.

— Правда? — Толлер не скрывал недоверия. — Когда я один-единственный раз обратился к вам с просьбой, вы отказали…

Чаккела его слова явно озадачили.

— О чем это ты?

— О жизни фермера Спеннеля.

— А, вот оно что! — На миг Чаккел поднял глаза к потолку, выказывая раздражение. — Ладно, Маракайн, будь по-твоему. Из-за всей этой суматохи в городе казнь могла и не состояться. Я велю скороходу бежать со всех ног, и если твой драгоценный приятель еще жив, ни один волос не упадет с его головы. Доволен? Надеюсь, что доволен, ибо не знаю, чем еще могу тебе угодить.

Толлер неуверенно кивнул, удивляясь, как все-таки легко можно заткнуть рот совести.

— Скороход должен отправиться незамедлительно.

— Сказано — сделано. — Чаккел повернулся к обшитой панелями стене, в которой Толлер не различил ни одного отверстия, и кивнул, после чего рухнул на стул рядом с перевернутым. — Теперь надо прикинуть, с чего начинать. Ты сможешь сделать чертеж небесной крепости?

— Думаю, смогу, но мне понадобится Завотл. — Толлер имел в виду человека, с которым летал еще в составе Экспериментальной Эскадрильи Небесных Кораблей и который позднее, во времена Переселения, служил одним из четырех королевских пилотов. — Ваше Величество, по моим сведениям, он водит один из ваших курьерских кораблей, так что отыскать его будет несложно.

— Завотл? Это не тот ли тип с такими потешными ушами? А почему именно он?

— Он очень умен, и мы долго работали вместе, — ответил Толлер. — Без него мне не справиться.

Завотлу было далеко за сорок, но он выглядел совсем молодым — трудно поверить, что во вре-

мена массового бегства с Мира он командовал кораблем Его Величества. С годами он лишь чуть-чуть пополнел, но волосы остались темными, а короткая стрижка по-прежнему подчеркивала диковинность его ушей — крошечных, свернутых в трубочки. Он предстал перед Чаккелом и Толлером через десять минут, будучи вызван с летного поля, которое соседствовало с дворцом. Желтый мундир воздушного капитана сидел на нем неаккуратно — видно было, что Завотлу пришлось в спешке покинуть сортир.

Он напряженно выслушал рассказ об угрозе вторжения Новых Людей, то и дело, по своему обыкновению, записывая что-то в блокноте изящным убористым почерком. Манеры его тоже не изменились ни на йоту; дотошность бросалась в глаза, и по-прежнему от каждого его слова и движения веяло уверенностью в том, что нет проблем, которых нельзя одолеть с помощью логики.

— Теперь ты все знаешь, — сказал ему Чаккел. — Так что будь любезен, поделись, какие у тебя соображения насчет обитаемых крепостей в зоне невесомости.

Его отнюдь не восхитила идея взять в советники какого-то безродного капитана, но он выполнил

просьбу Толлера и даже, демонстрируя серьезное отношение к делу, усадил Завотла рядом с собой. Задав вопрос, король критически воззрился на вновь прибывшего и чем-то похож был в этот миг на школьного наставника, которому не терпится «срезать» выскочку-ученика.

Завотл выпрямился и, видимо, понимая, что от его слов сейчас зависит очень многое, твердо ответил:

— Это возможно, Ваше Величество. Собственно говоря, это необходимо. Другого способа нам не изобрести.

— Понимаю. А как насчет длинной гондолы с двумя шарами?

— Ваше Величество, при всем моем уважении к лорду Толлеру вынужден сказать, что эта мысль мне не по душе. — Завотл покосился на Толлера. — Гондола получится слишком длинной. Думаю, возникнут серьезные проблемы с управлением.

— Так ты — за один огромный шар?

— Нет, Ваше Величество. С этим связаны совершенно новые, незнакомые нам затруднения. Несомненно, мы их рано или поздно преодолеем, но ведь у нас нет времени.

Было заметно, что король начинает злиться.

— Тогда что же ты предлагаешь, капитан? Есть у тебя что-нибудь на уме, или одни только «нельзя»?

— Мне кажется, следует использовать обычные шары, к которым мы привыкли, — ответил Завотл, не теряя хладнокровия. — Надо строить и поднимать небесные крепости по частям и монтировать уже в зоне невесомости.

Чаккел уставился на Завотла, и сердитое выражение лица сменилось изумленно-почтительным.

— Ну конечно! Конечно! И впрямь другого способа нет.

А Толлер испытал прилив гордости за своего протеже.

Идея Завотла вызвала у лорда цепочку головокружительных образов.

— Илвен, ты молодчина! — воскликнул он. — Я знал, что ты пригодишься. Хотя работенку ты нам подсунул — аж кишки леденеют! Когда под тобой тысячи миль пустоты, как ни привязывайся, все равно чуть-чуть не по себе.

— Да, для многих это вовсе непосильная задача, — кивнул Завотл. — Но сложности можно свести к абсолютному минимуму. Осмелюсь предложить цилиндрические секции, соеди-

ненные друг с другом обычными захватами и герметизированные замазкой. Для одной крепости понадобятся три такие секции.

— Пока мы не начали забивать себе головы деталями, я хочу узнать, сколько всего требуется небесных крепостей, — сказал Чаккел. — И чем больше я об этом думаю, тем больше у меня сомнений в целесообразности этого плана. Даже если забыть про объем и рассматривать зону невесомости как плоскость, диск — это все-таки миллионы квадратных миль. Шутка ли? Будь у меня даже ресурсы старого Колкоррона, я бы и то не смог наделать столько крепостей… Кстати, сколько? Тысячу? Пять тысяч?

Завотл посмотрел на Толлера — мол, твоя очередь отвечать, — но тот отрицательно качнул головой. Толлеру показались дельными возражения короля, и хотя по невозмутимому выражению лица друга он определил, что ответ существует, сам он пока не мог до него додуматься.

— Ваше Величество, нам не обязательно защищать всю зону, — заговорил Завотл. — Действительно, у наших планет общая атмосфера, но она имеет форму водяных часов с очень узкой перемычкой. Небесным кораблям пришельцев с Мира придется держаться середины, узкого

воздушного мостика, если можно так выразиться. Там мы и приготовим им теплую встречу. Не знаю, насколько решительно они настроены, однако, если мы уничтожим первые ряды кораблей, остальные, вероятно, постараются обойти нас на безопасной дистанции. Но это очень рискованно — на таком расстоянии от воздушного моста экипажи могут потерять сознание и задохнуться.

— Завотл, ты начинаешь мне нравиться. — Чаккел улыбнулся краем рта. — Так сколько понадобится крепостей?

— Немного, Ваше Величество. Думаю, не больше десятка или дюжины. И сотня — потом, когда исчезнет фактор внезапности, а пришельцы придумают эффективные контрмеры. — Завотл снова посмотрел на Толлера, видимо, все еще надеясь втянуть его в разговор. — На этом этапе планирования я не могу назвать точные цифры. Очень многое будет зависеть от дальности обнаружения вражеских кораблей… Впрочем, лорд Толлер подтвердит, что на большой высоте глаз становится удивительно остер. Важна также дальнобойность нашего оружия, но в этом отношении мой опыт ничтожно мал по сравнению с опытом лорда Толлера. Возможно, он скажет…

— Пока продолжай без меня, — благодушно

произнес Толлер, оценив дружеские старания Завотла. — Я нахожу твои рассуждения интересными и полезными.

— Твой приятель Толлер, — шепнул Чаккел Завотлу, — настолько уверен в себе, что не боится даровитых и многообещающих заместителей. Ладно, — он повысил голос, — есть еще одна закавыка, более прозаичная, но боюсь, тебе не так-то просто будет ее разрешить.

— Ваше Величество?

— Я лично курировал строительство миграционного флота и хорошо усвоил, что для оболочек небесных кораблей годится только один материал, легкий и прочный, — лен. — Чаккел нахмурился и покачал головой, давая понять, что ему не по нраву оттенок легкомыслия, закравшийся в разговор. — Возможно, вы знаете, что льняное семя, которое мы привезли с собой на Верхний Мир, почти не прижилось. Несколько акров тут, несколько акров там — вот и все земли, которые дали приличный урожай, да и тот почти без остатка уже летает по небу. Многоопытные советники, я позволю себе вопрос: можно ли сшить новые шары из оболочек кораблей, которые уже служат?

— Нет! — в один голос ответили Толлер и

Завотл, но Толлер — чисто машинально, поскольку ему опять нечего было предложить. А напрасно, ведь ему следовало бы помнить, что монархом Чаккела сделал не каприз генеалогии — он имел феноменально глубокие познания в тех областях сельского хозяйства, промышленного производства и торговли, которые служили опорами государственной власти. Но Толлер снова предпочел переложить всю ответственность на плечи Завотла и удивился, если не сказать — восхитился, когда тот со спокойной улыбкой произнес:

— Ваше Величество, оболочки необходимо сделать из нового, первосортного материала. Но его потребуется немного. Идея лорда Толлера насчет засады великолепна, и нам тем более на руку, что шары в этом случае будут только помехой, причем серьезной.

Чаккел нахмурился еще пуще.

— Похоже, мы расходимся во мнениях. Завотл, к чему ты клонишь?

— Ваше Величество, я говорю о новой стратегии, в основе которой, впрочем, лежат давно известные принципы. Важно, чтобы противник как можно позже обнаружил нас, и совершенно очевидно, что шары, из-за своей величины за-

метные в сверхпрозрачной зоне невесомости с расстояния многих миль, в данном случае сослужили бы нам плохую службу. Без них крепости будут действовать гораздо эффективнее…

Толлер начал постигать замысел Завотла и, казалось, ощутил на миг стужу высокого неба, просачивающуюся в его тело.

— Ты хочешь отсоединить шары и…

Завотл кивнул.

— И вернуть на землю, чтобы поднять другие секции крепостей. Не вижу причины, по которой нельзя использовать оболочки многократно.

— Я это вовсе не так себе представлял, — произнес Толлер. — Ты хочешь оставить в небе совершенно беспомощных людей? Не способных предотвратить падение корабля?

Лицо Завотла обрело абсолютное, нечеловеческое спокойствие.

— Милорд, речь идет о зоне невесомости. Вы сами однажды задали вопрос: как можно упасть, не имея веса?

— Да, конечно, но… — аргументы Толлера иссякли, — но мне это не нравится.

— А мне нравится! — воскликнул Чаккел и улыбнулся Завотлу; было видно, что его приязнь к небесному капитану уже достигла полного

расцвета. — Еще как нравится!

— Да, Ваше Величество, — сухо вымолвил Толлер, — но ведь вы там сидеть не станете.

— И ты, Маракайн, — парировал Чаккел. — Я тебя назначил маршалом за прекрасное знание небесных кораблей, а не за болтливый язык и драчливый норов. Нет уж, голубчик, ты у меня останешься на твердой почве. Будешь командовать снизу.

Толлер помотал головой.

— Это не в моих правилах. Я командую в строю. Если людям прикажут доверить свои жизни… бескрылым птицам, то я хочу быть среди первых.

Чаккел заметно рассердился, но, когда он посмотрел на Завотла, выражение его лица стало хитрым.

— Поступай как знаешь, — сказал он Толлеру. — Наделяю тебя властью рекрутировать любого из моих подданных, кого сочтешь нужным. Смею предположить, что твой друг Завотл займет важный пост советника.

— Это с самого начала входило в мои намерения.

— Отлично. Я рассчитываю, что вы оба поживете во дворце, пока мы не обсудим все основные аспекты обороны. И поскольку на это уйдет нема-

ло времени…

Чаккел умолк. В кабинет, усердно кланяясь, вошел сутулый секретарь и приблизился к столу.

— Зачем ты прервал меня, Пелсо?

— Нижайше прошу Ваше Величество простить меня, — ответил Пелсо дрожащим голосом. — Но вы приказали безотлагательно сообщить вам насчет казни.

— Казни? Какой еще… ах да. Ну, выкладывай.

— Ваше Величество, я отправил гонца, велев передать, что исполнение приговора откладывается.

— В этом не было особой нужды. Я просто хотел узнать, сделано ли дело. Ну, так где твой человек?

— Ждет в восточном коридоре, Ваше Величество.

— Да на черта он мне нужен в коридоре? Сюда его веди, старый болван!

Пока секретарь, отвешивая поклоны, пятился к выходу, Чаккел барабанил пальцами по столу. Толлер, хоть и не хотел отвлекаться от важного разговора, посмотрел в сторону двери. Там возникла коренастая фигура Гнэпперла. Сержант не выказывал ни малейшего беспокойства, хотя скорее всего впервые в жизни явился пред очи ко-

роля. Он приблизился к Чаккелу строевым шагом, отточенным движением отдал честь и застыл, ожидая позволения говорить. Но его глаза уже встретили взгляд Толлера, и было в них зловещее торжество, которое делало слова излишними.

Толлер потупился от печали и стыда. Словно наяву он увидел перед собой несчастного фермера, встреченного по дороге утренним днем. Неужели это было так недавно? Он обещал Спеннелю помочь, но не сдержал слова. И тем острее была его мука, что он помнил: Спеннель на него не надеялся.

Как же он спасет целый мир, если даже одного человека не сумел защитить?

— Ваше Величество, предатель Спеннель казнен во исполнение законного приговора, — доложил Гнэпперл, когда Чаккел жестом позволил ему говорить.

Король пожал плечами и повернулся к Толлеру:

— Я сделал все, что мог. Ты удовлетворен?

— У меня к этому человеку пара вопросов. — Толлер поднял голову и сцепился взглядом с Гнэпперлом. — Я надеялся на отсрочку казни. Разве появление небесного корабля не вызвало в городе суматохи?

— Суматохи было предостаточно, милорд, но мне это не помешало исполнить свой долг. — Сержант говорил с нескрываемым злорадством, изощренно глумясь над Толлером. — Даже палач убежал за кораблем с толпой зевак, и я был вынужден проскакать несколько миль, чтобы найти его и вернуть в город.

«Это первый палач, которого ты нынче встретил, — подумал Толлер. — Я — второй».

— Сержант, это весьма похвально, — сказал он вслух. — Вы, похоже, из тех солдат, для которых долг — превыше всего.

— Так оно и есть, милорд.

— В чем дело, Маракайн? — вмешался Чаккел. — Только не говори, что собираешься мстить обыкновенному солдату.

Толлер улыбнулся.

— Совсем напротив, Ваше Величество. Я так ценю этого сержанта, что хочу взять его в свои войска. Не правда ли, вы сами дали мне такое право?

— Да, я сказал, что ты можешь брать кого угодно, — проворчал Чаккел.

— Я хотел, чтобы сержант услышал это из ваших уст. Произнося эти слова, Толлер посмотрел на Гнэпперла, и тот встревожился, с опозданием

сообразив, что его рвение оборачивается против него же.

— Скоро нам предстоит испытывать новые небесные корабли, и у меня будет много опасных поручений. Сержант, вас ждут полеты в высоком небе, полеты без шаров. Для такого дела необходимы люди, которые превыше всего ставят воинский долг. Отошлите ваших помощников к Пэнвэрлу с моими поздравлениями, а затем обратитесь к коменданту.

Побледневший, охваченный тяжелыми предчувствиями Гнэпперл отдал честь и покинул кабинет; по пятам за ним удалился согбенный секретарь.

— Ты с ним чересчур разоткровенничался, — недовольно сказал Чаккел.

— Чем быстрее разлетится новость, тем лучше. Кроме того, я хочу, чтобы сержант уже сейчас представлял свое будущее.

Чаккел укоризненно покачал головой и вздохнул.

— Если ты решил его прикончить, то поспеши. Нечего тратить драгоценное время на пустяки.

— Ваше Величество, мне никак не удается понять одну вещь, — заявил Завотл. Пока Толлер пикировался с сержантом, он рассеянно поти-

рал живот, склонив продолговатую голову над журналом Гартазьяна. Его уши торчали, как крошечные кулачки, а лицо было озадаченным.

— Ты насчет мушкета?

— Нет, Ваше Величество, насчет самих мирцев. Если эти удивительные Новые Люди — всего лишь потомки мужчин и женщин с частичным иммунитетом к птертозу, не будет ли логичным допустить, что и среди наших детей есть такие?

— Может, и есть, — отозвался Чаккел без особой заинтересованности. — Вероятно, родители поспешили от них избавиться, не слишком о том распространяясь. Впрочем, если иммунитет — скрытый, он никак себя не проявит, покамест на этих выродков не подействуют яды. А на Верхнем Мире птерта не ядовита.

— Пока, — напомнил Толлер. — Но если мы и дальше будем изводить бракку, шары обязательно изменятся.

— Ну, насчет этого пускай беспокоятся потомки. — Чаккел, точно кувалдой, постучал по столу кулаком. — А перед нами — другая проблема, и решить ее надо в ближайшие дни, а не в грядущие столетия. Ты понял? В ближайшие дни.

«Да, я тебя понимаю». — Мысленно Толлер уже поднимался в зону невесомости, в чертог

хрустальной пустоты, рассекаемой искрами метеоритов, — туда, где он побывал всего два раза в жизни. И не надеялся, что побывает еще.

Глава 5

Сон возвращался снова и снова, унося Бартана обратно в день полета.

Только что он привязал лодку и направился к побеленному известью дому. Внутренний голос исходил криком, умоляя остановиться, но Бартан не мог повернуть назад. Сняв с зеленой двери щеколду, он распахнул ее, и там, за порогом, поджидавшая его тварь неспешно тянула к нему единственное щупальце. Как и наяву, он отскочил назад и упал, а когда вновь заглянул в дверной проем, чудовище превратилось в ворох старой одежды на стенной вешалке. С реальностью сон расходился лишь в том, что передник продолжал апатично подманивать лямкой, и это шевеление, которое не мог вызвать мимолетный сквозняк, почему-то нагоняло больше жути, чем встреча с самим чудовищем.

На этом моменте Бартан всегда просыпался от собственного тревожного стона и с невыразимым облегчением узнавал вокруг себя обычный

ночной мир. Но стоило опять заснуть, как все начиналось сызнова.

Вскоре он привык радоваться наступлению дня, хоть и вставал с закисшей усталостью во всем теле. По воле Тринчила он застолбил себе целый надел и каждый день работал до упада, готовя ферму к приезду Сондевиры.

Но когда на подновленном фургоне он ехал во владения семьи Форатере, солнечные краски утра, столь несхожие с мрачными тонами ночных страхов, взбодрили душу и начисто вытравили усталость.

Ночью прошел дождь, и воздух теперь был свеж, густ и сладок; дыша полной грудью, Бартан испытывал странное возбуждение, словно он вновь стал мальчишкой с мечтательным взором, когда будущее кажется озаренным вот таким же золотистым сиянием. И радость эта подогревалась мыслью, что будущее не обмануло его, оправдало врожденный юношеский оптимизм.

Жизнь — хороша!

Позволив синерогу брести не спеша, Бартан вспоминал обстоятельства, сделавшие этот день особенным. От мэра Кэрродалла пришло известие, что все заявки Тринчила благополучно зарегистрированы в главном городе провинции.

Фермеры счастливы были занять готовые дома и расчищенные земли, и в Бартане видели благодетеля. Через двадцать дней он женится на Сондевире — дату назначил сам Джоп Тринчил. А сегодня вечером — праздник, поселенцы хотят отметить утверждение заявок, будет пир горой и танцы до глубокой ночи.

Вряд ли гулянка начнется в назначенный час, но обязательно разойдется, когда с окрестных наделов подтянется семейный народ. Бартан выехал из дому загодя, надеясь, что Сондевира поступит точно так же и у них будет несколько лишних часов. Они уже тринадцать дней не виделись, и Бартан истосковался по красоте ее лица, по нежности голоса, по головокружительным прикосновениям к ее телу. А может, она уже у Форатере? Едва подумав об этом, он подхлестнул синерога и вскоре достиг вершины небольшого холма, откуда глазам предстал широкий простор пасторальной безмятежности — картина, прекрасно подходящая его настроению. Ночной дождь оттенил синеву неба — тем яснее в нем виднелись несколько светлых завитков вдобавок к щедрому сиянию звезд. На горизонте проглядывали девственные луга, где ничто не шевелилось, кроме случайных отблесков от почти невидимых

отсюда шаров птерты, кочующих по воле ветров. На полпути к ним, в бахроме вспаханных полей, расположилось поместье Форатере — несколько белых и серых прямоугольничков. Ферма эта стояла в центре поселения, поэтому Харро и Эннда Форатере предложили устроить гулянку у них.

Насвистывая, Бартан скатил фургон с холма по подсохшим дорожным колеям. Подъехав к самому большому — жилому — дому Форатере, он увидел возле хлева несколько фургонов, но повозки Тринчилов, в которой всегда ездила Сондевира, среди них не было. Пока, видимо, собрались лишь те семьи, чьи женщины вызвались помочь с приготовлениями к пирушке.

Уже был сооружен длинный стол, и возле него, праздно беседуя, стояла небольшая группа гостей. Поблизости с криками и смехом играла разновозрастная стайка детей, и взрослые не обращали на них внимания. Остановив фургон около хлева, Бартан понял, что они чем-то встревожены.

— Здорово, Бартан. Чего-то ты рано. — От толпы отделился краснощекий парень с жесткой щеткой соломенных волос на голове.

— Здравствуй… Крэйн. — Бартан не без труда припомнил имя этого молодца — у Харро Форатере было много домочадцев, в том числе несколько

племянников, схожих возрастом и обличьем. — Рано, говоришь? Может, мне уехать и вернуться попозже?

— Да нет, все в порядке. Тут, понимаешь, стряслось кое-что, и маленько нам подпортило обедню.

— Что-то серьезное?

Крэйн, похоже, пребывал в замешательстве.

— Ты… зайди в дом, ладно? Харро просил. Мы уж было собрались за тобой верхового посылать, ан глядь — твой фургон с холма катит. — Он повернулся и отошел, прежде чем Бартан успел задать хоть один вопрос.

С растущим интересом Бартан поднялся на крыльцо. Харро Форатере был типичным крестьянином, обремененным большим семейством, — хитроватый неразговорчивый мужик сорока лет. В отличие от других поселенцев он не проникся симпатией к Бартану и если уж попросил его зайти в дом, значит, и впрямь случилось что-то из ряда вон выходящее. Бартан постучал в дверь, обитую рейками, переступил порог и оказался в большой квадратной кухне. Там, у другой двери, что вела, должно быть, в спальню, стоял Харро. К щеке он прижимал тряпку, и его лицу недоставало густого румянца — родовой черты всех

Форатере.

— Ага, Бартан, вот и ты, — сдержанно произнес он. — Хорошо, что так рано. Тут без тебя никак не обойтись. Я, конечно, виноват, до сих пор не шибко жаловал тебя, но…

— Не бери в голову, — сказал Бартан, подходя ближе. — Так чем я могу помочь?

— Говори потише, ладно? — Харро прижал к губам указательный палец. — Помнишь, ты нам показывал чудные такие инструментики, ну, эти, для ремонта побрякушек. Они у тебя с собой?

Удивление Бартана сменилось растерянностью.

— Да, у меня всегда кое-что с собой… В фургоне.

— Можешь отпереть эту дверь? Даже если с той стороны в замке ключ?

Бартан осмотрел дверь — необычайно добротную для крестьянского дома, с замком вместо засова — свидетельством того, что прежний владелец был не из простолюдинов. Впрочем, сам замок был дешевым, очень примитивной конструкции.

— Дело нехитрое, — прошептал Бартан. — У тебя там жена, да? Она что, заболела?

— Да, там Эннда, только я боюсь, у нее с головой неладно. Вот почему я не выломал дверь. Стоит

только до ручки дотронуться, как она — в крик.

Бартан вспомнил Эннду Форатере — красивую, хорошо сложенную женщину лет тридцати, лучше воспитанную и более сдержанную на язык, чем жены остальных фермеров. Она славилась практичностью и редким чувством юмора, и уж от нее-то Бартан никак не ожидал душевного недомогания.

— С головой неладно? С чего ты взял?

— Это ночью началось. Просыпаюсь, гляжу — Эннда ко мне жмется… ну, ты понимаешь — в любовном смысле. Настойчиво так подбирается да еще постанывает, я, конечно, пошел навстречу. Да и выбирать-то не приходилось, ежели правду сказать. — Харро помолчал, вперив в Бартана жесткий взгляд. — Но это — между нами, ладно?

— Конечно. — Бартан давно заметил, что фермеры, хоть и сыплют напропалую сальными словечками, весьма неохотно рассказывают о своих интимных отношениях с женами.

Харро кивнул.

— Так вот, как дошли мы до этой, ну, как ее…

— Вершины блаженства, — подсказал Бартан.

— Ага… Эннда как цапнет зубами!

— Но… — Бартан замялся, удивляясь, сколь велика, оказывается, разница в любовных играх

горожан и селян. — В порыве страсти… разве это редко бывает?

— Вот так вот? — Харро отнял тряпку от щеки, и Бартан содрогнулся, увидев рану в форме открытого рта— почти замкнутый круг, зашитый внахлест черной ниткой и щедро припудренный толченым перечным цветом — излюбленным кровоостанавливающим снадобьем колкорронцев, — но все же кое-где сочилась кровь. Кожа вокруг укуса сильно потемнела, и было ясно, что шрам останется на всю жизнь.

— Извини, — промямлил Бартан. — Ничего не понимаю.

— А после как накинется! Как начнет вопить и дубасить меня кулаками по голове! Убирайся, кричит, из комнаты! Я так растерялся, что пулей оттуда вылетел, а когда спохватился, Эннда уже заперлась. И все время выкрикивала что-то вроде: «Не сон! Не сон!» А потом умолкла, и уже несколько часов — ни звука. Только если кто-то пытается отпереть дверь… Бартан, я за нее боюсь. Надо к ней попасть, а то как бы она чего с собой не сотворила. Как она кричала! Как…

— Жди здесь. — Бартан вышел из дома и, не реагируя на вопросительные взгляды гостей, быстро зашагал к своему фургону. Там он открыл

ящик и вытащил сверток с ювелирными инструментами. Рядом появился Крэйн Форатере.

— Сможешь, — осведомился он, — с дверью справиться?

— Надеюсь.

— Молодчина. Знаешь, Бартан, когда она развопилась, мы все побросали и — в дом. Глядим, а он — голый и в кровище. Напялили на него тряпье какое-то, рану заштопали, в кухне прибрали… Он ничего не рассказывает — стесняется, наверно. Думали, может, не стоит нынче гулянку устраивать, дела-то вон какие…

— Посмотрим, когда в спальню войдем, — сказал Бартан, торопясь назад. — Держись рядом. Понадобится помощь, я тебя кликну.

— Молодчина, Бартан! — пылко повторил Крэйн.

Харро сидел на корточках около двери в спальню. Бартан опустился рядом с ним на колени, хорошенько рассмотрел замок и удовлетворенно хмыкнул. Затем выбрал подходящий инструмент и поднял голову.

— Сейчас надо действовать быстро, чтобы она не успела ничего сообразить, — произнес он. — Когда открою, сразу вбегай, понял?

Харро кивнул.

Одним движением Бартан провернул ключ в замочной скважине и отпрянул. Харро кинулся на дверь плечом. Через дверной проем в свете из разбитого окна Бартан увидел Эннду Форатере — она забилась в дальний угол, дико взлохмаченные черные волосы падали ей на лицо, в котором не осталось почти ничего человеческого. Зрачков не было видно, одни белки, а на подбородке запеклась кровь, и на груди, на ночной рубашке, тоже багровели потеки.

— Ты кто?! — визгливо крикнула она мужу. — Убирайся! Не подходи!

— Эннда! — Харро метнулся вперед и обхватил жену за плечи, не замечая града ударов. — Разве не узнаешь? Это же я! Я только помочь хочу! Только помочь! Эннда, пожалуйста!

— Ты — не Харро! Ты… — Она умолкла, прижав ладонь ко рту. — Харро? Харро?

— У тебя был кошмар, но все уже позади. Успокойся, милая. — Харро подвел жену к постели и заставил сесть, многозначительно косясь на Бартана и кивая на окно — мол, постереги.

Бартан подошел к окну, распахнул ставни, превратив полоску сияния в поток солнечного света. Эннда непонимающе оглядела комнату и повернулась к мужу.

— Лицо! Посмотри, что я сделала с твоим лицом! — Послышался всхлип, жалобнее которого Бартану не доводилось слышать, после чего Эннда опустила голову и, увидев кровавые пятна на тонком хлопке ночной рубашки, стала рвать ее с себя.

— Пойду воды принесу. — Бартан двинулся к выходу.

Крэйн переминался у порога, и Бартан махнул ему рукой, чтобы пока не входил. Затем окинул взглядом кухню и обнаружил на буфете кувшин из зеленого стекла и таз. Как можно неторопливее налил в таз воды, взял мочалку, мыло и полотенце и постучался в спальню. Там уже лежала на полу ночная рубашка, а ее хозяйка куталась в простыню, сдернутую с кровати.

— Все в порядке, дружище, — сказал Харро. — Входи.

Бартан вошел в комнату и держал таз, пока Харро смывал кровь с лица жены. По мере исчезновения безобразного струпа Харро заметно веселел, и Бартан подумал, что уход за страждущими в равной степени полезен и ухаживающему. У него тоже полегчало на душе, хоть и было совестно за свой эгоизм — как-никак особенный, долгожданный праздник едва не со-

рвался. Эннде Форатере приснился очень плохой сон с довольно тяжелыми последствиями, но жизнь возвращается в свою привычную колею, и вскоре Бартан будет отплясывать с Сондевирой — живот к животу, бедра к бедрам.

— Вот так-то лучше, — сказал Харро, вытирая полотенцем лицо жены. — Всего-то навсего кошмар приснился… Скоро все позабудешь и…

— Это не кошмар. — Голос Эннды звучал надломленно, плачуще, что слегка ослабило оптимизм Бартана. — Все было на самом деле.

— Да что ты несешь! — возразил трезвомыслящий Харро.

— А как же твое лицо? — Эннда принялась ритмично раскачиваться вперед-назад. — На сон это было не похоже. Как наяву. И мне казалось, так будет всегда… Всегда-всегда…

Харро решил пошутить:

— Разве это могло быть хуже, чем мои сны после твоей стряпни — особенно пирогов на нутряном сале?

— Я ела твое лицо. — Эннда спокойно — и оттого жутко — улыбнулась мужу. — Харро, я не просто укусила тебя за щеку. Я съела все твое лицо. За несколько часов… Я отхватывала тебе губы и пережевывала их. Оттягивала зубами

ноздри и тоже пережевывала. Прокусывала глаза и высасывала жидкость. Когда я закончила, у тебя не осталось лица. Ничего не осталось, даже ушей… Только красный череп с клочком волос на макушке. Вот что я с тобой сделала сегодня ночью, мой любимый. Так что не рассказывай мне про кошмары.

— Все уже позади, — произнес Харро с тревогой в голосе.

— Ты так думаешь? — Эннда закачалась энергичнее, точно под воздействием невидимого двигателя, который вдруг прибавил обороты. — Но ведь это еще не все. Я тебе не рассказала про черный подземный ход… Про кишащих во мгле гадов… которые льнули ко мне плоскими чешуйчатыми телами…

— Я, пожалуй, лучше пойду. — С тазом в руках Бартан повернулся к двери.

— Э, нет, парень, не уходи. — Харро поспешно вскинул руку. — В компании ей легче.

— У них много ног… и у меня… у меня было много ног… и туловище… и щупальца… Они росли прямо из горла. — Эннда перестала раскачиваться, подперла щеку плечом, вытянула руку перед собой и начала ею плавно покачивать. Она явно кому-то подражала, и этот «кто-то» жил в

глубинах сознания Бартана, порождая безотчетный страх.

— Ну, я только таз вынесу. — Он сам себе казался предателем: знал, что ни секунды не задержится в доме, и пускай эта злосчастная парочка улаживает свои проблемы без него. А он тут вообще случайный человек, и чужие дела его совершенно не касаются. Бартан увернулся от руки Харро, торопливо вышел на кухню и поставил таз с хлюпающей в нем мочалкой на каминную полку. Он уже повернулся и двинулся к выходу, но тут хозяйка дома, не заметив, что с ее нагого тела соскользнула простыня, поднялась на ноги и пустилась в диковинный танец, раскачивая и дергая перед собою рукой.

— Начиналось это странно, — шептала она. — Правда очень странно. И негоже говорить «начиналось», ведь я возвращалась в дом… в обыкновенный крестьянский дом… белый, с зеленой дверью… Но входить было страшно… и все-таки пришлось… Когда отворила дверь, за ней не было ничего… только какие-то тряпки на стенной вешалке… Старая шляпа, старая накидка, старый фартук… Я понимала: надо сейчас же бежать, иначе быть беде, но что-то заставило войти…

Похолодев, Бартан замер в дверях спальни. Эннда глядела прямо на него. Сквозь него.

— Знаешь, а ведь я ошиблась. Не было там старой одежды. Это был один из них… Он тянул ко мне щупальце… Так медленно…

Харро шагнул к жене и схватил ее за плечи.

— Прекрати! Эннда! Прекрати!

— Но ты же не понимаешь. — Она улыбнулась, обвивая рукой шею мужа. Простыня снова упала на пол. — Дорогой, на меня не нападали… Это было приглашение… приглашение к любви… И мне ее хотелось… Я вошла в дом и обнялась с ужасом… и была счастлива, когда в меня вошел его сизый член… — Эннда рывком прижалась к Харро, ее голые груди набухали и сокращались.

Кинув на Бартана умоляющий взгляд, дородный Харро мигом повалил жену на кровать, а Бартан шагнул в комнату, захлопнул за собой дверь и, бросившись к семейной чете, схватил Эннду за ноги. Зубы ее щелкали, кусая воздух, бедра двигались вверх-вниз, но движения эти уже ослабевали. Устало смежились веки, расслабились мускулы. К ней вернулся покой.

Захватив инициативу, Бартан накрыл женщину простыней, а мысли его между тем были далеко, блуждая в незнакомом континууме со-

мнений и головоломок. Возможны ли такие совпадения, когда двум людям в разных местах снится одно и то же? Наверно, если обоим очень близко знаком предмет сновидения, но это же не тот случай… «И прежде всего, со мною это было не во сне!» У Бартана проступила на лбу холодная испарина, едва он вспомнил, как входил в тот дом через зеленую дверь… Но его чудовище в реальности оказалось иллюзорным, а в иллюзии Эннды оно было реальным.

«В нашей вселенной так не бывает, — сказал себе Бартан. — Что-то неладно с нашей вселенной».

— Кажись, ей полегче. — Харро гладил супругу по лбу. — Еще поспит нормально часок-другой, и совсем отпустит. Вообще-то я знаю, что ей нужно.

Бартан встал, силясь привязать мысли к действительности.

— Ну а как праздник? Может, нам разъехаться?

— Нет, я хочу, чтобы все остались. Будет лучше, ежели Эннда проснется среди друзей. — Харро встал на ноги и поглядел Бартану в глаза. — Ни к чему об этом распространяться, верно, дружище? Не хочу, чтобы ее считали помешанной, особенно

Джоп.

— Я ничего не скажу.

— Спасибо тебе. — Харро подался вперед, чтобы пожать Бартану руку. — Джопу не по нутру вся эта болтовня про ночные кошмары. Он говорит, тому, кто трудится не покладая рук, ничего по ночам не снится.

Бартан заставил себя улыбнуться.

— А что, еще кому-то снятся дурные сны?

Не об этом ли предупреждал мэр Кэрродалл? Может быть, это лишь начало ужаса, который сгонит с земли новых поселенцев, как уже случилось с их предшественниками?

— Сам-то я, когда кладу голову на подушку, — уныло произнес он, отбрасывая воспоминания о сегодняшнем мучительном кошмаре, — точно помираю до зари. Хоть бы что-нибудь приснилось.

— Еще бы, ты же за целый надел взялся в одиночку. Нелегкая работенка, особенно с непривычки.

— Мне соседи помогают. — Бартан говорил, что на ум взбредет, стараясь свыкнуться с новой картиной мира. — А когда женюсь…

— Надо бы мне перевязать боевую рану, — перебил Харро, бережно ощупывая щеку. — Ты выйди, скажи, что мне невдомек, почему это все

стоят сложа руки, вместо того чтобы готовиться к празднику. Передай, что нынешний день всем должен запомниться.

Вскоре пришла весть, что Джоп Тринчил и его семейство появятся не раньше середины дня, поэтому Бартан мыкался, предлагая где только можно свои услуги. Это воспринималось с добродушием, но вскоре женщины дали понять, что он больше путается под ногами, чем помогает. Он и правда был рассеян; все валилось из рук. В конце концов Бартан отошел к скамье перед фруктовым садиком, где несколько фермеров млели на солнышке, распивая кувшин зеленого вина.

— Вот и правильно, парень. — Корад Ферчер с дружелюбной улыбкой вручил Бартану полную чашку. — Оставь баб в покое, они сами распрекрасно управятся. — Ферчер был средних лет, и его желтоватые волосы выдавали близкое родство с Форатере.

— Спасибо. — Бартан отхлебнул сладкой жидкости. — Столько суеты, ну я и подумал: без меня пока обойдутся.

— Вон из-за чего вся суматоха. — Фермер махнул рукой в сторону ярко-синего небосвода. — На старой планете с наступлением малой ночи в самый раз бывало начинать гулянку, а тут солнце

все жарит и жарит, никак не приноровиться. Неправильно это, чтоб ты знал, жить на отшибе. Я — верноподданный, как и любой другой, да только думается мне, наш король зря задумал расселить нас по всему шару. Ты глянь-ка, глянь на небо! Пустота! Так и мерещится, будто за тобой следят.

Его соседи по скамье дружно закивали и затеяли спор о неудобствах жизни на этом полушарии Верхнего Мира, с которого никогда не увидишь планету-сестру. Некоторые их гипотезы о воздействии непрерывного дня на рост сельскохозяйственных культур и повадки животных показались Бартану довольно сомнительными. Он поймал себя на том, что остро истосковался по обществу Сондевиры; временами в голову лезли мысли об Эннде Форатере и ее ужасном сне наяву. Он был вынужден исключить совпадение, однако, быть может, ключ к тайне лежал в самой природе снов. Неужели есть зерно истины в слухах о том, что в часы сна разум отделяется от тела? Если это так, то две души способны ненароком повстречаться во время своих ночных блужданий и повлиять на сны друг друга.

Бартану не хотелось расставаться с картиной идеального будущего, и новая схема мирозда-

ния, казалось, сулила выход. Когда крепкое вино ударило в голову, в мозгу забрезжило малоприятное, но полное и четкое объяснение некоторых сложностей и тонкостей природы. Возвращению бодрости духа поспособствовала и вышедшая во двор Эннда, желающая принять участие в донельзя затянувшихся приготовлениях к вечеринке. Поначалу она выглядела несколько заторможенной, но вскоре уже смеялась вместе с подругами, давая понять Бартану, что черный юмор минувшей ночи предан забвению, а впереди — радостный день.

К тому моменту, когда вдали показался фургон Джопа Тринчила, непривычный к вину Бартан обрел веселую пустоту в голове, и воодушевление, которое он уже познал этим утром, вернулось к нему. Первым импульсом было пойти прямиком навстречу Сондевире, но тут возник игривый замысел удивить ее внезапным появлением. Он направился туда, где стояли фургоны, притаился между двумя высокими повозками и стал ждать, когда неподалеку остановится вновь прибывший экипаж. Оттуда высыпало больше дюжины Тринчилов, наполнив двор жизнерадостным гамом; дети состязались со взрослыми, окликая знакомых и друзей. Внушительный вес не по-

мешал Джопу Тринчилу первым оказаться на земле. Настроен он был, по всей видимости, на знатную гульбу и тотчас рванул к праздничным столам, предоставив своим женщинам вытаскивать из фургона детей и корзинки со съестным. Бартан сомлел, увидев на Сондевире ее самое лучшее платье светло-зеленого цвета с оливковым филигранным рисунком — наряд идеально гармонировал с цветом ее кожи и волос и лишний раз утвердил Бартана во мнении, что перед ней все остальные женщины общины — серые замухрышки. Из фургона Сондевира спускалась последней. Когда она с томной грацией поднялась на ноги, у Бартана чаще забилось сердце, и он едва не бросился к ней, но тут заметил возле кибитки одного из сыновей Джопа, семнадцатилетнего молодца с преждевременно развитой мускулатурой, — он приглашающе тянул к Сондевире руки. Она улыбнулась и свесила ноги за борт, позволив огромным ручищам обхватить ее за талию. Парень легко поднял ее и осторожно поставил на землю, но отпускать не спешил. Они так и простояли несколько секунд, прижимаясь телами и глядя друг другу в глаза, и в поведении Сондевиры не было и намека на неудовольствие. Затем она слегка качнула головой, и Глэйв тотчас

убрал руки, сказал что-то, чего Бартану не удалось расслышать, и побежал вслед за остальной родней.

Бартан, осерчав, покинул свое укрытие и подошел к Сондевире.

— Милости просим на вечеринку.

Вопреки его ожиданиям она нисколько не смутилась, сообразив, что за ней следили.

— Бартан! — С лучезарной улыбкой Сондевира подбежала к нему, обняла за талию и прижалась губами к его щеке. — Я тебя целый век не видела!

— Да неужели? — буркнул он, не отвечая на объятия. — Разве ты не нашла приятный способ убить время?

— Ну что ты?! — Ощутив напряженность в его теле, она шагнула назад и изумленно посмотрела на него. — Бартан, да что с тобой?

— Я тебя видел с Глэйвом.

У Сондевиры дрогнул подбородок, затем она расхохоталась.

— Бартан! Да ведь Глэйв — всего-навсего мальчишка! И к тому же мой родственник.

— Настоящее родство? По крови?

— У меня с ним ничего нет. И вовсе не за что меня ревновать. — Она подняла левую руку и

показала бракковое кольцо на шестом пальце. — Любимый, я его никогда не снимаю.

— Это не доказательство… — Бартан не смог договорить — перехватило горло.

— Почему мы ведем себя, как чужие? — Сондевира устремила на него нежный, но твердый взгляд, после чего снова обняла — на этот раз за шею — и привлекла к себе.

Бартан еще ни разу не ложился с ней в постель, но, прежде чем закончился поцелуй, ему отчетливо представилось, как это будет выглядеть, и мысли о соперничестве — да и обо всем остальном — разом вылетели из головы. Он отвечал ей с ненасытной страстью, пока она не оторвалась от него.

— Работа в поле сделала тебя силачом, — прошептала она. — Вижу, мне надо быть осторожной и завести побольше подруг.

Бартан повеселел и был польщен.

— А детей завести ты разве не хочешь?

— Хочу, и много, но не сразу. Сначала надо хорошенько потрудиться.

— Сегодня — праздник, и давай забудем о работе. — Бартан взял Сондевиру за руки и потянул прочь со двора, в солнечный покой беспределья, где блестели и сужались, уходя в даль, полосы спе-

лых и неспелых злаков. Добрый час прошагали они бок о бок, наслаждаясь близостью друг друга, любовно болтая о пустяках и считая метеориты, которые иногда прочерчивали в небе серебряные штрихи. Бартан рад был гулять с Сондевирой хоть ночь напролет, но рыцарски уступил, когда она решила возвратиться к началу танцев.

К тому времени, когда они подошли к дому Форатере, Бартана разобрала жажда. Рассудив, что от вина лучше воздержаться, он в поисках напитка послабее набрел на компанию возле бочонка с пивом. Пропустив мимо ушей сальные шуточки насчет их с Сондевирой отсутствия, он выбрался из толпы с увесистым кувшином в руке. Под навесом снова заиграло трио скрипачей, и несколько молодых женщин, в том числе и Сондевира, переплели руки и начали первый танец.

В блаженной отрешенности Бартан прихлебывал пиво и смотрел, как растет толпа танцоров, как фермеры один за другим забывают всю свою степенность и пускаются в пляс. Он осушил кувшин, поставил его на ближайший стол и шагнул к Сондевире… и тут его взгляд упал на стайку малышей, играющих на траве возле огорода. Им было по три-четыре года, и они, образовав круг, танцевали на свой манер — бесшумно, медлен-

нее, чем взрослые. Их подбородки уткнулись во вздернутые правые плечи, а правые руки тянулись вперед, плавно извиваясь и покачиваясь, как змеи.

В танце не было ничего человеческого, он вызывал омерзение и в точности совпадал с движениями Эннды Форатере, когда она описывала свои ночные ужасы.

Бартан отвернулся и нахмурил лоб. Неожиданно он почувствовал себя одиноким, и невинное веселье испарилось без следа.

Часть II
СТУДЕНАЯ АРЕНА
Глава 6

Приближаясь к парадному входу дворца, Джесалла Маракайн вела разговор только о домашних пустяках. Толлера это смущало и раздражало — уж лучше бы она вооружилась зловещим молчанием.

За двенадцать дней, что промелькнули после «визита» небесного корабля, он ни разу не был дома и потому обрадовался, когда Джесалла приехала сама, чтобы провести с ним ночь. Но напрасно он рассчитывал на привычные радости семейной жизни: супруга держалась с загадочной прохладцей, а когда узнала, что он добился разрешения улететь с первой небесной крепостью, стала язвительной.

Позже, в постели, она отвечала на его ласки с покорством статуи — наверно, резкий отпор не был бы для него столь мучителен. В конце концов он выбросил из головы мысли об интимной близости, но долго не мог сомкнуть глаз, лежа в полном изнеможении души и тела. А к

утру провалился в бездну, и было это не просто падение, а долгий, в целый день, полет из зоны невесомости…

— Тебя ждет Кассилл, — отрывисто произнес Толлер. — Хорошо, что домой ты поедешь не одна.

Джесалла кивнула.

— Не просто хорошо, а очень хорошо. А то тебе неровен час взбрело бы в голову и его забрать в небо.

— Что за глупости? Мальчик не увлекается полетами.

— Он и ружьями не увлекался, пока ты его не заставил мастерить эти проклятые мушкеты. Теперь я вижусь с ним едва ли чаще, чем с тобой.

— А, так ты из-за этого? — Толлер остановил ее в многолюдном коридоре с высоким потолком и дождался, когда группа чиновников отойдет на солидное расстояние. — Что же ты ночью не сказала?

— Разве это бы изменило твои планы?

— Нет.

Джесалла поморщилась.

— Тогда что толку было говорить?

— А что толку вообще приезжать во дворец? Чтобы причинить мне боль?

— Боль? Ты сказал — боль? — Джесалла недоверчиво рассмеялась. — До меня дошли слухи о твоей безумной выходке, о дуэли с этой бестией Каркарандом или как там его…

Толлер растерянно заморгал — он не ожидал, что жена сменит тему.

— У меня не было другого выхода…

— А теперь тебя за каким демоном тянет в небо? Знаешь, Толлер, каково женщине, чей муж скорее готов погибнуть, чем с нею жить?

Толлер искал подходящий ответ, делая вид, будто ему мешают говорить двое чиновников с конторскими книгами, подошедшие слишком близко. Чиновники с нескрываемым интересом глядели на них. Возникла одна из тех ситуаций, когда жене удавалось вызвать у Толлера почти сверхъестественный страх. На красивом бледном овале ее лица застыло хмурое выражение, в серых глазах светился ум, с которым Толлер вряд ли мог тягаться. Толлер не помнил случая, когда бы он ухитрился ее переспорить, особенно если речь шла о чем-нибудь важном.

— Понимаю, у меня пока мало доказательств, но времена наступают тяжелые, — медленно проговорил он. — Я делаю лишь то, что должен, и особой радости от этого не испытываю… — Видя,

что Джесалла недоверчиво качает головой, он не закончил фразу.

— Не лги мне, Толлер. И себе не лги. Ты же просто счастлив.

— Чепуха.

— Ответь мне на один-единственный вопрос. Ты часто вспоминаешь Леддравора?

Толлер снова был сбит с толку. Он вызвал в памяти, а затем изгнал из нее облик военного принца, с которым сошелся в смертельном поединке, когда их корабли совершили посадку на Верхнем Мире. Если бы не Леддравор, жизнь Толлера сложилась бы совершенно иначе.

— Леддравора? А почему я должен его вспоминать?

Джесалла улыбнулась той приторной улыбкой, которая часто предшествовала ее самым коварным и жестоким ударам.

— Потому что ты — из того же теста. — Она отвернулась и быстро зашагала по коридору, лавируя в толпе с грациозной легкостью, которой Толлер мог только завидовать.

«Никто не вправе говорить мне такие слова», — с тревогой подумал он, бросаясь вдогонку, но успел поравняться с женой лишь на переднем дворе, в ослепительном сиянии солнца. Кассилл

уже вывел синерогов из стойла.

Сын Маракайнов ростом пошел в отца, но материнские черты бросались в глаза. Он был долговяз и мускулист и мог, как довелось узнать Толлеру, без передышек и видимой усталости бежать по два-три часа. От матери ему достались изящно очерченный овал лица и задумчивые серые глаза под пышной черной шевелюрой.

— Добрый утренний день, мама, — сказал он, и тотчас все его внимание переключилось на Толлера. — Я привез образцы новых зарядных шариков. На испытаниях ни один ствол не подвел, все остались целы и невредимы, так что можем хоть сейчас делать надежные мушкеты. Хочешь посмотреть? Они в седельной сумке.

Толлер поймал холодный пристальный взгляд Джесаллы.

— После, сынок. Не сегодня. Поручаю это вам с Роблем. Подумайте насчет промышленного изготовления. А у меня сейчас другие дела.

— Ах, ну да! — Кассилл поднял брови и посмотрел на отца, не скрывая обожания. — Так это правда? Ты летишь на первой крепости?

— Приходится. — Толлер вздохнул — ему бы хотелось, чтобы сын отреагировал как-нибудь иначе. Но что поделаешь, если почти вся твоя

жизнь прошла в разъездах по поручениям короля, и мальчик вырос, можно сказать, без отца. Толлер часто корил себя за это, но корил молча. Сын видел в нем знаменитого искателя приключений и считал, что таким отцом можно только гордиться. Даже после того, как мальчик всерьез увлекся новой наукой, металлургией, между Толлером и Джесаллой не возникло соперничества за сыновнюю душу, но теперь взаимоотношения сторон в треугольнике изменились, и далеко не самым простым образом. И вдобавок именно тогда, когда Толлер был по горло в делах. Первые две небесные крепости построили в считанные дни; за такой срок невозможно предусмотреть весь риск намеченного старта, а тот уже заполнил все мысли Толлера, и оттого остальное казалось ему слегка нереальным. Душой он уже несся ввысь, в опасные синие просторы, и досадовал, когда дела земные прерывали его полет.

— Я еще сегодня успею поговорить с Роблем, — сказал Кассилл. — Тебя долго не будет?

— В первый раз — дней семь, наверно. Многое зависит от того, насколько гладко пройдут испытания.

— Желаю удачи, папа. — Кассилл пожал Толлеру руку, затем придержал на поводу синерога

матери. Она взлетела в седло, как заправская наездница, даже юбка на ней была с разрезом, чтобы не стеснять движений.

— А ты не хочешь пожелать мне удачи?

Джесалла смотрела на Толлера сверху, и гнев на ее лице уживался с печалью. В прическе точно кокарда поблескивала серебряная прядь.

— С какой стати? Разве ты не уверял, что полет будет совершенно безопасен?

— Да, но при чем тут это?

— До свидания, Толлер. — Джесалла развернула синерога и поехала к воротам. Кассилл недоуменно посмотрел ей вслед.

— Папа, что-нибудь не так?

— Ничего такого, чего мы не сможем исправить, сынок. Хорошенько заботься о матери.

Кассилл вскочил в седло и двинулся следом за Джесаллой. Толлер проводил их взглядом и, как слепой, побрел обратно во дворец, навстречу людскому потоку. Он не прошел и десятка ярдов, когда услышал за спиной торопливые женские шаги. Ему тут же взбрела в голову сущая нелепица: это Джесалла решила вернуться, чтобы помириться прямо сейчас. Он повернулся на каблуках, и радость мигом сменилась разочарованием: к нему спешила невысокая брюнетка лет

двадцати пяти, в шафрановом мундире небесного капитана, на плечах — синие полоски, эмблема наспех сформированной Небесной Службы. Лицо — приметное, с волевым подбородком, пухлыми тубами и густыми не по моде бровями, которые как будто собирались нахмуриться.

— Лорд Толлер, — выпалила она, — можно с вами поговорить? Я — небесный капитан Бериза Нэрриндер. Мне уже несколько дней не удается с вами встретиться.

— Простите, капитан, — сказал Толлер. — Вы выбрали самое неподходящее время.

— Милорд, это отнимет всего минуту. А дело весьма серьезное.

Толлер пристально взглянул на женщину, которую не смутил его отказ. Где-то в глубине сознания мелькнула мысль, что она довольно привлекательна, вот только мундир на ней выглядит дико. Тотчас он спохватился и рассердился на себя, а еще — на королеву Дасину, у которой вошло в привычку лезть в дела мужа. Это по ее настоянию в Небесную Службу стали зачислять женщин, а еще она убедила короля, чтобы добровольцев женского пола набирали в экипажи боевых небесных кораблей и крепостей.

— Хорошо, капитан. В чем суть этого весьма

серьезного дела?

— Мне сказали, что вы лично запретили участие женщин в первых двенадцати подъемах. Это правда?

— Да, правда. И что с того?

Брови небесного капитана свелись в непрерывную линию над суровыми зелеными глазами.

— Милорд, при всем моем уважении к вам я вынуждена напомнить о праве на протест, которое мне гарантировано служебным контрактом.

— В военное время контракты недействительны. — Толлер, не моргая, глядел на нее сверху вниз. — Ладно, оставим эту тему. По поводу чего вы хотите протестовать?

— Я добровольно вызвалась лететь и получила отказ. Всего лишь по той причине, что я — женщина.

— Ошибаетесь, капитан. Если бы вы, женщина, имели опыт пилотирования в зоне невесомости, владели бы инверсионным маневром, вас бы приняли или по крайней мере зачислили в резерв. Будь вы, женщина, хорошим стрелком или обладай вы физической силой, чтобы передвигать секции крепостей, вас бы приняли или зачислили в резерв. Причина отказа в вашем случае — недостаточная квалификация. А теперь

не лучше ли будет, если мы оба займемся выполнением служебных обязанностей?

Толлер резко повернулся и двинулся прочь, но тут неподдельное огорчение на лице Беризы проникло-таки в его душу. Сколько раз в молодости он вот так же злился и горевал, натыкаясь на бюрократические препоны? И все-таки женщина на переднем крае… Ему это совершенно не по нутру, но жизнь в браке с Джесаллой кое-чему его научила. Например, тому, что смелость — не исключительно мужское достоинство.

— Капитан, — произнес он, укорачивая шаг, — прежде чем мы простимся, ответьте, почему вам именно сейчас понадобилось в зону невесомости?

— Другой возможности уже не появится, милорд, а ведь у меня те же права, что и у любого мужчины.

— И давно вы водите небесные корабли?

— Три года, милорд. — Нэрриндер отвечала строго по уставной форме, но суровая нотка в голосе и сгустившийся румянец ясно говорили о том, что она злится. И Толлеру это нравилось. Он ощущал духовное родство с теми, кто не умел скрывать свои чувства.

— Мои указания насчет полетов для сборки

останутся неизменными. — Толлер решил показать ей, что с годами он не растерял гуманности и симпатии к честолюбию молодости. — Но когда поставим крепости, понадобится много рейсов для их снабжения, да и команды будут меняться на регулярной основе. Если вы ненадолго сумеете обуздать свое рвение, то вам представится возможность показать, чего вы стоите в срединной синеве.

— Милорд, вы очень добры. — Бериза поклонилась ниже, чем требовалось, и на ее лице показалась не то благодарная улыбка, не то усмешка.

«Неужели я изъясняюсь слишком высокопарно? — подумал он, глядя ей вслед. — Она что, смеется надо мной?»

Толлер с минуту размышлял над этим, а затем раздраженно щелкнул языком — что это он в самом деле, проблема-то пустяковая, разве мало у него настоящих забот?

Плацу за дворцом досталась роль летного поля — во-первых, он был укрыт со всех сторон, а во-вторых, это упрощало для короля Чаккела надзор за каждым нюансом сооружения небесных крепостей.

Они представляли собой деревянные ци-

линдры. Длина — двенадцать ярдов, диаметр поперечного сечения — четыре. Крепость взятого на вооружение образца состояла из трех секций — огромных барабанов; такие барабаны — части двух прототипов небесной цитадели — лежали на западном краю плаца, и гигантские шары, которым надлежало поднять секции в зону невесомости, уже принайтованные, ждали на спекшейся глине. Наземные бригады держали нижние отверстия шаров открытыми, и вентиляторы с ручным приводом нагнетали в них разогретый воздух. Такая технология, придуманная еще для Переселения, уменьшала риск повреждения льняного бодрюша газовыми горелками.

— И все-таки я считаю, что в небе тебе пока делать нечего, — сказал Завотл, когда они с Толлером пересекали плац. — Это форменное безумие. Одумайся! Даже сейчас еще не поздно назначить заместителя.

Толлер отрицательно качнул головой и положил руку ему на плечо.

— Спасибо, Илвен, приятно, когда о тебе заботятся. Но ты же понимаешь, тут я ничего не могу поделать. Матросы робеют, и от них вообще не будет толку, если они подумают, что мне тоже

страшно.

— А разве не страшно?

— Мы с тобой уже побывали в зоне невесомости и знаем, что там к чему.

— Обстоятельства тогда были другие, — мрачно произнес Завотл. — Особенно во второй раз.

Толлер успокаивающе похлопал его по плечу.

— Твоя техника не подведет. Ставлю на это свою жизнь.

— Избавь меня, пожалуйста, от таких шуток.

Завотл, не сбавляя шага, свернул к группе своих подчиненных — техников, томящихся в ожидании старта. Едва началась постройка крепостей, Завотл доказал, что ему поистине нет цены, в чем очень скоро убедился и Чаккел, назначив его главным инженером. Толлеру это было только на руку — он освободился от многих забот и добился участия в первом полете. Сам же Завотл день ото дня все больше мрачнел, считая, что из-за него старый друг подвергнется неведомым опасностям.

Толлер устремил взор в небо, на огромный диск Мира, крадущийся к зениту, и снова на задворках сознания шевельнулась мысль, что ведь там, между двумя мирами, можно и сгинуть без следа. Он прислушался к своим чувствам: настоящего

страха нет, зато налицо решимость избежать смерти и успешно выполнить задачу. Отчего же он не в силах позавидовать Толлеру Маракайну, творцу истории? Отчего гнетет душу мечта о судьбе простого обывателя, о спокойной жизни с Джесаллой? Неужели он и вправду фанатик войны, как давно почивший принц Леддравор? Не этим ли проще всего объяснить неуемное беспокойство, мучившее его последние годы?

Эти мысли только портили настроение, и Толлер выбросил их из головы. Весь день вокруг шести крепостных секций кипела работа: загружались и крепились припасы и снаряжение, устранялись последние неполадки в двигателях. Но сейчас люди уже разошлись, остались только бригады наземного обслуживания, и экипажи стояли возле своих необычных на вид кораблей. Заметив Толлера, некоторые из матросов и офицеров обменялись многозначительными взглядами — они знали, что в любую минуту могут получить сигнал к взлету, что им предстоит подъем на две с половиной тысячи миль. Среди них были взрослые мужчины, набравшиеся летного опыта еще во времена Переселения, что и послужило критерием отбора. Были и молодые парни с отличными физическими данными — их

явно тревожили раздумья о ближайшем будущем. Сочувствуя им, Толлер старался выглядеть весело и беспечно, приближаясь к шеренге размеренно покачивающихся шаров.

— Все параметры ветра — как по заказу, так что не буду вас задерживать, — сообщил он, перекрывая голосом щелканье и урчание вентиляторов. — Я хочу сказать только одно. Вы уже слышали это много раз, но хуже не будет, если я повторю, ибо это очень важно. Вы должны быть всегда привязанными к кораблю и носить парашюты. Вот самые важные правила. Не забывайте их, и тогда в небе будет не опаснее, чем на земле. А теперь давайте приступим к выполнению миссии, которую возложил на нас Его Величество.

Заключительная фраза подействовала не так вдохновляюще, как ему бы хотелось, но в контексте самой необыкновенной войны за всю историю человеческой расы традиционная речь колкорронского вельможи звучала бы неуместно. В былые времена война так или иначе затрагивала всех, хотя бы страхом за родных и близких, — но сейчас основное население Верхнего Мира не ощущало никакой угрозы. Нереальная война, соперничество двух правителей — и лишь несколько гладиаторов брошены на

арену. Точно кости жребия. Прыгающие кости. И все зависит от их мужества и выносливости да еще от живучести политической идеи. Как можно оправдывать и прославлять такое перед горсткой несчастных, которые нанимались на королевскую службу ради хорошего жалованья и спокойной жизни?

Толлер прошел к флагманскому кораблю и жестом велел пяти остальным пилотам следовать его примеру. Лететь он предпочел в средней секции крепости — по части воздухонепроницаемости она уступала двум торцевым, и ее экипаж нуждался в моральной поддержке. Чуть ниже верхнего края находилась временная палуба с наблюдательными постами и шкафами для различных припасов. В центре секции была установлена горелка времен Переселения, двадцать лет с лишним пролежавшая на складе. Ее главной деталью был цельный ствол браккового деревца; луковицеобразный комель служил резервуаром пикона, который под давлением воздуха поступал через клапан в камеру сгорания. На другом конце ствола аналогичный механизм регулировал подачу халвелла, и оба клапана перекрывались одним рычагом. Клапан для халвелла был чуть пошире — преобладание

этого вещества в камере сгорания увеличивало продолжительность газового выброса.

Так как секция «лежала на боку», палубы стояли вертикально, и Толлеру пришлось откинуться на спинку кресла, чтобы взяться за рычаги горелки. Меч, который он даже не подумал снять, мешал чрезвычайно. Толлер подкачал воздуха в резервуар, затем дал сигнал старшему механику, что готов зажигать. Обслуга вентилятора остановила и отодвинула в сторону свою громоздкую машину с широким раструбом, и Толлер повернул рычаг кристаллоподачи. Примерно секунду длились шипение и рев — это соединялись горючие кристаллы, и струя раскаленного маглайна била в отверстую пасть шара. Удовлетворенный работой горелки, Толлер дал еще несколько струй покороче, чтобы не повредить лакированную ткань; огромный пузырь стал раздуваться и вскоре оторвался от земли. Обслуга подняла его еще выше с помощью четырех ускорительных стоек — главной особенности небесного корабля; на судах для обычных атмосферных полетов такие детали отсутствовали. Наполненный на три четверти шар оседал между стойками; лакированный лен ритмично вздувался и подрагивал, точно легкое великана.

Пока шар медленно «вставал», его обслуга перебралась на палубу и закрепила тросы, что тянулись от макушки шара, на палубных кнехтах; другие матросы осторожно ставили секцию вертикально. Как только они это сделали, уже ничто не удерживало корабль, кроме нескольких мужчин, сжимавших в руках швартовы. Остальные воздухоплаватели взобрались по скобам на палубу и заняли свои места.

Толлер удовлетворенно кивнул, поглядев на шеренгу кораблей и увидев, что ни один экипаж не замешкался. Одновременный взлет группы кораблей противоречил уставу, но Завотл доказывал, что очень многое будет зависеть от подъема тесным строем по точно рассчитанному курсу. Это позволит людям быстрее освоить технику и вскрыть неизвестные пока проблемы. На пробные подъемы нет времени, и летчикам придется учиться новому ремеслу у самого сурового наставника, никогда не прощающего ошибок.

Убедившись, что остальные пять капитанов готовы к взлету, Толлер помахал им рукой и выпустил большую порцию маглайна. Корабль оторвался от земли; шар усиливал рев топки словно огромный рупор. Едва горелка умолкла, руководитель старта дал команду, и швартовы

упали на плац. Корабль пошел вверх, прямо в зенит, ибо стоял полный штиль и ничто не мешало ему двигаться точно вертикальным курсом. Толлер встал и посмотрел за борт на постепенно уменьшающийся плац. В одном из маленьких силуэтов он узнал Илвена Завотла и помахал ему. Завотл не ответил, но Толлер знал, что главный инженер видит его и страстно мечтает поменяться с ним местами.

— Сэр, прикажете закрепить стойки? — обратился к Толлеру такелажник Типп Готлон, долговязый и щербатый, совсем еще мальчишка, но один из немногочисленных добровольцев.

Толлер кивнул, и Готлон двинулся вдоль борта, чтобы притянуть за канаты к борту и закрепить свободные концы ускорительных стоек. Кривоногий механик Милльят Эсседелл, прослуживший на небесных кораблях несколько лет, судя по всему, знал свое дело. На этой стадии полета от него ничего не требовалось, но он, склонясь над своим сундуком, деловито сортировал и проверял инструменты. Команда средней секции состояла из трех человек; торцевую же обслуживали пять летчиков, так как она несла добавочный вес — оружие, которое могло понадобиться крепости для отражения вражеской атаки.

Убедившись, что на спутников можно положиться, Толлер сосредоточился на расчете нормы подачи горючего для подъема со скоростью примерно двадцать четыре мили в час. В конце концов он выбрал ритм, знакомый еще с первого межпланетного перелета: четыре секунды — подача, двадцать секунд — пауза. Следующие десять минут остальные пилоты приноравливались к тому, чтобы вести свои корабли точно вровень с флагманом. Зрелище было поистине впечатляющим: такие огромные корабли и так близко — в чистом сиянии солнца видна каждая деталь, тогда как планета, покинутая ими, тонет в сумрачной синей дали. Иной реальности, кроме этих кораблей, для Толлера не осталось. Глядя вниз, на штриховой набросок города Прада, он почти не чувствовал родства с его обитателями. Он вновь стал небожителем; и дела его, и помыслы уже не имели ничего общего с делами и помыслами прикованных к земле существ. Интересы государств и амбиции монархов казались сущей ерундой по сравнению с надежностью заклепки, или прочностью натянутого каната, или с задумчивым голосом шара — странными звуками, порой раздающимися без видимой причины.

Пока экипажи осваивались, корабли достиг-

ли высоты две мили; в этот момент Толлер дал сигнал рассеяться по вертикали. Маневр был выполнен быстро и четко; плотная стая растянулась в петлю, чтобы встретить наступление ночи с минимальным риском столкновений.

Еще до отлета Толлер довел себя до изнеможения. В иные ночи он спал не больше двух часов, и когда наконец настало время вынужденного безделья, организм потребовал возместить ущерб. Даже на вахте, управляя горелкой, Толлер то и дело погружался в дрему, хотя мозг рефлекторно держал ритм. В сонном оцепенении он провел и большинство периодов отдыха. Часто, пробудившись, он долго не мог сообразить, где находится, и в страхе и смятении глядел вверх, на спокойные изгибы шара. Бывало — особенно по ночам, когда вокруг буйствовали метеоритные сполохи, — сон не улетучивался до конца, и тогда Толлеру грезилось, будто в полете его окружают люди, которые давно умерли или стали для него чужими. Все они путешествовали в будущее, и всех — кого сильнее, кого слабее — мучила тревога и подбадривала надежда.

В это временное помутнение рассудка внесла свою лепту и меняющаяся продолжительность дня и ночи. Чем выше поднимались корабли,

тем короче становились ночи Верхнего Мира и длиннее — малые ночи. На полпути до планеты-сестры им предстояло сровняться, и Толлеру казалось, что мир сходит с ума, а физические законы рушатся. Судить о времени позволял только бортовой альтиметр, простейшее устройство: вертикальная шкала с грузиком, подвешенным к ее верхнему концу на тонкой пружинке. В момент старта груз доходил до самой нижней риски, а по мере того как слабело притяжение Верхнего Мира, гирька ползла вверх. Полная аналогия полета: крошечный кораблик, плывущий в миниатюрный космос.

Впрочем, было еще одно надежное мерило высоты: свирепеющий холод. Когда Толлер впервые поднялся в небо, команда его корабля удивилась и испугалась, столкнувшись с этим явлением, но теперь в распоряжении воздухоплавателей были теплые, похожие на коконы костюмы на толстой ватной подбивке. Сидя возле горелки, можно было даже сомлеть — во всяком случае, Толлера почти не покидала сонливость, и он мог часами глядеть в сумеречную синеву, где яростно полыхали звезды и переплетались друг с другом туманности, где блуждали ведьмины огни комет и маячил вдали зеленый фонарик

Дальнего Мира.

В первую очередь экспедиции было необходимо определить точное местонахождение центра зоны невесомости. Толлер знал, что такой зоны на самом деле не существует, это чисто математическое понятие, плоскость нулевой гравитации, и если поместить крепость хоть на десяток ярдов выше или ниже, она непременно начнет падать к планете. Но была надежда, что практика окажется милостивее теории и допустит отклонения, пусть даже ничтожные, от расчетной величины. Этим-то и занялся Толлер прежде всего. Взялся доказать, что такое предположение справедливо.

Несколькими днями раньше все шесть кораблей переключились на реактивную тягу — горячий воздух уже не действовал. А теперь двигатели и вовсе молчали, так как корабли зависли на нейтральной полосе гравитационных полей. Толлеру казалось сверхъестественным, что матросам из разных экипажей удается общаться криком; хотя окружающее беспределье мигом поглощало голоса, они разносились на сотни ярдов.

Не один час он провозился с изобретением Завотла для отслеживания вертикального дрейфа корабля. Прибор этот представлял собой

небольшой резервуар для смеси химикалий и жира, дающих при горении густой дым, нечто вроде кузнечных мехов и длинной трубки, которая выступала за борт и выстреливала дымовые шарики. В неподвижном воздухе они удивительно долго сохраняли свою форму и плотность. Завотл полагал, что дымовые шарики, будучи не тяжелее воздуха, послужат неподвижными вехами. По всей видимости, идея оказалась стоящей. Запретив Эсседеллу и Готлону ходить, чтобы не накренять палубу, Толлер смотрел над планширом на черные клубки, пока не убедился, что корабль относительно них неподвижен.

— Я бы сказал, что мы держимся, — прокричал он Даасу, пилоту второй средней секции, проводившему точно такие же наблюдения. — А ты как считаешь?

— Согласен с вами, сэр. — В подкрепление своих слов Даас — крошечный бесформенный силуэт у фальшборта — помахал рукой.

Утренний день только что наступил, и солнце висело под шестым летательным аппаратом, у самого восточного края Верхнего Мира. Восходящие лучи озарили днища крепостных секций; на нижние половины шаров легли тени, от чего вся картина выглядела неестественно, словно

театральная декорация. Любуясь ею, Толлер вдруг понял, что взволнован. Он чувствовал себя прекрасно отдохнувшим, окрепшим — кратковременная «спячка» явно пошла на пользу. Он был готов к бою на непривычной арене, и в душе его поселилось новое чувство — такое яркое, что Толлер даже замер, сосредоточившись на нем.

Казалось, в нем возникло какое-то ядро легкости, не имеющей ничего общего с нулевой гравитацией, — и от этого ядра исходят разноцветные лучи. Метафору эту — чересчур простую, но единственно доступную Толлеру, — оттеняли радость, бодрость, предчувствие удачи и ощущение своего могущества; их пламя горело в каждой частичке его души, в каждой клетке тела. И было во всем этом что-то странно знакомое… Что? Лишь через несколько секунд Толлер понял: он чувствует себя молодым. Не больше и не меньше!

Сознание отреагировало почти тотчас же.

«Наверно, многим показалось бы странным, что в такие минуты человек способен испытывать счастье. — Руки Толлера, сжимавшие планшир, чуть расслабились, он позволил ногам оторваться от палубы и поплыл вверх, а из-под корабля навстречу ему двинулся сонный диск Верхнего

Мира в полукольце солнечного огня. — Вот почему Джесалла сравнила меня с Леддравором. От нее не укрылось, что моя жизнь вновь обрела смысл, когда меня призвали защищать народ. Но она не способна разделить мое счастье и оттого завидует. Конечно, она тревожится за меня, но не в ее привычках произносить вслух слова, которых она после будет стыдиться в тишине опочивальни».

— Сэр, я готов. — Голос Готлона вернул Толлера в обыденный мир. Толлер опустил ноги на палубу, повернулся и увидел, что молодой такелажник, не дожидаясь приказа, надел индивидуальный воздухоструй. Толстые слои ткани и ваты, меховые рукавицы и сапоги изменили долговязую фигуру Готлона почти до неузнаваемости, а нижнюю половину его лица скрывало кашне; через вязаную шерсть просачивались струйки выдыхаемого пара. Заплечный ранец с парашютом и воздухоструй на груди тоже не придавали изящества облику Готлона.

— Сэр, можно начинать? — Готлон теребил на поясе карабин; от него к планширу тянулся страховочный трос. — Я уже собрался.

— Вижу, что собрался, но не спеши геройствовать, — сказал Толлер. — Публика еще не

собралась.

Помимо честолюбия, Готлон отличался редким равнодушием к высоте — черта прирожденного воздухоплавателя, — и для Толлера было настоящей удачей найти его в короткие сроки подготовки к полету. Шесть крепостных секций достаточно долго парили, точно птерта, в небесах, чтобы их экипажи смогли пообвыкнуть, но впереди еще стоял огромный психологический барьер. Люди не смогут приступить к сборке крепостей, пока им не продемонстрируют, что корабль можно покинуть без страховочного каната и благополучно вернуться на борт с помощью воздухоструя. Толлер, к стыду своему, обрадовался, что не ему придется испытывать это наспех сконструированное устройство. Он однажды наяву (и с тех пор много раз в кошмарных снах) видел, как начинается падение человека с высоты двух с половиной тысяч миль, из срединной синевы. Вначале он движется почти незаметно, однако постепенно гравитационная хватка планеты крепнет, и человечек все уменьшается, уменьшается… чтобы через сутки с лишним разбиться в лепешку.

В разреженном воздухе легкие работали с натугой, и в груди кололо стужей, когда Толлер

выкрикивал необходимые приказы пяти пилотам. Остальные члены экипажей замерли у лееров, не сводя глаз с Готлона. Он помахал им рукой, как мальчишка — друзьям по детской площадке, мол, смотрите, какой я молодец, сейчас такое покажу! Толлер не стал его осаживать, — пускай порисуется, может, поднимет у других боевой дух. Его взор скользнул по команде ближайшей торцевой секции и не без труда (из-за бесформенного воздухоплавательного костюма) выделил из пяти человек Гнэпперла — сержанта, переусердствовавшего с наказанием Оуслита Спеннеля. Когда Толлер зачислил его в состав первого эшелона, Гнэпперл, разжалованный до простого небесного матроса, даже не пытался протестовать и стоически выдержал несколько дней обучения. Толлер был не из тех, кто способен хладнокровно копать недругу могилу, но Гнэпперл этого знать не мог и исполнился самых черных предчувствий. В таком расположении духа Толлер готов был его держать хоть до скончания века.

— Ладно, — сказал он Готлону, когда решил, что настал подходящий момент. — Поди прогуляйся, только вернуться не забудь.

— Спасибо, сэр. — Толлер мог бы поклясться,

что это прозвучало с искренней радостью и благодарностью. Готлон отстегнул трос, схватился обеими руками за планшир, перевел тело в горизонтальное положение, кувырком нырнул за борт и чересчур сильно, по мнению Толлера, оттолкнулся ногами от секции. Между ним и кораблем разверзлась ярко-синяя бездна, и Толлер отчетливо услышал, как на другом корабле кого-то стошнило.

Готлон уплывал прочь, к звездам, покачиваясь в солнечном свете, словно в люльке. Мало-помалу сопротивление воздуха потушило первоначальный импульс, и он остановился в вертикальном положении. Внезапно он стал извиваться точно угорь и быстро задвигал правой рукой. Накачивает воздухоструй, сообразил Толлер. Через несколько секунд зашипело сопло, и поначалу казалось, что ничего не происходит, но через некоторое время дистанция между Готлоном и кораблем заметно сократилась. Двигался он не совсем прямо и несколько раз был вынужден оглядываться через плечо и поправлять сопло, но вскоре оказался возле секции и ухватился за протянутый Эсседеллом багор. Уперевшись ногами в леер, Эсседелл потянул багор на себя, и Готлон взмыл над палубой, как воздушный шар

в виде человеческой фигуры.

— Отличная работа, Готлон. — Как ни в чем не бывало Толлер протянул руку навстречу невесомой фигуре и с удивлением ощутил болезненный толчок. Его развернуло кругом, и прошло несколько секунд, прежде чем они с Готлоном смогли окончательно остановиться, схватившись за фальшборт. Поразмыслить над этой загадкой Толлер не успел, ее вымело из головы взрывом ликующих голосов на других кораблях.

Толлер и сам не мог скрыть — даже от себя — облегчения и радости. Ведь одно дело — сидеть в уютной палате дворца и выслушивать идеи всяких умников насчет небесной механики, и совсем другое — расстаться с кораблем и пройти меж двух бездн, точно по канату меж двумя мирами, доверив свою жизнь каким-то убогим кузнечным мехам. Но ведь получилось! То, что до сего дня казалось чудом, стало одним из ремесел воздухоплавателя. А еще — и это было важно — удача сняла камень с души Толлера, и он уже не думал о суровом испытании, которое предстояло ему в конце экспедиции.

Он дал сигнал всем отрабатывать свободный полет. Времени, чтобы приспособиться к совершенно неестественным условиям службы, им

дали до смешного мало, поскольку король Чаккел, состязаясь по части идей с Завотлом, рассудил, что время — главный фактор в приготовлениях к войне с Миром. Крошечный Чрезвычайный Кабинет исходил из самого неблагоприятного прогноза: через десять дней разведывательный корабль вернется на Мир, за двое суток Рассамарден переварит новости, а затем, если допустить, что его флот частично построен и только ждет приказа, еще через пять дней вражеский авангард достигнет зоны невесомости.

Семнадцать дней.

Чаккел распорядился, чтобы к концу этого срока как минимум шесть крепостей были готовы к бою. Толлера это потрясло: сама стратегия новой войны выглядела, мягко говоря, дерзкой, но спроектировать, построить и оснастить шесть небесных крепостей за какие-то семнадцать дней — это же верх абсурда! Но он забыл об уникальном честолюбии Чаккела, которое вкупе с организаторским талантом возвело его на трон, — благодаря ему Чаккел некогда собрал армаду в тысячу небесных кораблей. Не следовало упускать из виду и безжалостную решимость короля — он мог сокрушить любое препятствие и, если надо, перешагнуть через любой труп. В

мирные годы Чаккел показал себя умелым правителем, но его родной стихией все-таки оставались всякие передряги. Крепости были построены в срок, и теперь предстояло только выяснить, способны ли люди из плоти и крови выдерживать те же лютые нагрузки, что и неживая материя.

Когда настал черед Толлера, он каждой клеточкой мозга сознавал, что за ним наблюдают. Он изо всех сил постарался сохранить вертикальное положение, то есть параллельное оси шара и его цилиндрического груза, и вроде бы преуспел, но вдруг заметил, что огромный диск в синих и белых разводах — Мир, который с самого старта прятался за шаром, — вовсю двигается. Мир плыл вниз и вскоре исчез под ногами Толлера, и тотчас Верхний Мир, как две капли воды похожий на него, величаво низринулся в бездну. Но Толлеру вовсе не казалось, что он кувыркается; наоборот, он был единственным неподвижным небесным телом в вертящейся вселенной, а планеты-сестры и строй небесных кораблей то быстрее, то медленнее гнались друг за другом, и Толлер несказанно обрадовался, когда они наконец образумились и остановились. Приободрило его и открытие, что висеть в синей пустоте не так уж и плохо. Если забыть ощущение падения, донимавшее всякого,

кто забирался в зону невесомости, можно вполне спокойно работать.

— Если кого-то веселит моя акробатика, — крикнул он безмолвным зрителям, — советую отсмеяться побыстрее. Еще несколько минут, и начнем серьезное дело. И тогда, могу вас уверить, будет мало поводов скалить зубы.

Люди ответили одобрительным смехом и зашевелились. То один, то другой, обезображенные костюмами воздухоплавателей, совершали вылазку в пустоту. Толлер был среди них, успевал следить за их телодвижениями, по большей части неловкими, и вскоре пришел к выводу, что лучше всех, лучше даже его самого, в свободном полете держится молодой Готлон. Однако Толлер упорно осваивал воздухоструй и в конце концов научился двигаться в любом направлении. Наука эта, несомненно, далась бы ему легче, будь сопло у него за спиной, но из-за нехватки времени мастерские воздушной службы изготовили воздухоструй самой простой конструкции.

Едва Толлер мало-мальски приноровился к индивидуальному летательному аппарату, он созвал остальных пилотов, чтобы в последний раз обсудить предстоящую сборку крепостей.

Из всех совещаний, выпавших на его долю,

это, пожалуй, было самым необычным. В нем участвовали шестеро мужчин средних лет, все — ветераны Переселения. Образовав круг, они повисли на звездном фоне, ежесекундно пронзаемом огненными стрелами метеоритов. Трех пилотов — Дааса, Хишкелла и Юмола — Толлер знал еще по службе в Экспериментальной Эскадрилье Небесных Кораблей и целиком полагался на их рекомендации, когда брал в отряд двух других, Фамаржа и Бринча.

— Прежде всего, господа, — сказал он, — что мы узнали нового, то есть способного повлиять на график сборки крепостей?

— Только то, что нам надо закончить как можно раньше, Толлер, — ответил Юмол, не пренебрегая дозволенной фамильярностью. — Клянусь, нынче в этой треклятой зоне холоднее, чем в последний раз, когда я тут порхал. Ты глянь. — Он опустил шарф, чтобы показать основательно посиневший нос.

— Да брось, старик, тут всегда так, — сказал ему Даас. — Просто у тебя в яичках огонек притух, вот и все дела.

— Я вижу, что зря сказал «господа», — произнес Толлер, прежде чем Юмол придумал достойный ответ. — Детки, нам работать надо, и я больше

всех хочу закончить побыстрее, а потому хватит валять дурака, давайте лучше подумаем, что и как надо делать. — Он говорил мягко, видя по глазам, не скрытым под шарфами, что пилоты довольны испытаниями воздухоструев и у них значительно прибавилось уверенности в себе.

Прежде всего предстояло развернуть каждый из шести кораблей на девяносто градусов, в исходное положение для сборки, так чтобы горизонтальные иллюминаторы будущей крепости смотрели на обе планеты. Для этого требовалось открепить ложные палубы и вместе с шарами, подавая газ малыми порциями, отвести их на небольшое расстояние от секций. После того как секции будут освобождены, их соединят канатами, притянут друг к другу и смонтируют два цилиндра, закрытых с обеих сторон.

Затем их обслуга разобьется на две команды. Те, кому предстоит нести первую вахту, займут свои посты и приготовятся к долгому пребыванию в зоне невесомости. Тем временем шесть пар — пилоты с такелажниками — поведут драгоценные шары к Верхнему Миру за следующей партией груза. Первый этап спуска казался несложным и не вызывал у опытных пилотов дурных предчувствий. Предстояло, как обычно, еще раз

перевернуть корабли — уже облегченные — на девяносто градусов и толчками газа вогнать их в гравитационное поле Верхнего Мира. Понятно, никакому капитану не нравится вести корабль «вниз головой», но ведь это продлится считанные часы, пока летательный аппарат не наберет достаточно тяжести для устойчивого равновесия, столь желанного сердцу воздухоплавателя. И тогда — последний разворот, и Верхний Мир займет положенное место под ногами экипажа.

Пока все шло по колее, знакомой любому пилоту, который участвовал в Переселении и дожил до этих дней. Каждую из операций, требуемых на этой стадии, он бы выполнил за считанные минуты. Но критическая ситуация не позволяла ходить с козырей. Толлер хорошо помнил все, что говорилось в его первую встречу с Чаккелом и Завотлом. А еще — те слова, которые нашептал ему внутренний голос. Что он и небо еще не познали друг друга в полной мере…

— По мне, так хуже всего спуск, — говорил Толлер. — И не только из-за зверского холода. Ты сидишь на открытой платформе, а под тобой — тысячи миль пустоты. Только вообрази! Споткнешься о канат — и вниз. Обычные гондолы — тоже, конечно, не подарок, но у них — борта,

хоть какая-то иллюзия безопасности. Нет, Илвен, не нравится мне это… — Он умолк, с удивлением заметив, что Завотл согласно кивает.

— Ты абсолютно прав, и я бы еще добавил, что пять дней на возвращение — слишком большая роскошь, — произнес Завотл. — Ты, да и остальные пилоты, понадобитесь на Верхнем Мире гораздо раньше. Я уже не говорю о шарах и двигателях.

— Ну и?..

Завотл безмятежно улыбнулся.

— Надеюсь, тебе знакомо слово «парашют».

— Еще бы, — обеспокоился Толлер. — Воздушная Служба ими уже лет десять пользуется, а то и больше. К чему ты клонишь?

— Пусть люди возвращаются на парашютах.

— Гениально. — Толлер хлопнул себя по лбу — на тот случай, если сарказм остался незамеченным. — Но просвети меня, невежду, разве парашютист не будет спускаться примерно с той же скоростью, что и небесный корабль?

Улыбка Завотла стала прямо-таки блаженной.

— Будет, но только при раскрытом парашюте.

— Только при… — Глядя под ноги, Толлер обошел тесный кабинет и снова уселся в кресло. — Ты имеешь в виду, что пилот выиграет время, если

пролетит изрядное расстояние, не раскрывая парашюта. А на какой высоте надо раскрыть?

— Ну… как насчет тысячи футов?

— Нет! — выкрикнул Толлер не рассуждая, а лишь подчиняясь инстинктивному страху. — Ты не посмеешь!

— Почему?

Толлер угрюмо поглядел в лицо собеседника и увидел на нем знакомое выражение.

— Илвен, ты помнишь наш первый полет? Помнишь, как мы все стояли у борта и смотрели, как гибнет Фленн? Он падал дольше суток.

— У него не было парашюта.

— Но он падал дольше суток, — с мольбой повторил Толлер, страшась того, что годы сделали с Завотлом. — Это слишком долго.

— Маракайн, да что с тобой? — вмешался в разговор король, на чьем широком коричневом лице проглядывало раздражение. — Что день падать, что минуту — итог один. Есть парашют — ты живой, нет парашюта — мертвец.

— Ваше Величество, а вам бы не хотелось самому пережить такое падение?

Чаккел посмотрел на Толлера с откровенным недоумением.

— Куда девался почтительный тон?

Завотл опередил Толлера с ответом:

— Ваше Величество, лорду Толлеру, бесспорно, есть из-за чего беспокоиться. Мы совершенно не представляем, как может падение отразиться на человеке. Нельзя исключить, что он замерзнет насмерть… или задохнется… Возможны и другие неприятные явления. Мало проку в пилоте, который здоров телом, но хвор рассудком. — Завотл на несколько секунд умолк, и его карандаш забегал по бумаге, выводя непонятный рисунок. — Раз уж только я отстаиваю этот способ, полагаю, мне и надлежит его испытать.

«Ах ты, хитрюга, провел-таки меня, — подумал Толлер, вновь проникаясь признательностью и уважением к старому другу. — Уж я-то позабочусь, чтобы ты остался на своем месте. Тут, на планете».

Было трудно отличить тех, кто сам вызвался на это задание, от тех, кого просто поставили перед фактом. И те, и другие очень хорошо понимали, что противиться королевскому приказу на войне равносильно гибели, и кое-кто из добровольцев попросту выдавал нужду за добродетель. Как бы то ни было, все воспряли духом, узнав, что могут, ничем не рискуя, летать без кораблей. «Живы будем — не помрем», — все чаще слышал от них

Толлер, и самым ярким проявлением всеобщего оптимизма служил оживленный гомон, когда команда, хорошенько освоив новые навыки, бралась за очередную задачу.

Но на этот раз, заметил Толлер, они вновь погрузились в молчание.

От крепостных секций отделились последние оболочки и, отягощенные только круглыми ложными палубами и двигательными узлами, отошли на небольшое расстояние. И хотя эти наполненные газом пузыри казались нереальными, они господствовали над всем небесным окружением. Для снующих в воздухе людей они были дружелюбными великанами, способными благополучно переносить их с планеты на планету, — и вот эти великаны бросили своих подопечных на произвол судьбы во враждебной синей пустоте.

Даже Толлер, командированный сюда на время монтажа крепостей, ощутил в кишечнике хрусткий ледок, когда заметил, как малы ничем не поддерживаемые секции в туманной бесконечности, со всех сторон обступившей эту точку пространства. Казалось, для человека не может быть ничего страшнее долгого падения к поверхности планеты, но сейчас Толлер был, пожалуй, в

гораздо более выгодном положении, чем те, кому предстояло остаться в зоне невесомости.

Мысль эта встряхнула его, и он почувствовал себя обманутым. Разве он хотел такой привилегии?

«Да что это со мной?» — подумал Толлер, начиная волноваться. Он редко анализировал свои чувства, считая это пустой тратой времени, но с некоторых пор его эмоциональная реакция на события стала такой противоречивой, что просто вынуждала заглядывать в собственное сознание. К примеру, он жалел экипажи крепостей, а в следующее мгновение почти завидовал им. Лучше любого другого он знал истинную цену боевой славе и потому не мог утешиться видом очередного выводка патриотов, национальных героев, защитников хрупких деревянных форпостов в безжизненном небесном чертоге.

«Что со мной творится? — снова произнес он про себя. — Мне чего-то не хватает, но ведь раньше этого не было. Если я не безумец, то почему лезу напролом там, где отступил бы любой здравомыслящий человек?»

Толлер спохватился: довольно самокопания, нельзя забывать о служебном долге. Он привел в действие воздухоструй и подлетел к ближайшей

крепости. Ее средняя и концевая секция были уже благополучно отделены от шаров и состыкованы, осталось лишь присоединить третью часть. Она находилась на достаточном расстоянии от двух своих спутниц, чтобы люди, держащиеся за буксирные тросы, могли действовать слаженно и споро. Четверо, цепляясь за борт средней секции, работали свободными руками в едином ритме, и концевая секция двигалась поначалу неуклюже, но затем набрала скорость. Толлер следил, как она приближается к месту стыковки. Он знал, что секция ничего не весит, а следовательно, не причинит вреда, если столкнется с другими, однако не любил, когда в конструкторском деле злоупотребляли силой. Возможно, секция отскочит, и ее снова придется подтягивать.

— Стоп! — крикнул он буксировщикам. — Слишком быстро. Приготовьтесь затормозить ее.

Взмахами рук люди сообщили, что приказ ясен, и приготовились встретить надвигающийся цилиндр. Фамарж, отвечавший за сборку крепости, дал сигнал двум матросам, которые удерживали среднюю секцию за короткие канаты, чтобы те помогли товарищам. Один из них добрался до обтянутой кожей стенки цилиндра и сжал ее ногами с двух сторон.

Концевая секция неслась на поджидающего человека и, почти не теряя скорости, легко сминала натянутые канаты, которые попадались ей на пути. «Странно, — мелькнуло в голове у Толлера. — Она же невесома, как перо». И тут им овладела тревога: он вспомнил, что совсем недавно видел подобную аномалию. Готлон, хоть и ничего не весил, в конце своего первого свободного полета нанес ему довольно сильный удар, как если бы…

— Уходи с борта! — проревел Толлер. — Быстрее! Человек в уродливом костюме повернулся к нему — и только. В леденящее мгновение Толлер узнал грубые черты Гнэпперла, а затем концевая секция обрушилась на крепость. Гнэпперл завопил, когда у него сломалась тазовая кость. Крепость вздыбилась, стряхнув с себя людей, а концевая секция, расточая кинетическую энергию, частично вошла в главное сооружение. Края цилиндров, точно лезвия мечей, рассекли тело Гнэпперла, и вопли оборвались. Потом секции разошлись и остановились.

Толлер машинально врубил воздухоструй, но помочь ничем не смог, а лишь дальше отлетел от места трагедии. Он развернулся и, подкачав в аппарат воздух, направился обратно в суматош-

ную человеческую стаю. Мягко столкнувшись со средней секцией, он ухватился за канат, чтобы остановиться и взглянуть на пострадавшего. Гнэпперл уплывал в пространство, разметав руки и ноги; в его небесном костюме виднелась длинная прорезь, из нее торчала пропитанная кровью подбивка, от чего дыра походила на страшную рану, а вокруг роились, мерцая на солнце, ярко-красные шарики. Не могло быть сомнений, что Гнэпперл мертв.

— Почему этот болван не убрался с дороги, когда ты ему крикнул? — удивленно спросил Юмол, подбираясь по канату к Толлеру.

— Кто его знает. — Толлер подумал о загадочном параличе, сковавшем Гнэпперла за миг до смерти. Может, он реагировал бы быстрее, предупреди его кто-нибудь другой? Должно быть, не поверил. Как бы то ни было, его гибель — на совести Толлера.

— Все равно он был тупоголовым скотом, — рассудительно произнес Юмол. — Сам виноват, что загнулся. Уж лучше он, чем кто-нибудь из нас. Хоть чему-то полезному научил.

— Чему?

— Что здесь можно точно так же раздавить человека, как и на земле. Стало быть, если вещь

не имеет веса, это еще ни о чем не говорит. Как ты это объяснишь, а, Толлер?

Усилием воли Толлер вернулся из области этики в область физики.

— Может быть, полная невесомость как-то повлияла на наши тела. В любом случае впредь надо быть осторожнее.

— Да, а пока у нас — труп, и надо от него избавиться. Надеюсь, мы его просто бросим.

— Нет. — Толлер не раздумывал ни секунды. — Заберем с собой на Верхний Мир.

Всю ночь шесть кораблей летели вниз на реактивной тяге, и с каждым часом Верхний Мир все сильнее тянул их к себе за гравитационные паутинки. Но все-таки это было только начало спуска; едва возвратился свет дня и Верхний Мир, участвуя в парном танце, целиком спрятался в тени, двигатели умолкли, и сопротивление воздуха остановило корабли. Требовалось их развернуть, и тут на помощь воздухоплавателям пришли крошечные горизонтальные сопла. Все происходило с величавой неторопливостью; по воле шести обыкновенных людей вселенная со всеми своими звездами совершила сальто-мортале, и солнце послушно утонуло под ногами. Маневр был выполнен безукоризненно, и наступило

время для того, что никогда прежде не делалось.

Толлер сидел в пилотском кресле, затянутый в ремни безопасности. Рядом, по ту сторону двигательного узла, находился Типп Готлон. Ложная палуба, служившая им опорой, представляла собой круглую деревянную платформу — всего четыре шага в диаметре, — и за ее неогражденной кромкой владычествовала пустота. Оступишься — и будешь падать две с лишним тысячи миль, пока не превратишься в мокрое пятнышко на поверхности планеты.

Остальные пять кораблей висели в воздухе на фоне сложного голубовато-серебристого узора небес. На каждом летели по два человека; они скрывались в цилиндрических тенях палуб, и только сияющие спирали туманностей и брызги метеоритов высвечивали их силуэты. Огромные шары под ними, залитые солнечным светом, казались твердыми, как планеты; формой они походили на жемчужины, а канаты и швы на них напоминали меридианы и параллели.

Но Толлера меньше волновали поразительные картины окружающего мира, чем требования его личного микрокосма. Всю палубу загромождали припасы и оборудование — от трубопроводов горизонтальных дюз до сундуков с энергокристал-

лами, контейнеров с пищей и водой и мешков для падения. Камышовые перегородки высотой по пояс отделяли примитивный гальюн и тесный камбуз, откуда торчали ноги Гнэпперла, привязанного к палубе, чтобы не пугал остальных стремлением взмыть и повитать в невесомости.

— Ну что ж, юный Готлон, пора расставаться, — сказал Толлер. — Как ты себя чувствуешь?

— Как вы, сэр, так и я. — Готлон блеснул щербатым оскалом. — Сэр, вы ведь знаете: я мечтаю стать пилотом и почту за великую честь, если вы разрешите дернуть за вытяжной трос.

— Честь? Скажи-ка, Готлон, для тебя это все — развлечение?

— Еще бы, сэр. — Готлон умолк — над кораблем промчался необычайно большой метеорит, и его преследовали громовые раскаты. — Хотя слово «развлечение» тут, пожалуй, не годится. Просто у меня душа ни к чему другому не лежит.

«Прекрасный ответ», — подумал Толлер, давая себе слово позаботиться о карьере юноши.

— Хорошо, как будешь готов, дергай.

Ни секунды не медля, Готлон наклонился, стиснул красный трос, что тянулся изнутри шара к палубе, и рванул на себя. Трос обвис в его руке. С устойчивостью и движением корабля не про-

изошло заметных изменений, но высоко над головой, в зыбком колоколе, случилось необратимое. Из макушки шара вырвался большой лоскут ткани, и в тот же миг корабль оказался во власти тяготения Верхнего Мира. Теперь кораблю и его экипажу оставалось только падать — больше от них не зависело ничего. И все же Толлер испытывал непонятный страх перед следующим — неизбежным — шагом.

— Не вижу смысла тут куковать. — Толлер оставил попытки уследить за своими чувствами. Он уже засунул ноги в мешок для падения — подбитый шерстью и достаточно просторный, чтобы можно было забраться в него с головой, — расстегнул страховочные ремни, поднялся с кресла и лишь сейчас заметил свой меч, пристегнутый к ближайшей стойке. У него мелькнула мысль оставить тут эту неуместную и даже нелепую вещь — не брать же ее с собой в тесноту мешка, — но он сразу же передумал. Оставлять меч на палубе безлюдного корабля — все равно что бросать на произвол судьбы старого друга. Он прицепил оружие к поясу и поднял глаза в тот самый момент, когда Готлон — по-прежнему улыбающийся! — спиной вперед упал с края палубы и, оттолкнувшись ногами, уплыл в стерильную

синь; лучи солнца неровно высветили снизу его кокономодобный силуэт. Ярдов тридцать он пролетел, не стараясь изменить свое положение в пространстве, и казался бы неживым, если бы не частые струйки пара от его дыхания.

Толлер посмотрел на остальные корабли. Другие воздухоплаватели по примеру Готлона ныряли в разреженный воздух. Они договорились заранее: одновременно прыгать ни к чему, каждый покинет палубу, когда решит, что готов. Внезапно Толлер испугался, что будет последним, и это не пройдет незамеченным. Вот тут-то он и решился на совершенно неестественный для человека поступок. Он натянул до груди мешок для падения, лягнул обеими ногами палубу и ринулся вниз лицом.

В поле зрения скользнул Верхний Мир, и они с Толлером оказались лицом к лицу, как влюбленные. Планета звала его из тысячемильной дали. На горбе, который еще оставался во власти ночи, не было видно почти ничего, но полумесяц экваториального континента плескался в солнечных лучах, позволяя разглядеть, как вращается бледно-зеленый и охряный мир под слоем белой пудры, а поверхность великих океанов изгибается к таинственным водяным полюсам.

Несколько минут Толлер с замиранием сердца глядел на обращенное к нему полушарие, а затем, слегка подавленный этим зрелищем, свернулся калачиком и запахнул мешок над головой.

«Надо же, я уснул!

Кто бы мог подумать, что человек способен спать во время головокружительного падения из срединной синевы на планету? Но тут темно и тепло, и время движется медленно. Скорость постепенно увеличивается, воздух густеет, и меня все ощутимее вращает и покачивает. И еще нагоняет дремоту шелест воздуха, рассекаемого мешком. Уснуть легко. Пожалуй, даже слишком легко. В голову закрадывается мысль, что кое-кто может вообще не проснуться. Не успеет выбраться из мешка и раскрыть парашют. Но это, конечно, глупо. Только человек с душой отъявленного самоубийцы способен пропустить такой момент.

Время от времени я высовывался из мешка, чтобы посмотреть, как дела у моих спутников. Но обнаружить их было уже невозможно. Они либо летели выше, либо — ниже. Прыгали мы не одновременно и за прошедшие часы растянулись в длинную вертикальную цепь. Следует обратить внимание, что все мы падаем быстрее, чем кораб-

ли, — а ведь никто этого не предугадал. Ложные палубы, через которые проходили оси симметрии кораблей, стремились удержать горизонтальное положение, а спущенные шары образовали подобие хвостов; таким образом, корабли встречали немалое сопротивление воздуха.

Когда они остались позади, я заметил, что палубы покачиваются в воздушных потоках. В последний раз, когда я сумел их разглядеть, они напоминали редко мигающие звезды. Надо рассказать об этом Завотлу — может, он решит переделать оснастку, чтобы палубы летели ребром вниз. Конечно, удар о землю будет сильнее, но двигательные узлы сверхпрочны.

Иногда я вспоминал людей, которых мы оставили в зоне невесомости, и чувствовал легкую зависть. Ведь им в отличие от меня есть чем заняться. На них лежит бремя первоочередных задач. Необходимо загерметизировать крепости. Необходимо ежечасно сжигать дымовую шашку — отмечать дрейф. Необходимо устанавливать мехи для повышения воздушного давления на борту… готовить первый завтрак… проверять двигатели и вооружение… продумывать вахтенное расписание…

Меня покачивает, и воздушные струи настой-

чиво шепчут о чем-то.

Уснуть? Что может быть проще?..»

Глава 7

— Золото?! У тебя хватает наглости золото мне предлагать?! — Возмущенный до глубины души, Рэгг Артунл мозолистой ладонью смахнул на землю кожаный кошелек. От удара он приоткрылся, и несколько штампованных квадратиков желтого металла высыпались на сырую траву.

— Правду говорят: совсем ты свихнулся. — Лю Кло упал на колени и бережно собрал монеты. — Хочешь ты продать участок или нет, а?

— Да! Хочу! Но — за настоящие деньги. За старые добрые стекляшки. Вот чего я хочу. — Артунл потер большим пальцем левой руки правую ладонь; старинный этот жест в Колкорроне означал плату общепринятой валютой — витым стеклом. — Усек? Стекляшки гони!

— Но тут же на всех — королевский лик! — запротестовал Кло.

— Я желаю башли тратить, а не стенку ими украшать! — Артунл обвел колючим взглядом фермеров. — У кого настоящие деньги?

— У меня. — Вперед бочком вышел Нарбэйн

Эллдер и порылся в кармане. — У меня при себе две тысячи роялов.

— Давай их сюда! Участок — твой! Может, тебе больше повезет, чем мне. — Артунл протянул руку за деньгами, и тут между ними вклинился Бартан Драмме. Он легко раздвинул их, чего не сумел бы сделать в первые дни своей крестьянской жизни.

— Да что с тобой, Рэгг? — спросил он. — Нельзя же отдавать землю за бесценок?

— Пускай делает, как ему нравится, — буркнул Эллдер, помахивая кошельком с разноцветными квадратиками.

— Удивляешь ты меня. — Бартан ткнул его указательным пальцем в грудь. — И не стыдно наживаться на соседе, когда у него с головой нелады? Что скажет Джоп, если узнает? — Бартан с вызовом оглядел мужчин, собравшихся на живописной поляне, под деревьями, которые едва защищали от дождя. Над поселением плыли тяжелые серые облака, и фермеры в мокрых до нитки балахонах-мешках с нахлобученными капюшонами выглядели непривычно, даже жутковато.

— С башкой у меня полный порядок. — Артунл неприязненно глянул на Бартана и еще больше

помрачнел. Было видно, что у него родилась новая мысль. — Это все ты виноват. Ты нас сюда завел, в эту проклятущую дыру.

— Я тебе очень сочувствую, и сестру твою жалко, — сказал Бартан, — но ты зря торопишься. Надо хорошенько подумать. Ты уже столько сделал — что же теперь, все бросать?

— Да кто ты такой, чтоб меня поучать? — На побагровевшем лице Артунла появилось недоверие пополам с враждебностью. Точно такое же выражение Бартан встречал на каждом шагу, когда только вступил в общину. — Да что ты вообще про землю знаешь, господин нанизывальщик бус, господин починяльщик брошей?

— Я знаю, что Лю не должен выторговывать участок, если не может дать настоящую цену. Получается, что на твоей беде он нагреет руки.

— Прикусил бы ты язык. — Выпятив подбородок, Эллдер подступил к Бартану. — Что-то ты меня притомил, господин… — он тщетно поискал свежее оскорбление и был вынужден позаимствовать его у Артунла, — нанизывальщик бус!

Бартан снова обвел глазами толпу в балахонах и, оценив общее настроение, удивился и огорчился: судя по всему, они не остановятся перед насилием. Наличествовал и другой признак,

вдребезги разбивавший любые его аргументы: с тех пор как фермеры осели в Логове, они здорово опустились. Всего-навсего за год. Этот год Бартан с Сондевирой прожили вместе, и он видел, как слабеет былой дух товарищества, и его вытесняет заурядное соперничество. Причем удачливые не стеснялись отказывать в помощи невезучим соседям. От авторитета Джопа Тринчила не осталось и следа — что не могло не сказаться на его физическом и психическом здоровье. Он съежился, зачах и, ясное дело, уже не мог объединять свою паству. Джопа редко видели за пределами его участка. Бартан никак не ожидал, что старика Тринчила — задиру и грубияна — постигнет такая участь. Казалось, с его уходом в анахореты община потеряла цель жизни.

— Я давно не нанизываю бусы, — резким тоном сообщил Бартан промокшему под дождем сборищу. — О чем весьма сожалею, потому что с помощью любимой иголки и нитки я мог бы сделать ожерелье из ваших мозгов. Тонюсенькое такое ожерельице.

Эти слова потонули в реве двух десятков глоток, глухом и злобном, как рык буйных волн на узкой косе. Но селективные рефлексы позволили мозгу выделить одну-единственную фразу: «Зря

ты, придурок, не разжился поясом целомудрия».

— Кто это сказал? — выкрикнул Бартан и чуть не потянулся за мечом, которого отродясь не носил.

Сумрачные арки нескольких капюшонов повернулись друг к другу, затем снова — к Бартану.

— А что такого? — прозвучал чей-то радостно-озабоченный голос.

— Скажи-ка, парень, молодой Глэйв Тринчил еще не надорвался тебе пособлять? — осведомился другой. — Коли он силенки подрастерял, зови меня. Уж я-то вспашу так вспашу, это всякий знает.

Бартан едва не бросился на злоязычного пахаря с кулаками, но здравомыслие и осторожность удержали его на месте. Крестьяне, как всегда, одержали над ним верх, ибо известно: дюжина дубин всегда одолеет короткий меч. Община берегла убогие словесные штампы как фамильные драгоценности, а невежество служило им надежнейшим доспехом.

— Господа, надеюсь, вы не слишком расстроитесь, если я вас покину. — Бартан помолчал, надеясь, что домыслы на сексуальную тему слегка разрядили обстановку, однако внешне это ничем не подтверждалось. — У меня дела на рынке.

— Я с тобой, если ты не против, — перешел на его сторону Орайс Шоум, бродячий батрак, прижившийся в общине. Он был молод, с диковатым взглядом и где-то почти целиком потерял ухо, но дурных отзывов Бартан о нем не слышал, а потому не стал возражать против его общества.

— О чем разговор. Но разве Элрахен тебя не ждет?

Шоум поднял маленькую котомку.

— Я теперь снова вольная птица. Не хочу тут засиживаться.

— Понятно. — Бартан запахнул на шее клеенчатый капюшон и взобрался на козлы. Теплый дождь все еще лил как из ведра, но на западе с каждой минутой ширилась желтоватая полоска. Значит, скоро распогодится.

Шоум сел рядом. Бартан дернул вожжи, и фургон тронулся в путь. Прилизанные дождем лопатки синерога мерно поднимались и опускались. Бартана одолевали мысли о жене; поймав себя на этом, он решил отвлечься беседой с попутчиком.

— Недолго ты у Элрахена проработал, — сказал он. — Что, плохой хозяин?

— Видывал и похуже. Мне само это место не по нутру. Что-то здесь не так, вот и ухожу.

— Еще один паникер! — Бартан с упреком взглянул на Шоума. — А с виду ты не из тех, у кого буйное воображение.

— Воображение, брат, штука тонкая, такое может выкинуть, чего наяву вовек не увидишь. Ты думаешь, почему Артунлова сестра руки на себя наложила? Слыхал я, будто мальчонка ее не просто исчез. Будто зарезала она его и в землю закопала.

Бартан рассердился.

— Что-то много ты слыхал для одноухого.

— Чего ты злишься? — Шоум потрогал пальцем огрызок уха.

— Прости, — вздохнул Бартан. — Допекла меня вся эта болтовня. Ну и куда ты теперь?

— Не знаю… Правду скажу: надоело гнуть спину на кого попало, — уставясь вперед, ответил Шоум. — Подамся в Прад, может, доберусь. Работы, слыхал, там навалом. Чистой, легкой. Из-за войны. Одно худо: далеко до Прада. Вот если бы… — В глазах Шоума проснулся интерес. — Это не у тебя ли собственный воздушный корабль?

— Неисправен. — Бартан поспешил развить затронутую Шоумом тему. — А на войне что новенького, не слыхал, часом? Лезет враг?

— Лезет, да мы ему — по зубам, по зубам!

На памяти Бартана странствующие батраки никогда не относили себя к государевым верноподданным, но сейчас он безошибочно узнал горделивую нотку.

— И все-таки необычная получается война, — сказал Бартан. — Без армий, без полей сражений…

— Насчет полей сражений — не знаю, а вот слыхал я, сидят небесники верхом на реактивных трубах, как на синерогах, и улетают от своих крепостей на милю, а то и дальше. И шаров у них нет. Ни одного. Ничто тебе не мешает шлепнуться на землю. — Шоума передернуло, да так, что скрипнули козлы. — Прямо-таки счастье, что я тут, а не там. Там угробиться — проще простого.

Бартан кивнул.

— Вот почему короли больше не водят в бой свои армии.

— Лорд Толлер не из таких. Слыхал про лорда Толлера Маракайна?

Бартану это имя напомнило о далеких годах Переселения, и он слегка удивился, что сия легендарная фигура все еще не сошла с исторической сцены.

— Конечно. Мы же не совсем отрезаны от мира.

— Говорят, лорд Толлер там почти безвылазно. Дерется с ядовитыми мирцами и по части храбрости любого заткнет за пояс. — С патриотическим жаром Шоум принялся рассказывать о подвигах лорда Толлера Маракайна в межпланетной войне; от иных историй за милю несло вымыслом. Голос батрака густел и даже начал вибрировать от воодушевления — несомненно, Шоум успел вжиться в образ главного персонажа своего рассказа. Бартану это вскоре надоело, и мысли его вернулись к издевкам бывших приятелей.

Он прекрасно понимал: не стоит верить пустым сплетням, и вообще, при чем тут Глэйв Тринчил? Глэйв все еще приходит на ферму, подсобляет с тяжелой работой, а другие — почти все — больше не являются и не помогают, но… — Мысль вонзилась в мозг, словно кинжал. — Но чаще он бывает на ферме в те дни, когда Сондевира одна.

Бартан попытался выбросить это из головы и тотчас вспомнил случай, которому когда-то не придал значения. Вспомнил, как Сондевира и Глэйв стояли у фургона Тринчилов и, думая, что никто их не видит, обнимались так, будто им это не впервой.

«Почему я вдруг усомнился в верности же-

ны? — подумал Бартан. — Что со мной делает эта тварь? Я знаю, что не мог ошибиться в Сондевире. Да, другие способны ослепнуть от любви, но я-то слишком умен и опытен, и крестьянской девчонке не так-то просто меня одурачить. Пускай эти пентюхи зубоскалят вволю, плевать я на них хотел».

Дождь унялся; впереди над дорогой висел четко очерченный край тучи, и казалось, фургон выезжает на солнечный свет из тени громадного здания. Невдалеке виднелся перекресток, там Бартан собирался свернуть на широкую дорогу к Новому Миннетту. Наполненные водой выбоины напоминали зеркала, а колеи — шлифованные металлические рельсы; в тех и в других отражалось ясное небо.

Непонятно отчего Бартана кольнула совесть. Он повернулся к Шоуму.

— Прости, старик, раздумал я нынче на рынок ехать. Придется тебе пешком. Далековато, но…

— Ерунда, не бери в голову. — Шоум философски пожал плечами. — Я уже полпланеты исходил, управлюсь и со второй половиной.

Он закинул котомку за плечо, спрыгнул на перекрестке с козел и широким, уверенным шагом двинулся к Новому Миннетту. Только на секунду

задержался — помахать рукой. Бартан помахал в ответ и погнал фургон на запад, где лежал его участок.

Чувство вины окрепло, когда он признался себе, что строит Сондевире ловушку. Жена не ждет его до сумерек, и к поездке в город он начал готовиться за несколько дней, а значит, у нее было вволю времени, чтобы договориться с Глэйвом. От этой мысли Бартан стал сам себе противен, но угрызения совести уживались со странным волнением, возникшим одновременно с новой проблемой: если он издали увидит Глэйдова синерога у своей коновязи, хватит ли ему коварства остановить шумный фургон, спешиться и беззвучно подкрасться к дому? И что будет, если он застанет парочку в постели? Год тяжелого труда значительно развил его мускулатуру, но до Глэйва ему было далеко, да и драться Бартан не любил — не хватало опыта.

«Ужасно, — размышлял он под перекрестным огнем эмоций. — Все, что мне сейчас надо от жизни, это застать жену в одиночестве. Чтобы она тихо-мирно работала по хозяйству. А зачем рисковать? Зачем терять свое счастье? Что тут думать: разверни фургон, подбери Шоума да езжай на рынок. Как и собирался. Накачайся в таверне

коричневым элем вместе с дружками-забулдыгами да забудь про все…»

Ландшафт впереди затянуло непроницаемым туманом цвета спелого персика с серебристым отливом — это свежевыпавшая дождевая влага, нагретая солнечными лучами, возвращалась в небеса. Прямо перед глазами Бартана возникло темное пятнышко; оно дергалось, через каждые пять-шесть секунд меняло форму и наконец обернулось наездником, приближающимся довольно быстро. Глэйв Тринчил. Бартан узнал его задолго до того, как смог разглядеть лицо, — и снова всколыхнулись эмоции, на этот раз — облегчение пополам с разочарованием. Они встретились далеко от фермы, и Глэйв запросто может сказать, что даже не думал сегодня заезжать туда, а возвращается из другого места. И поди докажи, что врет.

Рассуждая таким образом, Бартан ожидал, что Глэйв беспечно поздоровается и проедет мимо, и был застигнут врасплох, когда юный фермер еще издали замахал руками. Сердце его тревожно забилось, когда он понял, что Глэйв взволнован. Неужели на ферме случилась беда?

— Бартан! Бартан! — Перед фургоном Глэйв натянул повод синерога. — Как хорошо, что ты

вернулся! Сонди сказала, ты в город уехал.

— Сонди сказала? — сверля Глэйва ледяным взглядом, поинтересовался Бартан; других слов ему не пришло на ум. — Стало быть, ты снова почтил ее визитом в урочный час?

По всей видимости, Глэйв пропустил это обвинение мимо ушей. Его широкая простецкая физиономия выглядела озабоченной, и напрасно Бартан искал на ней признаки лукавства.

— Ты давай, поезжай быстрее, — сказал Глэйв. — Ты там нужен.

Бартан обругал себя: какого черта нянчиться с дурацкой ревностью, когда ясно, что произошло что-то серьезное.

— Что с ней?

— По правде сказать, не знаю. Я мимо проезжал, ну и заглянул. Хотел спросить, может, пособить надо с чем-нибудь тяжелым. — Глэйв, хоть и был взволнован, не преминул бросить горделивый взгляд на свои мускулистые руки. — Сонди сказала, надо дерево выкорчевать, ну, там, где ты хотел коловую фасоль растить и эту, как ее…

— Да черт с ней! Что с моей женой?

— Ну, так вот, прихватил это я заступ и топор и взялся за корни. Жаркая работенка, даром что дождь. По правде сказать, обрадовался, как

увидел, что Сонди идет ко мне с кувшинчиком слабого пива. Это я так думаю, что там было слабое пиво, я ведь к нему даже не притронулся. Ну, так вот, в дюжине шагов от меня, вряд ли дальше, вскрикнула этак, уронила кувшин и на траву опустилась. И — хвать себя за лодыжку. Ну, я испугался, думал, оступилась, кинулся к ней, и тут она как посмотрит на меня да как завопит! Но это еще что! Страшнее всего… Страшнее всего… — Юноша умолк и озадаченно уставился на Бартана, словно видел его впервые в жизни.

— Глэйв!

— Страшнее всего был крик, Бартан. Понимаешь, у нее при этом рот не открывался. Я ей глядел прямо в лицо, слышал крик, но ведь губы-то у нее были сжаты! Ни хрена себе диковина, правда? У меня аж кровь заледенела.

Бартан приподнял вожжи, чтобы хлестнуть синерога.

— Чепуху ты несешь, по-моему. Ну ладно. Сондевира вскрикнула, так? Больше ничего не случилось? Она что, ногу подвернула? Что она говорит?

Глэйв медленно, задумчиво покачал головой.

— Ничего она не говорит. Вообще ничего.

— Вообще ничего? Слушай, какого лешего?.. —

Тут опять накатила тревога. — Она, часом, не онемела?

— Да не знаю я, Бартан, — простодушно ответил Глэйв. — Тебе самому надо бы посмотреть. Я с нею посидел, пока время было, хотел помочь, да чем тут поможешь…

Конец фразы потерялся в топоте копыт и стуке колес. Бартан гнал синерога во весь опор по ухабистой дороге, ерзал и подскакивал на голых досках облучка, но терпел. Яркий туман уже завладел горизонтом, так стиснув пределы видимости, что Бартану казалось, будто он двигается посреди арены под колоколообразным сводом, по которому, переплетаясь друг с дружкой, взбегают к самому солнцу слабые пастельные разводы. Вскоре водяные пары начали рассеиваться, по небу растеклось молоко с легким голубоватым оттенком, и Бартан увидел вдалеке свою ферму — она сияла, подновленная дождем и туманом. Когда он подъезжал к дому, небо уже обрело прежнюю яркую голубизну, и вновь проглянули дневные звезды.

Бартан остановил фургон, соскочил на землю и вбежал в дом. На его зов никто не откликнулся. Он обежал все комнаты, но Сондевиру не нашел. Значит, она снаружи. Он сразу вспомнил дерево,

о котором говорил Глэйв. Хотя — какой ей резон там задерживаться? Разве что… серьезно прихватило. Но если так, почему этот олух Глэйв не отвел ее в дом, вместо того чтобы драпать, как от привидения?

Бартан сбежал с крыльца и рванул мимо свинарника, где ютилось его скромное стадо, к вершине травянистого холма, заслонявшего восточный горизонт. Оттуда он сразу увидел Сондевиру. Она сидела на траве возле дерева, которое якобы корчевал Глэйв, и на ней была светло-зеленая клеенчатая накидка.

Бартан окликнул ее, но она не ответила. Даже ни разу не шевельнулась, пока он спускался по отлогому склону. С каждым шагом в его душе росла тревога. Что же это за хворь, когда человек часами сидит неподвижно, свесив голову на грудь, позабыв про все на свете? Может, лихорадка? Или полуобморок? Или даже… смерть?

Шагах в шести от жены он остановился, скованный непонятной робостью, и прошептал:

— Сондевира, милая, что с тобой?

Она подняла голову, и по телу Бартана пробежала волна облегчения: он увидел на ее лице улыбку.

Сондевира глядела на него несколько секунд.

Она по-прежнему улыбалась, но глаза ее были пустыми. Потом она снова опустила голову и уставилась в землю.

— Сонди, что это еще за шутки? — Нагнувшись, Бартан коснулся рукой ее волос, и в это мгновение увидел, что творится у самых ее скрещенных лодыжек. Две крошечные многоногие твари сошлись, как решил поначалу Бартан, в смертельном поединке. Он завороженно разглядывал суставчатые тельца в форме полумесяцев не длиннее указательного пальца, темно-коричневые спинки и светло-серые брюшки. Они были совсем не похожи на других ползучих гадов, виденных им раньше. Из-под головы у каждого росло по одному толстому щупальцу. Бартан ежился от омерзения, а взгляд его машинально выделял из хитросплетения конечностей ноги, глазные стебельки и усики. Гады обхватили друг дружку щупальцами и вовсе даже не дрались, а спаривались… К тому же Бартан обнаружил только одну голову. Самец своей лишился, и теперь партнерша насыщалась бледной жижей, сочащейся из его шеи. А тело бедолаги как ни в чем не бывало дергалось в ритме совокупления, и похотливое подбрюшье самки отвечало экстатическими толчками.

Бартан отреагировал молниеносно и чисто инстинктивно: выпрямился и обрушил каблук на копошащуюся мерзость. В ту же секунду Сондевира оказалась на ногах, крик ее резанул Бартана словно лезвие. Он с ужасом вскинул на жену глаза — разве можно так кричать, не открывая рта? — а в следующее мгновение был вынужден подхватить ее бесчувственное тело.

— Сондевира! Сонди! — Он неумело помассировал ей шею и щеки, пытаясь привести в чувство, — но без успеха. Голова Сондевиры свесилась через его локоть, зрачки закатились, а белки жутко поблескивали. Бартан поднял ее и понес к дому, разрываясь от страха и жалости.

Чуть в стороне от тропинки он заметил коричневые отблески в траве и тотчас сообразил, что это родичи тех пресмыкающихся уродцев. Дурные предчувствия еще сильнее охватили его — ведь до сих пор он ни разу не видел таких гадов. Ни сном ни духом не подозревал об их существовании. Откуда их столько взялось? Бартан шагнул в сторону, и его сапог опустился прямо на тварь, впечатав ее в дерн.

Сондевира шевельнулась в его руках, и издалека — с конца невидимого коридора в милю длиной — донеслась еле слышная копия того

неестественного крика.

Еще дважды по пути к дому ему попадались безымянные существа, бегущие навстречу на многосуставчатых ножках, и оба раза он давил их всмятку под дикий вопль жены. Бартану было невдомек, что может связывать ее с этими уродцами и отчего она, находясь в обмороке, ощутимо вздрагивает, когда они погибают. Мучил его и другой вопрос: можно ли кричать, да еще так душераздирающе, сквозь плотно сжатые губы?

В сознании Бартана сгущалась угрюмая тьма, по спине растекался холод, наводя на мысль, что окружающий солнечный мир — не более чем обман, что он переступил границу постижимого. Он внес Сондевиру в спальню и осторожно положил на кровать. Лоб у нее был прохладный, лицо, как всегда, чуть розовое, и казалось, что она просто-напросто спит. Он тряс ее, настойчиво звал по имени — безрезультатно. Он стащил с нее накидку и уже снимал сандалии, когда заметил крапинку засохшей крови на правой голени. Она сразу исчезла под нажимом влажной ткани, даже следа не осталось на безупречно гладкой коже. Бартан перевел дух: значит, это все-таки не укус одного из тех мерзких крошечных каннибалов. Но тогда что же? Ведь с Сондевирой что-то случи-

лось, и он, как ни старался, не мог избавиться от мысли, что тут замешаны эти маленькие пресмыкающиеся. Может быть, они источают какой-то сильный яд, и человеку достаточно одного прикосновения, чтобы потерять сознание?

Стоя у кровати и глядя на неподвижное тело жены, Бартан ощущал, как в его душу закрадывается тоска. «Артунл прав, — подумал он. — Я был предупрежден — и смолчал. Я привел их сюда, и каков итог? Двое покончили с собой, один исчез, а может, убит. Дети рождаются мертвыми. Взрослые — кто спятил, а кто близок к этому. У всех — дикие видения, кошмарные сны. Друг идет против друга, добряк превращается в злыдня. А теперь еще и это! У Сондевиры — неизвестная болезнь, и земля исторгает из себя страшных тварей».

Гигантским усилием воли он взял себя в руки и попробовал хоть чуть-чуть возродить дарованный ему природой оптимизм. Он, Бартан Драмме, отлично знает: призраков и демонов не существует. И если не бывает злых духов, разве может быть злым место? Допустим, с тех пор, как секта Исконного Первородства осела в Корзине Яиц, ее одолевают неудачи. Но неудачи всегда рано или поздно кончаются, и начинается полоса

везения. Артунл поступает глупо: нельзя бросать дело после того, как отдал ему столько сил и времени. Надо вести хозяйство и ждать, когда все переменится к лучшему. В общем, Бартан знает свой долг: быть рядом с женой и делать все, что в его силах, ради ее выздоровления.

Он уже устроился на своей половине кровати и приготовился войти в роль ночной сиделки, но тут мысли его снова вернулись к жутким гадам, чье появление предшествовало таинственному несчастью с Сондевирой. Здесь, на Верхнем Мире, люди встретили много любопытных форм жизни, в том числе и в высшей степени неприятных на вид, — но таких гнусных, как эти, несомненно, должны были обнаружить давным-давно. Пожалуй, Бартан оказался слишком скор на расправу, не стоило идти на поводу у инстинкта. Если он увидит еще одного уродца, то уже не поддастся отвращению. Поймает страшилище и отнесет кому-нибудь, кто знает толк в местной живности.

Бартан приподнял безвольную голову Сондевиры, направил на нее поток своей жизненной силы и держал так, пока его не встревожило какое-то тихое царапанье. Он склонился набок и напряг слух. Звук был едва различим, но Бартан сумел определить, что он доносится из-за две-

ри. Недоумевая, он встал и в несколько шагов пересек спальню и кухню. Полоска яркого света между дверью и полом нигде не прерывалась, но Скреблись по-прежнему. Он отворил дверь, и с притолоки, задев его по щеке, упал кто-то скорченный, извивающийся.

Бартан не удержался от возгласа, лицо его исказилось от ужаса и омерзения. Он резко отпрянул, а пресмыкающееся глухо стукнулось головой о пол. Мелькнуло светло-серое брюшко, затем тварь встала на ноги и двинулась в кухню, всем своим видом демонстрируя решимость и целеустремленность. Единственное толстое щупальце тянулось вперед, вопросительно обшаривая пространство. Напрасно Бартан зарекался рубить сплеча: подошва опустилась сама собой, и он ощутил, как расплющилось и лопнуло скользкое тельце, а между висками взорвался исполненный смертной муки вопль. Сондевира!

Бартан захлопнул дверь и подпер ее спиной. Его трясло от омерзения, а перед глазами стояли образы человеческих существ — жены фермера и играющих малышей. Их протянутые вперед руки плавно извивались, подражая бескостному щупальцу.

Глава 8

Прослужив на крепостях почти беспрерывно год с лишним, Толлер уже не мечтал научиться нормально спать в невесомости. В часы бодрствования необъяснимая боязнь падения, заразившая все экипажи, притуплялась, но спящий мозг не имел от нее защиты. В часы отдыха воздухоплаватели все без исключения ворочались в гамаках и бессвязно бормотали — им мерещилась летящая навстречу планета, и в момент мнимого столкновения они просыпались, будя криком товарищей.

Толлер придумал для себя распорядок, который помогал справляться с этой неурядицей. За шестнадцать дней вахты в зоне невесомости он ни разу не пытался как следует уснуть, только дремал урывками, если позволяли обстоятельства. Зато, когда наступало время возвращаться, он сворачивался калачиком в шерстяной утробе мешка для падения и большую часть пути спал мертвым сном, покачиваясь, как в люльке, под мягкое шуршание воздуха, затекающего в горловину. Вначале его озадачивал этот феномен, но потом он объяснил его тем, что во время падения

осознаваемое соответствует ощущаемому, то есть разум и тело не спорят друг с другом.

Очередная вахта в зоне невесомости подходила к концу, еще сутки — и пора будет возвращаться. Толлер вымотался до полусмерти и перед тем, как улечься в гамак, вдруг впал в задумчивое оцепенение — нечто промежуточное между сном и явью, где нет разницы между прошлым и смутно осознаваемым настоящим. На борту первой — самой большой — крепости, которую он сделал своей штаб-квартирой, чтобы всегда быть в центре событий, звучали только неразборчивые голоса двух вахтенных да иногда — посапывание мехов, поддерживающих нужное давление воздуха.

Толлер повернулся лицом к борту и устроился поудобнее. Уют — вот чего ему так недоставало с начала войны. Теперь борта были проконопачены паклей и обиты шкурами — для теплоизоляции и дополнительной герметичности корпуса. Как-то в одно из предыдущих дежурств Толлер среди ночи уловил слабый, но непрерывный свист. Его источник обнаружился в средней секции крепостного цилиндра — оказалось, большой сучок ссохся и пропускал воздух. Толлер легонько постучал по нему согнутым пальцем, и

сучок вывалился наружу. Поскольку Толлер сам вызвал повреждение, он сам его и устранил с помощью деревянной пробки и замазки, нисколько не сомневаясь, что слух об этом мигом облетит его армию, и все еще раз убедятся, что в небе лорд Толлер Маракайн не ставит себя выше простых матросов.

Подобные мелочи он делал не без умысла, но оправдывал это тем, что в межпланетной войне с ее чудовищными нервными перегрузками именно такой стиль поведения оптимален для командира. Король Чаккел даст приказ, и солдат под страхом смерти отправится в зону невесомости. Но там командир не добьется от него полной отдачи, если сам не будет образцом, если не докажет, что готов делить с подчиненным все трудности и лишения и встречать с ними плечом к плечу любые опасности.

А опасностей было хоть отбавляй.

Защитникам Верхнего Мира повезло необыкновенно: Рассамарден, неведомый властелин неведомого Старого Мира, не успел в кратчайшие сроки начать вторжение. Не один десяток дней провисели две первые крепости в срединной синеве, а враг все не появлялся. Отсрочка же очень пригодилась: под руководством Завотла небес-

ные стражники измерили область относительно плотного воздуха в месте соприкосновения атмосфер. Для этого корабль был завален на борт и прошел на реактивной тяге шестьдесят миль по горизонтали, пока у пилота не закружилась голова от удушья. Как раз в тот момент, когда он разворачивал корабль, шар лопнул, не выдержав дополнительной перегрузки вращающего момента. Чудом не лишившись сознания, пилот сумел на индивидуальном воздухоструе дотянуть до гравитационного поля Верхнего Мира, а на другой день опустился на парашюте и пешком добрался до Прада. Его спасение самым утешительным образом подействовало на всех чинов небесной службы, но результаты эксперимента обеспокоили высокое начальство. По расчетам выходило, что мост — такое название приобрела вскоре воздушная перемычка, где человеку не грозила смерть от удушья, — в поперечнике имеет больше десяти тысяч квадратных миль, и спрашивается, где взять столько крепостей, чтобы прикрыть его пушечным огнем?

И снова Завотл, непревзойденный мастер решать любые проблемы, нашел выход. Воодушевленный успешными испытаниями индивидуальных летательных аппаратов, он

сконструировал простейший реактивный истребитель— пилот мог сидеть на нем верхом, как на синероге. Средней величины двигатель, взятый от обыкновенного небесного корабля, привычные кристаллы пикона и халвелла— и в результате стрелок может удаляться от крепости на много миль. По расчетам Завотла, учитывая, что радиус действия истребителя всего двенадцать миль, для надежной обороны моста было вполне достаточно двадцати пяти крепостей.

Качаясь в мягких объятиях гамака, Толлер вспоминал удивленное и радостное лицо Чаккела, когда тот услышал эту спасительную идею. Король, несомненно, не посмотрел бы на дефицит материальных и человеческих ресурсов и построил все сто крепостей, как того требовал первоначальный план. Однако была и еще одна загвоздка: большинство пилотов по молодости лет не представляли себе всех ужасов птертоза, а потому не понимали, зачем от них требуют сверхчеловеческих усилий. Тем более что и война казалась ненастоящей. Вот почему реактивный истребитель явился для Чаккела сущим подарком, и первая партия этих машин была выпущена в рекордно короткий срок — правда, не без участия природы, заблаговременно упростив-

шей задачу конструктора. Реактивный двигатель представлял собой нижнюю часть бракового ствола — плюс камера сгорания на конце, где смешивались ингредиенты топлива. Кристаллы пикона и халвелла поступали туда под давлением воздуха и при контакте друг с другом взрывались, образуя большие порции маглайна, который вырывался из сопла, толкая двигатель в противоположную сторону. Чтобы облегчить управление, кораблик снабдили седлом и по всей длине обшили деревянным кожухом, а на хвосте установили плоскости на шарнирах, похожие на обрубленные крылья, — единственной их задачей было направлять полет истребителя. Вооружение состояло из двух маленьких пушек, заряжающихся с казенной части, — наглухо привинченные к кожуху, они могли быть наведены на цель только вместе с истребителем.

Балансируя на кромке сна, Толлер четко, со всеми подробностями, вспомнил свой первый вылет на одной из этих диковинных машин. Из-за небесного костюма с воздухоструем и парашютом двигаться было чертовски неудобно, и не сразу удалось освоиться в седле, приноровиться к рычагам управления. Толлер кожей ощущал на себе взгляды матросов первой крепости. Он

до предела поднял давление в воздушном резервуаре и сдвинул рычаг дросселя. Он вовсе не собирался рвать с места и был застигнут врасплох диким скачком и оглушительным ревом машины. Минуты три ушло на ее усмирение, и все это время струйки ледяного воздуха царапали лицо. Наконец он освоил полет по широкой спирали, вырубил двигатель, предоставив сопротивлению воздуха остановить машину, и с крепнущим восторгом повернулся к крепости, смеясь и ожидая аплодисментов.

А крепости не было!

Да, из первого знакомства с физикой реактивного истребителя лучше всего запомнился приступ неудержимого страха. Лишь через несколько секунд он обнаружил яркую блестку, почти затерявшуюся среди серебристых звезд, и сообразил, что летел со скоростью, о которой прежде человек мог только мечтать.

Девять истребителей Красной Эскадрильи стояли бок о бок; на их обшивке играло солнце. Невдалеке над ними парила первая крепость, дополненная недавно тремя новыми секциями. Остальные крепости — Группа Внутренней Обороны — тоже находились поблизости, но казались совсем маленькими и незаметными в

густой синеве — даже через прозрачные обтекатели, поставленные специально для улучшения видимости. Верхний Мир — крышу вселенной — слегка подпалило по краям солнце, а круглый пол — Мир — был весь в синих и зеленых разводах, охряных крапинах и белых завитках. Но для пилотов истребителей самым важным была цель — небесный корабль; хоть он и висел в доброй миле от них, громадные размеры оболочки делали его отчетливым мазком на небесном холсте; сравнение с планетой тут было бы оправданным. Его отвели на порядочное расстояние от расчетной плоскости невесомости, в сторону Мира, чтобы пушечные ядра попадали в гравитационное поле врагов. Дело в том, что из двух пилотов, погибших на тренировках, один налетел на пушечное ядро, когда учился летать с высокой скоростью. Снаряд угодил юноше точно в грудь. Сначала решили, что его случайно застрелил кто-то из товарищей, но после догадались: двухдюймовый чугунный шар почти неподвижно висел в воздухе с предыдущих стрельб. Чтобы обезопасить людей от подобных напастей, Толлер отдал приказ по всей армии: впредь разряжать пушки только в сторону Мира.

Он сидел верхом на своем «Красном-1» и, глядя в бинокль на мишень, ждал, когда вернется ее

пилот. Сорок с лишним дней прошло с тех пор, как в зону невесомости прибыли первые две крепости, а враги будто вымерли. По дворцовым покоям ползли слухи, что король переоценил угрозу нашествия, но Толлер и Завотл не желали успокаиваться. Они решили выжать из отсрочки максимум выгоды и с этой целью подняли в срединную синеву небесный корабль с отслужившей свой срок оболочкой.

В бинокль было видно, как пилот покидает гондолу, оседлывает и отвязывает свой истребитель из недоукомплектованной Синей Эскадрильи. Оставляя за хвостом струю конденсата, машина ринулась прочь от корабля, и через считанные секунды до Толлера донесся гулкий рев сопла. Истребитель круто взял вверх и исчез в ослепительных солнечных иглах.

— Чего ты ждешь? — Толлер махнул рукой Голу Перобэйну, крайнему левофланговому. Пилот отдал честь и бросил машину вперед; шеренгу истребителей окатило волной рева. Машина Перобэйна быстро уменьшалась, пикируя к обреченному кораблю; внезапно обе пушки дохнули струями пара, и командир, пристально следивший за маневром, понял, что залп дан в самый подходящий момент. Толлер перевел бинокль на

шар — вот сейчас он задергается, съежится, — и был разочарован, не заметив никаких изменений в плавных изгибах.

«Неужели промазал?» — Он дал сигнал следующему истребителю.

Когда четвертая машина, пилотируемая Беризой Нэрриндер, проатаковала без всякого результата, Толлер дал отбой и, бросив в камеру сгорания своего истребителя кристаллы, помчался вниз, на мишень. Вскоре он вырубил тягу, чтобы воздух остановил машину, и с близкого расстояния разглядел в видавшем виды льняном бодрюше несколько пробоин — на удивление маленьких, как будто шар успел подзалечить свои раны. Вовсе не такого эффекта ожидал Толлер от пушечных выстрелов. Поверхность шара немного сморщилась, но это можно было объяснить и естественной потерей тепла. Судя по всему, небесный корабль сможет как ни в чем не бывало опуститься на планету.

— Что же теперь, по гондолам палить? — спросил Юмол, подплывая к нему на «Красном-2». Грудь у него ходила ходуном — не так-то легко дышать разреженным воздухом.

Толлер отрицательно покачал головой.

— Если атакуем гондолы, попадем под ответ-

ный огонь. Нападать надо сверху, чтобы враг не видел, и стрелять… стрелять по оболочкам… — Он ломал голову, пытаясь вообразить подходящее оружие, и тут далеко внизу пронесся крупный метеорит, на краткий миг осветив небо.

— Чем-нибудь вроде этого. — Юмол опустил с лица шарф, чтобы показать Толлеру улыбку.

— Пожалуй, это за пределами наших возможностей, хотя… — Толлер снова умолк, пережидая звуковую волну. — Но мыслишь ты, старина, в верном направлении. Распорядись, чтобы кто-нибудь забрался на корабль и подогрел шар. Я скоро вернусь, а ты пока сделай все как было.

Он уперся ногой в кожух Юмолова истребителя, который по воле воздушных потоков то и дело тыкался носом в нос его машины, и оттолкнулся. Два «Красных» лениво, вперевалочку разошлись. Наученный горьким опытом первого полета на истребителе, Толлер легчайшим прикосновением ладони сдвинул рычаг дросселя, и летательный аппарат с рыком рванулся вперед, пройдя в нескольких ярдах от мишени. Как только он набрал достаточную скорость, Толлер поднял машину «на дыбы» и устремился ввысь, к флагманской крепости.

Вскоре он возвратился с оружием — самым

обыкновенным железным костылем; пакля на его тупом конце была пропитана фосфором. Толлер зажег паклю от фосфорного фитиля, помахал костылем, разжигая пламя, и спланировал к макушке шара. Костыль ровно, как дротик, полетел вниз и целиком утонул в податливой ткани. Лакированный лен занялся мигом, повалил густой коричневатый дым, и пока истребитель останавливался, пламя растеклось почти по всей верхушке шара. Прошло меньше минуты, и шар, конвульсивно содрогаясь, стал терять очертания и проваливаться в себя под ликующие крики пилотов. Вокруг подбитого небесного корабля росла удивительно плотная дымовая тучка — ее не разрывали потоки воздуха.

Толлер возвратился в шеренгу истребителей, такую неровную, что невозможно было отыскать в ней две машины, висящие четко вровень друг с другом или хотя бы параллельно, носами вниз. Но он давно смирился с этим непорядком: пока машина без движения, она слушается далеко не всякого. Вдобавок кое-кто из талантливых молодых пилотов, изучивших новый принцип воздухоплавания как свои шесть пальцев, похоже, веселился, точно проказливый мальчишка, когда обращался к командиру, вися у него над

головой вверх тормашками. А Толлер не видел смысла обуздывать своих молодцев: в бою всех удачливее и надежнее тот, у кого глаза не зашорены уставными догмами.

— Как все вы только что видели, — прокричал он, — лучшее оружие против шара — огонь. Сейчас это было проще простого. Я приблизился на малой скорости вплотную к кораблю, потому что на нем не было команды с мушкетами, и другой корабль его не прикрывал. Пока низкая скорость позволяет нам почти не выходить из слепого пятна, но, сдается мне, в бою все будет выглядеть иначе. Скорее всего придется пикировать стремглав, а из такой атаки сразу не выйдешь и волей-неволей попадешь в неприятельскую зону поражения. На этом этапе мы будем очень уязвимы, особенно если мирцы обзавелись пушкой мгновенного действия, вроде их мушкетов.

Перобэйн убрал с лица шарф.

— Но ведь, ежели лететь побыстрее, можно за несколько секунд управиться. — Он повернулся к ближайшим истребителям. — Готов побиться об заклад, я полечу быстрее пули.

— Ага, прямо на другой корабль, — возразил Толлер, подавляя смех.

Бериза Нэрриндер жестом попросила слова.

— Милорд, а как насчет луков и огненных стрел? Я к тому, что лучник может чуть раньше выйти из пике…

— Так-то оно так, но… — Толлер запнулся, осознав, что крыть ему нечем, его устами говорит предвзятость: он никогда не считал лук оружием. Дельное предложение. Особенно если сделать наконечники наподобие рыболовных крючков… чтобы цеплялись к бодрюшу… Тогда самый посредственный лучник, каковым он считал себя, вряд ли промахнется по цели величиной с дом.

— Что скажете, милорд? — Воодушевленная явным одобрением других пилотов, Бериза привстала на ножных опорах истребителя.

Толлер ответил с улыбкой.

— Но разве это честно по отношению к врагу? Сбивать его корабли огненными стрелами будет проще, чем ребенку — прокалывать мыльные пузыри. Во мне протестуют спортивные рефлексы! Разве так… — Его слова потерялись в дружном хохоте, прокатившемся по шеренге пилотов.

Толлер поклонился Беризе и снова улыбнулся, чтобы подольше повеселить народ. Никто из его пилотов еще не бывал в бою, но сам-то он как старый рубака знал: пусть удача в этой войне всегда будет на стороне Верхнего Мира, все равно

дни беззаботности, веселья и оптимизма кое для кого из этих ребят сочтены. Даже если они останутся живы.

Посередине между планетами выражения «малая ночь» и «утренний день» потеряли смысл. Здесь сутки представляли собой два равных периода темноты (меньше четырех часов) и два дневных (чуть больше восьми). Темнота наступала, когда солнце заходило за Мир или Верхний Мир. Поначалу Толлер старался отличать ночь от малой ночи, утренний день от дня вечернего, но скоро сдался, и только возвращение в мешке на Верхний Мир иногда нарушало неприметное чередование тьмы и света. В свободные от вахты часы, когда он подремывал в гамаке, судить о времени бывало особенно трудно; выручало только медленное смещение солнечных лучей, падающих в иллюминаторы.

Блаженные грезы развеялись под натиском сердитых голосов. Не так уж редко на борту летающей крепости разгорались споры, но сейчас в перепалке участвовала женщина — Бериза Нэрриндер, сразу предположил Толлер. Он не совсем понимал, почему неравнодушен к ней. Сексуальное влечение? Нет, конечно. Когда Джесалла ясно дала понять, что интимная близость

между ними осталась в прошлом, в нем вдруг угасло физическое влечение к женщинам. Угасло на удивление быстро и безболезненно. Он и раньше был из породы мужчин, которые умеют обходиться без секса, никогда о нем не думают и не жалеют о вынужденном воздержании. Толлер вовсе не старался наблюдать за Беризой, однако знал, когда у них совпадают вахтенные часы, и в любой момент мог бы сказать, где она находится и чем занимается.

Он открыл глаза. От вахты впередсмотрящего в крепости не освобождали никого, и сейчас ее несла Бериза, привязанная к одному из больших биноклей, постоянно направленных на Мир. Рядом с ней маячила высокая угловатая фигура Импса Картводира, делопроизводителя Группы Внутренней Обороны. В командной рубке у него была своя «контора», как он называл сумрачный закуток за плетеной ширмой. Картводир редко выходил оттуда без особой необходимости.

— Или картинки рисовать, или вахту держать, — брюзжал он. — Нельзя одновременно делать два дела.

— Может, вам это и не по силам, а я не вижу тут ничего сложного. — Четко очерченные брови Беризы сошлись к переносице.

— Я о другом говорю. — На вытянутой физиономии Картводира легко угадывалось застарелое недовольство: ну почему в этом нелепом мире у какого-то пилотишки в ранге капитана власти больше, чем у важного тыловика? — На посту положено следить за неприятельскими кораблями и не отвлекаться.

— Когда пойдут неприятельские корабли… если пойдут, мы их увидим за много часов до того, как они будут здесь.

— Суть в том, что мы на военном объекте и должны соблюдать военный распорядок. Тебе тут не за рисование платят. — Картводир скривился, взглянув на прямоугольник плотной бумаги в руке Беризы. — Да и вообще художник из тебя никакой.

— Почем ты знаешь? — Бериза заметно разозлилась. В глубине тесного цилиндра раздались смешки обслуги мехов.

— Эй, может, хватит препираться? Дайте отдохнуть, — негромко попросил Толлер.

Картводир ужом извернулся в воздухе и оказался к нему лицом.

— Сир, я весьма огорчен, если нарушил ваш сон. Видите ли, мне пришлось срочно готовить к ближайшему мешку по меньшей мере дюжи-

ну докладов и списков необходимого. Но разве можно работать под скрип угля капитана Нэрриндер?

Толлер с недоумением заметил на лице пятидесятилетнего служаки неестественную бледность. Так злиться из-за какого-то пустяка?!

— Возвращайтесь в «контору» и займитесь докладами, — велел он, снимая гамак. — Больше вас не будут отвлекать.

У Картводира затряслись губы, но он не сказал ни слова, лишь кивнул и неуклюже двинулся в свое обиталище. Толлер пустился в медлительный полет и закончил его возле Беризы, ухватившись за скобу. Ее зеленые глаза встретили его со спокойным вызовом.

— У нас с вами положение куда лучше, чем у таких, как Картводир, — заметил он.

— В каком смысле, милорд? — Из всех летчиков Толлера она одна все еще обращалась к нему по-уставному.

— Мы здесь — по своей охоте. Мы вольны каждый день покидать эти темные, тесные деревянные коробки и парить в небесах, подобно орлам. Всем нам нелегко дается ожидание, но вообразите, каково приходится тем, кто вовсе сюда не просился и не имеет возможности бежать?

— Я не знала, что уголь так скрипит, — сказала Бериза. — Найду карандаш… конечно, если вы не против.

— Нет, конечно, я не против. Вы совершенно правы: врасплох нас не застать. — Толлер вытянул шею и увидел на листке крепость, показанную изнутри в воздушном стиле — в сиянии резко очерченных параллельных солнечных лучей, падающих из ряда иллюминаторов. Люди и механизмы уступали лучам в четкости. Рисунок Толлеру понравился, хотя он и не взялся бы судить о нем по существу.

— Зачем это вам? — поинтересовался он. Она криво улыбнулась.

— Старый Импс упрекает меня в пренебрежении долгом, но я уверена, что у каждого из жителей Верхнего Мира — иной, высший долг. Человек обязан находить в себе и развивать природные таланты… Не знаю, выйдет ли из меня художник, — посмотрим. Не выйдет — попробую себя в стихосложении, музыке, танцах… Буду искать, пока не найду, а уж тогда трудов не пожалею.

— А почему это долг?

— Ну как же! Из-за Переселения! Неужели такое могло сойти с рук? Ведь на Старом Мире

осталась душа нашего народа. Да знаете ли вы, что на кораблях Переселения не было ни одной картины? А книги, скульптура, музыка? Где это все? Брошено…

— Разве вы забыли, что это была отнюдь не увеселительная воздушная прогулка? — спросил Толлер. — Мы бежали и увозили самое необходимое для выживания.

— Да, ювелирные украшения и бесполезные деньги! Тонны оружия! Для выживания народа необходим костяк культуры, только на нем могут удержаться все прочие элементы бытия. Но как раз его-то у нас и нет. Король не отвел ему местечка в великих планах сотворения нового Колкоррона. Убегая, мы бросили самое главное свое сокровище, вот почему на Верхнем Мире сейчас так пусто. Не оттого, что нас мало и мы рассеяны по всему миру. Нет, мы страдаем из-за духовной пустоты.

Идеи Беризы показались Толлеру странными, и все-таки ее слова задели что-то в самой глубине его души. Особенно — слова о пустоте. В молодые годы он часто любовался ро-атабрийским солнцем, медленно тонущим в вечернем сумраке, — где вы, истома юного сердца, нисходящее с небес умиротворение? Скучен и холоден закат,

даже когда рядом — Джесалла… Да что закат… Вспоминая перед сном успехи минувшего дня, он не испытывал удовлетворения и не ждал с нетерпением утра. Если б он задался вопросом, какое чувство теперь навевает заход светила, то ответил бы сразу: острую печаль. Кажется, будто небо на западе Верхнего Мира, меняющее цвета с алого и золотого на павлинью зелень и синеву, обрамлено пустотой…

Какое точное слово, и как странно слышать его от чужого, в сущности, человека… До сих пор Толлер считал причиной своей тоски некую скрытую хворь, но разве только что услышанное объяснение — не лучше? Что, если в душе он — эстет, и с каждым днем его все острее гложет тревога за народ, лишенный культурных корней?

В следующее мгновение прагматичная сторона его естества очнулась и поспешила с ответом: «Нет. Червю, что точит сердцевину моей жизни, нет дела до поэзии и живописи. Как нет до них дела и мне».

Он едва заметно улыбнулся. Стоит чуть забыться, и как далеко тебя уносит в царство досужих мыслей! В следующий миг Толлер почувствовал пристальный взгляд Беризы.

— Вы не подумайте, — сказал он, — я не над

вами смеюсь.

— Да, — отозвалась она задумчиво, не сводя с его лица изучающих глаз. — Похоже, не надо мной.

* * *

Среди мириада событий, что вновь и вновь разворачивались в памяти Толлера, самым ярким и отчетливым было начало настоящей войны…

После вывода в зону невесомости первых двух крепостей минуло семьдесят три дня — не столь уж долгий срок для мужчин и женщин, чью безмятежную жизнь на Верхнем Мире ничто не омрачало, но в чуждой людям стихии — срединной синеве — они казались годами.

Закончив на сегодня тренировочные полеты со стрельбой из лука, Толлер не спешил возвращаться в гнетущую тесноту крепости. Его истребитель дрейфовал ярдах в пятистах от расчетной плоскости, и с этой точки было удобно наблюдать за суетой в окрестностях Группы Внутренней Обороны. Со стороны Прада медлительно поднимался корабль снабжения, его шар выглядел четким коричневым кружочком на фоне рельефных узоров Верхнего Мира. Справа Первая Командная Станция разбрасывала по индиго небес солнечные

отблески. Неподалеку виднелись меньшая трехсекционная крепость с мастерскими и складами и редкий рой истребителей Красной Эскадрильи. Любого из десятков людей — малюсеньких, точно скульптурки, изваянные умелым ювелиром, — можно было разглядеть как на ладони.

Зрелище, как всегда, впечатляло. Как далеко они ушли от наивного первоначального плана — перегородить всю зону невесомости крепостями, чьи пушки отразили бы вражеское нашествие! Самый большой шаг вперед — создание истребителя; его огромная скорость перечеркнула концепцию станции как изолированной и самодостаточной боевой единицы. Станции — более не крепости, у каждой — своя роль. Эта — казарма, следующая — мастерская, дальше — склады и арсенал; но первостепенное значение отныне принадлежит истребителям.

Какой бы мудростью ни отличались тыловые проектировщики, Толлер твердо придерживался своей концепции: новаторство и эволюция, как правило, произрастают на почве практического опыта. Даже Завотл, мыслящий в категориях, обусловленных нормальной силой тяжести, не мог предвидеть проблемы, которые возникали теперь из-за невесомого лома и прочих отхо-

дов производства. Драматическим примером служила гибель юного Аргитэйна, летчика-истребителя, убитого дрейфующим пушечным ядром. Однако загрязнение окружающего пространства всевозможными отходами человеческой жизнедеятельности день ото дня вызывало все большую озабоченность.

Психологический стресс, неизбежный в условиях жизни «на проходной», усугублялся унизительной необходимостью справлять естественные нужды в невесомости. Что и говорить: едва ли кто испытывал восторг от перспективы лицезреть небесные крепости в окружении сгущающихся облаков из нечистот. Картводиру было поручено сформировать особую бригаду — мгновенно и безжалостно прозванную «дерьмовым патрулем», в чьи незавидные обязанности входило вылавливать все тошнотворные отходы и упаковывать в огромные мешки. Затем эти мешки буксировали на истребителях за несколько миль по направлению к Миру и там препоручали гравитационным клещам планеты, что служило постоянной подпиткой непристойных шуточек, имевших хождение среди гарнизонов крепостей.

Другая проблема, требующая незамедлительного решения, возникла при попытке образовать

внешнее оборонительное кольцо. Первоначально предполагалось растянуть линию станций на тридцать миль — разумеется, это значительно расширяло зону прикрытия, но при том, что крепости удалялись друг от друга более чем на четыре мили, делало их снабжение и локализацию практически невозможной задачей. Действительно, второй несчастный случай среди истребителей произошел, когда летчица при возвращении с одной из таких внешних станций — быть может, из-за элементарной невнимательности, — сбилась с пути и сожгла весь запас энергетических кристаллов в тщетных попытках определить местонахождение базы. Лишившись спасительного тепла, шедшего от двигателя, несчастная девушка умерла от переохлаждения. Потом, по чистой случайности, ее тело обнаружили товарищи. С тех пор было решено сконцентрировать все станции ближе к центру, а остальное пространство контролировать при помощи мобильных истребителей.

Подобно другим летчикам, Толлер обнаружил, что его легкие постепенно приспосабливаются к разреженной атмосфере, но бороться с безжалостной стужей зоны невесомости не было никакой мочи. Вот и теперь, стоило ему задуматься, и

через двадцать минут плавного дрейфа все остаточное тепло просочилось сквозь деревянный обтекатель, а сам Толлер, несмотря на защитный костюм, немилосердно дрожал. Он уже поднял давление в воздушном резервуаре, приготовившись вернуться на командную станцию, когда его внимание привлекла звезда, на секунду вдруг ярко вспыхнувшая, а затем начавшая пульсировать с подозрительным постоянством. Лишь услышав призывный сигнал горна, быстро затихавший в разреженном воздухе, Толлер сообразил, что занятная звезда — на самом деле далекая станция, передающая срочное послание по солнечному телеграфу. Сердце его споткнулось, застыло в субъективной вечности, потом пустилось в ритмичный пляс.

«Они приближаются! — подумал он, судорожно глотнув воздух. — Вот оно — началось!»

Толлер сдвинул рычаг дросселя и рванул к командному пункту. По дороге, натянув защитные очки от воздушных струй, жалящих веки, он невольно вглядывался в участок неба, пролегающий меж ним и далекой выпуклостью Мира, но ничего необычного так и не заметил. Вероятно, медленно плывущая вражеская армада находится за добрую сотню миль от крепости и пока

недоступна невооруженному глазу человека.

Толлер поравнялся со станцией, и в тот же миг горнист, сидевший в недавно пристроенном воздушном шлюзе, оборвал сигнал и юркнул внутрь. Летчики-истребители — каждый с цветной нашивкой на плече, указывающей на его принадлежность к определенной эскадрилье, — выпархивали из ближайшей трубы казармы, а обслуживающий персонал устремлялся к стрелоподобным летательным аппаратам, кружась в шипящих струях газа, испускаемых подопечными машинами.

Пришедший на помощь Толлеру механик с крепежным линем позволил ему без лишних хлопот нырнуть в длинный цилиндр корпуса станции. Обе двери воздушного шлюза были распахнуты, и Толлер мгновенно переместился из необъятной залитой солнцем вселенной в темный микрокосм крепости, насыщенной испарениями, забитой людьми и вещественными доказательствами их длительного пребывания в этом тесном мирке.

Возле наблюдательного поста висели Картводир и коммодор Билтид. Они с головой ушли в жаркий спор. Билтид, прямым приказом Чаккела назначенный на должность начальника штаба, был упрямец и сухарь каких поискать, но тут он

чувствовал себя не в своей тарелке — во-первых, из-за вечного страха высоты, а во-вторых, из-за натянутых отношений с Толлером. У него просто не укладывалось в голове, как это его начальник позволяет себе всякие мальчишеские выходки вроде полетов на истребителе.

— Милорд, взгляните вон туда, — сказал он, заметив Толлера. — Враг наступает несметными силами.

Толлер подобрался к биноклю и приник к окулярам. В глаза бросился яркий до рези фон — синева и зелень с белыми жгутиками, а в центре — мелкие черные брызги с радужным отливом по краям; это, отметил про себя Толлер, из-за несовершенства оптики. Внезапно картина приобрела головокружительную объемность. Взгляд Толлера падал вниз и проникал сквозь длинную — во много миль — вертикальную тучу небесных кораблей. Сосчитать их было невозможно. Не меньше сотни, решил он.

— Ты прав. — Толлер поднял голову и посмотрел на Билтида. — Враг наступает большими силами. Чего и следовало ожидать.

Билтид кивнул, прикрыл рот платком, и кислый запах, сопровождавший его неотлучно, превратился в зловоние.

— Прошу извинить… — выговорил он, звучно давясь. — Нам необходимо приготовиться.

«Хитрец», — вымолвил про себя Толлер и тут же пожалел этого беднягу — по нелепой случайности на его плечи легло тяжелейшее бремя.

— Но у нас очень серьезное преимущество, — сказал он вслух. — Во-первых, мы видим врага, а он о нас не подозревает. Во-вторых, у нас — истребители, а противнику даже не снилось ничего подобного. И мы должны извлечь из этого обстоятельства максимум выгоды.

Билтид кивнул еще энергичнее.

— Все истребители — в полной исправности, сейчас их заправляют и оснащают. Я рекомендую бросить в бой Красную и Синюю Эскадрильи, а Зеленую оставить в резерве. Это позволит нам…

— Неплохая тактика для наземного сражения, — перебил Толлер, — но вы забыли, что второй раз застигнуть мирцев врасплох не удастся. Есть шанс начать и закончить войну в один день. А для этого нужен сокрушительный удар. Я считаю, все три эскадрильи должны участвовать в деле. К тому же чем больше летчиков пройдут крещение огнем, тем лучше.

— Милорд, вы, как всегда, правы. — Билтид опустил платок. — Я был бы несказанно рад, ко-

гда бы мы могли определять скорость подъема неприятельских кораблей. Если они достигнут расчетной плоскости в ночные часы, то некоторые, вероятно, проскользнут незамеченными.

— Никто мимо нас не проскользнет! — рявкнул Толлер, потеряв терпение. — Ни один! — Он отлетел от Билтида и Картводира к другому иллюминатору, где ничто не заслоняло Мир. Солнце смещалось к Старому Миру и часа через два должно было скрыться. Толлер произвел в уме кое-какие расчеты и выругался, поняв, что начинать сражение придется в крайне невыгодных условиях. В сутках — два периода темноты, прозванные на станциях ночью Мира и ночью Верхнего Мира, в зависимости от того, какая планета закрывает солнце. По длительности они примерно одинаковы, но разница все-таки ощутима. Скоро Мир заслонит солнце, и наступит одноименная ночь, но при этом Верхний Мир будет весь освещен, да так ярко, что хоть книгу читай. И так — в течение часа, а потом Верхнего Мира коснется цилиндрическая тень Старого Мира, и еще через час действительно наступит кромешная тьма — почти на два часа, пока рассветные лучи не поцелуют Верхний Мир в щеку. В этот период небеса искрятся звездами,

завитками туманностей и брызгами комет, но, увы, не настолько ярко, чтобы можно было без труда разглядеть даже такой крупный предмет, как оболочку воздушного корабля. Намного легче было бы отражать атаку в часы ночи Верхнего Мира, ведь планета Мир шире своей сестры и никогда не прячется целиком в ее тени.

«Если неприятельские корабли в сотне миль, — прикидывал Толлер, — и идут на максимальной скорости, то могут достигнуть расчетной плоскости как раз глубокой ночью». Он и так, и сяк прокрутил в голове эту мысль, а потом пришел к выводу, что рано падать духом. Мирцы — воздухоплаватели малоопытные и наверняка нервничают, ведь им предстоит первая встреча с невесомостью и вдобавок — инверсионный маневр, процедура в высшей степени противоестественная. Разве не напрашивается предположение, что они не будут лезть на рожон и постараются войти в срединную синеву в наиболее удобное время суток?

Толлер почти убедил себя в этом, во всяком случае, успокоился. С радостью покинув затхлое, сырое, выстуженное помещение, он посвятил целый час проверке Группы Внутренней Обороны. Две другие командные станции — базы Синей и

только что сформированной Зеленой Эскадрилий — регулярно сообщали о поведении противника. Впередсмотрящие подтверждали, что армада приближается очень медленно. Наступила ночь, но пилоты истребителей, отозванные на станции, даже не пытались уснуть и коротали время при свечах; одни оживленно спорили, другие играли на деньги, третьи держались поближе к машинам, бдительно следя за работой механиков, которые заправляли кристаллами топливные резервуары и размещали боезапас.

Наконец над краем Верхнего Мира появилась светлая долька и быстро растянулась в тонкий полумесяц. Когда сияние залило больше четверти планеты, предвещая наступление дня, Толлер зачастил к биноклю на наблюдательном посту Первой Командной Станции. В таинственном тусклом свечении планеты-сестры купался громадный диск Мира, похожий на шар из прозрачного воска с горящей свечой внутри. Фон, хоть и просветлел к этому времени, по-прежнему не желал открывать глазам контуры небесных кораблей, и Толлеру досаждали дикие фантазии: а вдруг армада мирцев разогналась под покровом тьмы и проскочила расчетную плоскость незамеченной? Он едва дождался, когда солнечный

месяц зальет станцию светом, — пустая надежда, чужеземные корабли по-прежнему прятались в бахроме неторопливо разворачивающейся тени планеты.

И вдруг они появились!

Вопреки ожиданиям, зрелище очаровывало. К срединной синеве приближался рой крошечных сверкающих полумесяцев идеальной формы, похожих друг на друга как две капли воды — даже не по себе становилось от этого рукотворного сходства. Ряд за рядом, слой за слоем… Толлера на миг охватило благоговение перед могуществом человеческой расы: подумать только, самым обыкновенным людям вроде него хватает дерзости и отваги, чтобы на хлипких сооружениях из ткани и дерева преодолевать межпланетное пространство! Им бы объединиться и устремить взор вовне, к звездам, а не растрачивать силы на…

— Должно быть, они уже недалеко, — произнес Билтид, отрываясь от бинокля. — Миль двадцать — тридцать. У нас не так много времени.

— Успеем, — буркнул Толлер, возвращаясь в прагматичный мир солдата. Повинуясь непонятному порыву, он подплыл к гамаку, снял со стены меч и повесил на пояс. Конечно, Толлер осознавал, сколь несуразно выглядит это оружие в небе,

но почему-то с ним чувствовал себя спокойнее.

Пройдя через воздушный шлюз, он увидел, что остальные восемь пилотов его эскадрильи уже сидят в машинах, а рядом суетятся механики, разводя огонь в запальных чашах, установленных перед седлами и прикрытых колпаками. Та же картина — в миниатюре — повторялась в отдалении посреди безграничной синевы. Там готовились к бою две остальные эскадрильи. Несколько синих и зеленых машин уже летели к Первой Командной Станции — на соединение. За ними тянулись хвосты белого конденсата.

Скоро вокруг первой станции началось столпотворение. То и дело машины легко сталкивались друг с другом; пилоты при этом перешучивались, а механики, боявшиеся, что их раздавят, — бранились. Отлетев от станции на приличное расстояние, Толлер притенил глаза рукой и посмотрел в сторону Мира. Пришельцы были видны невооруженным глазом: серебристые пятнышки на пределе досягаемости зрения. В который раз он пожалел, что нельзя точно определить расстояние. Вступать в бой надо задолго до того, как враг войдет в расчетную плоскость, чтобы каждый подбитый корабль падал обратно на Мир. С другой стороны, если начать атаку слишком

рано, у истребителей не хватит топлива. Судя по всему, умение определять расстояние гораздо важнее для воздушного боя, чем для наземного.

Когда три эскадрильи собрались в полном составе, Толлер оседлал свой «Красный-1» и воткнул носки сапог в жестко закрепленные стремена. Затем отстегнул от борта лук, прихватил ремешком к левому запястью и проверил колчаны на боках истребителя. В груди снова буянило сердце, каждую частичку существа распирало знакомым азартом с необъяснимым оттенком полового возбуждения, — что всегда предшествовало головокружительному прыжку навстречу опасности. Подкачав воздух в топливные баки, Толлер окинул взглядом неровную, колеблющуюся шеренгу истребителей. Пилоты в небесных костюмах лишь отдаленно напоминали людей, их лица скрывались под шарфами и защитными очками, но он сразу же узнал Беризу Нэрриндер.

— Вы не раз и не два слышали план сражения, — прокричал он, решив предостеречь людей напоследок, — и я знаю, всем вам не терпится показать себя в деле. Но в горячке боя отвагу надо держать в узде! От храбрости до опрометчивости один шаг. Не забывайте ни на секунду, что каждый летчик способен уничтожить уйму

вражеских кораблей, а значит, живой пилот для нас гораздо ценнее мертвого. Ценнее, чем кому-то из вас может показаться в горячке боя. Сегодня мы нанесем врагу удар такой силы, о какой недавно даже мечтать не смели, но учтите: я не жду потерь с нашей стороны. Ни одного пилота, ни одной машины! Кончатся стрелы — не вздумайте палить из пушки. Сразу выходите из боя и утешайтесь мыслью, что к следующей стычке наберетесь ловкости и опыта и покажете мирцам, где раки зимуют!

Наттахайэл, пилот «Синего-3», кивнул, и через его шарф проскользнули змейки пара.

— Как пожелаете, сир.

— Это не пожелание, а приказ! Своими руками шкуру спущу с любого, кто вздумает лезть на рожон! И уж поверьте: куда приятнее встретиться с дюжиной костлявых мирцев, чем со мной. Всем ясно?

Несколько пилотов кивнули — пожалуй, чересчур энергично, — а почти все остальные отозвались смешком. Молодые добровольцы, перешедшие под начало Толлера из Воздушной Службы, изголодались по приключениям, и долгое ожидание слишком сильно сдавило пружины нервов. Толлеру очень хотелось, чтобы летчики

намотали на ус его предостережения, но он знал по себе: грань между благоразумием и азартом чересчур тонка. От солдата с непомерным инстинктом самосохранения еще меньше толку, чем от жаждущего славы недоумка. Очень может быть, что в самое ближайшее время он выяснит, сколько в его войсках и тех, и других.

— Как вам кажется, — спросил он, поднимая на лоб очки, — речей на сегодня довольно?

— Да! — раскатился по небу дружный возглас.

— А коли так, летим воевать.

Толлер прикрыл шарфом рот и нос и бросил истребитель вниз по широкой дуге. Мир ни на миг не выходил из середины поля зрения, а солнце, едва отошедшее от края планеты, осыпало Толлера мириадами ярких иголок, но ничуть не согревало. Под нарастающий дружный рев истребители строились в боевой порядок: каждая эскадрилья образовала клин. С небольшим отрывом от Толлера мчался Майтер Даас во главе Синих, а левее него Парго Юмол вел за собой Зеленую Эскадрилью. Оба были солидного возраста, оба — ветераны Экспериментальной Эскадрильи Небесных Кораблей и Переселения. «Интересно, — мельком подумал Толлер, — что они сейчас испытывают, низвергаясь к планете, которая

подарила им жизнь? Разве могли они вообразить такое до нашествия мирцев?» Прислушавшись к собственным чувствам, он снова встревожился: почему в жилах кипит кровь, как у юнца? Почему в мышцах играет сила? Половина его существа стремится домой, к Джесалле, мечтает все исправить, оправдать ее надежды. Но другая половина… Будь ее воля, она бы растянула этот миг до бесконечности. В волшебной иррациональной вселенной она бы выбрала именно такую жизнь. Вечно мчаться верхом в прозрачных ледяных брызгах света, навстречу необыкновенным врагам и неведомым опасностям. Но в настоящей вселенной это продлится всего лишь мгновение… Только до исхода битвы. А когда все кончится, жизнь покажется в тысячу раз скучнее прежней, и что ему останется? Праздное ожидание ничем не примечательной смерти.

«А может, — закралась в душу коварная мысль, — лучше вообще не вернуться с этой войны?»

Толлер поразился: вот ведь куда может завести самокопание! А между тем есть дела и поважнее. Он заставил себя вновь сосредоточиться на боевой задаче.

Было решено встречать врага минимум в

десяти, максимум в пятидесяти милях от расчетной плоскости. Проклятие! Как определить расстояние или скорость в пустоте воздушного океана, где нет никаких ориентиров? Толлер бросил взгляд через плечо — двадцать семь истребителей прокладывали в небе белую дорогу; где-то вдали нитки мерзлого пара сходились в точку и пропадали из виду вместе с гроздью станций и вспомогательных сооружений. «Уже не разглядеть, хоть и знаешь точно, где они, — подумал Толлер. — Скоро конденсат рассеется без следа, и как тогда искать базы? Сколько мы пролетели? Десять миль? Пятнадцать? Двадцать? Да еще солнце на вражеской стороне, будь оно неладно!»

Толлер заслонился ладонью от слепящего шара и отыскал чужие корабли. Теперь расстояние между ними и защитниками Верхнего Мира сокращалось гораздо быстрей. Уже можно было невооруженным глазом рассмотреть каждый сияющий полумесяц, а за ним — великолепный миниатюрный рисунок планеты в огненных тонах. Флот держался кучно и напоминал мерцающую икру.

«Далековато, — решил Толлер. — Подождем тут». Он раскинул руки в условленном сигна-

ле и вырубил двигатель. Остальные пилоты одновременно закрыли дроссели, и тотчас вокруг воцарилось всепоглощающее молчание бесконечности. Некоторое время истребители падали, и чем больше их скорость уступала сопротивлению воздуха, тем хуже они слушались рулей. Клин смялся, а затем и вовсе рассыпался. Машины остановились. Толлер знал, что эта неподвижность — мнимая, истребители вошли в гравитационное поле Мира, но на таком расстоянии от расчетной плоскости скорость их падения ничтожна.

— Драться будем здесь! — крикнул он. — Наберитесь терпения, нет смысла спешить. Чем позже сюда доберется неприятель, тем дальше от него отойдет солнце. Позаботьтесь о запальных чашах и старайтесь не отморозить конечности. Будет слишком холодно — полетайте малыми кругами, разогрейте машины. Но не увлекайтесь. В бою кристаллы очень даже пригодятся.

Толлер настроился на долгое ожидание, сетуя на отсутствие удобного и надежного прибора для измерения времени. Механические часы слишком громоздки для тактических задач, а традиционный армейский хронометр вообще бесполезен в зоне невесомости. Это устройство

представляло собой тонкую стеклянную трубку, куда вставлялся тростниковый стебель, поделенный черными рисками на равные отрезки. В трубку помещали часового жука, и он, пожирая стебель, продвигался со скоростью, одинаковой для всех взрослых особей его вида, и таким образом достаточно точно отмерял время. Для командиров на полях сражений этот способ вполне годился, однако в нулевой гравитации жук двигался беспорядочными рывками, а то и вовсе терял аппетит. Сначала думали, что всему виной лютый холод, но потом кто-то догадался поместить трубку в тепло и получил тот же досадный результат. Напрашивался немаловажный вывод: даже этому крошечному — с бусину — безмозглому насекомому не по себе, когда оно не ощущает собственного веса. Толлера это открытие заинтриговало, оно наглядно показывало связь человеческого существа с самыми примитивными и ничтожными обитателями планеты. Всех их породило одно биологическое явление, но только человек обрел разум, который позволил духу возобладать над органической механикой тела.

Пилоты Красной Эскадрильи коротали время в дружеской беседе, и Толлер радовался, что не

слышно взрывов смеха. Почти всегда внезапный хохот — признак нервного перенапряжения. Лучше всех держался восемнадцатилетний Типп Готлон, недавно переведенный из такелажников в пилоты вопреки возражениям Билтида. В новом качестве Готлон сразу показал недюжинный талант. Сейчас, болтая о пустяках с Беризой Нэрриндер, он то и дело прислонял ко лбу ладонь козырьком и окидывал небо бдительным взором. Среди летчиков Типп был самым молодым, но любой мог бы поучиться у него выдержке и хладнокровию.

Проходили минуты, и вдруг Толлер поймал себя на том, что слышит новый звук. Ошибиться было невозможно: это глухо ревут горелки приближающегося флота. Солнце отступило от Мира довольно далеко и уже не прятало в своем ослепительном сиянии шары небесных кораблей.

Юмол и Даас все чаще поворачивали головы к Толлеру — когда же наконец он даст сигнал атаковать? — но командир не спешил, решив дождаться, когда на «макушках» верхних шаров прорисуются швы и ремни. К этому моменту они будут менее чем в миле от подстерегающих истребителей.

Пространство, лишенное вех, норовило сбить с

толку, но все-таки Толлер разобрал, что небесная армада продвигается по три-четыре корабля, соблюдая значительный вертикальный интервал между группами. Строй, растянутый на многие мили в глубину, напоминал разреженное овальное облако, самые дальние корабли по сравнению с передними казались песчинками. С точки зрения безопасности полета — особенно полета в темноте — такое построение выглядело удобным, но для прорыва защищенного рубежа можно было придумать что-нибудь и получше. Толлер улыбнулся. Сами того не ведая, мирцы дали ему преимущество, рядом с которым неудачное расположение солнца — сущий пустяк.

Охваченный боевым задором, он обнажил меч и рубящим ударом сверху вниз подал сигнал к атаке.

То, что за этим последовало, никак не походило на дружный натиск. Это было хладнокровное и методичное истребление. На совещании с Билтидом и командирами эскадрилий Толлер высказал идею, что в первом таком сражении за всю историю войн будет мало толку от двадцати семи высокоскоростных машин, мельтешащих в сравнительно малом объеме воздушного пространства. Не очень это выгодно и с точки зрения

психологии, ведь после боя некоторые пилоты будут ходить в героях, козыряя множеством побед, а другим так и не удастся пролить вражескую кровь, без чего воину невозможно поверить в свои силы.

И теперь по знаку Толлера лишь девятый пилот в каждой эскадрилье покинул строй и бросил машину навстречу ни о чем не подозревающему противнику. За тремя истребителями протянулись белые полосы и сошлись на самом верхнем эшелоне мирцев. Затем машины свернули вправо, выбросив по искре янтарного пламени, а через несколько секунд три головных шара окутались сумраком и распустили темные лепестки вокруг корчащихся языков красно-оранжевого огня. Драматическая скоротечность их гибели поразила Толлера; совсем не так горела мишень, которую он недавно поджег собственной рукой. Потом он догадался, в чем дело: корабли с Мира все еще двигались вверх и встречали сопротивление воздуха, которое не только раздувало пламя, но и разгоняло его по бокам шаров.

«Еще один подарок, еще один добрый знак!» — подумал он, когда очередная тройка истребителей унеслась на остриях перьев конденсата. Один воспламенил последний небесный корабль

из верхних четырех и ушел вправо, а два других копьями промчались вниз, настигнув цель на следующем ярусе. В самом скором времени их успех подтвердили еще два темных цветка, распустившиеся в неприятельском строю.

Сражение разгоралось, все больше напоминая бойню. Новые группы истребителей уносились в ее гущу, и у Толлера забрезжила надежда одним страшным ударом уничтожить весь флот мирцев. По сравнению с оболочками гондолы небесных кораблей очень невелики, и люди вынуждены подниматься вслепую, веря, что в небесах над их головами не таится опасность. Кроме того, когда корабли идут таким огромным числом, рев горелок заглушает все прочие звуки, а значит, экипажи нижних кораблей не подозревают об избиении верхних эшелонов; когда же узнают, будет слишком поздно. Если истребители, систематически уничтожая вражескую колонну, смогут добраться до самого «хвоста», никто из мирцев не спасется и не объяснит королю, что произошло с его армадой. И этого, возможно, будет достаточно, чтобы война закончилась в тот же день, когда началась.

Пьянея от восторга, Толлер любовался быстро меняющейся картиной. В небе рос запутанный

до невозможности моток белой пряжи, тут и там проглядывали зернистые пятна дыма и пламени, и чем больше истребителей вступало в дело, тем труднее было разобраться, что же там происходит. На тщательно нарисованный план сражения в диком беспорядке ложились мазки конденсата.

Когда наступил черед предпоследней тройки истребителей, Толлер свободной рукой прочертил в воздухе широкую дугу. Это означало, что машины должны поднырнуть под эпицентр боя и обрушиться на нетронутый эшелон. Пилоты кивнули и под рев дюз унеслись вниз и в разные стороны. В тот самый миг, когда они начали сближаться, откуда-то из середины мотка пряжи донесся жуткий грохот. Толлер предположил, что на одном из кораблей огонь добрался до взрывчатки — скорее всего до пикон-халвелловой бомбы. Едва ли кто-нибудь из экипажа уцелел в этой катастрофе, но для остальных кораблей она могла оказаться спасением. Наверняка грохот услышали далеко внизу и насторожились. Как в такой ситуации поступит любой здравомыслящий пилот? Конечно, положит корабль набок с помощью горизонтальных дюз и попытается выяснить, в чем дело.

Толлер озабоченно посмотрел на командиров

эскадрилий — кроме них, рядом с ним на исходной позиции истребителей не осталось никого.

— Ну что, готовы? — прокричал он. Даас похлопал себя ладонью по копчику.

— Чем дольше мы тут торчим, тем ближе ревматизм. Толлер бросил в двигатель кристаллы. В следующий миг его голову откинуло назад, а сцена сражения понеслась навстречу, расширилась, закрыла собой все. Впервые в жизни он так явственно ощущал скорость реактивного истребителя. Клубы пара походили на колонны резного мрамора, и трудно было не жмуриться, когда то с одной, то с другой стороны на него обрушивались стены, на вид монолитные и сулящие верную гибель. Мимо промчалось целое арктическое царство, прежде чем он увидел останки кораблей мирцев — они по инерции врывались прямиком в горящие лохмотья собственных шаров. Солдаты в панической спешке очищали гондолы от пылающих клочьев льна, и Толлер удивился: неужели они не понимают, что обречены? Хоть и кажется, будто поврежденные корабли висят неподвижно, на самом деле они уже подчинились зову гравитационной сирены и падают на родную планету, на громадный камень в тысячах миль внизу.

Вопреки ожиданиям Толлер не увидел проме-

жутков между слоями горящих кораблей — они сбились в тесную стаю, а иные даже соприкасались друг с другом. В этом не было ничего загадочного: на подбитых верхних кораблях пилоты сразу погасили горелки, однако нижние эшелоны так и шли вслепую по вертикали, пока сами не нарывались на противника. Тут и там среди окутанных дымом левиафанов виднелись человечки. Некоторые барахтались в воздухе, другие не шевелились — очевидно, их разметало взрывом гондолы.

Едва Толлер успел убедиться, что на них нет парашютов, как машина вынесла его из толчеи прямо на группу из четырех кораблей. Краем глаза он заметил Дааса и Юмола — они летели параллельным курсом. Как он и предполагал, пилоты мирцев быстро отреагировали на взрыв. Три корабля уже накренились, и над бортами гондол виднелись ряды человеческих голов. Под ними вдалеке ложились набок другие корабли.

Толлер закрыл дроссель и, пока тормозил истребитель, выхватил из колчана стрелу и сунул под колпак в запальную чашу. Пропитанная маслом пакля на наконечнике в один миг занялась огнем. Он наложил стрелу и натянул тетиву, неосознанно подражая верховому охотнику.

Дохнув ему жаром в лицо, клубок огня помчался вперед. Даже при высокой скорости и быстром крене корабля громадная выпуклость оболочки оставалась абсурдно легкой мишенью. Стрела Толлера кровожадным москитом вцепилась в подбрюшье шара, и оранжевый яд побежал вниз мимо гондолы и обреченного экипажа. Сухо защелкали выстрелы, и в считанных дюймах от левого колена Толлера пуля расщепила деревянный кожух истребителя. Ошеломленный проворством мирцев в обращении с оружием, он с уважением подумал: «Да, эти люди драться умеют».

Врубив двигатель, он бросил машину вправо и глянул через плечо. Невдалеке еще два шара морщились и съеживались в змеиных кольцах черного дыма, а Даас и Юмол на остриях сверкающих белых копий мчались по широким дугам, которым предстояло соединиться в строю вышедших из боя эскадрилий.

Как вскоре убедился Толлер, в первой атаке уцелели все летчики, и каждый мог рассказать о своих победах. Но ситуация изменилась в корне, враг раскусил их хитрость и не собирался погибать задаром. А значит, теперь все будет зависеть не от хладнокровных и продуманных действий

команды, а от выучки и лихости каждого игрока, и исход схватки — непредсказуем. В частности, больше не удастся спокойно подлетать к противнику со стороны «слепых пятен». Корабли нижних эшелонов не просто опрокидывались набок, они направляли верхние, наиболее уязвимые, полушария в центр группы. Толлер нисколько не сомневался, что все пушки, установленные на бортах, заряжены. И хотя мирцы не применяли металлов, пилоту истребителя вряд ли поздоровится, угоди он под традиционную картечь из гальки и щебня. — Бейте всех подряд, — крикнул он, — но будьте… Конец фразы потонул в многоголосом реве дюз. Самые нетерпеливые молодые летчики устремились на неподвижного с виду врага. Вокруг Толлера все затянулось белым. Почти в тот же миг загрохотали пушки.

«Слишком рано», — отметил Толлер. И тут в его душу проникла тревога. Единственное преимущество истребителя — высокая скорость — в таком бою может обернуться фатальным изъяном. Не попав в цель, картечь повисает в воздухе; медленно идущему кораблю она не опасна, но вполне способна продырявить пилота атакующего истребителя — ведь он ничем не защищен.

Отбросив эту мысль, он пустил машину в

умопомрачительное пике и нырнул в самую сердцевину неприятельского строя. Вокруг него выросли фантастические джунгли, невообразимое переплетение стволов, ветвей и лиан из белого конденсата; тут и там мясистыми фруктами висели небесные корабли, украшенные гирляндами черного дыма. Сражение разгорелось с новой силой, и тому, кто не ведал доселе горького упоения битвы, оно должно было казаться диким хаосом.

Опасение Толлера сбылось — мирцы отведали вражеской крови. На его глазах Перобэйн безрассудно атаковал сразу два корабля и был вынужден так круто выходить из пике, что с машины сорвало рули. Лишенный управления истребитель в неистовом кувырке сбросил пилота с седла, и Перобэйну удалось остановиться всего в двух десятках ярдов от гондолы. Солдаты на борту дали дружный залп, и летчик задергался всем телом — очевидно, много пуль угодило в цель. Шар небесного корабля пылал, и команда была обречена, но все равно палила, пока небесный костюм Перобэйна не превратился в ком красных лохмотьев.

Чуть позже смертельную ошибку допустила пилот «Зеленого-4» Чела Динитлер. Она слишком

медленно пролетала мимо солдата, который висел в воздухе рядом с гондолой, окутанной горящим бодрюшем, и не подавал признаков жизни. Внезапно солдат очнулся, неторопливо навел мушкет и выстрелил Динитлер в спину. Чела упала грудью на рычаги управления, из сопла ударила мощная струя пара, и машина рванула в штопор, унося безвольное тело пилота в нижние слои вражеской армады. Вскоре след ее исчез на фоне Мира в мерцании круглых белых облачков, похожих на комки пушистой шерсти.

Солдат, застреливший Динитлер, вставлял в мушкет новый шарик с кристаллами, и Толлера поразило, что он смеется перед лицом неминуемой смерти.

Толлер открыл дроссель и двинулся прямиком на него, чтобы протаранить, но в последний миг спохватился: достаточно легчайшего прикосновения к носителю птертоза, и не миновать ужасного конца. Ударом по плунжеру он расколол в казеннике пушки шарик с кристаллами и за мгновения, предшествовавшие выстрелу, навел на мирца нос машины. Пушка не предназначалась для точной стрельбы, но Толлеру повезло — двухдюймовое ядро угодило точно в лоб, и труп закувыркался прочь, оставляя за

собой кровавые спирали. Толлер увел машину в сторону и был уже готов ринуться в гущу боя, когда его насторожило воспоминание о странных круглых облачках.

Он отлетел подальше от гигантского столба конденсата и вгляделся в его основание. Облачка не исчезли, напротив, выросли в числе. Понадобилось несколько секунд, чтобы понять: это конденсат от горелок небесных кораблей, видимый «снизу». Пилоты нижних эшелонов развернули корабли вверх тормашками и обратились в бегство. Среди воздухоплавателей найдется мало любителей такого полета — когда тяга двигателя усиливается гравитацией, возникает перегрузка, способная разорвать корабль на части, — но мирцам выбирать не приходилось.

Соблазн выбросить из головы собственный стратегический план и пуститься в погоню за противником был велик, но внутренний голос запротестовал. В горячке боя Толлер потерял всякое представление о времени, а ведь истребители жгли кристаллы почти без передышки. Он взялся за поршень подачи топлива и по числу качков определил, что в баках весьма поиссякло твердое вещество. Запрокинув голову, он посмотрел в ту сторону, где начиналась битва. Самые первые бе-

лые следы уже растаяли. Где-то в беспредельной межпланетной пустоте исчезли базы эскадрилий. Найти их будет непросто, подумал Толлер, и для этого тоже понадобится топливо.

Он зажег одну из оставшихся стрел и медленно помахал ею над головой. Через несколько минут пилоты, узнав сигнал, выбрались из кипящей тучи дыма и пара и слетелись к нему. Многие, опьяненные азартом, наперебой рассказывали о своих дерзких атаках и победах. «Вот так рождаются легенды», — подумал Толлер, представив себе истории, которые потом расплодятся в прадских тавернах. Чуть ли не последней из тучи появилась Бериза Нэрриндер, и пилоты весело загомонили, увидев, что ей удалось зааркан ить и привести на буксире поврежденную машину Перобэйна.

Когда стало ясно, что из боя вышли все уцелевшие машины, Толлер пересчитал их и упал духом. Вместе со спасенным Беризой истребителем их осталось двадцать пять. Толлер приказал сделать перекличку во всех трех эскадрильях, и вскоре выяснилось, что пропал Уэнс Мокерат и его «Зеленый-3». Как и когда он повстречал свою гибель, никто из товарищей не заметил. Возможно, он налетел на горящий небесный корабль и

теперь падал вместе с ним.

Печальная новость отрезвила летчиков, но вскоре вновь поднялся веселый гомон. Толлер и не ждал иного. Молодость вовсе не бессердечна; просто все эти ребята — жертвы войны, хоть и невредимы с виду. «Похоже, когда-то такое случилось и со мной, — подумал он. — Незаметно для меня самого. Лишь совсем недавно мне открылось, что я — автомат из костей и плоти, но без души. А ведь без души не сохранить тепло и радость».

Перед его глазами, довольно далеко, маячила гондола подбитого корабля. Команде удалось избавиться от горящего шара, и теперь его останки огромными серыми клочьями висели у бортов и над головами. Расстояние между гондолой и эскадрильями не менялось — они все падали с одинаковой скоростью.

На такой дистанции истребители были неуязвимы для мушкетных пуль, но мирцы упорно палили с бортов. «Неужели не понимают, — снова подумалось Толлеру, — что даже при такой мизерной скорости падения выжить им не суждено? Постепенно они разгонятся и в конце концов расшибутся всмятку».

И тут случился курьез, один из тех, что частень-

ко бросают вызов кажущейся незыблемости вероятностных законов. Медленно вращаясь вокруг продольной оси, к Толлеру приблизилась пуля и замерла на расстоянии вытянутой руки.

Он выловил из воздуха неровный цилиндрик браккового дерева, повертел перед глазами и спрятал в карман, ощутив на миг странную связь с вражеским стрелком. «Подарок мертвецу от мертвеца», — мелькнуло в мозгу.

— Ладно, ребята, нынче мы неплохо поработали, — произнес он, воздев руку в перчатке. — Пора и по домам.

Глава 9

Грохот фургона приближался, и Бартан наконец заставил себя подняться на ноги и подойти к зеркалу, висящему на кухонной стене. Праздничная одежда стесняла движения — он давно от нее отвык, — и вдобавок лицо, возникшее по ту сторону стекла, показалось незнакомым. От мальчишеской жизнерадостности, которая в свое время снискала ему недоверие фермеров, и следа не осталось. На него взирал загорелый мужчина, познавший одиночество, печаль и тяжелый крестьянский труд.

Бартан пригладил черные волосы, поправил воротник рубашки и двинулся к выходу из дома.

Под частое фырканье престарелого синерога, взмокшего от бега в полуденную жару, Харро и Эннда остановили фургон посреди двора, помахали Бартану и выкрикнули приветствие. После того мрачного события на их ферме они прониклись симпатией к Бартану, и недавно Эннда уговорила его оставить дом на несколько часов и развеяться в Новом Миннетте.

Бартан помог ей спуститься с высокой повозки, и они не спеша пошли к дому. Харро тем временем вел к воде распряженного синерога.

— Да ты у нас нынче просто молоденький щеголь! — Улыбка согнала с лица Эннды усталое выражение.

— Ухитрился сберечь хорошую рубашку и клетчатые штаны, но сдается, они маленько сели.

— Да нет, это ты раздался. — Эннда остановилась и скользнула по его фигуре одобрительным взглядом. — И куда только делся тот сопливый мальчишка, что все норовил задурить нам головы мудреными городскими речами?

— Я теперь мало говорю, — уныло сказал Бартан. — Какой от этого прок?

Эннда ободряюще сжала ему запястье.

— Как Сонди? Не лучше? Сколько уже она так? Почти двести дней, да?

— Двести?! Я уже давно сбился со счета. Да, похоже, что-то вроде этого. С ней все по-прежнему, но я не теряю надежды.

— Вот и молодец! Ну, так где твоя милашка? В спальне?

Бартан кивнул, распахнул перед Энндой входную дверь и проводил ее в спальню. Сондевира в белой ночной рубашке до пят сидела на краешке кровати, уставившись в стену. Она даже бровью не повела, когда вошли Бартан и Эннда, — скорее всего и не заметила их. Ее желтые волосы были тщательно расчесаны, но бездарная укладка не оставляла сомнений в том, что прической Сондевиры занимался Бартан.

Войдя в комнату, Эннда опустилась перед девушкой на колени и взяла ее безвольные руки в свои. Красивое лицо Сондевиры осталось безмятежным, глаза — невидящими. Эннда поцеловала ее в лоб, встала и вернулась к Бартану.

— Ну ладно, юноша. Езжай-ка ты в город и гуляй в свое удовольствие, а я тут обо всем позабочусь. Только скажи, чем покормить Сондевиру… ну и насчет прочего.

— Насчет прочего? — Бартан недоуменно по-

глядел на Эннду, и та сердито хмыкнула. — А! Не беспокойся, она у меня чистюля, все, что надо, сама делает и ест, что дадут. Просто для Сонди никого, кроме нее самой, как бы и не существует. Ни словечка не обронит. Сидит вот так на кровати день-деньской и в стенку глядит. А меня в упор не видит. Ну да ладно. Может, это мне за грехи воздаяние. За то, что привел ее сюда.

— Не дури. — Эннда обняла его, и он подался навстречу, прижался и сразу сомлел в ауре тепла, женственности и доброты.

— Это еще что за дела? — громыхнул Харро, шагнув с крыльца в полумрак кухни. — Бартан, да тебе, никак, одной женщины мало?

— Харро! — вскинулась на мужа Эннда. — Что ты несешь?

— Ой, прости, дружище. Я вовсе не насчет того, что твоя Сонди… — Харро скомкал фразу, и круглый шрам на его щеке побледнел на фоне густого румянца.

— Нечего тут извиняться, — отмахнулся Бартан. — Я ужасно рад, что вы приехали. Вы мне здорово помогли.

— Чепуха! Нам ведь тоже не вредно маленько передохнуть. Лично я буду весь вечерний день дурака валять… и честно предупреждаю: винцу

твоему спуску не дам! — Харро с вожделением зыркнул в угол, где стояли оплетенные бутыли. — Я гляжу, там еще кое-что осталось, а?

— И там, и в погребе — сколько душе угодно. Это ж моя единственная утеха.

— Надеюсь, ты не злоупотребляешь? — забеспокоилась Эннда.

Бартан улыбнулся.

— Пью не больше, чем нужно, чтобы спать как убитый. А то тихо тут слишком… Как в могиле.

Эннда кивнула:

— Бедняжка Бартан! Тяжело, наверно, одному. И мы теперь не ахти какие помощники, сами едва управляемся. Такое число народу подалось на север… Ты небось уже слышал — Уилверы и Обригейлы уехали.

— Да… Столько труда, и все насмарку! А сколько людей еще осталось?

— Пять семей, ежели нас не считать. Бартан уныло покивал:

— Им бы еще малость подождать, а там…

— Если еще малость подождать, то стемнеет, пока ты доберешься до таверны, — перебила Эннда, подталкивая его к выходу. — Езжай, Бартан, езжай и отдохни несколько часиков. Давай иди.

Он бросил последний взгляд на жену, за-

мкнувшуюся в собственном, никому другому не доступном мире, вышел во двор и свистнул синерогу. Затем оседлал его и через несколько минут выехал. Ему никак не удавалось отогнать чувство вины, как будто он поступал недостойно, получая передышку в полдня от работы на износ и непосильного бремени ответственности. Но он так истосковался по безыскусным развлечениям в компании добродушных и дружелюбных пьяниц, что без особого труда нашел себе оправдание.

Одна лишь езда верхом на лоне природы слегка подлечила душу. Достигнув околицы, он поначалу зачарованно взирал на незнакомых людей, на разномастные постройки, на величественные паруса морских судов — и вдруг спохватился: в первый раз Новый Миннетт показался ему крошечным и провинциальным. «Вот оно, значит, как, — хмыкнул про себя Бартан. — Поживи подольше в сельской глуши, и жалкий городишко покажется тебе солидной метрополией».

Он подъехал прямиком к дому без фасадной стены — городской таверне — и с радостью увидел многочисленных завсегдатаев, тех самых, что встречали его в тот далекий день путешествия на воздушной шлюпке. Пока в Корзине жизнь уверенно сходила на нет, здесь все оставалось

по-прежнему; казалось, город подвешен во времени, законсервирован и оживает только при появлении Бартана.

В таверне он увидел мэра Мэджина Кэрродалла — как всегда, при коротком мече; непросыхающего толстяка Отлера и десятки других горожан, откровенно довольных своим уделом. При виде их Бартану даже подумалось: а может быть, жизнь не такая уж и скверная штука?

Он с наслаждением пил крепкий коричневый эль, опустошая кувшин за кувшином, хоть и не чувствовал вкуса. Ему нравилось, что все кругом, и даже Отлер, отнюдь не знаменитый своей щепетильностью, — помалкивают насчет повального бегства из Логова. Люди понимали, что привело Бартана в город, и сочувствовали ему, но разговоры вели на иные темы, в основном обсуждали новости о странной войне, бушующей в небесах по ту сторону планеты. Особенно их воображение распалилось, когда кто-то упомянул о новом роде войск — это ж подумать только, солдаты носятся среди облаков верхом на реактивных двигателях, безо всяких шаров! Чаще всего звучало имя лорда Толлера Маракайна, и Бартана это удивило.

— А правда, что во времена Переселения Маракайн разделался с двумя королями? — спросил

он.

— Еще бы не правда! — Отлер грохнул по длинному столу кувшином. — По-твоему, за что его прозвали Убийцей Королей? Да я, дружище, сам при этом был. Своими глазами видел!

— Вздор! — закричал Кэрродалл, перекрывая общий смех.

— Да ладно вам, — уступил Отлер. — Может, этого я и не видел, но вот корабль Прада рухнул у меня на виду, что было, то было. — Отлер чуть отвернулся от завсегдатаев таверны и сказал, обращаясь к Бартану: — Я тогда солдатом был, совсем еще мальчишкой. Четвертый Соркский полк. Из Ро-Атабри улетел на одном из первых небесных кораблей. Вот уж не чаял дожить до конца того путешествия! Но это — другая история…

— Которую мы слышали тысячу раз, — подхватил незнакомый Бартану человек, ткнув локтем в бок соседа.

Толстяк сделал непристойный жест и снова повернулся к собеседнику.

— Знаешь ли, Бартан, какая штука получилась? Корабль Прада сцепился с другим, на котором летели Маракайн, Чаккел — он тогда в принцах ходил, — Дасина и трое их детей. Толлер спас

им жизнь, растолкав корабли. Такая работенка и десятерым не по плечу, а Толлер в одиночку управился. Я видел, как корабль Прада камнем полетел вниз. Он пронесся мимо меня, и я вовек не забуду, как Прад стоял у леера — высокий такой, стройный храбрец, — и его слепой глаз сиял, как звезда.

Он погиб, и это означало, что королем становится принц Леддравор. А через три дня после высадки Леддравор и Толлер сошлись в поединке и дрались шесть часов кряду, пока Толлер не снес Леддравору голову с плеч. Одним махом, представляешь?!

— Настоящий мужик, должно быть, — сухо отозвался Бартан, пытаясь отделить факты от вымысла.

— Десятерых стоит! А каким ты себе воображаешь настоящего мужика? Да Толлер любого из наших молокососов за пояс заткнет, ты не гляди, что он уже в летах! Слыхал, как он в первом бою мирцам всыпал? Когда все огненные стрелы выпустил, хвать свой белый меч и ну шары полосовать! В клочья! Тем самым мечом, которым он Каркаранда победил! Самого Каркаранда, ты понял? Одним махом! Я тебе, Бартан, так скажу: этому человеку мы всем обязаны. Эх, будь я лет

на двадцать помоложе, да если бы не коленка, чтоб ее… я б сейчас был рядом с ним.

Мэр Кэрродалл фыркнул в кувшин, разбрызгав пену.

— Ты же вроде твердил, что там шары ни к чему.

— Ха-ха-ха, — проворчал Отлер. — До чего же смешно!

Пробежало еще несколько приятных часов, и вдруг Бартан с удивлением заметил, что солнечные лучи покраснели и падают в таверну под пологим углом.

— Господа, — вымолвил он, поднимаясь, — я слишком задержался и теперь вынужден вас покинуть.

— Еще кувшинчик на посошок, — предложил Кэрродалл.

— Извиняюсь, но мне пора. За фермой присматривают друзья, и будет некрасиво, если я заставлю их ждать.

Кэрродалл встал и взял Бартана за руку.

— Я слыхал о несчастье с твоей женой, — прошептал он. — Эх, бедняги… Ты, часом, не подумываешь увезти ее из этого гиблого места?

— Да при чем тут место? — беспечным тоном произнес Бартан, решив не обижаться напо-

следок. — Я не хочу бросать ферму. Счастливо, Мэджин.

— Удачи, сынок.

Бартан жестом простился с остальными и вышел во двор, где топтался у жерди синерог. В желудке у Бартана разливалось тепло, в голове стоял приятный бодрящий гул — хмель, главный союзник в повседневной борьбе за выживание, оказался сегодня на высоте. «Все-таки здорово жить на свете, — подумал он. — Такое чудесное ощущение… жаль только, что последнее время оно от меня прячется на дне бутыли черного вина». Он кое-как вскарабкался на синерога и предоставил умному животному самому найти дорогу домой.

На небе постепенно сгущались краски ночи, ярче сияли звезды, а за ними появлялись спирали и ведьмины косы туманного свечения. Было больше, чем обычно, крупных комет; Бартан их насчитал восемь, они распушили серебристые хвосты по всему небосводу, и в темной синеве между ними светляками мелькали метеориты. Подпитие склоняло к созерцательной раздумчивости; интересно, произнес он про себя, сумеет ли кто-нибудь когда-нибудь разглядеть вблизи хотя бы основные штрихи небесного пейзажа?

Все считают, что светящиеся точки — это далекие солнца, за исключением одной зеленой — третьей планеты, носящей имя Дальний Мир. Вполне ясна и природа метеоритов — они время от времени падают на Верхний Мир, оставляя на земле большие и малые воронки. Но что это за светящийся смерч разбегается по всему ночному небу на добрую четверть года? И откуда взялась такая уйма туманностей поменьше — туманностей самой разнообразной формы, от кругов и эллипсов до сияющих игл; туманностей, которые тают от наших глаз свое строение и кое-где наслаиваются друг на друга?

Возвышенные раздумья заставили Бартана дольше обычного задержать взгляд на светлых изгибах, и лишь благодаря этому он заметил нечто из ряда вон выходящее. Точно на востоке, примерно в той стороне, где лежала его ферма, чуть выше горизонта висело пятнышко света диковинной формы — этакая четырехлучевая звезда с вогнутыми сторонами. Подобная геометрическая фигура образуется между четырьмя окружностями, каждая из которых соприкасается с двумя соседними. Острия звезды излучали слабое радужное свечение. Она была слишком мала, и Бартан, не имея при себе подзорной трубы, не

мог различить деталей, но ему показалось, что в центре звезды мельтешат разноцветные блестки. Он глядел на звезду, зачарованный ее призрачной красотой, пока она не утонула за гребнем ближайшего друмлина.

В растерянности покачав головой, Бартан пришпорил синерога и въехал на возвышенность. Горизонт отступил, но светлое пятно уже успело сгинуть.

Что это было? — подумал он. Случается, на землю падают метеориты, иные напоминают яркие цветы, но всякий раз их сопровождает неистовый рев. А это явление происходило в полной тишине; и вдобавок световое пятно двигалось — медленно и ровно. Постепенно Бартан пришел к заключению, что светящийся объект был гораздо крупнее, чем ему показалось. Тут все дело в расстоянии. Так что же это за звезда, загадочно плывущая в космической пустоте высоко над атмосферой Верхнего Мира?

Погрузившись в размышления о чудесах вселенной, Бартан ехал почти час, когда наконец заметил свет в окнах и почувствовал укол совести: ведь уже темно, как теперь Форатере доберутся к себе? А у них с Сондевирой всего одна кровать. Разве что… уступить свое место Эннде,

а самому переночевать на полу вместе с Харро? Неважнецкая плата за услугу, особенно если вспомнить о том, как редко теперь в Корзине Яиц соседи предлагают друг другу помощь. Что же делать? Придумывая оправдания, он погнал синерога рысью, но узду не натягивал — животное само находило на посеребренной звездным светом земле тропинку, ведущую к дому.

До фермы оставалось примерно с милю, когда вокруг Бартана внезапно полыхнуло, да так ярко, что веки судорожно сжались, и он не успел ничего заметить, кроме разноцветного сияния.

Насмерть перепуганный синерог встал на дыбы и затявкал, а вцепившийся в него что было сил Бартан содрогнулся в ожидании наимощнейшего взрыва, который, как подсказал ему инстинкт, всегда сопровождает столь яркие вспышки. Но взрыва он так и не услышал — только вибрирующую, как тугая струна, тишину. И пока она «звенела», он чувствовал, как на нем трепещется одежда. Как от ветра. Но ветра не было.

Синерог опустил на землю передние ноги, и Бартан открыл глаза. Вспышка частично ослепила его; казалось, оранжевые и зеленые силуэты деревьев и кустов навсегда отпечатались на сетчатке.

— Ну-ну, старушка, — выдохнул он, похлопав животное по шее. — Успокойся.

Бартан энергично протер кулаками глаза и огляделся. Что это было, такое жуткое, неестественное? Кругом — все по-прежнему, ночной ландшафт вновь погрузился в извечный покой. Дремлющий мир силился внушить, что все обошлось, но Бартана, застигнутого врасплох тревогой, было не так-то легко провести.

Он погнал синерога во весь опор, рискуя в потемках свалиться с седла и сломать шею, и добрался до фермы за несколько минут. Ни Харро, ни Эннды он во дворе не увидел; небо чистое, стало быть, ничего страшного не случилось. Или он заблуждается? Может, он оказался очевидцем редкого явления природы — в конце концов, находятся ведь люди, которые утверждают, что якобы молнии не с неба бьют, как принято считать, а совсем наоборот — из-под земли выскакивают.

Он въехал во двор, спешился и подошел к крыльцу. Распахнул дверь, и глазам его открылась картинка сельского быта: Эннда вышивает на широкополой крестьянской шляпе, Харро наклоняет над чашей бутыль с вином. Бартан облегченно вздохнул — и обмер. Тревога мигом вернулась, едва он понял, что супружеская чета и

впрямь— живой фрагмент картины. Они стояли, как статуи! Они не шевелились! Единственный признак жизни в их облике был ложным, его создавал сквозняк из отворенной двери, заставляющий мерцать огоньки в масляных лампах.

— Харро? Эннда? — Бартан нетвердым шагом ступил в кухню. — Я… подзадержался, вы уж простите…

В следующее мгновение игла Эннды заходила вверх-вниз, а в чаше забулькало вино.

— Пустяки, Бартан, не кори себя, — промолвила Эннда. — Еще ведь рано, только солнце зашло… — Она бросила взгляд во мглу дверного проема и нахмурилась. — Странно. Как это я не…

Конец фразы потерялся в глухом треске стекла — из рук Харро выпала бутыль. Из кучи осколков на каменном полу расползлись темные винные щупальца.

— А, чтоб тебя! — Харро схватился за правое плечо и стал массировать его. — Так рука устала, что… болит! — Он посмотрел под ноги и виновато округлил глаза. — Прости, дружище. Не возьму в толк, как это…

— Ерунда, — отмахнулся Бартан. — Вы видели вспышку? Что это было, по-вашему?

— Какую вспышку?

— Ослепительную! Так полыхнуло! В жизни такого не видел, не сойти мне с этого места! Как вы думаете, что это было?

Харро недоуменно уставился на жену.

— Не видали мы никаких вспышек. Ты, Бартан, часом, не упал? Головой не стукнулся?

— Не падал я. — Теперь пришел черед Бартана с недоумением посмотреть на супружескую чету. В следующий миг его взгляд перескочил на дверь в спальню — слегка приоткрывшись, она пропустила полоску света, и та легла поперек кровати. Пустой кровати! Бартан вскочил на ноги, в три шага пересек кухню и распахнул дверь. Он не увидел Сондевиры в тесной квадратной комнате.

— А где Сонди? — глухо произнес он.

— Что? — Харро и Эннда выскочили из-за стола и подбежали к нему. На их лицах застыло изумление.

— Где Сонди? — повторил Бартан. — Вы что, выпустили ее из дому одну?

— Ну что ты! Она здесь. — Эннда протиснулась между ним и дверным косяком и замерла у порога, глядя в пустую спальню. Спрятаться здесь было негде.

— Вы, наверно, заснули, — предположил Бартан, — и не заметили, как она вышла.

— Да не спала я! Не могло этого... — Эннда умолкла и прижала ладонь ко лбу. — Что толку стоять тут и спорить?! Надо пойти и разыскать ее.

— Фонари возьмите. — Бартан схватил цилиндрический фонарь и бросился на улицу.

Даже после того, как они заглянули в уборную и не нашли в ней Сондевиры, он оставался спокоен. Прежде его жена никогда так не поступала, а диких хищников на планете не водилось, и не было вокруг фермы ни утесов, ни расселин — упасть и разбиться Сондевира не рисковала. А может, это и к лучшему, подумалось Бартану, что она вышла. Может, она наконец выбирается из того сумрака, что так давно одурманил ее рассудок?

Но через час бесплодных поисков и ауканья им овладели предчувствия иного рода. «Сначала, — рассуждал Бартан, — это странное явление, ослепительная лавина света, потом — таинственное исчезновение жены. Наверняка эти события как-то связаны между собой».

Как ни крути, Логово — оно и есть логово. Наивно и бессмысленно было переименовывать его в Корзину Яиц. Здешние призраки снова и снова напоминают о себе, и Сондевира — самая последняя их жертва. А ведь он еще сегодня мог увезти

ее из этого гиблого места! Проклятое упрямство, идиотская самонадеянность! Из-за них он подвергался сам и подвергал других опасностям, непостижимым для простых смертных… И вот — закономерный итог!

— Что толку бродить в потемках. — В голосе Харро здравый смысл соседствовал с усталостью. — Надо вернуться в дом и поберечь силы до рассвета. Что скажешь?

— Пожалуй, ты прав, — уныло отозвался Бартан.

К тому времени, как они возвратились, печь успела остыть. Пока Бартан ее растапливал, Харро достал из погреба непочатую бутыль и наполнил красным вином три чаши.

Бартан послушно пил, но успокоиться не мог. Тепло и домашний уют непрестанно напоминали ему, что он не вправе наслаждаться подобной роскошью, пока жена блуждает где-то в ночи. Ведь она в лучшем случае замерзнет и простудится, а в худшем — пропадет…

— Как такое могло случиться? — спросил он. — Знал бы я заранее, ни за что бы ее не оставил.

— Я, наверно, задремал, — промямлил Харро. — Вино… — Но ведь ты был не один.

Эннду уже клонило в сон, однако, услышав эти

слова, она вскинулась, и лицо ее исказилось от гнева.

— К чему ты клонишь, сопливый городской мальчишка? Намекаешь, что это я прикончила твою шлюшку? Думаешь, я ей рожу съела, да? Это ты хочешь сказать? А где же тогда кровь, а? Ты видишь на мне кровь? Гляди! — Она ухватилась обеими руками за ворот своей синей блузки и рванула ее вниз, приоткрыв груди. — Видишь кровь?

— Эннда! — ошеломленно воскликнул Бартан. — Я тебя умоляю! У меня и в мыслях не было…

Спрыгнув со стула, Эннда швырнула чашку в очаг, и Бартан, потрясенный, умолк.

— Со снами я справляюсь! Правда! Я ту дрянь и близко не подпускаю! Не даю себя пожирать! Клянусь!

Харро встал и обнял жену, прижав к своему плечу ее мокрое от слез лицо. В его руках Эннда обмякла и захныкала; ее всю трясло. В очаге шипело и пузырилось вино.

— Я… — Бартан поднялся и поставил на стол свою чашку. — Я не знал, что тебе до сих пор это снится…

— Бывает иногда. — Взгляд у Харро был жалкий,

затравленный, виноватый. — Знаешь, Бартан, пожалуй, будет лучше, если я ее увезу домой.

— Домой? — После гневной вспышки силы оставили Эннду, и она залепетала, как ребенок. — Да, Харро, увези меня домой. Пожалуйста… Увези из этого проклятого края… домой, на восток, в Ро-Амасс. Я так больше не могу… Давай вернемся в настоящий наш дом, помнишь, мы были так счастливы…

— Что ж, должно быть, ты права. — Харро успокаивающе похлопывал жену по спине. — Лучше мы об этом утром потолкуем, ладно?

Эннда повернула голову к Бартану и улыбнулась, но губы ее дергались.

— Бартан, миленький, не сердись на меня, ладно? Ты хороший парень, и Сонди тоже славная девушка. Я ведь не со зла все это нагородила…

— Да я знаю. — Бартану было не по себе. — Может, останетесь? Куда вы на ночь глядя?

Харро решительно помотал головой.

— Нет, дружище. Поедем мы. Но с утра я вернусь и еще кого-нибудь привезу. Если к тому времени Сонди не объявится, мы ее найдем, вот увидишь.

— Спасибо, Харро.

Бартан проводил соседей до фургона и помог запрячь синерога, то и дело оборачиваясь и вы-

сматривая в сумраке белое пятно — благополучно возвращающуюся Сондевиру.

Тщетная надежда…

Сам того не подозревая, Бартан вступил в самую темную полосу своей жизни. Через несколько дней ему предстояло свыкнуться с мыслью, что его несчастная заколдованная жена, по всей вероятности, навсегда рассталась с этим миром.

Глава 10

В том, что враг шел со стороны солнца, не было ничего странного; удивило Толлера другое — размах атакующей волны. По меньшей мере шестьдесят кораблей поднимались эшелонированным строем, строго соблюдая интервал и дистанцию, чтобы в случае опасности прикрывать друг друга.

Разгромив в пух и прах первый флот, Толлер надеялся, что с войной покончено, но напрасно: мирцы не угомонились, хотя их последующие атаки больше смахивали на самоубийственную разведку боем: неприятель изобретал все новые и новые способы прощупать оборону Верхнего Мира. Второй отряд кораблей пробовал прорваться в зону невесомости ночью, но его выдал шум

горелок, и мирцам пришлось отступить с тяжелыми потерями. Третья попытка сорвалась из-за того, что противник вооружился сверхмощными пушками — они стреляли с такой отдачей, что разрушали собственные корабли. После этого Новые Люди еще дважды поднимались в срединную синеву и оба раза запускали с бортов гондол собственные реактивные истребители. Вражеские пилоты старались вовлечь три эскадрильи верхнемирцев в яростную схватку, но по сравнению с искусными бойцами Толлера они были зелеными новичками, и мало кому из них посчастливилось уйти живым. Во второй раз они пробивались на высоких скоростях в Группу Внутренней Обороны — видимо, намереваясь уничтожить станции, — но опять безуспешно: их отогнали и перестреляли поодиночке.

Со временем Толлер понял, что защитники Верхнего Мира, оборудовав постоянную базу в зоне невесомости, обеспечили себе огромное преимущество над врагом. Удивительно, размышлял он, почему король Рассамарден до сих пор не пришел к такому же выводу, почему он с тупым упрямством бросает людей и корабли в мясорубку? Единственное разумное, на его взгляд, объяснение этому дал в своем рапорте

полковник Гартазьян после встречи с разведывательным кораблем мирцев. «Они в высшей степени надменны и самонадеянны, — писал он, — и глухи к доводам здравого смысла». Похоже, Новое Человечество Мира вместе со своим правителем — последняя коллективная жертва птертоза, не подозревающая, что в мозгу ее представителей бродит яд абсурда. В бою они не щадили себя, старались лишь подороже продать свою жизнь и только поэтому обзавелись парашютами, которые позволяли воздухоплавателям выжить после гибели корабля. Но Толлер не знал, сами они изобрели это устройство или взяли за образец парашют, найденный на теле Динитлер, упавшей на Мир после того, как в баках ее машины иссякло топливо. Возможно, истребитель они тоже сконструировали не сами, а восстановили из обломков машину Динитлер.

Но сейчас Толлера занимал более насущный вопрос: что затеяли мирцы на этот раз? Неужели, охваченные неутолимой страстью к самоуничтожению, они пустились в очередную авантюру? Или столь мощное наступление — признак веры в некое новое оружие?

Размышляя об этом, Толлер мчался навстречу солнечным лучам. За ним четким клином летела

Красная Эскадрилья. Наклонные стеклянные обтекатели — последнее новшество в конструкции истребителя — защищали летчиков от холодных воздушных потоков. По правую руку от Толлера в одной восьмой мили Синие прочерчивали в сияющих небесах белые полосы, а слева на таком же расстоянии неслась Зеленая Эскадрилья. В душе у Толлера бурлило давно знакомое возбуждение вперемешку с чувством вины.

Далеко внизу некоторые корабли, резко выделяющиеся на огромном выпуклом и разноцветном фоне Мира, уже разворачивались гондолами кверху. Мирцы больше не решались слепо лететь на врага; их впередсмотрящие отдалялись на длинных канатах от бортов и наблюдали за небом. Стоило кому-нибудь углядеть белый конденсат, и корабли переворачивались с таким расчетом, чтобы защищать себя и друг друга. Поэтому три эскадрильи действовали теперь порознь, и летчикам приходилось больше полагаться на себя, чем на стратегические таланты командиров. Случались эффектные личные победы, бывали и столь же впечатляющие неудачи; множились легенды. «Что я увижу на этот раз? — думал Толлер. — Не летит ли навстречу солдат, которому суждено оборвать нить моей жизни?»

Когда боевые порядки небесных кораблей заслонили собой всю перспективу, строй истребителей рассыпался, чтобы оплести свою добычу паутиной из белых выбросов. Толлер знал: справа от него описывает кривую машина Беризы Нэрриндер. Захлопали дальнобойные мушкеты, но не так яростно и торопливо, как в предыдущих боях, и Толлер вспомнил о принципиально новом оружии мирцев. Чтобы получше разглядеть небесные корабли, он заглушил двигатель и дождался, когда машина остановится. Несколько истребителей уже ворвались на предельной скорости в неприятельскую «решетку», и ему удалось заметить оранжевые крапины стрел. Но ни один шар еще не горел.

Толлер потянулся к подзорной трубе, ему мешали перчатки и лук, пристегнутый к левому запястью; впрочем, и невооруженным глазом было видно, как вокруг отдельных гондол появляются коричневые пятнышки, словно мирцы швыряют навстречу атакующим десятки метательных снарядов. Но пятнышки трепетали и одно за другим начинали перемещаться сами по себе.

Птицы!

Распутывая ремешок подзорной трубы, Толлер

старался угадать, что за птиц решили использовать мирцы, чтобы в опасный момент напустить на своих врагов. Ответ возник моментально: реттсерских орлов, обитающих в горах Реттсер на севере Колкоррона. В размахе их крылья достигали двух ярдов, скорость полета не поддавалась точному измерению, а силищей они обладали такой, что в мгновение ока выпускали кишки оленю или человеку. В прошлом никто не брался дрессировать этих грозных и своенравных созданий для охоты или войны, и даже нападение птерты ничего не изменило, однако Новые Люди уже не раз доказывали, что к своей жизни они относятся без особой почтительности и гораздо выше ценят победу над врагом.

Первый же взгляд в подзорную трубу подтвердил опасения Толлера, и по его спине побежал холодок. Сама природа создала этих великанов царями воздушной стихии; страшно даже представить, какую резню они могут учинить среди его летчиков. Внезапно некоторые белые стрелы изогнулись: пилоты идущих впереди истребителей, сообразив, что за напасть им грозит, предпочли уклониться.

Томительно проходили секунды. Потом Толлер вдруг спросил себя: а почему ничего не

происходит? Странно. Он-то ожидал, что орлы, обладающие невероятным проворством, ринутся в неудержимую атаку, едва заметят чужих летчиков, но они не отдалялись от кораблей, с которых их сбросили.

Оптика показала занятную картину: орлы неистово махали крыльями, но вместо того, чтобы стремительно лететь в бой, безостановочно кувыркались. Казалось, их удерживает на месте невидимая сила. Зрелище это так развеселило Толлера, что лишь через несколько секунд он сообразил: машущие крылья совершенно не годятся для полетов в невесомости. Сила взмаха, не скомпенсированная весом птицы, опрокидывает ее назад. Будь орел существом разумным, он бы приноровился двигать крыльями иначе — примерно как пловец руками. Но эти пленники инстинкта могли только терять понапрасну силы.

— Опять вам не повезло, ребята, — прошептал он, подкармливая двигатель кристаллами. — В который раз дурака сваляли. А за глупость надо расплачиваться, верно?

В следующие минуты Толлер наблюдал, как его пилоты поджигают шар за шаром и при этом не несут потерь. Когда мирцы занимали глухую

оборону, их корабли горели слабее — воздушные потоки не раздували пламя. Бывало, огонь гас, не успев испепелить весь шар, — но команду корабля это не спасало, летательный аппарат все равно был обречен.

Крутящиеся орлы придавали баталии диковинный вид, а их панический грай выделялся из рева дюз, треска мушкетов и нечастого, но оглушительного буханья пушек. Толлер заметил, что некоторые птицы уже не шевелятся: спрятав голову под крыло, будто уснув, они дрейфовали в воздухе. Иные висели, распластав крылья и не подавая признаков жизни, — вероятно, умерли с перепугу.

Несказанно довольный переменой ситуации, Толлер в поисках достойной цели для атаки выбрался из белого клубка и увидел идущую к нему на сближение машину его эскадрильи. Вела ее Бериза Нэрриндер; она быстро сжимала в кулак и раскрывала правую кисть, сигналя, что хочет поговорить. Недоумевая, Толлер закрыл дроссель и дал машине остановиться. Бериза поступила точно так же, и два летательных аппарата медленно подплыли друг к другу, все сильнее вихляя по мере того, как выходили из-под власти рулей.

— В чем дело? — спросил Толлер. — Хотите

притащить на обед одну из этих пташек?

Бериза сердито помотала головой и спустила шарф до подбородка.

— Там корабль! Очень далеко под зоной боевых действий. Советую на него взглянуть.

Он посмотрел в указанном ею направлении, но корабля не увидел.

— Может, наблюдатель? — предположил он. — Наверно, пилоту велено держаться подальше от нас и вернуться на базу с докладом.

— Мой бинокль показывает иное, — возразила Бериза. — Это не простой корабль. Милорд, взгляните внимательнее. Лучше в трубу. Вон туда, где край облака проходит над заливом Троном.

Толлер исполнил ее просьбу и на этот раз разглядел на фоне Мира крошечный силуэт небесного корабля. Он лежал на. боку, подтверждая тем самым догадку Толлера, что команде поручено наблюдать за ходом сражения. «Любопытно, — подумал он, — дошло уже до них, что у приятелей наверху дело не очень-то ладится?»

— Не вижу ничего особенного, — произнес он. — А вас он чем заинтересовал?

— Что вы скажете насчет эмблем на гондоле? Видите синие и серые полосы?

Как следует рассмотрев крошечный кораблик,

Толлер опустил трубу.

— У вас глаза молодые, не чета моим… — Он умолк. По затылку от шеи пополз озноб — Толлер наконец донял, к чему клонит Бериза. Синий и серый — исконные цвета кораблей правящей династии. Неужели Рассамарден не счел зазорным унаследовать их? А почему бы и нет? Может, они для него что-то значат? — Толлер машинально кивнул своим мыслям. Что бы там ни заявлял надменный монарх, он как пить дать алчет все того же, что и его предшественники. Но неужели он настолько самоуверен и глуп, что рискует летать в такой близи от сражающихся армий?

— Я не раз слышала, что Леддравор часто лично водил в бой войска, а ведь он не был Новым Человеком, — сказала Бериза, выдыхая струйки пара. — К тому же эти орлы… Если бы они выполнили свою задачу, худо бы нам пришлось. Может, Рассамарден надеялся своими глазами увидеть славную победу?

— Капитан, вы столь же остры умом, как и глазами. — Толлер одобряюще улыбнулся.

— Милорд, я, конечно, обожаю комплименты, но на этот раз подумываю о более почетной награде.

— То есть о разрешении уничтожить королев-

ский корабль?

Бериза не дрогнула под его взглядом, только брови сдвинула.

— Я считаю, милорд, что имею на это право. Ведь это я его обнаружила.

— Прекрасно понимаю и сочувствую, но и вы войдите в мое положение. Если на борту этого корабля Рассамарден, то мы обязаны уничтожить его во что бы то ни стало и тем самым положить конец войне. Мой долг— атаковать его всеми силами, имеющимися в моем распоряжении.

— Но разве мы доподлинно знаем, что на нем Рассамарден? — немедленно возразила Бериза, и Толлер невольно вспомнил свою жену. — И вообще вы мало выиграете, выведя из боя все истребители ради одного-единственного корабля. Тем более что ему все равно от нас не сбежать.

Толлер устало вздохнул.

— Разрешите хотя бы сопровождать вас и стать очевидцем подвига.

— Благодарю, милорд. — Впервые она титулована его без вызывающей нотки и сразу потянулась к дросселю краснополосой машины.

— Не так сразу! — запротестовал Толлер. Выброс газа из сопла развернул его машину почти кругом, и разговор на несколько мгновений пре-

рвался. Обернувшись к Беризе, он продолжил: — Я бы хотел, чтобы вы сначала нашли и прислали ко мне Юмола и Дааса — я расскажу им, что мы задумали. Они будут нас ждать и, если мы не вернемся, атакуют корабль всеми силами. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы из его команды или пассажиров кто-нибудь ушел живым.

Склонив набок голову, Бериза нахмурилась; лучи восходящего солнца превратили ее лицо в красивую маску.

— Два истребителя против одного небесного корабля… Как вы можете сомневаться в нашей победе?

— Парашюты, — напомнил Толлер. — Когда на корабле — обычные матросы, нам достаточно повредить шар. Не так уж важно, погибнут они или спасутся. Снова прилетят — мы их снова собьем. Но сейчас корабль нас не интересует, необходимо уничтожить людей. Что толку поджигать шар, если мы дадим Рассамардену благополучно вернуться в его заразное королевство? Нет, на этот раз наша цель — не оболочка и даже не гондола. Надо прикончить самого Рассамардена, и нет надобности говорить, что сделать это будет гораздо сложнее, нежели просто метнуть издали в шар горящую стрелу. Так что же, вы по-прежнему

настаиваете на своей привилегии?

На лице Беризы не дрогнул ни один мускул.

— Я по-прежнему тот, кто первым увидел корабль.

Через несколько минут Толлер мчался вниз, к далекому небесному кораблю, а Бериза летела параллельным курсом — вот тут-то и возникли у него сомнения, стоило ли брать ее с собой. Летчиков-истребителей связывали друг с другом особые узы, дух товарищества, подобного которому Толлер не знал за все годы военной службы. И Бериза умело сыграла на этом, чтобы добиться своего. Может быть, для Толлера, «влюбленного в смерть», такой рискованный шаг — дело совершенно обыденное, но как быть с ответственностью командира за своих солдат? С другой стороны, оставь он Беризу позади, где не так опасно, она бы непременно решила, что он — себялюбец, ни с кем не желающий делиться славой. И многие летчики согласились бы с ней, а он боялся потерять их уважение. Или он чересчур переоценивает ерундовую, в сущности, проблему? Чем ему легче пожертвовать жизнью молодой женщины или лестной привязанностью юных товарищей?

Только не первым — вот единственно правиль-

ный и достойный ответ.

Он взглянул на уменьшающийся силуэт Беризы, которая верхом на реактивном истребителе, обтекаемом воздушными потоками, четко выделяясь на фоне серебристых водоворотов темно-синей бесконечности, хладнокровно летела навстречу опасности, и в душе его неожиданно всколыхнулось теплое чувство, смесь уважения и симпатии. Эта женщина, подумалось ему, отважна и умна и всегда предвосхищает его тяжеловесные решения. Она — великолепный боец и вправе сама выбрать свою судьбу.

Словно уловив мысли Толлера, Бериза, чье лицо скрывалось под шарфом и защитными очками, бросила на него вопросительный взгляд. Толлер отдал ей честь, она ответила тем же, а затем целиком сосредоточилась на предстоящей схватке.

Они с Беризой находились на прямой линии между сражающимися и кораблем Рассамардена. Толлер всей душой надеялся, что на фоне дыма и мерцающего под солнцем конденсата выбросы двух машин останутся незамеченными, но остроглазые впередсмотрящие все-таки уловили опасность. Из гондолы выпрыгнули мушкетеры и закувыркались на концах канатов, поспешно образуя широкий круг, чтобы прикрыть огнем

верхнюю, наиболее уязвимую, половину оболочки. Будь это обычный корабль, у них имелось бы немного шансов подбить вражескую машину или всадить пулю в пилота, но на этот раз Бериза должна была подлететь к мушкетерам вплотную и выстрелить не в шар, а в гондолу. А в прежних сражениях мирцы показали себя отменными стрелками.

В нескольких фурлонгах от корабля Толлер дал звуковой сигнал и заглушил двигатель. Когда рядом остановилась Бериза, он сказал:

— Чтобы зря не рисковать, давайте хорошенько рассмотрим гондолу. Надо убедиться, что Рассамарден в самом деле на борту.

Бериза поднесла к глазам бинокль, помолчала минуту и вдруг рассмеялась.

— Я вижу корону! Стеклянную корону! Не ее ли носил король Прад и все его предшественники? Скажите, милорд, они и вправду таскали на голове это смешное украшение?

— В определенных случаях. — Толлер удивился: почему он себя чувствует задетым? — Если вы видите диадему Битрана, то могу заверить, что сделана она из одних алмазов и стоит… — Он запнулся, охваченный внезапной радостью. — Дурак! Тщеславный, самоуверенный дурак! Дорого

же тебе обойдется привычка носить прозрачную шапчонку! Сколько у вас ядер?

— Все шесть.

— Отлично! Беру на себя шар, но зайду не сверху, а сбоку, чтобы все в гондоле видели, как я выпущу стрелу. Вот тут-то и бейте! Может, повезет и вы с первого захода взорвете ящики с кристаллами. Ну что, готовы?

Бериза кивнула. Толлер убедился, что давление воздуха в резервуарах максимальное, и пустил кристаллы в двигатель. Послушная машина бросилась к небесному кораблю. Толлер двигался по нисходящей дуге, рассчитывая пройти мимо шара, но чуть медленнее, чем в прежних поединках с кораблями мирцев. Следом летела Бериза, ее машина совершала короткие рывки, оставляя за собой белый пунктир.

Когда гондола в синюю и серую полоску заслонила собой весь обзор, Толлер увидел копошащихся людей. Он насчитал восемь солдат, сгорбившихся на концах радиально растянутых канатов, — конечно, они целились в него.

«Вот чего я хочу, — подумал он, снимая правую перчатку. — Только этого, и ничего другого».

Он выхватил стрелу из колчана, поджег наконечник и вложил ее в лук. Затем врубил

двигатель и направил машину на оболочку. Истребитель быстро набирал скорость; Толлера клонило назад. В реве сопла терялись хлопки выстрелов, но он видел грибы-поганки, выросшие над стволами мушкетов. Когда чудовищная выпуклость шара превратилась в кривую бурую стену, заслонив львиную долю вселенной, он вздыбил истребитель, загораживаясь от большинства неприятельских стрелков его крепким «брюхом». Мир и Верхний Мир покорно переместились вдоль небесного свода.

Одним отточенным движением Толлер вскинул лук и выпустил стрелу. И в тот же миг услышал пушечный дуплет Беризы. Стрела вонзилась в оболочку, и Толлер, не снижая скорости, круто взял в сторону. Что-то ударило его по левой ноге, и клочья ватной подкладки остались за хвостом истребителя. Он еще ниже пригнулся к округлой спине машины и погнал ее прочь, к звездам, на безопасное расстояние. Наконец он вырубил двигатель и позволил машине описать полукруг, чтобы поглядеть со стороны на сцену сражения.

Над ним, немного правее, такой же маневр выполнила Бериза. По боку вражеского шара расползался огонь. На гондоле не было заметно повреждений, но Толлер твердо знал, что Бериза

не промахнулась.

Не теряя времени, она прочистила казенники пушек и зарядила их железными ядрами. Закончив, подняла руку, и Толлер снова двинулся на шар, стараясь вызвать на себя весь огонь. Ему это удалось; благополучно всадив стрелу в теряющего форму гиганта, он отошел подальше и отыскал в небесной синеве Беризу. На этот раз она не дала себе передышки и заряжала пушки во время разворота. Через несколько мгновений она промчалась под машиной Толлера, заходя на гондолу снизу.

Не успели мушкетеры на канатах взять ее в прицел, как она дала залп из обеих пушек. Ядра вспороли палубу, и гондола содрогнулась, но с виду осталась невредимой, а солдаты продолжали палить сквозь густой черный дым, окутывавший подбитый корабль.

Толлер, ожидавший взрыва кристаллов, остановил машину. Едва ли Рассамарден погиб: человек — слишком маленькая цель по сравнению с гондолой. А им было необходимо знать наверняка, что вражеский король убит. Он поискал глазами Беризу; она спускалась к нему в сверкающем нимбе пара. Выждав, когда она приблизится, он постучал себя пальцем в грудь и указал на небес-

ный корабль, давая понять, что на этот раз сам ударит по гондоле. Бериза сдернула со рта шар и выкрикнула что-то неразборчивое; Толлер едва успел заметить на ее обтекателе паутину белых трещин. Затем она до предела открыла дроссель и с оглушительным ревом рванула вперед — прямо на небесный корабль.

С криком, в котором гнев смешался с испугом, Толлер помчался за ней вдогонку; он уже понял, что Бериза не изменит курса. За две секунды до столкновения она спрыгнула с машины. Истребитель пробил борт гондолы и поразил сердце корабля — газовую горелку. От удара корабль крутануло и подкинуло вверх; во все стороны полетели горящие клочья шара. Ускорительные стойки вырвались из пазов и замолотили в разные стороны, а солдат завертело на извивающихся веревках. Спустя мгновение раздался взрыв пикона и халвелла, его сопровождал яростный всплеск зеленоватого пламени. Теперь Толлер не сомневался, что погибли все до единого.

Бериза, оттолкнувшись ногами от кожуха истребителя, сумела лишь чуть-чуть отклониться от его курса и тотчас скрылась в клубах дыма. У Толлера кровь застыла в жилах, нервы, и без того натянутые до предела, грозили лопнуть. Он

завел двигатель и описал полукруг вдоль кромки медленно вращающегося хаоса, пока не достиг синей безмятежности по ту сторону корабля. Беризу он заметил не сразу — белым мерцающим мотыльком она улетала к звездам и серебристым завиткам. Чтобы убедиться, он вскинул к глазу трубу — да, это Бериза, до нее примерно миля, и энергия движения, доставшаяся от истребителя, заставляет ее удаляться.

Он пустился вдогонку, боясь увидеть изувеченный труп. Неподалеку от девушки он сбросил скорость. Истребитель стало кидать из стороны в сторону, и Толлеру пришлось привстать на «стременах», чтобы схватить ее за руку и подтянуть к себе. Он сразу понял, что Бериза цела и невредима: она подались навстречу и, мигом оказавшись верхом на истребителе, лицом к Толлеру, обвила руками его шею.

Ее лицо сияло безумным восторгом, и даже сквозь двойную толщину костюмов он чувствовал, как сильно она дрожит. Им ничего не оставалось, как слиться в поцелуе. У нее были ледяные губы, даже язык, и все-таки Толлер — навсегда, как ему казалось, забывший сексуальную страсть — не мог погасить жар, вновь и вновь толкавший его к этой женщине. Обхватив Толле-

ра ногами, Бериза жадно прильнула к его губам, но в конце концов сжала его щеки ладонями и оторвалась.

— Ну, Толлер, как тебе это понравилось? — хрипло спросила она. — Признайся, ты в жизни не видал такой красоты!

— Да, да, но ведь ты чудом осталась жива, — сказал он.

— Знаю! — Бериза со смехом приникла к его губам, и они долго летели, затерянные среди звезд и светящихся завитков вселенной, которая принадлежала только им двоим.

* * *

На борту небесного корабля тишина нарушалась редко. Примерно в двухстах милях над зоной невесомости Толлер выполнил инверсионный маневр, и теперь корабль плавно падал на Верхний Мир. В ближайшие несколько дней от экипажа никакой работы не потребуется, разве что время от времени подкачивать горячий газ в огромный шар, чтобы его не смяло растущим давлением наружного воздуха. Вокруг царила стужа, но на этот раз она переносилась легче — помогали отопители, работающие на кристаллах. Вдобавок с недавних пор гондолы небесных

кораблей для улучшения теплоизоляции покрывали тонким пергаментом.

И все-таки в цилиндрическом пространстве гондолы было довольно холодно. Когда Бериза сняла блузку, ее соски стянулись в коричневые бугорки. Толлер, уже обнаженный и укрывшийся под толстым стеганым пуховым одеялом, протянул ей руку, но она замешкалась, опустившись перед ним на колени и держась за один из протянутых тут и там канатов, без которых не обойтись при длительном отсутствии силы тяжести на борту.

— Ты уверен, что стоит это делать? — спросила она. — Ты совсем потерял осмотрительность.

Недавно он заявил о своем намерении представить ее королю и вместо того, чтобы вернуться домой на парашюте, специально для них двоих вызвал небесный корабль.

— Ты медлишь, давая мне возможность передумать? — Он улыбался, разглядывая ее, — при обычной силе тяжести женские груди никогда не бывают так восхитительно приподняты. — Или наоборот, чтобы я не передумал?

Бериза провела ладонью по своей груди.

— Я думаю о леди Джесалле. Почти наверняка ей все расскажут, и я не хочу, чтобы ты потом

глядел на меня букой.

— Мы с леди Джесаллой живем в разных мирах, — сказал Толлер. — И оба делаем не то, что хотим, а то, что нам суждено.

— Ну, если так… — Маленькое женское тело нырнуло к нему под одеяло, и он крякнул от прикосновения холодных пальцев.

Дни сменялись ночами, и Толлер заново открывал для себя радости, без которых в последние годы жизнь его стала сухой и блеклой. Головокружительное наслаждение уживалось с невыносимой горечью — то и дело внутренний голос напоминал ему, что он вершит своего рода расправу над собой, духовное самоубийство…

А кругом полыхали метеориты.

Часть III
БЕСШУМНЫЕ ВТОРЖЕНИЯ
Глава 11

Спустя восемьдесят дней после исчезновения Сондевиры Бартан Драмме освоился с новым укладом жизни. Каждое утро он уходил из дома и обрабатывал ближайшие участки земли — пренебрегать этой обязанностью он не мог, однако и не слишком усердствовал в полевых работах. Куда больше внимания он уделял стеклянным и керамическим бутылям — источнику бодрости и утешения. Производство и поглощение вина занимали едва ли не все часы бодрствования. Бартан привык обходиться без такой роскоши, как свежая закваска и осветление; последнюю процедуру он вообще считал бессмысленным эстетством, ибо она никак не влияла на содержание алкоголя в напитке.

Как только жижа переставала булькать, Бартан процеживал ее через фильтр, а освободившуюся емкость заполнял новой порцией фруктового или ягодного сока и добавлял старой закваски. Сусло быстро загрязнялось дикими дрожжами и

бактериями, вино получалось кислое и лишенное букета, но неоспоримое преимущество этого метода заключалось в его скорости. Во главу угла Бартан ставил высокую производительность. Его часто тошнило, он страдал потливостью, но это не казалось высокой ценой за лекарство от угрызений совести и мучительной бессонницы. Весьма устраивало его и снижение потребности в обычной пище — вино давало большую часть питательных веществ, необходимых для томительного, бесцветного существования.

Теперь даже семья Форатере покинула Корзину Яиц, и Бартан лишился возможности общаться с соседями, а в Новый Миннетт его больше не тянуло. В дороге Бартана разбирала тоска, и вообще визиты в таверну казались бессмысленными — ведь он и дома мог набраться до чертиков. К тому же с каждым разом горожане встречали его все прохладнее, и не замечать этого было нельзя. Мэр Кэрродалл лез с советами насчет трезвости и опрятности и уже не выглядел своим в доску парнем, с которым приятно посидеть и опрокинуть кувшинчик-другой.

Однажды на закате Бартан возвращался с поля и заметил впереди на пыльной тропе какое-то копошение. Приблизившись, он узнал ползучего

гада, подобных которому не встречал уже давно. Коричневое существо двигалось по тропе к дому и поблескивало сероватым брюшком, перебираясь через камешки.

С минуту Бартан взирал на него, дергая ртом от омерзения, потом огляделся в поисках увесистого булыжника. Увидев камень, который можно было поднять лишь обеими руками, он обрушил его на тварь. Затем, отвернувшись, чтобы взгляд ненароком не упал на тошнотворный результат удара, перешагнул через булыжник и подошел к синерогу.

На Верхнем Мире хватало разнообразных форм жизни, по большей части отвратительных на вид, но Бартан, встречая какое-нибудь мелкое существо, всегда мирно уступал ему дорогу. Исключение он делал только для коричневых ползучек, подчиняясь страстному желанию расправиться с ними на месте.

Дом и хозяйственные постройки купались в тыквенно-рыжем золоте. Подъехав ближе, Бартан привычно упал духом — его ждала долгая одинокая ночь. Больше всего на свете он боялся вечернего часа возвращения, когда вместо смеха Сондевиры его встречала тишина, а от темного купола неба отлетало эхо пустоты. Он миновал

свинарник — тоже безмолвный, ибо всю скотину Бартан выпустил на волю, чтобы сама искала себе пропитание, — пересек двор, поднялся на крыльцо и вдруг замер, прежде чем отворить входную дверь. Что-то не так. Сердце его бешено заколотилось.

— Сонди! — В необъяснимом порыве он метнулся в кухню, распахнул дверь спальни. Ни души. Внутри все тот же беспорядок, которому Бартан отдал на откуп свой дом. Последними словами ругая себя за глупость, он все-таки вернулся к выходу и обвел пристальным взглядом окрестности. В печальном бронзовом свете по-прежнему ничего не двигалось, и только синерог щипал траву возле фруктового сада.

Бартан вздохнул и помотал головой, отгоняя дурацкое наваждение. В висках пульсировала боль — закономерный итог послеполуденного возлияния. Почувствовав, что в горле пересохло, он выбрал из шеренги в углу полную бутыль, прихватил чашку и вышел на крыльцо. Вкус вина уступал обычному, но Бартан пил его как воду и с жадностью осушил три чашки, желая лишь блаженной одури, притупления разума и чувств: без сомнения, в ближайшие часы пьяный туман пойдет ему только на пользу.

Когда собралась тьма и расцветилась обычными ночными узорами, он нашел на небе Дальний Мир — единственное зеленоватое пятнышко на небесном своде. К религии Бартан относился все еще скептически, хотя теперь понимал, какое утешение давала она надломленному судьбой человеку.

Если допустить, что Сондевира умерла… Как хорошо было бы верить — хоть наполовину, — что на самом деле она ушла по Горнему Пути в иной мир и там родилась вновь! Простая реинкарнация без сохранения памяти или личности, постулируемая альтернистской религией, почти не отличалась от обычной смерти, но все-таки она кое-что обещала. У Бартана теплилась надежда, что своим упрямством и невежеством он не погубил чудесную человеческую жизнь, что где-нибудь в вечности они с Сондевирой встретятся — возможно, не один раз, — и тогда ему удастся кое-что исправить. Вероятно, они будут неосознанно искать друг друга, и духовное родство непостижимым образом поможет им встретиться…

Романтически-прекрасная идея не столько утешала, сколько мучила, и навернувшиеся слезы разделили пятнышко Дальнего Мира на

концентрические круги, а промежутки между ними заполнили призматическими иглами. Он глотнул еще вина, чтобы притупить давящую боль в горле, и взмолился: «Сонди, милая, если ты там, дай мне знать. Если б ты хоть словом, хоть знамением дала понять, что жива, я бы тоже начал все сызнова!»

Он пил и пил, глядя, как Дальний Мир сползает с небес. Время от времени от усталости и берущего свое хмеля Бартан отключался, но всякий раз, когда открывал глаза, в поле зрения оказывалась зеленая планета. То она была похожа на клубящийся туман, то напоминала светящийся пузырь, то смахивала на круглую халцедоновую бусину, которая медленно вращалась и тысячью крошечных граней отбрасывала тусклое зеленое пламя. Казалось, она разрастается, и в конце концов Бартан разглядел подвижное ядро кремового сияния, исподволь, неуловимо для глаз, приобретшее контуры человеческого лица.

— Бартан, — откликнулась Сондевира, не размыкая губ, — бедный мой Бартан, я знаю, как ты мучаешься, и рада, что мы наконец можем поговорить. Перестань себя винить и наказывать, не расточай понапрасну одну-единственную жизнь. В том, что со мной случилось, ты не виноват.

— Но ведь это я тебя сюда завел, — промямлил Бартан, нисколько не удивившись. — Это я виновен в твоей смерти.

— Если б я умерла, разве могла бы с тобой разговаривать?

— И все-таки преступление содеяно! — пьяно стоял на своем Бартан. — Из-за меня ты лишилась жизни, которую я взялся беречь и охранять. Ты была такая красивая, такая славная, такая хорошая…

— Бартан! Не забывай, какой я была на самом деле. Не усугубляй свои мучения, воображая меня не обычной женщиной, а невесть кем.

— …Такая добрая, такая чистая…

— Может, тебе станет легче, если я скажу, что никогда не была тебе верна? Глэйд — далеко не единственный мужчина, даривший мне удовольствие. Их было много, в том числе мой дядя Джоп…

— Неправда! Это мой сон вкладывает грязную ложь в твои уста! — В глубине затуманенного сознания Бартана вдруг шевельнулась тревога. «Это не сон! Это на самом деле!»

— Вот именно, Бартан. — И снова — не голос, а модуляции молчания, непостижимым образом льющаяся с небес мудрость и доброта. — Это

происходит на самом деле. Но больше никогда не повторится. Так что хорошенько запомни мои слова. Я не умерла! Хватит себя истязать, другой жизни у тебя не будет. Лучше займись чем-нибудь полезным. А меня забудь. И не держи зла. Прощай, Бартан…

Чаша, ударившись оземь, с треском разлетелась, и Бартан от неожиданности вскочил на ноги. Шатаясь и дрожа, он вглядывался в изрешеченную звездами тьму, в Дальний Мир, почти касающийся западного горизонта, — без бахромы лучей он смотрелся точкой чистого зеленого свечения. Но теперь Бартан знал доподлинно: эта точка — другая планета, реальный мир, возможно, не уступающий размерами Миру и Верхнему Миру, и она обитаема.

— Сонди! — выкрикнул он, пройдя зачем-то несколько шагов вперед. — Сонди!

Дальний Мир как ни в чем не бывало сползал к горизонту.

Бартан вошел в кухню, схватил другую чашу и вернулся на крыльцо. Налил вина и выпил, не отрываясь, мелкими глотками. Загадочная блестка на горизонте мерцала и постепенно сходила на нет. Когда она сгинула, он ощутил в голове небывалую и необъяснимую прозрачность:

способность постигать сверхъестественное стремительно покидала его.

Медлить с решением было нельзя — хмельной вал угрожал вновь погрузить его в долгое беспамятство.

— Я по-прежнему отвергаю все религиозные догмы, — громогласно заявил он темноте, надеясь, что от этого его мысли на месяцы, если не на годы, впечатаются в сознание, — и поступаю совершенно логично. Но почему я уверен, что это совершенно логично? Потому что альтернисты проповедуют: только душа человека отправляется в странствие по Горнему Пути. Память не сохраняется — таков догмат их веры. Иначе на каждого мужчину, женщину и ребенка давило бы невыносимое бремя воспоминаний о предыдущих судьбах. Однако ясно, что Сондевира помнит и меня, и наше прошлое, следовательно, она не может быть альтернистской реинкарнацией. Мне не доводилось слыхать о людях, приходивших с того света пообщаться с близкими, да и Сондевира говорила, что другой жизни у меня не будет… хотя, разумеется, это ничего не доказывает. Но если человек живет на свете один раз и если Сондевира на самом деле разговаривала со мной, то логичен вывод: она не умерла! Она

где-то существует физически!

Бартан сильно вздрогнул и надолго припал к чаше; пьяное воодушевление уживалось в нем с подавленностью. Нить рассуждений ставила перед ним все новые вопросы — трудные, непривычные. Отчего ему втемяшилось в голову, что Сондевира на Дальнем Мире? Куда разумнее было бы допустить, что она где-нибудь здесь, на родной планете, хоть и далеко. Может, в человеческом подсознании призраки как-то связаны с ликом зеленой планеты, или в диковинной безголосой речи Сондевиры не только слова, но и молчание было насыщено смыслом? Если она на Дальнем Мире, то как, спрашивается, она там оказалась? Может, это как-нибудь связано с удивительными молниями, которые он видел в ночь ее исчезновения? А вот еще загадка: откуда у нее чудесная способность разговаривать с ним через тысячи миль космического пространства? Но все это не так уж важно… Теперь, когда Бартан посвящен, что он может и должен предпринять? Вот главный вопрос!

Бартан ухмыльнулся, вперив во тьму остекленевший взор. Как раз на главный вопрос ответить проще всего. О чем тут думать? Надо слетать на Дальний Мир и привезти Сондевиру домой.

* * *

— Жену похитили?! — За изумленным возгласом мэра Кэрродалла наступила тишина, перенасыщенная любопытством завсегдатаев таверны.

— Ага. — Бартан кивнул.

Кэрродалл порывисто шагнул к нему, ладонь упала на рукоять короткого меча.

— Кто посмел? Ты его знаешь?

— Не знаю, кто в этом виноват, зато знаю, где она, — ответил Бартан. — На Дальнем Мире.

Кое-кто встретил эту новость сдавленным смешком, и вокруг Бартана начала расти толпа. Кэрродалл окинул ее раздраженным взором, у него побагровели щеки. Он перевел на Бартана сощуренные глаза.

— На Дальнем Мире? Ты о том… который в небе?

— Да, я имею в виду планету Дальний Мир, — мрачно произнес Бартан и потянулся к стойке, чтобы забрать кувшин с элем. Он потерял равновесие и упал бы, если б не схватился за край стойки.

— Сядь лучше, а то свалишься. — Кэрродалл дождался, когда Бартан опустится на скамью, и

спросил: — Ты, должно быть, Тринчила наслушался, да? Хочешь, наверно, сказать, что жена твоя умерла и отправилась в путь по Горнему Пути.

— Я говорю, что она жива и находится на Дальнем Мире. — Бартан присосался к кувшину, а потом осведомился: — Неужели трудно это понять?

Кэрродалл уселся на скамью верхом.

— Трудно понять, как ты себя довел до такого плачевного состояния. Видок у тебя! А запах! Добро бы только плохого вина… Смотри, до чего допился — бредишь уже! А ведь я тебя, Бартан, предупреждал: бросай все и беги из Логова, пока не поздно.

— Уже. — Тыльной стороной ладони Бартан стер пену с губ. — Ноги моей больше там не будет!

— Ну вот, хоть одна здравая мысль. И куда ж ты теперь?

— Разве я не сказал? — Бартан скользнул взглядом по кругу веселых и недоверчивых физиономий. — На Дальний Мир, куда ж еще? Жену вызволять.

Грянул взрыв смеха, уже неподвластного авторитету мэра. Толпа разрасталась, хотя кое-кто

спешил прочь — разнести по городку потрясающую новость. Кто-то поставил перед Бартаном полный кувшин. В таверне появился толстяк Отлер, плечом проложил себе дорогу к Бартану и спросил:

— Слышь, друг, а откуда ты знаешь, что твоя жена перебралась на Дальний Мир?

— Она сама мне сказала… три ночи назад. Отлер ткнул соседа локтем в бок.

— Здорова орать бабенка… Еще бы — с такой-то грудью! Зря мы ее недооценивали, верно, Элсорн?

От такого хамства с Бартана слетела пьяная безмятежность, он схватил Отлера за грудки и попытался повалить на скамью. Но мэр растащил их и грозно выставил между ними палец.

— Я ж только хотел сказать, — жалобно произнес Отлер, заправляя рубашку в штаны, — что Дальний Мир очень уж далековато лежит. — Он расплылся в улыбке, сообразив, что скаламбурил. — Даром его, что ли, так прозвали? Далекая планета.

— С тобой поговоришь, так и в школу ходить не надо, — проворчал Бартан. — Сондевира мне являлась. Она говорила, но это было видение.

Снова громыхнул хохот. Бартан, как ни одурел

от вина и пива, сообразил, что все принимают его за идиота.

— Господа, — произнес он, неуверенно поднимаясь на ноги, — я слишком задержался в вашем гостеприимном краю и теперь вынужден вас покинуть, чтобы отправиться в благородный город Прад. Я не пожалел двух дней на ремонт и смазку фургона, так что путешествие будет не слишком долгим, и тем не менее в пути мне понадобятся деньги на еду, да и на вино, пожалуй. — Толпа насмешливо загомонила, и он кивнул с серьезным видом. — И на бренди. В фургоне — воздушная шлюпка, она вполне исправна, только оболочку нужно заменить. К тому же я привез добротную мебель и инструменты. Кто даст за все это сто роялов?

Несколько человек вышли из таверны — проверить, не лжет ли он. Остальных больше интересовало бесплатное развлечение.

— Ты не сказал, как собираешься добраться до Дальнего Мира, — произнес торговец со впалыми щеками. — Попросишь, чтобы тобой выстрелили из пушки?

— Сейчас я весьма смутно представляю себе этот полет. Потому-то и нужно сначала попасть в Прад. Есть там один человек, он в таких делах

лучше всех разбирается. Надо его найти.

— А как его зовут?

— Маракайн, — ответил Бартан. — Небесный маршал лорд Толлер Маракайн.

Отлер кивнул, плохо сдерживая ухмылку.

— Голову даю на отсечение, он тебе страсть как обрадуется. Вы с его светлостью — два сапога пара.

— Хватит! — Кэрродалл ухватил Бартана за руку и вытащил из таверны. — Бартан, смотреть на тебя — одно расстройство. Мало тебе пьяной болтовни про Дальний Мир, так еще и Убийцу Королей приплел! Да неужто ты всерьез?

— А почему бы и нет? — С видом уязвленного достоинства Бартан отцепил от рукава пальцы мэра. — Война закончена, и лорду Толлеру больше не нужны небесные крепости. Когда я ему предложу слетать на Дальний Мир и водрузить там стяг Колкоррона — Колкоррона, заметь! — он наверняка с радостью возьмет меня под свое покровительство.

— Жалко мне тебя, — печально вздохнул Кэрродалл. — Ей-богу, жалко.

Фургон катил на восток, Бартан поглядывал на горизонт и в конце концов был вознагражден первым отблеском долго прятавшегося Мира.

Вначале планета-сестра изгибалась серебряным месяцем над далекими горами, но мало-помалу поднималась все выше, пока не превратилась в сияющий купол, полусферу, все настойчивее посягающую на небесную тропу. И вот уже ясно видны очертания континентов и океанов, и в памяти пробуждаются далекие и давние легенды…

В следующий миг от горизонта оторвался нижний край Мира, и в узкую щель между планетами ударили разноцветные струи солнечного пламени. Происходило привычное для уроженцев Колкоррона суточное чередование света и тьмы, и хотя на этой стадии утренний день бывал чересчур короток, Бартан, одиноко трясущийся на пыльной дороге, не мог не отметить такое событие щедрой порцией бренди.

Он знал: когда утренний и вечерний дни уравняются, он доберется до Прада и вручит свою судьбу совершенно незнакомому человеку.

Глава 12

При закладке дворца архитекторы не пожалели времени, сил и смекалки, чтобы сад выглядел как можно древнее. Некоторым статуям ради этого отбили руки и ноги, стены и каменные скамьи

«состарили» с помощью едких жидкостей. Цветы и кусты в этом саду частью были выращены из семян, вывезенных с Мира, а частью являлись местными аналогами растений Старой планеты.

Толлеру понравился замысел неведомых архитекторов. Прогулка по саду заполняла мучительную пустоту закатного часа. Однако аудиенция явно была назначена здесь не случайно, и Толлер ломал голову над психологической подоплекой. Деяния короля Чаккела со дня его прибытия на Верхний Мир не могут гарантировать ему место в истории, и он почему-то не желает с этим мириться. Видимо, он алчет всего того, чем обладали его предшественники, — не только власти, но и ее атрибутов и символов. Точно такие же амбиции совсем недавно погубили короля Новых Людей, и Толлер в который раз подумал, что ему не дано понять тех, кто мечтает править другими.

— Что ж, я вполне удовлетворен, — изрек Его Величество, поглаживая на ходу живот, как будто с наслаждением вспоминал о банкете. — Конечно, в нашей казне пробита внушительная брешь, но Рассамардена больше нет, и я могу избавиться от летучих крепостей. Сбросим их на Мир, глядишь, прикончим еще несколько заразных нахалов.

— Не думаю, что это хорошая идея! — вскинул-

ся Толлер.

— А чем она плоха? Все равно они рано или поздно попадают, так пусть лучше на них, чем на нас.

— Ваше Величество, я имею в виду, что нам и впредь понадобится оборона. — Толлер понимал, что от него ждут логичных доводов, однако не мог сосредоточиться на проблемах, далеких от его личной жизни, — таких, как военная стратегия. Они с Беризой всего несколько часов назад высадились с небесного корабля, и теперь ему предстояло неизбежное объяснение с женой.

Чаккел раскинул руки, останавливая спутников.

— Завотл, а ты что скажешь?

Бледный Илвен Завотл прижимал локоть к животу.

— Прошу прощения, Ваше Величество… Вы меня о чем-то спросили?

Взглянув на него, Чаккел поморщился.

— Эй, да что с тобой творится? Похоже, собственные потроха тебе куда интереснее, чем мои слова. Заболел, что ли?

— Пустяковое разлитие желчи, Ваше Величество, — ответил Завотл. — Судя по всему, ваши блюда чересчур роскошны для моей крови.

— Ну, раз так, пускай твой желудок скажет мне спасибо. — Король ухмыльнулся. — Я собираюсь снять воздушный заслон и скинуть крепости на Мир. Что скажешь?

— Отсутствие обороны может соблазнить противника.

— С какой стати? Он деморализован, да и разбит наголову.

— А вдруг наследник Рассамардена одержим теми же амбициями? — спросил Толлер. — Тогда мирцы запросто могут послать новый флот.

— После того, как ты начисто уничтожил прежний? Толлер видел, что король начинает сердиться, но уступать не собирался.

— Ваше Величество, мое мнение таково: надо сохранить в зоне невесомости все истребители и необходимое количество баз.

К его удивлению, Чаккел от души рассмеялся.

— Ага, Маракайн, раскусил я тебя! — Он хлопнул Толлера по плечу. — Никак ты у нас не вырастешь, все бы в бирюльки играть. Теперь твои игрушки — истребители, а зона невесомости — песочница. А я, значит, должен за все это платить. Что, скажешь, не так?

— Разумеется, не так, Ваше Величество. — Толлер не скрывал раздражения. Джесалла нередко

выговаривала ему в подобном духе, и он… «Джесалла! Я предал нашу любовь и теперь должен признаться тебе! Эх, если б только я мог получить прощение! Я бы поклялся больше никогда…»

— Да брось, я не в претензии, — усмехнулся Чаккел. — Я ведь кое в чем с тобой согласен… особенно после того, как познакомился с твоей красоткой.

— Ваше Величество, если вы имеете в виду небесного капитана Нэрриндер…

— Да ладно тебе, Маракайн, не надейся меня убедить, что эта крошка не побывала у тебя в постели. — Чаккел с нескрываемым самодовольством подзуживал Толлера; он пришел в радостный азарт, неожиданно обнаружив у собеседника слабое место. — У тебя же на лице все написано! А ты, Завотл, что скажешь?

Сосредоточенно массируя живот, Завотл произнес:

— Я думаю, командные станции лучше всего сжечь. Пепел развеется по ветру, и они не причинят нам вреда, а враг ни о чем не узнает.

— Превосходная мысль, Завотл! Я тебе, конечно, благодарен, но ты все-таки уклонился от ответа.

— Ваше Величество, я не желаю рисковать, — с улыбкой произнес Завотл. — Иначе мне придет-

ся либо выразить несогласие с королем, либо огорчить благородного господина, имеющего привычку бурно реагировать в подобных случаях.

Толлер благодарно кивнул ему.

— Он хочет сказать, что любой человек имеет право на личную жизнь.

Откровенно забавляясь, Чаккел покивал головой.

— Толлер Маракайн, мой старый советник, старый друг и старый насмешник! Нельзя одновременно плыть вверх и вниз по течению. Тебя на несколько дней опередили посланники на парашютах, и по всему Праду, да что там — по всей стране успел разлететься слух о твоем свадебном путешествии с очаровательным небесным капитаном. Она теперь национальная героиня, да и ты — в который уж раз? В пивнушках Колкоррона мои подданные — в большинстве своем дурни, охочие до романтики, — только и делают, что пьют за ваш союз. Их-то понять легко, ведь им не надо объясняться с леди Джесаллой, а что касается меня, то я, пожалуй, предпочел бы сразиться с Каркарандом.

Толлер решил, что пора уходить, и отвесил королю церемонный поклон.

— Ваше Величество, осмелюсь повторить: человек имеет право на личную жизнь.

Продвигаясь на юг по тракту, что соединял Прад с городом Хиверном, Толлер достиг гребня холма и впервые чуть ли не за год увидел собственный дом.

Он лежал на юго-востоке, и до него еще оставалось несколько миль. Солнце вечернего дня перекрашивало серую кладку в белый цвет и резко вычерчивало здание среди естественных зеленых горизонталей. Толлер попытался пробудить в душе радость возвращения и любовь к своему родовому гнезду, но безуспешно, и ему стало совсем муторно.

«Я счастливый человек, — убеждал он себя. — В этом доме живет моя любимая постоянная жена, и если она простит измену, я почту за счастье быть ее верным супругом до конца наших дней. Пускай ей будет нелегко забыть обиду, я постепенно заслужу ее любовь, став тем, кого она хотела бы видеть рядом с собой, — Толлером Маракайном, каким ему надлежит быть и каким я искренне желаю стать. Вот о чем я мечтаю!»

С возвышенности Толлеру была видна галечная дорога, которая вела от большака к его имению. Внезапно ему попалось на глаза размытое белое

пятнышко, вскоре обернувшееся всадником. Короткая подзорная труба — неразлучная спутница Толлера с детских лет — позволила разглядеть ярко-кремовый цвет передних ног синерога; теперь Толлер не сомневался, что наездник — его сын. На сей раз его радость была искренней — он очень соскучился по Кассиллу, и не только кровные узы были тому причиной, но и удовольствие, которое он получал, работая с сыном.

В горниле воздушной войны, в среде, малопригодной для жизни человека, у Толлера как-то сразу вылетели из головы планы, которые он вынашивал вместе с Кассиллом. Они немало сделали вдвоем, а собирались сделать еще больше — столько, что и жизни не хватит. В первую очередь надо положить конец вырубке деревьев бракки, не то человечество снова наживет себе непобедимого врага в лице птерты. И Толлер не видел иного пути к спасению, кроме развития металлургии.

Но король Чаккел упорно не желал взваливать эту проблему на свои плечи, а потому Толлеру ничего другого не оставалось, как взяться за дело самому и пособить сыну.

Он пустил синерога вскачь к перекрестку, предвкушая момент, когда Кассилл заметит и узнает

его. Как раз на этом перекрестке произошла злополучная встреча с Оуслитом Спеннелем, но Толлер отогнал воспоминание. Они с Кассиллом быстро сближались. Когда их разделяло не более фарлонга, Толлер было встревожился, но тут же успокоил себя предположением, что сын закрыл глаза и доверил синерогу везти его привычным путем — вероятно, к кузницам.

— Эй, соня! — выкрикнул Толлер. — Кто ж так отца приветствует?

Без тени удивления на лице Кассилл глянул в его сторону, отвернулся и проехал мимо, не коснувшись повода. Пока Толлер приходил в себя от неожиданности, юноша успел достигнуть перекрестка и снова поверг отца в изумление, свернув на юг. Окликнув его по имени, Толлер повернул синерога и галопом поскакал вдогонку. Он обогнал Кассилла и остановил, ухватив его животное за поводья.

— Да что с тобой, сынок? — спросил он. — Никак спросонья?

В серых глазах Кассилла сверкал лед.

— Я не спал, отец.

— Так в чем же дело? — Толлер вглядывался в изящный овал юного лица, так похожий на лицо Джесаллы, и в его душе быстро угасала радость. —

А, вот оно что…

— Вот оно — что?

— Кассилл, не играй словами. Что бы ты обо мне ни думал, имей хотя бы смелость высказать это прямо в глаза, как я тебе всегда высказывал. Ну, что тебя беспокоит? Может, дело в женщине?

— Я… — Кассилл прижал к губам кулак. — Впрочем, где она? Неужели сочла короля более достойным ее ласк?

Толлер едва подавил гнев.

— Не знаю, что тебе наплели, но Бериза Нэрриндер — превосходная женщина.

— Как и всякая шлюха, наверно. — Кассилл усмехнулся.

Толлер замахнулся, чтобы врезать ему тыльной стороной ладони, но в последний миг спохватился. Он опустил в замешательстве голову и посмотрел на свою руку так, будто она была посторонним человеком, пытающимся влезть в разговор. Его скакун, пофыркивая, ткнулся носом в бок синерога Кассилла.

— Прости, — вымолвил Толлер. — Характер, будь он неладен… На работу едешь?

— Да. Почти каждый день там бываю.

— Я туда попозже загляну. Сначала надо поговорить с твоей матерью.

— Как пожелаешь, отец. — Кассилл старательно хранил бесстрастный вид. — Я могу ехать?

— Я тебя больше не задерживаю. — Сопротивляясь натиску отчаяния, Толлер проводил сына взглядом и отправился дальше. Почему он ни разу не задумался о том, какие чувства должен испытывать Кассилл? Теперь, наверно, между ними пропасть… Может быть, со временем сердце мальчика смягчится… Важнее всего — добиться прощения Джесаллы. А тогда и с Кассиллом, возможно, дело быстрее пойдет на лад.

Над головой Толлера расширялся солнечный месяц за диском Мира, напоминая о приближении вечера. Он поторопил синерога. Вдоль пути тянулись поля, тут и там работали крестьяне; многие, заметив лорда, разгибали спину, чтобы помахать ему рукой. Он пользовался уважением арендаторов — в основном за не слишком обременительную ренту. С Толлером всегда можно было договориться. Как бы ему хотелось, чтобы во всем мире люди с такой же легкостью находили общий язык!

Король шутил насчет предстоящего разговора с Джесаллой, однако Толлеру уже случалось испытывать трепет посильнее нынешнего. Но еще ни разу ему не приходилось идти сквозь строй

ее обиды, презрения и гнева. Оружие любимых — слова, молчание, мимика, жесты — неосязаемо, но ранит глубже, чем мечи и копья.

К тому времени, когда Толлер добрался до стены, огораживающей участок перед домом, у него пересохло в горле; максимум, на что он был способен, это сдерживать дрожь.

Под ним был синерог из королевских конюшен, а потому Толлеру пришлось спешиться и самому отворить ворота. Он провел животное во двор и там отпустил. Синерог побрел к каменной поилке, а Толлер окинул взглядом знакомый сад с холеными декоративными кустарниками и клумбами. Джесалла сама ухаживала за ними, и ей это нравилось. Везде, куда ни глянь, ощущалась ее умелая и заботливая рука. Все кругом предвещало ему скорую встречу с женой.

Он услышал, как распахнулась передняя дверь, обернулся и увидел стоящую на пороге Джесаллу в длинной — до щиколоток — темно-синей мантии. Волосы ее были изящно уложены, серебряная лента напоминала диадему. Никогда раньше Толлер не видел жену такой красивой и такой грозной; когда же он заметил на ее губах улыбку, бремя вины стало поистине невыносимым. Он тоже улыбнулся, но получилась лишь

убогая гримаса. Ему хотелось подойти к Джесалле, а ноги точно в землю вросли. Она сама к нему приблизилась и поцеловала в губы, поцеловала нежно, но сразу оторвалась и шагнула назад, чтобы окинуть его взглядом с головы до ног.

— Невредим, — кратко заключила она. — Толлер, я так за тебя боялась. Говорят, там было невероятно опасно… Но теперь я вижу, что ты жив, и снова могу дышать.

— Джесалла… — Он взял ее за руки. — Нам с тобой надо поговорить.

— Конечно, надо. Но ты, наверно, проголодался и пить хочешь. Входи, я накрою на стол. — Она потянула его за собой, но он не тронулся с места.

— Мне кажется, будет лучше, если я останусь здесь.

— Почему?

— Может быть, услышав мой рассказ, ты не захочешь пускать меня в дом.

Джесалла задумчиво посмотрела на него и повела к каменной скамье. Усадила, опустилась рядом и придвинулась. От прикосновения ее бедра Толлер почувствовал возбуждение и одновременно — смущение.

— Итак, милорд, — произнесла она беспечным тоном, — в каких смертных грехах вам угодно

покаяться?

— Я… — Толлер опустил голову. — Я был с другой женщиной.

— И что с того? — На лице Джесаллы не дрогнул ни один мускул.

Толлер опешил.

— Ты, наверно, не поняла… Я имею в виду, что был с другой женщиной в постели.

Джесалла рассмеялась:

— Толлер, я знаю, что ты имеешь в виду. Я же не дура.

— Но… — Толлеру никогда не удавалось предугадать реакцию жены; вспомнив об этом, он насторожился. — Ты не сердишься?

— Ты ведь не собираешься привести эту женщину сюда и посадить на мое место?

— Тебе же прекрасно известно: на такое я не способен.

— Да, Толлер, знаю, у тебя доброе сердце. Кому и знать, как не мне, мы ведь столько лет вместе прожили. — Джесалла улыбнулась и ласково опустила ладонь на его запястье. — Так что у меня нет причины сердиться и упрекать тебя.

— Но ведь это неправильно! — взорвался Толлер, совершенно сбитый с толку. — Раньше ты такой не была. Откуда это равнодушие? Разве

можно спокойно относиться к тому, что я сделал?

— Повторяю, ты мне ничего плохого не сделал.

— Неужели мир перевернулся? — спросил Толлер. — Значит, по-твоему, изменить постоянной жене — это вполне нормально. Нет ничего плохого в том, что мужчина предает любимую женщину…

Джесалла опять улыбнулась, на этот раз сочувственно.

— Бедняжка Толлер, ты так ничего и не понял. Неужели ты до сих пор не догадался, почему все эти годы томился, как орел в клетке? Почему хватался за любую возможность рискнуть головой? Признайся, для тебя это неразрешимая загадка.

— Джесалла, ты что, стараешься меня разозлить? Сделай одолжение, не говори со мной, как с ребенком.

— Но ведь в этом-то все и дело! Ты ребенок. И никогда не повзрослеешь.

— Да вы все точно сговорились! Пожалуй, будет лучше, если я тебя сейчас оставлю и приеду как-нибудь в другой день. Может, мне улыбнется фортуна и ты не будешь говорить загадками. — Толлер привстал, но Джесалла усадила его обратно на скамью.

— Только что ты говорил об измене любимой женщине, — произнесла она тоном, мягче и добрее которого ему не доводилось слышать. — Вот тут-то и кроется источник всех твоих бед. — Джесалла умолкла, и впервые с той минуты, как она вышла встречать Толлера, ей отказала уверенность в себе. Или ему померещилось.

— Продолжай.

— Милый мой Толлер, вся беда в том, что ты меня больше не любишь.

— Ложь.

— Нет, Толлер, это правда. Я всегда знала: любовь живет тем дольше, чем слабее тлеют ее угольки. Яркое пламя хорошо только вначале. Если б ты тоже это понял, если б смирился, то был бы, наверно, счастлив со мной… Но ведь это не для тебя! Совершенно не для тебя! Взгляни, во что ты еще влюблен: в армию, в небесные корабли, в металлы. Ты неисправимый идеалист, ты вечно на пути к недосягаемой сияющей вершине. А когда она оказывается миражем, ты не успокаиваешься, пока не находишь замену.

Ее слова жалили Толлеру сердце, и где-то в глубине души зашевелился ненавистный червь разочарования.

— Джесалла, — произнес он как мог рассуди-

тельно, — не слишком ли много воли ты даешь воображению? Ну скажи, разве может человек влюбиться в металлы?

— Для тебя в этом нет ничего сложного. Тебе ведь мало открыть вещество и ставить на нем опыты — ты обязательно устроишь целый крестовый поход. Ты собираешься навсегда покончить с вырубкой бракки, положить начало новой славной эре, спасти человечество от верной гибели. Когда же наконец до тебя дойдет, что Чаккел и ему подобные палец о палец не ударят, покуда не увидят в небе корабль мирцев?

Толлер, на этот раз ты спасся — перед тобой выросла новая сияющая вершина. И что, долго ты ее покорял? Война закончилась, едва успев начаться, и вот опять серые пошлые будни… И до старости рукой подать… А самое страшное — никто не спешит бросить тебе очередной вызов. Впереди — всего-навсего спокойная жизнь в этом поместье или еще где-нибудь, а потом — самая что ни на есть заурядная кончина. Нравится такая перспектива, а, Толлер? — Джесалла не сводила с него хмурого взгляда. — Знаю, не нравится. А потому я бы предпочла, чтобы мы жили порознь. Остаток моих дней я хочу провести в мире и покое, и мне не слишком приятно глядеть,

как ты ищешь дорожку на тот свет.

Червь разочарования с жадностью вгрызался в душу Толлера, вокруг него расползалась черная пустота.

— Хорошо, наверно, обладать такой мудростью, так великолепно владеть своими чувствами.

— Старый сарказм? — Теплая ладонь Джесаллы сильнее прижалась к его запястью. — Ты несправедлив ко мне, если думаешь, что я не испытываю никакой печали. Я ведь не сразу поняла, в чем наша беда. Только в ту ночь, когда осталась с тобой во дворце… злилась на тебя… ненавидела даже… но прятала слезы. Что толку злиться и ненавидеть, ведь тебя не переделаешь. Ладно, все уже в прошлом. Теперь меня заботит только будущее.

— А есть оно у нас, это будущее?

— У меня есть, я так решила… да и тебе рано или поздно придется сделать выбор. Знаю, тебе больно это слышать, но иначе нельзя. Сейчас я вернусь в дом. Я бы очень хотела, чтобы ты побыл здесь, пока не примешь решение. А тогда — или оставайся со мной, или уезжай, но только, пожалуйста, реши раз и навсегда. Не входи в дом, пока не поверишь всем сердцем, что лишь со мной ты будешь счастлив до гробовой доски и что ради этого готов бросить все на свете. Никаких

компромиссов, Толлер. Полная и безоговорочная капитуляция.

Джесалла с грацией эфирного создания встала на ноги и, глядя на него сверху вниз, спросила:

— Ты дашь мне слово?

— Даю слово. — Толлер с трудом ворочал языком, в страхе думая о том, что видит постоянную жену, быть может, в последний раз. Он провожал ее взглядом, пока она не взошла на крыльцо и не затворила за собой дверь. Джесалла даже не оглянулась.

Толлер неприкаянно бродил по саду. Солнце садилось, тень западной стены расширяла свои владения; меркли краски накрываемых ею клумб; воздух свежел.

Он поднял голову, нашел в небе уверенно светлеющий диск Мира, и за одно мгновение перед ним пронеслась вся его жизнь, от младенческой колыбели на этой далекой планете до огороженного каменными стенами пространства, где он стоял сейчас. Казалось, все, что с ним произошло, имело одну-единственную цель: привести его сюда и поставить перед выбором. В ретроспективе жизнь была широкой торной дорогой, шагалось по ней легко и радостно, и вот он нежданно-негаданно застрял на распутье. Настало время

принимать решение — настоящее решение, — и тут вдруг выясняется, что он не очень-то готов.

Толлер усмехнулся, вспомнив, что всего лишь несколько минут назад роман с Беризой Нэрриндер казался ему чем-то важным. Джесалла — умница, она ему сразу не придала значения. Потому что видит Толлера насквозь. Он — на распутье, и от выбора не уйти.

Он все блуждал по саду, а солнце уходило за горизонт, и число звезд росло. Несомый ветром, который не ощущался в увитых лозами стенах усадьбы, над головой Толлера плыл прозрачный шар птерты. В восточной синеве все яснее прорисовывались серебристые завитки. Внезапно Толлер остановился — его, словно молния, поразила догадка, почему он так медлит с выбором.

Потому что выбирать не из чего! Нет никакого распутья!

Все решено за него. Он бы сразу это понял, если бы внимательнее прислушался к словам Джесаллы. Он никогда не будет с нею счастлив, ибо внутри у него — пустота. И она с ним не будет счастливой. А значит, он медлит лишь потому, что боится. Не хочет взглянуть правде в глаза.

— Правда — в том, что я полутруп, — сказал он себе. — Все, что мне осталось, — довести до конца

начатое.

Он вздохнул — судорожно, со всхлипом, — подошел к синерогу, взял под уздцы и повел к воротам. Затворяя их, в последний раз взглянул на тонущий в сумраке дом и ни в одном из темных окон не заметил Джесаллы.

Толлер взобрался в седло, и синерог неторопливо, враскачку затрусил по гравиевой дороге на восток. Труженики уже ушли с полей, и мир казался обезлюдевшим.

— Что дальше? — обратился он к вселенной. — Ну, сделай милость, скажи, как мне теперь быть?

Вдалеке двигалось едва различимое пятнышко. Будь Толлер в нормальном расположении духа, он бы извлек подзорную трубу и еще издали узнал бы кое-что о путнике, но сейчас это казалось невероятно трудным. И вообще, куда спешить? — подумал он. Вполне можно довериться естественному ходу событий.

Вскоре он различил фургон, влекомый тощим синерогом, а еще через несколько минут рассмотрел седока. И возница, и экипаж пребывали, мягко говоря, в плачевном состоянии. Фургон растерял почти всю парусину, колеса жутко вихляли на изношенных осях. На облучке восседал бородатый молодой человек, покрытый таким

толстым слоем дорожной пыли, что смахивал на глиняное изваяние.

Толлер отъехал к обочине, уступая дорогу, и был удивлен, когда фургон остановился рядом. Возница окинул лорда мутным взором покрасневших глаз, и еще до того, как он заговорил, у Толлера не осталось сомнений, что путешественник пьян в стельку.

— Скажите, господин, — произнес бородач заплетающимся языком, — имею ли я честь видеть перед собой лорда Толлера Мар…ак…айна?

— Да, — ответил Толлер. — Чем могу служить? Возница качнулся на козлах и вдруг изобразил улыбку, не лишенную мальчишеского шарма. На грязной, опухшей от пьянства физиономии она выглядела по меньшей мере странно.

— Милорд, позвольте представиться: Бартан Драмме. Хочу сделать ун…ик…альное предложение. Уверен, оно вас обязательно заинтересует.

— Весьма в этом сомневаюсь, — холодно вымолвил Толлер, решив, что напрасно теряет время.

— Позвольте, милорд! Насколько мне известно, вык… вы командуете воздушной обороной, и все, что относится к небесам, — в вашем ведении.

Толлер отрицательно качнул головой.

— Все уже в прошлом.

— Прискорбно это слышать, милорд. — Драмме извлек на свет божий бутыль, выдернул пробку и устремил на Толлера хмурый взгляд. — В таком случае мне не остается ничего другого, как просить аудиенции у короля.

Как ни тяжело было на сердце у Толлера, он расхохотался.

— Голову даю на отсечение, он будет просто в восторге.

— Ничуть в этом не сомневаюсь, — кивнул Драмме, излучая пьяную самоуверенность. — Любой монарх придет в восторг от ик… идеи водрузить его знамя на планете, которую мы зовем Дальним Миром.

Глава 13

Название «Синяя Птица» эта прадская гостиница получила в честь некогда знаменитого на весь старый Ро-Атабри постоялого двора. Ее владелец дорожил репутацией заведения и заботился о приличиях, а потому отнюдь не пришел в восторг, когда в его владениях появился Толлер с Бартаном Драмме «на поводу». Одного взгляда на физиономию хозяина Толлеру хватило, чтобы понять: честь принимать у себя прославленного

аристократа — не бог весть какая щедрая плата за визит его оборванного и дурно пахнущего спутника. Как бы то ни было, хозяина гостиницы удалось уломать, и он предоставил гостям две спальни и распорядился в одну из них отнести большую ванну и наполнить ее горячей водой. Теперь в ней отмокал Бартан; кроме его головы, над мыльной пеной виднелась только рука, сжимающая кубок бренди. Он предложил своего пойла Толлеру, и тот, отведав его, состроил жуткую гримасу— крепчайший напиток обжег глотку.

— И сколько, по-твоему, можно протянуть на такой бурде? — полюбопытствовал он. — Скажешь, долго?

— Ну что вы, — ответил Бартан. — Конечно, я бы предпочел настоящее бренди, но это — все, что я могу себе позволить. Милорд, чтобы добраться до вас, я отдал последний грош.

— Сколько раз повторять: не называй меня лордом! — Толлер поднес керамический кубок к носу, понюхал и вылил содержимое в ванну.

— Зачем же добро переводить? — жалобно запротестовал Бартан. — И вообще полоскать в такой отраве интимные места… По-вашему, это приятно?

— По-моему, вреда не будет. Сдается мне, она

задумывалась для наружного применения. Не горюй, я скажу хозяину, чтобы принес чего-нибудь не столь ядовитого, а пока давай вернемся к твоему рассказу. Я никак не могу взять в толк одного…

— Чего именно?

— Ты утверждаешь, что твоя супруга жива и находится на Дальнем Мире. Что она не призрак и не реинкарнация, а та самая женщина, которую ты знал. Как случилось, что ты в это поверил?

— Не берусь объяснить… Она сама дала понять… Ее слова были не просто словами — в них заключалось нечто большее.

Толлер задумчиво теребил нижнюю губу.

— У меня не настолько развито самомнение, чтобы считать себя непревзойденным знатоком тайн человеческого бытия. Готов признать, что в этом мире еще хватает загадок, и не все они будут разгаданы на моем веку. Но то, о чем ты говоришь, плохо укладывается в голове.

Бартан поерзал в ванне, расплескивая воду на пол.

— Я сам — убежденный материалист с младых ногтей, и хотя в Корзине навидался всякого, простачков, которые верят в сверхъестественное, без смеха не воспринимаю. Но то, о чем я вам

рассказал, — чистая правда. Тут у меня никаких сомнений, а почему… Вряд ли это можно объяснить. Во-первых, эти загадочные молнии… Во-вторых, поведение Сондевиры до той ночи. Все это для меня непостижимо. Но я знаю наверняка: она жива и находится на Дальнем Мире.

— Ты сказал, что она явилась тебе, как видение, и говорила прямо с Дальнего Мира. Трудно вообразить что-нибудь более сверхъестественное.

— Наверно, мы по-разному понимаем это слово. То, что мы с женой разговаривали, — вполне естественно. Мистический оттенок этому случаю придают лишь некоторые мелочи, лежащие за пределами нашего понимания.

Толлер заметил, что Бартан, хоть и под хмельком, говорит удивительно гладко. Он встал, сделал круг по комнате, освещенной масляными лампами, и уселся в кресло. Бартан смаковал бренди и выглядел совершенно нормальным.

— Скоро придет Илвен Завотл, если только гонец не сбился с ног, разыскивая его, — сказал Толлер. — Предупреждаю: он поднимет тебя на смех.

— Ну и пожалуйста. — Бартан пожал плечами. — Собственно, он вовсе не обязан верить. Случай с женой касается только меня. Я и расска-

зал-то о нем лишь затем, чтобы вы поняли: у меня есть личная причина лететь на Дальний Мир. Как бы ни была она серьезна, глупо надеяться, что другие отправятся в такое рискованное путешествие только ради спасения моей жены. Но мне почему-то верится, что король захочет попытать счастья там, где Рассамарден сломал себе шею, — захочет присоединить к своим владениям целую планету. И я, подбросивший ему эту мысль, буду вознагражден зачислением в состав первой дальнемирской экспедиции. Если, конечно, до этого дойдет. Вашего друга Завотла я попрошу о пустяке: чтобы он сделал полет возможным.

— Ага, сущий пустяк.

— Вряд ли вы когда-нибудь поймете, сколь много я прошу. — На лице Бартана — юного старца — появилось тоскливо-задумчивое выражение. — Видите ли, все, что случилось с женой, — на моей совести. Ужасно было ее потерять, но еще ужаснее — влачить бремя вины…

— Бедолага, — вздохнул Толлер. — И ты из-за этого так пьешь?

Склонив голову набок, Бартан поразмыслил над вопросом.

— Наверно, начал я из-за этого, но скоро обнаружил, что пьяному куда легче, чем трезвому. Не

так тошно.

— А в ту ночь, когда она являлась, ты был…

— Пьян? — договорил за него Бартан. — Еще бы! — Словно дополняя признание, он сделал несколько больших глотков. — Но к тому, что происходило в ту ночь, это не имеет ни малейшего отношения. Милорд, если угодно…

— Толлер.

Бартан кивнул:

— Толлер, если угодно, считайте меня полоумным или одержимым, по большому счету это не важно. Я прошу вас об одном: отнеситесь всерьез к предложению насчет экспедиции на Дальний Мир. Поймите, я должен лететь. Я опытный воздухоплаватель. Я и пить брошу, если понадобится.

— Понадобится. Но как бы меня ни восхищала идея слетать на Дальний Мир, я не смогу всерьез обсуждать ее с королем или с кем-нибудь другим, пока не услышу, что на этот счет думает Завотл. Пойду встречу его внизу и отведу в отдельный кабинет, там можно будет освежиться винцом и поговорить о делах в более располагающей обстановке. — Толлер поднялся и поставил на стол пустой кубок. — Когда приведешь себя в порядок, спускайся к нам.

В знак согласия Бартан поднял свой кубок и

сделал внушительный глоток.

Укоризненно покачав головой, Толлер покинул номер и сумрачным коридором прошел к лестнице. Бартан Драмме — в высшей степени странный молодой человек, размышлял он, если не сказать — безумец. Но когда он впервые заговорил о путешествии на Дальний Мир, в Толлере мигом ожило знакомое чувство — радость первопроходца, после трудных многолетних скитаний увидевшего впереди свою цель. Этому сопутствовала мощная волна возбуждения, но Толлер сдерживал ее из страха разочароваться.

Как бы дико, нелепо и смешно ни выглядела идея полета на Дальний Мир, Чаккелу она придется по душе — именно по той причине, на которую указал Бартан. Но лишь при условии, что Илвен не сочтет ее бредовой. Завотл снискал королевское расположение, техническая сторона межпланетных полетов целиком в его ведении, так что, если этот коротышка с ушами в трубочку скажет: «О чем ты говоришь? Дальний Мир недосягаем!», Толлеру Маракайну ничего другого не останется, как смириться с уделом простого смертного, ожидающего заурядной кончины.

А этого допустить нельзя.

«Джесалла тысячу раз права, — подумал он,

останавливаясь на ступеньке лестницы. — Я веду себя в точности как она говорила. Но есть ли сейчас смысл делать что-то иное?»

Он спустился в заполненный народом вестибюль гостиницы и увидел Завотла в партикулярном платье — он о чем-то расспрашивал портье. Толлер громко поприветствовал его, и через минуту они расположились в маленьком кабинете, а на столе появился графин доброго вина. В стенных нишах горели лампы, и в их ровном голубоватом сиянии Толлер заметил, что его друг утомлен и погружен в свои мысли. Он был моложе Толлера на несколько лет, но его сильно старила ранняя седина.

— Дружище, что с тобой? — участливо спросил Толлер. — Опять желудок шалит?

— Даже если не ем ничего, все равно — несварение, — ответил Завотл с чахлой улыбкой. — Не ахти какое удовольствие.

— Не беда. Сейчас я кое-что расскажу, и ты тут же позабудешь про желудок. — Толлер наполнил два кубка зеленым вином. — Помнишь, о чем мы утром спорили с королем? Как теперь быть с оборонительными станциями.

— Да, помню.

— Ну так вот, нынешним вечерним днем я

встретил молодого человека по имени Бартан Драмме, и он высказал любопытную мысль. Юноша все время навеселе и малость не в ладах с рассудком, да ты и сам скоро увидишь. Но мысль заманчивая. Он предлагает отправить станцию, а может, и не одну, на Дальний Мир.

Толлер старался говорить легким, почти беспечным тоном, но внимательно следил за лицом Завотла и встревожился, когда тот насмешливо дернул ртом.

— Говоришь, твой новый знакомый не в ладах с рассудком? Я б его назвал форменным психом. — Завотл ухмыльнулся в кубок.

— Но ты же не хочешь сказать… — Толлер замялся, сообразив, что надо довериться другу, а там будь что будет. — Илвен, мне позарез нужен Дальний Мир. Мне больше некуда деться.

Завотл недоуменно посмотрел ему в глаза.

— Мы с Джесаллой разошлись, — ответил Толлер на молчаливый вопрос. — Между нами все кончено.

— Понятно. — Завотл сомкнул веки и осторожно помассировал их кончиками большого и указательного пальцев. — Очень многое будет зависеть от того, где находится Дальний Мир, — медленно проговорил он.

— Спасибо! — воскликнул Толлер, преисполненный благодарности. — Спасибо, дружище, я перед тобой в огромном долгу. Только скажи, чем я смогу отплатить, и…

— Да, я рассчитываю на плату, — перебил Завотл, — но говорить об этом не буду. Во всяком случае, не с тобой.

Настал черед Толлеру отгадывать мысль друга.

— Илвен, полет будет опасным. Зачем тебе жизнью рисковать?

— Я всегда думал, что у меня слишком слабое пищеварение, а оказалось, наоборот, чересчур сильное. — Он похлопал по животу. — Я сам себя перевариваю, и этот праздник самоедства не может длиться вечно. Так что Дальний Мир мне нужен не меньше, чем тебе. Если не больше. Для меня это будет полет в один конец. Но тебя и остальных членов экипажа, надо думать, такое путешествие не устроит, а потому мне придется как следует раскинуть мозгами, чтобы обеспечить вам благополучное возвращение. Ты прав, это позволит на часок-другой отвлечься от желудочных болей, так что не ты меня, а я тебя должен благодарить.

— Илвен… — Толлер заморгал, обнаружив, что лампы вдруг ощетинились расплывчатыми иг-

лами. — Илвен, прости, я… так запутался в своих неурядицах, даже не подумал, каково тебе.

Завотл улыбнулся и порывисто схватил его за руку.

— Толлер, ты не забыл наш самый первый полет? Помнишь, как мы с тобой поднимались в неизвестность, какими счастливыми были? Давай-ка отбросим лишние печали и возблагодарим судьбу за то, что нас ждет впереди — еще один небывалый полет, еще одна великая неизвестность.

Толлер кивнул, с нежностью глядя на Завотла.

— Так ты считаешь, полет возможен?

— Я бы сказал, стоит попробовать. До Дальнего Мира много миллионов миль, и нельзя забывать, что он не стоит на месте. Но у нас достаточно зеленых и фиолетовых кристаллов, чтобы до него добраться.

— Миллионы миль? А нельзя ли поточнее?

Завотл вздохнул.

— Эх, Толлер, если бы кто-нибудь вывез с Мира научные трактаты… Ведь мы там бросили почти весь запас знаний, и до сих пор никто палец о палец не ударил, чтобы его восстановить. Я могу полагаться только на память, и если она меня не подводит, то до Дальнего Мира, когда он от нас

на предельно коротком расстоянии, двенадцать миллионов миль, и сорок два миллиона, когда он по ту сторону солнца. Естественно, придется ждать, пока он подойдет ближе.

— Двенадцать миллионов! — воскликнул Толлер. — Мыслимое ли дело…

— Немыслимое! Ты забыл, что Дальний Мир движется. Кораблю придется идти к нему навстречу под углом, так что расстояние увеличивается до восемнадцати, а то и до двадцати миллионов миль.

— Это какая же скорость понадобится?!

— Пожалуй, то, что я тебе скажу, не для слабонервных. — Завотл достал из кармана карандаш и клочок бумаги и в один миг испещрил его цифрами. — Положим, из-за наших человеческих слабостей полет должен длиться максимум… гм… сто дней. Получается примерно сто восемьдесят тысяч миль в день, то есть нужна скорость… всего лишь семь с половиной тысяч миль в час.

— Теперь я вижу, что ты надо мной смеешься, — вздохнул Толлер. — Если ты считаешь, что Дальний Мир недосягаем, почему не сказать сразу?

Завотл миролюбиво поднял открытые ладони.

— Успокойся старина, я вовсе не смеюсь. Ты

должен помнить, что сопротивление воздуха возрастает соответственно квадрату скорости. Эта зависимость вынуждает наши корабли ползти черепашьим шагом, из-за нее даже твои любимые реактивные истребители далеки от идеала. Но к Дальнему Миру предстоит лететь почти в вакууме, вдобавок корабль выйдет за пределы тяготения Верхнего Мира, так что сможет развить поистине умопомрачительную скорость.

— Это, конечно, интересно, но ведь сопротивление воздуха кое в чем помогает межпланетному путешественнику. Если бы не надо было возвращаться, то все было бы просто. Корабль вводится в атмосферу, теряет скорость до приемлемого уровня, после чего команда покидает его и спускается на парашютах.

— Но нам необходимо вернуться, и это — главная проблема.

— Ты можешь что-нибудь предложить? Завотл глотнул вина.

— Думаю, нам нужен корабль, состоящий из двух частей.

— Ты шутишь?

— Ничуть. На мой взгляд, в качестве основной части можно взять командную станцию. Корабль… назовем его пустолетом, нет, луч-

ше космолетом, чтобы не путать с обычным небесным кораблем… должен быть не меньше командной станции, чтобы вместить необходимые запасы энергокристаллов и прочего. Так вот, этот корабль — космолет — долетит до Дальнего Мира, но садиться не будет. Придется его оставить за пределами дальнемирского тяготения, и он там будет висеть, пока не придет срок возвращаться.

— Ты мне будто гвозди в голову вколачиваешь, — пожаловался Толлер, изнемогая под натиском новых поразительных идей. — По-твоему, надо отправить с корабля на планету что-то вроде спасательной шлюпки?

— Спасательная шлюпка? В сущности, да… Но она должна представлять собою полностью оснащенный небесный корабль с оболочкой и двигательным узлом.

— А как ее туда доставить?

— К этому-то я и клонил, сказав, что космолет должен состоять из двух частей. Предположим, он наподобие командной станции состоит из четырех или пяти цилиндров. Для спуска можно отделить всю переднюю секцию и преобразовать ее в небесный корабль. Понадобится дополнительная переборка и герметичный люк, а еще… — Завотл дрожал от возбуждения, даже

приподнялся над стулом. — Толлер, мне нужны хорошие чертежные принадлежности. У меня творческий порыв.

— Велю принести. — Толлер махнул другу рукой — дескать, сядь. — Ты мне сначала как следует объясни насчет разделения корабля. Реально это сделать в пустоте? Не слишком ли велик риск потерять весь воздух?

— Конечно, безопаснее было бы этим заниматься в атмосфере Дальнего Мира, да и легче… Надо как следует подумать. Если повезет, мы обнаружим на Дальнем Мире мощный воздушный слой, превышающий радиус гравитации. В этом случае нам ничего не придется изобретать, остановим космолет в верхнем слое атмосферы, отделим небесный корабль, надуем шар и поставим ускорительные стойки. Все как обычно. Это можно отработать в нашей зоне невесомости. Другое дело — если придется вести расстыковку в поле тяготения. Наверно, лучший вариант— быстро опуститься до уровня, где можно дышать, и только там отделить небесный корабль от космолета. Разумеется, он будет падать, пока не наполнится оболочка, но мы теперь вполне можем сказать, что падение будет очень медленным, и мы успеем сделать все необходимое. Тут еще о многом

надо поразмыслить…

— В том числе о воздухе, — сказал Толлер. — Полагаю, ты предложишь огненную соль?

— Да. Мы знаем, что она возвращает к жизни мертвый воздух, но неизвестно, сколько ее потребуется для долгого полета. Придется ставить опыты. Не исключено, что от запаса соли, который мы сможем взять с собой, будет зависеть численность экипажа. — Завотл ненадолго умолк и с тоской посмотрел на Толлера. — Жалко, Лейна нет. Очень бы он нам сейчас пригодился.

— Я схожу за чертежными принадлежностями. — Когда Толлер покидал кабинет, перед его мысленным взором возник светлый образ брата, талантливого математика, погибшего от птертоза накануне Переселения. Он как никто умел срывать покровы с тайн природы, разгадывать ее козни. И все же Лейн не избежал серьезных заблуждений, когда истолковывал научные открытия, совершенные в первом восхождении с Мира в зону невесомости. Воспоминание о нем лишний раз заставило Толлера подумать, какая это все-таки авантюра — лететь сквозь миллионы миль пустоты к неизведанной планете.

«Погибнуть в таком походе — чего проще? — спросил себя Толлер и чуть не улыбнулся, развив

мысль дальше. — Но никто не посмеет назвать это заурядной смертью простого смертного…»

— Никак не пойму, что мне в этой затее не нравится. — Король огорченно посмотрел на Толлера и Завотла. — То ли мною ловко манипулируют, то ли тут вообще не кроется никакой хитрости.

Толлер изобразил уязвленное достоинство.

— Ваше Величество, подозревая меня в корыстных устремлениях, вы разбиваете мне сердце. Единственная моя мечта— водрузить…

— Маракайн, довольно! Я тебе не деревенский дурачок. — Чаккел пригладил жиденькую прядь, размазанную по лоснящейся коричневой лысине. — Хватит молоть чепуху! Ну, водрузишь ты мой стяг, а дальше он что, корни пустит? Безо всякого ухода даст желанный урожай? Ну, какая мне выгода от твоего Дальнего Мира?

— Историческая, — ответил Толлер, уже начавший детальную разработку плана экспедиции. Показной скепсис Чаккела нельзя было расценить иначе, как знак согласия на строительство и оснащение космолета: короля явно прельстила идея присоединить к своим владениям целую планету.

— Чтобы получить историческую выгоду, надо привести корабль в целости и сохранности. Где

гарантия, что это удастся?

— Ваше Величество, корабль выдержит любые испытания, — уверил Толлер. — Я же не самоубийца.

— Да что ты говоришь? Знаешь, Маракайн, иногда я в этом очень сомневаюсь. — Чаккел встал и принялся мерить шагами тесный кабинет, тот самый, где год назад он совещался с Толлером и Завотлом. Стол и шесть кресел оставляли августейшему брюху лишь узкую полоску; возвратясь к своему креслу, Чаккел облокотился на спинку и, насупив брови, взглянул на Толлера.

— А как насчет расходов? — осведомился он. — Ах да, я запамятовал: тебя никогда не интересовали такие приземленные пустяки.

— Ваше Величество, нужен один корабль с командой из шести человек. Только и всего.

— Толлер, мне все равно, сколько народу ты наберешь в команду, и тебе это известно. Я говорю о постройке и содержании действующих станций в зоне невесомости. Это же целое состояние!

— Но это открывает дорогу к новому миру…

— Вот заладил! — перебил Чаккел. — Ладно, будь по-твоему. Дикая затея, но раз уж так приспичило… Вообще-то ты заслужил поблажку, геройствуя на войне… Но с условием: Завотл

не полетит. Остаться без его мозгов — для меня непозволительная роскошь.

Завотл опередил Толлера.

— Ваше Величество, — произнес он, — с досадой вынужден предупредить вас, что вы так и так скоро останетесь без моих мозгов.

Чаккел сощурил глаза и воззрился на него с таким видом, будто заподозрил подвох.

— Завотл, — вымолвил он наконец, — ты никак помирать собрался?

— Да, Ваше Величество.

Казалось, ответ не столько опечалил Чаккела, сколько сбил с толку.

— Н-да… н-да… не нравится мне это…

— Благодарю, Ваше Величество.

— Ладно, меня ждут государственные дела, — отрывисто бросил король и направился к выходу. — Учитывая все обстоятельства, не вижу смысла запрещать тебе путешествие на Дальний Мир.

— Ваше Величество, я перед вами в огромном долгу.

В дверях Чаккел задержался и бросил на Толлера последний, особенно пристальный взгляд.

— Похоже, игра близится к концу? А, Маракайн?

Не дожидаясь ответа, он скрылся в коридоре, и в кабинете наступила тишина.

— Илвен, хочу тебе кое-что сказать, — тихо проговорил Толлер. — Мы напугали короля. Ты заметил, он постоянно внушал, что оказывает нам услугу? А на самом деле все обстоит иначе: ему страсть как хочется, чтобы над Дальним Миром развевался его штандарт. Гарантированное местечко в истории — не бог весть какая замена бессмертию, но ни один монарх, похоже, не в силах противиться такому искушению. А мы все время напоминаем Чаккелу, сколь суетны подобные мечты.

— Странные речи, Толлер. — Взгляд Завотла бродил по лицу друга. — Я останусь на Дальнем Мире, но ты обязан вернуться.

— Старина, не волнуйся ни о чем. Я вернусь любой ценой. Даже ценой собственной жизни, если понадобится.

Толлер не был уверен, что сын пожелает встретиться с ним, а потому невыразимо обрадовался, увидев на южном большаке одинокого наездника. Место встречи было выбрано не случайно; во-первых, там был пруд, а над ним высился приметный остроконечный утес в золотых прожилках, во-вторых, оно находилось на северном

склоне последней гряды холмов перед бывшим имением Толлера. Если бы он проехал еще милю до гребня, то увидел бы до боли знакомую картину; и мысль о том, что в этом доме живет Джесалла, разбередила бы его рану. Но не по этой причине он держался в стороне от усадьбы. Просто в душе Толлер дал себе и жене слово, что их пути разошлись навсегда. А значит, оказаться в пределах видимости из дома нельзя, иначе клятва будет нарушена. Толлер не взялся бы искать в этом логику — он поступал, как ему подсказывала совесть.

Он спешился и отпустил синерога щипать траву, а сам остался на дороге — ждать сына. Как и в прошлый раз, он узнал Кассилла по ярко-кремовым передним ногам его скакуна. Кассилл подъехал неспешно, но и не слишком медленно, и остановил синерога шагах в десяти от отца. Не покидая седла, он устремил на Толлера задумчивый взгляд серых глаз.

— Сынок, ты бы лучше спешился, — ласково предложил Толлер. — Проще будет разговаривать.

— А нам есть о чем говорить?

— А иначе зачем бы ты сюда ехал? — Толлер криво улыбнулся. — Давай слезай. Ничего с тво-

ими принципами и честью не случится, если мы потолкуем лицом к лицу.

Кассилл пожал плечами и с атлетической грацией соскочил на землю. Овалом лица и пышной копной глянцевитых черных волос он напоминал мать, но в жилистой фигуре угадывалась отцовская сила.

— Ты хорошо выглядишь, — сказал Толлер.

Кассилл опустил голову и окинул взглядом свой наряд — дерюжную рубаху и штаны, в которых его можно было принять за простого крестьянина.

— Я работаю в литейном и кузнях, иногда приходится тяжести таскать.

— Знаю.

Вежливый ответ Кассилла согрел отцовское сердце, и Толлер решил, что пора перейти к разговору, ради которого он приехал.

— Кассилл, через несколько дней отправляется дальнемирская экспедиция. Я не сомневаюсь в надежности расчетов и чертежей Завотла, но все-таки нас ждет уйма неведомых опасностей. И если нам не суждено вернуться, то мне будет легче умирать, зная, что мы с тобой уладили кое-какие вопросы, касающиеся вашего с матерью будущего.

Кассилл не выказал никаких чувств.

— Ты вернешься. Ты всегда возвращаешься.

— Я тоже так думаю, но все-таки предпочитаю услышать от тебя твердые обещания… Во-первых, насчет титула. Король его сделал наследственным, и я хочу, чтобы ты принял его, если узнаешь о моей смерти.

— Зачем мне титул? — спросил Кассилл. — Я не интересуюсь такой чепухой.

Толлер кивнул.

— Знаю, сынок, и уважаю тебя за это. Но ведь титул — не просто дворянская привилегия, это еще и власть. Власть, которая обеспечит вам с матерью надежное положение в обществе, власть, которую ты сможешь употребить во благо. Не вижу необходимости напоминать тебе, как важно, чтобы в нашей стране на смену древесине бракки пришли металлы. Поэтому дай мне слово, что не откажешься от титула.

Кассилл раздраженно поморщился.

— К чему забегать вперед? Ты до ста проживешь, а то и дольше.

— Кассилл, дай слово.

— Хорошо. Клянусь, что приму титул в тот день, когда он перейдет ко мне.

— Спасибо, — с искренним облегчением произ-

нес Толлер. — А теперь поговорим об управлении поместьем. Мне бы очень хотелось, чтобы ты и дальше брал с арендаторов плату перечной кукурузой. Насколько я могу судить, доходы от копей, литейных цехов и кузниц все растут, и на нужды семьи их вполне хватает.

— На нужды семьи? — Кривой ухмылкой Кассилл дал понять, что находит последнее слово неуместным. — Мы с матерью не нуждаемся в средствах.

Толлер сделал вид, будто не заметил в тоне Кассилла вызова, и поспешил заговорить о промышленности. При этом он все время сознавал, что от главной цели этой встречи ему не уйти.

Когда очередная напряженная пауза затянулась, как ему показалось, до бесконечности, Толлер понял, что оборвать ее придется ему.

— Кассилл, — сказал он, — своего отца я встретил лишь за несколько минут до того, как он наложил на себя руки. В наших судьбах было столько… нелепого, но в конце концов мы соединились. Я… не хочу, чтобы мы с тобой расстались, не разобравшись… Скажи, ты можешь простить все беды, которые я принес вам с матерью?

— Беды? — с деланным недоумением переспросил Кассилл. Он нагнулся, поднял гальку с

толстым золотым пояском, повертел перед глазами и бросил в пруд. Зеркальная гладь пошла морщинами, отраженный в ней лик Мира разлетелся вдребезги.

— О каких бедах ты говоришь, отец?

Но Толлер, полный решимости все расставить по своим местам, не поддался на его тон.

— Я не заботился о вас, потому что никогда не довольствовался тем, что имел. Вот так. В моем обвинительном акте всего несколько слов, но в них нет вымысла или лицемерия.

— Мне никогда не казалось, что обо мне мало заботятся, — медленно проговорил Кассилл. — Я ведь чувствовал, что ты нас любишь, и думал, будешь любить всегда. А теперь мать осталась одна.

— У нее есть ты.

— Она одинока.

— Я тоже одинок, — сказал Толлер, — но тут уже ничего не попишешь. И твоя мать лучше меня это понимает. Если и ты научишься понимать такие вещи, то научишься и прощать.

Ему вдруг показалось, что Кассилл выглядит моложе двадцати двух лет.

— Советуешь понять, что любовь не бессмертна?

— Она способна умереть, но способна и не поддаваться смерти. Иные люди с годами меняются, иные остаются прежними. Когда один из супругов, мужчина или женщина, меняется, ему, или ей, кажется, что другой супруг, женщина или мужчина, как раз и подвергается сильнейшей перемене… — Толлер умолк и беспомощно посмотрел на сына. — Что я могу советовать, если сам ничего в этом не смыслю?

— Отец… — Кассилл шагнул к Толлеру. — Я вижу, тебе очень больно. Я даже вообразить не мог, как ты мучаешься.

Напрасно Толлер пытался сдержать слезы, затуманившие его взгляд.

— Я рад боли. Как раз ее-то мне и недоставало.

— Отец, не надо…

Толлер протянул руки к сыну, они обнялись, и на краткий миг объятий он вспомнил, каково это — быть счастливым человеком.

— Клади на борт, — приказал Толлер, выпуская изо рта струйки белого пара.

Сидевший за рычагами управления Бартан Драмме (он ни разу не упустил случая попрактиковаться в вождении корабля) кивнул и стал выбрасывать из горизонтальной дюзы кратковременные струи пламени. Судить о том, как их

отдача превозмогает инерцию гондолы, позволяло скольжение Верхнего Мира по небу; вскоре из-за коричневого горба оболочки появился огромный блин Мира. Врубив противоположную дюзу, Бартан прекратил разворот; за каждым бортом застывшего в пустоте корабля теперь целиком виднелась планета. Впритык к восточному краю Мира пылало солнце, высвечивая лишь тонкий серп земной тверди. Все прочее тонуло в полумраке.

До ожидающего старта космолета оставалось меньше мили, на тусклом фоне Мира он казался ленточкой света. Рядом висело несколько крапинок поменьше — немногочисленные казармы и склады, которые Чаккел позволил оставить в зоне невесомости для обслуживания недавно построенного корабля. В разрисованных небесах не так-то просто было найти это рукотворное созвездие, но всякий раз, когда оно попадалось Толлеру на глаза, у него учащалось биение сердца.

Истекли шестидесятые сутки с того дня, когда монарх разрешил снарядить экспедицию, и теперь Толлеру не верилось, что час расставания с родными планетами уже близок. Отгоняя смутное чувство нереальности происходящего, он навел подзорную трубу на космолет.

Его конструкция, начерченная Завотлом в гостинице «Синяя Птица», с тех пор претерпела одно существенное изменение. Сначала передняя из пяти секций задумывалась как отделяемый модуль, но по зрелом размышлении эта идея была отвергнута — недопустимо, чтобы на корабле был целиком закрыт передний обзор. После ряда неудачных экспериментов с зеркалами решено было перенести посадочный модуль в корму — его двигатель будет толкать космолет к Дальнему Миру, а там, после отделения секции, у корабля-матки обнажится собственный двигатель — для обратного путешествия.

Толлер опустил подзорную трубу и обвел взглядом других членов экипажа. Все они казались непомерно толстыми в костюмах на ватной подбивке, все были погружены в раздумья. Кроме Бартана, здесь находились Бериза Нэрриндер, Типп Готлон и еще один бывший истребитель, добродушный паренек по имени Дакан Врэйкер. К удивлению Толлера, от добровольцев не было отбою, но он выбрал Врэйкера за невозмутимый нрав и многочисленные технические навыки.

Оживленные голоса, не умолкавшие последний час, стихли, как будто люди вдруг осознали величие предстоящего.

— Только не надо мрачных физиономий, — с деланным весельем попросил Толлер. — Может, на Дальнем Мире нам так понравится, что и возвращаться не захочется.

Глава 14

Приближался день старта. Толлер с нетерпением ждал, когда космолет обернется огненной стрелой и вырвется из хватки родной планеты. Как командир корабля, он бы предпочел в этот день сидеть за рычагами управления, но в период подготовки, когда дело дошло до освоения нового стиля полета, выяснилось, что остальные члены экспедиции в таком «спорте» куда одареннее своего начальника. Длина корабля впятеро превышала диаметр, и было нелегко сохранять его положение в пространстве — это требовало весьма деликатного обращения с горизонтальными дюзами, умения обнаруживать и исправлять отклонения от курса чуть ли не в момент их возникновения. Казалось, Готлон, Врэйкер и Бериза приобрели этот навык безо всяких усилий; нечастыми и кратчайшими — в долю секунды — вспышками они удерживали перекрестье рисок рулевого телескопа на центре планетного диска.

Завотл и Бартан тоже неплохо овладели управлением, хоть и уступали в сноровке товарищам; Толлер же, к великой его досаде, в коррекции курса то и дело давал лишку, что вынуждало его терять время на исправление ошибок и вызывало ухмылки остальных воздухоплавателей.

В конце концов он сдался и уступил ответственность за вывод космолета из атмосферы планет-близнецов Готлону, самому молодому члену экипажа.

Пристегнутый к сиденью возле центра верхней палубы, Готлон не отрывался от призматического окуляра слабого телескопа, направленного вертикально на иллюминатор в носу корабля. Его ладони лежали на рычагах управления, от которых вниз, через несколько палуб, к главному двигателю и горизонтальным дюзам шли стержни. Свирепая щербатая улыбка показывала, что Готлон охвачен возбуждением и ждет не дождется приказа стартовать.

Толлер обвел взглядом носовую секцию, служившую не только рубкой управления, но и кубриком, и кают-компанией. В разных местах у борта, держась за скобы, покачивались в воздухе Завотл, Бериза и Бартан. В секции не горела ни одна лампа, свет проникал только через иллюми-

натор с солнечной стороны, но Толлер довольно ясно различал лица спутников и видел, что экипаж разделяет его чувства.

Полет мог продлиться все двести дней — чудовищно долгий срок для человеческого существа, обреченного на бездеятельность и аскетизм. Как бы ни были тренированы воздухоплаватели, в такой серьезный момент любой способен поддаться малодушию, и это будет вполне естественно. Возможно, когда наконец заработает главный двигатель и понесет их навстречу приключениям, станет легче, но до этого момента — до психологического перелома — Толлеру и его людям оставалось лишь терзаться сомнениями и дурными предчувствиями.

Все сильнее волнуясь, Толлер добрался до винтового трапа и глянул вниз. Ограниченное громадным цилиндром пространство было прострелено узкими лучами солнца, бьющими из иллюминаторов; светотени рисовали причудливейшие узоры на бортах, внутренней оснастке и баках с запасами пищи, воды, огненной соли и кристаллического топлива. В этом дивном замкнутом мирке кто-то шевелился, и Толлер не без труда различил под трапом Врэйкера, проверяющего топливные бункеры и систему

пневматической подачи кристаллов. Громоздкий костюм не помешал ему быстро подняться на главную палубу; заметив командира, он кивнул и тихо доложил:

— Двигательный узел в полной готовности.

— Мы тоже. — Толлер повернулся и встретил нетерпеливый взгляд Готлона. — Давай увози нас отсюда.

Не медля ни секунды, Готлон потянулся к рычагу дросселя. В глубине корабля зашумел двигатель, расстояние и палубы приглушали его рев. Членов экипажа плавно потянуло вниз, и через несколько мгновений все, кроме Готлона, встали на ноги. Висящие за иллюминаторами техники в толстенных небесных костюмах энергично махали руками.

— Как это трогательно, — произнес Толлер. — Нас провожают на подвиг.

Завотл скептически хмыкнул.

— Просто они рады до смерти, что мы наконец улетаем. Небеса у них уже в печенках сидят, они ждут не дождутся, когда им позволят вернуться к семьям. Чем бы и мы занимались, будь у нас все в порядке с мозгами.

— Ты кое о чем забываешь, — ухмыльнулся Бартан Драмме.

— О чем?

— Я возвращаюсь к семье. — Ребячливая улыбка расползлась от уха до уха. — Я, так сказать, баловень двух миров, потому что на Дальнем Мире меня ждет жена.

— Сынок, я абсолютно убежден, что капитаном этого корабля следовало назначить тебя, — хмуро произнес Завотл. — Надо быть безумцем, чтобы отправиться в такой полет, а ты — самый безумный среди нас.

Когда с момента старта «Колкоррона» минуло чуть больше часа, Толлером овладело непонятное беспокойство. Он посетил каждый закуток корабля, убедился, что все в полном порядке, и все-таки тягостное чувство не проходило. Не видя конкретных причин поднимать тревогу, Толлер решил ничего не говорить Завотлу и остальным: капитан должен служить образцом решительности, а не подрывать моральное состояние команды смутными предчувствиями. Тем более что никто их не разделял, все держались спокойно и бодро, о чем свидетельствовала оживленная беседа на верхней палубе.

Толлера не тянуло принять в ней участие, напротив, хотелось уединиться. Он нашел укромное местечко в средней секции, узкую щель между

шкафами со снаряжением — в точности так он поступал в детстве, когда желал отгородиться от всего мира и в иллюзорном одиночестве найти источник дурных предчувствий.

Может быть, все дело в том, что за иллюминатором — непривычно черное небо? Или в глубоко засевшем сомнении, в инстинктивном бунте чувств? Виданное ли дело — развить скорость несколько тысяч миль в час? Все это время главный двигатель почти не утихал, и если верить Завотлу, скорость корабля давно побила все рекорды. Поначалу слышался шорох воздуха о корпус, но по мере того, как меркли небеса, этот звук исчезал. Проникая в иллюминатор, солнечный свет мешал Толлеру видеть окружающую вселенную, но в ней, должно быть, царил извечный покой. Не зная, что корабль несется в пустоте, ежечасно преодолевая многие тысячи миль, сам ни за что не догадаешься. Не этим ли объясняется тяжесть на сердце? Быть может, некая часть разума встревожена несовпадением видимого глазу и происходящего в действительности?

Толлер сразу отверг эту мысль — он не страдал излишней чувствительностью, и едва ли путешествие в космосе могло переменить его натуру. Уж если нервничать, то по вполне осознанной

причине, такой, например, как непосредственная близость иллюминатора. Корпус «Колкоррона» снаружи дополняли стальные обручи, а внутри — слои дегтя и парусины, придавая конструкции изумительную прочность. Но были и слабые места — вокруг иллюминаторов и люков. В одном из пробных полетов вырвало иллюминатор, и у механика лопнули барабанные перепонки, а ведь корабль даже не вышел в вакуум.

С главной палубы донеслось короткое шипение — кто-то смешивал порции огненной соли и воды, восполняя необходимое для жизни содержание воздуха. Минутой позже возник довольно резкий аромат, напоминающий запах морских водорослей, и смешался с запахом дегтя, тоже ощутимо окрепшим…

Толлер принюхался — дегтем и правда пахло сильно. Беспокойство мигом возросло. Он торопливо стащил с руки перчатку и коснулся черной поверхности борта. Теплая! Не настолько теплая, чтобы размяк деготь, холоднее тела, но ведь Толлер ожидал совсем не такого холода! Словно пелена упала — в один миг он понял, откуда взялись странные опасения…

Он всей кожей ощущал неуютное тепло!

Подбитый ватой небесный костюм для того и

предназначался, чтобы не пропускать лютый холод зоны невесомости, и худо-бедно справлялся с этой задачей. Но теперь он взялся за дело всерьез, едва не покрыв хозяина испариной.

«Этого не должно быть! Мы падаем на солнце!»

Пока Толлер соображал, в чем дело, двигатель умолк, и Завотл с главной палубы позвал его по имени. Заметив, что он опять напрочь утратил вес, Толлер нырнул головой вперед к лестнице, на руках поднялся по перилам к главной палубе и предстал перед недоумевающим экипажем.

— Странное дело, — сказал Завотл. — Корабль нагревается.

— Я уже заметил. — Толлер повернулся к Готлону, который взирал на него с пилотского сиденья. — Мы что, с курса сбились?

Готлон энергично помотал головой.

— Сэр, мы с самого начала идем нормально. Клянусь, Гола ни разу не выходила из креста больше, чем на секунду.

Гола была персонажем колкорронской мифологии — она являлась заплутавшим морякам и вела их в тихие гавани. Ее имя дали путеводной звезде, которую выбрали для первого этапа путешествия на Дальний Мир.

— А все-таки, — обратился Толлер к Завотлу, —

не уходим ли мы в сторону? Ведь можно держать Голу по носу и все равно падать на солнце.

— Да с какой стати нам падать? Если бы и падали, не успели бы за это время так нагреться.

— Если поглядишь за корму, — сказала Толлеру Бериза, — увидишь, что пропорция расстояний до Мира и Верхнего Мира не изменилась. Мы на заданном курсе.

— Надо отметить в корабельном журнале, — пробормотал Завотл под нос. — Что ж, будем теперь знать, что в космосе тепло. Вообще-то неудивительно, ведь солнце тут не заходит. Но ведь оно и в зоне невесомости почти не заходит, а стужа там… Вот тебе, Толлер, еще одна загадка.

— Загадка, не загадка, — проговорил Толлер, решив с этой минуты излучать уверенность и бодрость и не давать спуску растерянности, охватившей команду при первом столкновении с неизвестным, — а нам она только на руку. Можно снять проклятые костюмы. Мы ей еще спасибо скажем. Какое-никакое, а все-таки удобство.

К исходу третьего дня быт на корабле окончательно вошел в колею — к великому облегчению Толлера, сознававшего опасность скуки и однообразия, которая подстерегала экипаж. Но то была вполне предсказуемая человеческая пробле-

ма. Куда страшнее, когда природа выкидывает неожиданные фортели, отбрасывая свои самые непреложные законы, руша исконные верования человека. Едва это началось, Толлер стал казаться себе младенцем в дремучем лесу, кишащем всякой колдовской нечистью.

За первым открытием, которое поначалу всех испугало, а затем обрадовало, не заставило себя ждать и второе. Неся вахту у телескопа, Врэйкер обратил внимание, что в межпланетном пространстве нет метеоритов. К удивлению Толлера, Илвен Завотл счел наблюдение заслуживающим внимания и посвятил ему очередную пространную запись в журнале.

Как и предупреждал этот невысокий тщедушный человек, его с каждым днем все сильнее грызла хворь. От него не слышали ни единой жалобы, но он худел на глазах и почти не отрывал от живота стиснутых кулаков. Он стал раздражителен до неузнаваемости и постоянно цеплялся к молодым членам команды. Особенно доставалось Бартану Драмме.

Воздухоплаватели, убежденные, что у Бартана помрачен рассудок, старались его не задевать, но Завотл редко упускал возможность отточить на нем свое остроумие. Молодой человек держался

с завидным хладнокровием; казалось, он закован в невидимую броню. И все же Беризе то и дело приходилось за него заступаться, отчего ее отношения с Завотлом стали натянутыми.

Толлер не желал вмешиваться, понимая, что старый друг не властен над демоном, который в него вселился, и верил, что Бериза не позволит разладу зайти слишком далеко. Сам Толлер ладил с ней прекрасно, после тех пяти дней в мирке на двоих они остались друзьями — добрыми, верными и не питающими друг к другу никакой страсти. Они встретились в особое время, когда были нужны друг другу, дополняли друг друга, — а теперь шли по жизни рядом, но каждый — своим путем. Шли без сожаления и без угрызений совести. У него даже мысли не мелькнуло возразить, когда она попросилась в состав дальнемирской экспедиции. Он знал: Бериза великолепно осознает риск, и у нее есть не меньше, чем у него, оснований лететь.

Но человеческие взаимоотношения были не единственной проблемой. Еще на Верхнем Мире Толлер предвидел, что еда и питье — как поглощаемые, так и выделяемые организмами в виде отходов — подвергнут выносливость экипажа суровейшему испытанию. На борту нельзя было

пользоваться огнем для приготовления пищи, и команда сидела на сухом пайке. В скудный суточный рацион входила солонина или вяленая рыба, сухофрукты, орехи и печенье; запивалось это все водой и раз в день — глотком бренди.

Поскольку главный двигатель работал почти постоянно, а потому все, что находилось на борту, хоть сколько-нибудь, да весило, туалетные процедуры были не столь затруднительными, как при нулевой гравитации. И все же они требовали немалого стоицизма. Гальюн находился в средней секции корабля и представлял собой трубу со сложной системой клапанов; когда они срабатывали, вместе с отбросами за борт уходило некоторое количество воздуха, и автоматическая горелка компенсировала потерю, сжигая порцию огненной соли.

Предусматривалось, что все шестеро членов команды будут по очереди сидеть в пилотском кресле, но вскоре практические соображения заставили Толлера внести поправки в вахтенное расписание. Беризе и Готлону без особого труда удавалось часами держать Голу в кресте телескопа; вскоре и Бартан догнал их в этом навыке. Но от Толлера и Завотла за рычагами управления толку было мало — они быстро уставали и

злились. Поклонник целесообразности, Толлер перераспределил обязанности членов экипажа, предоставив четырем молодым астронавтам вести корабль наперерез Дальнему Миру, а себе и Завотлу — делать посильную работу. Завотл охотно занялся астрономическими наблюдениями и вычислениями; корпение над журналом в кожаном переплете не оставляло ему досуга. Но Толлеру свободные часы были в тягость.

Его то и дело посещали мысли о жене и сыне — как они живут? Что делают? Он подолгу просиживал у иллюминатора, разглядывая неизменный гобелен в звездах, серебряных спиралях и кометах. Казалось, будто корабль стоит на месте, и Толлеру снова и снова приходилось напоминать себе, что в это самое время космолет развивает скорость, необходимую для межпланетного путешествия.

— Готова? — спросил Бартан. Бериза кивнула, и он вырубил двигатель, выплыл из пилотского кресла и держал пристяжные ремни, пока она усаживалась на его место.

— Спасибо. — Она ласково улыбнулась. Бартан кивнул — вежливо, но без ответной улыбки, затем отлетел к трапу и исчез под палубой, оставив Беризу в обществе Толлера и Завотла. Готлон и

Врэйкер загружали топливом бункеры в кормовой секции.

— Сдается мне, кто-то положил на юного Бартана глаз, — заключил Толлер, ни к кому не обращаясь.

Завотл хмыкнул.

— Эта «кто-то» просто теряет время. Наш господин Драмме всю любовь приберег для духов — бестелесных и тех, что в бутылках.

— Меня это не касается. — Бериза помолчала, поглаживая рычаги. — Наверно, он очень любит жену. Если бы я вышла замуж и вскоре умерла или исчезла, мне бы очень хотелось, чтобы муж ради меня полетел на другую планету. Это так романтично…

— Эге, да у тебя тоже не все дома! Как бы нам всем не перезаразиться психической чумой, птертозом рассудка. Что скажешь, Толлер?

— Бартан хорошо делает свое дело. По-моему, его надо оставить в покое.

— Да. — Завотл несколько секунд глядел в ближайший иллюминатор, на его лицо наползало странное выражение. — Ты прав, он хорошо делает свое дело. Пожалуй, куда лучше, чем я.

Не только эти слова, но и интонация насторожили Толлера.

— Что-то не так?

Завотл кивнул.

— Выбирая путеводную звезду, я рассчитывал, что наш путь пересечется с путем Дальнего Мира. Если я не ошибся, то мы должны наблюдать постепенное сближение Дальнего Мира и звезды.

— Ну и?

— Мы летим всего пять дней, но уже заметно, что Дальний Мир и Гола расходятся. Я тебе не говорил… Глупо, конечно, но я надеялся, что они снова сблизятся или найдется объяснение… И вот — ни того, ни другого. Выходит, я не справился со своими обязанностями.

— Илвен, но ведь это не слишком серьезно, правда? Переместим крест поближе к Дальнему Миру, только и всего. Ничего страшного…

— Страшно одно: неведение, — изрек Завотл с покаянной улыбкой. — Видишь, Толлер, нечто, как я и ожидал, подбрасывает сюрпризы. Дальний Мир светится чересчур ярко, его изображение в телескопе слишком велико. Почему? Этого я не возьмусь объяснить.

— Может, потому, что мы уже на полпути, — сказала Бериза.

— Кого интересует твое мнение? — вскинулся Завотл. — Не кажется ли тебе, что ты берешься

судить о вещах, в которых ровным счетом ничего не смыслишь?

У Беризы сошлись на переносице брови.

— Когда предмет на твоем пути удваивается в размерах, это означает, что расстояние до него сократилось вдвое. По-моему, это проще простого.

— Для простого умишка все просто.

— Давайте без грызни, — вмешался Толлер. — Нам надо…

— Но эта идиотка утверждает, — не желал униматься Завотл, — что десять миллионов миль мы пролетели всего за пять дней! — Он яростно потер живот. — Два миллиона в день! Сколько ж это в час получается? Больше восьмидесяти тысяч! А на самом деле наша скорость…

— На самом деле скорость вашего корабля превышает сто тысяч миль в час, — заявила мерцающая златовласая женщина, появляясь возле переборки.

Глава 15

Толлер уставился на женщину, моментально сообразив, что это и есть жена Бартана Драмме, а его модель мироздания со всеми ее законами рассыпалась в пыль. По телу разливались холод

и слабость, но страха почему-то не было. Бериза и Завотл замерли, и хотя они смотрели в разные стороны, Толлер знал: его спутники видят то же, что и он. Женщина в белом платье простой крестьянки была прелестна и сияла в сумраке отсека, как свеча. Когда она вновь заговорила, гнев в ее голосе чуть смягчала озабоченность.

— Ощутив приближение Бартана, я не сразу в это поверила, но на всякий случай решила его поискать, и вот оказывается, чувства меня не подвели. Вы пустились через пространство, даже не подозревая об эффекте постоянного ускорения! Неужели вы не понимаете, что идете на верную смерть?

— Сонди! — Над главной палубой возникла голова Бартана и рука, вцепившаяся в перила. — Я лечу, чтобы забрать тебя домой!

— Бартан, ты дурак! И все вы дураки, каких свет не видел! Вот ты, Илвен Завотл, проложивший курс корабля, — ответь, как ты себе представляешь посадку?

Завотл заговорил растянуто и монотонно, как в трансе:

— Мы собираемся погасить скорость корабля, введя его в атмосферу Дальнего Мира.

— Вот тут-то вам и конец! При такой скорости

на подлете к Дальнему Миру возникнет сильнейшее сопротивление воздуха, и тепла при этом выделится столько, что ваш корабль превратится в метеорит. Даже если случится чудо и вы благополучно сядете… С чего вы взяли, что воздух там пригоден для дыхания?

— Воздух? Воздух, он и есть воздух.

— Как мало вы знаете! А ты, Толлер Маракайн, величающий себя начальником этой безумной экспедиции! Понимаешь ли ты, что на твоих плечах — ответственность за всех, кто тебе подчиняется?

— Понимаю, — твердо ответил Толлер. В голове у него свербила мысль, что и он, и остальные должны были бы съежиться от страха и лишиться дара речи от изумления — только не вести с призраком спокойную беседу. Но, видимо, подавление всех нормальных человеческих реакций было одной из особенностей телепатического общения. Теперь ему стало понятно утверждение Бартана: все, что происходит в действительности, по определению не может быть сверхъестественным.

— В таком случае, — продолжала Сондевира, — если ты сохранил хоть каплю благоразумия, то немедленно прекратишь эту глупейшую из аван-

тюр! Я подробнейшим образом изложу, что вам надо сделать для благополучного возвращения на Верхний Мир…

— Увы, на это предложение я согласиться не могу, — перебил Толлер. — Как ты изволила выразиться, я величаю себя начальником этой необычной экспедиции. Моя власть опирается на общую решимость идти вперед, и если я вдруг предпочту повернуть, мой голос станет лишь одним из многих.

— Уклончивый ответ, Толлер Маракайн! — В глазах привидения кипела синева. — Следует ли понимать, что ты обрекаешь людей на верную смерть?

— Едва ли нужно так сгущать краски. Если в твоей власти — довести нас целыми и невредимыми до Верхнего Мира, то и в отношении Дальнего Мира, ты, наверно, могла бы посодействовать.

— Сколь мизерны ваши представления об опасностях, подстерегающих вас на каждом шагу! — В беззвучных словах появился оттенок раздражения. — Много лет назад вы открыли, что Верхний Мир необитаем, и теперь без тени сомнения верите, что и на Дальнем Мире нет ни души! Неужели вам не приходило в голову,

что там может оказаться человечество со своей цивилизацией, неужели вы думаете, что вся эта планета — в моем безраздельном владении?

— Я не задавался такими вопросами, — сказал Толлер. — Вплоть до этого часа я думал, что Бартан безумен и тебя не существует.

— Да, Бартан, теперь я вижу: не надо было тебе ни о чем рассказывать. Я бы не совершила такой ошибки, будь мое развитие закончено, и не подвергла бы тебя и твоих спутников смертельному риску. Бартан, не отягчай мою совесть лишней виной! Убеди друзей возвратиться на Верхний Мир!

— Сонди, я тебя люблю, и никакая сила в мире не остановит меня!

— Но ведь твоя затея — дичайшая глупость! Вас же всего шестеро, как вы рассчитываете меня спасти?

— Спасти? — В голосе Бартана появился резкий тембр. — Ты что, в плену?

— Никто не в силах ничего изменить. Мне здесь хорошо. Бартан, возвращайся назад!

Толлер внимал разговору Сондевиры и Бартана, и сквозь странное оцепенение, которое позволяло ему беспечно и даже сонно воспринимать чудо, из глубины сознания поднимался ропот. Откры-

тие наслаивалось на открытие, но каждое из них вело за собой сонм вопросов, требующих немедленного ответа. Что за люди живут на Дальнем Мире? Они что, тайком высаживались на Верхний Мир и физически похитили жену Бартана? Если да, то с какой целью? И самое главное: как удалось этой неприметной сельской женщине, жившей на отдаленной ферме, вдруг приобрести поразительную, внушающую благоговейный страх способность посылать свои мысли и облик за миллионы миль космического пространства?

Ища разгадку, Толлер вглядывался в лицо Сондевиры и вскоре пришел к выводу, что призрак находится не перед глазами, а, по всей видимости, в голове. Ему не удавалось остановить взгляд ни на одной черточке, казалось, женщина состоит из множества изображений, они постоянно смещаются, сливаются и распадаются. Она стояла совсем рядом, так близко, что иногда он мог разглядеть каждый волосок на ее руках, — и в то же время была в невообразимой дали, казалась яркой звездой, пульсирующей в ритме ее беззвучной речи.

— Отказываясь вернуться, вы ставите меня в тяжелейшее положение. Я могу спасти вас от верной гибели здесь, в космической пустоте, но

это лишь означает, что вас ждет столь же верная гибель там, на Дальнем Мире.

— Мы сами распоряжаемся собственной жизнью, — заявил Толлер, чувствуя молчаливую поддержку всего экипажа. — И к тому же нас не так-то просто убить.

Со дня своего первого визита Сондевира побывала на корабле не раз. Больше всего ее заботило снижение огромной скорости и исправление курса. Завотл, придя в себя после потрясающих новостей, с головой ушел в работу. Необходимо было не только повернуть корабль вверх тормашками, чтобы ускорение сменилось торможением, но и постоянно корректировать курс, короткими рывками горизонтальных дюз возвращая «Колкоррон» на заданную траекторию. Воздухоплаватели не могли видеть, что происходит прямо за кормой, но Сондевира утверждала, что корабль уверенно приближается к цели. Бортовой журнал пополнялся все новыми записями; особый интерес у Завотла вызвало объяснение светящейся наставницы, чем плох его замысел оставить корабль за пределами гравитационного поля Дальнего Мира. Радиус такого поля, сказала она, можно считать бесконечным, а значит, надо поместить корабль на орбиту, при этом он будет

падать на планету вечно, точь-в-точь как сама планета падает вокруг солнца.

Напрасно Толлер силился разобраться в новых астрономических концепциях — поразительная ситуация совершенно сбила его с толку. На него навалилось слишком много неразгаданных тайн. Но все они так или иначе замыкались на тайне Сондевиры. Казалось, кому, как не Бартану Драмме, больше всех ломать над этим голову? Но молодой человек радовался предстоящему воссоединению с женой и вовсе не спешил выяснить, какая сила так круто повернула ее судьбу. Не следует забывать, говорил себе Толлер, что Бартан довольно долго жил в алкогольном тумане, в пьяных сумерках сознания; возможно, он и впрямь сошел бы с ума, если бы не верил, что жена перенеслась на Дальний Мир и разговаривала с ним оттуда.

Бартан снова пустился в запой. Узнав, что корабль чудовищно перегружен запасами, в том числе бренди, Толлер позволил экипажу есть и пить вволю. Вскоре стало ясно, что Бартан злоупотребляет поблажкой, но у Толлера не хватило духу ее отменить. Он всегда следил за строжайшей дисциплиной на кораблях, но теперь в этой вселенной, где невозможное стало возможным, а

сверхъестественное — обыденным, дисциплина казалась никчемным и пошлым пустяком.

На третий день торможения он сидел у носового иллюминатора, который сейчас оказался в корме, и глядел на светящихся двойняшек — Мир и Верхний Мир. На этих планетах прошла вся его жизнь, и вот они — далеко позади… Дальше звезд — хотя, конечно, это только кажется. А недавно он узнал, что между Верхним и Дальним мирами протянут мост человеческой мысли. Неужели такое возможно? А если возможно, то как?

Толлер изнемогал под натиском вопросов — они словно молотом били в его разум. Но всякий раз, когда на борту появлялась Сондевира, он испытывал безразличие и пассивную готовность ко всему. Гостья всегда исчезала, прежде чем он успевал о чем-нибудь ее спросить. Возможно, она не считала зазорным сглаживать своей таинственной силой его любопытство. Если это так, подумал Толлер, то вот еще одна головоломка в его богатейшей коллекции.

Он окинул взглядом верхнюю секцию, пытаясь понять по лицам спутников, мучают ли их те же вопросы, что и его. В пилотском кресле сидел Врэйкер, держа риски телескопа на новой звезде-ориентире. Остальные дремали в гамаках.

Казалось, их вовсе не тревожит беспомощность перед громадной неизвестностью, что ожидает впереди.

— Но разве так можно? — прошептал Толлер. — Мы заслуживаем большего уважения…

— Не могу не согласиться. — Появление Сондевиры искривило окружающее пространство, создав диковинную геометрию, которая бросала вызов законам перспективы. — Признаюсь, я не пожалела сил, чтобы окружить барьером разум каждого из вас, но ведь я заботилась только о вашей безопасности. Видите ли, телепатия, или непосредственный мысленный контакт разумов, — дело, по сути, добровольное. Здесь, на Дальнем Мире, живут ваши враги, причем враги могущественные. Нельзя допустить, чтобы симбониты узнали о вашем приближении к планете. Тут я могу помочь, но все-таки лучше бы вы согласились повернуть к дому.

— Мы не можем повернуть, — сказал Бартан Драмме, опередив Толлера.

— Бартан говорит от лица всех нас, — добавил Толлер. — Мы готовы встретиться с любым врагом, погибнуть, если будет нужно, но все-таки имеем право знать, с кем придется скрестить клинки. Кто такие симбониты и почему они

враждебны?

Сондевира ответила не сразу, и пока она раздумывала, ее многомерный образ колебался, мерк и светлел вновь. Наконец она повела рассказ:

— Бесчисленное множество тысячелетий скитались симбоны в космосе, пока слепая судьба не привела их к маленькому, ничем не примечательному солнцу со свитой всего-навсего из трех планет. Две из них кружились неразлучной парой, третья держалась особняком. Угодив в гравитационное поле светила, разреженное облако спор (многие из них цеплялись друг за дружку тончайшими нитями вроде паутины) веками падали к центру системы, где и нашли свой конец в огромном ядерном костре. Но некоторым повезло — их зааркани́ло тяготение третьей планеты.

Они опустились на почву, напитались дождевой влагой и перешли в активную стадию существования. Им снова удивительно повезло — все они вступили в физический контакт с представителями доминирующей формы жизни, мыслящими двуногими, которые незадолго до этого научились пользоваться металлами. Симбоны проникли в тела туземцев, размножились и распространились в них; особенно охотно они селились в нервной системе. В итоге получились

сложные разумные создания, унаследовавшие — и очень сильно развившие — некоторые свойства обеих рас.

Симбониты оказались сильнее и гораздо умнее обычных двуногих туземцев. Телепатия, доставшаяся им от симбонов, помогла разыскать друг друга и образовать колонию суперсуществ, которые легко возобладали над местными биологическими видами. Союз людей и спор был полюбовным и взаимовыгодным, в частности, он покончил с войнами племен. Единственное, в чем туземцы могли упрекнуть незваных гостей, так это в лишении их возможности самим пройти все ступени эволюционной лестницы.

С тех пор минуло два столетия расцвета симбонитов. При связи симбонита с обычной туземкой обязательно рождается симбонит, и при таком подавляющем генетическом преимуществе сверхлюди не могут не расти в числе. Они создали свою культуру и абсолютно уверены, что со временем полностью выживут автохтонов.

Но в миллионах миль от Дальнего Мира, на одном из миров-близнецов, судьба их сородичей складывалась по-другому.

Когда облако спор дрейфовало к солнцу, две из них отклонились к планете, которую вы назвали

Верхним Миром. В нижних слоях атмосферы ветер разорвал соединявшую их нить, но все же они опустились близко друг от друга в плодородном краю.

Симбонам не дано выбирать, и одному из них пришлось вселиться в первое же существо, которое с ним соприкоснулось. На его беду, этим существом оказалась многоножка, представительница чуть ли не самого низшего зоологического вида, чем-то напоминающая скорпиона и богомола.

Ползучая тварь дала потомство — выводок сверхмногоножек. Мозгов они не имели, так что управление телами выполнялось через скопления ганглий. Не были они и телепатами в полном смысле этого слова, но их нервные клетки могли передавать на расстояние смутные протоощущения и образы.

Они были слишком примитивны, чтобы образовать жизнеспособную симбиотическую цивилизацию. Максимум, что им удалось, это избежать на какое-то время вырождения.

В случае с этой спорой симбона природа тоже играла вслепую, но на этот раз ей не посчастливилось сорвать куш. Через несколько поколений сверхмногоножкам предстояло вымереть, не

оставив заметного следа в истории планеты. Они и вовсе остались бы незамеченными, если бы их телепатические посылы не воздействовали угнетающе на психику людей, которым доводилось селиться в их ареале.

Однако второй симбоновой споре повезло гораздо больше…

— Сонди! — Если бы не полный муки возглас Бартана Драмме, Толлер и дальше холодным взглядом исследователя проникал бы в глубины времени и пространства. — Умоляю, не говори так! Ведь это не могло случиться с тобой!

— Нет, Бартан, именно со мною это и случилось. Я вступила в контакт со второй спорой, и теперь я тоже симбонит.

На главной палубе воцарилась напоенная ужасом тишина, и когда Бартан вновь заговорил, в его тихом голосе появился надрыв:

— Сонди, значит ли это, что я тебя потерял? Неужели ты умерла для меня? Неужели ты теперь… одна из них?

— Нет. Облик мой не изменился, и в душе я все то же человеческое существо… Но… как бы это объяснить… У меня больше сил. Я пыталась тебя остановить, но ты не послушался… Наверно, теперь я могу признаться: мне плохо на этой

холодной, дождливой планете. Я хочу вернуться и снова жить среди таких, как я.

— Ты по-прежнему моя жена?

— Да, Бартан, но тщетно мечтать о таких вещах. Я — узница, но ты и твои спутники не в состоянии ничего изменить. Любая попытка будет равносильна самоубийству.

По кораблю раскатился диковатый хохот.

— Сонди, твои слова дают мне силу тысячи исполинов! Я прилечу и увезу тебя домой!

— На это очень мало надежды.

— Простите, но мы должны еще кое-что узнать, — не без смущения вмешался Толлер в разговор супругов. — Если вы не в союзе с этими… симбонитами, то почему отправились к ним на Дальний Мир? Как это произошло?

— Как только спора попала в нервную систему, моя судьба была решена. Однако чем выше стоит носитель на эволюционной лестнице, тем длительней покорение его организма. Больше года я провела в полукоматозном состоянии и все это время не контролировала свою телепатическую способность. На каком-то этапе метаморфозы со мной на связь вышли дальнемирские симбониты и сразу поняли, что произошло.

Они не воинственны и не алчны, насилие — не

в их характере, однако они достаточно хорошо изучили человеческую натуру, чтобы опасаться возникновения на Верхнем Мире цивилизации, основанной на союзе симбонов и людей. Поэтому дальнемирские симбониты построили космолет, опираясь на принципы, которых мне вовек вам не объяснить, и прилетели на Верхний Мир. Они поспешили тайно выкрасть меня, чтобы я не успела зачать ребенка. Для них это было необходимостью, поскольку дети моих детей тоже родились бы симбонитами, и со временем им подобные населили бы всю планету. Более высокая исходная ступень эволюции позволила бы им легко обогнать дальнемирских симбонитов, и несмотря на огромную перестройку психики своих носителей, будущие властелины Верхнего Мира почти неизбежно унаследовали бы человеческое пристрастие к войнам и покорению других народов. Рано или поздно они бы высадились на Дальний Мир. И потому было решено, что я останусь здесь насовсем.

— Гораздо проще было бы тебя убить, — высказал Завотл мысль, пришедшую на борту «Колкоррона» не одному ему.

— Да, именно такой образ человеческого мышления заставил симбонитов похитить меня. Но,

как я уже говорила, их раса не кровожадна, а посему они ограничились тем, что изолировали меня от моих соплеменников, предоставив возможность умереть естественной смертью. Но они допустили промах, не помешав мне связаться с Бартаном в стремлении утешить его. А с моей стороны было ошибкой не предугадать столь ужасного исхода… Иначе бы я не дала о себе знать. — На бесстрастном лице Сондевиры — одновременно и близкой, и далекой — вдруг промелькнула печаль. — И теперь я в ответе за все, что вас постигнет.

— Но почему с нами обязательно должна случиться беда? — впервые обратилась к Сондевире Бериза. — Судя по твоим словам, дальнемирцы — трусы, каких поискать. Разве они осмелятся встать у нас на пути?

— Готовность убивать — не мерило отваги. Симбониты очень не любят отнимать жизнь, но в безвыходной ситуации они это сделают. И не с ними вам придется сражаться. Оружие симбонитов — дальнемирцы-автохтоны… Им несть числа, и вид крови не вызывает у них скорби.

— И у нас не вызовет, если до этого дойдет, — произнес Толлер. — Симбониты сразу узнают о нашей высадке на планету?

— Думаю, что нет. Любой разум, даже телепатический, может нормально функционировать лишь в том случае, если имеет сферическую защиту от постоянного обстрела информацией. О вашей экспедиции я узнала исключительно благодаря особым отношениям с Бартаном.

— У тебя есть свобода передвижения?

— Да, мне не запрещено странствовать по всей планете.

— В таком случае, — сказал Толлер, все еще поражаясь в душе своей способности разговаривать с телепатическим видением, — ты наверняка можешь провести небесный корабль в какое-нибудь безлюдное местечко и выйти к нам ночью. Чтобы взять тебя на борт, хватит нескольких секунд, даже садиться не понадобится.

— Толлер Маракайн, воистину твоя самонадеянность не знает границ. Неужели ты снова дерзнул возомнить, что мои расчеты уступают твоему сиюминутному и поверхностному анализу вероятности?

— Что могу, то и…

— Не утруждай себя ответом. Лучше позволь спросить в последний раз: есть ли у меня хоть малейший шанс склонить вас к возвращению?

— Мы пойдем вперед.

— Что ж, будь по-вашему. — По мере того как Сондевира отступала, ее образ мерк. — Но одно я могу твердо обещать: вы еще со слезами раскаяния вспомните тот день, когда покинули Верхний Мир.

Глава 16

Пронзая вершины атмосферных протуберанцев на высоте три с лишним тысячи миль, «Колкоррон» закончил второй облет планеты. Только после этого Сондевира решила, что все факторы предстоящего спуска ею учтены, и велела включать с небольшими перерывами главный двигатель для погашения орбитальной скорости корабля.

«Колкоррон» двинулся по вертикали к поверхности Дальнего Мира. Поначалу скорость падения была ничтожна, но шли часы, гравитационная хватка планеты крепла, и воздухоплаватели все отчетливей слышали урчание обтекающего корпус воздуха. За рычагами управления сидел Типп Готлон; повинуясь наставлениям Сондевиры, знающей, казалось, все на свете, он развернул корабль кормой вниз и надолго врубил двигатель, отчего «Колкоррон» не только перестал спускать-

ся, но и медленно пошел вверх.

На этой высоте воздух был довольно густ; дыша им, человек мог прожить довольно долго. Двигатель умолк; в скором времени тяготение Дальнего Мира должно было остановить корабль и двинуть вспять, но пока этого не случилось, пока внешняя среда напоминала верхнемирскую зону невесомости, воздухоплаватели должны были выйти из космолета и разделить его надвое.

Прежде чем покинуть борт, Толлер поднялся на главную палубу — попрощаться с Готлоном. Надетый вновь небесный костюм вкупе с парашютом и индивидуальным воздухоструйным двигателем очень мешал перемещаться по трапу. Через иллюминатор в отсек проникал единственный луч солнца, бросая на хмурое, разочарованное лицо пилота лимонный глянец.

— Сэр, — сказал Готлон при виде Толлера, — как там Завотл, справляется?

— Завотл держится молодцом. — Услышав, что ему предстоит остаться на космолете, Готлон был безмерно огорчен. Только здоровые члены экипажа, говорил он чуть ли не со слезами на глазах, должны выполнять такую трудную и опасную задачу, как спасение Сондевиры. «Самая важная задача, — возразил ему Толлер, — отво-

дится „Колкоррону“, а значит, простая логика требует, чтобы на нем остался лучший пилот». Дань уважения собственному мастерству мало утешила Готлона.

— С этой работой и больной без труда управится, — вернулся он к разговору, который Толлер считал оконченным.

Толлер с укором покачал головой.

— Сынок, Илвену Завотлу не просто нездоровится. Он бы меня не поблагодарил за то, что я тебе это говорю… Ему уже недолго осталось. Сдается мне, он хочет, чтобы его похоронили на Дальнем Мире.

Готлон залился краской.

— Сэр, я не знал… Так вот почему он последнее время такой ворчливый…

— Да. И если его оставить на корабле… Вдруг он умрет? Что тогда будет с нами?

— Я с ним не попрощался. Мне совестно…

— Пустяки, ему сейчас не до этого. Лучшее, что ты можешь сделать для Завотла, это позаботиться, чтобы его журнал вернулся на Верхний Мир. В нем очень много полезного, если не сказать — бесценного, для будущих космических путешественников. В том числе — рассказанное Сондевирой. Поручаю тебе лично позаботиться,

чтобы он попал в руки короля Чаккела.

— Сэр, я сделаю все, что в моих силах. — В глазах Готлона мелькнула тревога. — Сэр, а вы правда уверены… что у вас все получится?

— Абсолютно. — Толлер улыбнулся, дружески обнял Готлона за плечи, а затем двинулся вниз по узкому винтовому трапу, то и дело застревая из-за экипировки и невесомости.

За бортом корабля двигаться оказалось куда проще, для этого не требовалось никаких усилий. Остальные четверо астронавтов уже работали — отделяли от «Колкоррона» гондолу небесного корабля на умопомрачительно громадном выпуклом фоне Дальнего Мира. Под покровом облаков — гораздо более густым, чем у Мира и Верхнего Мира, — ослепительно сверкала полярная шапка; ее сияние заливало плывущие в вышине человеческие силуэты. Нижняя половина видимой небесной сферы была окрашена в знакомую Толлеру темную синеву, а по верхней разлился чуть ли не кромешный мрак с необычайно четкими звездами и спиралями.

Толлер глубоко вздохнул, впитывая каждый штришок, каждый мазок нового космического пейзажа. Он казался себе баловнем судьбы; он родился при необыкновенных обстоятельствах,

и теперь удивительный жизненный путь привел его в это ни с чем не сравнимое мгновение. Впереди поджидали новые приключения, новые открытия, способные поразить разум и чувства, новый враг, которого предстоит одолеть. В нем бурлил жаркий восторг; нечто подобное он ощущал, когда впервые мчался на «Красном-1» навстречу флоту мирцев. Однако на этот раз было что-то еще… Противоположное подводное течение страха и безнадежности. В сердцевине его души ледяной червячок не нашел другого времени, чтобы зашевелиться и напомнить: после Дальнего Мира тебе уже некуда будет податься. В который раз закрались коварные мысли: «А может, моя могила — здесь, на этом чужом шаре? Может, так будет лучше всего?»

— Толлер, нужна твоя силища, — крикнул Завотл.

С помощью воздухоструя Толлер приблизился к кормовой секции корабля. Канаты, соединявшие секцию с основным корпусом космолета, были уже сняты со шпеньков, но замазка держала крепко. Толлер быстро устал — приходилось не только цепляться за корабль одной рукой, но и приноравливаться к отдаче молотка — далеко не лучшего инструмента для работы в невесо-

мости. По той же причине не помогли и рычаги, и разделить корабль удалось лишь слаженным действием ног и пальцев. Сначала в борту появилась короткая щель; астронавты дружно налегли и с превеликим трудом оторвали небесный корабль от космолета.

Громоздкое сооружение плавно опрокинулось набок, обнажив сопло реактивного двигателя, которому предстояло умчать назад, к Верхнему Миру, космолет. Дакан Врэйкер заблаговременно снял наставки с рычагов управления, теперь от него требовалось лишь присоединить к обоим двигателям по нескольку стержней и убедиться, что они работают нормально.

— Зря мы не додумались клинья прихватить. — На бледном лице Завотла поблескивали капли пота. — Толлер, ты заметил, что здесь не холодно? Дальше от солнца, а воздух почему-то теплее… Природе никак не надоест нас удивлять.

— Сейчас не время об этом думать. — Толлер подлетел к небесному кораблю и помог экипажу отбуксировать его в сторону, подальше от «Колкоррона». После этого астронавты заглушили воздухоструи и занялись оболочкой — вытащили ее из секции, развернули, закрепили канаты на кнехтах гондолы, а затем достали ускорительные

стойки, сделанные разборными — чтобы поместились на борту «Колкоррона». Монтировать их было не простым делом, но астронавты хорошо натренировались в зоне невесомости и теперь справились с этой работой в считанные минуты. Между тем Врэйкер управился на космолете, перебрался в гондолу и подготовил горелку к действию. Сборка корабля намного упростилась с того момента, как он начал падать — постепенно заполняясь ненагретым воздухом, оболочка расправлялась, и нагнетание горячего газа уже не сулило хлопот.

Толлер — самый опытный пилот небесного корабля — взялся зажечь горелку и наполнить оболочку газом, не повредив ткани. Как только невесомый великан в геометрических узорах распух над гондолой, Толлер уступил пилотское сиденье Беризе и отошел в сторону.

Теперь «Колкоррон» падал чуть быстрее небесного корабля, его лакированный борт медленно скользил мимо воздухоплавателей, стоящих у планшира гондолы. В открытом люке средней секции космолета появился Готлон и помахал товарищам, после чего захлопнул люк и задраил изнутри. Минутой позже взревел реактивный двигатель, «Колкоррон» на миг застыл в воздухе,

а потом двинулся вверх. С нарастающим ревом он поднялся над небесным кораблем, и струя горячего маглайна заколыхала оболочку вместе с гондолой. Ощущая на лице жар, Толлер с уважением, чуть ли не с благоговением представил себе Готлона, простого паренька, которому достало смелости лететь в одиночку навстречу космической пустоте, доверив женщине, которую он ни разу не видел во плоти, призрачным зовом вести его на орбиту.

В свете этих размышлений Толлер в который уж раз поразился своей безрассудности, если не сказать — глупости. Да разве умный человек отправится в межпланетное путешествие, почти ничего не ведая об опасностях, которыми изобилует космос? Какая прискорбная самонадеянность! Бесспорно, он заслуживает сурового наказания. Да и Завотлу, наверно, поделом… Но чем провинились их юные спутники? Нет, уж Толлер постарается, чтобы их не затянуло в гибельный водоворот его судьбы.

На спуск к поверхности Дальнего Мира ушло шесть дней, и за это время подобные мысли наведывались к Толлеру не раз.

Долго прожив бок о бок с молодыми летчиками-истребителями, Толлер привык к тому, что

они, особенно Бериза, любую опеку над собой воспринимают в штыки. Несложно было понять, в чем тут дело: они глядели на мир сквозь розовые очки неосознанной самонадеянности, неоправданной веры в свою неуязвимость, в способность победить любого противника. Упоительные полеты в срединной синеве верхом на реактивных истребителях пристрастили их к безрассудству — вполне достойной, как им казалось, философии. Военная карьера Толлера едва ли давала ему право на иное мировоззрение, но все же его преследовали сомнения в том, что он хоть сколько-нибудь годится на роль начальника дальнемирской экспедиции. Ведь даже Завотл не представлял, что в космосе корабль может практически вечно сохранять скорость при бездействующем двигателе, а значит, любая тяга приведет к ускорению. Если бы не вмешательство Сондевиры, они бы непременно сгорели в атмосфере Дальнего Мира, и ее упреки совершенно справедливы. А второй грубейший промах? Почему Толлеру не пришло в голову, что на Дальнем Мире, возможно, обитают разумные существа? Что они обладают могуществом, о котором и мечтать не смеют жители Мира и Верхнего Мира? Сондевира заверила его, что высадка на планету

означает для астронавтов верную смерть, и по мере того, как небесный корабль опускался к поверхности Дальнего Мира, Толлеру было все труднее прятаться от мрачного пророчества за щитом неверия.

Тревожили его и раздумья о самой Сондевире. Бартан, Бериза и Врэйкер к ее телепатическим визитам относились спокойно, судя по всему, им без особых сложностей удалось вписать ее в картину мироздания, но Толлер был слишком старым материалистом и скептиком, чтобы видеть ее или вспоминать о ней без содрогания. История симбоновых спор выглядела поистине невероятной, но ее по крайней мере Толлер смог постепенно постигнуть. Постигнуть, а значит, и поверить. Однако концепция прямого общения разумов не лезла ни в какие ворота.

И хотя при таком общении Толлер видел ее загадочный, неуловимый образ и слышал беззвучный голос, что-то в его душе восставало всякий раз, когда он припоминал свои ощущения в эти моменты.

Все это чересчур отдает мистикой, рассуждал он. Возможно, существуют иные пласты реальности, недосягаемые для пяти обычных человеческих чувств, но разве есть подтверждения

(кроме этого, единственного) тому, что переселение душ — не просто религиозная догма? Где тот, в чьих силах провести границу между правдой и вымыслом?

В ответ на это Сондевира заявила — лично ему, — что мнить себя знатоком реальности, имея в своем распоряжении лишь несколько жалких проявлений вероятности и невероятности, — типичный признак смехотворного тщеславия. Переварить это — в его-то годы! — было не так просто.

Сондевира являлась часто, особенно в последние дни спуска, и всякий раз сбивала Толлера с панталыку, но было бы грехом жаловаться. Она регулярно что-нибудь советовала: то убавить скорость, то зависнуть, а один раз даже велела подниматься в течение часа. Объяснила она это тем, что воздушные слои и климаты, более своенравные, чем на Верхнем Мире, затрудняют продвижение корабля к выбранному ею месту посадки. Она предупредила воздухоплавателей, что им предстоит лететь через многомильную прослойку очень студеного воздуха, и там на самом деле оказалось похолоднее, чем в зоне невесомости, хотя воздух ниже и выше этой прослойки был довольно теплым. Когда Завотл попросил

объяснений, Сондевира заговорила о свойстве атмосферы частично отражать солнечное тепло и о конвекционных потоках, которые переносят холод на большие глубины, до самого океана, и скапливают в обособленных слоях воздуха.

Слушая, как эта бывшая простушка, еще год назад жившая на ферме и не знавшая даже грамоты, рассуждает о сложнейших материях, Толлер все больше поддавался дурным предчувствиям. Видно, она теперь и впрямь сверхженщина, всем гениям гений. С каждой новой встречей его все сильнее разбирала робость. Как богиня должна относиться к обычным человеческим существам? Разве лучше, чем сами люди относились к гиббонам, что водились в старом Колкорроне, в провинции Сорка?

К удивлению Толлера, у Бартана подобных вопросов, по всей видимости, не возникало. Когда молодой астронавт не спал и не дежурил у горелки, он коротал время за разговорами с Беризой и Врэйкером, то и дело прикладываясь к меху с бренди, который давно уже стал для него частью снаряжения. Бериза захватила с собой рисовальные принадлежности и теперь подолгу трудилась над портретами спутников или картировала поверхность планеты — об этом

ее попросил Завотл. Маленькому инженеру день ото дня становилось все хуже, он почти не вставал с соломенного тюфяка и не отрывал рук от живота. Только в общении с Сондевирой Завотл оживлялся; будь его воля, он бы расспрашивал ее часами. Но визиты девушки обычно бывали краткими, а реплики — отрывистыми, так что у него скопилась целая гора вопросов, вопиющих о своем первостепенном значении.

Толлер никак не ожидал, что вынужденный досуг ему придется коротать в основном с членом команды, которого он знал гораздо меньше, чем других, — с Даканом Врэйкером. Этот молодой астронавт с плавной речью, красивыми вьющимися волосами и огоньком в серых глазах, хоть и родился после Переселения, увлекался историей Старой планеты. Помогая Толлеру смазывать и чистить мушкеты и точить пять стальных мечей — весь арсенал экспедиции, — он склонял командира к долгим рассказам о жизни в Ро-Атабри, бывшей столице бывшего Колкоррона, о полезных новшествах, благодаря которым влияние этого города распространилось на все полушарие. Как выяснилось, Врэйкер собирался написать книгу, дабы помочь соотечественникам сохранить исконные национальные черты.

— Стало быть, у нас на одном корабле и художник, и писатель, — улыбнулся Толлер. — Вам с Беризой надо работать в паре.

— Я бы рад что угодно делать с нею в паре, — тихо произнес Врэйкер, — но у нее, похоже, виды на другого.

Толлер нахмурился:

— Ты Бартана имеешь в виду? Но ведь к нему скоро вернется жена.

— Не слишком ли странный у них брак? По-моему, Бериза не считает его долговечным.

В словах Врэйкера Толлер услышал отзвук собственных мыслей. Судя по всему, только Бартан нисколько не сомневался, что после возвращения на Верхний Мир у них с Сондевирой все пойдет на лад. Эта слепая вера вкупе с хмелем, который почти никогда не выветривался, подогревали в нем радостное возбуждение. Но что будет, когда они с женой воссоединятся? Не надо быть вещуном, чтобы напророчить им незавидную судьбу…

Но никто из спутников Бартана не делился с ним подобными мыслями.

Толлер обратил внимание, что в беседах с Сондевирой он понимал значение даже тех слов, которых прежде ни разу не слышал, как будто слова были всего лишь посредниками, носиль-

щиками с многослойной кладью толкований и сравнительных концепций. Мысленные диалоги исключали ошибочное понимание и неясности.

Внимая безмолвному голосу Сондевиры, никто из астронавтов не сомневался в ее словах. А ведь она предсказала трагическое завершение экспедиции…

* * *

В кромешной мгле небесный корабль плавно снижался к равнине. Прежде такой мрак Толлеру случалось видеть только посреди верхнемирской глубокой ночи. Еще совсем недавно на черном бархате планетарной поверхности таинственно мерцали огоньки разбросанных тут и там городов и сел, однако теперь до земли было рукой подать, и свет исходил только с неба. Звезды терялись за облаками, а Великая Спираль лишь робкими мазками серебрила по краям лоскуты вездесущего тумана, и на большее ее не хватало.

Для Толлера — жителя экваториальной страны — перенасыщенный влагой воздух был невыносимо холоден и вдобавок обладал загадочным свойством высасывать тепло из тела. Несколько часов назад астронавты сняли неудобные небесные костюмы, и теперь они стучали зубами и

растирали друг другу гусиную кожу на руках. Помимо сырости, донимала густейшая растительная затхлость; атакованное этим мощным, всепроникающим запахом обоняние раньше, чем остальные чувства, предупредило Толлера, что корабль вот-вот коснется поверхности чужой планеты.

Замерев у планшира, он, кроме нетерпения и приподнятости, испытывал легкое разочарование. Походить по Дальнему Миру пешком и при свете дня увидеть собственными глазами его диковины уже не удастся. Если Сондевира выйдет к кораблю, как условлено, под прикрытием ночи — а сомневаться в этом нет причин, — то астронавты поднимут ее на борт в считанные секунды. Даже не понадобится касаться грунта опорами гондолы. Затем они сразу взлетят и отправятся на соединение с космолетом и к утру будут так далеко, что снизу никто их не заметит.

Не в первый раз эти мысли вынудили Толлера недоуменно сдвинуть брови. На вид все складывается лучше некуда — отчего же тогда Сондевира с такой уверенностью напророчила беду? Или она старается, как может, подготовить спасателей ко всем потенциальным опасностям? Или же ситуация вовсе не так проста, но Сондевира не считает

нужным сказать Толлеру, что им угрожает? Новая загадка, намек на подстерегающее несчастье, подействовал на него, как сильный наркотик, заставив сердце биться чаще и разбередив предчувствия. Всматриваясь во тьму, он с тревогой подумал: а вдруг эти таинственные симбониты перехватили Сондевиру и заставили умолкнуть? Вдруг на месте предполагаемой посадки их ждут в засаде сотни солдат?

Между тем Врэйкер уже подавал в шар небольшие порции маглайна, гася скорость снижения до едва заметной. Чем ближе подступала земля, тем сильнее разыгрывалось у Толлера воображение. Тьма больше не была однородной, она состояла из тысяч копошащихся теней, и все они принадлежали тем, кого он меньше всего хотел бы встретить. Они бесшумно мчались под плывущим в воздухе кораблем, без малейших усилий держались вровень с гондолой. Они простирали руки, маня к себе астронавтов, чтобы схватить, разорвать, изрубить, искромсать в неузнаваемое месиво из плоти, кости и крови.

Казалось, миновала вечность, прежде чем окружающий мрак смягчился и сотворил нечто недвусмысленное — трепещущего сероватого мотылька. Он постепенно светлел и в конце концов

принял облик женщины в белых одеждах…

Глава 17

— Сонди! — позвал Бартан, перегибаясь через борт рядом с Толлером. — Сонди, я здесь!

— Бартан! — Женщина поспешила к гондоле. — Бартан, я тебя вижу!

На этот раз не было телепатического контакта, от которого у Толлера кровь стыла в жилах и цепенел разум. Был только женский голос, вполне обыкновенный, разве что заряженный естественным человеческим волнением. И при звуках этого голоса Толлера захлестнуло изумлением. На миг он вчистую позабыл о сверхсуществах-симбонитах и не мог думать ни о чем, кроме невероятных обстоятельств этой встречи. Перед ним стояла женщина, родившаяся на его планете. Она жила там самой что ни на есть обыкновенной жизнью, пока в высшей степени удивительным образом не попала в другой мир. Если рассуждать с позиций логики, для человечества она все равно что умерла, но ее муж, обезумевший от горя, пропитанный сивухой сельский парень, вдохновил совершенно незнакомых ему людей на межпланетный полет и отправился к ней за

миллионы миль пространства, не имея, казалось бы, ни единого шанса достигнуть цели и даже просто остаться в живых. И вот эта женщина стоит в инопланетном мраке в нескольких ярдах от Толлера, и голос ее дрожит от избытка чувств, завораживая своей реальностью.

Рев горелки и шуршание кустов под опорами гондолы вернули Толлера в привычную вселенную. Бартан перебрался через леер на край палубы и протянул руку жене. Сондевира ухватилась за нее и через секунду стояла на палубе рядом с мужем. Толлер помог ей перелезть через планшир, изумляясь простому физическому соприкосновению с ее телом, а затем Бартан одним прыжком преодолел леер и прижал к себе Сондевиру. К ним подступили Бериза и Завотл, и все пятеро обрадованно хлопали друг друга по плечам и обнимались, пока опоры гондолы не коснулись земли, заставив палубу содрогнуться.

— Поднимай, — сказал Толлер Врэйкеру, и тот сразу пустил вверх струю газа, наполняя свежей силой исполинский шар, неподвижно висящий над их головами.

— Да, да! — Сондевира выбралась из группы спасателей и шагнула к Врэйкеру, протягивая ему ладонь. Он поднял навстречу свободную руку, но

пожатия не последовало. Правая рука Сондевиры скользнула мимо него, и прежде, чем кто-то смог вмешаться, с нечеловеческой силой дернула книзу красный трос, что тянулся к аварийному клапану оболочки.

В тесном мирке гондолы никто поначалу даже не шевельнулся. Наступило молчание, но Толлеру не надо было объяснять, что корабль выведен из строя. В вышине из макушки шара был вырван огромный трапециевидный лоскут, горячий газ вытекал в атмосферу, и оболочка морщилась и оседала. Корабль был обречен остаться на Дальнем Мире — возможно, навсегда.

— Сонди! Что ты наделала! — перекрывая возмущенные возгласы, закричал Бартан и кинулся к жене с простертыми руками, словно в запоздалой попытке остановить. Она оттолкнула его и торопливо прошла на свободный участок палубы.

«Сондевиры больше нет, — подумал Толлер. — Среди нас — симбонитская сверхженщина».

— У меня на то серьезная причина, — твердым, ясным голосом ответила Сондевира. — Если бы вы сразу послушались…

Конец фразы потерялся в чудовищном треске — гондола ударилась оземь и круто накренилась.

Люди и незакрепленное снаряжение кубарем покатились к лееру. Секундой позже гондола встала на все четыре опоры.

— Стойки долой! — закричал Толлер, с которого мигом слетела задумчивость. — А не то нас шаром накроет!

Он кинулся в ближайший угол, распустил узлы аварийного сброса стойки, выдернул из-под планширa съемную опору, чтобы леер не принял на себя вес шара. Из зева оболочки потек, затопив гондолу, едкий маглайн. Снова раздался треск, и Толлер сообразил, что по крайней мере одна стойка не выдержала нагрузки.

Он перелез через леер, заметив краем глаза, что остальные следуют его примеру, спрыгнул на землю и побежал по самой обыкновенной на вид траве. Неподалеку от корабля он остановился и обернулся — как раз вовремя, чтобы лицезреть крушение. Огромная матерчатая глыба висела еще достаточно высоко, заслоняя часть небосвода, но от ее симметрии не осталось и следа. Изуродованная до неузнаваемости, она корчилась, как левиафан в смертных судорогах, и оседала все быстрее. Под крепчающим натиском ветра оболочку почти целиком снесло с корабля, она билась на траве раненой птицей. Тут и там

лен вздымался буграми — не весь газ успел выйти наружу.

Последовало недолгое молчание, затем воздухоплаватели повернулись и обступили Сондевиру. В их движениях не было и намека на угрозу, лица оставались совершенно бесстрастными. Однако эта почти незнакомая женщина круто и неожиданно повернула их судьбы, и теперь они ждали объяснений. Было довольно темно, но Толлер видел, что никто из его спутников не прихватил оружия; лишь у него на поясе висел меч. По старой солдатской привычке он положил ладонь на рукоять и огляделся по сторонам, силясь проникнуть взглядом под покров иноземной ночи.

— На много миль кругом — ни одного дальнемирца, — сказала Сондевира. — Я вас не предала.

— Не будет ли бестактностью осведомиться, чем вызван столь неожиданный поступок? — Толлера отчего-то потянуло на сарказм. — Ты должна признать: нам есть от чего недоумевать.

— Надо бы объясниться, — добавил Бартан дрожащим голосом, из чего явствовало, что он больше всех потрясен внезапным поворотом событий.

Прежде чем ответить, Сондевира зябко запахнула ворот белой туники.

— Советую обдумать два чрезвычайно важных факта. Во-первых, симбониты, населяющие этот мир, постоянно знают, где я нахожусь. Но ни в чем меня не подозревают и ничего не предпринимают, ибо я, к счастью для всех нас, то и дело меняю местонахождение. У меня есть привычка разъезжать по всей стране в самое неподходящее, с точки зрения дальнемирцев, время. Во-вторых, — тихо и спокойно звучал голос Сондевиры, — корабль, на котором симбониты привезли меня сюда, способен за несколько минут совершить межпланетный перелет.

— Минут?! — воскликнул Завотл. — Всего за несколько минут?

— Хватило бы и нескольких секунд, даже долей секунды, но на короткие расстояния лучше летать с умеренной скоростью. Я веду к тому, что, если бы я полетела с вами на небесном корабле, симбониты очень скоро сообразили бы, в чем дело. Я уже говорила: по натуре они не жестоки, но домой меня ни за что не отпустят. Они бы догнали вас на своем корабле и вынудили сесть, вернее, уничтожили бы, пытаясь остановить.

— Неужели их оружие настолько мощнее нашего? — спросил Толлер, пытаясь представить воздушный бой с туземцами.

— На симбонитском корабле нет оружия как такового, но в полете его окружает поле — назовем его аурой, — губительное для организмов. Бессмысленно излагать вам его природу, но можете мне поверить: встречу с кораблем симбонитов никто из вас не пережил бы. Хотели бы того дальнемирцы или нет, но они бы вас убили.

Некоторое время все молча усваивали слова Сондевиры, а ветер, ни с того ни с сего посвежев, крупными каплями ледяной воды осыпал неясные человеческие силуэты. Влага легко просачивалась сквозь тонкую ткань рубашек и штанов, а над головами по звездному куполу скользили тучи, как смыкающиеся створки тюремных ворот.

«Дальний Мир глумится над нами», — подумал Толлер, преодолевая дрожь.

Первой заговорила Бериза, в ее голосе безошибочно угадывался гневный оттенок.

— Сдается мне, подруга, ты поторопилась дернуть за трос. Если бы сразу все рассказала, мы бы тебя сбросили за борт и преспокойно вернулись на Верхний Мир.

— В самом деле? — спросила Сондевира с призрачной улыбкой. — Неужели вы бы предпочли такой… логичный выход?

— Не могу говорить за других, но я бы точно предпочла.

Почти сразу интуиция подсказала Толлеру: испорченная оболочка и неопределенный исход экспедиции тут вовсе ни при чем. Просто Бериза ревнует, вот и задирает Сондевиру. При всей серьезности положения он не мог не подивиться (в который уже раз) женскому складу ума. Бериза даже Толлеру иногда внушала страх, а сейчас она казалась вылитой Джесаллой. «Все женщины чем-то похожи на Джесаллу, — мрачно подумал он. — На выбранной ими арене мужчина для них — не соперник».

— Не так уж сильно поврежден корабль, чтобы его нельзя было починить, — произнесла Сондевира. — Я вас не случайно привела в безлюдное место, дальнемирцы сюда вряд ли заглянут. Так что времени у вас достаточно.

«Тогда зачем понадобилось портить шар? — подумал Толлер. — Нет, эта женщина чего-то не договаривает». Бартан шагнул к Сондевире.

— Кто хочет, пускай улетает, а я останусь тут, с тобой.

— Нет, Бартан. Ты что, забыл, почему меня похитили? Симбониты скорее убьют меня, чем позволят вступить в связь с дееспособной муж-

ской особью моего вида.

Между тем у Толлера в голове бился невысказанный вопрос — интерес к тактике был у него, старого вояки, в крови. «Испортить шар Сондевира могла по одной причине: чтобы корабль никуда не улетел. А значит…»

— Существует альтернативный выход, — сказала Сондевира. — Я о нем расскажу, но каждый из вас должен сам решить, годится ли мое предложение. Если оно вас не устроит, я помогу отремонтировать небесный корабль и добраться до Верхнего Мира, а сама, конечно, останусь здесь. Но если вы захотите попробовать, то будьте готовы к любым опасностям и…

— Мы готовы к любым опасностям, — перебил Толлер. — Далеко отсюда до корабля симбонитов? И какова охрана?

Сондевира повернулась к нему.

— Толлер Маракайн, ты не перестаешь меня удивлять.

— Ерунда, — сказал Толлер. — Я себя не считаю слишком умным, но знаю, что бывают случаи, когда спорщикам, будь они хоть семи пядей во лбу, ничего другого не остается, кроме…

— Кроме насилия?

— Кроме оправданного применения силы, от-

вета ударом меча на удар меча.

— Довольно, Толлер, я не в той ситуации, когда можно дискутировать на темы морали. Ведь захват корабля — моя идея, мой единственный шанс спастись от жуткого, неполноценного существования. Но это чересчур опасно…

— Мы готовы к опасностям, — повторил Толлер и окинул спутников взглядом, словно искал у них поддержки.

— Но почему ради меня вы должны рисковать жизнью?

— У каждого из нас — свои веские причины участвовать в этой экспедиции.

Сондевира приблизилась к Толлеру, неотрывно глядя ему в зрачки, и впервые с той минуты, как увидел ее во плоти, он почувствовал, что она применила сверхчеловеческое свойство своего разума.

— О твоей причине я не могу сказать ничего хорошего, — наконец печально молвила она.

— Долго нам еще стоять в этом ледяном болоте? — Толлер переступил с ноги на ногу в чавкающей грязи. — Пора шевелиться, а то помрем от лихорадки. Далеко отсюда до корабля?

— Добрые девяносто миль. — Сондевира заметно оживилась — видимо, поняла, что астронавты

уже не раздумают ее спасать. — Но у меня есть транспортное средство, на нем мы быстро доберемся.

— Фургон?

— Нечто вроде этого.

— Вот и славно, а то для форсированных маршей эта местность вряд ли годится.

К немалому облегчению Толлера, разговор на этом закончился, и астронавты поспешили к гондоле — выгружать оружие и провиант. Толлер без особой охоты взял мушкет — увесистая сетка с шариками обещала стать помехой в рукопашном бою, и вообще долгая перезарядка, на его взгляд, почти сводила на нет преимущества огнестрельного оружия.

— Смотри, что я нашел. — Дрожащая от слабости рука Завотла протягивала Толлеру бракковое древко со свернутым сине-серым флагом Колкоррона.

Толлер взял у него стяг и всадил в землю, как копье.

— Ну вот, наш долг перед Чаккелом исполнен, теперь можем заняться своими делами.

Он спрыгнул с гондолы, подошел к куче припасов, которую уже разбирали его товарищи, и вдруг обнаружил, что рядом нет Сондеви-

ры. Толлер завертел головой и почти тотчас услышал необычные звуки, они напоминали шипение змеи, фырканье синерога, скрип и погромыхивание фургона. Чуть позже он различил прямоугольник повозки, медленно приближающейся к небесному кораблю. Гадая, на что похоже тягловое животное, способное на такую какофонию, он направился вперед — и застыл как вкопанный, увидев, что повозка движется сама по себе. Ее задняя часть — парусиновый тент на колесах — напоминала обычный фургон, но впереди находилось нечто дивное: короткий горизонтальный цилиндр с торчащей кверху трубой, плюющей в туманное небо клочками белого пара. За стеклянным щитом кабины, что примыкала к заднему торцу цилиндра, восседала Сондевира. Широкие колеса с черными ободьями замерли, дикий шум сменился задумчивым пыхтением. Сондевира соскочила на землю.

— Повозку заставляет двигаться сила пара, — опередила она залп вопросов. — Это мой дом на колесах — куда хочу, туда и еду. И для нашей цели он вполне сгодится.

Поездка по сельским краям Дальнего Мира пополнила коллекцию самых необыкновенных путешествий Толлера. Об этом главным образом

позаботились погодные условия и «красоты» местной природы. Парусиновый тент самодвижущегося фургона не спасал астронавтов от липкой, пробирающей до костей стужи — им в жизни не доводилось испытывать ничего подобного. Заря не обрушилась лавиной золотого света и тепла, как на Верхнем Мире, а подкралась на цыпочках и разбавила дождем ночную черноту до унылой густой серости. Казалось, даже в фургоне воздух тонирован серым; выдыхаемый пассажирами, он смешивался с промозглым туманом, проникающим под тент, и настырно запускал под одежду скользкие ледяные щупальца. Только Сондевира, одетая в теплую тунику и штаны, не обращала на холод внимания.

Толлер и его спутники часто раздвигали парусиновый полог — им не терпелось увидеть обитателей чужого мира и их жилища. Но по сторонам дороги висели бесконечные занавеси дождя и тумана, и синевато-зеленые травянистые низины, изредка мелькая в прорехах занавесей, слабо утоляли любопытство. Впрочем, кое-что бросалось в глаза — например, ухоженная мостовая, по которой они ехали. Такому проселку позавидовал бы любой верхнемирский тракт.

Постепенно дорога расширилась, и пассажиры

фургона увидели наконец первую дальнемирскую деревню. Напрасно астронавты уповали на экзотику. Дома удивляли лишь тем, что выглядели совершенно заурядными, отличаясь от своих собратьев на планетах-близнецах разве что чересчур крутыми скатами крыш. Ни один туземец не попадался путникам на глаза, и Толлер счел это вполне объяснимым: в такую ужасную погоду кому захочется выходить из дому? Он бы и сам предпочел поваляться в кровати.

Толлер вырос в одной из самых образованных семей старого Колкоррона, и природа смены времен года не была ему в диковинку. Но вся жизнь его молодых подчиненных прошла на планете, чей экватор лежал в одной плоскости с орбитой солнца. Вначале они просто не поверили, что ось Дальнего Мира наклонена; когда же эта истина закрепилась в их сознании, они засыпали Сондевиру градом вопросов о погоде, постоянно меняющемся суточном цикле и тому подобном. Казалось, Сондевира была рада возможности позабыть на время о своей симбонитской натуре и держалась с молодежью, как самый обыкновенный человек.

Толлер прислушивался к разговору, и время от времени его охватывало чувство нереальности

происходящего. Он был вынужден постоянно напоминать себе, что Сондевира пережила невероятную метаморфозу, что его отряду предстоит битва за корабль, каких не бывает даже в сказках, и что в ближайшие часы любой из них может погибнуть. А юным участникам экспедиции, судя по всему, это даже в голову не приходило; молодым свойственно верить, что смерть их не коснется.

«Верьте, ребята, верьте как можно дольше», — мысленно обратился к ним Толлер, прислушиваясь к своим чувствам и не находя среди них азарта, всякий раз накануне боя будоражившего нервы. Может быть, все дело в стуже, непривычной для обитателя солнечного мира, — в липкой стуже, пробирающей до костей? Или в дурных предчувствиях? Или в том, что последний мираж вот-вот развеется, и Толлер, готовясь к этому, утратил умение радоваться?

Когда он бог весть в который раз озирал навевающий тоску ландшафт, взгляд остановился на далеком здании — оно гнездилось в тесной балке и в отличие от других дальнемирских сооружений вполне гармонировало с убогой природой. С дороги виднелся лишь черный силуэт в окружении темно-серых пристроек; он был громаден и весь ощетинен трубами, которые выдыхали

копоть в угрюмые небеса.

— Сталелитейная фабрика, обеспечивает металлом весь этот край, — объяснила ему Сондевира. — На Верхнем Мире климат позволяет выполнять многие технические операции на открытом воздухе, а здесь требуется укрытие. Несомненно, дальнемирцы и сами когда-нибудь построили бы такие заводы, но симбониты ускорили индустриализацию. Вот тебе еще одно злодейство против природы в целом и населения этой планеты — в частности.

«Но ведь ты симбонитка! — подумал Толлер. — Как ты можешь осуждать сородичей?»

Вопрос неизбежно сулил долгие раздумья, но до поры уступил место целому рою других, не столь философских. До сего момента его ум, не шибко утруждаясь, рисовал картину первобытного мира, безропотно отдающего себя на милость сверхсуществ. А сейчас Толлер вдруг сравнил симбонитов со взводом колкорронских солдат перед тысячей дикарей из племени Геф. Как бы ни было совершенно оружие колкорронцев, в ближнем бою гефы непременно одолевали числом — а потому приходилось использовать иную тактику.

— Скажи, — обратился он к Сондевире, — даль-

немирцы что, не оказали пришельцам никакого сопротивления?

— В их истории не было ни одного вторжения, — ответила женщина в белом, не сводя глаз с тускло отсвечивающей дороги. — И потом, откуда они могли узнать о нашествии? Разве ты хоть на йоту поверил Бартану, когда он рассказал, что со мной приключилось? А если б он вдобавок сообщил, что король Чаккел, королева Дасина, их дети и вообще все аристократы Колкоррона — инопланетные захватчики в человеческом обличье? Ты бы поднял его на смех или попытался возглавить восстание?

— Но при чем тут правящие классы? Ты же сказала, что симбоновые споры опускались на эту планету вслепую и не могли выбирать себе носителей.

— Да, но разве не ясно, что в любом обществе симбониты быстро добираются до вершины власти?

Фургон катил по мокрой дороге, а его хозяйка излагала спутникам свой взгляд на последние три века истории Дальнего Мира. Вначале между народными массами и господами, как и в любом примитивном обществе, была бездна взаимного непонимания. Затем дальнемирцы обнаружили,

что их повелители, и без того божественные и таинственные, стали проявлять все большую изобретательность и склонность к новизне. Они создали машины, облегчающие труд, например, паровой двигатель. И каждое нововведение укрепляло их позиции.

Они ускоряли темп промышленного развития, но делали это осторожно и терпеливо. Начиная осваивать планету силами всего шести симбонитов, они понимали, как опасно рубить сплеча. Но уходили десятилетия, и все новые кирпичики ложились в фундамент симбонитской культуры, чтобы рано или поздно вознести ее над всем миром. Сверхсущества не боялись раствориться в туземном населении, но все-таки обзавелись убежищами, куда не ступала нога простого дальнемирца и где велись научные исследования, способные не на шутку встревожить автохтонов, если бы сведения о них просочились наружу. В одной из таких надежных твердынь был спроектирован и построен симбонитский космолет.

Внимая Сондевире, Толлер понемногу складывал из разрозненных упоминаний картину ее одинокого прозябания на негостеприимной планете. Туземцы видели в ней уродливую карикатуру на нормального человека, каприз

природы, по каким-то непостижимым причинам взятый под защиту и покровительство их господами. Они терпеливо сносили ее присутствие, однако не пытались найти с ней общий язык.

Симбониты, ни в чьем благополучии, кроме собственного, не заинтересованные, считали Сондевиру не слишком тяжкой обузой, миной замедленного действия, которую им удалось обезвредить. Они попробовали установить с ней телепатический контакт, но она нарочно продемонстрировала им те самые особенности человеческой души, которые побудили их воспрепятствовать появлению верхнемирской цивилизации симбонитов: надменность, презрение, ненависть и неумолимую жестокость. С тех пор ее держали под постоянным телепатическим надзором. Вычерпав из ее разума все сведения, которые они сочли полезными, симбониты ждали, когда она умрет. Время было на их стороне. Они были новой расой — а раса как таковая потенциально бессмертна. Сондевира была индивидуумом, уязвимым и недолговечным.

— Вот он! Да не один! — воскликнул Врэйкер, снова приподняв парусиновый полог и глянув наружу. Чуть ли не все пассажиры фургона оживленно загомонили, придвигаясь к нему.

— Эй, не забывайте: нас никто не должен видеть. — Толлер приподнял ткань над бортом повозки и в образовавшуюся щель увидел деревню, примечательную своей абсолютной неприметностью. Тут и там на глаза попадались ремесленники — каменщики, плотники, кузнецы, — одинаково узнаваемые во всех мирах. Подобную деревню — как и хутора, встречавшиеся астронавтам раньше, — в умеренных широтах Мира можно было найти где угодно, но жители этой выглядели поистине чудно. Дальнемирец напоминал человека, но был значительно ниже ростом и обладал совершенно иными пропорциями тела; многослойное одеяние с капюшоном, предназначенное, видимо, для защиты от дождя, не могло скрыть чудовищной вогнутости позвоночника, который заставлял своего хозяина ходить с выпяченным животом и задранным подбородком. Ноги были чересчур коротки и толсты, но все же не такие обрубки, как руки, которые торчали из плеч вверх и в стороны, и там, где у обычных людей локти, заканчивались кистями, имевшими всего-навсего по пять пальцев. Под капюшонами трудно было разглядеть лица, но они, по всей видимости, были бледными и безволосыми, и черты их почти полностью терялись

под жировыми складками.

— Симпатичные малютки, — насмешливо произнес Бартан. — Это и есть наш противник?

— Не будь таким самонадеянным, — сказала Сондевира, оглядываясь через плечо. — Они очень сильны и, по-моему, не слишком боятся боли. К тому же они фанатично преданны своим хозяевам.

Дальнемирцы, идущие, судя по всему, на работу, с интересом поглядывали на фургон, а их спрятанные под капюшонами глаза играли белыми и янтарными переливами.

— Они тебя заметили? — спросил Толлер.

— Может быть, но ведь им до меня нет дела, разве что фургон пробуждает в их серых умах любопытство. Механические повозки здесь все еще редкость. Мое положение можно назвать привилегированным.

— Расскажи об их армии. Как она организована? И чем вооружена?

— Толлер Маракайн, у дальнемирцев нет армии в твоем понимании этого слова. Мировому государству уже больше ста лет, и благодаря симбонитам междоусобицы давно изжиты. Но есть огромная организация с названием, которое проще всего перевести как «гражданская служба».

Она беспрекословно берется за любые задачи, такие, например, как борьба с наводнениями, вырубка леса, строительство дорог…

— Значит, они не обучены воевать?

— Отсутствие боевых навыков восполняется численностью, — ответила Сондевира. — Повторяю, они очень сильны физически, хотя изящной их осанку не назовешь.

Илвен Завотл отвлекся от мысленного созерцания огня, испепеляющего внутренности.

— Они не похожи на нас, и все-таки… как бы это выразить… я вижу больше сходства, чем различия.

— Наше солнце — вблизи центра галактики, где звезды расположены очень тесно. Вероятно, в этой части космоса все ныне обитаемые планеты были миллионы лет назад одновременно засеяны жизнью. Путешествуя по мирам, можно встретить на многих из них родственников человека.

— А что такое галактика? — спросил Завотл, положив начало целому граду вопросов. Астронавты жадно впитывали даровые знания, доставшиеся Сондевире от симбонитов и от природной человеческой проницательности, выросшей сверх вообразимого. Услышав, что каждый из сотен туманных водоворотов, видимых на ночном

небе, состоит, возможно, из миллионов и миллионов звезд, Толлер испытал головокружительный восторг с примесью горького сожаления. Вспомнилось, каким глупцом он себя выставил, бросив вызов неведомому космосу, а еще по сердцу разлилась скорбь, что рядом нет Лейна: кто, как не он, заслужил место на этом пиршестве разума?

Шипя и пыхтя, самодвижущийся экипаж пронизывал село за селом, как игла пронизывает бусины, и внезапно Толлер заметил, что среди пассажиров фургона только Бартан Драмме не вожделеет драгоценного общения с Сондевирой. Вопреки обыкновению он казался унылым и апатичным, даже не потрудился пересесть, чтобы из прорехи в тенте не капало за шиворот, и нянчил на коленях, как младенца, прихваченный с небесного корабля бурдюк бренди. «Может, его гнетут мысли о предстоящем бое? — подумал Толлер. — Или о том, что женщина, которую он взял в жены на Верхнем Мире, и это создание с талантами богини, — абсолютно разные существа? Может, он наконец понял, что прошлого не вернуть?»

— …но не так, как горит топливо в печи, — объясняла Сондевира. — Соединяясь друг с другом, атомы легчайшего солнечного газа образуют более тяжелый газ. При этом выделяется огромная

энергия, она-то и заставляет солнце светиться. Увы, сейчас я не в состоянии растолковать как следует. Чтобы выразить основные концепции и принципы, нужно время…

— А если попробовать беззвучным голосом? — спросил Толлер. — Как ты объясняла, когда мы летели в вакууме?

Сондевира посмотрела на него через плечо.

— Это, конечно, было бы проще всего, но я боюсь входить в телепатический контакт. Я вам уже говорила: симбонитам всегда известно, где я нахожусь. Чем ближе я к их космолету, тем больше они мной интересуются, потому что стоянка корабля — единственное место на планете, куда мне заказан путь. Как только они уловят хоть малейший признак телепатической активности, ко мне будет применено физическое воздействие. Боюсь, это произойдет довольно скоро.

— Надо было им уничтожить корабль. — Из голоса Беризы все еще не выветрилась враждебность.

— Так-то оно так, но ведь они не в состоянии узнать, сколько еще симбоновых спор на Верхнем Мире ждет встречи с людьми. — Сондевира улыбнулась Беризе: дескать, я понимаю, что твоя озабоченность не имеет ничего общего с

ревностью. — Кроме того, строительство корабля потребовало немалых жертв.

— Могут быть новые жертвы, и не только с их стороны.

— Знаю, — кивнула Сондевира. — Я вас с самого начала предупреждала.

Глава 18

Внезапно фургон повернул влево, и через несколько мгновений гладкая мостовая сменилась буграми и ухабами. Повозка завиляла и запрыгала, колеса откликнулись возмущенным лязганьем и скрипом. Толлер встал на ноги, сдвинул парусину и глянул вперед через плечо Сондевиры. Оказалось, они съехали с дороги и теперь катят прямо по луговому дерну. Сквозь дождевые брызги на стекле кабины виднелась почти прямая линия горизонта. Кругом стелилась обыкновенная пустошь, примечательная разве что россыпью невысоких конических деревьев.

— Далеко еще? — спросил он.

— Не очень, — ответила Сондевира. — Миль двенадцать. Будет трясти, но ничего не поделаешь — надо спешить. Пока мы ехали по шоссе, у симбонитов не было серьезных оснований для

тревоги, но теперь… — У нее вдруг перехватило дыхание, рычаг выскользнул из ладони, и повозку бросило в сторону. Подчиненные Толлера дружно выпрямили спины, руки дернулись к оружию.

— Что-то не так? — спросил Толлер, уже догадавшись, что произошло.

— Мы разоблачены. Объявлена тревога. Раньше, чем я ожидала. — Голос ее звучал бесстрастно, чего нельзя было сказать о шуме двигателя и колес, когда она до упора отжала рычаг переключения скоростей.

В душе у Толлера шевельнулось старое захиревшее возбуждение.

— Ты хоть немного представляешь, что там впереди? Укрепления? Оружие?

— Представляю, но, боюсь, слишком слабо. Дальнемирские симбониты пуще глаза берегут свои секреты. Насколько мне известно, космолет находится в естественном укрытии — древнем метеоритном кратере, обнесенном по краю высоким забором. Еще там должны быть охранники… Сколько их, не знаю, а вооружены они, кажется, мечами и пиками.

— Луков со стрелами нет?

— Особенности телосложения не располагают

туземцев к применению лука и вообще метательного оружия.

— А как насчет огнестрельного?

— На этой планете не растет бракка, а познаний в области химии у дальнемирцев еще недостаточно, чтобы изобрести искусственную взрывчатку.

— Звучит весьма отрадно. — Врэйкер подмигнул Толлеру. — По-моему, с охраной у нас не возникнет особых хлопот.

— При нормальном течении событий вообще не от кого было бы охранять корабль, разве что от крупных диких зверей, — сказала Сондевира. — В одиночку я бы не рискнула к нему приблизиться. Вдобавок у симбонитов не было провидца, способного предугадать визит верхнемирского космолета не через пять-шесть веков, а сейчас. — Она улыбнулась, и голос потеплел. — С точки зрения симбонитов — резонеров до мозга костей — таких, как вы пятеро, во вселенной просто не существуют.

Врэйкер ухмыльнулся:

— Довольно скоро они поймут, что жестоко ошибались.

Толлер нахмурился.

— Рано праздновать победу. Сколько им понадобится времени, чтобы прислать войска?

— Не знаю. — Сондевира на секунду-другую задумалась. — На севере ведутся большие дорожные работы, но где именно, сказать не берусь.

— Почему? Когда мы были в тысячах миль отсюда, в космосе, ты легко узнавала наше местоположение.

— Между нашими разумами — естественная и очень крепкая связь, потому что мы — из одной ветви человеческой расы. Дальнемирский мозг для меня не так ясен.

— Понятно, — произнес Толлер. — Стало быть, заранее выбрать тактику мы не можем. Тогда у меня последний вопрос… насчет самого корабля.

— Смогу ли я им управлять? Да, безусловно.

— Несмотря на то что ни разу в жизни не пробовала это делать?

— Это опять же нельзя объяснить… даже с помощью телепатии. На корабле нет механизма ручного управления, но если ты понимаешь принципы действия космолета, он выполнит все, что ты ему прикажешь. А без этих необходимых знаний он не сдвинется с места ни на дюйм.

Толлер погрузился в молчание, снова подавленный мыслью, что за вполне обычным обликом и поведением этой женщины кроется загадочный сверхразум. Не будь на то воля Сондевиры,

астронавтам вовек не найти бы с ней общего языка; она просто-напросто снизошла до них, как убеленный сединами мудрец снисходит до игры с двухлетним младенцем.

Он повернул голову к Бартану и снова заметил, что молодой человек выглядит очень странно: лицо задумчивое, если не сказать — угрюмое, взгляд не отрывается от затылка Сондевиры. Почувствовав, что на него смотрят, Бартан изобразил кривую улыбку и поднес к губам мех с бренди. Толлер хотел было остановить его, но юноша так на него зыркнул, что протянутая рука сама собой повернулась ладонью кверху. «Размяк, — подумал о себе Толлер, принимая бурдюк и делая внушительный глоток. — А что, пора уже, наверно…»

— Эй, Сонди, — проговорил Бартан, как показалось Толлеру, с вызовом, — согреться не прочь, а? Как насчет глоточка бренди?

— Нет, Бартан, спасибо. Это не настоящее тепло, да и вкус противный…

— Ну еще бы, — усмехнулся Бартан, больше не тая раздражения. — А чем ты тут освежалась, позволь спросить? Нектаром и росой? Когда вернемся на ферму, всего будет вдоволь: и росы, и нектара. Только, надеюсь, ты не станешь возра-

жать, ежели я предпочту напитки покрепче.

Сондевира бросила на него умоляющий взгляд.

— Бартан, ты, конечно, вправе требовать, чтобы мы объяснились, но я бы предпочла кое-что сказать наедине…

— Сонди! Мне нечего скрывать от друзей. Давай, милая, объясни нам, что постель принцессы — не для деревенского мужика.

— Бартан, я тебя прошу, не мучай себя понапрасну. — Сондевира выглядела смущенно, она бы охотно понизила голос, если бы не грохот несущегося на всех парах фургона. — Я очень изменилась, но люблю тебя по-прежнему. И все-таки мы не сможем быть мужем и женой, потому что… потому что…

— Почему?

— Потому что у меня высший долг — перед всем человечеством Верхнего Мира. Я не желаю лишать мой народ эволюционного будущего. Если я дам начало династии симбонитов, они непременно поднимутся над обычными людьми и вытеснят их в небытие.

Бартан обмер от потрясения, как будто ожидал услышать что угодно, только не это. Но ему хватило сообразительности сразу придумать выход:

— Но ведь не обязательно иметь детей. Есть же

способы… непорочная любовь, например, и уйма всяких других… И вообще, на что мне сдалась орава шумных сопляков…

Сондевира невесело рассмеялась.

— Бартан, кого ты хочешь обмануть? Думаешь, я забыла, как ты мечтал о детях? Милый, если повезет и ты вернешься на Верхний Мир, у тебя будет одна дорожка к счастью: взять в жены нормальную девчонку и обзавестись потомством, тоже нормальным, а не помесью бог знает с чем. Поверь, такой удел стоит того, чтобы за него сражаться.

— Такой удел — не для меня, — хмуро проговорил Бартан.

— Милый, тебе не придется выбирать. — Она умолкла — повозка оглушительно загрохотала на трудном участке пути. Когда шум поубавился, Сондевира спросила: — Ты что, забыл о здешних симбонитах? Если мы сумеем угнать корабль и возвратиться на Верхний Мир, они построят новый и прилетят за мной. Они ни за что не позволят мне родить ребенка. Я убеждена, что на втором корабле будет страшное оружие, и симбониты не задумываясь пустят его в ход.

— Но… — Бартан провел ладонью по наморщенному лбу. — …Но ведь это ужасно! Сонди, что

же делать?!

— Допустим, через час я останусь жива… Тогда у меня один выход: взять корабль и странствовать по галактике или даже по разным галактикам, там, куда дальнемирским симбонитам не дотянуться. Мне будет очень одиноко, но нет худа без добра; я многое увижу, прежде чем умру.

— Я полечу с… — порывисто начал Бартан и тотчас умолк, в глазах отразилась мука. — Нет, Сонди, не смогу! Я умру от страха. Выходит, я тебя уже потерял…

Толлер знал, что слышит нормальный голос Сондевиры, но слова падали в глубь его существа, и каждая клеточка мозга отзывалась многоголосым эхом, как при телепатическом диалоге, — эхом мечты, которую прежде он гнал от себя, примиряясь с ней лишь на краткие мгновения полетов реактивного истребителя вниз, сквозь игольчатые брызги солнца, навстречу опасности. Вот он — выход, о котором недавно Толлер даже помыслить не смел: до самой смерти идти только вперед, глазами, разумом и душой жадно поглощать все, чего он не знал прежде, — новые планеты, новые солнца, новые галактики; каждый день — что-нибудь небывалое, невиданное, неизведанное! Вот оно — будущее, для него

одного придуманное творцом вселенной; оно заливает своим сиянием червоточины в недрах его души, и он должен заявить о своем праве, сколь ни малы шансы услышать в ответ…

— А я бы полетел, — прошептал он. — Возьми меня с собой, пожалуйста.

Сондевира полуобернулась на водительском сиденье, и луч ее разума, точно луч прожектора, заскользил по его мыслям. Он безмолвно, оцепенело ждал ответа.

— Толлер Маракайн, я тебе уже говорила: твое оправдание полета на Дальний Мир неубедительно; Однако причина твоего желания покинуть его вызывает у меня сочувствие. Я не хочу ничего обещать, ведь через несколько минут все мы, возможно, погибнем, но если ты все-таки отобьешь у симбонитов корабль, вселенная будет твоей.

Толлер заморгал, чтобы удержать слезы, и не сказал — выдавил, превозмогая судорогу в горле:

— Спасибо.

Вал кратера оказался низким, он почти сливался с окружающей равниной и нигде не поднимался выше горизонта. Скудость освещения вкупе с дождевой завесой сводила видимость почти на нет, и до стоянки космолета оставалось не больше мили, когда наконец Толлеру удалось заметить

оборонительное сооружение — высокую ограду, о которой предупреждала Сондевира. С такого расстояния ее тусклый серый эллипс был едва различим, но подзорная труба, почти бесполезная из-за тряски фургона, все-таки показала Толлеру темное утолщение предполагаемого входа. Оно и оказалось входом — несколько позже Толлер разглядел ворота, загороженные по меньшей мере двумя паровыми фургонами. Поблизости от них мельтешили крошечные черные пятнышки — дальнемирцы.

— Ворота трогать не будем, проломим ограду, — сказал он Сондевире, пряча подзорную трубу. — Можно еще сильнее разогнать фургон?

— Да, но на такой местности ось вряд ли выдержит.

— Придется рискнуть. Если не пройдем через ограду, то вообще никуда не пройдем.

Он повернулся к своим людям и сразу понял, что им не по себе — на его памяти так всегда бывало в последние минуты перед боем. У Бартана лицо так побледнело, что почти светилось, и даже Врэйкер с Беризой — знатоки искусства убивать с большого расстояния — излучали мрачность и неуверенность. Только Завотл, деловито проверяющий мушкет, казался невозмутимым.

— Ничего наперед не задумывайте, — посоветовал им Толлер. — Поверьте, в таком деле лучше всего довериться руке, держащей меч, — она сама все обдумает и сделает верный выбор. А теперь уберите с фургона чехол.

В считанные мгновения грубая ткань была сорвана и сброшена с кузова, который ужасающе кренился и подскакивал на ухабах. На легко одетых пассажиров обрушились потоки ледяной воды.

— А еще запомните вот что. — Толлер глянул на затянутые тучами небеса и состроил гримасу отвращения. — Уж лучше пасть в бою, чем жить в этом проклятом мире и постепенно превращаться в рыбу.

Наверно, шутка не заслуживала громкого хохота, которым ее встретили астронавты, но Толлер давно усвоил, что на поле битвы изящному юмору не место. Главное — он добился, чего хотел, навел необходимый психологический мостик между собой и отрядом. Он обнажил меч и встал за спиной Сондевиры, устремив взор вперед над крышей кабины.

Фургон двинулся вверх по склону кратера, и только теперь удалось разглядеть, что ограда являет собой частокол из металлических копий,

соединенных прочными перекладинами. Толлер хотел было крикнуть Сондевире, чтобы добавила пару, но тут же спохватился: в здешней технике она разбирается получше, чем он. В нескольких футах перед ним дымовая труба плевала в небо оранжевыми искрами; оглушительно лязгая и скрежеща, тяжелая повозка карабкалась на вершину вала. Вдалеке слева виднелись бегущие дальнемирцы, а за ними — большая серая полоса на земле. «Дорожные работы! — осенило Толлера. — Всего в миле!»

— Держись! — закричал он и вцепился в крышу кабины. Фургон врезался в ограду.

Целая секция забора сорвалась с фундамента и улетела в глубь огороженной территории. Грохот ее падения слился с ужасающим ревом двигателя и шипящим взрывом котла. Перед Толлером мгновенно выросла белая стена пара, затем фургон покатился вниз, в круглую впадину, посреди которой на платформе из каменных блоков стоял симбонитский корабль. Платформу окружал не то защитный ров, не то просто широкая дренажная канава. Рисуя в воображении инопланетный корабль, который олицетворял его будущее, Толлер ожидал увидеть что угодно, кроме этой невзрачной металлической сферы

на расширяющихся книзу ножных опорах, заканчивающихся поперечными дисками. Шар был добрых десяти ярдов в диаметре, верхнюю половину опоясывала цепь иллюминаторов. И ни единого признака люка!

В тот же миг Толлер заметил справа двух дальнемирцев в коричневом одеянии — они случайно оказались возле пролома и кинулись наперерез фургону. Хотя повозка двигалась теперь вниз по склону, она быстро теряла скорость, и дальнемирцы легко догоняли ее. Семеня вперевалку на коротких ножках, они напоминали цирковых клоунов; на бегу их капюшоны откинулись, и под дождем поблескивали голые черепа. У Толлера болезненно съежился желудок когда стало ясно, что они безоружны.

— Назад! — невольно рявкнул он, когда дальнемирцы настигли повозку.

Первый прыгнул и ухватился за борт, второй устремился к кабине, протягивая к Сондевире могучую руку. Толлер рубанул сплеча, клинок глубоко вошел в череп, и дальнемирец рухнул без звука, оросив кровавой струей землю вокруг себя. Первый, напоровшись горлом на меч Врэйкера, исчез за бортом, только руки, судорожно стиснув дерево, остались на виду. Бериза и Врэйкер друж-

но взмахнули мечами и отсекли дальнемирцу почти все пальцы. Он упал и остался лежать, зато его друг с расколотым черепом, к изумлению Толлера, поднялся, простер руки и сделал несколько шагов к повозке, после чего осел на колени и ткнулся лицом в землю.

«До чего живучи! — подумал Толлер. — Эти карлики могли бы повергать великанов».

Фургон в последний раз лязгнул, содрогнулся и замер, окутавшись дымом и паром. Толлер обернулся к воротам — из них по двое и по трое выныривали дальнемирцы и устремлялись вниз по пологому склону. Толлер заметил несколько вспышек — эти туземцы были вооружены.

Сондевира, не обремененная вещами, оторвалась от спутников и побежала через канаву по простому деревянному мостику. Остальные поспешили за ней, чувствуя, как под ногами трясется настил. Едва Сондевира приблизилась к кораблю, наружу отошла на коленчатых петлях прямоугольная секция обшивки. Толлер остановился, чуть не поскользнувшись на траве, и вскинул мушкет.

— Не стреляй! — крикнула Сондевира. — Я открыла люк. Сейчас опустится трап, или… или… — В ее голос закралась нотка сомнения,

которой раньше Толлер у нее не замечал. Следя за направлением ее взгляда, он поднял глаза и увидел под люком пустые металлические крючья, и в этот миг солдатский опыт превзошел сообразительность сверхженщины: Толлер понял, что обычно на космолет поднимаются по приставному трапу. Похоже, кто-то додумался до простой и действенной меры предосторожности — убрать трап, преградив тем самым доступ к кораблю и дураку, и гению. Люк располагался в нижней полусфере, но от его края до платформы было по меньшей мере двенадцать футов — для типичного дальнемирца преграда почти непреодолимая. Но для людей…

— Фургон — через мост! — воскликнул Завотл. — Заберемся по нему!

— Его уже не сдвинуть, — ответила Сондевира. — Да и мост бы не выдержал.

— Ничего, и так дотянемся. — Толлер положил оружие на платформу. — Сондевира, тебе первой лезть, так будет вернее всего. Давай!

Он бросил взор на приближающихся туземцев и жестом подозвал Завотла, Бартана, Беризу и Врэйкера.

— Идите, удерживайте мост. Сколько удастся, пользуйтесь мушкетами, внушите этим уродцам,

что им лучше всего держаться подальше. И поглядите, нельзя ли сбросить мост в канаву.

Они поспешили к мосту, срывая на бегу сетки с шариками, внутри которых уже были соединены крошечные порции пикона и халвелла. Толлер встал под люком и протянул руки к Сондевире, а та, не медля, подошла к нему. Он обхватил ее за талию и посадил к себе на плечи — Сондевира при этом старалась помочь, скользя подошвами по его одежде. Наконец она встала на плечи Толлера и, обретя устойчивость, дотянулась до проема люка.

Тем временем передовые группы дальнемирцев приблизились на выстрел, и защитники моста открыли огонь. Первым залпом они уложили только одного из нападающих, но грохот выстрелов, усиленный акустикой естественного амфитеатра, поверг туземцев в замешательство. Пытаясь остановиться, они скользили, спотыкались друг о друга и кубарем катились по склону.

Толлер отвернулся от поля боя, чтобы просунуть руки под ступни Сондевиры и втолкнуть ее в люк. Нервы его вибрировали в ожидании залпа; промедление было мучительным. Стрелку требовалось выскрести из казенной части мушкета обрывки шарика и вставить новый — вот

почему Толлер не испытывал особого почтения к огнестрельному оружию.

Сондевира благополучно забралась в люк, а до дальнемирцев между тем начало доходить, что психологический эффект инопланетного оружия явно превосходит их потери. Размахивая короткими мечами, они снова рванулись вперед. Второй залп, на сей раз — с довольно близкой дистанции, уложил по крайней мере троих, но атака не захлебнулась.

— Найди веревку! — крикнул Толлер Сондевире.

— Веревку? На этом корабле веревки не нужны.

— Ну так найди хоть что-нибудь! — Толлер повернулся к мосту: по нему ломилась толпа дальнемирцев.

Воюя в одиночку со своим личным врагом, Илвен Завотл бросился к ним навстречу с мушкетом в левой руке и мечом в правой. В упор разрядив мушкет в выпяченный живот туземца, он почти мгновенно исчез среди суматошно мелькающих рук и клинков. Толлер громко всхлипнул, увидев залитое кровью тело старого друга, терпеливого труженика, разгадавшего столько тайн природы.

Через секунду грянули мушкеты, и на этот

раз дальнемирцы, наступающие по мосту узким фронтом, дрогнули. Толпа хлынула вспять, бросив раненых и убитых, но у края канавы остановилась, и там один из них — видимо, командир, — обрушил на прочих гневное стаккато непривычных верхнемирскому уху звуков. Отделенные от них мостом, где лежали в лужах крови убитые и в жутких судорогах бились раненые, трое пришельцев в лихорадочной спешке перезаряжали ружья.

Толлер подбежал к друзьям, то и дело оглядываясь на корабль. В темном проеме люка белел женский силуэт — Сондевира беспомощно взирала на сражение.

«Скоро я буду рядом с тобой», — молча поклялся он, отражая натиск внутреннего врага, куда более грозного, чем внешний, — натиск мысли о неизбежном поражении. Он подбежал к мосту сбоку и понял, что с самого начала не ошибся — мост состоял из нескольких бревен и свободно лежащих поверх них досок; все сооружение покоилось на двух каменных выступах из стен рва.

— Бериза! — прокричал он. — Бери мушкеты и постарайся стрелять почаще. Бартан, Дакан, ко мне!

Он опустился на колени, просунул руки под

крайнее бревно и напряг все свои силы. Бартан и Врэйкер тоже налегли, и втроем они скинули тяжелую сырую лесину в ров. Толпа дальнемирцев с воплями ринулась в новую атаку, но была встречена беглым огнем четырех мушкетов. Страх придал Толлеру и его помощникам сил, и в коричневую воду посыпались живые и мертвые люди. Толлер старался не смотреть на бело-красное пятно — труп Завотла.

Дальнемирцы с отчаянной храбростью бежали по последнему бревну, и Толлеру пришлось поднять меч. Врэйкер выпрямился раньше и рубанул переднего туземца сбоку по шее, отчего тот кувырком полетел в ров. Следующему Бериза всадила пулю в горло, и он опрокинулся на идущего позади. Они оба не удержались на бревне, но в последнее мгновение невредимый туземец швырнул меч, и тот назло вероятности почти по рукоять вошел Врэйкеру в живот. Раздался страшный булькающий хрип, но Врэйкер остался на ногах.

Толлер обогнул его, упал на колени и ухватился за последнее бревно. Он застонал от натуги, жилы на руках едва не полопались, но из-за веса дальнемирцев скользкое от ила бревно осталось на месте. Сквозь буханье крови в висках он едва

различил мушкетный выстрел, сквозь пелену на глазах — Бартана, орудующего перед ним мечом. Он толкнул бревно вбок, и оно пошло — сдвинулось на самый край выступа. «Скользкое, — сообразил Толлер. — Что ж это я сразу не...» Два дальнемирца уже рядом, но вот последний рывок — и бревно падает в воду. Звучный удар — туземец налетел на Бартана, острая боль — клинок задел Толлеру ухо; было бы хуже, не успей он отпрянуть назад.

Один далънемирец исчез вместе с бревном, но второй допрыгнул до каменного выступа и размахивал короткими руками, пытаясь вернуть равновесие. Врэйкер ткнул мечом в жирную физиономию, и туземец улетел в ров.

Бартан, бледный как полотно, зажимал рану в левом плече; между пальцами обильно сочилась кровь. Бериза стояла на коленях, ее проворные пальцы загоняли в мушкеты зарядные шарики.

Толлер обвел взглядом склон и над деморализованной толпой туземцев увидел толпу несравнимо большую — ее исторгали ворота на гребне кратера. Победа на мосту дала астронавтам время, однако выигрыш был мизерным, какие-то считанные секунды. Им еще предстояло забраться в люк, и в эти мгновения они будут по-

чти беззащитны. Толлер повернулся к Врэйкеру, мысленно спрашивая добродушного паренька, понимает ли он, что скоро умрет, что так и не напишет свой исторический труд? От рукояти дальнемирского меча по пропитанной дождем материи расползалось кровавое пятно, ноги подкашивались, но голос юноши остался спокоен и мягок.

— Толлер, зачем терять драгоценное время? Уходите, пока не поздно. Жаль, что не смогу составить вам компанию, но мне еще надо кое-что уладить с нашими негостеприимными друзьями.

Он повернулся и осел на колени у рва; меч опустился на гладкий камень. Бериза принесла и положила рядом с ним три заряженных мушкета. Юноша оглянулся, словно хотел ей что-то сказать, но она, не поднимая глаз, взяла четвертый мушкет, толкнула Бартана, чтобы вывести его из оцепенения, и побежала к кораблю.

Толлер ждал. Два дальнемирца разбежались и прыгнули, что есть сил суча ногами, чтобы пролететь подальше. Не имело значения, умеют ли они плавать, — он сам сбросил в ров бревна и доски. Вот еще одна причина оставить Врэйкера, который все равно обречен, и побыстрее укрыть-

ся на борту космолета. Будь ты проклята, мысль, что он бросает товарища!

Толлер повернулся и побежал к огромному таинственному шару, под которым его ждали Бериза и Бартан.

— Ни одной веревки! — донесся из темного отверстия в борту корабля крик Сондевиры. — Что делать?

— То же, что и раньше, — ответил Толлер. — Я смогу поднять Беризу и Бартана.

— А сам? Как же ты заберешься?

При звуке мушкетного выстрела у Толлера екнуло сердце.

— Спустите пояс от меча, я попробую допрыгнуть. — Он вложил меч в ножны и протянул руки к Беризе. — Полезай!

Она отрицательно покачала головой.

— Бартан ранен, без моей помощи он не то что в люк — на плечи тебе не залезет. Пускай он первым…

— Ладно, — оборвал Толлер и протянул руки к Бартану. Тот отшатнулся, как пьяный; снова грянул мушкет, и у Толлера лопнуло терпение. Зарычав, он обхватил молодого астронавта за бедра и подкинул вверх; Бериза помогла Бартану удержаться в вертикальном положении и ловко

подставила ему под ногу плечо, а там и Сондевира подоспела, чтобы втащить в люк упирающегося мужа.

На все про все ушло несколько секунд, но в этот отрезок времени уложились еще два мушкетных выстрела. Толлер обернулся и увидел, как взлетает и опускается меч стоящего на коленях Врэйкера: он рубил дальнемирцев, которые, вероятно, лезли по приставленным к стене рва бревнам. Драгоценный запас секунд, отбитых астронавтами у врага, таял с ужасающей быстротой.

Бериза закинула за спину мушкет и подступила к Толлеру вплотную. В один миг он схватил ее за талию, оторвал от платформы и помог встать на плечи. Ей не хватило роста, чтобы дотянуться до края люка, и несколько секунд она угрожающе раскачивалась, пока Сондевира и Бартан не схватили ее за руки и не подняли на корабль. За это время Врэйкер успел скрыться во рву, чтобы разделить могилу с Завотлом, а над ближайшим краем платформы поднялись четыре лысые головы. Помогая себе мечами, дальнемирцы карабкались по камням; на той стороне рва было уже яблоку негде упасть, казалось, по всему склону кишат коричневые насекомые.

Толлер заглянул в таинственное чрево космолета, казавшегося теперь столь же далеким, как звезды, на которых он надеялся побывать, и миновала вечность, прежде чем он увидел спущенный из люка кожаный пояс с петлей на конце.

Двое туземцев, более проворные, чем их товарищи, уже забрались на платформу и припустили к кораблю с мечами в руках.

Толлер прикинул, что времени ему остается лишь на один прыжок. «Быстрее, Толлер, быстрее!» — подхлестнула его мысль Сондевиры. Он присел и напрягся, слыша шлепанье босых ног и сопение, затем прыгнул и ухватился правой рукой за пояс. Но рывок был столь силен, что все трое его товарищей не удержались за свои опоры; Бериза наполовину выскользнула из люка и упала бы, если бы не выпустила пояс в последний момент — в тот самый момент, когда и Толлер разжал пальцы.

Его ступни еще не ударились о камень, а меч был уже наполовину обнажен. Но этого все-таки мало для столь невыгодной позиции — между двумя вооруженными противниками. Вылет клинка из ножен перешел в удар, отразивший меч переднего дальнемирца; при этом Толлер отскочил в сторону, уклоняясь от атаки сзади.

Ему бы это удалось, если бы он успел восстановить равновесие после прыжка сверху. Он опоздал лишь на долю секунды, но в горячке рукопашного боя она обернулась веком. Толлер крякнул от боли, когда в спину чуть выше поясницы ужалила дальнемирская сталь, и развернулся на каблуках; со свистом описав горизонтальный полукруг, меч обрушился сбоку на шею врага и почти напрочь снес голову. Туземец упал как подкошенный, из страшной раны забила алая кровь.

Толлер снова повернулся, надеясь таким же ударом достать и второго, но коренастый воин успел отступить — видимо, сообразил, что промедление ему на руку, еще несколько ударов сердца, и его сородичи окружат пришельца. Сквозь складки жира прорезалась торжествующая ухмылка, но ликование уступило место оторопелой гримасе, когда макушку пробила выпущенная Беризой пуля. Он как стоял, так и сел, пустив кверху багряный фонтанчик.

— Толлер, хватайся за мушкет! — закричал из люка Бартан. — Еще не поздно!

Но Толлер знал: поздно! Дальнемирцы почти рядом, он не успеет дотянуться до мушкета, как получит дюжину ран, если не больше. Что ж,

значит, не судьба… Отчего-то не хотелось, чтобы товарищи видели, как его будут убивать. Он скрылся с их глаз, отступил к центру нижней полусферы корабля.

Рана на спине почти не болела, но вот ноги не слушались. Как только волосы на макушке задели металлическое подбрюшье, он остановился, в последний раз принять боевую стойку, чтобы дорого продать свою жизнь… Ноги отказали, и он рухнул под дружным натиском врагов.

«Сондевира! — воззвал он, когда мокрые тела загородили свет, а удары стали попадать в цель. — Сондевира, не давай этим карликам радоваться… Уводи корабль… ради меня… пожалуйста!»

«Толлер, мы тебя любим! — прозвучало у него в мозгу. — Прощай!»

И вдруг, за секунду до того, как его тело было изрублено на атомы в схватке естественной и искусственной геометрий, Толлер Маракайн последний раз в жизни испытал торжество.

Ибо понял: ему совсем не хочется умирать.

И это открытие дарило радость.

Что лучше для человека: жить, когда он предпочитает умереть, или умереть, когда ему страстно хочется жить? Ответ был предельно ясен.

И еще одна мысль подарила ему утешение,

когда вокруг смыкалась кромешная мгла. Никто не осмелится назвать заурядной такую кончи…

Глава 19

Удаляясь от корабля, Бартан и Бериза непрестанно оглядывались. Когда они отошли фарлонга на два, он исчез. Только что на гребне низкого холма нахохлившейся птицей маячил тусклый серый шар, и вдруг на его месте — множество шаров, они сияют, расширяются, сжимаются и проникают друг в друга; даже солнце утреннего дня меркнет в их яростных лучах. Космолет взмыл в зенит, разогнался, и на миг Бартан увидел знакомую четырехконечную звезду. С каждого острия летели брызги радужного света, а в ее середке мельтешили разноцветные крапинки; но не успел Бартан приглядеться к ним, как прекрасная звезда поблекла на фоне огромного диска Мира, а потом и вовсе сгинула в бескрайней синеве.

От этого зрелища сумятица чувств превратилась в бурю; в душевной муке утонула боль раны на плече. И часа не минуло с той кровавой схватки на планете вечных дождей, когда на его глазах один за другим погибали друзья: Завотл, Врэйкер

и, наконец, Толлер Маракайн. Почему-то даже за мгновение до того, как Толлер рухнул под мечами дальнемирцев, Бартану не верилось, что этот исполин умрет. Он всегда казался бессмертным и непобедимым, словно для того и был рожден, чтобы идти сквозь бесконечную череду войн. Лишь в тот миг, когда Толлер попросил Сондевиру взять его в пустыню бесконечности, Бартану открылась опаляющая сердце правда: этот человек — не просто гладиатор. Но теперь уже не узнать, кем он был на самом деле. Даже не поблагодарить за спасенную жизнь. Слишком поздно.

И если бы только эта потеря… Сдерживая слезы, Бартан был вынужден признать, что жены у него больше нет. Сондевира — тоже великан, исполин разума, и Бартан ей не пара. Сондевира еще не улетела странствовать по галактике — ей понадобится несколько суток, чтобы проводить Типпа Готлона до родной планеты, — но все же она теперь дальше от Бартана, чем самая тусклая звезда. Его путеводная Гола мерцала и таяла, и дорогу судьбы застилал мрак…

— По-моему, дальше идти не стоит, — сказала Бериза. — Может, кто-нибудь согласится подвезти.

Бартан глянул из-под ладони на город, до его

окраины было мили две. Перед глазами все еще играли красками шары и звезды, но сквозь них различались тучи пыли, поднятые фургонами и всадниками на извилистой дороге. По близлежащим полям к астронавтам бежали крестьяне — несомненно, они заметили симбонитский корабль.

— Вот и хорошо, что свидетелей много, — сказала Бериза. — А то королю было бы нелегко поверить всему, о чем нам придется докладывать.

— Свидетелей?.. — промямлил Бартан. — А, свидетелей… Бериза вгляделась ему в лицо.

— И вообще тебе идти нельзя. Лучше сядь, я поправлю повязку.

— Ничего со мной не случится. Разве не видишь — у меня еще не кончилось лекарство от всех болезней. — Бартан отвязал от пояса бурдюк и взялся за пробку, но тут на его запястье легла рука спутницы.

— А ведь ты без него можешь обойтись, правда?

— Слушай, какого… — Он замолк, неожиданно для себя увидев в глазах Беризы не раздражение, а заботу. — Ну, вообще-то могу.

— Тогда брось. — Что?

— Давай, Бартан, бросай.

Ему вдруг пришло на ум, что его привычки уже давно никого не заботили. Глубоко вздохнув, он разжал пальцы, и кожаный бурдюк плюхнулся на землю.

— Ладно, все равно он почти пустой, — пробормотал Бартан. — А почему ты улыбаешься?

— Просто так. — На лице Беризы неудержимо расползалась улыбка. — Совершенно без причины.